

В.Л. Мальков

Россия
и
США
в XX веке

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF GENERAL HISTORY

V. L. Malkov

Russia and the United States in the 20th Century

*An Outline History
of Their Interstate
Relationship and Diplomacy
in Sociocultural
Context*

MOSCOW NAUKA 2009

В. Л. Мальков

Россия и США в XX веке

*Очерки истории
межгосударственных
отношений и дипломатии
в социокультурном
контексте*

МОСКВА НАУКА 2009

УДК 94(470+571)+(73)

ББК 63.3(2)6-6

М21

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект № 08-06-07043*

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.Н. Виноградов*,
доктор исторических наук *О.А. Ржешевский*

Мальков В.Л.

Россия и США в XX веке : очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте / В.Л. Мальков ; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. : Наука, 2009. – 495 с. – ISBN 978-5-02-036742-5 (в пер.).

В чем обнаруживают себя корневая система и своеобразие российско-американских отношений в XX в., чье развитие проходит через сменяющиеся с цикличной периодичностью конфликты, а порой и в тесном взаимодействии в моменты общей опасности? Ответить на этот ключевой вопрос истории и современности автор попытался в предлагаемой вниманию читателя книге. Особый алгоритм в отношениях двух стран в век революций, мировых войн и ядерного противостояния рассматривается в тесной связи с проблемами духовности, мироощущения американцев и русских как культурных общностей с присущими им сходством и различием. Именно такой ракурс позволяет понять многое в сегодняшних российско-американских отношениях и заглянуть в будущее.

Для специалистов и широкого круга читателей.

Темплан 2009-І-230

ISBN 978-5-02-036742-5

© Институт всеобщей истории РАН, 2009

© Мальков В.Л., 2009

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2009

Моим дорогим жене;
детям и внукам посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Политику сегодняшнего дня делают, конечно, министры, и делают ее тем пером, которое у них в руках. Но политику лет и десятилетий, а следовательно, в конце концов и судьбу народов делает не дипломатия, а реальное нравственное отношение народов, реальная их связанность или их разъединенность, которая в залоге у себя держит и войны и союзы.

Розанов В.В. Реальные силы и идеальные возможности в политике // В нашей смуте: Статьи 1908 г. Письмо к Э.Ф. Голлербаху. М., 2004. С. 290.

После вполне объяснимой и оправданной самокритики, сопровождаемой разбродом и импровизациями в отечественной теории и истории международных отношений, по-видимому, настало время обратить внимание на сопряжение логического и исторического в реконструкции ключевых моментов, относящихся к данной исключительно важной области истории современности. Более всего такого подхода требует к себе “тандем” Россия – США. Представляется в связи с этим, что воображение многих наших отечественных историков и публицистов оказалось в плену некоей умозрительной идеи-фантома. Согласно мироощущению ее сторонников, межгосударственные отношения и дипломатия в XX в. развивались в целом более или менее гармонично в форме линейного процесса, из которого неожиданно и трагически выламывалась Россия с ее судьбой, названной “русским апокалипсисом”. М.Я. Гефтер в последнем, напечатанном посмертно в “Литературной газете” интервью в полемике со своими чрезмерно увлекшимися изобличениями “советских мифов” заочными оппонентами тонко подметил ошибочность такого *отграничения* и противопоставления (в сущности, продиктованного вне научными интересами) одной страны-мутанта мировому процессу. Он говорил: «Вот мы зовем друг друга: давайте, друзья, овладеем общечеловеческими ценностями и войдем в этот мир, но при этом многие забывают о сугубой неоднозначности этого мира. Я бы сказал – о трагической неоднозначности, потому что, чем более мир связан, скован этой всякого рода взаимозависимостью – от сверхзвукового лайнера до ядерной бомбы, – тем резче выступает несовпадение ритмов, образов жизни, способов жить и т.д.

Причем эти несовпадения всё не составляют, если вдуматься, минусовой стороны человеческого существования, наоборот – это непочатый плюс, еще не использованный источник. Ибо развитие в настоящем смысле, какой бы сферы мы ни коснулись, все-таки движется различиями, а не сведением к общему знаменателю, где оно может застыть. “Остановись мгновенье” – совсем не окрыляющая фраза»¹.

Эти мысли перекликаются с давно поставленным и даже частично решенным вопросом (увы, его разработка оказалась затруднена отчасти по причине чисто административных усилий “руководящих инстанций”, а отчасти по причине давления супердержавного синдрома, сковавших исследовательскую мысль) о том, что историк обязан максимально раздвинуть поле своего обзора, не “застрывать” на “ближнем плане” межгосударственных отношений, а идти к самым удаленным их истокам и корням. Это не делает жизнь исследователя спокойной. Но только тогда удастся воссоздать в известном приближении к истине картину взаимодействия отдельных стран друг с другом и дать ее прогноз на будущее, когда мыслимая модель учитывает и контекст конкретной эпохи, и сформировавшиеся за многие десятилетия поведенческие стереотипы и, наконец, исходный фактор – человеческий материал. Речь таким образом идет порой о предметах неуловимых для “невооруженного глаза”, но играющих подчас доминантную роль в критических эпизодах национальной истории и межгосударственных отношениях.

Отчасти, возможно, именно здесь и кроется разгадка тайны “несчастливого цикла”, как выразился американский историк У. Мид, который прошли на протяжении XX в. Россия и США в своих межгосударственных отношениях². Всегда в их структуре присутствовали не только компоненты геополитического, экономического и идеологического порядка, но и различные системы представлений, мера постижения (или искажения) мотивов противоположной стороны. Поднимая эти вопросы, историк сотни раз столкнется с “несовпадениями” и неоднозначностью, о которых говорил Гейфтер, и они не будут казаться ему проклятием только одного какого-нибудь “избранного” народа. При этом всякий, отдающий себе отчет в том, что его поисковым возможностям и жизненным ресурсам длительные процессы и изменчивость в большей мере неподвластны, должен признать условность, релевантность (по крайней мере, небезоговорочность) своих оценочных суждений и в отношении длинных и коротких периодов во

¹ Литературная газета. 1996. 17 янв. С. 15.

² См.: Foreign Affairs. 2008. Vol. 87. Mar.–Apr. № 2. P. 160.

взаимосвязях между государствами и, конечно же, в отношении национальной истории соответствующих стран, особенно тех ее сторон, которые проявляются в национальном менталитете, исторической памяти народа, его представлениях о безопасности, образе “другого”, традиционном восприятии внешнего мира и т.д. Следовало бы прислушаться к совету М.А. Барга – отказаться от дидактики, фактологической аргументации и, как он писал, “осознать то обстоятельство, что история имеет в первую очередь теоретическое значение”³. Увы, полезные советы по большей части остаются невостребованными.

Приведем только один пример попытки преодолеть “пробел в понимании” лихим кавалерийским наскоком, без желания вникнуть в характер происшедшего в середине XX в. культурного надлома, повинуюсь которому правительства великих держав выстраивали свою политику, откликаясь на чувство небезопасности у больших масс людей и подчиняя их блоковым интересам в связи с общей угрозой фашизма или с ядерным шоком, что стало непосредственной причиной холодной войны. П.А. Сорокин в статье, опубликованной в 1967 г., писал о “полной деморализации” элит власти как на Западе, так и на Востоке⁴. Однако авторы в вышедшей книге “Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг.” (М., 1995) В. Батюк и Д. Евстафьев рисуют ситуацию в одном цвете. Они пишут: “Таким образом, после 1949 г. американская дипломатия столкнулась с ситуацией, когда у Вашингтона фактически не было политики по отношению к Советскому Союзу. И страх американцев перед русским медведем в начале 50-х годов как раз и объяснялся, на наш взгляд, тем, что американская правящая элита с ужасом ощутила в тот период отсутствие каких бы то ни было рычагов влияния на Москву. Результатом стало принятие в 1950 г. пресловутой директивы СНБ-68, основные положения которой на долгие годы стали определять политику США в отношении СССР. Следуя этой директиве, американские политики при выработке своей политики в отношении Москвы стали исходить не из намерений советской стороны (чьи намерения были объявлены изначально враждебными), а из ее возможностей, рассчитанных к тому же по наихудшему сценарию” (с. 49, 50). “Нет политики”, “страх перед медведем”, “ужас от отсутствия рычагов влияния” – и это после создания Соединенными Штатами уже к 1946–1948 гг. превосходящего все известное ранее *наступательного* ядерного оружия и средств

³ Барг М.А. Эпохи и идеи. М., 1987. С. 322.

⁴ Сорокин П. О русской нации. Россия и Америка: Теория национального вопроса. М., 1994. С. 36.

его доставки, провозглашения “доктрины сдерживания”, “доктрины Трумэна” и “плана Маршалла”, “закладки” Организации Североатлантического договора (НАТО) и формирования основных региональных военных блоков, создавших по всему периметру границ СССР мощные плацдармы для нанесения ядерных ударов⁵.

Хорошо тому, кому все ясно: “То, что холодную войну начал И.В. Сталин, бесспорно”, – пишут наши авторы (с. 171), ни в чем не сомневающиеся и уж, конечно, не желающие “поставить себя под вопрос” (как говорил известный философ М. Мамардашвили). Здесь нет и намека на представление “о сугубой неоднозначности мира”. Оценка дана даже без выяснения (элементарного) причинно-следственного, а тем более синхронистического ряда (который выдающийся отечественный историк Б.Ф. Поршнев давно предлагал считать “всемирно-историческим методом”), т.е. без рассмотрения судеб народов и стран в их одновременной (синхронистической) связи. Причем речь должна идти не о простой интерференции (наложении) различных независимых единиц-отношений, событий, конфликтов и т.д., а о сложном диалектическом взаимодействии-переплетении, из которого создается особый внутренний и внешний мир народа и страны, существующих в пределах определенных географических, геостратегических, этнолингвистических и социокультурных границ. Во все эпохи, говорил Б.Ф. Поршнев, царил цепной вид всемирности, а его индикатором были войны как горячие, так и холодные. Следует ли в связи с этим подходить к их происхождению или итогам с мерками, применимыми разве что для обмера изолированных штучных объектов? Ведь справедливо говорят, что Соединенные Штаты, например, подталкивались “в спину” к усилению напряженности с СССР союзниками и клиентами США (Англией, Францией, Италией), боявшихся прихода к власти коммунистов – орудия “восточного деспотизма”. Вспомним Аденауэра. То же самое можно сказать и о СССР. Вспомним Китай, КНДР, Египет, Кубу и т.д. Вывод: даже внешняя политика сверхдержав формировалась, так сказать, *коллективно*, т.е. Белым домом и Кремлем плюс руками тех, кто был либо как-то связан с ними, либо целиком зависим от них, что делало сверхдержавы, в свою очередь, зависимыми от длинного ряда “посторонних” причин и обстоятельств.

⁵ О разработке в США в 1945–1946 гг. планов окружения и ядерного “обезоруживания” СССР убедительно рассказано в работах Г. Геркена и многих других американских исследователей (см.: *Herken G. The Winning Weapon*. N.Y., 1980; см. также его недавно вышедшую большую работу: *Геркен Г. Братство бомбы: Подробная и захватывающая история создания оружия массового поражения*. Пер. с англ. М., 2008. С. 225–231).

Стоит напомнить рассуждения Б.Ф. Поршнева о синхронии и диахронии и об аналогии истории международных отношений с шахматной партией. Совершенно по-разному смотрят за партией наблюдатель, следивший за ней с первых ходов, и тот, кто пришел оценить положение в какой-то определенный критический момент. Последний может быть ошеломлен расстановкой фигур, первый подготовлен к ней логикой развития партии, свидетелем которой он был с самого начала. Хотелось бы подчеркнуть, возвращаясь к этому примеру, что в каждый момент каждая фигура имеет, условно говоря, свою биографию, свою судьбу и, следовательно, свою *значимость*, однако все они находятся в системе равновесия или неравновесия, и стоит только одной фигуре переместиться, как предшествующая ситуация в чем-то, где-то и как-то изменится. Историк, объясняющий перипетии внешней политики, должен досконально разбираться в этой динамике, видеть ее исходный момент и развитие. Как бы продолжая “шахматный этюд”, Л.Н. Гумилев говорил в связи с этим о том, что соразмерность фактов становится ясной лишь тогда, когда они сведены в причинно-следственный ряд в одном масштабе. Только в этом случае, подчеркивал он, нейтрализуется тенденциозность историка или его малая осведомленность⁶.

Все, что было сказано выше, позволяет сформулировать задачу исследования. Его фокус приходится на ключевые этапы в сложной эволюции отношений России (СССР) и США в эпоху войн, революций и чередования мировых систем в XX в. Это попытка обращения к корневой системе этих отношений, попытка анализа различного рода непрямых (но и невторостепенных) факторов, влияющих на внешнюю политику и дипломатию двух ведущих держав в XX столетии и проявлявшихся в том или ином состоянии национального духа, в национальной ментальности и характере, в культовых представлениях и личных качествах политиков и духовных лидеров. Сегодня уже нельзя изображать международную политику новейшего времени и как часть ее отношения между Россией и США вне цивилизационного контекста в масштабе всемирности с присущими ей переходами и поворотами, сменой поколений, их неоднозначного вклада в реальную “связанность или разъединенность” двух народов. Иными словами, в поле исследования находятся не только силовые пропорции и дипломатическое маневрирование, но и “теневые” и совсем даже не отложившиеся

⁶ Историческая наука и некоторые вопросы современности / Отв. ред. М.Я. Гефтер. М., 1969. С. 323.

в летописи событийной истории явления, процессы, подспудно возникавшие импульсы, создававшие равновесие или неравновесие в межгосударственных отношениях, питавшие подозрительность и страхи, предания и предубеждения, симпатии и антипатии в отношениях между вчерашними партнерами и союзниками. Они могут быть и не связаны напрямую с намерениями правительств, их планами, воплощенными в геополитических замыслах и дипломатических акциях. Но их вес и значение дают себя знать постоянно. В эпоху массового общества, как справедливо заметил К. Манхейм, возникают особые закономерности, влияющие на механизм истории, характер конфликтов и способы их разрешения.

Основополагающим принципом для автора настоящей монографии, структурно представляющей собой серию подчиненных единой концептуальной идее очерков по истории русско-американских отношений и дипломатии в XX в., является признание важного значения постоянства многих черт (констант) российской и американской истории. Преломляясь в общественных настроениях и во внешнеполитической деятельности верхов, они приобретают форму сквозных линий, которые наряду с экономическим и геополитическим интересами управляют исторической преемственностью во внешнеполитической практике и дипломатии. И в первую очередь здесь должны быть названы особенности национального самосознания, культурные традиции, поведенческие стереотипы. В научной литературе данному аспекту проблемы уделяется сегодня все больше внимания, но фактически неисследованное пространство сужается медленно.

Следует, однако, отчетливо видеть всю сложность исторической реконструкции общественных настроений в связи с внешнеполитической проблематикой, и конкретно, с таким ее специфическим сегментом, как отношения между Россией и США на протяжении жизни многих поколений. Всегда есть опасность в оценке данного изменчивого явления впасть в произвол, оказаться в плену политической конъюнктуры, пристрастной и избирательной по определению. Между тем национальная мысль развивается одновременно по многим направлениям. Она к тому же расслаивается на подсистемы. Множатся оттенки политического мировидения, самоосмысления, изменяется состав морально-нравственных идей и критериев, усиливается или наоборот ослабевает религиозно-конфессиональное влияние, в процесс национальной духовной жизни вовлекаются новые социальные слои и этнические группы. И все эти многочисленные течения еще и дробятся по признаку противоположности. Но при этом есть еще и единство

народной жизни, коллективная идентичность, чувство принадлежности к целому, которые так или иначе проявляют себя в поворотные моменты истории страны и ее взаимодействия с другими странами мирового сообщества⁷.

Книга охватывает период с конца XIX в. до последних десятилетий XX в. Она написана в значительной мере на базе новейших исследований и документальных публикаций. Здесь нет возможности перечислить и проанализировать многочисленные труды отечественных и зарубежных авторов. О многих из них специально сказано в соответствующих разделах книги без попытки раздать их авторам оценки, исходя из шкалы достоинств и недостатков. В значительных объемах использованы фонды государственных архивов России и различных архивных коллекций США – от местных архивов, президентских библиотек до рукописных фондов Национального архива, Библиотеки Конгресса, хранилищ университетских библиотек. Широко использована пресса и научная периодика. Автор с удовлетворением констатирует, что в последние десятилетия своей самоотверженной работой по выявлению новых архивных источников заявила о себе плеяда известных отечественных историков и архивистов, работающих в области русско(советско)-американских отношений – И.В. Гайдук, Л.Я. Гибианский, Н.И. Егорова, В.И. Журавлева, Э.А. Иванян, С.В. Листиков, М.Ю. Мягков, Д.Г. Наджафов, М.М. Наринский, В.О. Печатнов, О.А. Ржешевский, В.В. Романов, Г.Н. Севостьянов, В.В. Соколов, А.С. Стыкалин, А.И. Уткин, А.А. Фурсенко, А.М. Филитов, В.К. Шацло, А.О. Чубарьян и др. Их труды, посвященные тем или иным аспектам главной темы, заслужили признание мировой научной общественности. Благодаря введению ими в оборот новых источников открываются различные возможности для продолжения исследовательской деятельности в такой исключительно актуальной и конфликтной области современной истории, каковой являются русско-американские отношения.

Автор считает своим долгом также выразить благодарность зарубежным коллегам и среди них Л. Гарднеру, Д. Фоглесонгу, Э. Галили, Л. Хеймсону, архивистам, библиотечным работникам, сотрудникам издательства “Наука” и моей жене Ирине Константиновне Мальковой за поддержку и помощь в подготовке книги к печати. Разумеется, за все имеющиеся в ней недостатки ответственность несет он сам и никто иной.

⁷ Этот вопрос рассматривается в ряде специальных исследований, см.: История ментальностей, историческая антропология / Сост. Е.М. Михина. М., 1996; *Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. N.Y., 1995.*

Глава I

ПЕРЕХОД К ИНДУСТРИАЛИЗМУ: ОТ “СЕРДЕЧНОГО СОГЛАСИЯ” К КОНФРОНТАЦИОННОСТИ

“...Такой истории не знала Европа”

Одним из первых, кто заявил, что корни идеологии холодной войны на Западе переплелись со старой антирусской традицией, был известный дипломат и историк Джордж Фрост Кеннан. Уточняя свою мысль, он писал, что объяснение следует искать в “неспособности к постижению подлинной России”, конфликтной природы жизни ее народа¹. В конкретных условиях конца XIX – начала XX в., полагает современный исследователь, ко всем сложностям стоит добавить еще и обострение соперничества России с другими державами, с Великобританией, Германией, Японией и постепенно, но решительно втянувшимися в этот квартет Соединенными Штатами Америки. Оно распространялось на значительное пространство – Афганистан, Китай, Иран, Балканы, Ближний Восток². Возникновение очагов конфликта сопровождалось пропагандой и культивированием русофобии на Западе, которая стала проникать на страницы американской печати, все дальше уходившей от дружественных излияний в адрес России периода Гражданской войны.

Глава иной школы исследователей культуролог Джеймс Х. Биллингтон, напротив, концентрирует внимание исключительно на распространении “воинствующего национализма” в России во второй половине XIX в. и его соподчинении практическим целям российской официальной политики. Усилиями “исключительно

* *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя, 1881 // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1988. Т. 27. С. 10.

¹ *Kennan G.F.* Memoirs 1925–1950. Boston; Toronto, 1967. P. 528, 529.

² *Рибер А.Дж.* Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 95.

русской партии” М.Н. Каткова он предстал перед взором российского и западного обществ как призыв к современному крестовому походу против “Романо-германского Запада, а заодно и язычников – турок”. Особый недружественный резонанс, как это вытекает из рассуждений Биллингтона, вызвал выход в свет в 1868 г. первых разделов сочинения бывшего петрашевца Н.Я. Данилевского “Россия и Европа”, изданного отдельной книгой в 1871 г.³ Внося в оценку вызванной появлением книги Данилевского дискуссии (в России и за рубежом) мотив идеологической конфронтационности холодной войны, Биллингтон называет ее отражением официальной идеологии “нового империализма панславизма”, чья откровенно “экспансионистская” сущность не могла не вызвать соответствующего дружного отпора Запада⁴.

То, что реакция на Западе на книгу Данилевского была единой, сомнений не вызывает: там были убеждены, что Россия делает заявку на мировую гегемонию. Появившиеся тогда сочинения основателей геополитики именно так и трактовали экспансию России в Азии и на Дальнем Востоке. Но в сделанных ими выводах была только часть истины. Это, в частности, относится и к суждениям А. Рибера и Дж. Биллингтона. Каждый из них в чем-то прав и неправ одновременно. Но так или иначе все это имело прямое отношение к формированию образа России конца XIX – начала XX в. в глазах американцев. Идеи Данилевского, растиражированные российской и европейской прессой и послужившие предметом ревностного внимания в Европе и Америке, обнажают всю сложность и противоречивость этого восприятия, ставшего источником искренних заблуждений и преднамеренных искажений, сочувствия, непонимания и даже возмущения.

Меньше всего политикам на Западе импонировал отказ Данилевского принять побеждающие на Западе универсалистские концепции цивилизационного развития и его претензии на осознание особого русского пути. Раньше многих почувствовав, что идея подчинения Западу, однолинейности развития мировой истории не выдерживает активного соприкосновения с действительностью, он поделил его на чередующиеся, замкнутые культурно-исторические типы. Но речь шла, пояснял в свое время Н.А. Бердяев, не столько о миссии России в мире (о чем было принято рассуждать в среде идеалистов-славянофилов), сколько об образовании из России особенного культурно-исторического

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2003.

⁴ Биллингтон Д.Х. Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 467, 468.

типа⁵, о разнокачественности национальных культур, этнокультурных сообществ, многообразии жизненных укладов.

Сам Н.А. Бердяев, прослеживая развитие русской мысли конца XIX – начала XX в. и говоря о Данилевском, подметил нечто, оставшееся незамеченным многими исследователями: идеи Данилевского были *срывом* в осознании русской идеи⁶. Бердяев находил логичным именно такой ход мыслей. Уже после Второй мировой войны (что само по себе примечательно) он сделал ударение на ее двойственной природе, не скрывая своего сдержанного отношения к романтической восторженности по поводу постулата, что русский народ – народ богоизбранный, народ будущего. Подвластны ли ему разрушительные силы, подточившие Запад? На этот вопрос, полагал Бердяев, история не дала ответа, тем более что “это сознание всегда сопровождается пессимистическим чувством русских грехов и русской тьмы, иногда сознанием, что Россия летит в бездну”⁷.

Современные исследователи творчества Н.Я. Данилевского⁸ не всегда улавливают связь его мировоззрения с этой поляризованностью природы русского человека, его сознания, со всей онтологической подосновой русского парадокса, со всем тем, что подвинуло автора теории культурно-исторических типов перенести центр тяжести своих рассуждений о культурных и политических отношениях “славянского мира к германо-романскому (европейскому)” на феномен исторической индивидуальности, на тезис о несхожести разнородных цивилизаций и авансировании культурного вклада славянской цивилизации в историю после раскрытия всех ее духовных задатков. Что скрывал такой подход? Оправдание панславизма, как это отмечалось и отмечается во многих критических комментариях западных авторов в последующие за выходом книги Данилевского десятилетия? И хотя данный вывод многим современным авторам представляется самоочевидным⁹, его нельзя считать бесспорным. И дело не в том,

⁵ О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 99. Книга Данилевского “Россия и Европа”, печатавшаяся по частям с 1868 г., оказала сильное влияние на значительную часть русского образованного общества. А.Н. Майков писал Ф.М. Достоевскому из Петербурга в феврале 1868 г.: «Этот Данилевский – Вы его знаете – бесподобная голова. Он написал книгу листов в 25 под заглавием “Россия и Европа”. Тут и история, и политика, и Восточный вопрос. Представьте себе: методы естественных наук, приложенные к истории, – прелесть, что такое! Это будет капитальное явление...» (цит. по: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 28, ч. 2. С. 469).

⁶ О России и русской философской культуре. С. 100.

⁷ Там же. С. 105.

⁸ См.: *Пивоваров Ю.* Споры о Данилевском // Рубежи. 1996. № 5, 6.

⁹ *Fadner F.* Seventy Years of Panslavism in Russia. Karamzin to Danilevsky 1800–1870. Georgetown, 1962.

что в наследии Данилевского следует прежде всего видеть плодотворное в научном смысле применение пространственно-временного принципа.

Главное же, пожалуй, в том, что Данилевский относил Россию (славянскую цивилизацию) как культурно-исторический тип к категории *уединенных* (или близких к ним) цивилизаций или таких, которые принадлежат к зоне “восточного застоя” в противовес тем “типам”, которые находились в зоне “западного прогресса”¹⁰. И в этом контексте фиксирование Данилевским темы “Россия – Запад” как контрапункта европейской и даже всемирной истории является признанием (молчаливым, глубоко скрытым в недрах авторской интуиции) уклонения русского общества от пути развития, которое выбрал Запад, перестраивающийся на капиталистический лад и целиком сориентированный на материальную выгоду и торгово-экономическую и культурную экспансию. Как естествоиспытатель, ученый, для своего времени хорошо осведомленный о новейших тенденциях индустриального развития, Данилевский видел (или угадывал), в чью сторону неумолимо смещается баланс сил (не в узком, военном, а в широком геополитическом и культурно-экономическом смысле) в Европе после устранения Бонапартовой империи и углубления промышленного переворота. После революции 1848 г. и подавления русскими войсками восстания венгров против австрийского владычества Европа стремительно модернизировалась, опасливо озираясь на распластавшуюся в своей внутренней неподвижности и непрозрачности Россию. По-видимому, выход в 1843 г. книги маркиза де Кюстина “Россия в 1839 году”¹¹, представившего Россию полудивицилизованной, восточной деспотией, источником новой опасности, а также многочисленные антирусские комментарии западноевропейской и американской прессы¹² послужили одним из толчков, заставивших Данилевского взяться за перо с целью опровержения подобных заявлений.

Но праведное возмущение огульной критикой со стороны представителей сакрализирующегося европейского общества,

¹⁰ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1889. С. 91, 92.

¹¹ *Marquis de Custine. La Russie en 1839.* P., 1843; см. также: *Kenan G.F. The Marquis de Custine and His Russia in 1839.* New Jersey, 1971; *Маркиз Астольд де Кюстин. La Russie en 1839.* Николаевская Россия. М., 1990.

¹² Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. М., 1998; Курилла И.И. Нейл Браун, Уильям Буллит и Джордж Кеннан: меняющиеся американцы, неизменная Россия // Вестник Института Кеннана. М., 2006. № 10. С. 63–69.

сделавшего своей религией алчность, толкало Данилевского к поиску ответа на этот вызов. Ход его размышлений строился по законам антиномии. Россия самой судьбой и Провидением назначена противостоять деградирующему духовно Западу, беря под покровительство славянские и все другие народы ближнего зарубежья, чей внутренний мир органически не приемлет хищнические идеалы западного общества. Смелая, инициативная и по сути своей мессианская внешняя политика, по Данилевскому, должна была стать инструментом в обретении такой новой роли, которую обязана взять на себя Россия в разворачивающемся эсхатологическом конфликте Света и Тьмы, народно-почвенного начала с ценностями “европеизма”, признающего лишь авторитет индивидуального материального успеха и чисто вещные отношения между людьми.

Итак, формулировал ли Данилевский своей дихотомией России и Запада новую геокультурную доктрину панславизма (как это и по сию пору принято считать многими западными авторами)? Однозначно утвердительный ответ на этот вопрос увел бы нас от правильного понимания не только самой сути славянофильства, но и сочувствия ему со стороны многих ведущих российских интеллигентов, людей европейски образованных, наделенных блестящими знаниями и талантами, входящими в культурную элиту русского общества. И дело было не в жажде или тщеславном порыве вернуть России внешнеполитическое величие и влияние, утраченные после Крымской войны, а скорее в желании приглушить и унять острую боль, вызванную разрывом между реально достижимым и реально достигнутым российским обществом, искать утешение и надежду в грядущем расцвете дремлющих в недрах русского народа сил преображения, которые делают его примером для всех других, в канонах православия и самобытности.

Здесь, по-видимому, лежит психологическая разгадка неистовства Данилевского в отношении пороков капитализма на Западе (что сближало его с социалистами) и его уверенность, как о том писал американский исследователь Г. Кон, в противоположности “иррациональных исторических институтов России и Запада”¹³. Это делает понятным и его призыв быть бдительным в отношении “европейничанья” и плутократической экспансии Запада. Данилевский полагал, что, пока она еще не развернулась в полную силу, Россия должна заставить считаться с собой, предприняв

¹³ The Mind of Modern Russia. Historical and Political Thought of Russia's Great Age / Ed. by H. Kohn. New Brunswick, 1955. P. 191, 193.

упреждающие контрманевры. Включая ходы в сторону проливов и Константинополя¹⁴.

Этот русский парадокс проявился еще ярче в миропонимании Ф.М. Достоевского, соединившем чуткость к самым мрачным сторонам жизни и одновременно необычайно развитое чувство Родины, величия ее помыслов и поступков вопреки, как он считал, преднамеренным искажениям благородства их мотивации, распространенным на Западе¹⁵. В извечном недоверии Европы к России он усматривал прежде всего опознание первой в “русизме” исторически непреходящего вызова, протеста, отрицания многих сторон европейской цивилизации. Писатель был убежден, что Россия располагала таким высшим правом, поскольку несла в себе “идеи всемирного человеческого обновления... в виде божеской правды, в виде Христовой истины”¹⁶. Некоторые современные исследователи видят в этом тайную цельность и полноту мира Достоевского¹⁷, разрабатывавшего всем своим творчеством сюжет, который можно выразить одним словом “Россия” или чуть длиннее – смысл ее истории. Нет никакого противоречия в том, что в “Дневнике писателя за 1876 г.” Достоевский высказал массу горько правдивых слов об отсталости России, приближении ее к бездне и одновременно о жизнестойкости русского духа, русской идеи, способных светить всем и всякому, вдохнуть в человечество надежду и веру.

Мученичество России, по Достоевскому, носило особый характер. Дистанцирование от Запада, заблудшего “в пороках”, со-

¹⁴ Замысел книги “Россия и Европа” возник у Данилевского в 1865 г., когда внутреннее и внешнее положение России было далеко не блестящим. Страна находилась на пороге голода, который вскоре и разразился. Она долго не могла оправиться от поражения в Крымской войне, которая сделала внешнюю политику Санкт-Петербурга зависимой от расположения или нерасположения его вчерашних клиентов и в целом малоэффективной. Опытный дипломат, поэт и тонкий знаток политических нравов своего времени, Ф.И. Тютчев писал А.Ф. Аксаковой в 1866 г. о полном кризисе внешней политики России и о том, что всякие “необдуманные выходки более чем когда-либо явились бы нелепостью в нашей политике, каковой для достижения успеха нужно лишь понимание самой себя и предоставления дела времени и силе вещей...” (*Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1988. С. 313*).

¹⁵ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 38. Достоевский внимательно следил за появлением частей книги Н.Я. Данилевского начиная с 1869 г. В письме Н.Н. Страхову 18 марта 1869 г. он следующим образом высказал к ней свое отношение: “Статья же Данилевского, в моих глазах, становится все более и более важною и капитальною. Да ведь это – будущая настольная книга всех русских надолго... Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов...” (Там же. Т. 29, ч. I. С. 30).

¹⁶ Там же. Т. 23. С. 41.

¹⁷ *Волгин И.* Над самой бездной // Литературная газ. 1996. 13 нояб. С. 6.

хранение патриархального уклада, архаичных правил общежития в городе и деревне не унижало Россию и не лишало ее главного преимущества – предназначения “сказать новое слово в общечеловеческом деле”¹⁸, причем не только слово “собственное”, но и “окончательное”. Критики славянофилов рассматривали подобные сентенции не иначе, как проявление синдрома одержимости имперскими захватами. Достоевский категорически отвергал такое толкование. Пока еще только в приближении общественного сознания к восприятию идеи о возможности стать Москве третьим Римом¹⁹ ему виделось многообещающее возвращение русского народа к “древнему пониманию о своем значении”, самопробуждение народных начал России, ее духовности в форме православия – “русском христианстве”. Чем раньше, считал Достоевский, это произойдет, тем лучше. Мир стоит накануне “последней развязки”, когда его может спасти только истинная истина, объединенное православие, союз народностей ради сохранения нравственного здоровья мира²⁰. Вот где Россия, несущая в себе эту драгоценность и в замкнутости своей намеренно избегавшая близкого общения с Европой, должна сказать свое решающее слово. Итак, отсталость не как категория социально-экономическая, а тем более политическая, а как синоним почвенности, народности, удаленности или близости к ее первородной самости. Между тем великий художник не мог не видеть, какое отталкивающее и пугающее впечатление производит “со стороны” российская повседневность во многих ее проявлениях²¹.

Поставив себя над народом и создав бюрократическую монархию с ее глухими к голосу низов администраторами, русское “верхнее общество”, исполненное надменностью и высокомерием, нанесло огромный урон облику России и надолго затормозило развитие народного самосознания в том смысле, в котором его понимал Достоевский (“всякая высшая и единящая мысль и всякое верное единящее всех чувство”²²). Эта пропасть между верхами и низами, привычка смотреть на народ свысока, на Западе воспринимались однозначно как проявление колоссального дефици-

¹⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 58.

¹⁹ Там же. С. 7.

²⁰ Там же. С. 58, 130.

²¹ С силой гротеска Достоевский выразил эти ощущения в письме А.Н. Майкову из Женевы летом 1867 г.: “Россия, – писал он, – тоже отсюда выпуклее кажется нашему брату. Необыкновенный факт состоятельности и неожиданной зрелости русского народа при встрече всех наших реформ (хотя бы только одной судебной) и в то же время известие о высеченном купце 1-й гильдии в Оренбургской губернии исправником” (Там же. Т. 28, ч. 2. С. 206).

²² Там же. Т. 23. С. 121.

та культурности, который тогда называли одним словом “азиатчина”. Она и изумляла своей инертностью и пугала непредсказуемостью поведения, неясностью помыслов. Недоверие, которое испытывала Европа к “благородству” России сотни лет, Достоевский объяснял в конце концов ее незнанием²³, но само это незнание было объективно вызвано не языковым барьером, а не выраженностью основной массы русского общества, его внутренней разорванностью, отсутствием общественного мнения, сознательным и пагубным обособлением образованной его части (“высшего класса”) от простонародья²⁴.

Россия, которую лучше других знал Достоевский, была и оставалась наглухо закрытым обществом, вызывающем не столько любопытство, сколько внутренний страх, ожидание каких-то опасных сюрпризов. «Эта неизвестность, эта загадка, – делает Достоевский запись для себя, не для публикации, – эта тайна есть, конечно, опять-таки Россия, с которой живет Европа уже двести лет, как будто и считая ее своею, европейскою, но про себя, однако, всегда косясь на нее как на роковую загадку, бог знает, откуда явившуюся и которая надо, однако же, разрешить во что бы то ни стало... Кто они, эти русские? Азияты, татары? хорошо кабы так, по крайней мере, дело бы было ясно. Но нет, про себя мы должны сознаться, что нет. Неужто и в самом деле это что-то новое с попытками новой, особенной какой-то и на нас непохожей цивилизации? Так что же хочет сказать эта цивилизация? Кончат тем, что разрешают по своему на свой аршин, “Орда, захват, дескать, завоевание, бесчестность, коварство, будущее истребление цивилизации, татары”»²⁵.

Пережитки и последствия крепостничества (прямые и косвенные) в России, равно как и способ его устранения (не эволюционно, а “в один миг со всеми последствиями”)²⁶, создавали, по мнению Достоевского, многочисленные проблемы и трудности, не только мешавшие России занять достойное место в мировом развитии, но, напротив, обусловившие увеличение отрыва ее от передовых в экономическом отношении стран Запада, где шли последовательно, “исторически” к созданию новой цивилизации, постепенно, но твердо к окультуриванию общества и, стало быть, к

²³ “Меня чрезвычайно поразило, – писал Достоевский редактору одного из иностранных журналов в сентябре 1868 г., – необыкновенное незнание европейцев почти во всем, касающемся России” (Там же. Т. 28, ч. 2. С. 314).

²⁴ Там же. Т. 23. С. 80–82; Т. 27. С. 7.

²⁵ Там же. С. 202.

²⁶ Там же. Т. 27. С. 9: “Все, что вдруг падает, – писал Достоевский о падении крепостного права в России, – падает всегда очень опасно, то есть с большими потрясениями”.

еще большему отрыву от застрявшего в сетях неподвижности восточного соседа. Предчувствие большой беды росло у всех, кто, подобно Достоевскому, видел в этом все увеличивающемся разрыве ситуацию катастрофы, неминуемо ведущей к устойчивому отчуждению от Запада, а отсюда к “недоумению” и глухой враждебности. “У нас все теперь в вопросах, – писал Достоевский, в 1881 г. – И, что главное, всё ведь это требует времени, истории, культуры, поколений, а у нас, напротив того, предстоит разрешить в один миг. В том-то и главная наша разница с Европой, что не историческим, ни культурным ходом дела у нас столь многое происходит, а вдруг и совсем даже как-то внезапно, иной раз даже никем до того неожиданным предписанием начальства. Конечно, все произошло и идет не по вине чьей-нибудь и, уже, если хотите, так даже и исторически, но согласитесь и с тем, что такой истории не знала Европа. Как же спрашивать с нас Европы?..”²⁷

Народ обездолен, у него нет голоса, общественное мнение только зародилось и его “существование, как выражаются, не обеспечено”²⁸, разгул пьянства и поощрение его, “всеобщая бедность” и вакханалия мошенничества. Требовалось мужество сказать такое в год 20-й годовщины отмены крепостного права. Вопрос о том, как преодолеть разобщение с ушедшим вперед Западом занимал Достоевского, дополняя чрезвычайно его размышления по поводу осуществления “русского призвания”. В глазах Достоевского и то и другое выглядело не слишком в благоприятном свете. Отсутствие законодательства, в частности, о наемном труде, недоделанная крестьянская реформа, кризис российского земледелия, разорение крестьянства и игнорирование его интересов правительством, упадок производства, дефицит деловитости, “мелочное юпитерство” чиновников, способное обесценить и обескровить любую инициативу, кроме одной – общественно-революционной, которая тяготела к крайностям, к вере в одну лишь физическую силу, насилие. Все это не только не содействует сближению с Европой, но, напротив, закладывает мину под будущие отношения с ней. Русская смута, если ее не удастся избежать, полагал Достоевский, способна стать вселенским катаклизмом, оттого и опасения в отношении ее последствий сплачивают русофобов на Западе и заставляют их выстраивать единый антирусский фронт.

Подлинного окультуривания, осовременивания нации – лучшего способа вхождения в Мир, о чем Достоевский тайно мечтал, и отражения вызова Европы, о чем он постоянно открыто говорил, до-

²⁷ Там же. С. 10.

²⁸ Там же. С. 47, 53.

биться не удалось. Оказалось, что никто не нашел в себе сил и терпения (в первую очередь либеральная интеллигенция) вести долгую, утомительную, неблагодарную работу по выкорчевыванию косности, диких нравов, архаичности материальных основ жизни, предрассудков и окаменелостей в семейных отношениях. «Труда и сознания, что лишь трудом “спасен будешь”, – нет даже вовсе... Культуры полтора века не было правильной, пожалуй, что и никакой»²⁹. Народ просвещения жаждет, но просветители потеряли к народу “всякую дорогу”³⁰. Крестьянство по сути сплошь неграмотно, тогда как “кто грамотен – тот уже двинулся, тот уже пошел и поехал, тот уже вооружен”³¹. Предчувствие поражения более страшного, чем в Крымской войне, двигало пером Достоевского, записавшего: “Конец столетия обнаружится таким потрясением, какого еще никогда не было. России надо быть готовой не двигаться, взирать и ждать. Только бы Россия не увлеклась в союз. О ужас! Конец ей тогда, совсем конец”³². И буквально следом за тем: “...Не армия победила Францию (во франко-прусской войне. – В.М.), а школьный учитель”³³. И как бы вопреки предупреждению именно с этого момента Россия в лице самодержавия предъявила особый счет Западу, что стало результатом одновременно и обиды за позор поражения в Крымской войне и неприятия того нового порядка вещей, который пришел вместе с индустриализмом, законом выживания сильнейших, культом наживы и социалистическим идеалом. Биллингтон во многом прав, когда утверждает: “Сцилла реакции оказала себя не столько в беспощадных арестах конца 1874 г., сколько в разгоревшейся затем войне с Турцией... Это была крупномасштабная, преднамеренная война за самовозвеличивание...”³⁴. Освободительная миссия русского солдата обретала черты посягательства на чужую свободу благодаря смещению вправо внутренней жизни России.

“Все права русского человека – отрицательные”. Этой мрачной констатацией Достоевский как бы перечеркнул свой антиингилизм. Писатель еще не знал, что эти слова могли бы послужить эпиграфом к новой фазе в российской истории, которая началась

²⁹ Там же. С. 11.

³⁰ Там же. С. 20, 45.

³¹ Там же. С. 45.

³² Там же. С. 50.

³³ Там же. С. 66.

³⁴ Биллингтон Дж.Х. Указ. соч. С. 467. Биллингтон не допускает серьезно преувеличения. В 1908 г. в статье “Два обыска в один день” В.В. Розанов писал: «Годы от 1881 до 1894, когда теория Н.Я. Данилевского, изложенная в его “Россия и Европа”, стали почти программой русского правительства, были самыми тяжелыми для народа и общества» (Розанов В.В. В нашей смуте: Статьи 1908 г. М., 2004. С. 128).

вскоре после его смерти, длилась вплоть до второй половины 90-х годов и была отмечена контрреформами, возвращением к политическим преследованиям инакомыслия и карательным террором³⁵, вызвавшим высокий вал русофобии и антироссийских настроений на Западе, особенно в США. Упивающееся своим либерализмом западное общественное мнение отвергло идею особого российского пути, связав ее с оправданием экспансии и реакции. Жизнь давала к тому основания.

После событий 1 марта 1881 г. (убийство народовольцами Александра II), писал Александр Блок, наступили “глухие времена”. Череда политических процессов (дело “14”, дело “17”, дело “21-го”, дело “Второго 1 марта” и т.д.), публичные казни, превращение Сибири в заповедник для ссыльных и каторжан, отмена университетского устава 60-х годов и введение антидемократического устава 1884 г., изменение законодательства о земстве, гонения на печать и на сторонников женской эмансипации, закрытие газет, преследования по суду журналистов и редакторов, упразднение состязательности судебного процесса, передача вопроса о гласности судебного заседания на усмотрение министра юстиции, т.е. фактически ее отмена, стеснение до предела в правах суда присяжных в делах, имевших отношение к политике, ограничение доступа в судебное заседание широкой публики – вот далеко не полный перечень плодов “оздоровления” русской жизни, предпринятой самодержавием под попечительством унаследовавшего престол императора после убийства отца, Александра III³⁶.

³⁵ Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866–1895. М., 1979.

³⁶ Бывший министр иностранных дел (1900–1906) граф В.Н. Ламздорф дал удивительную по силе характеристику политическому режиму в царствование Александра III и нравов, поощряемых им самим и в непосредственном окружении, и во всех без исключения властных структурах, от местных до самых высших: “В провинции, – записал он 19 мая 1894 г. в Дневнике, – снова широко применяется битье палками. Орловский губернатор г-н Неклюдов недавно распорядился давать крестьянам до 120 ударов; когда ему сообщили, что у одного из несчастных пульс перестал прощупываться уже после 60-го удара, он отдал распоряжение все же продолжать экзекуцию – и человек умер. Продажность таких министров, как Дурново, Кривошеин, Филиппов, общеизвестна; повсюду господствует карьеризм и отсутствует всякая совестливость. Государь иногда допускает грубость в замечаниях, в особенности в своих пометах на бумагах; грубость допускается по отношению к государственным деятелям, которых он подобрал сам; да и какова Среда этих сановников, вытщенных большей частью из сфер не только сомнительных, но даже и малопочтенных. Возникающие вопросы не обсуждаются больше на Государственном совете и в Кабинете министров, там просто переругиваются и говорят друг другу глупые дерзости, словно на каком-нибудь сборище неотесанных мужланов” (*Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 67*).

Создание в стране атмосферы антилиберализма вместе с отрывом значительной части русской интеллигенции от национальной культуры, а также ее увлечениями политическим экстремизмом (вплоть до индивидуального террора) содействовало переходу многих сторонников русской идеи на позиции воинствующего панславизма и квазинародничества в духе формулы “православие, самодержавие и народность”. Скорее всего, Ф.М. Достоевский не смог бы согласиться с тем, как ее понимали граф Д.А. Толстой или его преемники на посту министра внутренних дел – И.Н. Дурново и В.К. Плеве. В знаменитой пушкинской речи 8 июня 1880 г., выразив восторженное поклонение Пушкину, которое, как заметил Н.Н. Страхов, он почерпнул не из славянофильства³⁷. Достоевский говорил о “русском скитальце” в родной земле, погруженном всецело в делание “целей своих и счастья не только для себя самого, но и всемирного”³⁸. Достоевский называл и славянофильство, и западничество одним “великим недоразумением”³⁹.

Философия воинствующего панславизма, встреченная в штыхы и в Европе и в США, строилась на совершенно иных началах. Во-первых, она целиком отождествляла себя с абсолютной монархией, недопущением представительных учреждений, во-вторых, с вызовом отчуждала себя от Запада, хотя в действительности и не возвращалась к Руси, к подлинно народной жизни, к устоям православного сознания с его идеей покровительства слабым, неимущим, нуждающимся. Это был абсолютизм непросвещенный, обещание которого тот же Достоевский видел в деяниях царя-освободителя Александра II, а абсолютизм охранительный⁴⁰, о котором с полным правом можно сказать словами

³⁷ *Страхов Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888. С. 4.

³⁸ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 137.

³⁹ Там же. С. 147.

⁴⁰ Столп российского либерализма С.Ю. Витте, большой почитатель императора Александра III, дал более сдержанную оценку его правлению. Однако и он признавал, что его кумир своими “глубоко неправильными воззрениями” и “ошибками” нанес, возможно, непоправимый урон представлению о России на Западе, который и без того было лишено привлекательности. Режим “полицейского воздействия”, как назвал систему государственного правления при Александре III Витте, бесправие подданных империи, по европейским стандартам никак не отвечавшие требованиям времени, brutальность методов управления представлялись Витте всего лишь неоправданной реакцией на гражданское слушание, которое заслуживало менее жесткого к себе отношения. Витте писал: “В последние годы, когда он (Александр III. – *В.М.*) уже имел опыт, видел, что такое Россия, видел, что эта смута, которая была в конце царствования отца, являлась более наносной и происходила от недостаточно твердого характера его отца, благодаря которому император Александр II часто колебался, и наконец впал и в грех семейный, что Россия такая страна, которая сама по себе совсем не желает каких бы то ни было революций, а желает только спокойной тихой жизни, – воззрения его постепенно

Г.П. Федотова: его историей была сплошная реакция, прерываемая время от времени короткими порывами в области “гражданского благоустройства”, связанного главным образом с деятельностью отдельных подвижников и реалистов в окружении императора. И смысл этой реакции – “не плодотворный возврат к забытой стихии народной жизни, а топтание на месте”, “замораживание” России, по словам обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева⁴¹. Для общественного мнения стран Запада, с их развитыми представительными и судебными учреждениями, парламентской оппозицией, конституционными правами граждан (Америка в этом отношении ушла дальше других) категорический отказ “учиться свободе” у Запада, провозглашенный манифестом Александра III от 29 апреля 1881 г., наложение строжайшего запрета на тему о конституции – все это служило плохим предзнаменованием для наведения мостов с вошедшим в новую фазу модернизации Западом. Идеино-политические и религиозно-нравственные воззрения Победоносцева, наставника императора, на фоне успешно для России завершившейся Сан-Стефанским миром 1878 г. Турецкой войны выглядели в глазах растревоженной Европы прямо-таки как объявление похода за единение славян и контроль в Центральной Европе. По свидетельству Ламздорфа, в дни кончины Александра III британский посол в Петербурге с недипломатической откровенностью говорил, что при его восшествии на престол в 1881 г. и в первые годы царствования Европа воспринимала наследника царя-реформатора “страшилищем”⁴².

Победоносцев, так же как и Н.Я. Данилевский, не был универсалистом, и в его трактовке славянофильство окончательно утратило свою связь со свободолобием и либерализмом, обретя черты идеологии избранничества. Г.П. Федотов дал очень точную оценку этой метаморфозе: “Когда же оно (славянофильство. – В.М.) победило и взойшло на трон в лице Александра III (с Победоносцевым), оно оказалось реакционным тупиком, в явно московском направлении”⁴³. Универсалистское же русло славянофильства, представленное Ф.М. Достоевским, Ю.Ф. Самариним и другими, а затем В.С. Соловьевым и В.И. Ключевским,

изменялись. В последние годы своего царствования император Александр III ко многим вопросам уже относился иначе, нежели в первые годы своего царствования, выражаясь принятыми терминами, он уже сделался значительно более либеральным” (*Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911. М., 1991. С. 270*).

⁴¹ Федотов Г.П. Историческая публицистика // Новый мир. 1989. № 4.

⁴² Ламздорф В.Н. Указ соч. С. 76.

⁴³ Федотов Г.П. Россия и свобода // Знамя. 1989. № 12. С. 208; см. также: Милуков П. Разложение славянофильства.: Данилевский. Леонтьев. Вл. Соловьев. М., 1893. С. 5.

реализовав себя в идее всемирно-исторического предназначения славянства выдающихся мыслителей и ученых (Соловьев, Ключевский, Менделеев), композиторов, художников и писателей (Мусоргский, Римский-Корсаков, Г. Успенский, Репин, Суриков), имело лишь ограниченное влияние на государственные дела. Работорчество против “освободительной европеизации” (Г.П. Федотов) на государственном уровне явно брало верх, тормозя модернизацию общественных структур и содействуя обильному прорастанию семени националистического черносотенства и ксенофобии, религиозного фанатизма⁴⁴. Обществу навязывалась мысль о России как о прямой противоположности Западу. Святая Русь противопоставлялась скверне циничной рассудочности, разгулу эгоистических интересов, дехристианизации и социализма, наступающих с Запада как вал всесокрушающего прилива.

Теория национальной самобытности, выводимая из такого рода построений, служила защитой прошлого от покушений будущего⁴⁵, консервации, сохранению патриархально утробных форм народной жизни. Один из ведущих представителей “позднего” славянофильства, близко стоявший к Победоносцеву, К. Леонтьев так выразил основной догмат веры антиевропеизма: “Надо подморозить Россию, чтобы она не жила”⁴⁶. Он решительно оспорил тезис Достоевского о преследовании всемирного блага, назвав его “скучным” и “презренным”⁴⁷. Антизападничество Леонтьева, как это отмечал П.Н. Милюков, было связано не вообще с теорией национальной самобытности, а с неизбежным “злом излишнего движения” (изысканный синоним апологии отсталости) – либерализмом, который объявлялся Леонтьевым общим и злейшим врагом, способным принести народу бóльшие опустошения, чем социализм с его элементами дисциплины и организации⁴⁸.

⁴⁴ В.И. Вернадский, тогда профессор Московского университета, назвал 80–90-е годы в своем дневнике “эпохой отупения”. 7 ноября 1890 г. он сделал следующую запись: “В душе тяжело от мглы, от темного царства, от разгрома” (*Вернадский В.И.* Основую жизни – искание истины // Новый мир. 1988. № 3. С. 212). Ученый усматривал особую опасность в наступлении Министерства народного просвещения и Синода на светский характер школ (Там же. С. 222).

⁴⁵ Милюков П. Указ. соч. С. 21.

⁴⁶ Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. М., 1912. С. 86. В понимании К. Леонтьева “подмораживание” было призвано служить исключительно на благо России, позволяя ей выдержать натиск “интернациональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблаженстве, о земной радикальной всепошлости”.

⁴⁷ Леонтьев К. Собр. соч. М., 1912. Т. 5. С. 145–147.

⁴⁸ Милюков П. Указ соч. С. 32.

Борьба с либерализмом, по мысли Леонтьева, должна была осуществляться неуклонно и всеми доступными методами. Поменьше так называемых прав. Перед лицом всей конституционной Европы и всей республиканской Америки российское самодержавие должно быть “крепко и грозно” и чтоб о “конституции” “помину бы больше не было”⁴⁹. Милюков так откликнулся на соответствующие рекомендации Леонтьева по выкорчевыванию либерального духа: “Нетвердых следует подкупать, – на убежденных, но умеренных, которые благодаря своей осторожности ускользают от законного преследования, необходимо доносить...” Далее свой комментарий Милюков обрывает, чтобы процитировать Леонтьева: “пора перестать придавать слову донос унизительное значение”⁵⁰.

«Пора учиться делать реакцию, чтобы приостановить быстрое “таяние” России, необходимы ретроградные реформы»⁵¹. С железной логикой Леонтьев переводил затем эти общие лозунги на язык конкретной и в его понимании истинно культурной политики. Ее частью являлась проповедь пользы безграмотности и отсталости для русского человека и его духовного мира, сохранение которой объявляется условием сохранения “национального своеобразия”. Просвещение народа по этой логике становилось его проклятием, ядом, медленно убивающим его первородную органичность, непохожесть на другие народы, его преданность великим историческим началам, делающим Россию духовно независимой от Запада. Отсталость, таким образом, объявлялась щитом от “мещанского европейства” и эгалитарно-либерального разложения романо-германской цивилизации, заражающего все человечество⁵². Прогресс, обновление, модернизация есть производное от “космополитической революции”⁵³, стирающей неповторимо оригинальное в культурном облике нации, делающей ее похожей на все остальные, вызывающее общее всесмешение, провинциальное управление и опошление всех и вся. Подражательность славян, слабость их “охранительных и творческих сил”⁵⁴ делает их вдвойне беззащитными от распространения синдрома

⁴⁹ Леонтьев К. Собр. соч. Т. 5. С. 384.

⁵⁰ Милюков П. Указ. соч. С. 28, 29.

⁵¹ Там же.

⁵² См.: Леонтьев К. Собр. соч. Т. 5. С. 388.

⁵³ Там же. С. 391.

⁵⁴ Там же. В одной из своих “программных” статей К. Леонтьев решительно возражал против идущего с Запада “мелкого рационализма, эгалитарности, религиозного равнодушия, европейских однородно буржуазных вкусов и нравов: машин, пантолонов, сюртуков, цилиндров и демагогии” (Леонтьев К. Цветущая сложность: Избр. статьи. М., 1992. С. 272).

уравнительности и безликой лжекультуры Европы и Америки, разносчиками которой являются школы и университеты. А посему основание сносного монастыря полезнее учреждения двух университетов и целой сотни реальных училищ⁵⁵.

Проповедь К. Леонтьевым одеревенения и замкнутости, строго дозированного под наблюдением властей приобщения к просвещению, была, пожалуй, более всего, сродни утонченным доводам К.П. Победоносцева против обязательного школьного образования по причине несовместимости его со здравым смыслом, со свободой выбора, потребностями быта детей и родителей и даже с самой природой и климатом России. Изречение, что школьный учитель победил под Садовой, Победоносцев находил пошлым и фарисейски вредным⁵⁶. Резко критически, не скрывая осуждения, он отзывался о системе европейского (и тем более американского) просвещения, культивирующего знания, внушающего веру в “руководительное значение логической формулы мышления”, секуляризованного от церкви⁵⁷. Здесь Победоносцев явно расходился с Достоевским.

Нет ничего удивительного в том, что грамотность в глубинной России вплоть до конца XIX в. оставалась на предельно низком уровне. Американский исследователь Элизабет М. Гумп пишет, что доля грамотных в России в 1885 г. составляла около 6–8%. Далее она приводит следующие высказывания серьезного специалиста народного образования в Воронежской губернии И.К. Воронова: “...народное образование в деревнях отличалось до крайности низким уровнем. Ограничены были и степень образования, и объем потребностей в нем. Грамотных было мало, школ недостаточно, состав дельных и хорошо подготовленных учителей очень ограничен, и самые отношения к школе населения поражали своей заскорузлостью и темнотой”⁵⁸. Сказано это было в 1899 г.

Каким бы неправдоподобным это ни казалось, но отлучение молчаливого большинства народа от света культурности в европейском понимании этого слова “позднее” славянофильство рассматривало как условие *sine qua non* истинно русского пути и русского порядка, условие сохранения туземства. Идеологический и политический смысл этой установки был совершенно ясен, его особо не скрывали. Пребывание русского народа, говорил

⁵⁵ См.: Милюков П. Указ. соч. С. 28–30.

⁵⁶ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 136, 137.

⁵⁷ Там же. С. 143.

⁵⁸ Цит. по: Гумп Э.М. Образование и грамотность в глубине России. Воронежская губерния. 1885–1897 // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) / Отв. ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. М., 1996. С. 306, 307.

Л.Н. Толстой, в *младенчестве* позволяло правительству сохраняться таким, каким его все знали⁵⁹ – радеющим о привилегиях верхнего сословия, касты избранных. Победоносцев постоянно наставлял царствующую фамилию держать под строжайшим контролем любые новации в области высшего образования, пресекая попытки сделать его общедоступным, светским, не элитарным. В январе 1886 г. он в специальном письме Александру III умолял его умертвить проект об учреждении в Томске университета, мотивируя это отсутствием главным образом “надежных” людей⁶⁰.

Характерно само неприятие Победоносцевым перехода западного общества к сциентистскому, технократическому мышлению, носителя которого он обнаружил в протестантизме с его “фанатизмом гордого разума”⁶¹. В науке и философии, утверждал Победоносцев, мало бесспорных положений, они недостоверны и в жизненном смысле бесполезны или в лучшем случае имеют чисто “гипотетическое значение”⁶². Стало быть, увлечение наукой, преувеличение ее роли для общества – явление пагубное для народной жизни. «Великая ошибка нашего века состоит в том, – писал он в статье “Болезни нашего времени”, – что мы воспринимаем сами с чужого голоса фальшивую веру в общие отвлеченные положения, обращаемся с ними к народу. Это – новая игра в общие понятия, пущенные в ход идеалистами народного просвещения в наше время, игра – слишком опасная потому, что она ведет к развращению народного сознания»⁶³. За наукой, по мысли Победоносцева, следовало сохранить маргинальное положение в обществе, не позволяя ей стать обольстителем масс, вызывающим протест против “низкого состояния”, стремление их к его изменению. Пример западных стран в глазах Победоносцева доказывал, что научный поиск несет в себе деструктивное начало, выступая возмутителем спокойствия. “Воздух кишит, – писал он с возмущением, – атомами умственных эпидемий всякого рода”⁶⁴.

Неудивительно, что культ научного знания и просвещения, распространенный на Западе с расцветом позитивизма в конце XIX – начале XX в., в России оказался заблокирован, хотя на национальной почве произошло немало научных гениев первой величины – Д. Менделеев, В. Докучаев, А. Бутлеров, И. Сеченов,

⁵⁹ У Толстого, 1904–1910. Яснополянские записки Д.П. Маковицкого. М., 1979. Кн. 1. С. 147.

⁶⁰ Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 444.

⁶¹ Там же. С. 246.

⁶² Там же. С. 80.

⁶³ Там же. С. 81.

⁶⁴ Там же. С. 107.

И. Мечников и др. В.И. Вернадский с горечью записал в дневнике 26 сентября 1890 г.: “Трудно достать книги. В Университетской библиотеке (речь идет о Московском университете. – В.М.) нет самого необходимого, самого важного... Целые десятилетия не пополняется библиотека по известному отделу. И так всюду, в таких великих, живых единицах, как университеты, где сильна традиция, где должно быть царство мысли”⁶⁵. Примерно в то же время Победоносцев писал Александру III о нежелательности создания в Санкт-Петербурге женского медицинского института, который неизбежно станет “при нынешнем настроении молодежи, наплывающей в столицу, центром вредной агитации и источником беспорядков”⁶⁶.

Много размышлявшие о причинах российской отсталости представители интеллектуальной элиты страны находили объяснение этому, в частности, в недоверии русского человека к интеллигенции и интеллектуалам вообще, равно как и в нигилистическом отношении к западной культуре. В.В. Вересаев вскрыл суть этого явления в одной из своих первых повестей “Без дороги” (1894), герой которой молодой врач Дмитрий Чеканов, отправившийся на борьбу с холерой в деревню, погибает от рук тех самых забытых нищетой простых мужиков, которым он доказывал “готовность помогать и служить им”. Он “*принуждал* их верить себе, но довольно было рюмки водки, чтобы все исчезло и проснулось обычное стихийное чувство”. Умиравший, но прозревший Чеканов в дневнике-исповеди делает запись: “С каких это пор привыкли они встречать в нас друзей, когда видели они себе пользу от наших знаний, от всего, что ставило нас выше их? Мы всегда были им чужды и далеки, их *ничто* не связывало с нами”⁶⁷.

Политика удержания от “дерзновенных метаний” приносила горькие плоды. Г.П. Федотов утверждал, что в России контрреформ на рубеже XIX–XX вв. “учитель делается первым объектом дерзких шуток, интеллигенция как класс – объектом ненависти”⁶⁸. У Вернадского сложился более верный взгляд на природу этого явления; он писал, что трудности распространения пропаганды знаний в России проистекают не потому, что для этого “людей у нас *нет*”, а потому, что их намеренно “*не пускают*”⁶⁹. Яростные атаки, предпринимаемые периодически самодержавием на людей науки, университеты, на “ученое обезьянство”, как

⁶⁵ Вернадский В.И. Указ. соч. С. 207.

⁶⁶ Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 587.

⁶⁷ Вересаев В. Соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 143.

⁶⁸ Федотов Г.П. Россия и свобода. С. 210.

⁶⁹ Вернадский В.И. Указ соч. С. 233.

любил говаривать Победоносцев⁷⁰, подтверждение именно такого вывода. Идея Победоносцева, что все дело народного образования (в особенности начального) должно находиться в руках духовенства и православной церкви⁷¹, напрямую была связана с пресечением, как он говорил, “фальшивой тяги кверху”⁷², к высотам научной культуры и технологическим (интернациональным новшествам), революционно изменяющим патриархальные быт и нравы, а со временем и весь уклад жизни. Соединение же научно-технического прогресса с целенаправленным и систематическим давлением Запада (“окатоличивание” и “ополячивание”), на взгляд Победоносцева, создавало и вовсе нетерпимую и опасную ситуацию, способствуя размножению “безнародных космополитов” и утрате идентичности нации. Мы, писал Победоносцев, взяв в привычку “строить себе чужую физиономию, мало-помалу перестаем быть русскими и по вере, и по обычаям, и по чувству”⁷³.

Должно ли удивлять, что такие образованные интеллектуалы, как Леонтьев и Победоносцев, затрагивая тему Соединенных Штатов, в своих рассуждениях совершенно не касались их бесспорных достижений в науке и технологии. И то и другое в глазах обоих представлялось чем-то враждебным и чуждым. К. Леонтьев, например, с вызовом заявлял о систематическом и рационально оправданном “отвращении к индустриальным открытиям и физико-математическому прогрессу”⁷⁴. Победоносцев, с великой тревогой наблюдавший за тем, как сильно проигрывает Россия в экономическом соревновании с Западом (и в учающихся трениях с Соединенными Штатами), странным образом не брал в толк стремительно увеличивающейся дистанции между далеко ушедшими вперед в научно-техническом отношении странами Запада и никак не поспевающей за ними Россией, входящей в новый век с изношенной морально и физически материальной базой и отсутствием подготовленных кадров. Более того, непрерывное развитие “преобразующей мысли”⁷⁵ пугало Победоносцева, за-

⁷⁰ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 250.

⁷¹ Там же. С. 324. Жаркие дебаты в Государственном совете, где противником передачи дела начального образования Святейшему Синоду выступал министр народного просвещения А.В. Головин, – яркое свидетельство особого стеснения, возникшего на пути продвижения мировых стандартов в народное образование в России (см.: Записки для немногих. А.В. Головин // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 99, 100).

⁷² Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С. 323.

⁷³ Там же. С. 356.

⁷⁴ Леонтьев К. Знакомство с Лессепсом // Леонтьев К. Избранные статьи. Цветущая сложность. С. 178.

⁷⁵ Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 94.

ставляя призывать к остепенению, к отказу от новаций, суеты и тщеславия и к сохранению “натуральной, земляной силы инерции”⁷⁶. В ней, полагал он, устойчивость общества и залог его благочестия и благосостояния.

Технически плохо оснащенная Россия, потребляющая в основном не первой свежести продукцию западной прикладной науки и инженерии⁷⁷, застыла в воображении Победоносцева неизблемой нравственной силой, последним оплотом сопротивления Западу “несчастной, оболганной и оболженной чужеземною ложью России”⁷⁸. Проекты военного назначения (вплоть до самых экзотических) встречали более благословенный прием, но они не были увязаны с общими стратегическими планами на перспективу, способными дать толчок инновационным процессам и техническому переоснащению в национальных масштабах. Таких планов не существовало, во всем преобладал либо случай, либо чье-то покровительство, либо удачливость. По большей части оригинальные, рожденные русской научной и инженерной мыслью идеи застревали в дебрях чиновничьих кабинетов петербургских департаментов, лишённые моральной и материальной поддержки⁷⁹. В воздухе все еще витало представление о неприменимости железных дорог в России. Известно, что С.Ю. Витте связывал успех в продвижении проекта Великого Сибирского пути в основном со счастливым сочетанием обстоятельств и прежде всего со своим пребыванием на посту министра финансов⁸⁰.

⁷⁶ Там же. С. 141.

⁷⁷ Чрезвычайно показательна история с так называемым Добровольным флотом – с закупкой пароходов за границей для военных и транспортных нужд России.

⁷⁸ *Победоносцев К.П.* Указ. соч. С. 125.

⁷⁹ Одним из таких нереализованных проектов военного назначения, возникшего с целью противодействия “коварной английской политике”, была идея Д.И. Менделеева об использовании в военном деле “воздухоплавательных снарядов”. К.П. Победоносцев в 1878 г. горячо поддержал этот проект, аргументируя, в частности, это тем, что опережение Англии в создании “первого воздушного корабля” даст России “громадную силу нравственную” (Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С. 127, 128). Но интерес к идее Менделеева угас так же быстро, как и возник.

Через 18 лет, в разгар очередного осложнения отношений с Англией из-за проливов, а точнее, осенью 1896 г. Черноморский флот России фактически не мог что-либо предпринять, поскольку его боеготовность находилась на крайне низком уровне. И.о. министра иностранных дел В.Н. Ламздорф писал 6 сентября 1896 г. послу России в Турции А.И. Нелидову: “Из чрезвычайно секретных источников до нас доходят сведения о том, что у наших кораблей в Севастополе нет снарядов и что англичане прекрасно об этом знают через своего консула, от которого наши brave моряки ничего не способны скрыть...” (*Ламздорф В.Н.* Указ. соч. С. 394).

⁸⁰ *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 283, 284.

В аграрной стране, каковой была Россия в конце XIX – начале XX в., невероятная запущенность агрономической деятельности, имела явно политическую подоплеку. Это относится, как это не парадоксально, и к периоду столыпинской реформы. Объясняя столь странный для страны, вознамерившейся идти по “фермерскому пути”, феномен, современный исследователь пишет: “В начале реформы (речь идет о реформе П.А. Столыпина. – В.М.), игнорируя земскую, агрономическую деятельность, правительство поступало так *преднамеренно* (курсив мой. – В.М.), рассчитывая, как и после 1861 г., обойтись без пугавшего его контингента агрономов, уже по долгу своей службы состоявших в более тесных отношениях с крестьянской массой, чем другие профессиональные группы земской интеллигенции”⁸¹.

С агротехнической “заторможенностью” напрямую был связан и другой критический фактор российской действительности, потенциально угрожавший самому существованию империи – обострившийся с каждым десятилетием национальный вопрос. Он имел различные измерения, но именно консервация поземельных отношений и сохранение “идиотизма деревенской жизни” в российской глубинке направляли протест крестьян и нарождавшейся национальной интеллигенции на окраинах России в русло национально-сепаратистских движений под соответствующими лозунгами. Русификация и политика ограничений в отношении нерусских народов и ранее и в начале XX в. оставались официально политической линией царизма⁸². Попытки ослабить принудительное обособление евреев, живущих в России, от остального населения и отказ предоставить им элементарные права путем модификации антиеврейского законодательства наталкивались на устойчивый (и все усиливающийся) антисемитизм правящей верхушки и прежде всего царской семьи.

В Петербурге питали иллюзии относительно того, что его международные партнеры в лице Лондона, Парижа, Берлина, Вены, Вашингтона и других западных столиц закроют глаза на “особенности” национальной политики российской империи. Великосветские круги северной Пальмиры ждало горькое разочарование. Выяснилось, что упущена из виду очень важная составляющая, связанная со сменой вех в международных отношениях на рубеже веков – появление ростков новой правовой культуры, все еще de

⁸¹ *Ффременко А.В.* Агрономические аспекты столыпинской земельной реформы // Вопросы истории. 1996. № 11/12. С. 4.

⁸² *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Там же. С. 39–53; *Aronson M.* Troubled Waters: The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia. Pittsburg, 1990.

facto признающей привилегию великих держав “по договоренности” решать судьбы народов и территорий, но уже признающих существование самой проблемы этносов и национальных меньшинств как актуальной реальности мировой политики. И один из первых тревожных признаков меняющегося климата пришел из Соединенных Штатов, где негативная реакция на волну еврейских погромов в России в 1881–1882 г. и ясно выраженную политику подталкивания евреев к эмиграции была мгновенной. Влиятельная уже к тому времени еврейская община постаралась довести до сведения мировой общественности свое возмущение порядками в России и стимулировала идеологически и материально развитие сионизма⁸³. Серия правительственных постановлений, последовавшая летом 1885 г. и ставящая жесткие заградительные меры для поступления в учебные заведения лиц иудейского происхождения только подлила масла в огонь⁸⁴.

Вспышка официального, государственного антисемитизма в России, в отличие от западных стран (где его проявления, включая Англию, также давали себя знать в весьма острых формах), наложилась на предрассудки типично российского обывательского сознания и всегдашнюю готовность ряда славянофильских органов печати возвысить голос против “инородцев” и вопреки реальным фактам сделать этот вопрос кардинальным вопросом всей внутренней и даже внешней политики. Многие видные русские общественные деятели, такие, как Константин Аксаков, Юрий Самарин, Михаил Катков, выступали с публичными заявлениями (распечатанными для внутреннего и внешнего потребления), в которых возлагали ответственность за “инфицирование” России бациллой лихоимства и разложения на еврейскую общину. Выселение евреев из Москвы в 1891 г. (одним из них был знаменитый художник И.И. Левитан), равно как антисемитские выпады ряда влиятельных российских газет, основательно подорвали репутацию России в глазах общественного мнения на Западе, вызвав в очередной раз особенно болезненную реакцию в США. Наставник последнего монарха России Победоносцев до самой своей смерти в 1907 г. оставался одним из главных поборников антисемитизма⁸⁵.

⁸³ *Энгель В.В.* “Еврейский вопрос” в русско-американских отношениях: на примере “паспортного вопроса” 1864–1913. М., 1998.

⁸⁴ *Иванов А.* “Еврейский вопрос” и высшее образование в России: (Конец XIX – начало XX в.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1. С. 37–40. Все русское законодательство о евреях до 1917 г., – писал М.О. Гершензон, было продиктовано “бессмысленным страхом” (*Гершензон М.* Избранное. М.; Иерусалим, 2000. Т. 4. С. 179).

⁸⁵ *Искендеров А.А.* Закат империи. М., 2001. С. 75, 76.

Фактор социальной нестабильности наряду с культурной отсталостью населения, предубеждениями и неотработанностью законодательной базы создавали труднопреодолимые препятствия на пути развития крупного предпринимательства в России, мешали его капитализации за счет местных ресурсов по причине хронической нехватки денежных средств⁸⁶. Внешние же инвесторы, как свидетельствовал в 1898 г. крупнейший российский банкир А.Ю. Ротштейн, все с меньшей и меньшей охотой шли на предоставление долгосрочных кредитов, предпочитая вложения “внутри своих стран”⁸⁷. Даже с учетом спорности любых выводов о типе и характере экономического развития России в конце XIX – начале XX в. нельзя не согласиться с известным английским исследователем Теодором Шаниным, утверждающим, что предпринимательство в России было сосредоточено преимущественно в руках государства и иностранных капиталистов⁸⁸.

Если техническая отсталость России, ее увеличивающаяся зависимость от Запада в оснащении растущей промышленности импортным оборудованием (главным образом из Бельгии, Франции, Германии и Англии)⁸⁹ в перспективе с неизбежностью отбрасывала страну на периферию мирового развития, превращая ее в хронического заемщика⁹⁰, то феномен полиэтничности страны, давая лишний повод консерваторам говорить о пользе “культурного отделе-

⁸⁶ См.: Россия и мировой бизнес: дела и судьбы / Под общей ред. В.И. Бovyкина. М., 1996. С. 99, 100, 146, 148.

⁸⁷ Там же. С. 149.

⁸⁸ *Shanin T. Russia as a “Developing Society”*. L., 1985; *Idem. Russia, 1905–1907: Revolution as a Moment of Truth*. In: 2 vol. L., 1986. Очень близки к выводам Шанина оценки многих других западноевропейских исследователей, в частности итальянца Д. Ла Пира (см.: *La Pira G. Industrializzazione e crescita urbana nella Russia prerivoluzionaria // Storic urbana*. 1978. Vol. 2. № 6. P. 325–342).

⁸⁹ См.: *Доброва Е.А.* Некоторые аспекты научно-технического развития Англии и России в XX веке // *Россия и Европа. Дипломатия и культура*. М., 1995. С. 171–183. Все исследователи признают, что сохранение многочисленных остатков крепостной системы служило главным тормозом научно-технического прогресса России. Но выше уже говорилось, что многое упиралось и в сознательно осуществляемое “замораживание” страны, закрепление доморощенных стереотипов мышления, культ самобытности, неприятие предприимчивости, предпочтение заимствований. Вращенная с благословения сверху инертность мышления русского человека, приверженность традициям, приводившие порой к катастрофическим последствиям для природы, отмечают многие исследователи (см.: *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России, XIX век. Волжский бассейн. М., 1996. С. 17–77). Характерно также, что именно в пореформенные годы Российская академия наук утратила многие свои позиции, которые были завоеваны и удерживались ею в XVIII – первой половине XIX в. (*Соболевский В.С.* Августейший президент. СПб., 1993. С. 10, 14).

⁹⁰ См.: *Ананьич Б.В.* Россия и международный капитал, 1897–1914. Л., 1970; *Бovyкин В.И.* Россия накануне великих свершений. М., 1988. С. 129–131.

ния от Запада”, закреплял ее членение на продвинутые в промышленном и культурном отношении регионы и регионы с *принудительно* застойным патриархально-архаичным характером развития. Г.П. Федотов, говоря о хронической отсталости страны, делал два чрезвычайно важных обобщающих замечания. По его мнению, русская монархия изменяла Западу не тем, что возвращалась к Руси, а тем, что на глазах теряла веру в свое призвание вести страну и народ в качестве верховной власти в будущее, в XX век. Она открыто апеллировала к реакции. И смысл этой реакции, писал Федотов, не “плодотворный возврат к стихиям народной жизни, а топтание на месте, торможение”, “замораживание” России, как выразался К.П. Победоносцев⁹¹.

* * *

С начала франко-прусской войны Европа (а с нею и весь мир), увлекаемая потоком все учащающихся кризисов, устремилась к роковой черте августа 1914 г. Российское общество, еще не до конца пережившее горечь поражения в Крымской войне, по выражению В.О. Ключевского, принагнувшееся и присмирившееся⁹², внутренне было потрясено молниеносным военным успехом Германии и бесславным фиаско империи Наполеона III. Чувство опасности охватило многих его представителей, вынуждая по-новому осмысливать место и роль России в процессе гигантских подвижек в системе международных отношений, непредсказуемость которых таила в себе, скорее всего, только отрицательные, если не катастрофические, перспективы. Под этим углом зрения стало принято оценивать и все сложные проблемы, с которыми сталкивалась Россия в своей внутренней и внешней политике⁹³.

⁹¹ О России и русской философской культуре. С. 423. В “Яснополянских записках” Д.П. Маковицкого есть запись от 14 января 1905 г., из которой следует, что говорил Л.Н. Толстой о влиянии Победоносцева на всю линию поведения Николая II. “Какое мировоззрение, – говорил Толстой. – Вот на каких идеях воспитан Николай II! Это точь-в-точь то, что он делает” (У Толстого 1904–1910. Яснополянские записки Д.П. Маковицкого. Кн. 1. С. 135); Один из лидеров партии кадетов, В.А. Маклаков, в своих воспоминаниях называл наставника двух последних российских монархов главным гонителем либерализма в России (Маклаков В.А. Вторая государственная дума. М., 2006. 54).

⁹² Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 323.

⁹³ И.К. Пантин, Е.Г. Плимак и В.Г. Хорос в книге “Революционные традиции в России, 1783–1883 гг.” (М., 1986) справедливо отметили, что импульс буржуазного развития, полученный Россией во второй половине XIX в., воспринимался и в качестве примера, и в качестве внешней угрозы (С. 25, 35). Н.Я. Эйдельман был склонен видеть в поражении в Крымской войне главную причину возникновения синдрома “капиталистического окружения” (Эйдельман Н.Я. “Революция сверху” в России. М., 1989. С. 107).

Возник комплекс опасений – оказаться раздавленным стремительно наращивающим индустриальную мощь капиталистическим Западом. Техническая оснащенность западноевропейских армий и их военная организация (в первую очередь Германии) навевали самые мрачные предчувствия, а прозрачные намеки на желание утвердить имперский интерес какой-либо одной державы в Европе и даже мире (опять-таки в первую очередь Германии) вызывали неподдельную тревогу. Ф.И. Тютчев писал А.Ф. Аксаковой летом 1870 г.: “Хорошо, если бы я ошибался в своих предвидениях! Ведь падение Франции, сколь не заслужено оно глубоким, внутренним разложением нравственного чувства, было бы тем не менее огромным бедствием со всех точек зрения, особенно же с точки зрения нашей собственной будущности... Ибо насколько соперничество сил, образующих Западную Европу, составляет главнейшее условие этой будущности, настолько же окончательное преобладание одной из них явится страшным камнем преткновения на открывшемся перед нами пути, и пуще всего на свете – неминуемое осуществление объединения Германии...”⁹⁴.

Прямые отголоски этой повышенной встревоженности находим в публицистике Константина Леонтьева. В его понимании реальный сценарий германской экспансии предусматривал обеспечение “за Германией на долгие времена” страшного перевеса “над всем не только европейским, но и ближайшим азиатским миром”. Одним из результатов такого развития событий оказалось бы то, что “полу-татарская Московия была бы отброшена к Сибири и Кавказу”⁹⁵. Это цитаты из статьи Леонтьева, опубликованной в “Русском вестнике” за 1873 г.

Итак, Россия, возбуждавшая длительное время после падения Наполеона I, опасения европейцев в связи с приписываемой ей идеей создания всемирной монархии, сама оказалась перед аналогичным вызовом, причем с каждым десятилетием становившимся все отчетливее. Он усиливался благодаря настойчивости движения в защиту независимости Польши, откровенно призывавшего Запад начать “крестовый поход” против России с последующим вытеснением ее из Восточной и Центральной Европы, а по возможности – дальше за Днепр. Пропаганда польских борцов за свободу вносила раскол даже в консервативный лагерь друзей

⁹⁴ Тютчев Ф.И. Указ. соч. С. 322; о внешней угрозе Западу в оценке политиков и военачальников русской империи в начале XX в. см.: Сергеев Е.Ю. Военно-политическая элита российской империи о “внешней угрозе” с Запада накануне Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2000. № 5.

⁹⁵ Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. С. 36, 37.

России на Западе, а бесчисленные публицисты разного калибра в своих статьях оправдывали любые антироссийские планы, откуда бы они ни исходили⁹⁶.

В России читали книгу идеолога германского объединения Густава Дицеля, призывавшего еще в 50-х годах XIX в. немцев к войне против России с целью снятия главного препятствия к объединению⁹⁷. Маркс и Энгельс, исходя из интересов борьбы за “освобождение труда”, также мечтали о подобной войне, рассчитывая, что в ее ходе и путем устранения российской сверхдержавы в Европе вновь будет дан толчок революции. Славянский мессианиззм, распространяемый славянофилами и “раннего” и “позднего” периодов, адресованный по большей части к южнославянским народам, повышал градус пангерманизма до яростной русофобии. Уже в начале 50-х годов XIX в. взгляды некоторых германских консерваторов, выступавших за легитимистскую солидарность русского и германского монархов, воспринимались как анахронизм. Характерно, что ни в Берлине, ни в Москве никто не питал никаких иллюзий на этот счет на протяжении последующих десятилетий даже в моменты потепления российско-германских отношений⁹⁸ и акций, свидетельствовавших о “сердечных” узах двух династий.

При всех успехах русской дипломатии в восстановлении баланса сил в Центральной Европе после франко-прусской войны ее руководителей – Горчакова, Гирса, Лобанова-Ростовского, Шишкина – никогда не покидало острое чувство нестабильности созданной системы сдержек и противовесов, возможности возникновения на ее развалинах враждебных комбинаций. Россия не ощущала, что ее западная, южная и восточная границы находятся в безопасности, поскольку во всех странах Запада, независимо от уровня разногласий между ними, была распространена (на разных уровнях) идея защиты “самых ценных благ западной цивилизации” от восточной деспотии, от нового Тамерлана в лице российского государя. Когда в ходе русско-турецкой войны 1877 г. Россия осуществила некоторые важные заповеди “все славянского единства”, западные державы сомкнули ряды в стремлении не дать ей воспользоваться результатами трудной победы. Сан-Стефанский договор России и Турции, очень благоприятный для первой, был пересмотрен на Берлинском

⁹⁶ Kennan G.F. The Marguis de Custine and His Russia in 1839. P. 87.

⁹⁷ Diezel G. Rusland, Deutschland und die östliche Frage. Stuttgart, 1853. S. 61 ff, 99 ff.

⁹⁸ Ламздорф В.Н. Указ соч. С. 233, 245–249, 263, 265, 267, 268; Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбаченок, Г.А. Санина. М., 1992. С. 256–274.

конгрессе 1878 г. со значительным ущербом для России. Самую непримиримую позицию по отношению к ней заняли Англия и Австро-Венгрия. Но за непреклонными Б. Дизраэли и Д. Андраши маячила фигура “честного маклера” – председателя конгресса О. Бисмарка.

Правящая олигархия России, пытаясь обезопасить тыл в ходе экспансии на Дальнем Востоке и в Азии, слишком дорожила своим статусом части европейской системы, чтобы демонстрировать обиду и возмущение по поводу закулисной игры мнимых посредников и доброжелателей, к которым присоединились и США. Но были и другие причины проявлять сдержанность и готовность к уступкам. Россия должна была думать, как писал К. Леонтьев, о “соперниках опаснее турок” – об угрозе “внутренним делам”, которые вызывали тревогу, не меньшую, чем враги внешние⁹⁹. Внутренний раскол и все увеличившую изоляцию царского режима от его подданных уже невозможно было никак замаскировать о чем западная дипломатия была прекрасно осведомлена¹⁰⁰. Еще во время переговоров с Россией в 1867 г. по поводу покупки Аляски в Вашингтоне знали об ахиллесовой пяте российской дипломатии. И интеллектуалы из тех, кто объявил отсталость России важнейшим условием сохранения ее самобытности, внутренне сознавали, что углубляющийся культурный разрыв между Россией и Западом имеет военно-стратегическое и дипломатическое измерение, влияя на соотношение сил в мире не в пользу России.

До Крымской войны территория и огромная сухопутная армия делали Россию единственной сверхдержавой в Европе, после нее – оба эти фактора оставались необходимыми, но уже явно недостаточными. Статус державы все в большей степени определялся культурным и экономическим потенциалом, образованностью населения и его самодисциплиной, эффективностью рационально организованной системы управления, продовольственным положением, наличием развитого врачебно-санитарного контроля и транспортной инфраструктурой, и, наконец, определенным уровнем политического свободомыслия. Претензии России на великодержавность к концу XIX в. уже не отвечали этим критериям, а между тем они становились “аршином общим”, универсальным,

⁹⁹ Леонтьев К. Собр. соч. Т. 5. С. 34.

¹⁰⁰ Замечание германского посла в Петербурге фон Бюлова об относительно осторожной политике министра иностранных дел России Н.К. Гирса (1820–1894) оказалось поистине провидческим: “Гирс, – писал он, – прекрасно знает, что в России в случае внешнего поражения вспыхнет революция, по сравнению с которой Парижская Коммуна покажется детской забавой” (Русская дипломатия в портретах. С. 260).

причем безальтернативно на все времена. России, говорил Н.А. Бердяев, не удалось к концу XIX в. стяжать себе положительную силу и мощь, чтобы осуществить свою миссию в мире, преодолев провинциально-замкнутое существование и одновременно славянофильское самодовольство вкупе с западничеством рабством¹⁰¹.

Чувство тревоги и даже страха перед Германией после 1870 г., умноженные ожиданием сговора Берлина с Лондоном и, возможно, даже Вашингтоном, охватило не только правительственные сферы, но и широкие общественные круги. Осознание внутренней слабости, наряду с резким изменением не в пользу России ситуации на ее западной границе, привело к критическому переосмыслению произоляционистского курса во внешней политике, длительное время проводимого А.М. Горчаковым. Идеям модернизации России, столь ярко выраженным в деятельности М.Т. Лорис-Меликова, Д.А. Милютина, А.А. Абазы, С.Ю. Витте и других, сопутствовало появление новых взглядов на проблему приоритетов во внешней политике и упреждающих мер на случай возникновения прямой угрозы российским интересам в зонах “пограничья”.

Быстро индустриализующийся капиталистический Запад прорывал со старой миросистемой, с “долгим миром” в создании которого с момента борьбы с Наполеоном I Россия принимала непосредственное участие. Расставаясь с Венской системой и вступая в период “вооруженного перемирия” (1871–1914 гг.), Запад активно взялся за вытеснение России из Европы и подавление ее притязаний на роль защитника христианских ценностей и опоры равновесных межгосударственных отношений. Усилилось воздействие Запада на движения национальных меньшинств на окраинах России с поддержкой попыток их обособления¹⁰². Болезненное всего к этому отнеслись славянофилы и почвенники. Наступал, как считал К. Леонтьев, час выбора между вхождением в европейское сообщество (участие в “европейском концерте”) путем территориальных уступок и культурной ассимиляции и отстаиванием своей отдельности, своего особо политико-географического пространства, исторически сложившегося этнокультурного образования. Предпочтение часть официальной России и поддерживающие ее европейски ориентированные сословия и идейные течения отдавали первому варианту, в то время как логика конфронтационного мышления приводила к постулату,

¹⁰¹ См.: Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 53, 64, 126.

¹⁰² Дегоев В.В. О роли императива безопасности в русской истории // Россия XXI. 2003. № 4. С. 35–37.

выраженному еще в 1875 г. тем же Леонтьевым: Россия должна крепить себя, “меньше думать о благе и больше о силе. Будет сила, будет и кое-какое благо, возможно”¹⁰³.

Сообразуясь с подобного рода умонастроениями, российская дипломатия прилагала максимум усилий для выполнения двуединой задачи, включавшей блокирование попыток, направленных на воссоздание антирусской коалиции держав по образцу “крымской коалиции”, на усыпление их бдительности и вовлечение присоединенных в Средней Азии, Закавказье и на Дальнем Востоке земель к России в систему национальной безопасности, предполагавшей ее военное и политическое присутствие на максимально удаленных от ядра России, геополитически связанных с нею территориях. Задача завоевания мировой гегемонии, не ставилась. Речь могла идти только о предотвращении закупорки артерий мировой торговли на Западе, перекрывания путей к источникам процветания – средиземноморью и устранении давления на западные границы¹⁰⁴.

Может быть, в деятельности генерала Н.Н. Обручева, начальника Главного штаба в 80–90-х годах XIX в., сильнее всего просматривается связь между географией и революцией в вооружениях в последней трети XIX в., убедившего верховную власть рассматривать территориальную экспансию в качестве средства достижения военного паритета с потенциальными противниками на Западе (где преобладание в техническом оснащении армии и превосходство в военной организации признавалось всеми) и в качестве гарантии недостигаемости жизненно важных центров России для внешнего врага¹⁰⁵. Отставание России в оснащении армии и флота новейшим оружием, помноженное на отставание в создании военной инфраструктуры (стратегически важной дорожной сети, складов, инженерных сооружений, средств связи и т.д.)¹⁰⁶, делало такую политику весьма рискованной, но в то же время как бы и неотвратимой. Геополитическая и военная мотивация была в этом деле главенствующей, опережая экономическую. В общественной же психологии все это воспринималось не столько благодаря извечно присущему народу имперскому сознанию или, скорее, приписываемому, чем реальному, стремлению к воплощению идеи третьего Рима, а в большей мере благодаря

¹⁰³ Леонтьев К. Соч. Т. 5. С. 252.

¹⁰⁴ Об этом см.: Рибер А. Дж. Указ. соч. С. 103.

¹⁰⁵ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 80, 123, 215.

¹⁰⁶ Jacobs P. Werden des französisch-russischen Zweibundes 1890–1894. Wiesbaden, 1968. S. 34.

инстинктивному чувству опасности – застрять в состоянии уединения, о котором писал тот же Данилевский, оказаться проигравшим на западных границах и заведомо на Дальнем Востоке. Рождалось понятие “экспансия в целях обороны”.

П.Н. Милюков считал, что русское колонизационное движение целиком определилось потребностями обороны, борьбой “со степью”. Эту идею, высказанную им в “Очерках по истории русской культуры” (опубликованы в 1896–1903 гг.), позднее под социопсихологическим углом зрения развил Н.А. Бердяев. Он утверждал, что в психологию русского народа, внушая ему чувство безопасности, издревле вошла безграничность русского государства, заданная природно-климатическими условиями среды обитания. К тому же многовековая практика породила *народную колонизацию* (т.е. хозяйственное освоение новых земель без применения военной силы и с минимальным участием государства) в форме ухода от гнета верховной власти в поисках лучшей доли на свободные земли, проживание на которых по соседству с сильными конкурентами заставляло одновременно искать защиты у того же царя¹⁰⁷. Современный исследователь пишет: “Государство шло главным образом за склонными к колонизаторской деятельности переселенцами, за казаками”¹⁰⁸. Но так или иначе народная колонизация подпирала наступательную политику России в Азии и на Дальнем Востоке.

Итак, дело не просто в неосознанной тяге к безмерности. Скорее всего, мы здесь сталкиваемся с начатым еще при Иоанне III естественным процессом складывания (сложения) единого евразийского пространства (как верно отметил С.С. Аверинцев)¹⁰⁹, в ходе которого обнаруживалось совпадение или сближение жизненных

¹⁰⁷ Бердяев Н.А. Указ. соч. С: 66, 67. На значение народной колонизации, осуществляемой при поддержке государства, обратили внимание еще историки С.М. Соловьев и А.П. Шапов, причем последний в качестве ведущего фактора в процессе расселения народа выделял поиск оптимального “географического очертания” заселяемых регионов, учитывающий контур природных транспортных артерий (речных систем) и другие физико-географические условия. Согласно теории Шапова, обширная земледельческая колонизация в России не имела однозначно положительного значения, хотя и носила естественно-исторический характер. Так, он отмечал связь между отсталостью страны и стремлением к расселению на больших территориях, дающего преобладание пространства над народонаселением и стимулировавшими развитие экстенсивного земледелия.

¹⁰⁸ Ахиезер А.С. Социокультурное освоение территории России // Человек и природа: Проблемы социосоциальной истории. М., 1996. Вып. 8. С. 68.

¹⁰⁹ Аверинцев С.С. Византия и Русь; два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 219; см. также: Российское многонациональное государство; формирование и пути исторического развития // История и историки. М., 1995. С. 6–167.

потребностей различных этносов, включая прежде всего внутреннюю потребность в коллективной самозащите от внешних врагов и стремление к политической стабильности. Географический императив, властно господствовавший над историческим движением России до конца XIX в., определял ход этногенеза на новом пространстве, в результате чего Российская империя к этому времени окончательно обрела только ей присущую форму – мир миров складывавшегося полиэтнического унитарного государства, как оказалось, постепенно утрачивавшего свою природную связь с титульной народностью.

Уникальное востоко-западное образование, обозначаемое собирательным понятием Россия, испытывая постоянное давление на своих западных границах и желая при этом (если воспользоваться удачным выражением Л.Н. Гумилева) оставаться самим собой¹¹⁰, должно было напрягать все силы, чтобы сдерживать “сословное озлобление” (В.О. Ключевский)¹¹¹ и этнокультурный и конфессиональный партикуляризм отсталого аграрного общества¹¹². Самодержавие прибегало при этом к принудительной русификации, репрессиям, подавлению инакомыслия, ущемлению политических прав нацменьшинств. Однако неверие в то, что только такими методами можно предотвратить (по Леонтьеву) “разложение”, подталкивало в свою очередь к принятию особых мер (в том числе правового и гуманитарного характера) против активно поддерживаемых Западом процессов разрыхления, экономического подчинения и территориального передела – иными словами, к проведению многосторонней политики контрдействия. В ней сочетались два начала – оборонительное и наступательное, однако суть была одна: создание защищенной, прежде всего своей максимальной удаленностью границ от центра, страны методом “мирного проникновения” на “ничейные” территории с разноплеменным составом и распространение на них принципа административного единства метрополии и окраин.

Параллельно решалась еще очень важная, поставленная самим переходным временем на рубеже XIX–XX вв. задача. После иллюзорно триумфального Сан-Стефанского мира Россия сознательно стремилась избегать попадания в рискованные ситуации в Европе, которые возникали все чаще и чаще¹¹³, но, однако же,

¹¹⁰ Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1992. С. 299.

¹¹¹ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 406.

¹¹² “Польский вопрос” – наиболее яркое проявление взрывоопасности ситуации, возникшей для России в плане надежности ее позиций в Европе. “Мы присоединили Польшу, – писал в 1905 г. В.О. Ключевский, – но не поляков, приобрели страну, но потеряли народ” (Там же. С. 399).

¹¹³ См.: Искендеров А.А. Указ. соч. С. 433.

она не могла оставаться пассивной перед лицом вызова, идущего с Востока. В Центральной Азии конкуренция с Англией принимала напряженный и вместе с тем рутинный характер, вроде давнего династического спора. Но на Дальнем Востоке та же конкуренция предстала уже в качестве испытания на вхождение в клуб современных “мировых держав”, причем экзаменаторами выступали не традиционные соперники России (Англия, Франция), часто династически с нею связанные, а молодые, необычайно быстро индустриализирующиеся страны – Соединенные Штаты и Япония, обладающие превосходством в морских вооружениях на Тихом океане. С.Ю. Витте был одним из первых, кто увидел в приращении просторами Сибири и Дальнего Востока, в переселенческой политике точно так же, как и в государственном протекционизме, главное средство “водворения промышленности” в России¹¹⁴. Ресурсы и сырье этих еще не тронутых кладовых России в его понимании становились ее главным козырем в преодолении экономической отсталости и военно-стратегической слабости страны. Но их требовалось защищать, оказывая покровительство всякой деятельности по расширению и освоению восточных территорий со стороны военно-политических структур и активной дипломатии¹¹⁵. Логичным для такого понимания возможностей и рисков, соразмерности силы и слабости являлось проведение политики (по Витте) “сильного, но неподвижного” Китая в противовес прежде всего воинственной и с хорошо технически оснащенными армией и флотом Японии и готовых использовать ее в своих интересах США и европейских держав.

В сказанном выше заключается объяснение двойственности внешней политики России на рубеже XIX–XX вв. – смесь самонадеянности, безрассудства и экспансии с оправданным стремлением обезопасить свои рубежи от далеко идущих притязаний могущественных конкурентов, располагавших к тому времени уже более внушительным потенциалом (экономическим, финансовым и военным) и готовых поставить под свой контроль огромные территории Азии. Все определеннее заявлял о себе демографический фактор, складывавшийся явно не в пользу России. Однако в любом случае после относительно мирного периода во внешней политике России в годы правления императора Александра III с восшествием на престол Николая II стиль поведения России на мировой арене меняется. На смену сверхосторожному Н.К. Гирсу на посту министра иностранных дел приходит настроенный на усиление роли России в мировых делах амбициозный А.Б. Лоба-

¹¹⁴ *Bumte* С.Ю. Указ. соч. С. 268, 290, 328–344, 351.

¹¹⁵ Там же. С. 336, 337, 350.

нов-Ростовский, а после его внезапной кончины в августе 1896 г. – ловкий царедворец М.Н. Муравьев, более всего дороживший благорасположением молодого императора, который, как писал В.Н. Ламздорф, в своем знаменитом дневнике, менял мнение “с ужасающей быстротой”¹¹⁶, часто сообразуясь преимущественно не с государственным, а с личным интересом.

Одним из негативных последствий такого импульсивного, предельно авторитарного стиля руководства внешней политикой России в первой половине царствования последнего Романова стал перенос с начала XX в. центра тяжести на репрессивно усмирительные меры в отношении окраин России, по-видимому, с целью сделать их чем-то вроде укрепрайона на случай большой войны. Увы, пагубность этого решения была вполне предсказуемой. И то, что долго оставалось незаметным для придворных кругов и ближайшего окружения Николая II, оказалось самоочевидным фактом для передовой части общества и в ближайшем будущем обнаружило себя полностью. Проницательный В.О. Ключевский писал в начале 1911 г.: “Противоречие в этнографическом составе Русск[ого] государства на западных европейских и азиатских окраинах: там захвачены области или народности с культурой гораздо выше нашей, здесь – гораздо ниже; там мы не умеем сладить с покоренными, потому что не можем подняться до их уровня, здесь не хотим ладить с ними, потому что презираем их и не умеем поднять их до своего уровня. Там и здесь неровни нам и потому наши враги”¹¹⁷. Добавим, что деятельность фаворитов последнего царя – И.Л. Горемыкина, Д.С. Сипягина, В.К. Плеве, Г.С. Голицына, Н.И. Бобрикова, И.М. Оболенского – и других, отвечавших за работу Министерства внутренних дел и политику на окраинах как будто бы специально была рассчитана на то, чтобы вызывать неприятие, ненависть и протест. Продолжая мысль Ключевского, можно сказать, что и внутренняя оппозиция и потенциальные внешние противники России не преминули извлечь из этой ситуации максимум для себя полезного. Одни, действуя в соответствии с установками на революцию, другие, планируя использовать усиливающуюся напряженность и смуту на окраинах России, ее пористые границы в интересах собственных внешнеполитических замыслов.

И как бы подтверждая прогнозы и опасения западного общественного мнения, с приходом во внешнеполитическое ведомство России М.Н. Муравьева *modus operandi* России в Азии, куда переместилось внимание великих держав в конце XIX в., оказался зер-

¹¹⁶ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 401.

¹¹⁷ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 406, 407.

кальным отражением политики Санкт-Петербурга в отношении многонациональной периферии. Силовые методы вытеснили концепцию “мирного проникновения” на основе раздела сфер влияния, которую (по крайней мере, как это явствует из его воспоминаний) предпочитал С.Ю. Витте. Прямой захват и присоединение территорий, стратегически важных портов, планы превращения различных регионов Китая и Кореи в подвассальные России придатки с последующей их русификацией и даже обращением в православие (на фоне экономической отсталости и усиливающейся финансовой зависимости России от Запада) рассматривались в европейских столицах и в США как очевидный симптом внешнеполитического авантюризма и великодержавных амбиций, имеющих мало общего с реальностью и собственным недавним печальным опытом. В глазах очень многих Россия решила идти на Дальнем Востоке напролом, действуя в одиночку, сжигая мосты, а главное – не беря в расчет свои экономические и культурные возможности. В декабре 1897 г. русская эскадра вошла в Порт-Артур, а чуть позже Россия аннексировала в дни Боксерского восстания Северную Маньчжурию (1900), заявив одновременно о своем монопольном праве на использование ресурсов этого региона. На такой силовой ультрапротекционизм – косвенно означавший не что иное, как признание экономической несостоятельности, – болезненно отреагировали все мировые державы, но болезненнее других Япония и Соединенные Штаты. Буквально все население страны восходящего солнца было возмущено овладением Россией огромной территории, на которую претендовали подданные микадо¹¹⁸.

Америка также не была готова соглашаться с таким способом самоутверждения России в ранге великой евразийской державы, который предполагал запрет на экономическую деятельность “не своих” деловых людей в “своих” заповедных регионах и распространение в одностороннем порядке закрытого режима на зоны влияния. В Вашингтоне уже накопилось достаточно раздражения из-за двойной перестраховки Санкт-Петербурга в отношении проникновения американских предпринимателей на российский Дальний Восток и абсолютистской бюрократии российских провинций, дополнительно снижающей до предельно низкого уровня КПД от вложенных капиталов или любых других деловых инициатив. Стремление российских властей тормозить развитие экономических и торговых связей с Америкой имело свою историю еще со времен 60-х годов (когда на Санкт-Петербург обрушился

¹¹⁸ См.: Глушков В. В., Шаравин А. А. На карте Генерального штаба – Маньчжурия. М., 2000. С. 14.

дождь американских проектов об использовании ресурсов Амурского края). Мотив был один: соображения защищенности России, сохранения единства империи¹¹⁹.

Особая вязкость и неприступность установленных Санкт-Петербургом на российском Дальнем Востоке, а затем и на присоединенных территориях Китая порядков в отношении иностранной торговли и предпринимательской деятельности не стали еще единственной причиной охлаждения в русско-американских отношениях во всем дальневосточном регионе. И хотя сегодня очень многие маститые исследователи именно в столкновении экономических интересов России и США видят причину быстро распространившейся в 90-х годах XIX в. отчужденности в отношениях между двумя странами¹²⁰, принять такую точку зрения означало бы сильно упростить реальное положение. Оно было намного сложнее, но если учесть только один, чисто внешнеполитический аспект, то и в этом случае следует видеть быстро возраставшую роль военно-стратегического фактора и в связи с этим новое понимание национальной безопасности как производного от возникшего повсюду (и очень интенсивно в США) применительно уже к условиям XX в. националистического мышления.

У России были варианты, чтобы избежать ошибок, которые привели к Цусиме и Портсмуту. О них еще говорил в 1893 г. П.Н. Милюков в своей знаменитой публичной лекции “Разложение славянофильства”, указывая на преимущества рассудочного мышления по образцу “западного человечества” перед идеями “раздраженных и осердившихся патриотов”, проповедующих всемирно-историческую роль “русской национальности” и решение задач внешней политики “по Данилевскому”¹²¹, т.е. путем ее активизации по всем азимутам и в наступательном духе. Однако, как свидетельствует В.В. Розанов, в конце 90-х годов победила не просто формула Данилевского¹²², а ее воинственное воплощение с упором на обособленные действия, в сущности исключающие нормальное взаимодействие с другими державами. Такой подход усиленно проповедовался известным публицистом С.С. Татищевым в “Русском вестнике”, его разделяли военные, жаждущие выхода России “из тени” и взявшие за правило внушать царю, что целесообразно сполна проявить характер и перейти к “военным операциям” на опережение в дальневосточном регионе.

¹¹⁹ См.: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М., 1990. С. 143–166.

¹²⁰ *Williams W.A.* The Roots of the Modern American Empire: A Study of the Growth and Shaping of Social Consciousness in a Marketplace Society. N.Y., 1969.

¹²¹ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 5, 6, 19.

¹²² *Розанов В.В.* Указ. соч. С. 35, 36.

С.Ю. Витте так описал встречу 1897 г. императора Николая II и А.Н. Куропаткина, восходящей звезды российского генералитета, военного министра России 1898–1904 гг. “...Куропаткин приехал в Петербург и представил его Величеству записку. Записка эта интересна с точки зрения исторической в том отношении, что из нее видно, что в то время было совершенно естественно, что мы рассматривали Персию как такое государство, которое находится, с одной стороны, под полным нашим покровительством, а с другой – под полным нашим влиянием. Иначе говоря, мы с Персией в то время могли делать то, что мы считали для нас нужным”¹²³. Хорошо знавший Куропаткина и не склонный умалять ни его достоинств, ни его недостатков тот же Витте оценивал подход генерала к внешнеполитическим целям России как воинствующий аннексионизм, не делающий различия между естественным пределом расширения зоны “ответственности” России, исходя из исторических, географических, геополитических и этнокультурных императивов, и необузданной фантазией приверженцев великодержавности “без границ”. Согласно Витте, с начала “маньчжурского инцидента” Куропаткина преследовала мысль “занять Маньчжурию и обратить ее в Бухару”¹²⁴. Но сам Куропаткин уже испытал колебания, когда Николай II приблизил к себе в 1903 г. клику А.М. Безобразова и В.К. Плеве. Все, кто был знаком с их внешнеполитическими взглядами, могли быть уверены – Россия, поощряемая Германией, не просто планирует новые широкомасштабные военные операции на Дальнем Востоке, а только с ними и связывает свое будущее преобладание и престиж в регионе.

Пыл ястребов (хотя, казалось бы, все должно было быть наоборот) подпитывался той же отсталостью, поскольку правительственные ведомства к концу XIX в. пришли к выводу, что Россия экономически в состоянии иметь превосходящую по численности все другие державы сухопутную армию и таким образом получить решающее преимущество над ними. В основе этих расчетов лежало представление, что “сильные наборы и призывы в войска запасных чинов” не нанесут заметного урона стране в силу “господствующего в ней сельскохозяйственного характера экономической жизни”¹²⁵. Российская отсталость противопоставлялась высокоразвитой торгово-промышленной деятельности западных стран, делающей для них дорогостоящим “удержание под ружьем” экономически активного и продуктивного населения За-

¹²³ Витте С.Ю. Указ. соч. С. 370.

¹²⁴ Там же. С. 371; Глушков В.В., Шаравин А.А. Указ. соч. С. 30.

¹²⁵ Заключение Министерства финансов от 24 апреля 1899 г. на записку Ф.Ф. Мартенса // Источник. 1996. № 2. С. 31.

пада. Россия, “в понимании этой новой разновидности державничков”, бросавших на чашу весов в борьбе за безопасность и военное превосходство прежде всего то, что принято называть пушечным мясом в количественном исчислении, была прямо-таки обречена на успех, принимая во внимание благоприятные для нее условия на Дальнем Востоке (близость тылов, наличие коммуникаций и т.д.). И напротив, ее соперники – Япония, уже помышлявшая собрать “весь мир под один кров”, США, Англия – и по отдельности и все вместе – как считали, должны были смиренно отступить перед преобладающей мощью многочисленных русских сухопутных армий. Вопрос о военном конфликте был предreshен, и с каждым годом в европейских столицах, в Вашингтоне и Токио фиксировали все больше признаков преобладания военной партии в окружении Николая II, несмотря на миротворческие инициативы России, связанные с Гаагской конференцией 1899 г.¹²⁶

В какой-то момент не только Куропаткин, но и некоторые другие видные военачальники и политики начали осознавать, что страну буквально выталкивают на тропу войны на огромных пространствах Азии, к которой она не была готова ни в военном, ни в моральном отношении. А между тем катастрофически менялись отношения России с дальневосточными гигантами – Японией и США. Ввод в Маньчжурию 170 тыс. российских солдат осенью 1900 г. в связи с Боксерским восстанием рассматривался в дипломатических ведомствах этих стран как первый решительный шаг к полной аннексии Северного Китая и превращения его в закрытую провинцию России. Топорный просчет российских стратегов дальневосточной политики стоил потерь, которые не поддавались никакому учету, причем главный урон выражался не только в дипломатических просчетах и в шумных возражениях политиков этих стран в парламентах и на других форумах. Всего год назад, в сентябре 1899 г., США провозгласили свою знаменитую доктрину “открытых дверей” в Китае (доктрина Хейя), доведя ее в первую же очередь до сведения Петербурга¹²⁷. Демонстративное отклонение Россией предлагаемых США принципов совместного дележа китайского рынка вызвало немедленно скрытый от невооруженного глаза эффект, в формирующей общественное мнение американской провинциальной печати, чье влияние на русско-американские отношения приобрело со временем устойчиво негативный характер.

¹²⁶ См.: *Lensen G.A. The Russo-Chinese War. Tallahassee, 1967; Prise D.C. Russia and the Roots of the Chinese Revolution, 1896–1911. Cambridge (Mass.), 1974; Zabriskie E.H. American-Russian Rivalry in the Far East: A Study in Diplomacy and Power Politics. Philadelphia, 1946.*

¹²⁷ *Зубок Л.И. Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969. С. 125–131.*

Российская “запоздалость” выражалась еще и в том, что в Петербурге не привыкли видеть обратной связи и зависимости между правительственной политикой стран Запада и окончательно оформившимся к концу XIX в. общественным мнением, посылавшим мощные импульсы в высшие сферы и способным через многочисленные и влиятельные печатные органы мгновенно создать или, напротив, разрушить образ страны, правительства, партии, государственного деятеля. Культ кругосветных путешествий, образовательный бум и широчайшее распространение печатной продукции, местной и центральной прессы в США в 80–90-х годах XIX в. привели к весьма высокому уровню осведомленности американцев о России, особо подогретой событиями вокруг Китая и вторжением русской армии в Маньчжурию. Почти в каждом номере многочисленных газет и журналы печатали статьи о России и российской политике. Мотивом большинства из них было противопоставление “американского пути” и идеологическому мессианству деспотическому, военно-авторитарному, в экономическом и правовом отношении архаическому, антилиберальному режиму, строящему благополучие на примитивном полуфеодальном способе эксплуатации собственного народа и народов, живущих по соседству.

Всего этого в Петербурге упорно не хотели замечать, как не замечали того, насколько быстро происходило сближение позиций Японии, Англии и пока еще предпочитавших держаться несколько “в тени” Соединенных Штатов. В итоге Россия фактически обнаружила себя в положении моральной изоляции. Только под давлением Франции в марте 1902 г. Россия поставила подпись под совместной декларацией о поэтапном (в три срока) выводе русских войск из Маньчжурии, о независимости Китая и политике “открытых дверей” для всех стран в регионе. Однако ни того, ни другого, ни третьего придворная клика, плотной стеной ограждавшая Николая II от раздумий советников – прагматиков, делать не собиралась. У нее оказалось немало и либеральных попутчиков. В принципе они были склонны к компромиссу с великими державами и даже Японией, но обескураженные неэффективностью огромных вложений, сделанных Витте на Дальнем Востоке с 1897 по 1902 г., так и не принеших заметного экономического результата¹²⁸, либеральные группировки оказались заложниками стратегии и тактики удержания status quo, оправдывающего ушедшие в песок гигантские затраты.

Идущий вразрез с общепринятыми правилами характер российского вторжения на рынки Китая с целью их полного подчи-

¹²⁸ *Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904. Berkeley, 1958. P. 188 f.*

нения дополнительно вызывал негодующую реакцию в финансово-промышленных кругах Запада и больше всего в США. У товаропроизводителей и торговых компаний Нового Света накапливался особый счет к незамысловатому арсеналу самоутверждения российского промышленника и купца. К тому же кроме водки и табака, русскому экспортеру нечего было противопоставить товарам и оборудованию из Японии, США, Англии и Германии, идущих в адрес тех же российских посреднических компаний. Спекулянты, наводнившие Харбин, дабы поживиться за счет заказов для КВЖД и армии, оставляли о себе самое неблагоприятное впечатление, вынудив Петербург сделать крен в сторону правительственной интервенции в виде создания полностью подконтрольных казне лесодобывающих, горнорудных и прочих предприятий. Это с неизбежностью повлекло за собой усиление чисто охранительных (военных и протекционистских) мер с целью гарантировать безопасность произведенных вложений¹²⁹.

Но именно такого рода жесткие ограничения сверху частной инициативы и тирания административно-бюрократической регламентации провоцировали единение соперничающих друг с другом индустриально развитых великих держав на антироссийской основе. После учреждения в августе 1903 г. Николаем II наместничества на Дальнем Востоке с центром в Порт-Артуре и во главе с адмиралом Е.И. Алексеевым (вчера еще начальником Квантунской области), которому были предоставлены чрезвычайные (вплоть до дипломатических) полномочия каждому стало понятно, что военного конфликта в регионе не избежать¹³⁰. Наместник императора взял за правило говорить о нанесении первого удара по Японии. Прибегая к более или менее удачному дипломатическому маневрированию в Европе с целью снижения давления на свои западные границы, самодержавие почти с фанатичной последовательностью само содействовало формированию в Японии и в США образа общего для них врага, не желавшего считаться с новыми реалиями, целиком уповавшего на свой избыточный вес хиреющего колосса, пораженного сильнейшими внутренними недугами, а вдобавок еще и не сумевшего адаптироваться к условиям новой эпохи – эпохи перехода к индустриальному обществу.

¹²⁹ *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России и Китая (до 1917 г.). М., 1974.

¹³⁰ *Bumme C.Ю.* Указ. соч. С. 408; *White J.A.* The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, 1964; *Walter D.* The Short Victorious War. The Russo-Japanese Conflict 1904–1905. L., 1975; Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны: В 9 т. СПб., 1910. Т. 1: События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне и подготовка к этой войне.

Слухи о “победоносной маленькой войне” на Дальнем Востоке, длительное время циркулировавшие в аристократических кругах Санкт-Петербурга, и кровавый еврейский погром в Кишиневе (1903) только добавили недостающие штрихи к портрету “российского варварства”, как с конца XIX в. принято стало обозначать в западноевропейских и американских влиятельных публикациях порядки, нравы и обычаи, царившие на просторах российской империи¹³¹. Пройдясь по следам событий 1904–1905 гг. известный российский политический деятель октябрист А.И. Гучков в 1906 г. называл действия российского правительства продуктом “созданного приказным строем доктринерства и оторванности от жизни”. Лидер октябризма испытывал унижение от негибкости, которая сделала Россию предметом злейших нападков.

Строго говоря, русофобии в американском обществе было не больше и не меньше, чем в любой другой стране Запада. “Превратное мнение о России и русских”, заметил в 1884 г. в своих знаменитых воспоминаниях о И.С. Тургеневе американский писатель и почитатель русского классика Генри Джеймс, стало неперменной приправой духовной жизни Запада¹³². Но в Америке по причине тамошней склонности прессы к контрастному изображению иноземных нравов и страсти к поучениям русская тема, как правило, подавалась с особым подтекстом, назвать который дружественным было нельзя. По правде сказать, для критики, сарказма и издевки “четвертая власть” недостатка в аргументах не имела.

Бум путешествий, охвативший состоятельную Америку в конце XIX – начале XX в. и заложивший основы индустрии туризма, сполна удовлетворял потребности на материалы, подкреплявшие доводы в пользу впечатления о России как об отставшей едва ли не на столетие от Запада (а тем более США) стране, где подавляется личность, стране технического застоя, косности, неупорядоченного и лишённого современных удобств быта, политического и правового произвола. Все эти беглые зарисовки “с натуры”, появлявшиеся на страницах широко читаемых изданий, если рассматривать их вне определенного исторического контекста, сегодня следовало бы воспринимать как нелишенные познавательного интереса, но в целом поверхностные путевые заметки. Однако в действительности все обстояло не так безобидно, как это позволял увидеть зауженный взгляд неопитов от модного тогда жанра этнографического бытописания.

¹³¹ См.: Партия и “Союз 17 октября”: Протоколы съездов и заседаний: В 2 т. / Сост. Д.Б. Павлов. М., 1996. Т. 1: 1905–1907 гг. С. 114; Kennan G. Russian Despotism // Outlook. 1907. Vol. 85. Mar. 30: N 13. P. 751–755.

¹³² Джеймс Г. Женский портрет. М., 1981. С. 508.

Русский казус

Американские историки-“ревизионисты”, увлеченные экономическими и геополитическими аспектами возгоревшегося в начале XX в. соперничества США и России на Дальнем Востоке, вольно или невольно обделили вниманием иные причины и факторы, по большей части лежащие в сфере идеологии, психологии и религии¹³³. Строительство Сибирской железной дороги, прокладка Северного морского пути, “освоение” Россией Маньчжурии действительно нервировали определенные круги Америки. Более широкие слои пополняли свой кругозор из дайджестов массовой печати. Распространенное в конце XIX в. в США мнение о “темных славянах” и даже о варварах, питающихся собачьим мясом¹³⁴, заслуживших авторитарный характер правления, оказалось на руку сторонникам переориентации внешней политики США на сотрудничество и союз с Англией и жесткого курса в отношении российской экспансии в Китае и Корее. Рост популярности на глазах утроивших свою численность проповедников борьбы с “азиатским деспотизмом” в крупнейших аудиториях Нью-Йорка и Вашингтона сразу же после убийства Александра II в 1881 г., их пламенные призывы оказать помощь русским революционерам в их усилиях очистить страну от дьявольщины, злодеяний режима и бесправия служили признаком того, что моральные и эмоциональные предпосылки к охлаждению отношений США и России сложились задолго до обозначившейся в конце XIX – начале XX в. конфликтной ситуации между странами в связи с разногласиями в торгово-экономической, международно-правовой и гуманитарной областях¹³⁵.

Жажда высказаться в назидательном тоне по поводу притеснений в некогда дружественной, но отсталой России по времени совпала с таким явлением в американской жизни, которое можно было бы назвать “информационной лихорадкой” и “повальной библиоманией”. На этом фоне с конца 80-х годов XIX в. наиболее заметным событием в потоке печатной продукции становятся статьи журналиста, путешественника и этнографа Джорджа Кеннана из города Монро, штат Мичиган. Посетивший на свой страх и риск в середине 80-х годов XIX в. Россию Кеннан сосредоточил

¹³³ См.: *Williams W.A. American Russian Relations, 1781–1947. N.Y., 1952. P. 24–47.*

¹³⁴ *Павловская А.В. Указ. соч. С. 186–189.*

¹³⁵ *Saul N.E. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, 1996; Журавлева В.И., Фоглесонг Д.С. Русский “Другой”: формирование образа России в США (1881–1917) // Американский ежегодник. 2004. М., 2006. С. 233–281.*

ся в своем бытописании на жизни в Сибири¹³⁶. И это не случайно. Сибирь манила к себе американцев не только богатством природных кладовых, но и внутренним убеждением, что на ее бескрайних просторах вполне могли бы быть осуществимы те же идеалы и нормы, что и на американском Дальнем Западе. Шок, полученный от чтения сибирских зарисовок Кеннана, в которых он описывал царство бесправия, не опроверг этого убеждения, но заставил взглянуть на всю проблему под более острым углом. Появление же в 1891 г. на книжных прилавках США книги Кеннана “Сибирь и каторга”, подняв градус возмущения еще выше, надолго нагрузило сознание читающих американцев представлением о России как о стране, внутренне неустроенной, а главное управляемой кичливыми правителями и насаждаемой ими бюрократией. В целом же в истории найдется мало книг¹³⁷, которые бы так основательно перестроили национальное восприятие загадочной полуевропейской, полуазиатской страны, создав стойкий стереотип общества, обреченного вечно оставаться на опушке цивилизации.

Голод 1892–1893 гг. в России и гонения на либерализм 80–90-х годов, политические процессы и казни, еврейские погромы и поток эмигрантов из России – все это еще сильнее утверждало в мысли, что Россия есть одна “большая тюрьма”. Те же преувеличения, которые со временем были обнаружены в книге Кеннана, выдержавшей множество переизданий, выдавали не только растущую антипатию образованных слоев американцев к царизму, поддержку ими русской оппозиции, особенно той ее части, которая предпочитала всему последовательный республиканизм

¹³⁶ См.: *Travis F. George Kennan and the American-Russian Relationship. 1865–1924.* Athens (Oh.), 1990. И хотя многие исследователи считают, что Кеннан оказал серьезнейшее влияние на представления американцев о России, они же, не скрывая своей критичности, называют его взгляды излишне политизированными. Другими словами, рисуя картины российской жизни, нравы и обычаи подданных империи конца XIX в., Кеннан активно агитировал за ниспровержение самодержавия в России и установление режима “либеральной демократии”. Эту непримиримость к российскому выбору Кеннан впоследствии перенес и на советские порядки, заклиная президента В. Вильсона ответить на большевистскую революцию полномасштабной интервенцией. Поначалу Кеннан был уверен, что царь ссылает длинноволосых нигилистов с безумными глазами в Сибирь во имя торжества гуманизма и права, но затем он решил, что революционеры-интеллектуалы думают о благе народа и заслуживают его благодарности. Однако окончательный вердикт был абсолютно неблагоприятен для российских бунтарей: они несли с собой смертельную угрозу либерализму. Изменяющийся вектор кеннановской рефлексии времени его публицистической карьеры очень характерен и для последующих попыток разгадать тайну “славянской души”.

¹³⁷ *Kennan G. Siberia and the Exile System.* In: 2 vol. L., 1891; см. также о Кеннана: *Wilson F. Moscow: Russia Through Foreign Eyes, 1553–1900.* L., 1970.

США и их пример вхождения в индустриальное общество, но и усилия к тому, чтобы приручить ее себе, сделать своим союзником. Малейшие проявления симпатий со стороны этой части оппозиции к Америке, к звездно-полосатому флагу вызывали бурную реакцию одобрения и часто перетолковывались на особый лад с акцентом на всемирную глорификацию страны Джефферсона и Линкольна. Расширявшийся круг потребителей русских зарисовок Кеннана и многих его последователей видел в том добрый знак, свидетельствовавший о жизнеспособности идеи американизации России через приобщение ее к культуре американской демократии. Важным доводом в пользу реальности пересадки идей “самоуправления” по образцу американских городских собраний в штатах Новой Англии многим представлялось наличие сходства судьбы американских и русских поселенцев на необжитых территориях приграничья, “фронтيرا”, где и те и другие получали уникальную возможность пользоваться свободой выбора в отношении институтов власти и вероисповедания¹³⁸. Кеннан буквально грезил пришествием американских порядков в Сибирь вслед за крушением “русского деспотизма” и как следствие – заселение ее свобододолюбивыми, умеющими отстаивать собственные достоинство и идеалы людьми.

Преображение России, резко порывающей с наследием царизма, тоталитарной власти и церковной ортодоксии, меняющей свои цвета и становящейся подобием двойника Америки, как цель не оставляла публициста и все последующие годы. В 1907 г. (т.е. сразу же после первой русской революции) в статье “Русский деспотизм”, опубликованной в журнале “The Outlook”¹³⁹, Кеннан в патетических тонах обрисовал фанатичную веру мужественных борцов за свободу России и идеалы американской демократии. Образ, выбранный им для придания этой умозрительной картине большей убедительности, был призван рассеять любые сомнения: ничуть не опасаясь быть обвиненными в антипатриотизме, русские узники совести в тюремных застенках молятся на американский флаг и возносят хвалу Декларации независимости. Легенда, вполне возможно придуманная самим Кеннаном, указывала на политические мотивы американской либеральной мысли, включившейся в поход за активное внедрение принципов американизма на пространстве за пределами Нового Света.

¹³⁸ Noble E. The Russian Revolt. L., 1895; Bassin M. Turner, Solov'ev and the “Frontier” Hypothesis. The National Significance of Open Spaces // Journal of Modern History. 1943. Sept. N 65. P. 473–511.

¹³⁹ Kennan G. Russian Despotism. P. 751–755.

В июле 1914 г. Кеннан, предчувствуя стремительное приближение новой волны демократической революции в России, вновь обратился к размышлениям о выборе пути для страны, столетия жившей под ярмом “деспотической тирании” и крепостничества, но никогда, по его мнению, не оставлявшей надежды от них избавиться. Вывод его был однозначен: России суждено найти свое место в одном ряду с сообществом “англосаксонских народов”¹⁴⁰.

Это было весьма смелое заявление, сделанное в обстановке господствующих тогда в просвещенных слоях американского общества социально-биологических теорий, в частности евгеники. Взгляд на славянскую расу и русский народ с позиций биологизма, как на второсортный продукт этногенеза распространялся все шире по мере умножения контактов американцев с Россией, их встреч с огромной массой подневольных слепо подчинявшихся авторитарной власти людей. Убеждение, что русские люди смирились с режимом тирании, который они безропотно сносят много веков, было столь сильным, что любые попытки доказать обратное и объявить их равно способными к самоуправлению, самодисциплине и самоорганизации представлялись в глазах “странствующих” бытописателей не более, чем чудачеством либо прямым отголоском чисто русского утопизма, ради голубой мечты, готового выдать черное за белое, а белое за черное. Не являлось случайным совпадением и то, что возникшее в либеральном Бостоне Общество американских друзей русской свободы (SAFRF) имело в своих рядах в качестве членов-основателей много выходцев из семей видных аболиционистов, в частности У. Гаррисона-младшего, Дж. Хоу, Дж. Уайтьера и др. Секретарь этого общества Эдмунд Ноубл косвенно признавал, что проводимые параллели не прибавляют убедительности агитации в пользу приобщения “политических рабов России” к свободным институтам западного общества¹⁴¹, но настаивал на том, что именно “вы-

¹⁴⁰ Kennan G. The Russian People: Repression and Oppression. A Discussion in Letters // Outlook. 1914. Vol. 107. July 18. P. 650.

¹⁴¹ Очень основательно эта тема раскрыта в статье Дэвида Фоглесонга, показавшего всю глубину возникновения неудержимой тяги американских либералов к перестройке России по образцу американской демократии и республиканизма (см.: *Фоглесонг Д.С. Истоки первого американского похода за “Свободную Россию”* // Россия XXI. 2005. № 5. С. 100–133). Фоглесонг приводит в своей статье ряд очень выразительных цитат из бостонской газеты “Свободная Россия”, из которых следует, сколь безоговорочно сторонники демократизации России уверовали в возможность осеменения ее ценностями, произрастающими в животворном климате конституционализма и уважения к правам личности в Новом Свете. Газета, в частности в 1893 г., на видном месте опубликовала текст выступления бостонского оратора Генри Путмана, который просил сограждан одобрить идею американизации России: “Не должны ли мы, – говорил он, –

сокий расовый статус” англоамериканцев обязывает их стать па-стырем, поводырем для русского народа в его стремлении к высшим формам социальной и политической организации.

Мысленно вписывая раскрепощенную Россию в планетарную конструкцию американского образца, сторонники русской свободы волей-неволей были вынуждены переносить огонь своей критики с азиатской нецивилизованности, безалаберности и примитивных потребностей задавленных нищетой российских масс на пороки политического режима, сделавшего народ рабом своей алчности. Общим местом становилось противопоставление правопослушной, демократической Америки деспотичной, помещанной на сословных привилегиях России, американской тяги к просвещению – российскому невежеству и косности. Кеннан шел дальше всех: российское правительство не имеет права на существование, и, по словам бытописателя сибирской каторги, “долг русского народа – свергнуть его”¹⁴².

Религиозный ривайвализм, охвативший протестантскую Америку в конце – начале XX в. (Джордж Кеннан был увлечен этой мощной обновленческой волной, исповедовавшей очень близкий к толстовству активный гуманизм, открытый новым веяниям), содействовал перемещению фокуса приложения сил поборников американизма с частных задач на вселенский уровень¹⁴³. На практике это означало не только расширение экспансии протестантских проповедников, фанатично преданных идее подъема всего человечества до уровня англосаксонской расы, но и активное наступление на позиции тех христианских вероучений и конфессий, которые, следуя своим догматико-каноническим началам, стремились к обособлению. Особую неприязнь вызывали конфессии, которые, открыто декларировали желание сохранить свое многостороннее влияние на жизнь общества через самое тесное взаимобязывающее сотрудничество с государством. Но именно такими были церковно-государственные отношения в России, где Русская

в порядке нагрузки взять отсталую Россию на попечение, обеспечив проникновение жизнеутверждающего света свободы в ужасные казематы Сибири и водружение зовущих вперед знамен демократии над мрачной крепостью московского деспотизма?” Риторическая пафосность этого призыва оттеняла всю силу надежд, испытываемых идеологами американизма, на успех замещения царства российской несвободы и неподвижности на царство по-американски скроенных демократических институтов, деловитости и динамизма.

¹⁴² Цит. по: Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война: Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 30.

¹⁴³ Marty M.E. Righteous Empire: The Protestant Experience in America. N.Y., 1970; McLoughlin W.G. Revivals, Awakenings, and Reform: An Essay on Religion and Social Change in America, 1607–1977. Chicago, 1978.

православная церковь (РПЦ), сохраняя верность традиционализму, решительно противилась обновленческому реформаторству, ведущему к нарушению такого сотрудничества и предоставлению простора для конфессий и сект, отстаивавших религиозные свободы по западному образцу. Авторы “Свободной России”, а вместе с ними и Джордж Кеннан без колебаний направили критику против РПЦ, объявив ее “рудиментом Средневековья” и оплотом царизма, мешающим просвещению народа и высвобождению его из-под ига монархической реакции. Кеннан последовательно развивал этот мотив на протяжении многих лет вплоть до появления примечательной во многих отношениях и прежде всего самим моментом выхода в свет в 1915 г. книги “Русская комедия ошибок”¹⁴⁴.

Мало-помалу убеждение, что в России отсутствует религиозная свобода и что необходимо оказать на нее давление с целью добиться слома “окаменелой системы” РПЦ проникало во властные и общественные структуры США. Фактически они поддерживали набравшее силу движение за вестернизацию империи Романовых и секуляризацию культурной жизни России по примеру США. В 1892 г. и демократическая, и республиканская партии включили в свои предвыборные платформы пункты осуждения религиозных преследований в России¹⁴⁵, дав повод многим печатным органам подхватить тему мобилизации общественного мнения против “бесчеловечности” царизма, чье самовластие могло быть прервано не безбожным социалистическим нигилизмом, а усвоением готового опыта американской демократии¹⁴⁶. Однако несмотря на неординарные усилия, Кеннан и “Свободная Россия” не смогли добиться полного пропагандистского успеха, на который они рассчитывали. Тому было много причин. Главные – засилье олигархов и невзгоды переходного времени. В самих Соединенных Штатах они вызвали обострение внутренних трудностей и вопиющие провалы. Этот, мягко говоря, не вполне благоприятный фон послужил поводом для ответных выпадов симпатизировавшей России части общественного мнения (в основном социалистов, социальных критиков и “разгребателей грязи”) против сторонников ее американизации¹⁴⁷.

Однако сила воздействия на устроения американцев потока негативной информации о России, подкрепляемой все новыми волнами эмигрантов, чьи личные трудные судьбы служили

¹⁴⁴ Kennan G. A Russian Comedy of Errors. N.Y., 1915.

¹⁴⁵ National Party Platforms / K.H. Porter, compiler. N.Y., 1924. P. 163, 175.

¹⁴⁶ Travis F.F. Op. cit. P. 178–181.

¹⁴⁷ Фоглесонг Д.С. Указ. соч. С. 130.

живой иллюстрацией к знаменитой лекции Джорджа Кеннана “О русском деспотизме”, прочитанной в Карнеги-холл в Нью-Йорке 4 марта 1907 г., была неизмеримо большей. Отчаянные попытки отдельных влиятельных американских “славянофилов” – таких, например, как сенатор-республиканец Альберт Беверидж – переломить настроения американцев в пользу политико-морального конкордата с царизмом как гаранта стабильности на гигантском евразийском пространстве успеха не имели¹⁴⁸. Столь же слабый отклик нашла идея Бевериджа – отказаться от критики института самодержавия, которое могло бы быть постепенно “усовершенствовано” методом направленного воздействия со стороны и постепенной внутренней эволюции.

Кровавое начало царствования Николая II, следовавшие затем черносотенные акции, погромы евреев в ряде городов России, обострение аграрных отношений, бунты в деревнях и жестокая расправа над бунтующими, не находившие оправдания на Западе, русско-японская война, наконец, революция 1905–1907 гг. и ее подавление – все это не прибавило, а убавило число сторонников “созерцательного” подхода к самодержавной России. Экономический кризис 1903 г., вызвавший резкую напряженность во внутренних социально-классовых отношениях в США, послужил дополнительным предлогом к тому, чтобы переключить внимание демократической общественности на злодеяния царизма, на ущемление прав нацменьшинств в России и на ее невероятные контрасты: изысканная духовность европейски образованного общества двух столиц соседствовала рядом с властью тьмы, невежеством и неустроенностью “угрюмого простонародья” за их пределами. Голоса, вторящие Джорджу Кеннану, без труда перекрывали одиночные выступления “лакировщиков” русской действительности. Американских визитеров в Россию становилось все больше, их взгляд – все более острым и критичным, а их высказывания – все более категорическими и нелицеприятными¹⁴⁹.

Один из таких “следопытов”, Уильям Сеймур Эдвардс, в 1902 г. писал из Москвы, что его шокирует сосредоточение в России богатства и изобилия в руках немногих и нищета большинства. Эдвардс отмел претензии российской верхушки на право назы-

¹⁴⁸ *Beveridge A. The Russian Advance. L.; N.Y., 1903; Северо-Американские Соединенные Штаты и царская Россия в 90-х годах XIX в. / Сост. Ф. Кельин // Красный архив. М., 1932. № 3(52). С. 133–134; Babey A.M. Americans in Russia. 1776–1917: A Study of the American Travelers in Russia from the American Revolution to the Russian Revolution. N.Y., 1938.*

¹⁴⁹ *Журавлева В.И. “Давид против Голиафа”: образ России в американской политической карикатуре периода русско-японской войны // США и Канада. 2007. № 10. С. 66–83.*

ваться вершителями судеб великой, идущей в ногу со временем мировой державой. Он назвал Россию страной средневековой, интеллектуально и морально находящейся в стороне “от прогресса нашего века...” Вглядевшись в окружающее и ощутив дыхание приближающихся перемен, Эдвардс писал о близости неизбежной революции. Ее размах и глубина определялись, по его мнению, “чудовищной неудовлетворенностью, настолько глубоко укоренившейся и такой мощной, что, когда наступит этот роковой день, а настанет он скоро, тогда мир увидит в России сатурналию крови и слез, сведение счетов, накопившихся за тысячу лет и осуществляемых с такой ненавистью, о какой Марат и Робеспьер могли только мечтать, – сатурналию, настолько страшную и вместе с тем такую радостную, какую никогда не знало человечество”¹⁵⁰.

Едва ли автор этого зловещего (к несчастью, оправдавшегося) прогноза помышлял о чем-то ином, кроме максимально приближенного к реальности отображения увиденного им в России в “благополучном” 1902 г. Но он предчувствовал, что потрясения в России будут соответствовать глубине кризиса, внутренне расшатанного самодержавием и “обескровившего” его, т.е. фактически лишившего его массовой опоры и надежды на выживание. Не все соглашались с такой оценкой, но подавляющее большинство американцев полагали, что сотрудничество с царизмом аморально, бесперспективно, неоправданно и даже небезопасно с точки зрения политической стабильности в самих США, где обострился рабочий вопрос, высокого уровня достигло фермерское движение и борьба за гражданские права. Выражение симпатий царизму могло, как считали, содействовать расколу общества и подогреть настроения солидарности с русскими революционерами даже среди умеренных прогрессистов, не говоря уже об активизировавшихся социалистах и анархосиндикалистах. Культ Л.Н. Толстого в Америке укреплял интерес и доброжелательность ко всему русскому, бывшему в оппозиции к официальной России, к царизму. Поднимающий в Америке голову прогрессизм¹⁵¹ заставлял официальные круги по-особому относиться ко всему, что несло отпечаток непопулярности режима Романовых.

Желание либеральной Америки услышать серьезный прогноз внутривнутриполитического положения и внешнеполитического курса России почувствовал на себе П.Н. Милюков, приглашенный в 1903 г. прочитать курс лекций по истории русской “катастрофы”

¹⁵⁰ *Edwards W.S. Through Scandinavia to Moscow. Cincinnati, 1906. P. 153.*

¹⁵¹ *Белявская И.А. Роберт М. Лафоллет: Цена независимости (1855–1925). М., 1995. Ч. I. С. 43–83.*

(противостояние народ – самодержавие) в Институте Лоуэлла (Lowell Institute) в Бостоне¹⁵². Фактически выступление Милюкова вылилось в длинный и заинтересованный разговор о вызревании русской антимонархической революции. Само изложение материала, писал позднее Милюков, превратилось “в пророчество”¹⁵³, встреченное с пониманием. Вся американская публика жила ожиданием “яростной революции” в России, симптомы которой отслеживались печатью и видными обозревателями самых разных направлений¹⁵⁴. Сравнения с движением социального протеста в самих Соединенных Штатах еще не были столь пугающими, как это произошло после кровавого воскресенья 9 января 1905 г., поэтому сочувствие оставалось на стороне гонимых.

Масла в огонь подливало обострение так называемого паспортного вопроса, вызванного к жизни волной еврейской иммиграции, поднявшейся после 1 марта 1881 г. и прямо связанной с участвовавшими еврейскими погромами и гонениями на евреев в России¹⁵⁵. Одно из самых глубоких размышлений на эту тему оставил после своей поездки в июле–августе 1913 г. в США В.И. Вернадский. Вот отрывок из его путевых впечатлений: “Несомненно первые пути были проложены в Америку русскими евреями. Гонения и погромы, разорения и стеснения заставили их двинуться тысячами семей в Новый Свет. Русских евреев мы встречаем всюду. Несомненно, часть их – мужская молодежь – бежала от воинской повинности, но большая часть сейчас бежала от гонений, убийств и притеснений. Здесь в Америке особенно ярко видно, какую огромную творческую созидательную силу потеряла Россия в безумной политике антисемитизма в тех его диких формах, которые нашли себе место у нас. Мы привыкли читать в истории об экономических потерях – и выгоде соседних стран, – связанных с отменой Нантского эдикта во Франции, изгнанием евреев и мавров из Испании, выселением протестантских семей из католических стран, охваченных контрреформацией, обезлюденной Ирландии. Здесь мы переживаем тот же исторический процесс с теми же последствиями, как и другие аналогичные примеры печальных страниц западноевропейских стран. В массе евреев, прекрасно устраивающихся в Новом Свете, являющихся силой, поднимаю-

¹⁵² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 145, 146, 151.

¹⁵³ Там же. С. 146.

¹⁵⁴ См.: Walling W.E. Russia's Message: The True World Import of the Revolution. N.Y., 1908.

¹⁵⁵ Подробнее см.: Энгель В.В. Американский паспорт и русско-еврейский вопрос в конце XIX – начале XX века // Американский ежегодник. 1991. М., 1992. С. 104–120; История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918. С. 117, 118, 266.

щей его национальное богатство, мы потеряли часть того капитала, который история дала России и которым должны были щедро воспользоваться его государственные люди...

Потеря материальной и умственной силы, созданная безумной политикой антисемитизма, имела и других спутников. Здесь за океаном можно только вспомнить о том брожении и волнении, которые происходят сейчас в виде еврейского вопроса у нас на родине. Каждая русская газета, сюда попадающая из России, или русская газета, издающаяся в Новом Свете, наполнена гнетущими воспоминаниями”¹⁵⁶.

Но и каждодневная практика давала обильную пищу для подогрева антироссийских настроений как в недрах американского общества, так и в государственных структурах страны, в частности в Конгрессе. Практика дискриминации приезжавших из США часто по коммерческим делам евреев – выходцев из России, давно ставших полноправными американскими гражданами, вызывала особое возмущение. Не помогали никакие ссылки на российское законодательство. Тот факт, что американский паспорт в руках еврея, приехавшего в Россию, не избавлял его здесь от всякого рода притеснений и оскорблений, истолковывался в США прежде всего как нарушение договорных обязательств в области коммерции и торговли, предусмотренных русско-американским торговым договором 1832 г. Однако Американский еврейский комитет (АЕК), справедливо усмотрев в реагировании американского правительства на “паспортный вопрос” в российско-американских отношениях признаки уклонения от вмешательства, поднял вопрос на более высокий уровень. Таким способом Конституция и Билль о правах были вовлечены в дебаты о нарушении Россией прав американцев, благодаря прессе поднятыми на общенациональный уровень. Забыв о собственной, откровенно джингоистской, позиции в отношении азиатских и латиноамериканских народов, о расовой дискриминации афро-американцев, американская столичная и провинциальная печать азартно принялась обсуждать сложившееся положение, требуя от Конгресса и правительства санкций в отношении России. Аннулирование договора о торговле и мореплавании 1832 г. значилось первым в их числе. В полемике с противниками создания избыточного напряжения в российско-американских отношениях сторонники этой меры, часто обходя суть вопроса, переносили внимание на принципиальную несхожесть государственных и политических систем

¹⁵⁶ Вернадский В.И. Мысли за океаном // Независимая газ. 1998. 11 марта. С. 8.

двух стран, противопоставляя Америку (эталон демократии) России (оплот абсолютизма).

В январе 1911 г. Л. Маршалл, один из руководителей Американского еврейского комитета (АЕК), выступил с речью “Россия и американский паспорт”, в которой, отбросив в сторону доводы юридического порядка, без обиняков заявил: “Абсолютистское государство не может питать добрые чувства к свободе, к конституционному правительству, к демократии или республиканизму, любить нас и наши институты, если Россия это и делала, то объясняется сие простыми политическими соображениями”¹⁵⁷. Именно в этом пункте интересы американской еврейской общины, контролировавшей большую часть центральной и провинциальной печати США, совпадали со стремлением сторонников русской свободы в либеральном истеблишменте Америки добиться радикальных перемен в России, используя либо внешние политические неудачи, либо внутреннюю нестабильность самодержавия.

Поддержка русских социал-демократов (от Е. Брешко-Брешковской до Э. Голдман) и либералов накануне и в ходе русско-японской войны отражали ожидания этой части общественного мнения США, полагавшей, что неудачи России в Маньчжурии, вдохновляющий пример Америки и дружный нажим на Санкт-Петербург извне рано или поздно сделают свое дело. Ждали не уступок и гуманных жестов, а трансформации всей вертикали государственных структур сверху донизу путем реформирования и, разумеется, без потрясения основ мирового порядка и других неожиданностей. Скорее всего, это должно было напоминать “славную революцию” в Англии, ограничившую права и привилегии короны, но не нарушившую историческую преемственность в плане отношений собственности и основных ценностных ориентиров. Однако Америке пришлось столкнуться с разочарованием, а вслед за ним и с более серьезным испытанием “русским казусом”.

Уже революция 1905 г. погрузила многих “друзей русской свободы” в самые сильные переживания, к которым психологически они не были готовы. Сначала удивило нежелание русских крестьян поддержать демократические реформы. Так, Джордж Фредерик Райт, проницательный комментатор, писал в журнале “Nation”: “Они скорее доверились бы царю, чем парламенту. Если принять во внимание консерватизм крестьян центральных областей России и разнородный характер населения, оказавшегося в результате аннексий под началом русских,

¹⁵⁷ Энгель В.В. Американский паспорт и русско-еврейский вопрос. С. 112.

тогда станет ясно, почему так медленно прививается парламентская форма правления”¹⁵⁸.

Русский парламентаризм, возникший из царского Манифеста 17 октября 1905 г., поразил американцев своей куцостью и даже пародийностью. Ничто не делало Думу органом “народного возмездия”, что в глазах американцев оправдывало бы жертвы, понесенные демократией на баррикадах Москвы и других городов, и позволило бы ввести социальный протест в русло нормального конституционного процесса, создать равноправные и независимые друг от друга ветви власти и устранить традиционное для России “административно-полицейское усмотрение”. Иными словами, то, что способно было бы умиротворить страну, снять достигшее критической точки напряжение и предотвратить казавшееся неизбежным повторение кровавых событий 1905 г., по мнению американских наблюдателей, сделано не было. Ни английский, ни американский сценарии русским негодились.

Тем огорчительнее было видеть, что события развиваются совсем по другому плану, о чем свидетельствовал разгон двух первых дум, жестокое подавление очагов бунтарства, внезапная отставка С.Ю. Витте в 1906 г. и свертывание правительственного либерализма. Американский либерал, слегка порозовевший и сблизившийся с прогрессизмом, из-за очевидной упертости самодержавия испытывал серьезные опасения за относительно мирный ход реформирования России и вхождение ее в сообщество культурных наций на базе общественного согласия. Многие серьезные наблюдатели предвидели “выламывание” страны из разумно организованного мира и превращение ее в пылающий, неуправляемый континент, соседство с которым могло стать чрезвычайно опасным и нежелательным. Вэнс Томпсон, авторитетный журналист, писавший для популярного органа “Everybody’s Magazine”, в июле 1906 г. предостерегал американцев от благодушия в отношении способности России и русских людей усвоить поведенческие стереотипы Запада, его политическую культуру и толерантность. Его прогноз был мало утешителен: “Все до единого (в России. – В.М.), – писал он, – требуют большей свободы, чем когда-либо знало человечество. И эта бедная маленькая Дума была брошена им подобно червяку, которого швырнули в му-

¹⁵⁸ Wright G.F. The Russian Peasant // Nation. 1905. Dec. 23. P. 442. Воспитанные в условиях свободного волеизлияния, американцы не могли найти объяснения тому, что именно крестьянство, страдающее от безземелья и полицейщины, бесправное и озлобленное репрессиями властей, осталось верно самодержавию. Они отметили, что такие реакционеры и охранители, как Победоносцев, настаивали на том, чтобы дать преимущества в избирательном законе крестьянству (см.: Витте С.Ю. Указ. соч. С. 615, 616).

равейник. И это не конец, а всего лишь начало. Действительно, ни одна из наций никогда не была поражена такой ненавистью, ужасающей надеждой и необузданным идеализмом... Царь открыл двери не для реформ, а для великой социальной революции; и через всю огромную Россию, из города в город, из деревни в деревню распространяется красная мечта”¹⁵⁹.

“Ужасающая надежда” русских добиться максимума возможного и невозможного в кратчайший срок¹⁶⁰ довершала пугающую картину происходящего: твердолобость правящего режима, провоцирующего внутренние конфликты и разногласия, и накопление ненависти в социальных низах – все это воспринималось американцами как характерная черта национального характера русского народа, как психастенический синдром, предполагающий особое к себе отношение. После революции 1905–1907 гг. в США распространялись все оттенки настороженности к русским пополам с состраданием к их незавидной доле. Становилось привычкой думать о русских людях как о незадачливых неудачниках, которых можно немножко презирать, немножко жалеть и немножко “учить жизни”, а о России – как о больном человеке Европы, страдающем сильным расстройством управляющих систем. Крестьянское, равно как и рабочее, движение в России подавались многими органами печати как преимущественно погромное бунтарство доведенных до отчаяния диких толп, управляемых инстинктом мщения.

Джордж Кеннан вновь обнаружил себя востребованным. “Русский феномен”, разочаровавший Америку, стал главной темой выступлений популярного политического проповедника. Его объяснения были обращены к истории и культуре. В них, в частности, он нашел ответ на вопрос о крайних проявлениях русской смуты, с характерной для нее беспощадностью в межклассовых и межсословных отношениях. “Убийства, экспроприация имущества, погромы и насильственные преступления всех сортов, – писал он, – которые прочно закрепили за русскими репутацию особо жестоких людей, не являются следствием жестокости их по природе, скорее это продукт социальных и созданных правительством условий, они-то и побуждают к патологическим реакциям...”¹⁶¹. Самое, однако, печальное, делал вывод Кеннан, состоит

¹⁵⁹ *Thompson V. The Dawn of Russian Liberty // Everybody's Magazine. 1906. Vol. 15. July. N 1. P. 32; Журавлева В.И. Образ русской революции в американской политической карикатуре // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / Под общей ред. Е.И. Пивовара. М., 2007. С. 157–186.*

¹⁶⁰ О революции 1905–1907 гг. см.: *Shanin Th. Russia, 1905–1907.*

¹⁶¹ *Kenann G. The Russian People: Repression and Oppression. P. 648.*

в том, что следует признать нереальность ускоренной трансформации русского общества в некое подобие западного с влиятельным слоем мелких и средних собственников, восприимчивых к ценностям Запада, легко адаптирующихся в условиях индустриализации и урбанизации, знающих толк в передовых идеях, но политически благонадежно консервативных.

Суждения Кеннана подкреплялись наблюдениями многих его собратьев по журналистскому цеху. Вопреки ожиданиям, конституировали они, все реформы Витте и Столыпина не замедлили процесса углубления пропасти между богатыми и бедными в России, что особенно наглядно проявилось в росте люмпенизирующейся прослойки и в целом в невысоком уровне престижа коммерческой деятельности в России¹⁶². Мещанство в России по большинству параметров не могло стать и не стало аналогом американского среднего класса – гаранта политической стабильности и проводника идей модернизации. Американский журналист Скаддер писал в книге “Россия летом 1914 г. Анализ ее насущных проблем”, изданной в 1920 г.: “В Москве бросается в глаза отсутствие так называемого класса буржуазии. Здесь живут состоятельные люди, разъезжающие в дрожках и обедающие в шикарных ресторанах. И пролетарии, которые работают, ходят пешком и собираются сотнями в продымленных пивных, где едят хлеб с колбасой, пьют квас, пиво и водку. Но, в отличие от других стран, в России между этими категориями людей нет прослойки в виде среднего класса, который прекрасно жил бы на умеренные доходы и в силу своей прижимистости и трудолюбия стал бы владельцем небольшой собственности”¹⁶³.

Вопреки ожиданиям некоторых видных либералов, вроде влиятельного в правительственных кругах Ч. Крейна¹⁶⁴, вызвать энтузиазм в отношении налаживания тесных контактов и углубляющихся многосторонних связей между двумя народами и государствами такое различие в социоэкономических основах жизни США и России не могло. Участие американцев, рассчитывавших на быструю отдачу их вложений в модернизацию России, сохраняло в этих условиях весьма ограниченный характер и больше всего было сориентировано на планы преобразования Сибири, по образцу американского Дальнего Запада. Сибирь, рассчитывали сделать плацдармом для наступления на отсталую Россию.

¹⁶² Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки / Под ред. А.Г. Худокормова. М., 1995. С. 93, 94.

¹⁶³ Scudder J.W. Russia in the Summer of 1914: with Discussion of Her Pressing Problems. Boston, 1920. P. 145.

¹⁶⁴ Листиков С.В. “Загадочная миссия” Чарльза Крейна в Россию в 1917 г. // Американский ежегодник, 2001. М., 2003. С. 163–185.

Однако оптимистические картины будущей жизни в Сибири, рисуемые иногда в духе переселенческих рассказов об освоении Дальнего Запада в США, не убавили в американской печати репортажей о реалиях разделенной на два лагеря после революции 1905–1907 гг., не выходящей из политического кризиса России. Особое внимание привлекли к себе национальные проблемы России. В начале 1909 г. Монтгомери Шуйлер – поверенный в делах США в Петербурге – официально предложил заново обсудить договор 1832 г. с тем, чтобы специально поднять вопрос, связанный с лишением американских граждан-евреев выездных паспортов. После нескольких неудачных попыток в Конгрессе, инициаторами которых являлось могущественное и влиятельное проеврейское лобби, конгрессмен Парсонс в феврале 1911 г. внес на рассмотрение Конгресса проект совместной резолюции, призванной расторгнуть договор. В итоге в конце того же года резолюция была принята, но с оговоркой, требующей еще раз вернуться к этому вопросу в 1912 г. перед тем, как данное решение Конгресса вступит в силу 1 января 1913 г.

Превращение движения за денонсацию договора 1832 г. из локального, этнически обособленного движения протеста в общенациональное означало преобладание в американском обществе антицаристских настроений над всеми конъюнктурными политическими и экономическими соображениями, вроде желания сохранить в России стабильный режим, способный противостоять быстро распространяющемуся влиянию революционных идей в их социалистической оболочке. В Европе да и в самих Соединенных Штатах в конечном счете возобладало осуждение, как говорил С.Ю. Витте, варварского, дикого отношения России к таким вопросам, которые в “культурных странах”¹⁶⁵, как ему казалось, были давно решены. Декларативная чувствительность американцев к правам человека, даже несмотря на то что дискриминация черного населения США ничуть не уступала унижениям, испытываемым национальными меньшинствами в России, заслонила коммерческие и дипломатические соображения и выгоды.

Потепление в отношениях с Россией и к русским накануне Первой мировой войны, восстановление торгового оборота между двумя странами, активизация дипломатических контактов не означали, что наступило время психологического перелома. Показательным можно считать довольно скептическое отношение общественного мнения США к участию России в блоке Антанты, чья победа в войне с Центральными державами в связи с этим многим представлялась даже нежелательной. Так, ставший президентом в 1912 г.

¹⁶⁵ *Bumte С.Ю.* Указ. соч. С. 492.

Вудро Вильсон полагал, что возвышение Российской империи (в случае разгрома Германии) в Европе создаст абсолютно неприемлемую обстановку дисбаланса во всем регионе. Его раздражал опрометчиво ведущий себя Лондон, позволивший втянуть себя в войну с Германией и Австро-Венгрией и забывший о задачах сдерживания России¹⁶⁶. Такой же точки зрения придерживался оппонент Вильсона – экс-президент Теодор Рузвельт, который по различным поводам до войны рассуждал о Германии как о барьере на пути русской экспансии, хотя и критиковал публично Вильсона после ее начала за уклонение от протеста в отношении агрессии Германии против нейтральной Бельгии¹⁶⁷.

В марте 1915 г. в авторитетном журнале “The Outlook”, в котором безраздельно господствовали взгляды Т. Рузвельта, появилась статья Джорджа Кеннана “Русский мужик”¹⁶⁸, как в зеркале отразившая все оттенки неоднозначного подхода американского истеблишмента к России и ее судьбе. Кеннан просчитал альтернативные варианты в контексте глобальных сдвигов, вызванных военными потрясениями и особой ролью народных низов, глазам которых с каждым днем открывалась вся мера и неподготовленности России к тотальной войне, и непрочности позиций самодержавия, все еще помышлявшего играть лидирующую роль в послевоенной Европе. По твердому убеждению Кеннана, внимательно отслеживавшего ход нарастающего кризиса, война ничего не оставит в России неизменным, ее роль в мировой политике также станет другой. Какой? Это был вопрос вопросов, от которого зависел характер отношений США и России в ближайшей и более отдаленной перспективе, но корень всех грядущих перемен Кеннан на основе опыта революции 1905 г. видел в поведении застывших в преддверии каких-то поворотных решений масс русских людей, преимущественно крестьян, мужиков, безграмотных и суеверных, но заряженных энергетикой революционных перемен.

Кеннан постулировал жестко, сообразуясь прежде всего с внутренним фактором в сплетении событий, сделавших Россию временным союзником западных демократий, и прогнозируемыми геополитическими последствиями выхода России на авансцену мировой политики в случае победы Антанты. Он писал: “Независимо от исхода идущей войны, страной, чья судьба и чьи отношения с остальным миром будут в наибольшей степени ею затронуты станет Россия. Если она окажется победительницей в этой страшной войне, в которую она и ее союзники были вовлечены,

¹⁶⁶ Уткин А. И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989. С. 44, 45.

¹⁶⁷ Miller N. Theodore Roosevelt: A Life. N.Y., 1992. P. 541, 542.

¹⁶⁸ Kennan G. The Russian Muzhik // Outlook. 1915. Mar. 15.

тогда один из следующих двух возможных результатов должен с необходимостью последовать: (1) ее народ, объединенный и в некотором смысле усилившийся в ходе войны, добьется либерализации и реформирования своих правительственных институтов; или (2) царь и бюрократия извлекут из победы максимум для усиления своих позиций и престижа, что позволит им держать народ в подчинении и попытаться использовать силы и ресурсы нации для осуществления новых планов имперской экспансии и расширения влияния в мире. В любом случае Россия почти с абсолютной достоверностью будет играть более важную роль в мировой истории – особенно в Европе – чем та, которую она играла до настоящего времени”¹⁶⁹. На этом провидческие рассуждения Кенна не заканчивались.

В обоих случаях, продолжал он, важнейшим фактором всего происходящего суждено быть русскому народу – станет ли он хозяином своей судьбы, подчинив себе более или менее эффективно государство, или останется у него в услужении, поддерживая имперские амбиции своих правителей. В этом и только в этом Кеннан советовал искать точку опоры для выработки эффективной политики в “русском вопросе”, что означало в его понимании стать на сторону “мужика”, наделенного, как оказалось, внутренним демократизмом плюс здравым умом, способностью к самоограничению, рассудительностью, тягой к самоуправлению¹⁷⁰ и артельному труду. Возьми верх эта крестьянская демократия, и Россия пойдет по “сибирскому пути”, т.е. по пути вовлечения свободного, владеющего землей крестьянства в артели (товарищества), воспроизводя американскую модель самоуправляющейся территории, открытую к взаимодействию с Западом, его культурой и ценностями. Создание в России “либерального правительства” как итог именно такого выбора было бы идеальным вариантом выхода из военных испытаний и для самой России, и для ее союзников. И тех из них, кто уже вошел в блок Антанты, и тех, кто только собирался примкнуть к борьбе с “германским военным деспотизмом”. Кеннан советовал Вашингтону следовать курсом поддержки ростков этой деревенской демократии с последующим переводом ее на рельсы самоуправления по американскому образцу.

Из рассуждений Кенна следовал такой вывод: антицаристские настроения во внутренней жизни России заслуживают под-

¹⁶⁹ Ibid. P. 680.

¹⁷⁰ Дж. Кеннан развил тезис о самоуправлении в своей упомянутой выше книге, вышедшей в том же 1915 г. (*Kennan G. A Russian Comedy of Errors.*). Им автор вступал в спор с анонимными оппонентами, полагавшими, что России суждено совершить верхушечный переворот.

держки, но менее всего желателен победоносный выход самодержавия из военного лихолетья, что могло бы означать рост имперских амбиций России со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По странному стечению обстоятельств или по совпадению, которого нельзя было избежать, Кеннан уже через несколько дней после выхода своей статьи-прогноза в свет оказался втянутым в полемику, знаменательную во многих отношениях и прежде всего своим пафосом, направленным на прояснение вопроса, — к какому типу цивилизации должна быть отнесена Россия. Толчком послужило появление в журнальном приложении газеты “Нью-Йорк таймс” от 14 марта 1915 г. статьи бывшего мэра Нью-Йорка Джорджа МакКлеллана, объявившего Россию страной восточного деспотизма с европейскими манерами, но без общественного мнения и с безраздельным господством бюрократии и казармы. Почувствовав себя обязанным выступить с критическим обзором имевших широкое хождение в США такого рода “ошибочных концепций”, Кеннан на этот раз восстал против тезиса об “ордах русских варваров”, готовых поглотить европейскую цивилизацию, указав на близкое сходство (почти тождество) его с главным пунктом кайзеровской пропагандистской кампании, построенной на противопоставлении целей “полуазиатской” России самоотверженной борьбе империи Гогенцоллернов, стоящей неприступной скалой на пути нашествия азиатчины с Востока. С жаром отвергая такое восприятие России, Кеннан с сожалением констатировал: “Порой кажется, что противостоять этим извечным и, по-видимому, неустранимым ошибкам невозможно...”¹⁷¹. По-другому: воюющая с Германией Россия заслуживает снисхождения.

Во всех этих колебаниях присутствовала логика внутренних изменений в американской ментальности, преодолевавшей свою изолированность от европейских реалий. Кеннан, возражавший в 1915 г. против отнесения России к числу ущербных в цивилизационном отношении стран, был тем же человеком, который, может быть, более других способствовал распространению подобных взглядов своей “Тюрьмой и каторгой”, лекционными турне по Америке, ранней публицистикой, построенной на противопоставлении индивидуализированной англосаксонской культуры деперсонализированной культуре российского образца. Самым простым выходом было бы бросить упрек Кеннану и ему подобным в легкомысленной непоследовательности или (еще хуже) беспринципности. Но дело тут не в системной неупорядоченности аналитических способностей Кеннана или его желании выпол-

¹⁷¹ Kennan G. “Public Opinion” in an “Oriental State” // Outlook. 1915. Mar. 31, P. 767.

нить заказ. Корень этих противоречий в невозможности целостного постижения иностранным наблюдателем сложнейшей исторической драмы, переживаемой Россией (а отчасти и Европой) и грозившей в любой момент перерасти в неуправляемый общенациональный кризис, общенациональную смуту. И во внутренней и во внешней политике России за два десятилетия, предшествующие Великой войне, выявились различные, порой прямо противоположные тенденции, которые не поддавались убедительному истолкованию¹⁷². К огорчению Кеннана, поверившего в начале войны в будущее либерально-демократической, конституционно управляемой России, а затем глубоко разочаровавшегося, имидж “подмороженной”, навсегда застывшей в неправом поле империи Романовых, кичившейся своим антизападничеством, продолжал доминировать в массовом сознании американцев. “Дело Бейлиса” (1913), которое в Америке многие восприняли как контракцию царизма в пику непримиримости американского общественного мнения и Конгресса США в “еврейском” (паспортном) вопросе, закрепило образ России – страны, не научившейся извлекать уроки из собственного опыта и опыта других, сохраняющей у себя дикие нравы и суеверия.

Вудро Вильсон, президент США военных лет, дышал тем же воздухом, что и миллионы его соотечественников. Его представления о России формировались под влиянием той информации, которая была доступна и которую никак нельзя было отнести в целом к разряду объективной и всесторонней. Этим, в частности, объясняется то, что поначалу Вильсон в своем анализе ситуации, скорее всего, руководствовался тем сценарием, который Кеннан в статье от 24 марта 1915 г. обозначил как второй вариант развития событий в случае победоносного для Антанты завершения войны (возвышение царизма и приобретение им экстраординарного влияния в мире “и особенно в Европе”). В дальнейшем В. Вильсон и его советники несколько изменили свое мнение,

¹⁷² Многие русские политэмигранты, жившие в годы войны в Америке, отчетливо видели, сколь далеким от живой действительности, неоднозначным и неопределившимся было представление о внутреннем положении в России американской печати накануне Февраля 1917 г. П.М. Керженцев, ученый и общественный деятель, оказавшийся тогда в США, писал в статье, опубликованной в июльско-августовском номере “Летописи” за 1917 г.: «О внутренних делах России вся пресса писала в духе кадетско-нововременском, опираясь на ту же фальсифицированную информацию, какая посылалась из Петербурга корреспондентами пресловутой “Associated Press” и большинством американских журналистов, вероятно искренне считавших орган Сувориных и иной раз “Речь” источниками самой непогрешимой истины» (Цит. по: *Ганелин Р.Ш.* Россия и США, 1914–1917: Очерки по истории русско-американских отношений. Л., 1969. С. 159).

обеспокоенность боеспособностью России переросла в нечто похожее на благосклонность пополам с надеждой на восстановление существовавших до 1912 г. относительно ровных отношений. Сказалось прежде всего все увеличивавшаяся вовлеченность США в войну на стороне Антанты. Однако лед в русско-американских отношениях не растаял вплоть до Февраля 1917 г.¹⁷³

Причины носили обоюдный характер. Правящие верхи России и большая часть общественного мнения обеих столиц (это особенно относится к кадетским идеологам и политикам)¹⁷⁴ настороженно отнеслись к усилившейся в 1916 г. миротворческой деятельности Вильсона с прилагаемой к ней идеей новой дипломатии и создания новой мировой системы безопасности с участием вновь образованных самостоятельных этногосударств. Рассуждения о праве каждого народа иметь свое суверенное государство, содержащиеся в речи В. Вильсона от 25 мая 1916 г., в Петрограде были восприняты без всякого энтузиазма. Со своей стороны президент США решил не упускать инициативу, сознательно и обдуманно апеллируя к самым мощным и влиятельным силам человеческого сообщества, созревшим для самореализации в форме утверждения принципа равноправия больших и малых стран под эгидой международной организации безопасности. Своим обращением от 22 января 1917 г. к сенату Конгресса США (речь “К миру без победителей”) Вильсон вызвал еще большее раздражение в Санкт-Петербурге тезисом, что “народ Америки” станет гарантом будущего мира только в том случае, если он будет удовлетворять “принципам американской системы”, т.е. будет строиться на убеждениях, морали и вере, которые американцы считают священными и посему готовыми отстаивать до конца¹⁷⁵.

Правая и центристская печать России буквально вскипела, поскольку главные партии, составлявшие так называемый Прогрессивный блок (октябристы и кадеты), негативно отнеслись к инициативе Вильсона, посчитав ее несвоевременной. В поддержку Вильсона и с критикой его оппонентов в России дружно выступила только российская социал-демократия в лице прежде всего ее умеренного крыла – меньшевиков¹⁷⁶. Очень многим оставалось

¹⁷³ См.: *Козенко Б.Д.* Несостоявшееся сближение: США и Россия в 1914–1917 годах // Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 140–157.

¹⁷⁴ См.: *Шелохаев В.В.* Разработки кадетами национального вопроса в годы первой мировой войны // Там же. С. 355–366.

¹⁷⁵ *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1917. Suppl. 1: The World War.* Wash., 1931. P. 24–29.

¹⁷⁶ *Меньшевики в 1917 году: В 3 т. / Под общей ред. З. Галили, А. Ненаркова, Л. Хеймсона. М., 1994. Т. 1. С. 126, 127, 129.*

только пребывать в недоумении, почему такой западник, как П.Н. Милюков, проявил холодность к своим покровителям и друзьям за океаном и полное равнодушие к вильсоновским принципам национальностей и “мира без победителей” в то время, как социал-демократы интернационалистского направления высказались (прямо или косвенно) в их поддержку¹⁷⁷.

Гамбургский счет

Зинаида Гиппиус записала 2 февраля 1917 г. в своем “Петербургском дневнике”: «К удивлению, здесь речь Вильсона не получила заслуженного внимания. А ведь это же – “новое о войне”, и притом в самой доступной, обязательной – реальной плоскости. Речь эта, и вообще весь Вильсон с его делами и словами, примечательнейшее событие современности. Это – вскрытие сути нашего времени, мера исторической эпохи. Она дает формулу, соответствующую высоте культурного уровня человечества в данный момент всемирной истории”¹⁷⁸.

Очень возможно, что к этому суждению-оценке Гиппиус была примешана значительная доля ее личного обожания президента-миротворца. Хорошо осведомленная о настроениях в “культурном классе” (П.Н. Милюков) и разночинной демократии России, поэтесса не могла не знать о настроенности, испытываемой ими в отношении союзников вообще и присоединившимся к ним после долгих размышлений и колебаний в апреле 1917 г. Соединенным Штатам. А еще раньше Америка и ее правительство удерживали на себе недоверчивый взгляд русских патриотов благодаря постоянным обращением к Вашингтону различных представителей нацменьшинств с просьбой о применении к ним того самого “принципа национальностей”, с которым дипломатия Вильсона вышла на мировую арену после перевыборов и победы демократов осенью 1916 г. Особенно болезненно воспринимались суждения американской прессы по “польскому вопросу”, равно как и мнение по нему в других союзных странах. Всем хорошо было известно, что после поездки делегации Государственной думы к союзникам летом 1916 г. П.Н. Милюков сделал доклад на закрытом заседании Военно-морской комиссии Думы 19 июня 1916 г., где эта чувствительная тема поднималась и где лидер кадетов в конфиденциальном порядке поделился своими впечатлениями о встречах с ведущими политиками и представителями по-

¹⁷⁷ Урилов И.Х. Ю.О. Мартов: Политик и историк. М., 1997. С. 196–199.

¹⁷⁸ Гиппиус З. Дневники. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 80.

литической и интеллектуальной элиты западноевропейских стран, чьи взгляды на вопросы территориальной целостности и будущего политического устройства России подчас не совпадали с точкой зрения не только правых, но и леволиберальной российской общественности¹⁷⁹.

Но сказать только это, явно недостаточно. Может быть, еще большую роль играли сильные идеи антизападничества, почвеннические нравственно-этические принципы неприятия Запада как носителя всеразрушающего и разлагающего мещанского сознания, бездушия культа личного успеха. Интеллигенция зачитывалась задуманным за несколько месяцев до начала войны и вышедшим в московском издательстве в 1915 г. рассказом И.А. Бунина – писателя не чуждого западничеству, но и славянофильству одновременно – “Господин из Сан-Франциско”. В образе типического господина из сказочно обогатившейся на труде китайских полурабов Калифорнии в своей акцентированной анонимности Бунин вывел традиционно непривлекательного в глазах русской интеллигенции американского денежного воротилу, решавшего (“задрав ноги”) “на основании последних биржевых новостей судьбы народов”¹⁸⁰. Сцена внезапной смерти этого господина, источавшего надменность, ледяную рассудочность, презрение к стоящим на нижних ступенях социальной лестницы, символизировала меру неприязни, антипатий, испытываемых русской публикой к образу жизни, ей хоть и не чуждому, но не всегда понятному. В том же 1915 г. Бунин напишет в стихотворении без названия: “Запад зловещий и странный”¹⁸¹. А в 1920 г., уже находясь в эмиграции, он скажет, что Россию в предвоенные и военные годы накрыла “лживая и напыщенная атмосфера”, пришедшая из Европы¹⁸².

Своим внутренним настроением Бунин, тонко и лирично чувствовавший болевые точки духовной жизни русского общества накануне кризисного 1917 г., был обязан происхождению и воспитанию, а не политической конъюнктуре. Но само это воспитание имело различные источники, в том числе литературные. Чтение журнала “Русское богатство” для образованного литератора было обязательным, в нем же безраздельно господствовали взгляды “легального марксизма”, в частности С.Н. Южакова, до 1910 г. остававшегося его главным внешнеполитическим обозревателем. Идея Южакова об особой миссии России как ведущей аграрной

¹⁷⁹ Красный архив. Т. 58; см. также: *Миллюков П.Н.* Воспоминания. С. 418–433.

¹⁸⁰ *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1956. Т. 3. С. 219.

¹⁸¹ Там же. Т. 4. С. 443.

¹⁸² *Михайлов О.Н.* Жизнь Бунина: Лишь слову жизнь дана... М., 2002. С. 351.

страны мира, противостоящей промышленным империям, была созвучна многим мыслителям и писателям России того времени. Среди них был и Бунин, звавший к обновлению жизни через слияние с природой и поэтизацию старой Руси, а также А. Белый, С.Н. Булгаков, А.М. Горький, А.М. Ремизов и многие др.

Вообще, в мировоззрении русской интеллигенции накануне войны постепенно происходил определенный, хотя и не очень заметный на поверхности сдвиг. Она преодолевает “западнический уклон”, выражавшийся, в частности, в массовом тиражировании переводной литературы, и выдвигает на первый план почитание национальной культуры и национального достоинства. Даже влиятельный брусковский журнал “Весы”, традиционно прозападный, начинает публиковать произведения А. Белого, открыто пронизанные антизападническим духом. Прекращение его издания в 1909 г., по-видимому, только отчасти можно связать с утратой популярности журнала в тех кругах, у которых была всегда сильна потребность видеть Россию не униженным приемным собратом Запада, а страной, имеющей особое призвание в мире, призванной играть особую всемирно-историческую роль, хотя и совсем не ту, которая вытекала из старого славянофильского самовосхваления и самодовольства¹⁸³.

Эти мотивы нашли свое преломление в насыщенной глубоким содержанием переписке 1910–1911 гг. видного русского философа-теолога С.Н. Булгакова и писателя Б.Н. Бугаева (Андрея Белого). Так, Булгаков писал 13 февраля 1911 г., выражая растущее раздвоение в русском обществе, не противопоставляющем себя западной культуре, но и не растворяющем себя в ней: «“Запад” я ex professo постоянно принимаю в себя и перебарываю в себе или как чужеродное тело или как яд, к которому надо получить нейтралитет или выработать антитоксин. И чем больше живу и чувствую, тем больше узнаю яд и вижу змею на дне кубка. Конечно, я говорю про современный *западный* запад – неокантианства и риккерттианства, мещанства и всяческого имманентизма – это могучая, организованная сила, но бездушная или же потенциально антихристианская... Я далек от того, чтобы отдавать запад антихристу, это была бы просто клевета и слепота и не мог бы этого сказать я потому, что больше всех своих друзей чрез науку имею в себе запада. Но вижу почти воочию, как злая сила

¹⁸³ Герой рассказа А.Толстого (написанного в 1916 г.) “Прекрасная дама” офицер Обозов, услышав от своей попутчицы, едущей в Америку, что Россия – всего лишь “нелепый курьез, случайность”, протестует: “Разговор мне, простите, неприятен... Я был на войне и видел отважных людей. То, о чем вы говорили, – это не Россия. А впрочем, Россию мало кто знает” (А. Толстой. Повести и рассказы. М., 1963. Т. 1. С. 488).

и какая-то слепота овладевают машиной “культуры”. А в “востоке” мы натурально живем и от него страдаем»¹⁸⁴.

В знаменитом “Петербурге” Андрея Белого, вышедшем в свет отдельной книгой в 1916 г., протест против тьмы, “которая есть и на Западе” (а не только на “монгольском востоке”)¹⁸⁵, против бездуховности, “нумерации”, “механизации”, катастрофы сознания, навязанной Западом, выражен в аллегорической форме, хотя, в сущности, на языке вполне понятном для просвещенного русского общества, втянувшегося в кровопролитную войну и уже принесшего огромные жертвы ради спасения западных союзников. Оно было подготовлено к более злым инвективам, вымещая свой гнев за все мелкие и крупные унижения от ушедшей по пути внутреннего реформирования западной цивилизации, чье вхождение в индустриализм с его космополитическим характером только подчеркивало застойность положения в предреволюционной России, позорящего культурную элиту страны, зависимость ее (если воспользоваться выражением Н.А. Бердяева) от духа провинциальной заскорузлости и помощи извне¹⁸⁶. “Стояло безвременье”, – писал накануне Великой войны Валерий Брюсов. И продолжал: “Казалось: впереди ничего нет и ничего быть на может – тусклая беспросветная мгла, гнилой туман, в котором все светлы как бы гасли, все контуры сливались в общее пятно. И этот туман медленно, но властно окутывал всю Россию, столицы и провинции, верхи общества и самый народ”¹⁸⁷.

Самодовольство Запада, удвоенное стремительным материальным, техническим и научным возвышением Америки, но не отмеченное духовным углублением и “религиозным светом” (Н.А. Бердяев), явилось дополнительным сильным раздражителем для радикально настроенной части русской интеллигенции, призывающей к возрождению национального самосознания, избавленного от казенщины в духе пресловутой уваровской формулы (православие, самодержавие и народность), и посылающей вызов опутавшего Россию цепями зависимости западному миру. Д. Мережковский клеймил “мещанское царство” на Западе. Александр Блок в своем известном письме К.С. Станиславскому от 9 декабря 1908 г. назвал такую критику западных ценностей новым, иным славянофильством без “трех китов” (“или по крайней мере без китов православия и самодержавия”)¹⁸⁸. Россия предре-

¹⁸⁴ Булгаков С.Н. Моя родина // Новый мир. 1989. № 10. С. 240.

¹⁸⁵ См.: Белый А. Петербург. Л., 1981. С. 504, 505.

¹⁸⁶ Бердяев Н. Судьба России. С. 111.

¹⁸⁷ Брюсов В. Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 161.

¹⁸⁸ Я лучшей доли не искал... Судьба Александра Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях / Сост. В.П. Енишерлов. М., 1988. С. 259.

волюционная для Блока – страна нищая и голая. “...Но и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне!” Это тоже было написано Блоком задолго до большевизма. Очень часто у него тема России звучала преимущественно в форме размышлений об альтернативе культуре и духовности Запада. Холодное отношение к Америке было всего лишь одним из проявлений такого мирозерцания.

На эмоциональном фоне терпящей неудачу в попытках преодоления нескончаемого внутреннего социально-политического кризиса (“русская катастрофа”), а затем и серийные поражения в оказавшейся непосильной для нее тотальной войне 1914–1918 гг. России, те, кто разделял диагноз противников “фиктивного бытия” на Западе, находили себе оправдание в особой миссии “подъяремной, страждущей” России (И.А. Бунин) в мире, ставшего свидетелем потрясения¹⁸⁹ основ человеческого существования по вине того же Запада, романо-германской культуры. Казалось естественным оправдать свою пристрастность к Западу обманутыми надеждами обрести благополучие, комфорт и стабильность, пойдя по пути ускоренного “внедрения” капитализма по западному образцу. Еще одна причина была традиционной: приверженность извечным ценностям уравнительности, антииндивидуализма и не в последнюю очередь идейно-нравственным понятиям о сочувствии к слабому, неимущему, об общенародном благе и т.д. Для русских литераторов и мыслителей конца XIX – начала XX в. с их обостренным чувством социально-гражданского сострадания такое мироощущение было столь же естественным, сколь и распространенным. Совсем не случайно, давая обобщенную картину эволюции народного самосознания России в первые десятилетия XX в., С.А. Франк с осуждением писал об распространяющемся умонастроении, которое “подкрепляется некоторой дешевой, самодельной, просветительной мудростью, жизненной философией “американизма”, отрицающего всякие “предрассудки” и “сентименты” и верующего только в здравый смысл, личный труд, энергию, предприимчивость и практическую сообразительность»¹⁹⁰.

10 апреля 1906 г. 38-летний Максим Горький, в расцвете сил и литературной славы, прибыл в Нью-Йорк, где ему предстояло провести шесть месяцев. Он появился в Америке с целью завоевать симпатии американцев и собрать деньги для русского революционного движения, в частности для его марксистского крыла – Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), активным членом которой он был на протяжении ряда

¹⁸⁹ Бердяев Н. Философия культуры: Смысл творчества. М., 1989. С. 184.

¹⁹⁰ Франк С.А. По ту сторону “правого” и “левого” // Новый мир. 1990. № 4. С. 225.

лет. Его неприязнь к американскому образу жизни и ценностям проявилась почти мгновенно. Об этом говорят шесть его очерков и статей, написанных в мае и июне. Пять из них были опубликованы в России с сентября 1906 г. по март 1907 г. Критики считали, что с художественной точки зрения очерки namного уступали лучшим произведениям М. Горького и были отмечены грубой доктринерской тенденциозностью. Тем не менее почитатели нашли, что его гневные обличения “Города Мамоны” (Нью-Йорка), его правителей-миллионеров (“Короли Республики”) и их близких рабов оказали сильное влияние на восприятие русскими Соединенных Штатов. Кроме того, эти же сведущие наблюдатели отметили, что мрачные впечатления Горького об Америке, отражавшие его личное отношение, имели симптоматическое значение. Процесс, зародившись на рубеже XIX–XX вв., коренился в мировосприятии русской интеллигенции по отношению к стяжательству, мещанству и идеалам торговой конторы¹⁹¹.

Свидетельства о том, что в конце XIX – начале XX в. отношение к США изменилось, содержатся в трех источниках: в литературе, особенно в работах двух других (помимо М. Горького) писателей, придерживавшихся левых взглядов – В.Г. Короленко и Н.А. Тана (В.Г. Богораза)¹⁹², в периодической печати и дипломатической переписке. При этом пресса была, пожалуй, лучшим барометром этого изменения. В американской исторической литературе отмечалось, что если русская консервативная пресса констатировала охлаждение политических отношений между двумя государствами и рост соперничества между ними на Дальнем Востоке, то радикальная и левая печать, занимаясь пропагандой марксизма, обрушила резкую критику на американский капитализм в целом. “Идеализация США, – резюмировал М. Лейзерсон, – была ослаблена марксистским скептицизмом и реакционным монархизмом. Только центристско-демократическая часть общества, включая часть левых групп, осталась потенциально, а иногда и явно настроенной проамерикански”¹⁹³.

Нет никаких причин сомневаться в том, что влияние марксизма с конца XIX в. на значительную часть русской интеллигенции привело к тому, что на США стали смотреть по-иному, чем это наблюдалось в середине того же века, а уровень интереса к “американскому эксперименту” как универсальному способу решения национальных проблем понизился. Едва ли следует удивляться и тому факту,

¹⁹¹ См.: Хренов Н.А. Русский Протей. СПб., 2007. С. 292–298.

¹⁹² Они оба посетили Америку до Горького и вынесли из своих контактов с ней весьма негативное впечатление.

¹⁹³ Laserson M.M. The American Impact on Russia, 1784–1917: Diplomatic and Ideological. N.Y., 1950. P. 102.

что консервативные и крайне правые монархисты не питали никаких симпатий к трансатлантической республике и ее демократии. Однако ни Лейзерсон, ни другие, шедшие по его стопам американские исследователи русской ментальности и интеллектуальной истории, не учитывали фактора русской прессы, с момента ее зарождения наделявшей народ, проживающий на сакральном пространстве России, отличной от других народов Европы самобытностью и чувством добра в его абсолютном выражении. Здесь следует упомянуть, что задолго до начала широких общественных контактов между двумя странами восприятие Соединенных Штатов российской мыслящей публикой не могло быть единодушно позитивным. По словам просветителя Н.И. Новикова, издателя многих газет и журналов, и А.Н. Радищева, отдававших дань приверженности молодой республике идеалам свободы всех людей, печать рабства, “заклание индейцев”, следование путем корысти – все это омрачало образ США и ставило под сомнение чистоту помыслов отцов-основателей¹⁹⁴. С одной стороны, они дали миру яркий пример, которому России вроде бы надлежало следовать, с другой – предстали жестокими завоевателями и эксплуататорами. Индейцы и рабы-негры не могли питать никаких надежд на улучшение своей участи, их положение было ничуть не лучше, чем положение русских крепостных крестьян, в защиту которых возвысили свой голос и Новиков, и Радищев. Знаменитый “Московский телеграф” Н.А. Полевого во второй половине XIX в. воспроизвел эту двойственную оценку новиковских “Московских ведомостей”¹⁹⁵.

В 1829 г. Иван Киреевский, один из основоположников российской журналистики и славянофильства, указал направление, по которому пошли будущие поколения его последователей, когда объявил о своем разочаровании в американском опыте. Яркое и многообещающее начало, по его мнению, было сведено на нет, потому что пустая приверженность букве закона, лицемерие и жадность иссушили источники жизни, любви и поэзии в Америке. В журнальной полемике с западниками Киреевский утверждал, что без наличия своей истории, традиций или подлинной национальности США не могли построить живой социальный организм, исходя исключительно из рационализма, рассудочности и пренебрегая духовным началом¹⁹⁶.

¹⁹⁴ *Николюкин А.Н.* Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М., 1981. С. 26–31, 37–68.

¹⁹⁵ Там же. С. 168–171.

¹⁹⁶ *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 1. С. 153, 154; Т. 2. С. 39. Очень близок к Киреевскому оказался и В.Г. Белинский, выступивший в журнале “Библиотека для чтения” с рядом обзоров и коснувшийся состояния Соединенных Штатов (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. II. С. 47).

Необычайно активный на журнальном поприще историк Михаил Погодин заявил, наставляя студентов учиться любви к отечеству и “смиренномудрию”, что Соединенные Штаты не что иное, как процветающая торговая компания, которая никогда не создаст ничего такого, что будет иметь большое значение для народа или носить универсальный всечеловеческий характер. “Московский вестник”, принявший характер личного органа Погодина, подготовлял общественное мнение страны к тому, чтобы видеть различие великих целей России и эгоизма “деляческого племени” хозяев Америки.

А.С. Пушкин, друг и современник мятежных декабристов, которые хотели в 1825 г. создать в стране конституционную федерацию, напоминающую государство, созданное Вашингтоном и Франклином, в 1836 г. в статье “Джон Теннер” отмечал, что, несмотря на расцвет США, у некоторых “глубоких умов” Европейского континента “отвратительный цинизм” американской демократии, предрассудки и тирания американских обычаев вызывали резкое осуждение. Они видели, как добропорядочность и самоотверженность становились жертвой страсти к богатству и довольству, как циничное большинство нагло подавляло общество, как рабство негров существовало одновременно с наличием свободы и знаний, как проявлялась жадность и зависть избирателей, их подкуп, как раболепие и подобострастие вели к деградации правителей, которых они избрали¹⁹⁷. Читатели “Современника” получили возможность узнать Америку как она есть, без грима.

Даже если учесть по самым высшим меркам то, что можно назвать повальным увлечением русского общества Америкой во время Гражданской войны и после ее окончания, то все равно были такие русские, которых интересовал вопрос: существовала ли настоящая необходимость в развязывании этого кровавого конфликта и очистил ли он американскую нацию от ее пороков. То, что эта война могла произойти в любое время, явилось, например для Герцена, придерживавшегося левых взглядов, так же как и для славянофила Ивана Аксакова, стоящего на правых позициях, открытием истинного характера американцев, присущего им духа насилия. Кровавая бойня Севера с Югом с ее многочисленными жертвами и разрушениями произвела на многих тягостное впечатление. Аксаков полагал, что она оставила в наследство только жестокость и насилие, которые были доведены генералами и солдатами противобор-

¹⁹⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. VII. С. 298.

ствующих сторон до совершенства и абсурда. Перспективы пугающе, полагал он. К началу последней трети XIX столетия, предрекал он, когда граждане США не смогут уже жить за счет духовного капитала, накопленного Европой, когда традиции исчезнут, – вот тогда будет создана истинная американская нация, “государство без судьбы, этических основ и идеалов; либо оно погибнет от необузданной страсти эгоистов и отсутствия веры в человека, либо оно превратится в ужасного деспота Нового Света...».

Общий страх перед изоляцией и европейской интервенцией способствовал беспрецедентному политическому сближению России и США в годы Гражданской войны. Однако почти сразу по ее окончании ярый консерватор и издатель газеты “Московские ведомости” М.Н. Катков, который поддерживал сторонников Севера, предостерегал соотечественников от ошибки – принимать временную общность интересов за постоянный союз. Спустя два года, в 1868 г., он, уже выражая беспокойство по поводу американской конкуренции в торговле зерном, предупреждал, что продажа Аляски и географическая близость не только ничего не дадут, но и отрицательно скажутся на взаимоотношениях двух стран. Позиция Каткова запечатлела ощущение тревоги.

Еще большее количество русских, чем это было раньше, стало туда приезжать и знакомиться со страной. С открытием канала общения после Гражданской войны это ощущение стало усиливаться. Появилось много статей и книг, в которых содержались одобрительные высказывания о жизни в Новом Свете и его учреждениях. И все же виднейшие представители русской мысли и художественного слова – от народника П.Л. Лаврова до марксиста Г.В. Плеханова и от Ф.М. Достоевского до В.Г. Короленко – так же, как и их предшественники, были разочарованы и испытывали дефицит симпатий к обществу, которое проявило свое новаторство, как им казалось, только в области грубого меркантилизма и бесстыдстве политической коррупции. С точки зрения П.Л. Лаврова, классическая страна политической свободы превратилась к концу XIX в. в “Республику обмана”, страну бездушного промышленного капитализма, которая освободила рабов и женщин только для того, чтобы превратить их в лакеев или пролетариев. Под несколько иным углом зрения видел ситуацию Ф.М. Достоевский, переносивший критику европеизма на его американскую разновидность. Он полагал, что мир может совершенно спокойно обойтись без Америки, без ее железных дорог и даже без ее хлеба – самых ярких символов материального прогресса и благополучия, с кото-

рыми у европейцев ассоциировалось представление о Соединенных Штатах¹⁹⁸.

В.Г. Короленко, несмотря на то что он испытывал к Америке больше симпатии, чем Ф.М. Достоевский или А.М. Горький, и, по-видимому, лучше понимал ее притягательную силу для лиц, лишенных собственности и гражданских прав, а также для всех, мечтающих о политических свободах, видел в ней, однако, страну, лишенную подлинной человечности и справедливости. В своих эссе о Соединенных Штатах, которые он посетил в 1893 г. и где прожил два месяца, В.Г. Короленко писал о безработице и эксплуатации, политической коррупции и жестокой меркантильности, “презрении к народу, с которым якобы дружат”. Вся Америка, делился он своими впечатлениями из Чикаго, где его охватил ужас при виде скотоперегонных дворов и механизированных “фабрик смерти”, – воплощение безжалостности. Черное рабство и уничтожение индейцев, как ему представлялось, оставили неизгладимый след в национальном характере американцев. “Только здесь вы чувствуете всем своим сердцем и осознаете своим умом, что наш народ, невежественный и поработанный, тем не менее по своей природе является лучшим из всех народов. Это не только фраза и славянофильство. Нам не хватает свободы, но мы заслуживаем ее”. Вывод В.Г. Короленко однозначен: Америка,

¹⁹⁸ Логично усмотреть в тревогах Ф.М. Достоевского и М.Н. Каткова касательно вытеснения культом богатства духовно-нравственного начала в человеческом общежитии то самое, что имело своей проекцией страхи петербургского истеблишмента в отношении целенаправленно проводимой сторонниками русской свободы в США пропаганды американских ценностей и системы представительных учреждений. Генерал А.А. Киреев, один из видных деятелей Петербургского славянского комитета, одаренный публицист, сотрудничавший в изданиях консервативного толка, в специальном письме Николаю II от 4 июня 1907 г. умолял царя не доверять “западному конституционализму”. Виттевские “свободы”, по его словам, принесли России несчастье: “Все потрясено, поколеблено, явная безнравственность, пьянство усиливаются, авторитет и правительственный и, что гораздо важнее, – семейный вырван с корнем из народного сознания; не пощажена и церковь... Окраины России постепенно и безнаказанно от нее отваливаются, крамола заползает в администрацию и даже в войска” (Источник. 1993. № 2. С. 20). Едва ли было простым совпадением то, что незадолго до того, как письмо Киреева дошло до императора, пришло известие о знаменитой речи Дж. Кеннана на собрании общественности Нью-Йорка в защиту гражданских свобод в России 4 марта 1907 г. По своей стилистике речь Кеннана напоминала знаменитую статью Эмиля Золя “Не могу молчать”, и ее, конечно же, услышали в России (см.: *Kennan G. Russian Despotism*. P. 751–755). Кстати, против заимствования парламентаризма на западный манер возражали не только монархисты вроде Киреева, но и представители иного лагеря, например, Л.Н. Толстой (У Толстого 1904–1910: Яснополянские записки Д.П. Маковицкого. 1906–1907. М., 1979. Кн. 2. С. 514, 525).

может быть, вполне подходит для американцев, что же касается его самого, то он предпочел бы жить скорее в Якутии, где он пережил свою сибирскую ссылку, чем в “чикагском раю”¹⁹⁹.

Вернемся, однако, к А.М. Горькому. Его высказывания в письме, написанном в августе 1906 г. в горах Адирондак, характеризуют поразительное сходство его взглядов с открытием В.Г. Короленко относительно прирожденных добродетелей простых людей России и изъянов в национальном характере американцев: “Знаете, что я вам хочу сказать? Несмотря на все наши неудачи, мы находимся далеко впереди этой свободной Америки”. Особенно наглядно это проявляется тогда, когда вы сравниваете местного фермера или работника с нашими крестьянами или рабочими, заключал А.М. Горький²⁰⁰. Сторонник марксизма, он имел больше прав, нежели В.Г. Короленко, на возражение, если бы кто-нибудь попытался приклеить ярлык славянофильства и самохвальства к этому заявлению о русском превосходстве. Но даже если бы это было так, то все равно эти два разных человека, будучи далеки от того, чтобы разделять взгляды ультрапатриотов, тем не менее придерживались одной и той же парадигмы, в развитие которой внесли вклад обе стороны русского политического и идеологического спектра – консервативного и леворадикального. Согласно этой парадигме русская отсталость создавала гигантское преимущество перед деградирующим Западом в лице Америки, обретшей международный статус передовой державы, впитав все пороки и яды капитализма, его бесчеловечную мораль. Оба течения, становясь все непримиримее в вопросах внутренней жизни России, заявляли, что если сравнивать современную им Америку с присущими ей недостатками и предательством собственных идеалов, заложенных “отцами-основателями”, с радужными планами относительно будущих перспектив развития России, то именно последняя была призвана, как писал Д.С. Мережковский, осуществить новый мир, “разгадать загадку человечества”²⁰¹.

Критические высказывания Горького отличались особой жесткостью. Они касались даже вновь прибывавших к ее берегам изгоев Старого Света. На этот счет он был почти таким же нетерпимо высокомерным, как и богатые американцы, разговор которых подслушал русский публицист Н.А. Тан на пароходе, доставившем его в Нью-Йорк в 1900 г. Они жаловались на прави-

¹⁹⁹ Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1953–1956. Т. 4. С. 7–156; Т. 10. С. 195.

²⁰⁰ Горький А.М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 429.

²⁰¹ Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. IV. С. 219.

тельство страны нордической расы (США) за приток в страну презренных славян, евреев, итальянцев и азиатов. Эти люди, сообщил А.М. Горький в письме Пятницкому, совсем не похожи на тех, кто создал Америку своим трудом и умом: “Это просто мусор Европы, ее отброс, лентяй, трус, бессильный маленький человек, лишенный энергии, без которой здесь нечего делать. Современный эмигрант не способен делать жизнь, он только может искать готовой, покойной и сытой жизни”²⁰².

Первопричины суждений А.М. Горького менее понятны, чем их острота. Имеется в виду его справедливое возмущение в связи с оскорблением, которое было ему нанесено, когда пресса, узнав, что прибывшая вместе с ним актриса М.Ф. Андреева не была ему законной женой, организовала кампанию их осуждения. Скорее всего отрицательное отношение Горького к бурно растущему капитализму янки проистекало из неприязни писателя к русским либералам за их отказ от революции и за их отзывы об Америке, которые он считал слишком одобрительными. Но так или иначе вспышка гнева, последовавшая сразу же после того, как Горький открыл для себя страну Желтого дьявола, имела внутреннее происхождение. Он был направлен против тех публицистов России, которые создавали привлекательный образ Америки, покорившей воображение многих своим экономическим подъемом во второй половине XIX в. Вот эти “лакировщики” невольно способствовали росту критики левой оппозиции в адрес Америки в начале XX в. – главным образом в результате резко обострившейся борьбы внутри оппозиционного лагеря в России по вопросу о путях ее модернизации.

Как протеже В.Г. Короленко, А.М. Горький не мог не знать его представлений об Америке, высказанных ранее, и избежать их влияния. Кроме того, он читал газеты и журналы за два десятка лет до своей поездки в эту страну, и не мог не знать, чему посвящены были многие статьи и переводы русских авторов, в которых высказывались серьезные сомнения по поводу черт и свойств американской жизни. Сама Америка снабжала материалами, подтверждавшими эти сомнения, и русские читатели черпали их из переводов Марка Твена, Чарлза Уорнера (“Золотой век”) и Генри Адамса (“Демократия”), в публикациях “разгребателей грязи”.

Невозможно сказать с какой бы то ни было степенью определенности, что больше повлияло на убеждение, сложившееся у образованной русской публики: результаты серьезных наблюдений повседневной действительности, которые газетчики присылали

²⁰² Горький А.М. Собр. соч. Т. 28. С. 430.

или привозили домой из Соединенных Штатов, или более абстрактные и философские размышления их именитых соотечественников о характере, плюсах и минусах американской цивилизации. С уверенностью можно лишь утверждать, что на рубеже веков, особенно после 1905 г., существовали разнообразные мнения по любому вопросу, включая и мнение о Соединенных Штатах, и достаточно широкие возможности их изложения устно и печатно, в частности в эмигрантских изданиях; что до 1900 г. и после не существовало какой-либо единой или преобладающей русской точки зрения на Америку и не было единого толкования происходящих в ней процессов. Те, кто умялял значение Америки, были не всегда безразличны к ее привлекательным чертам и достижениям, а те, кто относился к ней с симпатией и даже восхищением, не всегда оставались слепы в отношении ее недостатков, провалов и отталкивающих черт. Книга П.А. Тверского «Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов» (1895), которая вызвала гнев А.М. Горького, была опубликована в один и тот же год, что и рассказ В.Г. Короленко «Без языка», где писатель критиковал Америку и американцев, и сам этот факт может служить примером амбивалентных суждений в русском обществе о манящем и пугающем, далеком и близком Новом Свете.

Публицист и литератор П.А. Тверской, взявший этот псевдоним (его настоящая фамилия была Дементьев, он называл себя в Америке Деменсом), был уроженцем Тверской губернии, где активно участвовал в земском движении. В 1881 г. он стал политическим эмигрантом и переехал во Флориду, где занялся сельским хозяйством. Тверской вспоминал в одной из своих статей, которые печатались в либеральном ежемесячнике «Вестник Европы»²⁰³ и затем были изданы отдельной книгой, что поначалу не думал ни о чем другом, кроме как о занятии сельским хозяйством. Как и большинство русских помещиков, он оказался не готов к какой-либо практической деятельности, но знал кое-что о земле. Такова была обычная история иммигрантов из высшего сословия России, неприспособленных к неквалифицированному труду. Нет ничего удивительного, что фермерский эксперимент для Тверского окончился неудачей, и он в конце концов купил небольшой лесопильный завод и добился успеха в этом начинании, занявшись карьерой в области предпринимательства и промышленности: построил железную дорогу, стал владельцем фабрик, прачечных и основателем города Санкт-Петербург во Флориде. В начале 1890-х годов он переселился в Южную Калифорнию, сделавшись

²⁰³ *Тверской П.А.* Десять лет в Америке // *Вестник Европы.* 1893. № 1. С. 54–92.

активным членом Республиканской партии. Тверской продолжал писать для русских газет и журналов вплоть до 1917 г.

Успех и благополучие, несомненно, усилили приверженность Тверского принципам экономического и политического либерализма и американскому образу жизни, а его вера в американский народ и его будущее всегда оставалась неизменной. Но вопреки мнению Горького ни в своей книге, ни в своих поздних статьях²⁰⁴ он не утаивал, что его сильно беспокоит то, что происходит как внутри Соединенных Штатов, так и с их политикой за рубежом, где с неожиданной силой проявилась самонадеянность Америки, заманувшейся на мировое лидерство.

Русская читающая публика из статей и эссе Тверского получала вполне сбалансированную и правдивую информацию о главных сторонах жизни Америки. Он рассказывал о широком распространении грамотности в Америке, о политической активности и высоком самосознании ее граждан, о их хорошем материальном положении сравнительно даже с населением стран Западной Европы; общем доверии к правительству и гражданской гордости; о передовой обрабатывающей промышленности и практике ведения дел; высокой квалификации и производительности американских рабочих и успешной борьбе их профессиональных союзов за достойную заработную плату и нормальный рабочий день; о впечатляющем размахе коммерческой деятельности; о легкой доступности кредитов и экономической информации; о возможностях, которые открываются перед людьми, обладающими небольшими средствами, но большим воображением и инициативой. Он писал также об американском империализме, о произволе и преступлениях крупных монополий, о спекулятивной болезни, незаконных предпринимательских сделках, мошенничестве и жестокой конкуренции, о забастовках, безработице, локаутах, о политическом крючкотворчестве и коррупции²⁰⁵.

Во время испано-американской войны 1898 г. и в последующий период, во время роста шовинистических настроений, подогреваемых желтой прессой, Тверской неоднократно возвращался к беспокоившей его теме империализма и опасности, которая угрожала доброму имени Америки. Он отмечал, что Соединенные Штаты тоже подвержены “бессмысленной” гонке вооружений, которую вели великие державы. Но уход из Белого дома Теодора Рузвельта (американского Вильгельма II) и рост рядов пацифист-

²⁰⁴ С 1896 по 1916 г. П.А. Тверской опубликовал более 50 статей в “Вестнике Европы” и “Русской мысли”.

²⁰⁵ См., например: *Тверской П.А. Американский империализм // Вестник Европы. 1902. № 7. С. 339–341.*

ского движения, которое нигде не было столь активным и широким, как в Америке, вселяли в него надежду на то, что международные конфликты будут решаться мирным путем за столом переговоров, и Америка окажет этому всяческое содействие.

Однако к началу Первой мировой войны сомнения Тверского стали уступать место оптимистическим мотивам, связанным с серьезными переменами в экономической системе и гражданском обществе США, укреплением в нем демократических начал, реформированием политической системы, ограничении роли олигархов в политической жизни. Несмотря на это, он продолжал указывать на тот или иной источник опасности для республики – на неуправляемый приток дешевой рабочей силы из Японии, на махинации политических машин в крупных городах, на беспринципный оппортунизм боссов старых политических партий. «Я полагаю, – писал Тверской в письме в “Русскую мысль”, – что Союз переживает трудные времена и столкнулся с острым и чрезвычайно серьезным конфликтом, в результате которого появится более крепкая и более разумная политическая система, свободная от интриг беспринципных политиканов»²⁰⁶. Тверской уповал на механизм саморегулирования американской системы, однако для его русских читателей все это представлялось далеко не столь очевидным.

Другой эмигрант и постоянный корреспондент, сотрудничавший с весьма серьезными журналами, экономист по вопросам труда и статистик И.М. Рубинов, не разделял веру П.А. Тверского в неколебимое здоровье американской системы. В начале 1898 г., спустя пять лет после своего приезда в Америку, И.М. Рубинов сообщил читателям “Северного вестника”, в числе которых был и А.М. Горький (в этом номере был помещен один из его рассказов), об отсутствии в США зрелого рабочего движения и о первых его шагах, выразившихся в образовании Американской социал-демократической партии под руководством Юджина Дебса. Спустя 10 лет он снова сообщил читателям, что существующее трудовое законодательство слабо защищает интересы американского рабочего и не идет дальше самого примитивного реформизма, поэтому американский рабочий стал включаться в политическую деятельность по собственному усмотрению. Во время президентских выборов и оглашения партийных платформ 1908 г. Рубинов убедился, что рабочие были правы, когда не верили обещаниям и республиканцев, и демократов, а в собранных социалистами голосах он увидел доказательство того, что левые силы, социализм стали постоянным фактором политической жиз-

²⁰⁶ *Тверской П.А. Письмо // Русская мысль. 1910. № 5. С. 101.*

ни в США так же, как и в любой другой промышленно развитой стране. Рубинов обратил внимание на то, что даже в американских газетах постепенно стали исчезать материалы, утверждавшие, что социализм был импортирован в США из Германии благодаря подрывным элементам.

Знаменательно, что Рубинов и Тверской в своих трудах (статьи, очерки, повести) об Америке говорили и о той Америке, которая грядет. Так, герой одной из новелл Тверского, намеревавшийся отплыть в обратное путешествие в Россию, узнает из газет о значительном росте числа голосов, поданных на последних выборах за “рабочую партию”. Эта новость заставляет его вспомнить об ораторах, выступающих за “новое учение”, – ораторах, которых он видел на каждом собрании общественности во время избирательной кампании, об их неутомимом усердии, целеустремленности и убежденности. Ему кажется, что здесь, в Америке, поднимается та же волна, которая постепенно накрывает собой весь цивилизованный мир и смыкает с него подлость буржуазии и продажность политиканов для того, чтобы создать в самых отдаленных уголках мира перспективы светлого будущего для всего человечества. По мнению Тверского и Рубинова, в США также зрели ростки социализма, которые можно было видеть тогда в любой развитой стране.

Представление о Соединенных Штатах как о стране с особо благоприятными условиями для экспериментов по осуществлению коммунистических идей и созданию коммун, как о новом мире, который мог бы указать путь в социалистическое будущее, привело к тому, что в 1870-х годах десятки молодых русских идеалистов пересекли океан. Несмотря на то что представление о “рае за океаном” вскоре несколько поблекло вследствие разочарований, на рубеже веков оно все еще продолжало жить. И живительных сил придал ему утопический роман Эдварда Беллами “Взгляд в прошлое (Looking Backward)”, который, как говорил А.М. Горький одному американскому журналисту в 1906 г., был известен каждому русскому студенту в период между 1889 и 1918 гг., его переводили 10 раз – 7 раз на русский язык и 3 раза – на другие языки Российской империи. Именно книга Беллами своим манящим идеалом помогла сохранить в представлении части русского общества образ такой Америки, в которой, в отличие от Европы, можно было гораздо легче рассмотреть очертания нового и лучшего мира²⁰⁷.

²⁰⁷ *Nikoljukin A. A Little Known Story: Bellamy in Russia // Edward Bellamy Abroad / Ed. by S.E. Bowman. N.Y., 1962. P. 67–85.*

Л.Н. Толстой, оказавший содействие в переводе произведения Беллами в 1889 г., которое он рассматривал как справедливое обвинение капитализма, был одним из самых осведомленных русских писателей об Америке. Он встречался и переписывался со многими американцами, в том числе с Дж. Кеннаном, книгу которого о сибирской каторге высоко ценил. Ясную Поляну посетили десятки видных граждан Нового Света и среди них У. Брайан, один из лидеров демократической партии. Однако И.П. Дементьев справедливо отмечал, что нельзя однозначно сказать, как Толстой относился к Америке²⁰⁸. Он подчас называл ее “передовой страной”, но это не было похоже на преклонение, он ценил американскую литературу, давшую миру Гаррисона, Эмерсона, Уитмена, Торо, Лонгфелло, Г. Бичер-Стоу, но полагал, что их духовное влияние не достигло главного – не смогло побороть дух грубого (“жалкого”) материализма²⁰⁹. Толстой солидаризировался с пацифизмом и антиимпериализмом У. Брайана и резко осуждал милитаризм и экспансионизм У. Маккинли и Т. Рузвельта²¹⁰. В одном случае Толстой даже написал о “завоевательной мании” американского правительства²¹¹. И хотя мысль о подражании американскому образцу могла показаться Толстому дикой, тем не менее, его интерес к “американскому эксперименту” был очевиден. Это касалось и аграрных преобразований, различных планов решения проблемы бедности, веротерпимости, сделавшей США прибежищем всех гонимых церковной ортодоксией, и функционирования судебной системы, во многом воплотившей в себе все лучшее, что дал европейский опыт.

Еще один знаменитый русский, ученый-химик Д.И. Менделеев достаточно критично относился к тому, что он увидел в Соединенных Штатах в 1878 г. Он не был поклонником “распущенного” капитализма США и посчитал даже нужным в 1900 г. заявить, что его неоднократные призывы соревноваться с американцами (догнать американцев) совсем не означали, что он считал их страну идеальной во всех отношениях²¹². Мнение Менделеева совпало с мнением талантливого экономиста И.Х. Озерова. В своем исследовании экономических тенденций XIX в. (1902) Озеров отвел

²⁰⁸ Дементьев И.П. Л.Н. Толстой и социальные критики в США на рубеже XIX–XX вв. // Новая и новейшая история. 1978. № 6. С. 39; Иванян Э.А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М., 2007. С. 38–40.

²⁰⁹ Литературное наследство. Т. 75, кн. 1. С. 430.

²¹⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 7; Т. 57. С. 70; Литературное наследство. Т. 75, кн. 1. С. 479.

²¹¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1993. Т. 72. С. 12, 13.

²¹² Менделеев Д.И. Учение о промышленности // Соч. М., 1954. Т. 20.

важное место Соединенным Штатам как претенденту на мировое первенство и одновременно как стране, угрожающей европейским ценностям и традициям²¹³. Неумеренность и вульгарность американского капитализма, по-видимому, как он считал, негативно воздействуют на мировую экономику. В течение последующих 15 лет Озеров продолжал утверждать, что пробуждение от того, что он называл американским кошмаром, будет возможным только в том случае, если отказаться от подражательства американцам. Европе следует перестать оглядываться на Америку, говорил он, привести собственный дом в порядок и заняться просвещением низших слоев граждан. “Вы сможете победить Америку ее собственным оружием”, резюмировал Озеров.

“Почему Америка развивается так быстро?” и “Чему учит нас Америка?” – спрашивал Озеров в 1903 г., адресуя этот вопрос специально русским коллегам и читателям. Затем он неоднократно возвращался к этим вопросам по различным поводам и на различных форумах, постоянно указывая на наличие резкого контраста. С одной стороны Россия и ее русская лень, бюрократический произвол и застой, низкий уровень трудовой дисциплины, нищета и неграмотность. С другой стороны Америка с ее инициативой, поддерживаемой духом свободы, изобретательностью, энергией, организованностью, точным расчетом, уверенностью в своих силах и образованностью. “Почему мы спим? Каким образом разбудить наши дремлющие силы и скрытую энергию; какой магический призыв двинет вперед разработку богатств нашей земли? Почему, имея такие обширные территории, нам не хватает земли; почему, обладая относительно небольшой плотностью населения, многие наши люди не имеют возможности применить свой труд?”²¹⁴ Для Озерова пример Америки служил призывом, который должен был раскачать медлительную, инертную, малоподвижную Россию, встряхнуть ее и направить на путь обновления.

Нужно сказать, что в русской периодике и книжной продукции двух первых десятилетий XX в. в скрытой и открытой форме, помимо экономики, прямо или косвенно преломилась острая полемика вокруг вопроса, какой образец правового государства взять для подражания в наступивший переходный период – американский (последовательное утверждение конституционных принципов вплоть до ликвидации самодержавия) или западноевропейский (с сохранением атрибутов “исторической власти” в сочетании с представительными учреждениями). За государственный строй, аналогичный государственному строю Англии, выступала

²¹³ Озеров И.Х. Итоги экономического развития XIX века. СПб., 1902.

²¹⁴ Озеров И.Х. Куда мы идем? СПб., 1911.

многочисленная и влиятельная часть либерального движения (Н.Н. Львов, С.Н. Трубецкой, П.Н. Милюков и др.). Некоторые видные представители того же движения открыто стояли за либеральный абсолютизм²¹⁵. Но и те и другие с нескрываемым скепсисом относились к апологии американской системы, черпая свои контрдоводы в славянофильских трактатах, а иногда и в социалистической литературе. Недаром П.Н. Милюков писал в 1919 г., что еще 30 лет назад серьезные писатели глубокомысленно обсуждали вопрос о том, не может ли Россия вообще миновать “стадию капитализма”²¹⁶. Огорчительным, однако, для многих было то, что в обстановке реакционного реванша, наступившего вслед за революцией 1905–1907 гг., усилилось не критическое отношение к чужому “удачному” эксперименту, стремление взахлеб пропагандировать его в ущерб вдумчивому аналитическому разбору всех плюсов и минусов, соответствия предлагаемых рецептов реалиям жизни и конкретной российской обстановке.

Напряженнейший дискурс постоянно подпитывался на страницах либеральной и социал-демократической печати материалами, знакомившими русскую публику со 150-летней историей заокеанской республики и драматически разворачивавшейся политической жизнью США в первые годы XX в. При беглом обзоре бросается в глаза одобрительный тон многих повествований о жизни и порядках в Новом Свете. Но были и такие издания, где все, чем жила Америка, порицалось, а русские политики, замеченные в симпатиях к ней, зачислялись в разряд непатриотов. Примером может служить объемная брошюра М.А. Горячковой “Антирусская агитация в Америке”, изданная в Санкт-Петербурге в 1908 г. и представлявшая собой перебранку с русофобами в Америке. Правда, больше всего в ней говорилось о внутренних врагах царского режима. Свой трактат автор закончила пожеланием, чтобы ее соотечественники перестали смотреть на Запад или на капиталистическую Америку как на парадиз, что делали многие либералы. Их цель, по словам Горячковой, заключалась в том, чтобы стереть с лица земли само понятие о России, которое так дорого и свято для каждого русского человека, и уничтожить замечательный образ жизни, завещанный предками, которые создали великую самодержавную Русь и придали ей силу.

Социалистическое направление в политической публицистике рассматривало США как высшую точку новейшего капитализма.

²¹⁵ См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России 1762–1914. М., 1995. С. 371–396.

²¹⁶ Цит. по: *Российские либералы: кадеты и октябристы* / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М., 1996. С. 274.

В анализе ситуации в Америке ему был присущ пессимистический взгляд: внутренние противоречия и конфликт интересов, неминуемо ведут к кризисам и разрушению общественного согласия. В призыве, который первая организация русских марксистов – группа “Освобождение труда” – направила русским рабочим, эмигрировавшим в Соединенные Штаты, В.Г. Плеханов и П.Б. Аксельрод заявили еще в 1886 г., что даже в “самой свободной из всех стран” ярмо капитала безжалостно удушает рабочий класс. В 1893 г. С.Н. Южаков согласился с Н.Ф. Даниэльсоном в том, что Россия не может и не должна следовать примеру Америки, поскольку эта страна, несмотря на наличие благоприятных обстоятельств, была обречена идти по столбовой дорожке капитализма, не обходя ни одну из его “волчьих ям”, т.е. по пути разорения сельского населения, обнищания пролетариата и завоевания иностранных рынков, что могло лишь оттянуть момент общего краха²¹⁷.

Анонимный автор серии статей, которые появились в издании легальных марксистов “Новое слово” в 1897 г., сообщал немало сведений, собранных им на месте, о победе в США плутократии над демократией, о тщетности законов против больших трестов и их пагубной силы, порочном применении этих законов против профсоюзов и забастовщиков, о безнадежности усилий рабочих добиться своих прав с помощью существующих буржуазных партий или справедливости с помощью “классовой” судебной системы, которая была хуже русской до реформы 1863 г., об этнических барьерах и расизме. Такие мрачные суждения и прогнозы повторялись и распространялись с небольшими изменениями в последующие годы в журналах правых и левых и укрепляли веру марксистов, в частности в то, что ни одна страна не свободна от законов истории и революции, которая, как утверждалось, приближалась и в Соединенных Штатах²¹⁸.

Революционное крыло марксизма процессы, идущие в Америке, последовательно оценивало с классово-партийных позиций. Отсюда критика им “американской системы” порой сближала самых непримиримых и воинствующих противников царизма с его наиболее верными сторонниками – монархистами, поздними славянофилами и другими крайне правыми²¹⁹. С близкой их партийной

²¹⁷ Южаков С.Н. Вопросы экономического развития в России // Русское богатство. 1893. № 11. С. 226.

²¹⁸ И.Г. Письма из-за границы // Новое слово. 1897. Т. 2, кн. 8, 10, 12; Т. 3, кн. 1.

²¹⁹ Едва ли случайно меньшевик М.И. Либер в своей брошюре, изданной в 1919 г., называл большевиков славянофилами (см.: *Либер М.И.* Социальная революция или социальный распад. Харьков, 1919). И.В. Сталин мог знать об этом сочинении видного меньшевика. А мог, и не зная о нем, охотно пользоваться этим

доктрине позиции судил о процессах в Америке даже такой неортодоксальный большевик, как А.А. Богданов (Малиновский)²²⁰. Подобно генералу-монархисту А.А. Кирееву он обращал прежде всего внимание на моральную деградацию “старого мира”, который в последнем приступе безумия “ищет прибежище в истреблении, массовом и индивидуальном”, для чего в Америке, например, культивируют грубые инстинкты с помощью кинематографа (“прекрасного изобретения”) и нелепо жестокой детективной литературы. Вопрос о представительной демократии – высшем достижении американизма – Богданов оставил вообще без внимания, скорее всего, как неподлежащий обсуждению в марксистской среде. Но размышлявшие о хозяйственной деятельности после прихода к власти большевики ясно представляли себе, что было бы неправильно закрывать глаза на те преимущества и примеры в организации труда, технологическом оснащении производства и даже в общественном самоуправлении, которые Америка все еще продолжала являть миру.

В.И. Ленин никогда не сомневался в том, что капитализм Нового Света был таким же эксплуататором и угнетателем, как и капитализм Старого Света, а может быть, еще более жестоким, хотя и не лишенным новаторского духа. Поскольку американский капитализм был самым молодым и в техническом плане наиболее прогрессивным по сравнению со своими аналогами в других странах, он разработал также самые совершенные, эффективные формы подневольного наемного труда, самую изощренную “научную” систему выжимания пота из рабочих (система Фредерика Тейлора), достиг наивысшей степени концентрации в промышленности, земледелии и финансовой сфере. В результате “рядом с ужасной безработицей и нищетой... рядом с расхищением попусту человеческого труда – мы видим неслыханную роскошь миллиардеров”, которые, ведя патерналистскую политику, удерживают массы в подчинении и наемном рабстве. Идеал демократической республики, рожденной в “одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного” и которая завершила еще одну революционную войну против феодального рабства, оказался преданным буржуазией и ее политическими партиями. Их соперничест-

термином в беседах с представителями славянских народов, проходивших в неофициальной обстановке. Так, во время встречи с чехословацкими деятелями во главе с Э. Бенешем в Москве 28 марта 1945 г., он, говоря о советских коммунистах, называл их “новыми славянофилами-ленинцами, славянофилами-большевиками”, целью которых является союз славянских народов (Источник. 1997. № 5. С. 128).

²²⁰ Неизвестный Богданов: В 3 кн. Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928 / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1995. Кн. 1. С. 78.

во между собой перестало иметь какое-либо серьезное значение для трудящихся масс и превратилось в бессмысленную дуэль по поводу таких мелких проблем, как размер таможенных пошлин и сборов и т.д. “Но американский пролетарий уже проснулся, – обнадеживал Ленин, – и стоит на своем посту”, не желая больше быть обманутым буржуазными политиками. Рост числа сторонников социализма, увеличение тиража распространения социалистической еженедельной газеты, писал Ленин в 1912 г., отдавая дань историческому оптимизму, “показывает нагляднее, чем длинные рассуждения, какой переворот близится в Америке”²²¹.

Развенчивая “лицемерный характер” буржуазной демократии, Ленин одновременно разъяснял, что она “делает классовую борьбу широкой, открытой, сознательной. И это не гадание, не пожелание, а факт”, который резко контрастировал с полным отсутствием политической свободы в России. Здесь политическая реакция шла рука об руку с другими формами отсталости – социальной, экономической и культурной – с тем, чтобы можно было удержать народные массы в бедности, невежестве и подчинении. И “если бы весь государственный строй России, снизу доверху, был переделан в столь же демократический, как американский”, многое можно было бы сделать, чтобы добиться высокой производительности труда, высокого уровня жизни, такой же свободы и образования, которых достигли американцы.

Статья, которую мы здесь цитируем – “К вопросу о политике министерства народного просвещения”²²², – знаменательна во многих отношениях. Время ее появления (апрель 1913 г.) совпало с серьезными сдвигами в политической обстановке в США. Прошли выборы 1912 г., на которых победил демократ В. Вильсон, сделавший частью своей программы многие лозунги либеральных реформаторов, прогрессистов, внушительно заявило о себе социалистическое движение, кандидат которого Ю. Дебс занял третье место по числу поданных голосов в президентской гонке. В России начался как будто бы экономический подъем, и все же предкризисное развитие продолжалось. Страна в преддверии войны вступала в новый этап перехода к индустриальному обществу, болезненные проявления которого удвоились и утроились по причине драматически резкого несоответствия культурной отсталости темпам урбанизации и требованиям технологического переоснащения экономики.

Ленин писал об “одичалости народных масс” в России, отуплении народа “пуришкевичевщиной” и здесь же противопоставлял

²²¹ Ленин В.И. Итоги и значение президентских выборов в Америке // Полн. собр. соч. Т. 22. С. 192–194.

²²² Там же. Т. 23. С. 125–135.

им явь цивилизованных стран. Америку он не относил к числу самых благополучных по культуре, но считал ее пример для подражания вполне достойным. Очистка страны от рабовладения позволила ей строить “свободную жизнь”. Ленин не стеснялся говорить языком популярного П.А. Тверского. “...России *еще* предстоит отвоевать себе упорной, революционной борьбой народа *ту свободу*, которую полвека назад приобрели себе американцы”²²³. Стремление сделать большевистскую доктрину предельно выпуклой в ходе революционных событий в России и Европе 1917–1920 гг. заставило Ленина усилить пропагандистский акцент в его оценке американской демократии. Он увидел возобладание в ней новых граней, начисто лишенных привлекательности, в частности, гегемонистские тенденции монополий и управляющего страной политического клана. Но давно сложившееся представление о США как о стране высокого уровня народовластия, ставшей могучим индустриальным гигантом благодаря смелому внедрению инноваций в экономике и технологическом ее оснащении, разрыву с патриархальщиной и заботе о просвещении народа, никуда не исчезло.

Однако вступление Америки в Первую мировую войну и более того поддержка ею интервенции против советской республики дали Ленину еще один повод считать зрелый капитализм империалистическим и грабительским. Тем не менее Америка осталась для него и многих его соратников, как, впрочем, и для консервативных и либеральных бизнесменов, политических деятелей и ученых, создавших Общество развития дружественных связей между Россией и Америкой в апреле 1915 г. и Русско-американскую торговую палату (1913), символом предприимчивости, жизнеспособности и профессионализма, к которому стремились самые молодые и самые развитые капиталистические страны в решении задач экономического и культурного строительства. Характерно, что, несмотря на все различия помыслов и политических ориентиров, налицо были элементы сходства между доктриной большевизма в решении назревших задач экономики России и установками, выдвигаемыми технократами из проамериканского лобби. Так, Н.А. Бородин, вице-президент Общества развития дружественных связей, писал в декабре 1915 г. в своем бюллетене, что если России суждено стать великой державой, то развитие производительных сил страны надлежало осуществлять в американских масштабах, с американским размахом, энергией и деловитостью, не следуя более скромному примеру Европы. Революционный порыв российских левых находил опору в том же восхищении американским техниче-

²²³ Там же. Т. 23. С. 125–135.

ским и организационным гением и достижениями массового производства, которое испытывали большинство ведущих российских технократов-державников, с порога отвергавших социалистическую идею. Разумеется, из такого сходства не могло получиться никакого идейного консенсуса, хотя существовали и другие внутренние и внешние причины, мешавшие тому, чтобы “американский путь” завоевал популярность в предельно политически и идейно расколотовой России 1914–1918 гг.

В годы войны Ленин и другие видные большевики жили в эмиграции и их размышления на тему “делать жизнь – с кого?” были мало известны российской публике. Модель модернизации России, сочетавшая в себе социалистическое содержание и самую передовую технологию хозяйственной и общекультурной реконструкции, еще только формировалась в сознании представителей этой части леворадикальной оппозиции, сосредоточившей почти все внимание на задаче захвата власти. Стратегическая перспектива волновала пропагандистский аппарат партии в значительно меньшей степени. Более заметное влияние на формирование общественного мнения в России, настроений за и против переноса опыта Америки на российскую почву имели многочисленные органы либеральной печати, живо обсуждавшие эти вопросы порой без оглядки на цензурные строгости, а также публичные мероприятия, проходившие под эгидой Общества развития дружественных связей между Россией и США²²⁴.

В мажорно приподнятом тоне рассуждал об особой “цивилизаторской” миссии американского (в отличие от европейского) капитала известный русский инженер, затем товарищ министра торговли и промышленности и уполномоченный Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) в Америке профессор Б.А. Бахметев. У него было немало сторонников, требовавших не упустить момент для “закачки” американских долларов, организационных и технологических достижений в экономический организм России с последующим проращиванием всех других атрибутов “американской системы” на русской почве. Суворинское “Новое время” в феврале 1917 г. поместило программную статью известного обозревателя газеты М.О. Меньшикова под названием “Откровение из Америки”, в которой Россия уподоблялась беспечному и малосведущему барину, нищенствующему в большом имении, а американский деловой мир – энергичному и культурному арендатору, способному привести обломовское захиревшее хозяйство в цветущий сад, плодоносящий обильно и на основе современной технологии.

²²⁴ О деятельности Общества см.: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 23, 24.

Особенно активно пропагандировала идею вытеснения американским “неполитическим капиталом” (т.е. капиталом, не имеющим будто бы политических мотивов) политического капитала (под чем понимался в первую очередь германский капитал, а также и франко-английская доля в торгово-финансовом балансе России) образованная в 1915 г. Русско-американская торговая палата во главе с Н.И. Гучковым²²⁵.

Руководство Палаты видело в экономическом сотрудничестве России и США огромный потенциал для стабильного развития мировой экономики и важнейшее условие экономического прогресса России. Его не смущала русофобия большей части финансовой элиты США, чья оппозиция сближению с самодержавием в любой форме и при любых обстоятельствах, похоже, оставалась неизменной²²⁶. Завораживающее впечатление на протогонистов “американского пути” произвело стремительное изменение к лучшему состояние американской экономики за два года войны. Америка, перед войной живущая в ожидании паралича предпринимательской деятельности, во многих сферах экономики сказочным образом преобразилась, превратившись в финансово-экономического Давида, чей образ обладал магнетизмом и широтой натуры, позволяющей рассчитывать на его великодушие и помощь в любой момент. “История мира, – писал товарищ председателя Русско-американской торговой палаты А.В. Бер военному министру А.А. Поливанову 2 ноября 1915 г., – вряд ли знает переворот в финансовом или торговом положении какой-либо страны, имевший такое громадное значение и произошедший с такой быстротой”. Восторг от увиденного в Америке в сочетании со стремящимися ввысь статистическими данными был столь силен, что у сторонников американо-русского сближения проявилось нечто подобное опьянению идеей братания с владельцами богатств, обязанных своим ростом финансовым спекуляциям, торговле оружием и продовольствием с воюющими державами. Тот же Бер превозносил практицизм американцев²²⁷, который, как ему казалось, способен был свести к минимуму негативные последствия всех ранее возникших осложнений в американо-русских отношениях.

Русско-американская торговая палата во главе с Н.И. Гучковым в марте 1917 г. выступила с инициативой сближения с США “на почве взаимных экономических интересов” и придания этой

²²⁵ См.: Россия и США: Торгово-экономические отношения 1900–1930. Сб. док. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1996. С. 86–119.

²²⁶ См.: Там же. С. 98, 101.

²²⁷ Там же. С. 113, 117.

задаче степени первостепенной государственной важности²²⁸. В развитии этой инициативы было высказано предложение о направлении в США российской чрезвычайной миссии, в состав которой вошли бы деловые люди, представители крупнейших общественных организаций и заинтересованных проправительственных ведомств. По сути дела речь шла о налаживании всесторонних политико-экономических отношений между “двумя великими демократическими странами” (в России к тому времени был ниспровергнут царизм) с последующей реализацией широкой программы американской финансовой, промышленной и торговой интервенции в российскую экономику. Разработчиками ее идеологии были И.Х. Озеров, А.В. Бер, Ф.Ф. Фосс и Б.А. Бахметев²²⁹ – лица очень заметные в научно-технической среде и занимавшие видное общественное положение в тогдашней России. За спиной стояла влиятельная часть российских предпринимателей нового поколения, прозападнонастроенные финансисты и промышленники – братья А.И. и Н.И. Гучковы, А.И. Коновалов, Н.И. Прохоров, Н.К. фон Мекк и др.

Однако имеющиеся источники и выводы, сделанные на основе контент-анализа определенной части либеральной печати кадетского направления, показывают, что полного единодушия в отношении перспектив внедрения американской модели и предоставления свободы для инициативы американских корпораций в экономической жизни России не было. Многие усмотрели в идее привлечения “неполитизированного” американского капитала угрозу отечественному предпринимательству и национальной безопасности²³⁰. Звучал мотив неурегулированности русско-амери-

²²⁸ Там же. С. 166.

²²⁹ Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 23–25.

²³⁰ Листиков С.В. Конец самодержавия и проблема выбора пути (Русская пресса 1917 года об американском опыте) // Первая мировая война: Пролог XX века. С. 304–319. Уже в период недолгого существования Временного правительства его ведущие экономические эксперты, высказываясь в пользу привлечения американских инвестиций, особый упор делали на сохранении жесткого государственного контроля и регулирования деятельности иностранных корпораций. На словах проводилось различие между западноевропейским и американским капиталами, но мотив соблюдения национальных интересов присутствовал в обоих случаях (см.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. Ч. 2. С. 461–465). А.Ф. Керенский свидетельствовал, что осознанная угроза потери Россией экономической независимости привела к подъему патриотических чувств и примирению представителей ряда социалистических партий и крупного промышленного и финансового капитала на Государственном совещании в Москве 12–15 августа 1917 г. (см.: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 228).

канских отношений и неодинаковости подходов обеих стран к многим конфликтным ситуациям в мире. Тревогу вызывала вероятность изменения ситуации после войны и перевоплощение врагов в союзников и союзников во врагов. Тезис об аполитичности американского капитала и его бескорыстии убеждал далеко не всех. Его категорически отвергали почитатели правоконсервативного “Гражданина” князя Мещерского (по выражению П.Н. Милюкова, “настойной газеты царей”) и “Союза Михаила Архангела” Пуришкевича. По традиции с большой настороженностью относились к проникновению американского капитала в горнорудную промышленность России влиятельные группы горнозаводчиков. Некоторые из них использовали “аргумент от культуры”, утверждая, что вместе с американскими деньгами в страну придет и влияние чужеродной культуры со всеми нежелательными последствиями.

И в либеральных кругах центристского или умеренно-консервативного толка ощущался холодок, настороженность, скепсис в отношении политики “распахнутых объятий” с Соединенными Штатами, в частности, по вопросам заимствования их государственно-правовой доктрины и экономической модели. Уже в думских дебатах и выступлениях записных партийных ораторов после 1905 г. предпочтение отдавалось западноевропейскому опыту. Считалось более уместным говорить об опыте Германии, чем ссылаться на США, при обсуждении такого вопроса, как гражданское равенство²³¹. Думский либерализм в лице профессуры, идеологически, независимо от партийной принадлежности, имевший народнический оттенок, плохо переваривал ситуацию с положением в области гражданских прав черных, ограничениями конституционной системы в Новом Свете (правовое положение женщин, профсоюзов, отсутствие социальных льгот для престарелых и безработных) и т.д. Чаще ссылались на Францию, Англию и Германию, представительный характер парламентаризма которых (с включением в состав депутатов от низших слоев) имел в глазах новых русских политиков больше привлекательных черт, нежели элитарный форум американских законодателей – Конгресс США.

Главный же довод скептиков – противников “римско-варварской законности” (А.И. Герцен) состоял в том, что внутренние и внешние условия России, ее историческая наследственность не

²³¹ Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996. С. 186. Авторы книги приходят к такому выводу на основе контент-анализа дебатов в I и II Государственной думе.

позволяют ожидать от любых внешних заимствований удачного исхода. У страны другой ресурс-фактор, другая расстановка классовых сил, другое мышление, другие приоритеты на уровне межклассовых, межсословных, межнациональных и межконфессиональных отношений. Внутренний, необычайно острый идейный конфликт в буржуазном лагере сразу же после отречения царя 2 марта 1917 г. в ходе дальнейших событий подтвердил, что сложилась ситуация, в которой сторонники республиканизма и экономической реконструкции по американскому образцу никак не могли считать себя взявшими верх. Уже 2 марта посреди всеобщего возбуждения и волнуемого ожидания объявления чего-то абсолютно необычного, экстраординарного П.Н. Милюков, выйдя к толпе в Екатерининском зале Таврического дворца и назвав Николая II “старым деспотом, доведшим Россию до полной разрухи”, провозгласил, что страна должна оставаться конституционной монархией, т.е. с “символом власти, привычным для масс”²³². Наверное, американцы, находившиеся в зале, ожидали услышать что-то другое.

Несколько особняком в перечне факторов, влиявших на формирование образа США в общественном мнении России, стоит дипломатическая переписка, точнее те идеи, которые транслировались дипломатическим ведомством России на прессу и через нее на национальную интеллигенцию, торгово-промышленные круги, чиновничество и т.д. Как справедливо констатируется в предисловии к новому изданию дипломатических документов из архива МИДа РФ по истории российско-американских отношений с 1900 по 1991 г., период с начала XX в. до 1917 г. нагружен преимущественно дальневосточной тематикой²³³. И поскольку тогда “китайский вопрос” оказался центральной “болевым точкой” взаимоотношений России и США до и после окончания русско-японской войны, постольку он отразил меру противоречий, которые накопились между двумя странами в связи с их выходом на азиатский рынок и на тихоокеанское пространство. Геополитические интересы присутствовали почти в каждом эпизоде российско-американских контактов в данном регионе, автоматически сказываясь и на других регионах и территориях. В США во многом именно в связи с этим формировались взгляды, ставшие затем основой имперского мышления (Джон Фиск, Альфред Мэхэн, Брукс Адамс и др.)²³⁴.

²³² Милюков П.Н. Воспоминания. С. 464–466.

²³³ Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917 / Сост. Ю.В. Басенко, В.И. Журавлева, Е.Ю. Сергеев. Научн. ред. Г.Н. Севостьянов, Дж. Хэзлем. М., 1999.

²³⁴ См.: Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 15–69; Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок: Анализ современных американских концепций. М., 2005.

В России также наблюдался заметный поворот в реакции на быстрое “выдвижение” США в число претендентов на мировое лидерство. И главными проводниками нового, реалистического взгляда на ситуацию в отношениях двух стран в контексте региональной и мировой политики на длительную перспективу были российские дипломаты, действующие на “американском направлении”. Общий вывод из их анализа был неутешителен – российско-американские отношения имеют тенденцию к осложнениям и по причине неурегулированности правовой базы, и по причине специфической заинтересованности обеих стран в расширении своего присутствия в этом стратегически важном районе.

Как бы в ответ на заполнявшие американскую печать рассуждения о “коварстве” дальневосточной политики России²³⁵ российские дипломаты жестко констатировали в своих донесениях проявление имперских амбиций Америки, смену вектора ее внешней политики, переход от континентализма к глобальной, прежде всего торгово-экономической экспансии, дипломатии доллара. Временный поверенный в делах России в США Г.А. де Воллан в донесении товарищу министра иностранных дел В.Н. Ламздорфу от 12 сентября 1900 г. с явной “тревогой в голосе” писал, что критика демократами “империализма” президента У. Маккинли за его колониальные войны против Испании, на Филиппинах, захват Гавайских островов, оккупацию Кубы и т.д. – всего лишь камуфляж. Они (демократы) ведут себя так, как этого хочет американский народ, а он “преисполнен манией величия и желает играть заметную роль во всемирной истории”. И это “стремление к величию” было очень на руку республиканской администрации. “Республиканская простота, – продолжал де Воллан, – и невмешательство в дела других народов, столь восхваляемые демократами, если я не ошибаюсь, уже достояние прошлого”²³⁶.

Мотив распространения антироссийских настроений в американском обществе, вызванных как внешними, так и внутренними причинами (в частности, еврейский вопрос) стал общим местом в донесениях русских послов и до и после русско-японской войны. Посол А.П. Кассини писал В.Н. Ламздорфу после начала войны (20 сентября 1904 г.), что цели России преподносятся в Америке искаженно, в то время как цели Японии выдаются за истинное проявление благородства и порядочности: “Известия о первых победах Японии были приняты значительной частью здешнего общества с неподдельным восторгом. Голоса протеста, которые раздавались против подобного отношения во имя традиций, спра-

²³⁵ Мальков В.Л. Указ. соч. С. 18.

²³⁶ Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. С. 24.

ведливости и даже прямо против интересов Соединенных Штатов, были заглушаемы той, значительной, частью здешней печати, которая, служа английскому или европейскому делу здесь и искренне нас ненавидя, прилагала все старания, чтобы навязать здешнему обществу свои чувства и взгляды, убить сыздавна упрочившиеся здесь русские симпатии и искусственным образом создать симпатии к Японии...”²³⁷.

Заключение мира между Россией и Японией после русско-японской войны 1904–1905 гг. в Портсмуте при посредничестве США не привело к заметному потеплению в российско-американских отношениях, что отразилось на тоне и содержании дипломатической переписки представителей России в Вашингтоне с российским МИД. И прямо и косвенно это подтверждало сохранение трений в отношениях между Санкт-Петербургом и Вашингтоном и (что еще более существенно) наличие укоренившегося комплекса недоверия в национальном самосознании обеих стран. Опытный и умный дипломат В.В. Розен, занимавший длительное время пост российского посла в США, в донесении министру иностранных дел А.П. Извольскому 16 марта 1910 г. высказался весьма откровенно и нелюбезно о настроениях в американском обществе: Соединенные Штаты все последнее десятилетие проводят по отношению к России “враждебную политику”, Япония смогла развязать войну, получив сигналы о том, что ей гарантирована нравственная поддержка Соединенных Штатов. Впоследствии выяснилось, что президент Т. Рузвельт действительно говорил, что Япония “ведет нашу (т.е. США. – В.М.) игру”²³⁸. Недоброжелательство по отношению к России стало фирменным знаком политики республиканской администрации, остававшейся у власти вплоть до 1912 г. В заключении своей депеши Розен выразил слабую надежду на то, что выборы 1912 г. принесут перемены: “При новом президенте, – пообещал посол, – несомненно, более расположенном к России, американская политика примет характер менее враждебный нашим интересам...”²³⁹.

²³⁷ Там же. С. 64, 65.

²³⁸ См.: *Шаццлло В., Шаццлло Л.* Русско-японская война 1904–1905. М., 2004. С. 44.

²³⁹ Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. С. 171–174.

Глава II

ВУДРО ВИЛЬСОН И НОВАЯ РОССИЯ

Вильсон: “Славное событие в России, изменившее ход вещей...”*

1 августа 1917 г. Петроград. Частное совещание членов Государственной думы. Атмосфера, близкая к панике. Председатель думы М.В. Родзянко, отвечая на излишне оптимистические рассуждения депутата А.И. Шингарева о возможности быстрого преодоления разрухи с помощью иностранных инвестиций, говорит: “... а в частности, Андрей Иванович, я должен сказать, что Вы относительно американцев не так изволите говорить, у них план несколько другой, у них есть идея, насколько я понимаю, они этого не говорят. Это владычество англосаксонской расы. План такой. Посмотрите на карту России. Здесь с востока Америка, с юга — Австралия, тут Египет, затем Америка, Канада, Англия, может быть, удастся притянуть в помощь Японию и Францию, чтобы тогда завозить нас дешевыми товарами. Вот план американцев, если хотите знать”¹.

Была ли эта раздраженная реплика М.В. Родзянко простой данью антизападничеству или констатацией-предупреждением от повторения (только в еще большем объеме) того, что В.И. Вернадский назвал “огромной исторической ошибкой” русского правительства и царей в XIX в., когда ими была “потеряна и безумно продана” Русская Америка? На эти вопросы нет однозначного ответа, но тот факт, что ход мыслей Родзянко почти дословно соответствовал рассуждениям Вернадского в неопубликованном очерке “Мысли за океаном” (1913), позволяет уловить определен-

* *Daniels R.V.* Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. Boston, 1984. P. 117.

¹ Буржуазия и помещики в 1917 г.: Частные совещания членов Государственной думы. М.; Л., 1932. С. 265.

ную внутреннюю связь. Ученый, побывавший в Канаде и США, подытожил свое эссе выводами о геополитических процессах, берущих начало в конце XVIII в. и завершивших свое фазисное развитие в первые десятилетия XX в. В его понимании все это время происходил незаметный для глаз “раздел мира”, в котором участвовали “четыре расы” – французы, испанцы, русские и англосаксы. Последние, в представлении Вернадского, овладев огромными территориями и создав из маленькой группы колоний “мировое государство” (США), выиграла “историческую ставку”². Глава III и IV Государственной думы отнес пришествие англосаксонского монополизма к разряду угрозы. Однако расхождения имели семантический характер.

Как Вернадский, так и Родзянко в сущности оплакивали утрату Россией государственной мощи. Первый сделал это накануне войны, когда наглядно обнаружился разрыв нации с самодержавно-бюрократическим государством, приведшим к утрате национальной идеи, внутреннему развалу и параличу власти. Второй – в момент, когда Россия уже осознала глубину своего поражения в Великой войне и погрузилась в революционный хаос, который угрожал ей цепной реакцией, потерей государственности и превращением в периферию мирового сообщества или даже в чисто условное географическое понятие.

Крайне болезненно пережившие поражение в русско-японской войне и Портсмутским миром, испытывавшие страх перед угрозой распада страны российские кадетско-октябристские круги все дальше отклонялись в сторону оппозиции к самодержавию. Одновременно проявляя заботу о максимально широкой массовой базе и репутации державноблудистелей, либералы (умеренные и правые) выдвинули лозунг “пламенного патриотизма”. Его придумал председатель III Государственной думы А.И. Гучков, человек, в биографии которого было много такого, что делало его (без преувеличения) двойником Теодора Рузвельта, – и в этом глубоко символическом сходстве легко усматривалась некая историческая антитеза. В России вызревали силы, нацеленные на то, чтобы добиться перелома прежде всего в деле восстановления военной мощи³, политической реструктуризации в интересах преодоления отсталости страны и возвращения к наступательному курсу во внешней по-

² Вернадский В.И. Мысли за океаном // Независимая газета. 1998. 11 марта. С. 8.

³ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 7.

литике. Присягание многими политиками, публицистами и другими представителями интеллектуальной элиты “русской идее” напоминало пропаганду “явного предначертания” Америки, с начала XX в. с удвоенной энергией ведущейся в Новом Свете и овладевшей умами яркой плеяды внешнеполитических антиизоляционистов, в том числе Вудро Вильсоном и Теодором Рузвельтом⁴, президентами США эпохи перехода к индустриализации. Правда, в русском варианте идея мессианства выполняла, пожалуй, по преимуществу охранительно-мобилизационную функцию: патриотический ажиотаж был призван пробудить силы сопротивления нации после поражения в русско-японской войне, сохранить ее единство и территориальную целостность перед лицом как внутренней, так и внешней угрозы.

Одним из самых многозначительных и, в сущности программных, заявлений либерал-патриотов о крестовом походе в союзе с любыми праворадикальными элементами за национальное величие России была речь А.И. Гучкова, произнесенная им еще 5 ноября 1906 г. в Санкт-Петербурге. Возвращение Россией утраченных позиций в мире, борьба с “духом космополитизма”, насаждаемым леворадикальными партиями, восстановление военной мощи страны – вот, что сближало единомышленников Гучкова со всеми силами крайне правого спектра российского общества, делало естественным их политическое и духовное единение. “А то сильное, живое национальное чувство, тот пламенный патриотизм, – говорил он, – который их (праворадикальные партии. – *В.М.*) одушевляет и который мучениями и унижением нашей родины доведен в них до степени экзальтации, сближает их с нами”. Гучков совершенно открыто дал понять, что проблема внутренних преобразований меркнет перед задачей сплочения нации в ходе устремления к великой цели – возвращению государственной мощи: “Во всех вопросах, касающихся нашего международного положения, нашего национального величия, тех мировых задач, которые стоят перед нами как великой нацией, мы в них (праворадикалах. – *В.М.*) найдем и чуткое понимание исторической миссии нашего отечества, и готовность идти на великие жертвы, – мы найдем это в них, а не в тех кругах, которые безнадежно пропитаны духом космополитизма и которые являются опорой наших радикальных партий. И когда будет поставлен наконец вопрос о восстановлении наших вооруженных сил, вопрос, с которым связано и восстановление нашей старой, ныне попорченной сла-

⁴ *Weinberg A.K. Manifested Destiny: A Study of Nationalist Expansionism in American History. Baltimore, 1935. P. 463.*

вы, мы опять так пойдем заодно с монархистами на все жертвы, которых потребует отечество”⁵.

Речи, подобные той, которую произнес Гучков, не могли быть оставлены без внимания в Америке – посредника при заключении Россией позорного Портсмутского мира. Для сориентированного на “внутреннюю мелиорацию” и поверившего в универсальные достоинства политики “открытых дверей” американца слышать и читать, что “великодержавная роль России является центральным пунктом их (общественных кругов России и народных масс. – В.М.) политического символа веры”, отодвигающего на второй план “недочеты внутренней жизни”⁶, означало признание готовности молчаливо согласиться на возвращение России ее прежней роли в Европе и на Дальнем Востоке.

На Западе, в том числе в Америке, не могла остаться без внимания и позиция октябристов (а также всех, кто добивался превращения их в “государственную партию”) по национальному вопросу. А между тем здесь в сущности ничего не предлагалось менять. Отказ предоставить Польше автономию и нежелание решать еврейский вопрос, помимо всего прочего, означали, что партия Гучкова, Столыпина и Родзянко не была склонна учитывать позицию США, европейского общественного мнения. Она открыто блокировалась в Думе с крайне правым ее крылом, раздувавшим, по словам П.Н. Милюкова, “бешеную антисемитскую кампанию”, сопровождаемую погромной агитацией в стране⁷.

Правонационалистическая печать с готовностью оказывала в этом деле все возможные услуги гучковским либералам. Когда в России весной 1916 г. разразился очередной политический скандал по еврейскому вопросу, правые и центристы в Думе (в том числе Родзянко) вкуче с верхушкой армии и полиции заняли традиционную для себя антисемитскую позицию⁸. Без преувеличения можно сказать, что русофобам в Америке не нужно было придумывать повода для агитации против сближения с этой фракцией российской торгово-промышленной буржуазии.

Говоря о национальных проблемах России, в Америке с учающейся периодичностью затрагивали в связи с этим проблему

⁵ Партия “Союз 17 октября”. Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905–1915 гг.: В 2 т. М., Т. 1. С. 240.

⁶ Слова А.И. Гучкова из его Отчета ЦК “Союза 17 октября” о его деятельности от 1 октября 1913 г. (Русские либералы: кадеты и октябристы. Документы, воспоминания, публицистика. М., 1996. С. 169).

⁷ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 323.

⁸ См.: Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. / Сост. Д.Б. Павлов. М., 1998. Т. 3. С. 261–263.

государственного устройства⁹. В. Вильсон привлек к себе голоса многочисленных иммигрантских диаспор на президентских выборах 1912 и 1916 гг. как сторонник освободительного движения национальных меньшинств на территориях европейских государств. Американский историк, профессор Бетти Миллер Антербергер справедливо в связи с этим утверждает, что Вильсон выдвинул свою концепцию самоопределения наций еще осенью 1915 г. В мае 1916 г. он совершенно определенно высказался в защиту права каждого народа выбрать ту разновидность суверенитета, “в условиях которого он считает достойным устроить свою жизнь”¹⁰. Использование этнофактора помогло Вильсону одержать победу на выборах, но часто повторяемое Вильсоном утверждение, что каждый народ представляет собой в международно-правовом отношении самодостаточную величину, вызывало подозрение не только в столице дуалистической монархии Вене, но и в Петрограде. В обеих столицах с настороженностью наблюдали за тем, как Чарльз Крейн, близкий друг и советник Вильсона по восточноевропейским делам, развернул пропагандистскую кампанию в защиту обретения национальными меньшинствами, входившими в Габсбургскую империю, собственной государственности¹¹. Вместе с Габсбургами неуютно почувствовали себя и Романовы. Превращенная Крейном в центр этой просветительской и политической кампании Школа славянских исследований при Чикагском университете накопила с начала века немалый опыт “культурнической” работы с либеральной и национально-демократической оппозицией в обеих империях. Подобного рода деятельность стала со временем традицией и переросла в важнейшую функцию внешнеполитической пропаганды и культурной экспансии. В недрах кружка Крейна шла интенсивная подготовка конституций будущих суверенных образований на территории, занимаемой Австро-Венгрией. На очереди была и Россия¹².

⁹ В США (во многом благодаря чешской эмиграции) усиливалась пропаганда в поддержку лозунга расчленения Австро-Венгерской империи, что непосредственно задевало чувствительные струны российских политиков (*Unterberger B.M. The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Chapill Hill, 1989. P. 12.*

¹⁰ *Ibid.* P. 17.

¹¹ Чарльз Крейн, находившийся долгое время в тесных дружеских отношениях с П.Н. Милюковым, широко использовал возможности мобилизации финансовых и прочих ресурсов Америки в интересах поддержания прямых и “неформальных” контактов с неконформистскими течениями и группами в России, имевших, как правило, национальную окраску (*Saul N.E. War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence (Kan.), 2001. P. 89.*

¹² *Ibid.* P. 91, 92; см. также: *Foglesong D.S. The American Mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge (Mass.), 2007.*

В России, где в либеральных кругах существовали самые серьезные опасения в отношении сецессионистских стремлений сложившихся и не вполне сложившихся национальных течений на окраинах, возникло двойственное отношение к набиравшей силу в США практике публичных (прямых и косвенных, неофициальных и официальных) интервенций в эту область внутренней жизни империи. Те, кто видел в ней подрыв начал российской государственности (к ним следует отнести октябристов), решительно и бескомпромиссно отвергли ее как злокозненное вмешательство. Те же, кто рассматривал ее как моральную поддержку борьбы против полицейского государства, но одновременно как провоцирование окраинного национализма, чреватого разрушением имперско-патерналистской властной вертикали, отвечали контрдоводом о культурно-исторической, цивилизаторской миссии “державного” русского народа и его заботой о благополучии малых этносов. Если США смогли стать центром притяжения для многих этносов, создав одновременно жесткую властную вертикаль, то почему в этом отказывают России?

Последняя точка зрения нашла свое отражение в публицистике П.Б. Струве, идеолога кадетского движения и лидера его правого крыла¹³. Совсем не случайно выступления Струве по внешнеполитическим вопросам участились в период предвоенных международных кризисов (1908–1914). Именно в это время решалось, в каком амплуа предстанет Россия на мировой арене в процессе перехода к ускоренному развитию и качественно новой фазе соперничества за лидерство – плетущейся в хвосте индустриального прогресса второсортной державой, страной-попутчиком или мощным гигантом, чья внешняя безопасность соразмерна историческим константам ее геополитического положения, экономическому и культурному потенциалу. Путь, пройденный США за короткий промежуток времени, не был заказан и для России, где в 1905 г. (П.Б. Струве был в этом убежден) возник, наконец, конституционный строй¹⁴. Разве не давала к тому надежды Реконструкция Юга США после Гражданской войны?

В 1908 г. П.Б. Струве, не понаслышке знакомый с сочинениями Джона Фиске, Брукса Адамса и Теодора Рузвельта (если говорить только об американских идеологах нового имперства), сформулировал в сущности его русскую версию, получившую благодаря его авторитету широкую огласку и резонанс. Главный

¹³ П.Б. Струве во время войны вышел из кадетской партии по причине разногласий с ее руководством по польскому вопросу.

¹⁴ См.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России, 1762–1914. М., 1995. С. 537.

тезис опубликованной им в январской книжке журнала “Русская мысль” статьи “Великая Россия” по-своему явился зеркальным отражением геополитических постулатов Б. Адамса: внешнее могущество государства есть высшая ценность, во “внешней мощи заключается безошибочное мерило для оценки жизнеспособности государства, и в том числе и его внутренней политики”¹⁵. Далее Струве строил свои рассуждения так, как будто бы писал трактат о безальтернативности для России внешнеполитического активизма. Смирение – гибельно, смелое вторжение в мировые дела – средство от национального суицида, вырождения, внутреннего самораспада. «Относительно современной России, – писал Струве, возражая оппонентам, – не может быть ни малейшего сомнения в том, что ее внешняя мощь подорвана! Весьма характерно, что руководитель нашей самой видной “националистической” газеты в новогоднем “маленьком письме” утешается тем, что нас никто в предстоящем году не обидит войной, так как мы будем “вести себя смиренно”. Трудно найти лозунг менее государственный и менее национальный, чем этот: “будем вести себя смиренно”. Можно собирать и копить силы, но великий народ не может под угрозой упадка и вырождения – сидеть смиренно среди движущегося вперед, растущего в непрерывной борьбе мира. Давая такой пароль, наша реакционная мысль показывает, как она изумительно беспомощна перед проблемой возрождения внешней мощи России»¹⁶.

Однако задачу восстановления внешнего могущества России Струве предлагал решать, используя американскую доктрину неортодоксального имперства, т.е. перенося центр тяжести на области экономики, культуры и сообразуясь с “природой вещей”. Это означало максимальное использование влияния русского культурного фактора, преимуществ хозяйственной инфраструктуры на определенных стратегически важных направлениях и выгод географического расположения. Именно эти факторы, как мыслил себе Струве, должны были дать России решающее преобладание во “всех европейских и азиатских странах, выходящих к Черному морю” (т.е. фактически на Балканах, на Кавказе, в Малой Азии и на Ближнем Востоке). Сама природа и русская история, писал Струве, указывала России направление борьбы за преобладание в регионе, как бы специально приспособленного для этого, и *замораживание* планов в отношении Дальнего Востока. Струве был убежден, что такое культурное и политическое преобладание России в зоне ее исторической “ответственности” мог-

¹⁵ Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 145.

¹⁶ Там же.

ло быть осуществлено “совершенно мирным путем” “на почве экономического господства”¹⁷.

Это был вызов, и он был брошен обидчикам – США и Японии, которые добились унижения России, используя ее неподготовленность к экспансии экономически и идейно, свою внутреннюю сплоченность и дисциплинированность нации, трезвый расчет и стратегическое мышление. Уточняя свою позицию в разгар Балканского кризиса 1912 г., Струве совершенно недвусмысленно показал, как следует извлекать уроки из собственных поражений и достижений других в деле завоевания рынков и сфер влияния. Он писал в статье “Балканский кризис и исторические задачи России”: «Программа “Великой России” есть программа либерального империализма, несоединимого с реакционным “национализмом”, который есть лишь красивая кличка для защиты дооктябрьских (1906 г. – В.М.) полицейских и крепостных начал. Империализм означает великие задачи вовне, осуществляемые внутренне примиренной и духовно объединенной страной, превращенной в подлинную империю в современном, высшем, *англосаксонском смысле* (курсив мой. – В.М.) – максимум государственной мощи, соединяемом с максимумом личной свободы и общественного самоуправления. Для новой России есть только один путь – открытого смело либерального и в то же время подлинно консервативного либерализма»¹⁸.

Статья Струве о “Великой России” и его последующие работы этого ряда становились культурным и политическим событием, игнорировать которое не могли ни внутренние, ни внешние оппоненты доктрины нового имперства¹⁹. Что должны были увидеть в них родоначальники великодержавности в современном, высшем, “англосаксонском смысле”? Ответ очевиден: четко сформулированные претензии на право решающего присутствия на тех территориях за

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по: История внешней политики России: Конец XIX – начало XX века / Отв. ред. А.В. Игнатъев. М., 1997. С. 375.

¹⁹ Весьма примечательно (хотя и нетипично для антистейтистского образа мышления современной российской либеральной элиты), что А.И. Солженицын в своем публицистическом очерке, “Россия в обвале” затронул этот знаковый эпизод из истории предвоенной русской общественной мысли. Дискуссия о судьбах России, открытая статьями П.Б. Струве, по словам писателя, была обусловлена серией военных и дипломатических поражений России, позорно венчавших собой процесс внутреннего расшатывания русской государственности в первое десятилетие XX в. Спасение национального лица – так ставился вопрос Струве, должно было стать, как считает Солженицын, первейшей заботой русской интеллигенции (см.: *Солженицын А.* Россия в обвале. М., 1998. С. 128, 129). Однако в 1909 г. Струве и не подозревал, сколь сильно подорванными окажутся внутренние скрепы государственной власти в России правлением последних Романовых. Война обнажила всю меру ее неустойчивости.

пределами исторических границ России, чья “близость” (культурная, экономическая и военно-стратегическая) делала их почти естественным спутником и союзником “национально-русского государства”. Для всех, кто помышлял увидеть его ослабленным и разделенным по образцу случая с “безумно проданной” Аляской, с отторгнутыми окраинами и перешедшими в разряд “самоопределившихся” Польшей, Финляндией и Украиной, отповедью звучали слова из заключительной части первой программной статьи признанного идеолога либерал-консерватизма: «Принадлежность Царства Польского к России есть для последней чистейший вопрос политического могущества. Всякое государство до последних сил стремится удержать свой “состав”, хотя бы принудительных хозяйственных мотивов для этого не было. Для России с этой точки зрения необходимо сохранить в “составе” империи Царство Польское»²⁰.

Идеи Струве и правых кадетов в целом нашли свое воплощение в геополитической концепции С.Д. Сазонова, министра иностранных дел России (1910–1916), хотя в дипломатической практике они претерпели определенную трансформацию. Им следовали и преемники Сазонова – А.А. Нератов, Н.Н. Покровский и П.Н. Милюков. Совсем не случайно, будучи короткое время министром иностранных дел Временного правительства, П.Н. Милюков во главе нового экономического департамента российского МИД поставил в прошлом соратника по кадетской партии П.Б. Струве, что лишний раз символизировало преемственность традиции либералов и постреволюционных монархистов. Наиболее выразительной материализацией такого мышления явилась мастерски проведенная С.Д. Сазоновым при поддержке и взаимодействии с ведущими буржуазными фракциями Государственной думы²¹ дипломатиче-

²⁰ Русская мысль. 1908. Кн. 1. С. 157.

²¹ Французский посол в России М. Палеолог в воспоминаниях “Царская Россия во время мировой войны” красочно живописует энтузиазм кадетско-октябристского большинства Думы, когда от имени правительства Горемыкин и Сазонов 9 февраля 1915 г. заявили о “правах” России на Константинополь и проливы (*Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 158, 159). Прозападничество либеральной партии между тем помешало ей просчитать до конца все варианты и комбинации в раскладе внешних сил в ходе дальнейшего развития событий, особенно после появления США в составе союзной коалиции. Любопытно, что тот же М. Палеолог, доброжелательно относившийся к либеральной оппозиции и ее целям, назвал ее планы в отношении Константинополя “византийским миражом” (Там же. С. 166). Решение константинопольского вопроса “сообразно с желанием России” и в самом деле оставалось проблематичным из-за военной слабости России, согласие же Парижа и Лондона удовлетворить ее – вынужденным (см.: Там же. С. 172). После апреля 1917 г. возникло уже просто непреодолимое препятствие – США в их качестве ключевого партнера антигерманской коалиции.

ская операция, увенчавшаяся весной 1915 г. соглашением России и союзников о присоединении к империи Романовых (после победы над державами Четверного союза) Константинополя, проливов, европейского побережья Мраморного моря и части Азиатского побережья Турции.

П.Н. Милюков в знаменитой речи 1 ноября 1916 г. (“...что это: глупость или измена?”), опубликованной вскоре в ведущих европейских газетах, обрушил свой гнев на нового министра-президента Штюрмера, который объявил, что он не будет настаивать на Константинополе и проливах. Кадеты (и правые, и левые) не могли пройти мимо действий лица, оказавшегося во главе внешней политики России, но одновременно, как сказал Милюков, “готового служить всяким подозрительным влияниям со стороны”. О каких “подозрительных влияниях”²² шла речь, Милюков не уточнил, но, вполне вероятно, что он имел в виду необязательно Берлин или Вену. Чтение протоколов ЦК конституционно-демократической партии за период с конца 1916 г., включая начало 1917 г., позволяет сказать, что он понимал, насколько неоднозначной может оказаться реакция Вашингтона на уступки Антанты России, хотя и надеялся на благополучный исход.

Америка была не менее Франции и Англии заинтересована в том, чтобы Россия продолжала воевать. Однако внешнеполитическая стратегия Струве–Сазонова–Милюкова не вызывала восторга в госдепартаменте и Белом доме. За океаном дали понять, что к ней относятся, как к *fausse couche* (выкидышу). Обсуждение в американской печати целей войны с начала 1917 г. показало, что для Вашингтона договоренности 1915 г. не являются ни легитимными, ни морально оправданными, ни жизнеспособными. После же вступления США в войну (6 апреля 1917 г.), обсуждая с главой английской военной миссии А. Бальфуrom цели войны, Вильсон совершенно определенно высказался в том смысле, что США не считают себя связанными соглашениями, которые союзники (страны Антанты) заключили между собой. Причина – непопулярность этих договоров в общественном мнении США²³.

Свержение царизма, отречение царя и создание Временного правительства, как это ни парадоксально, поставило победившую русскую демократию и с энтузиазмом воспринявшее эти события американское правительство в положение скрытой внутренней напряженности. США были первой страной, признавшей (по совету Крейна) Временное правительство и согласившейся с отре-

²² Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание первое. Стенографический отчет. Пг., 1916. С. 38.

²³ *Unterberger B.M.* Op. cit. P. 46.

чением царя. Но просочившаяся в прессу информация о негативной реакции Вильсона на секретные договоры больно задела ведущих русских политиков, сделавших ставку на реализацию программы-максимум в отношении зоны проливов. В один миг проблема верности секретным договорам превратилась в болевую точку двусторонних российско-американских отношений. Впервые в трудный диалог России с Францией и Англией по вопросам судеб Балканского полуострова и Османской империи вторглись Соединенные Штаты – всемирный банкир, распорядитель кредитов, военной и гуманитарной помощи, страна, чьи амбициозные геополитические интересы уже ни для кого не составляли секрета.

П.Н. Милюков, заняв кресло министра иностранных дел Временного правительства, расценил нелицеприятные высказывания американцев в отношении секретных договоров как удар по самолюбию России, лишаящий смысла все ее нечеловеческие усилия достигнуть того результата, который бы оправдал принесенные на алтарь победы жертвы. Не называя США²⁴, Милюков в сущности оценил как недружественное бесцеремонное вторжение Вашингтона в интимную сферу тайно согласованных союзниками договоров, ревизия или отмена которых, по его мнению, могла принести России еще большее унижение, чем Портсмутский мир. Воспользовавшись в качестве повода вступлением США в войну, Милюков на встрече с журналистами многозначительно сделал ударение на верности России старым (т.е. “тайным”) договорам. Он открыто вступил в заочную полемику с Вильсоном, только что 22 января 1917 г. торжественно заявившим о нежелании Америки видеть венцом войны ликование победителей, делящих добычу, и обиды обложенных данью побежденных²⁵. Милюков косвенно отождествил такую позицию с “германской формулой мира”, хотя внешне приписал ее появление международному социализму²⁶.

Формула самого Милюкова была проста, как шашечный эндшпиль: “Победа – это Константинополь, Константинополь – это победа”. Или иначе: с победой в войне законными будут признаны все территориальные претензии России, а их удовлетворение автоматически устранил внутреннюю смуту, погасит революци-

²⁴ В своих “Воспоминаниях” П.Н. Милюков вел полемику с анонимным оппонентом, подставив на его место “человека действия” А.Ф. Керенского, вслед за В. Вильсоном требовавшего отказа от “империалистических стремлений” (*Милюков П.Н. Указ. соч. С. 491*).

²⁵ FRUS, 1917. Suppl. 1: The World War. Wash., 1931. P. 24–29.

²⁶ История внешней политики России: Конец XIX – начало XX века. С. 559; Речь. 1917. 23 марта.

онные страсти, вернет стране ее престиж и славу великой державы. Несмотря на доводы военных, лучше знавших плачевное состояние армии и резко негативную позицию к империалистическим целям войны Петроградского совета, Милюков выступил в конце марта 1917 г. со своей знаменитой нотой к союзникам, в которой декларировалась готовность “довести мировую войну до решительной победы” и содержалось торжественное обещание “вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников”²⁷. Ценой своей политической карьеры Милюков подтвердил верность планам владеть Константинополем. В день обнародования ноты (утром 20 апреля) у Милюкова не стало сторонников в “низах” революционной России и сократилось число друзей в университетском сообществе США. Но этим дело не ограничилось.

Умнейший политик П.Н. Милюков допустил грубейший просчет²⁸. Апрельский кризис, спровоцированный “нотой Милюкова”, содействовал углублению раскола страны, она оказалась уже тогда в двух шагах от гражданской войны²⁹. Большевики-ленинцы получили дополнительный повод для своей антивоенной и антиправительственной пропаганды. Многие коллеги Милюкова по Временному правительству посчитали, что министр иностранных дел не “вписался в поворот”, проигнорировав сигналы, идущие с берегов Потомака. Позднее А.Ф. Керенский написал в воспоминаниях, что “неоднократные публичные выступления Милюкова с изложением его личных взглядов (о целях войны. – В.М.) были восприняты во всех революционных, демократических и социалистических кругах как свидетельство вероломства Временного правительства”³⁰. Страна жаждала мира без аннексий и контрибуций, а министр иностранных дел Временного правительства звал к продолжению кровопролития до победы, увенчанной территориальными приобретениями за счет побежденных³¹. Утратив на какой-то момент контакт с изменившимися реалиями, лидер ка-

²⁷ История внешней политики России: Конец XIX – начало XX века. С. 560.

²⁸ Объясняя фиаско Милюкова, известная деятельница кадетской партии А.В. Тыркова связывала его с типической поведенческой манерой русской интеллигенции. Она писала в воспоминаниях: “В этом умеренном, сдержанном, рассудочном русском радикале сидел максимализм, так много сыгравший злых шуток с русской интеллигенцией” (*Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. 2-е изд. Лондон, 1990. С. 388–415).

²⁹ Герасименко Г. Народ и власть. 1917. М., 1995. С. 114–117.

³⁰ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 171.

³¹ Известный историк Г.В. Вернадский (сын В.И. Вернадского), являвшийся членом кадетской партии, писал в своей книге, изданной в США в 1931 г.: “В этом заявлении (речь идет о ноте Милюкова. – В.М.) просматривались империалистические устремления Временного правительства. Такая политика,

детов решил сыграть на струнах реанимации идеи подвижной южной границы. Внутри страны этот призыв вызвал протест и возмущение, за ее пределами – настороженность и скрытое неудовольствие. Некогда гостеприимная для Милюкова Америка откликнулась холодным молчанием³².

Спровоцированный категорическим тоном Милюкова в отношении проливов правительственный кризис³³ заставил Америку взглянуть на суть происходящего критически, признать, что Февральская революция, чего доброго, может еще преподнести сюрпризы, такие, например, как появление политика-вождя. А слишком самонадеянный, влиятельный и энергичный политик в кресле министра иностранных дел Новой России за столом переговоров о мире для союзников был бы фигурой не слишком удобной и желанной. Европейские союзники повели себя поразительно схожим образом. В Лондоне, так же как и в Париже, хорошо помнили Милюкова по его визиту в мае 1916 г., беседе с Э. Греем о глобальных проблемах послевоенного мира и демонстративном акцентировании на теме соглашения о проливах и разделе Турции³⁴, что по определению не могло ни в Англии, ни во Франции нравиться всем одинаково³⁵. В США Вудро Вильсон, с оттенком сдержанной уважительности пополам с иронией отметивший особо присутствие “профессора” (П.Н. Милюкова) в первом составе Временного правительства³⁶, не мог не знать, что его русский *vis-à-vis* решительно настаивал на присоединении больших территорий Оттоманской империи к России и в целом по праву

преследующая цели аннексии, была неприемлема не только для интернационалистов, но и для социалистов-оборонцев” (*Вернадский Г. Ленин – красный диктатор. М., 1998. С. 149*). Зинаида Гиппиус в своем “Петербургском дневнике” в заметке от 25 марта назвала заявления Милюкова о “чертовых проливах” непростительной бестактностью, роковым непониманием момента (*Гиппиус З. Дневники. Воспоминания. Мемуары. С. 283*).

³² Милюков явно недооценил печальные для него самого (и для кадетов в целом) последствия собственных критических высказываний в адрес вильсоновской декларации “Мир без победителей” (22 января 1917 г.), сделанных еще до падения царизма и разбудивших в США традиционные подозрения и навязчивые мысли об амбициозных русских политиках, в душе всегда остающихся верными “великой славянской идее”, несущей опасность Западу. В окружении Вильсона и в Конгрессе без сожаления встретили известие об уходе Милюкова из Временного правительства и выдвижении на его место “умеренного” М.И. Терещенко.

³³ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 107.

³⁴ Красный архив. 1933. № 3. С. 41–45.

³⁵ См.: *Алексеева И.В. Агония сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990. С. 184, 185, 189.*

³⁶ *The Papers of Woodrow Wilson. In: 69 vol. / Ed. by A.S. Link. Princeton (N.Y.), 1966–1993. Vol. 41. P. 436–444. (Далее: PWW).*

победителя собирался диктовать условия мира побежденному³⁷. Еще менее взгляды многих политиков Запада (в первую очередь Вильсона) могли совпадать со взглядами Милюкова и его партии на вопрос о праве больших и малых народов на суверенитет в пределах этнических границ.

Антиномичность и тех и других была заложена изначально. Вильсон высказал свое видение новой системы международных отношений после войны в ответе на мирные предложения, сделанные летом 1917 г. папой Бенедиктом XV. В своем мастерски составленном послании 29 августа 1917 г.³⁸ президент США, высказавшись против расчленения империй, одновременно провозглашал право “больших и малых” народов на свободу, безопасность, самоуправление и равноправное участие в мировых делах. Польская и чешская диаспоры в США, без энтузиазма воспринявшие этот “всепогодный” документ, уловили, однако, скрытые в нем для себя возможности. Для либерал-патриотов России его “освободительный” подтекст также не остался за семью печатями. Более того, они заранее были готовы отвергнуть любые попытки вынудить их согласиться на уступки, ведущие в итоге к нарушению территориальной целостности страны. П.Н. Милюков совершенно ясно выразил свое отношение по данному вопросу еще в марте 1916 г. Россия, говорил он, “не может допустить... отторжения территорий”³⁹. В дальнейшем он, достаточно откровенно высказавшись по поводу неприемлемости для России создания независимых Польши (“нас в этом вопросе припирают со всех сторон”)⁴⁰ и Украины⁴¹, решительно отверг вместе со всем ЦК кадетской партии (см. резолюцию ЦК от 2 июля 1917 г.)⁴² “принцип расчленения России”.

Между тем администрация Вильсона настойчиво добивалась отклонения “вето” российских либералов, как правой, так и левоцентристской ориентации. Глава американской дипломатической миссии Элиу Рут (бывший государственный секретарь и военный министр США), прибывший весной 1917 г. в Россию, попытался охладить гнев национал-патриотов. Он очень тщательно и осторожно подбирал слова обращения к членам Московской городской думы 9 июня 1917 г. Однако лейтмотив его выступления был

³⁷ США так до конца и не объявили войну Турции, сделав позицию главы МИД России более чем щекотливой.

³⁸ PWW. Vol. 44. P. 33–36.

³⁹ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. Т. 3. С. 288.

⁴⁰ Там же. С. 347.

⁴¹ Там же. С. 380–383.

⁴² Там же. С. 380, 381.

обозначен достаточно определенно: Америка рассчитывает на здравый смысл и “врожденное уважение к правам других людей, которое живет в русском народе” (националисты повсеместно могли трактовать этот комплимент благонравности и правосознанию русских людей как призыв к толерантности по отношению к лозунгу самоопределения), на присоединении России к новой идее самоуправления, которая совершенно по-иному ставит вопрос о верховенстве в определении внутрисоюзных отношений. (Кто из русских политиков мог поверить, что термин “самоуправление” имел чисто локальный смысл, ограниченный правами и обязанностями местных представительных учреждений?) Красноречие Рута маскировало новую глобалистскую доктрину американской политической элиты, в ходе мирового кризиса провозгласившей “принцип национальностей”, право народов на добровольный выбор форм государственного устройства, независимого существования и суверенного типа развития⁴³.

Зал московского собрания аплодировал Руту, хотя и призывы к России – продолжать войну совместно с союзниками (к ним уже присоединились США), и прозрачные намеки на необходимость присоединения к идее самоопределения и самоуправления населяющих Россию этносов как условия торжества демократии американского типа и движения по пути “к высшей цивилизации”, наверное, разделялись далеко не всеми⁴⁴. Рут упорно не замечал этого, сделав тему терпимости в отношении национальных движений (принимавших в России, как выразился В.П. Булдаков, “агрессивно-параноидальный характер”) альфой и омегой своих выступлений⁴⁵.

Вопреки стараниям Рута⁴⁶ и многочисленных неофициальных представителей американской администрации, добиться понимания у кадетов и близких к ним течений не удалось. В условиях полного бездействия власти и военных поражений на фронтах (“...Мы загниваем на корню, т.к. жнец не пришел”, – говорил на заседании ЦК кадетов 20 августа 1917 г. А.В. Карташев. Милюков тут же солидаризировался с ним)⁴⁷ кадеты взяли очень резкий

⁴³ Россия и США: торгово-экономические отношения 1900–1930 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1996. С. 176–179.

⁴⁴ Там же. С. 178.

⁴⁵ Булдаков В. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 143.

⁴⁶ В дальнейшем Э. Рут стал одним из активных сторонников признания de facto сепаратистских правительств на Кавказе и на других территориях России (см. *Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism. Chapel Hill; L., 1995. P. 80*).

⁴⁷ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. Т. 3. С. 397.

тон в отношении любых попыток нарушения целостности страны и сепаратизма нацменьшинств. Партия Народной свободы России уже 2 июля 1917 г. сформулировала свое отрицательное отношение к проектам, “нарушающим государственное единство России”, а вслед за тем в специальном Воззвании ЦК (середина июля 1917 г.) отвергла идею “создания местной власти, ответственной перед местной же общественной организацией и призванной функционировать с неопределенными полномочиями и на неопределенной территории”⁴⁸. Всякое выражение сочувствия идее областной автономии ЦК кадетов приравнял к клятвопреступлению, косвенно отнеся Рута к тем, кто хотел “заменить” Россию на независимые Польшу, Украину и т.д. Сильнейшим поводом к такой крайней форме возмущения послужило принятие Временным правительством в готовом виде соглашения с Украинской Радой, заключенного тремя членами Временного правительства, ездившими для предварительных переговоров в Киев⁴⁹... Едва дойдя до Америки в газетном изложении, эти и подобные им инвективы в адрес сепаратистов вызвали мгновенную негативную реакцию в украинской диаспоре в США и Канаде.

Не меньше серьезных разногласий возникло по поводу генеральной формулы мира, обещанного Вильсоном человечеству, – мира навечно, без победителей и побежденных. Соединенные Штаты по настоянию посла Фрэнсиса едва ли не первыми признали Новую Россию в лице Временного правительства, поскольку оно объявило себя сторонником тех принципов, “которые мы (американцы. – В.М.) защищаем и осуществляем”⁵⁰. Большинство русских экспертов американского правительства (С. Харпер, Ч. Крейн) на первых порах уверяли Белый дом, что революция в России, начавшаяся февральскими событиями, но-

⁴⁸ Там же. 383.

⁴⁹ Кадетские деятели по существу отвергли и пафосный призыв Рута к “свободной России” – не только не выходить из войны (об этом не могло быть и речи), но и вести активные наступательные операции. Безрассудность такого давления для многих из них была настолько очевидна, что стало принято делиться тревогой по поводу обдуманного тайного плана “умерщвления” России, подчинения ее территорий внешним силам. Кадет Астров 11 августа 1917 г. на заседании ЦК партии произнес свою максиму, адресованную сразу внутренним и внешним оппонентам: “Войну кончать нельзя, но для России она кончена: мы в (фазе) *разгрома*”. Продолжением этой мысли должно было стать следующее: Россия в своей покорности року продолжает вести войну, добровольно принося себя в жертву союзническому долгу и сознавая, что за этим может последовать развал, распад, ликвидация государственности, подчинение иноземному диктату (Там же. С. 386).

⁵⁰ *Foglesong D.S. A Missouri Democrat in Revolutionary Russia: Ambassador David R. Francis and the American Confrontation with Russian Radicalism, 1917 // Gateway Heritage. Winter 1992. Vol. 12. № 3. P. 28.*

сила политический, а не социальный характер⁵¹. Вопреки трезвым суждениям американских консулов в Москве и Петербурге (соответственно Саммерса, Макгоувана и Уиншипа) в Вашингтоне вплоть до апреля 1917 г. господствовало мнение, что приход к власти думских прозападных либералов, ликвидируя угрозу сепаратного соглашения с Германией, автоматически решает и все остальные проблемы – либерализации государственного устройства и межнациональных отношений в духе вильсоновского “принципа национальностей”, свободного доступа на российские рынки американских капиталов, диверсифицированных в акциях, кредитах, государственных ценных бумагах, и самое главное – присоединения к формуле Вильсона о “мире без победителей”.

Поначалу все складывалось как будто удачно. Само развитие событий и стратегическая обстановка подсказали Вильсону удобный повод для создания прецедента в осуществлении применительно к России провозглашенных им принципов строительства с чистого листа “свободного общества” и “новой дипломатии”. Увлеченный идеей вывода Австро-Венгрии из союза с Германией и подталкивая Вену к переговорам о сепаратном мире с Антантой⁵², Вильсон одновременно заверял, что его программа самоопределения малых народов не грозит двуединой монархии расчленением. В собственной трактовке президента существо замысла состояло в предоставлении широкой автономии (но не независимости) национальным меньшинствам, входящим в ее состав, при сохранении территориальной целостности страны и ее права самой решать все вопросы внутреннего устройства⁵³. Казалось, найдена была универсальная формула консервативного лечения застарелой болезни имперской власти без хирургического вмешательства и ампутаций.

В. Вильсон внутренне ожидал, что Новая Россия, равно как союзники в целом, присоединится к его плану. Однако в головах русских государственных деятелей, оказавшихся у власти после падения монархии, все эти шаги и интенции не вызывали особого сочувствия. Вопрос о судьбе Габсбургской и Оттоманской империй рассматривался ими с учетом интересов внешней безопасности России, тех рисков, которые не могли устранить словесные декларации и обещания гарантий. Мотив отмщения за понесенные в войне жертвы так-

⁵¹ Ibid. P. 31.

⁵² *Unterberger B.M.* The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. P. 41–43, 52, 53.

⁵³ *Unterberger B.M.* A Wilsonian View of Self-Determination for Eastern Europe and Russia // *A Weekened with the Great War* / Ed. by S. Weingartner. Shippensburg, PA, 1996. P. 220.

же играл свою роль⁵⁴. И если Керенский и другие левые во Временном правительстве модифицировали свою позицию, то позиция Миллюкова и кадетов в связи с этим совпала в основном с предшествующим внешнеполитическим курсом, выработанным еще в бытность министра иностранных дел Д.С. Сазонова. Речь прежде всего шла о стремлении решить ближневосточный вопрос “в целом” в духе секретных соглашений марта–апреля 1915 г. Естественно, возникли опасения, что вильсоновская формула мира, примененная к Австро-Венгрии, может быть распространена и на Османскую империю, что делало эту формулу неприемлемой для русских политиков от Родзянко до Савинкова, не говоря о крайне правых. Эти опасения могли и не сбыться, потому что в ослаблении, ликвидации и разделе Османской империи были заинтересованы также Англия и Франция, но это не снимало беспокойства в связи с той скрытой от глаз работой, которая велась по поручению В. Вильсона исследовательскими группами в США по подготовке условий мира⁵⁵.

⁵⁴ В “Заявлении Партии народной свободы по международному вопросу” от марта 1918 г. эти мотивы нашли свое ясное отражение: “Начало всеобщего равновесия, – говорилось в нем, – спокойствие Европы, мир всего человечества требуют, чтобы не только великие жертвы, принесенные Россией в этой борьбе, но и ее жизненные нужды, ее естественные силы, ее скрытые возможности были приняты во внимание при обсуждении будущего устройства Европы” (Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии 1915–1920 гг. Т. 3. С. 417). В этих словах нет и признака согласия с изначальной формулой мира, предложенной Вильсоном – “мир без победителей”.

⁵⁵ Возможно, не просто интуиция, а некие источники информации навели Родзянко весной 1917 г. на мысль, что, вступая в войну на стороне Антанты, США преследуют особые цели в отношении России, которые (как мы видели) он связывал с идеей англосаксонского превосходства и подчинения интересов России интересам США. Возможно, он знал о кочующих по Вашингтону и Нью-Йорку планах создания в будущем “санитарного кордона” на восточных границах Германии из самостоятельных, сильных государств, образованных путем отторжения, как говорил Р. Лансинг, и от Австрии, и от России “больших территорий”. Смирительную рубашку на Германию предлагалось сшить из рукавов верхней одежды ее соседей (*Unterberger B.M. The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. P. 59, 60*).

В годы Первой мировой войны разведка стала частью дипломатии. Русская разведка действовала весьма результативно, хотя эта тема плохо исследована в литературе. Ей могло быть много известно из того, что готовилось на дипломатической кухне – будь то столицы союзных стран или посольские особняки Петрограда. Здесь весной и летом 1917 г. находилось очень много официальных и неофициальных лиц из США, располагавших информацией самого конфиденциального характера. В частности, там гостили лидеры чехословацкого движения за независимость, вполне разделявшие взгляды американских политиков – сторонников идеи “усекновения” России и создания “антируссаческой” зоны из буферных государств Восточной и Центральной Европы. В окружении как американцев, осуществлявших гуманитарную или информационную миссии, так и чехов было немало опытных сотрудников российских спецслужб, чей слух хорошо улавливал относящиеся к России суждения, намерения, планы.

Источником натянутости отношений между американским послом Фрэнсисом и ведущими деятелями буржуазно-демократических партий были эти скрытые под внешней оболочкой дипломатического дружелюбия разногласия по поводу общих целей войны и послевоенного устройства мира. Посол не стеснялся порой в резкой форме выговаривать Милюкову и Гучкову, пытаясь сделать их сговорчивыми и давая понять, от кого зависит их судьба и судьба демократии в России⁵⁶. Намного позже Милюков в “Воспоминаниях” решительно откажет Фрэнсису в дипломатических способностях, выставив его в образе гоголевского глуповатого джентльмена, витающего в эмпиреях и малосведущего в российских реалиях. Разумеется, он неверно истолковал вихляния “милейшего” Фрэнсиса, вставшего на сторону “неэкспансионистов” (А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко). Посол значительно точнее оценил принципиальную невозможность для президента Вильсона отказаться от формулы непризнания территориальных захватов. Чтобы оказать поддержку Временному правительству, государственный секретарь Р. Лансинг еще мог себе позволить некие обещания⁵⁷. Однако заявление Вильсона от 9(22) мая 1917 г., адресованное непосредственно Новой России, подтверждало правоту Фрэнсиса: президент США, призывая Россию продолжать войну с “автократическими силами”, в характерных для него обтекаемых формулировках выразил также свое убеждение в недопустимости насильственных территориальных переделов без согласия на то населения, проживающего на соответствующих территориях⁵⁸.

Выдавая желаемое за действительное, кадеты со скрытым ликованием встретили вильсоновское обращение в той его части, где он призывал к войне до победы, позабыв о “мире без победителей”. Циммервальдцы и прочие сторонники “демократического мира” на основе нулевого порога были посрамлены. Страна свободы, как писал с удовлетворением впоследствии Милюков, “не уступила ни слова из ясной антигерманской позиции Вильсона”⁵⁹. Однако остальная риторика Вильсона, как вскоре выяснилось, таила в себе опасный подтекст. Во-первых, президент ставил под сомнение правовую и моральную основу всех “тайных договоров” и вдобавок задевал тему, которую весь правоцентристский спектр политиков Новой России считал сугубо внутренним делом – право национальных меньшинств на самоопределение, на получение

⁵⁶ *Foglesong D.S.* A Missouri Democrat in Revolutionary Russia. P. 35.

⁵⁷ См. подробнее: *The Lansing Papers, 1914–1920.* Wash., 1940. Vol. II. P. 338.

⁵⁸ FRUS, 1917. Suppl. 2: *The World War.* Wash., 1932. Vol. I. P. 71–73.

⁵⁹ *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 504.

“справедливой возможности жизни и свободы”. Без дополнительных пояснений было понятно, что в увязке с “русским вопросом” речь могла идти о Польше, Финляндии, Украине, а также, возможно, о Прибалтике и Кавказе.

После майского (1917) послания Вильсона продолжение сердечного диалога между США и русской либеральной демократией становилось проблематичным. Холодный прием миссии Э. Рута прямо указывал на это⁶⁰. Посол Фрэнсис раньше других почувствовал на себе утрату былого расположения в кругах новой петроградской знати. Явное склонение американских дипломатов к идее восстановления порядка в стране и боеспособности армии, прибегнув к диктатуре “сильной руки”⁶¹, еще больше увеличили разрыв между посольством (точку зрения которого разделял государственный департамент) и только-только вставшей на ноги демократией послепефевральской России. Через короткое время глава коалиционного Временного правительства А.Ф. Керенский с возмущением обнаружил, что с ним обращаются как с временщиком, намеренно лишая права претендовать на элементарные знаки уважения. Он не ошибался: официальные представители союзников и США в числе прочего давали понять, что претензии России – сохранять статус великой державы, встать вровень с ними при выработке мирных условий не только не обоснованны, но и смехотворны. И принимать их всерьез союзники вроде бы и не

⁶⁰ См.: *Иоффе А.Е.* Миссия Рута в России в 1917 г. // Вопросы истории. 1958. № 9; *Ганелин Р.Т.* Россия и США, 1914–1917. С. 251–267.

⁶¹ *Foglesong D.S.* A Missouri Democrat in Revolutionary Russia. P. 36, 37. Сделанная американским посольством ставка на военный переворот Корнилова показывает меру разочарования Америки в налаживании направленного взаимодействия с буржуазно-либеральной частью российской демократии. Керенский в своем историческом очерке о революции 1917 г. четко зафиксировал факт контактов ближайших сподвижников Корнилова с “союзническими кругами” (*Керенский А.Ф.* Русская революция 1917. М., 2005. С. 284, 286, 287, 306), но эксперимент с кланированием американской модели, опирающимся на пропаганду идеалистической демократии, оплота антиимпериализма, при подчинении внешнеполитических интересов России идее вильсоновского “нового мирового порядка”, не удался. “Центристские элементы социализма” (Керенский, Церетели и др.) также не вызывали доверия своим пугающим американцев социалистическим мышлением и политическим безволием. В Корнилове, в “диктатуре сабли” увидели переходную форму развития революции к классической парламентской демократии англосаксонского типа. Провал августовского путча вызвал сильнейшую депрессию в американском посольстве, встретившим известие об аресте Корнилова как собственное поражение: “Военный заговор провалился, – записал в своем дневнике советник посольства и правая рука Фрэнсиса Джошуа Батлер Райт, – и дипломатический корпус очутился в совершенно неприемлемой ситуации, требующей взаимодействия и согласия с правительством, в то время как он тайно и настойчиво добивался победы Корнилова” (*Foglesong D.S.* Missouri in Revolutionary Russia. P. 37).

собирались. Намного позднее Керенский писал, что союзные правительства “почувствовали и вполне справедливо, что революция вывела Россию из членов Антанты...”⁶².

Америка и большевистская коммуна

Итак, к моменту прихода к власти большевиков русско-американские отношения находились в далеко не блестящем состоянии. Общественному мнению США Новая Россия уже виделась (вопреки радужным прогнозам Дж. Кеннана) прежде всего как очаг всемирной смуты, пылающий костер, разносящий по всему свету искры неверия в цели Запада, как “футуристический образец революционного общества”⁶³. Поносили лозунги левых радикалов о черном переделе собственности, всеобщей уравнительности. Однако больше всех возмущала неспособность новых российских властей рационально решить главный вопрос – преодолеть нарастающую анархию и самопроизвольный процесс разложения русской армии. Американцев пугала перспектива, вступив в войну, оказаться перед лицом неизрасходованной военной мощи Центральных держав, чьи силы могли удвоиться в случае фактического выхода России из войны и ликвидации Восточного фронта. Джордж Кеннан, пристально следивший за ходом событий в России, в письмах Р. Лансингу в мае и июне 1917 г. дал уничижительную оценку политике Временного правительства, употребив такие эпитеты, как “нерешительная” и даже “робкая”. Он возражал против финансовой поддержки нового режима, полагая, что фактически это будет означать только консервацию двоевластия и укрепление позиций радикалов в Советах. Почти мистическая вера В. Вильсона в российское будущее была впервые поколеблена⁶⁴.

Все это отчасти объясняет, почему низложение Временного правительства и бегство Керенского в начале ноября 1917 г. не вызвало большого потрясения в общественном мнении США. Теплилась надежда, что приход “максималистов” во власть и их неминуемый провал только ускорит очищение российской сцены от безответственных бунтарей и приведет к оздоровлению политических нравов в стране. Следующим актом должен был стать приход “железного человека”, способного восстановить подлинный порядок и подготовить переход к либеральной демократии. Так

⁶² Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 278, 279.

⁶³ Saul N.E. Op. cit. P. 104, 110, 119, 120, 123.

⁶⁴ Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism. P. 54; см. также: *Idem*. The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge (Mass.), 2007. P. 52.

думали одни. Другие откровенно уповали на то, что переход власти к большевикам скорее будет символизировать стремление русских избежать катастрофы, чем что-либо другое. Практичный ум американцев не допускал возможности отказа Ленина и его единомышленников от международных обязательств России, в частности от уплаты долгов и т.д. Замешательство усилилось лишь после того, как все заметили отсутствие ясно выраженной официальной позиции США в отношении октябрьских событий в Петрограде, происходивших на фоне необычной по интенсивности антибольшевистской активности посла Временного правительства в Вашингтоне Б.А. Бахметева.

Когда наконец американская печать довела до сведения публики суть большевистских предложений о всеобщем демократическом мире, возникли аналогии, поставившие в тупик самых непримиримых сторонников идеи немедленного заявления о непризнании большевистского режима. Ленинский Декрет о мире так же, как и вильсоновские обращения о прекращении войны, был адресован не только правительствам, но и народам обеих воюющих группировок. Согласно Ленину, справедливым и демократическим мог быть только мир “без аннексий и контрибуций”, что почти буквально повторяло тезис Вильсона из его знаменитой речи “Мир без победителей” о “справедливом” урегулировании и “длительном” мире между “равными” на принципах равенства. И в том и в другом случае говорилось о равенстве прав больших и малых стран, сильных и слабых государств и о необходимости добиваться равного партнерства всех стран в создании нового *сообщества наций*. И Вильсон, и Ленин фактически употребляли одну и ту же лексику в изложении главного тезиса – установление после войны новых отношений мирного партнерства между всеми странами без дискриминаций, на основе честного сотрудничества и учета мнения каждого по спорным вопросам должно стать императивом сообщества народов⁶⁵. Последнее торжественно отказывается от практики подчинения и принуждения, блоковой политики, порождающей конфликты и войны. Инструментом в достижении прочного и длительного мира (“мир должен стать безопасным для демократии”) была призвана стать новая дипломатия. Открытость, гласность, отказ от сделок за спиной народов, от плетения заговоров и подготовки агрессий – все это объявлялось ее неотъемлемыми чертами. Лидер больше-

⁶⁵ Вильсон высказал этот тезис в вошедшей в анналы дипломатической истории речи перед объединенной сессией обеих палат Конгресса США 2 апреля 1917 г. (FRUS, 1917. Suppl. 1: The World War. P. 194–203).

виков и президент США в целом ряде своих обращений объявили себя сторонниками именно такого стиля, практика тайных и неравноправных договоров и соглашений была ими осуждена почти в одинаковых выражениях.

И, конечно же, более всего впечатляющим выглядело сходство формулировок по вопросу о праве нации на самоопределение, на свободу выбирать по своему усмотрению способ правления. Центральной, сквозной мыслью, обнародованной Л.Д. Троцким в конце декабря 1917 г. Брест-Литовской мирной программы Советского правительства (6 пунктов), был именно этот принцип, который идеологически звучал вызовом обеим воюющим группировкам. Что-то противопоставить ему было делом непростым. Американский исследователь Б. Антербергер писала, что Троцкий “хитроумно подкрепил свой главный аргумент вильсоновским принципом самоопределения”⁶⁶, хотя вопрос о приоритете не является принципиальным и может быть оспорен и той и другой стороной. То же следует сказать и о большевистской программе – немедленного прекращения войны и восстановления мира на основе “справедливых для всех условий”. Нетрудно увидеть ее сходство с главным пунктом американского миротворческого репертуара⁶⁷. Конечно, были и принципиальные расхождения. У большевиков лозунг демократического мира (“мир народов”) сопровождался призывом к революции⁶⁸, у Вильсона – констатацией зависимости стабильности будущего мира и его процветания от готовности

⁶⁶ *Unterberger B.M. A Wilsonian View of Self-Determination. P. 220, 221.* У большевиков была своя логика. Как это ни парадоксально, большевистские лидеры так же, как и Вильсон, неоднозначно толковали понятие “национальное самоопределение”. Изначально Вильсон не вкладывал в его содержание ничего такого, что выходило бы за пределы административной и культурной автономии соответствующей этнической общности, являвшейся неотъемлемой частью исторически сложившегося многонационального государства. Президент ни разу не коснулся проблемы Филиппин или Пуэрто-Рико, колониальных владений Англии и Франции. К концу войны Вильсон относился к проблеме национального самоопределения более избирательно. Большевики также делали принципиально важные оговорки. Троцкий, например, летом 1917 г. писал: “Право на национальное самоопределение не может быть устранено из пролетарской программы мира: но оно не может претендовать на абсолютное значение: наоборот, оно ограничено для нас встречаемыми и глубоко прогрессивными (интеграционными. – *В.М.*) тенденциями исторического развития” (*Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 135.*)

⁶⁷ *Козенко Б.Д. Посредничество без кавычек: Миротворчество США в 1914–1916 гг. // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994. С. 76.*

⁶⁸ *Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. I. С. 28–30. (Далее: ДВП СССР).*

народов создавать правительства по их собственному выбору, с их согласия и одобрения⁶⁹.

Меру искренности и меру симуляции искренности внешнеполитической программы большевиков еще предстояло выяснить. Историками ведутся бесконечные споры, как велика в ней была доля сопричастия идеи мировой революции. Но впечатление, которое эта программа произвела на общественность США, включая политический истеблишмент, нельзя недооценивать. Чего только стоило опубликование тайных договоров и признание государственной независимости Финляндии, Польши, заявление о предоставлении народам России, исповедующим ислам, прав на свободное развитие, обещание вывести войска с территории Турции и Ирана, твердое намерение пересмотреть все неравноправные соглашения с Китаем, навязанные ему царским правительством. Один перечень этих актов, хронологически охватывавший короткий период зимы 1917/18 г., заставлял видеть в большевиках силу, которая предпочитает завоеваниям мир любой ценой. Какой должна была быть реакция в Америке, почти всю войну призывавшей к ее остановке и выработке условий “справедливого мира” на эти ошеломляющие акты самопожертвования? По меньшей мере сочувственно заинтересованной. Вильсон, одержимый мыслью – одарить “новой свободой” весь мир, раньше других осознал эти настроения американцев.

Существовал и другой мотив, заставивший поначалу Вильсона отнестись толерантно к русским “максималистам” – большевикам. В принципе у президента не было достаточных оснований доверять большевикам, но декларированная ими внешнеполитическая программа столь кардинально отличалась от того, каким видели внешнеполитический курс России либералы и левоцентристские партии, входившие во Временное правительство, что не проявить к ним знаков внимания было бы непозволительной оплошностью. Кадеты П.Н. Милюков, С.А. Котляревский, Е.Н. Трубецкой в предельно откровенной форме в своих печатных и устных выступлениях военного времени высказались за продолжение “незавершенного органического процесса” территориального расширения российского государства, уподобляя его освободительной миссии в интересах славянства и принципиально новой международной организации Европы, свободной от германского засилья. В такой международной политике и сохранении страны “единой и неделимой” правоцентристский блок видел возможность удержать за Россией (а в благоприятных условиях и сделать гарантированным) то положение в ряду мировых держав,

⁶⁹ FRUS, 1917. Suppl. 1: The World War. P. 24–29.

которое, как говорил П.Н. Милуков, многозначительно не уточняя поименно, кого он имел в виду, “оспаривается у нас врагами”⁷⁰.

Дипломатия Керенского–Терещенко при всем внешнем отличии от линии П.Н. Милукова также сохраняла свой особый внутренний подтекст, в котором сквозило нежелание отождествлять себя с политическим альтруизмом Вильсона и отказаться определять на равных с союзниками условия мира в случае победы⁷¹. “Горечь взаимных обид”, о которой писал Р.Ш. Ганелин, характеризует отношения второго состава Временного правительства и Вашингтона⁷², имела, таким образом, своим источником совсем непростую коллизию. В ней сложно переплетались чисто личные амбиции одних и других, реальные планы сторон сказать веское слово при “взимании” военных долгов (в широком смысле) на мирной конференции на основе *raison d’etat* и одновременно⁷³ претензии на моральное право говорить от имени будущего.

Вильсон, уже достаточно взвинченный назойливыми поучениями политиков в столицах союзных стран и не расставшийся с надеждой вернуть утраченную русским народом веру в бескорыстие западных союзников, столкнулся с непредвиденной ситуацией – большевистская внешнеполитическая программа подтверждала осуществимость той структуры мира, которая к концу 1917 г. в основных контурах сложилась в его собственной голове. Нетрудно догадаться, каким мог быть отклик Вильсона, когда он обнаружил, что большеви-

⁷⁰ Шелохаев В.В. Теоретические представления российских либералов о войне и революции (1914–1917 гг.) // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. С. 128–131.

⁷¹ Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика керенщины // Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 2; Игнатъев А.В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. Наступление русской армии летом 1917 г., предпринятое правительством Керенского, было нужно, по словам Церетели, помимо всего прочего для того, чтобы доказать союзникам, что она может влиять на условия мира (Хеймсон Л. Большевики, политика и проблема власти в 1917 году // Россия XXI. 1997. № 7/8. С. 168).

⁷² Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. Л., 1975. С. 9.

⁷³ Хорошо информированный В. Вильсон без всякого энтузиазма относился к стремлению А.Ф. Керенского закрепиться на своем посту в виде несменяемого правителя (см.: Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Александр Федорович Керенский. М., 1996. С. 117). Создание Директории было воспринято многими в Америке как плохой симптом. Отказ правительства США дать согласие на приезд Керенского в США летом 1918 г. (после бегства из России) – характерный штрих из истории непростых личностных отношений послефевральского режима и американской администрации. В планы Вильсона не входило появление в Америке главы свергнутого большевиками Временного правительства, хотя правительство США признавало его с первого дня существования (см.: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. С. 349, 350).

ки, объявляя себя сторонниками справедливого национального пердела⁷⁴ и противниками тайной дипломатии, заявляли о своей готовности доказать неутопичность предложенного им (Вильсоном) проекта нового международного порядка. Его осуществимость уже не вызывала сомнений, коль скоро одно из главных препятствий – “русский империализм” – как бы самоустранялось, уступая место добровольному союзу народов, руководствующимся непреходящими ценностями демократии, свободой выбора и безусловным признанием экстерриториальности международной торговли. Возникла надежда, что скоро можно будет не опасаться за рынки Китая и Дальнего Востока, двери в них распахивались настужь. Новый режим, Советы, кичился своей антиколониалистской идеологией и, стало быть, мог оказаться нечувствительным к экономическим вторжениям извне, подкрепленным долларovým вливанием, к ограничениям до минимума власти “отсутствующего хозяина”.

Большевизм неожиданно обернулся еще одной гранью-открытием. С атеизмом большевиков правоверный кальвинист Вильсон, как это ни покажется парадоксальным, связывал дополнительные надежды на укрепление геополитических позиций США в зоне на стыке Европы и Азии, которую его предшественник Теодор Рузвельт не зря называл “поясом силы”, т.е. в военно-стратегическом смысле господствующим в Северном полушарии пространством, располагающим всеми природными и людскими ресурсами, удобными коммуникациями и самодостаточными экосистемами. “Раскрещивание Руси”, о котором говорил еще в 1908 г. отец С. Булгаков⁷⁵, усиленное конфликтом большевиков с православной церковью, распространение “противобожества” в России оборачивались давно ожидаемым ослаблением сопротивляемости к проникновению плюрализма в религиозную культуру российского общества, в толщу народной жизни, с начала XX в. настойчиво внедряемого в нее многочисленными миссионерами из США, баптистами и адвентистами⁷⁶.

⁷⁴ См.: Обращение Народного комиссариата иностранных дел к народам и правительствам союзных стран относительно мирных переговоров 30 декабря 1917 г. // ДВП СССР. Т. 1. С. 67–70.

⁷⁵ С. Булгаков говорил в 1908 г., что доктрина атеизма, опустошившая сокровищницу веры русского народа, получила распространение в связи “с тяжелыми событиями и испытаниями нашего времени”. Носителем этой “своеобразной новой идейности” Булгаков считал русскую интеллигенцию в целом (*Булгаков Сергей*. Интеллигенция и религия // Русская мысль. 1908. Кн. III. С. I).

⁷⁶ *Foglesong D.S. Redeeming Russia? American Missionaries and Tsarist Russia, 1886–1917 // Religion, State and Society. 1997. Vol. 25. N 4. P. 353–368.* Естественно, что к антирелигиозной пропаганде большевиков клерикальные и политические круги США отнеслись резко отрицательно и враждебно, но главным мотивом такой реакции были опасения, что Россия станет очагом безбожия, которое может проникнуть и в США вместе с вирусом радикализма. Не будь этого, иной оттенок приобрела бы и критика антицерковной политики большевиков.

Признание равноправия различных христианских вероучений было призвано способствовать открытости российского общества к ценностям Запада в их наисовременном сущностном содержании, воплощенном в американском опыте.

Встретившие с восторгом падение “деспотической тирании” царизма в феврале 1917 г. американские евангелические общества стали пропагандировать тезис, что приход к власти большевиков, по крайней мере, не ухудшает виды на американизацию России. Лидеры миссионеров входили и в окружение Вильсона (Джон Мотт и др.). И именно в их головах родилась мысль, что при власти леворадикалов шансы миссионеров очистить христианство в России от ортодоксии и обратить миллионы россиян в сторонников американской мечты многократно возрастают⁷⁷. У Вудро Вильсона – фанатически религиозного человека, пресвитерианца, бессознательно отождествлявшего себя с Христом⁷⁸, эти доводы не могли не встретить понимание. Духовное излечение России через усвоение стандартов протестантской этики и конфессионального плюрализма как нельзя лучше соответствовали сокровенному замыслу Вильсона – обрести в лице Новой России сподвижника или вспомогательную силу в осуществлении грандиозной перестройки и рационализации мировой политики.

Таким образом, неверно видеть в знаменитых “14 пунктах” Вильсона только лишь реакцию на ленинский Декрет о мире, призванную ослабить пропагандистский эффект мирной инициативы большевиков. В них была спрятана также идея синхронизации двух курсов на ликвидацию старого имперства с его всеильем внеэкономического принуждения, деление целого на отдельные составляющие его этногосударства, развивающиеся как самостоятельные правовые и хозяйственные субъекты мирового сообщества при сохранении за ними права на объединение на федеративной или конфедеративной основе. Двойственность позиции Вильсона и Ленина была неодинакова (в одном случае она носила селективный, в другом – по большей части пропагандистский характер)⁷⁹, но на момент обнародования исторических до-

⁷⁷ Ibid. P. 360, 361.

⁷⁸ См.: Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон: Психологическое исследование. М., 1992.

⁷⁹ Особая избирательность Вильсона в вопросе об имперстве, деление его на виды – реальная империя и мнимая – проявилась в беседе президента с английским послом сэром Сесилем Артуром Спринг Райсом 9 января 1918 г. Согласно записи Спринг Райса, “говоря о Британской империи, он (Вильсон. – В.М.) заметил, что Германия совершенно не поняла, что Британская империя абсолютно отличалась от того, что входит в понятие империи по-немецки; Британская империя – это союз свободных народов, живущих так, как это им нравится. Великобритания

кументов об условиях устройства послевоенного мира эта двойственность вообще никого не волновала. Прилежно штудировавший сочинения Брукса Адамса и адмирала Мэхэна с их идеями “сдерживания” России президент Вильсон не мог позволить себе упустить шанс поддержать те совершенно избавленные от комплекса панславизма внутренние силы в России, которые решительно восстали против образа “русского народа Богоносца” и были намерены (по крайней мере на словах) воспрепятствовать православному “воздвижению Креста Христова”⁸⁰. По-видимому, на короткое время в сознание президента закралась мысль, что с приходом к власти Ленина и большевиков революция начнет вершить внешнюю политику России с чистого листа, подчиняя ее интересы “ни с чем не сравнимому достижению разумной цивилизации”⁸¹, коим Вильсон считал вынашиваемые им планы создания новой системы международных отношений.

Отклонение Вильсоном в начале декабря 1917 г. меморандума Лансинга, предавшего анафеме большевистское правительство, имеет не только психологическое объяснение⁸². Отказ в той или иной форме выразить понимание большевиков, точнее их желание положить конец войне на условиях, которые не давали бы односторонних преимуществ Германии, для Вильсона было равносильным “сдачей” России. Он полагал, что осуждение большевиков за узурпацию власти подтолкнет их в объятия Германии с абсолютно неотвратимым исходом – расчленением России на подчиненные империи Гогенцоллернов территории – Украину, Польшу, Прибалтику, Кавказ и т.д. Такой способ преобразования “зоны силы” в условиях, когда вопрос о победителе на Западном фронте не был решен, не устраивал Вильсона, как, впрочем, ни-

должна содержать сильный флот для поддержания средств существования, а также для выполнения полицейских функций” (PWW. Vol. 45. P. 549).

Признание того, что большевики, придя к власти, из принципа самостоятельности малых народов прежде всего стремились извлечь агитационный “капитал”, делалось многократно Лениным, Троцким, Сталиным, Иоффе и другими членами советского правительства (см.: *Троцкий Л.Д.* Программа мира // К истории русской революции. М., 1990. С. 135; *Иоффе Н.* Мой отец А.А. Иоффе. М., 1997. С. 84–93).

⁸⁰ Д.С. Мережковский в эссе “Тайна русской революции. Опыт социальной демонологии” (М., 1998) специально уделил внимание этому исторически возникшему в отношениях России с Западом синдрому враждебности и недоверия, источником которого он считал непредсказуемость поведения русского народа “в целом”, его “волю к превратности” (С. 98, 99).

⁸¹ См.: *Фрейд З., Буллит У.* Указ. соч. С. 271.

⁸² *Lansing R.* Untitled Draft. Dec. 4, 1917 // S.G. Mudd Library. Robert Lansing Papers. Box 2; *Mayer A.J.* Political Origins of the New Diplomacy, 1917–1918. New Haven, 1959. P. 343.

кого в Америке. Россия без Польши (а может быть, и без Украины – смотря по обстоятельствам), но верная своим обязательствам под началом консолидированной антигермански ориентированной власти в конкретной обстановке конца войны сохраняла наибольшую привлекательность в глазах Вильсона и его непосредственного окружения. Но этот вариант решения не рассматривался в качестве окончательного. Обдумываемый параллельно сценарий для Австро-Венгрии с предоставлением права “свободного автономного развития” для ее народов указывал на существование различных опций в стратегическом мышлении президента. Но в центре его всегда оставалась главная цель – разгром Германии.

Боязнь вызвать сближение Германии с большевиками, крах Восточного фронта с последующим отторжением оккупированной немцами Прибалтики, Белоруссии, Украины и Кавказа от России вынудили Вильсона, Хауза и Лансинга не только отказаться от *прямой* поддержки белых сил на Юге России, но и отклонить идею расчленения России в той циничной и грубой форме, в которой ее предлагали осуществить некоторые политики США, призывавшие не упускать “момент”. Федерализация России выдвигалась как некая альтернатива и расчленению, и возврату к всевластию Центра, при этом, как и в случае с Австро-Венгрией, существовали планы проведения активной психологической обработки будущих автономных образований, подталкивая их к ослаблению уз с историческим центром. Исследовательская группа Хауза – мозговой центр, готовивший рабочие документы мирного урегулирования для Вильсона, вопрос о праве народов на самоопределение ставила в более жесткой и радикальной манере, нежели сам президент⁸³. Однако весной 1918 г. президент не поддержал сторонников административных реформ, выходящих за некие пороговые величины.

Соглашаясь с Вильсоном в отношении несвоевременности забегания дальше предоставления “возможности свободного автономного развития” для народов многонациональной России, полковник Хауз тем не менее полагал, что аналитики Исследовательской группы не допускают больших погрешностей в своих рекомендациях на более отдаленную перспективу. В беседах с заместителем государственного секретаря У. Филлипсом в конце декабря 1917 г. он сделал ряд абсолютно недвусмысленных заявлений. Прочитируем соответствующее место из книги Д. Фоглсонга: «Хотя полковник сказал Филлипсу, “что мы должны воз-

⁸³ *Unterberger B.M. United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. P. 96.*

держаться от всего, что может в будущем разрушить Россию”, в другие времена он выступил бы за разделение империи на отдельные независимые государства с тем, чтобы она уже никогда не могла бы играть роль опасной, реакционной силы в европейской политике. Хауза больше беспокоила опасность появления могущественного русского военного диктатора на Юге России, чем угроза сепаратизма»⁸⁴. Как-то раньше Вильсон сказал о Хаузе: “Его и мои мысли одно и то же”. Конец 1917 г. – кульминация в доверительных отношениях двух политиков.

Дипломатия США довольно последовательно выдерживала это “правило дополнительности” в подходе к “русскому вопросу”, сочетая в комбинированном виде как бы две взаимоисключающие цели. До определенного момента Вильсон решительно отклонял многочисленные предложения публично поддержать местный сепаратизм в российских национальных окраинах, стремясь тем самым заручиться доверием большевистского правительства и одновременно дать самостоятельно вызреть возникшим движениям за отделение от России. Замысел Вильсона состоял в облегчении становления и общественного признания этих движений посредством открытия свободного диалога о самоопределении народов бывшей империи. Большевики сами дали повод для шельмования идеи имперства, возведя его в ранг государственной политики. Взвзвешенному мир под личное покровительство Вильсону такой исторический нигилизм новых правителей России казался вполне уместным и соответствующим целям политики США: не поощрять распад империи, но и не противиться ему.

Доверившись интуиции, Вильсон отвел доводы ястребов, придя к умозаключению, которое многие восприняли как опасное самоуспокоение, вздорную иллюзию кабинетного стратега: следует одобрительно отнестись к требованию пересмотра целей войны (“мир без аннексий и контрибуций”), независимого развития “порабощенных” народов и других пунктов большевистской программы мира, подчеркивая их совместимость с предложенной США перестройкой международных отношений. Склоняясь к этому выводу, Вильсон решил и на более серьезный шаг. Вопреки недовольству союзников и отчаянному сопротивлению собственного государственного секретаря, он настойчиво принялся внушать общественному мнению идею о праве каждого народа испытать себя революцией и выбрать ту форму правления, которая ему по душе, невзирая на издержки и потери⁸⁵. Президент все

⁸⁴ *Foglesong D.S.* America's Secret War against Bolshevism. P. 93.

⁸⁵ *Gardner L.C.* A Covenant with Power: America and World Order from Wilson to Reagan. L., 1984. P. 25, 26.

чаще напоминал себе и другим об уроках Мексиканской революции, когда речь заходила о русской смуте. В чем он был твердо убежден, так это в том, что его политика сдерживания наиболее воинственно настроенных интервенционистов среди политиков и военных поможет Америке сохранить имидж альтруистической державы в глазах “наивных” русских – по аналогии с “наивными” мексиканцами.

В нервной, двойственной обстановке начала 1918 г. отказ позволить достучаться до Белого дома с тем, чтобы обсудить угрозу большевизма, вполне можно было истолковать как сближение (может быть, не вполне осмысленное) позиций Вашингтона и большевиков. Не на шутку встревоженный Лансинг, рискуя карьерой, предпринял новую лобовую атаку на президента с тем, чтобы предотвратить самое невозможное. Он призвал в напарники посла Фрэнсиса и, получив от него 3 января 1918 г. послание с категорическим возражением против признания любого правительства на территории России до “свободного волеизлияния народа этой великой страны”⁸⁶, сочинил проект меморандума правительства о непризнании большевистского режима⁸⁷. Скорее всего, именно этот документ Лансинг обсуждал с Вильсоном 7 января, т.е. накануне исторической речи последнего на объединенной сессии Конгресса США⁸⁸.

Что сказали друг другу президент и государственный секретарь останется навсегда неизвестным, ясно только одно – предложение Лансинга немедленно, в один момент обрубить формальные и неформальные отношения с большевиками и открыто встать на сторону их врагов, было отвергнуто. Рассматривался, видимо, и альтернативный вариант, у которого оказалось также немало сторонников. К ним по вполне понятной внутренней логике принадлежали многие из тех причастных к администрации, ее пропагандистскому аппарату или деловому миру Америки лиц, которых тем или иным путем занесло в революционный 1917 год в Россию. У. Томпсон и Р. Робинс⁸⁹, руководители миссии американского Красного Креста в России, А. Буллард и Л. Стеффенс,

⁸⁶ *D. Francis to R. Lansing*. Jan. 3, 1918 // S.G. Mudd Library. Robert Lansing Papers. Box 4.

⁸⁷ Department of State, Office of the Secretary. Memorandum on Nonrecognition of a Russian Government, Jan. 6, 1918 // *Ibid*.

⁸⁸ Р.Ш. Ганелин выдвигает свою версию, полагая, что 8 января 1918 г. президент и государственный секретарь обсуждали меморандум от 2 января 1918 г. (см.: *Ганелин Р.Ш.* Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 г. С. 130).

⁸⁹ Подробнее см.: *Мальков В.Л.* Раймонд Робинс открывает новый мир // Новая и новейшая история. 1970. № 2; *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч.; *Salzman N.V.* Reform and Revolution: The Life and Times of R. Robins. Kent (Oh.), 1991 и др.

видные американские публицисты, Ч. Крейн и генерал У. Джайсон, дипломат и военный атташе США в Петрограде, минуя посла Фрэнсиса или госсекретаря Лансинга, пытались серьезно влиять на информационное поле Белого дома, используя доступные им средства и методы быть услышанными ближайшими сотрудниками Вильсона либо им самим. Так, У. Томпсон, миллионер и филантроп, вернувшийся из России в конце 1917 г., обрушил поток доводов на вашингтонских чиновников в пользу ставки на большевиков и установления с ними тесных деловых контактов⁹⁰. Медный магнат, израсходовавший в России из своего собственного кармана на пропаганду американских идеалов и поддержку антимонархических сил более миллиона долларов, приложил максимум усилий, стремясь расположить к своей программе самых влиятельных членов администрации, в том числе министра финансов У. Макаду⁹¹, полковника Хауза, а также некоторых видных членов Конгресса. Влиятельный сенатор Роберт Оуэн из Оклахомы в полном согласии с Томпсоном советовал Вильсону признать большевистский режим правительством *de facto*, не ставя это признание в зависимость от отношения большевиков к обязательствам России по долгам⁹². Президент и сам выражал недо-

⁹⁰ См. PWW. Vol 45. P. 446.

⁹¹ Косвенным подтверждением того, что в повестке дня Белого дома стоял вопрос о признании большевистского правительства, было послание Макаду (видевшего себя следующим президентом США) В. Вильсону от 17 января 1918 г. В нем министр финансов, видимо, под впечатлением от бесед с Томпсоном и выступления Вильсона в Конгрессе 8 января писал: «Я беру на себя смелость предложить государственному секретарю заявить, что на признание США может рассчитывать только то правительство в России, которое готово выполнять свои обязательства перед Соединенными Штатами» (*W. McAdoo to W. Wilson. Jan. 17, 1918 // S.G. Mudd Library. Robert Lansing Papers. Box 4*). Позиция Макаду, изложенная в этом послании, допускает различные толкования, но характерно, что в нем не было поставлено никаких идеологических условий, чем так отличались заявления Лансинга. Это первое. Показательно также то, что Макаду даже не вспомнил о о свободных выборах. И еще одна немаловажная деталь: именно большевики в ходе неофициальных контактов с американцами заявили о готовности расплатиться в будущем по долгам с Америкой. Об этом Макаду было известно от Томпсона. В сборнике документов «Россия и США: экономические отношения 1917–1933» (М., 1997), вышедшем в свет под редакцией Г.Н. Севостьянова, впервые опубликован важный документ – доклад «Задолженность Америке», заслушанный на заседании бюро Наркомфина СССР 7 декабря 1923 г., из которого явствует, что в момент самого серьезного осложнения отношений между двумя странами советское правительство уделяло должное внимание финансовым обязательствам перед США, стремясь найти устраивающее обе стороны решение (см. С. 92–96).

⁹² Memorandum for the Secretary of State on Senator Owen's letter concerning Russia. Jan. 29, 1918 // Library of Congress (далее: LC). W. Wilson Papers. Текст меморандума был подготовлен Русским отделом госдепартамента, который возглавлял способный дипломат Бейзил Майлс.

вольство близорукостью тех, кто неистово требовал санкций в связи с нежеланием большевиков платить по долгам царского и Временного правительств⁹³, полагая, что это только подтолкнет Россию в объятия Центральных держав и будет содействовать популярности большевиков на всей территории бывшей империи.

Последнее Вильсону хотелось бы видеть менее всего. Большевики терпимы и узнаваемы как некая распорядительная власть до тех пор, пока она, пускай номинально, но остается на стороне Антанты и развивается в заданных ею самой и несвязанных жесткой вертикалью централизованного управления формах. Публичная присяга демократическим (либерально-конституционным) методам выстраивания отношений сверху до низу, от центра к периферии, реорганизация всей внутренней жизни страны в целях ускорения процесса перехода к самоуправлению регионов – вот такой встречный счет собирался выставить большевикам Белый дом за “открытие” кредитной линии доверия, материальную помощь (ее предполагалось организовать под патронатом Раймонда Робинса) и даже моральную поддержку. Такими были главные пункты подготовленной Русским отделом госдепартамента программы действий в русском вопросе⁹⁴. Ее разработчиком был все тот же Б. Майлс, чутко улавливавший все нюансы и различия во взглядах президента и государственного секретаря на “русскую дилемму” и глубже других усвоивший вильсоновскую стратегию подталкивания реструктуризации государственного устройства России. Венчать ее должно было создание децентрализованного сообщества национальных автономий.

Роберт Лансинг, на все смотревший сквозь призму военного времени и предпочитавший видеть Россию, управляемую “железной рукой”, с трудом воспринимал желание Вильсона демонстрировать снисходительность к большевикам, ведущим переговоры с Тройственным союзом о прекращении войны. Можно себе представить, какое сильное внутреннее потрясение пришлось пережить Лансингу, когда он 7 января пополудни со всеми строжайшими предосторожностями в отношении возможных “утечек” был ознакомлен Вильсоном с текстом обращения президента к Конгрессу⁹⁵.

Сенсационный эффект от речи Вильсона в Конгрессе 8 января 1918 г. был усилен тем обстоятельством, что пресса оказалась в полном неведении о существовании внешнеполитических идей, которыми президент решил одарить мир. Более всего присутствовавших

⁹³ *W. Wilson to R. Lansing*. Febr. 4, 1918 // *Ibid.*

⁹⁴ *PWW*. Vol. 45. P. 543–545.

⁹⁵ *Ibid.* P. 554, 555.

ошеломило одобрение переговоров в Брест-Литовске и дипломатии большевистских властей (“русских представителей”) на этих переговорах, заслуживших, по мнению Вильсона, высокой похвалы за “абсолютно ясное заявление” о принципах мирного урегулирования и способах его достижения. Каково было Лансингу и членам Конгресса (одному читать, а другим слушать) о “справедливой”, “разумной” и “истинно демократичной” позиции этих самых “русских представителей”⁹⁶. Вильсон нашел особо важным отметить их стремление вести переговоры открыто, не таясь от мирового общественного мнения, позволяя ему вникнуть в суть происходящего. Прозрачность намерений в дипломатии он считал высшим проявлением духа времени и правильно понятого долга перед истекающим кровью человечеством.

Тема России была центральной в речи о “14 пунктах”. Она была скорректирована Вильсоном после замечаний Хауза и отличалась предельно дружелюбным тоном. Пострадавший от войны сильнее других русский народ в Брест-Литовске высказал свое отношение к условиям мира “откровенно, широко и в благородном духе, с симпатией к человечеству”⁹⁷. Он обратился к другим народам с предложением заявить также откровенно и прямо о том, что они думают по поводу того, каким должен стать обновленный мир, как следует построить новую мировую систему без войн, безопасную для всех миролюбивых народов. Россия бросила исторический вызов, который ждет незамедлительного адекватного ответа – таким был контрапункт всей вступительной части послания Вильсона, обращенной к взбудораженному общественному мнению Запада.

Даже если учесть естественное желание Вильсона приободрить выбившегося из сил союзника и польстить его смелой инициативе, то и тогда следует признать, что сказал он гораздо больше, чем можно было ожидать от него в адрес большевиков, выступивших пионерами мирного процесса, который (кто знает?) обещал привести повсеместно к умолчанию пушек. Президент США торжественно обещал действовать также самоотверженно и бескорыстно ради осуществления “программы мира” и оставаться всегда “самым близким партнерам всех правительств и народов, объединившихся в борьбе против империалистов”⁹⁸. Ни одно из трех составов Временного правительства не доста-

⁹⁶ Ibid. P. 534, 535.

⁹⁷ Ibid. P. 536; см. также: Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война: Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 201, 252.

⁹⁸ PWW. Vol. 45. P. 536, 538.

ивалось такой щедрой и вдохновляющей похвалы его намерениям и практическим действиям на внешнеполитическом фронте. И для большевиков и для их противников послание Вильсона оказалось неожиданным и в каждом случае по-своему не слишком приятным сюрпризом.

Большевикам трудно было объяснить себе самим и народу, внимающему их гневным нападкам на буржуазных хищников, подкупающую искренность, антиимпериализм и пацифизм ведущей капиталистической державы мира. VI пункт (“русский вопрос”) речи Вильсона только еще сильнее оттенял нестандартность мышления президента и проявленную им с самого начала толерантность к происходящему в России после октября 1917 г. Возникла даже иллюзия признания большевистского эксперимента, который как будто бы укладывался в формулу, выраженную Вильсоном в следующих словах: России должно быть предоставлено право “беспрепятственной и ничем нестесненной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики” вместе с гарантиями радушного приема “в сообщество свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет”⁹⁹.

На что следует обратить особое внимание, так это на антиимперское, антиколониалистское обрамление “русского пункта” послания В. Вильсона, излагающего право народов на суверенное развитие, на максимально свободный выбор формы автономии, нерушимость условий их осуществления, и наконец (пожалуй, самое главное), создание “независимого польского государства” с предоставлением ему надежного доступа к морю и гарантии территориальной целостности, определяемой международным договором.

Органичное единство “14 пунктов” не позволяет рассматривать VI пункт послания изолированно, вне контекста вильсоновской глобальной стратегии, покоящейся на идее “совершенного” мира наций-государств и его открытости для экономического, политического и духовного общения, изоляции и низложению авторитарно-сословных режимов, будь то Гогенцоллерны или Романовы. Пронизывающая документ мысль (отчасти внушенная Ллойд Джорджем), что такой мир возможен только при условии сохранения за американцами по праву избранного народа последнего слова при его обустройстве, дает еще один повод сказать, что приравнивание Вильсона к большевикам, во всеуслышание твердивших о мировой революции, никак нельзя объяснить эмо-

⁹⁹ Ibid. P. 537.

циональным порывом¹⁰⁰ или краткосрочным отключением от достоверной информации. Реализуя принципы новой дипломатии, Вудро Вильсон стремился выйти на решения, ставящие Россию в положение страны, замкнутой на свои сугубо внутренние проблемы вплоть до победного финала войны¹⁰¹, а по возможности и дальше.

Как для американской прессы и большей части общественности, так и для высших чинов дипломатического ведомства США этот реверанс президента в сторону нового, послеоктябрьского режима остался непостижимым вольтом, чем-то вроде каприза, граничащего с сумасбродством, заигрывающего с революционным экстремизмом политика-популиста. Подлинный смысл затеянной Вильсоном и Хаузом интриги по мексиканскому сценарию, как правило, ускользал от внимания многих наблюдателей, пораженных примиренчеством президента США в отношении большевистской России и моральной поддержкой, оказанной ее лидерам. Особенно резких порицаний Вильсон был удостоен со стороны русской внутренней и внешней эмиграции, возмущенной затейливой игрой Вильсона с лексико-понятийным словарем большевиков и их сторонников на Западе¹⁰².

Однако существовала группа экспертов, чья трактовка ситуации совпадала в основном с той, которую давали ей Вильсон и Хауз.

¹⁰⁰ См., например: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 132.

¹⁰¹ Россия среди победителей на правах страны, внесшей равновеликий или даже решающий вклад в победу, была не нужна Соединенным Штатам, как, впрочем, и странам Антанты. Окажись Россия в числе победителей, она приобрела бы огромное влияние в Европе и Азии. Не дать ей “задирать нос” – вот чем были озабочены летом 1917 г. многие политики Запада. В Америке победу России воспринимали ничуть не лучше, чем победу Германии, – любой из этих вариантов грозил Европе оказаться во власти феодальной системы и милитаризма (см.: *Mayer A.J.* *Politics and Diplomacy of Peacemaking. Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918–1919.* L., 1967. P. 286; *Gardner L.C.* *Op. cit.* P. 11–20).

¹⁰² Е. Брешко-Брешковская в воспоминаниях, опубликованных в 1921 г. в Париже, с негодованием писала об этой вспышке дружелюбия американских представителей в Петрограде и Москве, последовавшей вслед за ниспровержением власти Временного правительства и захватом ее большевиками. Недоумение ее было столь велико, что “бабушка русской революции” взяла на себя труд письменно разъяснить послу Фрэнсису суть происходивших в России событий, поскольку полагала, что только неосведомленность некоторых американцев питает их склонность считать “большевистское воцарение в России” скорее “благоприятным для России, чем вредным” (*Брешковская Е.К.* Три анархиста: П.А. Кропоткин, Мост, Луиза Мишель. Воспоминания // Литература русского зарубежья: Антология. М., 1990. С. 33). Напротив, большевики доброжелательно встретили речь Вильсона 8 января 1918 г. и содействовали ее распространению в России (*Вильямс А.Р.* Путешествие в Революцию. М., 2006. С. 228, 229).

К ним следует отнести сотрудников исследовательской группы, непосредственно готовивших материалы к посланию Вильсона 8 января 1918 г. и комментарии к ним, а также часть политических, дипломатических и военных представителей США, работавших в России и настаивавших на сугубо деловой, строго реалистической оценке расстановки политических сил в России и их значения с точки зрения ближайших и более отдаленных государственных интересов Соединенных Штатов. Группа “Инкуаэри” (У. Липпман, С. Мезес, Д. Миллер и др.), созданная в сентябре 1917 г.¹⁰³, проработала различные варианты “католической идеи” (циклопического плана послевоенного переустройства мира), неизменно рассматривающих “русский радикализм” как детонатор перемен в “Срединной Европе”, в частности в Германии¹⁰⁴. Еще ближе (но с другой стороны) к уяснению для себя сценографии Вильсона–Хауза с использованием Советов и большевиков для подрыва изнутри русского имперства при сохранении территориальной целостности России (за вычетом практически “отложившихся” территорий – Польша, Финляндия и, возможно, Украина) подошел Артур Буллард, реальный руководитель пропагандистской деятельности правительства США в России в 1917–1918 гг.¹⁰⁵, один из ближайших советников полковника Хауза, талантливый аналитик и дипломат.

Находившийся в Петрограде при сменах всех режимов в 1917 г. и поддерживавший самые тесные контакты с различными российскими политическими течениями в обеих столицах и провинциях, Буллард в укрепляющихся неформальных контактах с большевиками видел спасительную для западных демократий альтернативу воссоздания в будущем Союза трех императоров. Он писал советнику посольства США в России Райту: “Вся наша пропаганда должна быть нацелена на то, чтобы создавать здесь впечатление постоянства. Создание основы будущих дружественных отношений с Россией должно находиться в центре наших уси-

¹⁰³ Подробнее см.: *Печатнов В.О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 73–91. О выработке концепции либерального интернационализма см. в интересной и содержательной работе: *Романов В.В.* В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921). М.; Тамбов, 2005.

¹⁰⁴ В меморандуме “Современная ситуация. Военные цели и условия мира”, подготовленном в конце декабря 1917 г. членами руководящего комитета “Инкуаэри”, специально указывалось (в абсолютно недвусмысленной форме), что русская революция объективно создает серьезнейшее препятствие для германской гегемонии в Европе, прежде всего своей антикапиталистической направленностью (PWW. Vol. 45. P. 459–475).

¹⁰⁵ См.: *Startt D.* American Film Propaganda in Revolutionary Russia // Prologue. Fall 1998. Vol. 30. N 3. P. 167–179; *Foglesong D.S.* The American Mission. P. 38, 39, 56.

лий. Самая серьезная задача для всех, кто хочет сохранить мир безопасным для демократии, состоит в предотвращении сближения между державами с империалистическим мышлением. Дипломатическим кошмаром будущего может стать новый Союз трех императоров (*Dreikeiserbund*) с возможным подключением к нему Микадо”¹⁰⁶. Это было написано за три недели до новой смены власти, но то же “постоянство” дипломатического поведения следовало сохранять, по убеждению Булларда, и при лабильном большевистском режиме, в международно-правовом смысле не связанном обязательствами перед союзниками системой договоров и соглашений и более того идеологически отвергающем их.

Совпадение взглядов Белого дома и Булларда на драматически меняющуюся ситуацию в России было не случайным. За ним стояло одинаковое понимание великой угрозы геополитического передела в финальной стадии мировой войны, всех плюсов и минусов (с точки зрения интересов США) восстановления сильной России, претендующей в послевоенной революционной Европе на роль могущественного центра притяжения, равно как и неприемлемых рисков, связанных с ее полным распадом, делением на разбегающиеся территории на фоне активности японского дракона в Азии¹⁰⁷.

Самым приемлемым, почти идеальным выглядел только один вариант развития, подсказываемый, казалось, всей обстановкой и большевиками: Россия, перестроенная с американским участием на федеральных началах, но с резким ограничением полномочий центральной власти и, напротив, наделением широким суверенитетом национальных и областных автономий. Для воплощения в жизнь идеи новой роли США на евразийском пространстве такой вариант был наиболее многообещающим – так полагали многие американские дипломаты, которые подобно Булларду с “близкой дистанции” наблюдали течение русской смуты. “Германофильство” большевиков не отпугивало их, в революционной пропаганде Ленина и Троцкого они усматривали серьезный антикайзеровский потенциал, способный сыграть на руку союзникам. Ведь пример России мог оказаться заразительным (так оно и было) для оппозиционных (особенно левых) сил и в самой Германии, и в Австро-Венгрии, а последнюю даже подтолкнуть к выходу из

¹⁰⁶ *A. Bullard to Mr. Wright (counselor at Petrograd). Oct. 11, 1917 // S.G. Mudd Library. Arthur Bullard Papers. Box 6.* Буллард в сущности с лета 1917 г. находился в России с секретным заданием Белого дома, играя роль специального доверенного лица и политического агента Э. Хауза, с которым он, минуя госдепартамент, находился в интенсивной переписке (*Ethel Bullard to Malkolm. Jan. 17, 1931 // Ibid.*).

¹⁰⁷ См.: *Mayer A.J. Op. cit. P. 287.*

войны путем заключения сепаратного мира с Антантой на условиях, включающих предоставление различным населяющим ее народам права на широкую автономию.

Вариант с обхаживанием большевиков представлялся рискованным с правовой и моральной стороны, может быть, даже нежелательным, но любой другой грозил выходом ситуации из-под контроля союзников в целом и Соединенных Штатов, не успевших, в частности, еще растерять свой авторитет миротворца у новых российских властей. В логической увязке с ежеминутно меняющейся обстановкой на фронтах и внутри России цепь доводов, обосновывавших решение в пользу контактов с большевиками, была сформулирована в одном из наиболее исчерпывающих аналитических документов по “русскому вопросу”, циркулировавших среди сотрудников американской дипслужбы в конце 1917 – начале 1918 г. Речь идет о меморандуме “Русская ситуация”, подготовленном А. Буллардом в середине января 1918 г. Он имел двойное назначение – служить обзором событий очередного витка русской смуты и дать верную ориентацию американцам, находившимся в России, касательно дипломатии Белого дома, а отчасти даже намерений самого президента¹⁰⁸.

Предпочтительность последнего (с сохранением какое-то время большевиков у власти и воплощением в жизнь схемы все-российской автономизации без формального расчленения страны

¹⁰⁸ Есть основания предполагать, что, выполняя по поручению Э. Хауза роль главного правительственного пропагандиста в Петрограде с лета 1917 г., Артур Буллард взял на себя миссию разъяснить американским дипломатам, работавшим в России, мотивы внешнего расположения Белого дома к большевикам, заметно отличающегося от отношения шефа госдепартамента Р. Лансинга к происходящему в России. На это соображение наводит тот факт, что свой меморандум Буллард направил в Москву американскому генконсулу Саммерсу, одному из самых непримиримых врагов большевизма. Заслуги Булларда в разъяснении политики Белого дома были оценены по достоинству. После возвращения в США в 1920 г. он был назначен руководителем Русского отдела государственного департамента, сменив ушедшего в отставку Майлса.

Важно отметить, что точку зрения Булларда разделяли многие серьезные американские наблюдатели, знавшие о России не понаслышке, а на основе многолетней житейской практики. Один из них, журналист Майкл Фарбман, много лет проработавший в России и часто консультировавший государственный департамент, судя по его посланиям Р. Лансингу, разделял скепсис Булларда в отношении простых решений, связанных с поддержкой антибольшевизма, удушением центра России голодом или раздроблением страны на марionеточные государства, находящиеся на попечении союзников. “Россию, – писал он в сентябре 1918 г., нельзя победить. Но ее можно легко завоевать” (*Michael S. Farberman to R. Lansing*. Sept. 26, 1918 // National Archives. (Далее: NA). Records of the Department of State Relating to Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910–1929. Vol. 19 and 20, Roll 17. 861.00/3181).

на марионеточные квазигосударства) варианта трансформации российской государственности была прописана в меморандуме Булларда четко и определенно. Сам документ достаточно пространен, поэтому приведем лишь несколько фрагментов из него, характерных для строя мыслей вильсоновских советников (Хауза, Липпмана, Буллита и др.) и некоторых их единомышленников, оказавшихся в России и собственноручно сделавших все “замеры” возникшей здесь турбулентности и ее возможных последствий.

Первые пассажи целиком были отданы способности России продолжать воевать. Вывод однозначен: “Российская армия практически перестала существовать. Большевистская революция октября месяца является не причиной, а следствием этого бессилия”¹⁰⁹. Есть много причин, писал далее Буллард, не считать большевиков ставленниками немцев. “Большевистские лидеры не обнаружили ни малейших признаков намерений подыгрывать германским империалистам. Они совершенно открыто заявили о стремлении воспользоваться любым шансом перенести революцию на территорию Центральных держав”. Германские шансы на Востоке целиком связаны с успехом сепаратизма. Германский Генеральный штаб и Украинская Рада уже заключили сепаратный мир, и последствия его будут тяжелым ударом для союзников, “если только большевики не установят контроль над Украиной и не сбросят буржуазную Раду”.

Что делает Америку и большевистскую Россию политическими попутчиками? Сходство программ послевоенного переустройства. «Большевистская мирная программа удивительно похожа на ту, что выдвинул президент Вильсон. Обе нацелены на раскол Тевтонского блока, обе исходят из того, что достигнуть этой цели можно лишь тогда, когда будут предложены новые и более либеральные военные цели. Различия же проходят там, где они неизбежны. Вильсон мыслит категориями политическими. Он пытался отделить либеральных и демократических агнцев от империалистических и милитаристских козлиц. Он пытался вбить клин между Пруссией и Австро-Венгрией вместе “с мужественными малыми народами Балкан” (так в тексте. – В.М.). Большевики же размышляли и рассуждали, “оперируя категориями экономических классов”».

Не может быть и речи о сдаче западных ценностей, исповедуемых Америкой, идеологических уступках большевизму. “Но политика, практическая политика, как сказал бы Т. Рузвельт, порой

¹⁰⁹ Arthur Bullard. “The Russian Situation”, 11(24) January 1918. Excerpt from the letter to Mr. Summers, American Council General at Moscow // S.G. Mudd Library. Bullard Papers. Box 6. Folder: Writings, Subject (Russia 1917–1919).

вынуждает к странному сожительству. Не нашим делом следует считать любые попытки наставлять Россию на путь истинный...” Задача американской дипломатии – поддержать в России любую силу, которая реально может “доставить неприятности противнику”. Не следует доверять первым впечатлениям. «Мирная политика большевиков становится все более и более откровенно враждебной правящему классу Германии. Если даже кайзер вложил деньги в их движение, он напоролся на острое шило. В то же время сторонники лозунга “Вся власть Учредительному собранию” (Буллард имел в виду оппозиционные большевикам партии. – *В.М.*) все более открыто выступают за мир любой ценой. Украинская Рада вызывает ныне самые худшие наши опасения. Единственный выход из положения нам видится в большевистской революции против Рады»¹¹⁰.

Сепаратизм делает легкой добычей Германии (а возможно, и Японии) обширные территории России. Большевики с их идеей классового единства могут остановить этот процесс, не нарушая серьезно военные планы Америки. Сходство мирных программ большевиков и вильсоновской “новой дипломатии” наталкивает на мысль, что великодержавные притязания России так же, как и ее активность на горячих направлениях мировой политики, угаснут сами собой и будут в конце концов сняты с повестки дня. Следующее ключевое место в меморандуме Булларда ясно выразило предпочтения вильсонизма: “Если говорить о целях войны и идеях послевоенного мира (это был центральный пункт всех рассуждений Булларда. – *В.М.*), то Соединенные Штаты обнаруживают себя значительно ближе к согласию с Троцким, нежели с Милюковым и его зажигательными речами о Константинополе (хотя Троцкий обладает – по крайней мере временно – некоторой властью для осуществления своих планов, а Милюков лишен всего этого). В этих вопросах м-р Вильсон, по-видимому, ближе к тому, чтобы солидаризироваться с Троцким, нежели с министрами иностранных дел некоторых союзных нам стран. Что же касается теории Троцкого о внутренних реформах, то нас это в настоящий момент мало интересует. Послание президента от 8 января 1918 г. является ясным заявлением о том, что он стоит на почве именно такой аргументации”¹¹¹.

Вопреки слухам о большевиках как агентуре кайзера, все их помыслы направлены на революционное устранение его от вла-

¹¹⁰ А. Буллард имел в виду прогерманскую позицию Украинской Рады, проявившуюся в ходе переговоров в Брест-Литовске.

¹¹¹ *Arthur Bullard*. “The Russian Situation”, 11(24) January 1918. Excerpt from the letter to Mr. Summers, American Council General at Moscow.

сти и превращение Германии вместе с Россией в плацдарм мировой революции. Эта мысль была стержневой другой важной аналитической записки Булларда (“Меморандум о большевистском движении в России”), написанной тогда же в январе 1918 г.¹¹² Сама записка специально была посвящена перспективам военного и политического взаимодействия США с большевиками, в отличие от смещенного ими “империалистического” Временного правительства торжественно заявивших о своем отказе от территориальных захватов и контрибуций. Никто не собирался их звать на мирную конференцию, но признания такая позиция безусловно заслуживала. Неразумно было бы отвернуться от этого шанса.

У большевиков фактически все еще нет никакой внешнеполитической стратегии, – так считал Буллард. Лишь в интересах собственного самосохранения, а не в целях возвращения стране статуса великой державы они призывали народ верить в звезду России и продолжать разгонять локомотив революции: то был их единственный шанс удержаться у власти до конца войны или чуть позже. Дальше мрак, тупик, потеря влияния и уход с позором с политической арены. Америке такой фиктивный брак “по расчету” с временщиками был, конечно, не безоговорочно, но выгоден. Он позволял, не идя на уступки России, не связывая себя любыми обещаниями помощи, сохранять верность либеральным принципам и одновременно свободу рук. Непризнание давало к тому все возможности. “Любая политика, – писал Буллард, – для того, чтобы быть успешной, должна опираться на принципы, а не на личности. Уже к настоящему времени (т.е. к середине января 1918 г. – В.М.) была осуществлена по крайней мере одна попытка покушения на Ленина...”¹¹³

Общий вывод, к которому пришел Буллард в результате своего анализа сложившейся в России к февралю 1918 г. ситуации, логически вытекал из его постижения и понимания геополитической стратегии США в евразийском регионе, простирающейся на длительную перспективу. Контакты с большевистским правительством целесообразны. Но эти контакты должны быть не-

¹¹² Arthur Bullard. “Memorandum on Bolshevik Movement in Russia”. January 1918 // S.G. Mudd Library. Bullard Papers. Box 6. Любопытно, что этот тезис Булларда почти дословно повторил в воспоминаниях генерал Э. Людендорф: “Всякому не вполне слепому человеку становилось (по ходу переговоров в Брест-Литовске. – В.М.) совершенно ясно, что цели большевиков сводятся к тому, чтобы вызвать у нас революцию, а следовательно, и разгром Германии...” (цит. по: Гражданская война в России: перекресток мнений / Отв. ред. Ю.А. Поляков, Ю.И. Игрицкий. М., 1994. С. 27).

¹¹³ Речь идет о покушении на Ленина 1 января 1918 г. возле Михайловско-го манежа в Петрограде.

формальными и на чисто деловой основе. Согласие на признание формальное может быть предоставлено большевикам лишь в обмен на важные уступки и прежде всего в области демократизации всего государственного устройства страны. Получается, что именно благодаря большевикам США получали еще одну дополнительную возможность влиять на ситуацию в России, используя очень эффективное средство – шанс на признание. Буллард употребил понятие “козырной карты признания” (trump card of recognition). Ставка же в этой большой политической игре с козырями на руках была исключительно велика – раскрой территории России на самоуправляющиеся национальные или областные образования, ориентирующиеся на западные либеральные образцы и строящие свою внутреннюю и внешнюю политику в значительной мере самостоятельно от центра.

Сибирское областничество подавало самые серьезные надежды, вырастая на легитимной основе в альтернативу большевизму и в определенно тяготеющего к Америке государство в государстве, формально связанного с центром, но более всего зависимого от поддержки извне. Об этом говорил в мае 1918 г. В. Вильсон французскому послу в Вашингтоне¹¹⁴. К этому взгляду решил присоединиться позднее Р. Лансинг, рассуждавший о “единой России” в виде федерации независимых государств, среди которых сибирской автономии должно было принадлежать особое место¹¹⁵. Еще раньше он подвергся самому тщательному обсуждению в переписке американских консулов на Дальнем Востоке с государственным секретарем с февраля 1918 г.¹¹⁶ Инициатива сибирских областников во главе с Г.Н. Потаниным, издавна привлекая к себе внимание американцев, как казалось, способна была осуществить самые смелые идеи реформирования Российского государства на путях самоопределения Сибири и других регионов. Общеполитическая атмосфера выглядела почти идеальной после того, как Троцкий в Брест-Литовске признал за Украинской Радой право идти своим путем в установлении отношений с Центральными державами¹¹⁷. Но внезапно возникшее препятствие нарушило эти планы.

¹¹⁴ PWW. Vol. 48. P. 202, 276–277.

¹¹⁵ R. Lansing to John W. Davis (посол США в Великобритании), June 3, 1920 // S.G. Mudd Library. Robert Lansing Papers. Box 5.

¹¹⁶ См.: Charles K. Moser to the Secretary of State, Oct. 18, 1918 // NA. Records of the Department of State Relating to Internal Affairs of Russia and the Soviet Union. 1910–1929. Vol. 19, 20. 861.0/2976–3220 и др.

¹¹⁷ Перейра Н. Областничество и государственность в Сибири во время гражданской войны // Гражданская война в России: перекресток мнений. С. 201–214; Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1996.

Проамериканская ориентация многих эсеро-меньшевистских областных правительств, поговаривавших о создании Соединенных Штатов России, подсказывала Вашингтону линию поведения, которая не укладывалась в упрощенные схемы по формуле “свой–чужой”, вызвала разочарование и даже осуждение многих представителей белого движения. В наиболее резкой форме эти настроения выразил адмирал А.В. Колчак летом 1918 г. в записке, длительное время остававшейся неизвестной исследователям. В ней, анализируя расстановку сил в Сибири и на Дальнем Востоке, а также оценивая шансы на получение помощи белому движению со стороны союзников, Колчак писал: “СШСА заняли положение, сочувствующее большевистскому развалу и разложению России, особенно определенно высказанное в известном письме президента Вильсона к представителям так называемой советской власти¹¹⁸. Мне были ясны, особенно после недавнего личного пребывания в СШСА, полное непонимание их представителей положения вещей в России и представление их о происходящем государственном разложении России как о выражении демократической идеологии. Поэтому рассчитывать на помощь Соединенных Штатов в деле вооруженной борьбы с большевиками мне не представлялось возможным”¹¹⁹.

Колчак, если не знал, то догадывался, что к нему (так же, как и к ряду других лидеров белого движения) в Вашингтоне относились с подозрительностью, считая его поначалу ставленником англичан (а отчасти и японцев)¹²⁰ и откровенно непочтительно высказываясь об архиконсервативном характере его идеологической и политической платформы¹²¹. Выбранные органы местного

¹¹⁸ Колчак имел в виду обращение президента Вильсона к IV Чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов, подготовленное У. Буллитом и направленное в Россию 11 марта 1918 г. Одним из инициаторов такого обращения был полковник Э. Хауз (см.: *Kennan G. Russia Leaves the War. N.Y., 1967. P. 510–511*). В обращении выражалось “искреннее сочувствие русскому народу”, обещание содействия в деле “полного восстановления ее (России. – В.М.) великой роли в жизни Европы и современного мира” и чувство солидарности “с народом России в его стремлении навсегда освободиться от самодержавного правительства и стать самому вершителем своей судьбы” (Советско-американские отношения. 1919–1933. Сб. документов. М., 1934. С. 12). Текст послания Вильсона был зачитан на съезде его председателем Я.М. Свердловым. Им же был и предложен текст ответа президенту с выражением признательности Вильсону и американскому народу.

¹¹⁹ “Злостные для русского дела события”: Записка адмирала А.В. Колчака. 1918 // Исторический архив. 1998. № 3. С. 73.

¹²⁰ *Eichelberger R.L. to Director Military Intelligence Division. Oct. 19, 1919 (Condition in Siberia); William S. Graves Papers. Box 1 // Hoover Institution of War, Revolution and Peace Archives. (Далее: HIWRPA).*

¹²¹ В донесениях американских военных разведчиков отмечались откровенно промонархические, антидемократические убеждения Колчака и его окружения.

самоуправления, объявившие себя независимыми субъектами сибирской автономии, по убеждению американских дипломатов, больше отвечали вильсоновским планам реорганизации миропорядка и облику лидеров новой формации, исповедующих западные либеральные ценности и принимающих политику “открытых дверей” в целом и в ее сибирской спецификации в частности¹²². Именно такая стратегия больше всего соответствовала взглядам на ситуацию, выработанным Американско-русской торговой палатой. Идея превращения Сибири в лоскутное сочленение самоуправляющихся новообразований, готовых принять экономическую помощь в обмен на согласие установления протектората США над сибирским регионом, являлась частью “Американской программы для России”, изложенной Исполкомом палаты в специальном послании на имя заместителя государственного секретаря У. Филлипса¹²³. Не поощряя политический сепаратизм из-за боязни сыграть на руку Германии и Японии, Вашингтон благоволил политическим силам, которые, во-первых, одним своим существованием создавали предпосылки укоренения областнического сознания, ослабления тенденции к централизации и, во-вторых, предполагали замкнуться на внутренних проблемах России, оставив в стороне вопросы внешнеполитические.

Точка зрения Вильсона не без труда, но в целом возобладала в коридорах власти Вашингтона. Ее приняли и сторонники признания Советской России, и откровенные его противники. Р. Лансинг, чьи расхождения с президентом по вопросу отношения к большевикам не были ни для кого секретом, со временем, однако же, сумел оценить прагматизм идеалиста Вильсона в самой чувствительной сфере политики, где пересекались центробежные и центростремительные силы, великодержавный синдром ослабленной поражениями титульной нации и стремление воспользоваться этим ослаблением у многочисленных малых народов, желающих уйти в “свободное плавание”, и сделать это немедленно и с благословения

В целом белое движение даже в наше время вызывает критику в Америке своим агрессивным русским шовинизмом. Национальная политика большевиков в сопоставлении называется более “продуктивной”, гибкой и динамичной (см.: *Аманжолова Д.А.* Историография изучения национальной проблемы // *Историографические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова.* М., 1996. С. 317, 319).

¹²² См.: “Conversation of Consul General Harris with Staff commanders of the New Siberian Government”. Taiga. June 7, 1918 // *NA. Records of the Department of State Relating to Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910–1929.* Vol. 19, 20; 861.0/2976–3220.

¹²³ “American Policy for Russia / Advocated by the American-Russian Chamber of Commerce. Prepared by the Executive Committee, Sept. 21, 1918” // *Ibid.*

союзников. Один пример хорошо иллюстрирует эту линию Вильсона, ставшую идеологическим обоснованием новой дипломатии. Для краткости ее удобнее всего выразить Гиппократовой формулой “не навреди”, хотя в данном случае речь, скорее, идет не о пациенте, а о лекаре, озабоченном своей репутацией.

Англичане, всегда более решительно настроенные на поддержку сепаратизма в большевистской России, в очередной раз 31 октября 1918 г. через свое посольство в Вашингтоне направили Роберту Лансингу меморандум, в котором четко ставили вопрос о целесообразности поощрения отделения балтийских провинций от России¹²⁴. Лансинг отмалчивался целый месяц, очевидно согласовывая текст ответа с президентом, а затем 27 ноября 1918 г., уведомив временного поверенного в делах Великобритании о совпадении взглядов двух правительств на ситуацию в Прибалтике, попросил Лондон не торопить события, дать им устояться, посчитавшись с фактором оскорбленного достоинства русского народа, сражавшегося в победоносной коалиции, но ставшего первой жертвой территориального передела. В заключение государственный секретарь писал: “...публичные и официальные заявления, сделанные американским правительством по разным поводам и провозглашающие дружбу и лояльность в отношении России и русского народа, заставляют его сохранять верность слову и воздерживаться от любых преждевременных действий до созыва мирной конференции”¹²⁵. Сменивший Лансинга на посту государственного секретаря Бейнбридж Колби в том же духе разъяснял в специальной ноте американским послам в августе 1920 г., почему его правительство отказалось признать Прибалтийские государства¹²⁶. К тому времени Версальская конференция завершила свою работу.

Лансинг преподал урок выдержки английскому правительству, охлаждая его праведный антибольшевистский пыл. Поощрять “бегство” из России, внушал он своему союзнику, значит создавать немало моральных и правовых проблем. Политика Вашингтона, готовившегося придать всем изменениям российского территориального пространства солидную международно-правовую базу на мирной конференции, была одновременно рассчитана и на то, чтобы сохранить симпатии русских людей. Такова была линия президента, и Лансинг научился ее понимать. Госсекретарь

¹²⁴ См.: Colville Bareley to Robert Lansing. Oct. 31, 1918. “Estonia and Recognition of the National Council by his Majesty’s Government”. Records of the Department of State Relating to Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910–1929. 861. 0/2976–3220 // NA. Call 10-13-1 Microfilm. Ms16. Roll 17.

¹²⁵ Robert Lansing to Colville Bareley. Nov. 27, 1918 // Ibid.

¹²⁶ Saul N.E. Op. cit. P. 438; Foglesong D.S. America’s Secret War... P. 258–262.

мог бы добавить, что приход к власти большевиков не вызвал, казалось бы, естественной и однозначно негативной оценки В. Вильсона¹²⁷. В ней вера в собственную способность убеждать сочеталась с гуманистическими мотивами, холодной рассудочностью политика, склонного к многоходовым комбинациям, идущего к цели неспешно и необязательно самым прямым, для всех понятным путем. Религиозная святость, вселенский утопизм соединялись у Вильсона с реализмом в понимании той или иной конкретной ситуации, даром лицедея и умением скрывать свои подлинные намерения и фобии за завесой благовоспитанности, учестности и красноречия.

Снова вернемся к Булларду, благодаря дружбе с Хаузом хорошо осведомленному о настроениях в Белом доме. В августе 1918 г. в частном письме он признал, что все его беседы с полковником Хаузом накануне отъезда в Россию “вращались” вокруг вопроса о влиянии “русской революции на Балканский вопрос” и о том, какой хотели бы видеть США внешнюю политику России вообще. Собеседники (Хауз и Буллард) согласились, что к крайне нежелательному варианту следовало отнести возвращение к устойчивым, почти маниакальным попыткам царской дипломатии проникнуть на Ближний Восток и создать там свой плацдарм. В связи с этим вместе с яркими монархистами нелицеприятным отзывам удостаивались кадеты и их лидер (“один из самых яростных панджингоистов”) П.Н. Милюков. Оптимальным выглядел лишь вариант с сохранением того положения, которое сложилось к началу 1918 г.: Россия уходит из мировой политики на поколения вперед как самостоятельный субъект и переключается на свои внутренние дела, нимало не заботясь об остальном. Буллард с предельной откровенностью, граничащей с циничностью, выразил следующими словами это пожелание увидеть российскую политику в состоянии анабиоза, отказавшуюся от традиционных внешнеполитических приоритетов и жесткого административного диктата над регионами: “Сегодняшняя Россия, – писал он, – ни-

¹²⁷ Лансинга (и не его одного) поначалу раздражала снисходительность и, как казалось, беспечность, с которыми Вильсон рассуждал о большевиках. Ради разъяснения своей позиции Вильсону приходилось прибегать к аргументам “от исцеления страданием”. Выше говорилось о мировоззренческих истоках особой толерантности Вильсона к революционирующему миру. В знакомой ему роли проповедника и педагога Вильсон чувствовал себя уверенно. 16 октября 1918 г. он заявил главе английской разведки в США сэру У. Вайсману: “Моя политика по отношению к России очень похожа на мою мексиканскую политику. Я полагаю, что им (большевикам. – В.М.) следует дать возможность найти собственный путь к спасению, пускай даже после погружения на какое-то время в состояние анархии” (*Fowler W.B. British-American Relations, 1917–1918: The Role of Sir William Wiseman. Princeton, 1969. P. 283–290.*)

чего не хочет для себя за пределами своих старых границ – она даже не слишком озабочена сохранением самих этих старых границ”¹²⁸.

Однако развитие событий перечеркнуло расчеты, причем это произошло вскоре же после того, как они были озвучены в выступлении Вудро Вильсона в Конгрессе 8 января 1918 г. Сценарий с децентрализацией российской государственности при сохранении (за вычетом Польши и Финляндии) границ страны в основном в пределах довоенного контура и отказ от притязаний на роль одной из ведущих держав в мировом сообществе были опрокинуты чередой кризисов и полной сменой декорации на политической сцене России в связи с окончанием мирной передышки. В какие-то считанные недели власть перешла от квазидемократии к сверхдиктатуре военного коммунизма¹²⁹, от сверхтерпимости к местному сепаратизму и национальному отгораживанию, к жесткому подчинению национальной и региональной политики задаче восстановления территориальной целостности и централизованному управлению периферией бывшей империи.

Уже в январе 1918 г. в полной мере сказалось кумулятивное угнетающее действие объявления большевиками кадетской партии “вне закона” и разгона Учредительного собрания. Либеральная часть общественного мнения США восприняла его как смертельный удар по парламентаризму и поворот большевиков к авторитарным бонапартистским методам управления как прямой вызов себе. Ратификация Брест-Литовского договора IV Всероссийским съездом Советов в середине марта 1918 г. вызвала еще больший шок: в одностороннем порядке Россия позорно капитулировала на условиях Германии, предав союзников и вступив в сговор с Берлином и Веней. Никто не хотел вникать в проблемы русской революции. Трактовка беспримерного шага российских якобинцев была совершенно однозначной – антиантантовская партия сдалась на милость Вильгельму, пожертвовав остатками

¹²⁸ Arthur Bullard to Leonora L.S. Bagg. Aug. 26, 1918 // S.G. Mudd Library. Arthur Bullard Papers. Box 8. Суть российского выбора (если судить по его запискам) виделась Булларду в коллизии двух начал во внешнеполитическом мышлении новых лидеров страны. Победить могла либо традиционная имперская идеология, либо образцово оппортунистический курс в духе последовательного коллаборационизма с Западом. Иного было не дано (*Arthur Bullard*. “Memorandum on the Russian Situation”. July 19, 1918 // *Ibid*. Box 6). Ради спасения шанса влиять на Россию в духе сотрудничества с демократиями Запада, Буллард предлагал Белому дому заявить (и сделать это многократно) о сочувствии большевистскому эксперименту в его попытке добиться благополучия народа нетрадиционными методами.

¹²⁹ Гражданская война в России: перекресток мнений. С. 133–173; Булдаков В.П. Красная смута. С.172–246.

суверенитета страны и будущим демократии. Россия не просто выходила из войны, она вверяла свою судьбу иностранному тираническому режиму, терпящему лишь себе подобных и потому незаинтересованному в укреплении едва лишь проклюнувшихся демократических тенденций. Отчасти именно это предопределило повышенный накал стремительно набравшей силу антикрасной истерии 1918, 1919 гг. в США. Тевтонская военщина в глазах американцев нашла себе послушную агентуру в лице большевиков, которыми она могла понукать и вертеть как угодно. Появление “документов Сиссона”¹³⁰ (неуклюжая попытка представить Ленина платным агентом германского Генерального штаба) предстало как спонтанный акт возмущенного сознания, отвергавшего измену союзническому долгу и нежелание считаться с интересами собственного народа в угоду инстинкту самосохранения кучки новоявленных лидеров.

Но самой большой неожиданностью было перевоплощение большевиков из сторонников идеи “свободного самоопределения” народов в фанатиков тотальной централизации и знаменосцев “объединительного движения”, выбившего почву из-под ног у традиционных адептов великодержавия – монархистов, октябристов, кадетов, социал-патриотов и т.д.¹³¹ Интуиция на этот раз обманула Вудро Вильсона, и не только его одного¹³². Ленин явно не чувствовал себя связанным обещаниями – обеспечить максимум самостоятельности для национальных, областных и прочих образований, входивших в состав России, тезис о классовом единстве

¹³⁰ О документах Сиссона см.: *Saul N.E.* Op cit. P. 224–226, 273–275, 348–349. обстоятельный разбор всех версий появления документов Сиссона дан в книге проф. Г. Соболева «Тайна “немецкого” золота». (М., 2002).

¹³¹ *Будakov В.П.* XX век российской истории и посткоммунистическая советология // Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? М., 1993. С. 29, 30.

¹³² Кадет А.С. Изгоев, один из самых последовательных и непримиримых критиков и обличителей большевизма, в некотором противоречии с самим собой писал в конце 1917 г., что вопреки всеобщим ожиданиям большевизм не порвал с традицией подчинения периферии империи всемогущему центру при “формальном отсутствии царей”. «Как на последнее сходство большевизма с самодержавием, – не без внутреннего удивления открывшейся ему параллели утверждал он, – указывают, что, начав с провозглашения “полного самоопределения вплоть до отделения” всех наций и народов, большевизм на практике, при первом же столкновении с жизнью, выступил резким врагом всякого национального и областного самоопределения и самоуправления. Факт этот действительно замечательный и имеющий огромный интерес» (*Изгоев А.* Страшные уроки 1917 года... // Дружба народов. 1994. № 3. С. 199). Уловить, когда Вильсон распознал скрытый гиперцентризм большевиков в государственном строительстве, непросто, скорее всего, это произошло вслед за поражением в феврале 1918 г. антибольшевистских сил в “Южной Вандее”, на Дону и на Кубани.

пролетарско-крестьянских масс потеснил рассуждения об автономии и самоуправлении территорий.

Более того, приглушение доктринальных лозунгов сопровождалось лобовой атакой на сепаратизм, национальное обособление и областничество. Условия Гражданской войны, развернувшейся повсеместно, облегчали применение методов принуждения к единству в духе военного деспотизма, хотя и с сохранением атрибутики национально-культурной и национально-государственной автономии. По мере расширения и ужесточения братоубийственной войны в национальной политике большевиков все сильнее проявлялись черты унитаризма, понимаемого как интернационализм самой высокой пробы. Правда, никто из них не трактовал лозунг “единая и неделимая Россия” в отрыве от признания самоценности федералистского устройства страны. Однако смысл этой по-гегелевски двуединой формулы некоторое время ускользал от многих. События, связанные с необычайным по легкости предоставлением большевистским правительством в Петрограде независимости Финляндии (конец декабря 1917 г.)¹³³, побуждали верить в обманчивую простоту решения главного вопроса, каким быть государственному устройству России.

Еще 1 января 1918 г., по-видимому, находясь под впечатлением этого по необходимости добровольного шага по пути демонтажа империи, Вудро Вильсон в записке Роберту Лансингу, одобрительно отозвавшись об английской программе скоординированного взаимодействия союзников с “различными полуавтономными провинциями” России (Украина, казачьи области Юга, Финляндия, Сибирь, Армения, Грузия)¹³⁴, высказался в поддержку “неофициальных отношений с большевиками”¹³⁵. В его представлении одно вполне совмещалось с другим. Но ближе к весне стало очевидно, что большевики не согласятся быть участниками плавного перетекания властных полномочий от Центра к периферии, национальной или областной, в уплату за “внебрачные” связи, материальную помощь и любые другие знаки внимания. Более того, они действовали в точности до наоборот тому, чего от них ожидали, используя для создания советской государственности в национальных районах чаще всего Красную Армию¹³⁶. В середине января 1918 г. большевики распустили крымско-татарский курултай, а его лидеров подвергли репрессиям.

¹³³ Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–1995. М., 1998. С. 111–114.

¹³⁴ PWW. Vol. 45. P. 417–419.

¹³⁵ Ibid. P. 417.

¹³⁶ См.: Поляков Ю.А. Гражданская война: взгляд сквозь годы // Гражданская война в России: перекресток мнений. С. 287.

В начале февраля был положен конец автономного Башкурдистана во главе с Валидовым, идеологом “суверенитетов”, выступавшим за суверенитет только башкирского народа. Почти одновременно большевиками была ликвидирована Кокандская автономия. Только месяц смогла просуществовать с тем, чтобы уступить свое место учрежденной декретом Наркомнаца в конце марта 1918 г. Татаро-Башкирской Советской республике Идель-Уральская Советская республика (ИУСР)¹³⁷. Лидеры последней предпочитали называть входившие в республику административные единицы “штатами”, подчеркивая тем самым, в какую сторону склоняются их симпатии и где они ищут пример для подражания.

Таким образом то, что произошло в эти считанные недели и месяцы зимы и весны 1918 г., полностью поменяло физиономию политических сил, действующих на территории постсамодержавной России – большевиков, их многочисленных врагов из лагеря правых и левоцентристов, националистов и союзной “диаспоры” в лице представителей дипломатических служб, разведки, пропагандистского аппарата и т.д. Стало ясно, с чем (и с кем) каждый из них имел дело. Туман рассеялся, неопределенность исчезла, обозначились главные цели основных фигурантов разыгравшейся на просторах России трагедии. Приручить неистовых радикалов не удалось. Процесс оказался неуправляемым. И вот уже в марте 1918 г., в тот самый момент, когда большевистские лидеры погрузились в жестокие дебаты о ратификации Брест-Литовского договора, Вудро Вильсон оставил мысль рассматривать правительство большевиков *de facto* представляющим народ России и правомочным осуществлять государственное управление и национальную политику. Стремясь найти достойное обоснование возможному вмешательству в российские дела вместе с японцами (давление со стороны последних все усиливалось), Вудро Вильсон наставлял уже чиновников госдепа – проводить жесткую грань между русским народом (“настоящими русскими”) и его правителями-большевиками: “Русские люди во всех отношениях наши друзья и союзники в борьбе против общего врага”, нынешний же радикальный режим заслуживает лишь одного – полного игнорирования. “Фактически, – заявил Вильсон, – не существует никакого русского правительства, с которым можно было бы иметь дело”. А поскольку Соединенные Штаты никогда не признавали “так называемое советское правительство”, то, следовательно,

¹³⁷ *Исхаков С.М.* Первые шаги Совнаркома и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира: Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1998.

они не признают и никаких правовых или любых других актов, исходящих от него¹³⁸.

Рубикон был пройден, мосты сожжены, Вашингтон сделал большой шаг, как пишет известный американский историк Бетти Миллер Антербергер, навстречу “роковому решению 6 июля 1918 г.”¹³⁹ Вопреки провозглашенным им самим принципам родоначальник “новой дипломатии” сделал выбор в пользу интервенции. “Официальный американский комментарий” к “14 пунктам” Вильсона, подготовленный в сентябре–октябре 1918 г. в недрах Исследовательской группы и уже трактующий территориальную целостность новой России как изменяющуюся субстанцию, как нечто непостоянное и условное¹⁴⁰, скорее подтверждает, чем опровергает упрек, брошенный Вильсону Буллитом и Фрейдом в их трактате о психологическом портрете президента в связи с его отказом лично обеспокоиться “о мире в России и с Россией”¹⁴¹.

¹³⁸ *Woodrow Wilson to F. Polk*. Mar. 10, 1918 // S.G. Mudd Library. Robert Lansing Papers. Box 4.

¹³⁹ *Unterberger B.M.* The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. P. 216.

¹⁴⁰ См.: Архив полковника Хауза: В 4 т. / Ред. Ч. Сеймур. М., 1937–1944. Т. IV. С. 151–153.

¹⁴¹ *Фрейд Э., Буллит У.* Указ соч. С. 241.

Глава III

НОВЫЙ КУРС ИЛИ СТАРЫЙ КУРС? ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В РЕАЛИЯХ ВЕРСАЛЬСКО- ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ

Письмо немцу Фернау

Российская внешняя политика перед началом и в течение Первой мировой войны испытывала последствия тяжелого военного поражения в русско-японской войне, которая привела к территориальным потерям и ясно продемонстрировала, что страна находится в плачевном состоянии. Россия вынуждена была вести дела с позиции слабого, следствием чего стало изменение внешнеполитического курса в сторону оборонной дипломатии. В глазах критически мыслящей русской публики катастрофическое запаздывание страны в решении назревших задач модернизации предопределило невыразительное, а часто и провальное ее выступление на мировой арене. Позиции империи как влиятельного фактора в мировом балансе сил оказались серьезно подорваны. На их восстановление должны были уйти годы и годы. Европа при этом строила презрительные гримасы.

Америкой с каждым годом все сильнее овладевало желание “научить Россию цивилизации”, привив ей уважение к религиозным свободам и национальному равноправию¹. Акции русской военной машины котировались невысоко. Мукден и Цусима ускорили их падение и добавили симпатии Японии². По мнению Теодора Рузвельта, русские были не способны вести современную войну, равно как не в состоянии добиться мира. Будучи посредником на переговорах о мире в Портсмуте и действуя фактически в интересах политики “открытых дверей” в Китае, Теодор Рузвельт ставил перед собой задачу добиться такого мира, который

¹ См.: *Saul N.E. Concord and Conflict: The United States and Russia, 1867–1914.* Lawrence, 1996; *Fogleson D.S. The American Mission.* P. 43–45.

² *Bailey Th.A. America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Day.* Ithaca, 1950. P. 202.

бы устранил как “желтую, так и славянскую угрозу”. С характерной для него резкостью он называл представителей санкт-петербургской знати “безнадежными созданиями”, которые действуют с китайской или византийской тупостью. Они вели, как он полагал, “двойную игру” против друг друга, сообразуясь исключительно с собственными предрассудками. Даже царь Николай II, к которому Рузвельт обращался напрямую, в его понимании был “нелепым, жалким существом”³.

Первая мировая война поделила мировую политику и дипломатическую практику на две неравные составляющие. С развалом старых имперских систем, выходом на авансцену политики десятков малых стран и обретением особого веса общественным мнением возник феномен “открытой дипломатии”. Осуждены были традиционные методы и приемы блоковой политики, секретных договоров и односторонних действий. Большевики захватили власть в России, исповедуя новую революционную доктрину социальных изменений, провозгласившую “освобождение” масс и право народа не только быть хозяином собственной судьбы, но и с чистого листа наладить отношения с окружающим миром. Громко было заявлено о намерении посредством революционной диктатуры трансформировать Россию и весь мир в Мировую Республику Труда.

В первые дни революции большевики без всякого почтения отнеслись к наследию, формам, процедурам или каким-либо общепринятым нормам традиционной дипломатии. И они, как добавлялось, не могли считаться с внешней политикой и дипломатией царской России – империалистической, жадной, позорной, недемократичной и вдобавок ко всему контролируемой коррумпированными элементами старой аристократии. По-другому как будто и быть не могло. Прорекларированные революционные цели партии, строящей новый мир, включали создание международной системы, базирующейся на братстве и сотрудничестве свободных народов, между которыми не будет войн, соперничества из-за колоний, торговли оружием, тайных интриг, интервенций и заговоров. Дипломатия должна была быть предельно приближена к субъекту народовластия посредством прямого обращения к демократическим низам по поводу дел, касающихся других стран и правительств. Поэтому предавались гласности секретные договоры, расторгались обязательства по долгам, разрывались сложившиеся каналы связи, замораживались банковские вклады. На первых порах придавалось особое значение примату идеологии

³ Ibid. P. 202–203; Dallek R. *The American Style of Foreign Policy. Cultural Politics and Foreign Affairs*. N.Y., 1983. P. 55–57.

во всех мировых делах, подчеркивалось значение эпохальной и непримиримой борьбы между капитализмом и коммунизмом, которая в конце концов трансформирует старый международный порядок в принципиально новую идеологически однородную бесконфликтную систему. Заявлялось, что революционеры могли бы легко найти друг с другом общий язык без формальностей и дипломатии, поскольку национальные государства растворятся в Мировой революции⁴. Статус идеологии был столь высок в ранний период советского государства, что некоторые наблюдатели сделали заключение, что большевики абсолютно не в состоянии приспособиться к жизненным реалиям и цивилизованным нормам⁵.

Поверхностный анализ мог, конечно, создать впечатление, что большевистский режим ворвался на международную арену, отменив дипломатию. Западная печать действительно изображала дело таким образом, как будто Ленин и Троцкий декларировали выход России из дипломатического сообщества и отказались от всех формальных и неформальных соглашений, которое царское правительство заключило с другими странами. Между тем цели большевиков были четко обозначены в Декрете о мире 8 ноября 1917 г., и сделано это было в духе терпимости к оппонентам и готовности начать переговорный процесс со всеми воюющими странами. То же можно сказать и о постановлении наркоминдела Троцкого, который двумя неделями позже опубликовал секретные договоры. Подстегиваемый революционным пафосом, он объявил об отказе от традиционной дипломатии и “ее интриг, законов и положений”, но пообещал начать “честную, народную, действительно демократическую внешнюю политику”. И еще. Одна из причин, которая побудила Ленина не выступать прямо против точки зрения Троцкого во время полемики вокруг Брест-Литовского мира (лозунг “Ни мира, ни войны”), заключалась в том, что многие члены Центрального комитета и советского правительства исповедовали намного более опасную точку зрения, призывая “к революционной войне” против империалистических стран без колебаний и передышки. Очевидно, что все это не предполагало отказа от цивилизованных методов поддержания конта-

⁴ *Uldricks T.J. Diplomacy and Ideology. The Origins of Soviet Foreign Relations, 1917–1930. L., 1979.*

⁵ Т. Ульдрик писал: «В первые дни советского режима концепция “большевистской дипломатии” представлялась невероятной и друзьям, и врагам революции. Могли ли революционеры-бомбометатели вдруг надеть полосатые штаны и сесть пить чай с представителями империализма?» (*Uldricks T.J. The Soviet Diplomatic Corps in the Chicherin Era // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1975. 23. 2. S. 213.*)

ктов с внешним миром⁶. Воинственная риторика пополам с пацифизмом в стиле Вильсона скорее предназначалась и для внутреннего и для внешнего потребления. Кого-то она, разумеется, должна была напугать, а кого-то подтолкнуть к смягчению экономической осады и поиску компромиссов.

Троцкий осенью 1922 г. в беседе в Кремле с Эдуардом Эррио, ставшим вскоре премьер-министром Франции, говорил в порыве откровенности, что лишь слепая враждебность Антанты вынудила Россию договариваться с Германией сначала в Брест-Литовске, а затем в Рапалло. Ряд других высказываний представителей советской верхушки показывали, что их реальные действия очень отличались от революционной риторики. В связи с этим заслуживает специального внимания ленинский “Ответ Герману Фернау (Hermann Fernau)”, впервые опубликованный в конце 1917 г. или в начале 1918 г. Он был составлен как отклик на “Открытое письмо немца господину Ленину”, опубликованное в “Le Journal de Genève” 18 декабря 1917 г., автор которого – республиканец жил в Швейцарии. В письме Герман Фернау обращал внимание лидера большевиков на то, что он именовал “противоречивостью” ленинской позиции. В обращении к правительствам и народам от 15 ноября 1917 г., недоумевал Г. Фернау, советское правительство призывает рабочих воюющих наций присоединиться к Советской России в ее попытках “добиться освобождения рабочих и эксплуатируемых масс от рабства и эксплуатации”; но одновременно советское правительство повело себя оппортунистически, вступив в переговоры с правительствами и военным командованием Германии и Австро-Венгрии.

История сохранила много “открытых писем”, адресованных политическим лидерам. Как правило, они оставались без ответа. Но Ленин счел необходимым ответить Г. Фернау в статье, которая была опубликована в женевской “La Nation” 5 января 1918 г. (№ 31). Ленин оправдывал свои действия, заявляя, что большевистское обращение к народам добиваться мира осталось без ответа, потому что их монархические и псевдodemократические правительства

⁶ Свою позицию, связанную с решением пойти на мирные переговоры с немцами в Брест-Литовске, Троцкий и Ленин стремились согласовать с представителями США и Англии в Петрограде. Как это подтверждают новые архивные документы, в январе–марте 1918 г. у них состоялся ряд встреч с высокопоставленными сотрудниками посольства США – У. Джайлсоном, Дж. Раггсом, Ф. Риггсом, представителем Американского Красного Креста Р. Робинсом, в ходе которых обговаривались условия прекращения переговоров и сохранения Восточного фронта (*Saul N.E. War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, 2001. P. 240, 241; см. также: Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк 1921–1929. М., 2006. С. 75).*

лишили их свободы слова. Между тем, большевики, оставаясь на почве “реальных отношений”, обязаны думать о спасении собственного народа, который отчаянно нуждается в мире. Если же другие народы еще позволяют себя убивать, то нет причин, что лишь только поэтому русские будут поступать аналогичным образом из солидарности⁷, т.е. продолжать воевать, отказываясь использовать любой шанс для переговоров о мире.

Этот документ очень важен, поскольку указывает на трезвый подход большевистского лидера к альтернативе развития и на его оценку политического потенциала русской революции. Эта позиция глубоко коренилась в ленинском мировоззрении и прагматизме. Теодор фон Лауе в книге “Мировая революция вестернизации” замечает: «...предъявляя претензии на лидерство через посредничество Коммунистического Интернационала в ходе этой мировой революции вестернизации, Ленин осознавал, каковы реалии отсталости России и других регионов мира. Подобно антигерою Достоевского, возвышающемуся над дощатым настилом патриотизма, Ленин признавал, особенно в последние месяцы своей жизни, что только западноевропейский пролетариат – настоящий “наследник” капитализма – обладает способностями, необходимыми для того, чтобы построить социалистический мир. В этом смысле Западная Европа, в его представлении, все еще сохраняла доминирующее влияние»⁸.

С присущей ему целеустремленностью Ленин занялся выстраиванием внешней политики страны, которая никак не вязалась с образом, запечатленным в десятках свирепых и всегда звероподобных карикатур на него в периодических изданиях Запада. Безусловно, этот подход представлял собой не только критику, но и осуждение нового в тогдашней его “версальской” форме; это было, как говорил Г. Николсон, “что-то еще”. Объявляя войну “классово-ограниченным” ценностям и бюрократическому стилю российской и европейской дипломатии, Ленин тут же предлагал осмотрительный курс по отношению к тем странам, которые официально или неофициально признавались могущими быть полезными для революции. Германия в этом перечне занимала особое место. Оставаясь всегда убежденным в превосходстве американской экономики, Ленин с самого начала своей деятельности на посту председателя правительства проводил многоуровневую дипломатию и по отношению к США. Она включала в себя налаживание контактов с демократическими деятелями, прессой, бизнес-

⁷ Ленинский сборник. М., 1980. Т. XXXIX. С. 183.

⁸ *Laue von Th.H.* The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N.Y., 1987. P. 65.

менами, предложения вернуть российский долг, апелляцию к либеральным, демократическим, эгалитаристским принципам “отцов-основателей”, попытки сыграть на противоречиях в отношениях между Соединенными Штатами и Японией⁹. При случае, мобилизовав все свое красноречие, с целью добиться признания большевистского режима, он прибегал к сравнениям между американской и русской революциями¹⁰.

Многим американским визитерам ленинские аргументы представлялись и убедительными, и привлекательными, поскольку эти аргументы были рассчитаны произвести впечатление на прагматически мыслящих американских бизнесменов и политиков, которые рассматривали Россию в качестве ресурсной базы для бурно развивавшейся американской экономики. Роберт Лансинг – госсекретарь Соединенных Штатов – часто негодовал по поводу “недальновидности” некоторых соотечественников, именно поэтому-то и симпатизировавших ленинским проектам русско-американского сотрудничества. Обескураженный в сентябре 1919 г. попытками У. Буллита (активно отстаивавшего мягкий подход к большевикам) расхвалить гибкость и сговорчивость большевиков по многим международным вопросам и контактам с США, он писал: “Он (Буллит. – В.М.) был взбешен, потому что мы (Вильсон и Лансинг. – В.М.) не позволили ему добиться всеобщей известности публикацией его отчетов о России, которые столь благоприятны для большевиков...”¹¹.

С момента восстания в Петрограде большевистские вожди склонны были видеть в Соединенных Штатах самое ненадежное звено в суживающемся вокруг новой России кольце враждебного окружения. Некоторые большевистские лидеры до осени 1918 г. отмечали, что американские либералы настроены “антиимпериалистически” и даже достаточно радикально, чтобы верить в реальность партнерства США и новой России. Не случайно в январе 1918 г. Ленин серьезно рассматривал возможность назначения социалиста и гарвардского выпускника Джона Рида представителем советского правительства в Америке. Однако зная, что американский посол Дэвид Френсис продемонстрировал значительную толерантность в отношении многократно изменявшихся составов Временного правительства и что он сумел наладить диалог с умеренным социалистом А. Керенским¹², Ленин изменил свои намерения. По его поручению

⁹ *Foglesong D.S. America's Secret War against Bolshevism. P. 274; Дьяконова И.А. Русские долги и Запад. М., 2008. С. 25.*

¹⁰ *Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 36. С. 330.*

¹¹ *R. Lansing to J.W. Davis. Sept. 21, 1919 // S.G. Mudd Library. R. Lansing Papers. Box 5.*

¹² *Foglesong D.S. Missouri Democrat in Revolutionary Russia // Gateway Heritage. Winter 1992. P. 39f; см. также: Dollars and Diplomacy. Ambassador David Rowland Francis and the Fall of Czarism, 1916–1917 / Ed. by J.H. Cockfield. Durham, 1981.*

8 июня 1918 г. Г.В. Чичерин предпринял зондаж, информировав Френсиса, что советское правительство было бы радо получить согласие Вашингтона на назначение М.М. Литвинова официальным представителем Советской России в Америке¹³. Ленин надеялся, что личность Литвинова удовлетворит Вашингтон без каких-либо дальнейших необходимых объяснений. Литвинов – тогда глава американского департамента комиссариата иностранных дел – каждой встречей с американцами демонстрировал готовность советского правительства пойти на всевозможные уступки Соединенным Штатам (особенно экономические), предоставив им все преимущества по сравнению с другими зарубежными странами. Это был реальный отход (по крайней мере, частично) от линии предшественников, с их желанием поторговаться и прийти на мирную конференцию с территориальными притязаниями.

Правительство США отклонило все инициативы и 6 июля 1918 г. приняло роковое решение об интервенции. Тем не менее, в мае 1919 г. Литвинов в полном соответствии с общей позицией Совнаркома указывал, что большевики стоят за установление самых широких контактов: “...даже в течение прошедшего года интервенции, – писал он Л.К. Мартенсу в Америку, – наше отношение к американским официальным и неофициальным представителям было отличным от отношения к представителям других союзников. Мы не упустили случая отмечать наше особенное желание войти в контакт с Америкой”¹⁴. Он мог бы добавить, что для достижения своих целей советское руководство было готово использовать секретную дипломатию.

В связи с этим заслуживает упоминания тот факт, что, помимо встреч с американцами, имевшими явную антифранцузскую тональность, Троцкий провел ряд встреч со специальным агентом

¹³ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 483. Оп. 246. Д. 1. П. 8. Л. 31.

¹⁴ Советско-американские отношения: Годы непризнания 1918–1926. М., 2002. С. 101. Известный американский историк русско(советско)-американских отношений Норман Сол, специально останавливаясь на “мирной инициативе” советского правительства в конце декабря 1918 г., подробно пишет о поездке М.М. Литвинова в Париж с целью довести до сведения участников Парижской мирной конференции и прежде всего В. Вильсона стремление московских властей – провести переговоры с “версальцами” по широкому кругу вопросов. Литвинов имел трехдневные встречи в Стокгольме с видным американским дипломатом У. Баклером, уполномоченным президентом США и премьер-министром Англии встретиться с Литвиновым на полдороге в Париж. Они прошли в неформальной атмосфере, а посланец большевиков продемонстрировал отменный стиль опытного переговорщика и явное желание добиться примирения с союзниками. Результаты переговоров были доведены до сведения Вильсона и Ллойд-Джорджа. По их же указанию им не дали хода, а Литвинов вынужден был вернуться в Москву (*Saul N.E. War and Revolution*. P. 357, 358).

британского правительства с очень неясными полномочиями Р.Х.Б. Локкартом. Хотя и Кэ д'Орсе, и Вашингтон реагировали неодобрительно на эти беседы, Лондон показал себя в них заинтересованным. В результате имел место секретный обмен мнениями¹⁵. Важно отметить также, что в то же самое время советские официальные лица вели переговоры и с другим двойным агентом, который действовал, как уверены некоторые исследователи, с одобрения своих германских покровителей. Его имя – Сидней Рейли. Первый визит в Москву в мае 1918 г. он нанес Бонч-Бруевичу – советнику Ленина. Он также встречался с Львом Караханом, заместителем советского наркома иностранных дел¹⁶.

Таким образом, несмотря на декларативное стремление проводить “открытую дипломатию” и неприятие неидеологической мотивации действий в своих отношениях с Атлантой, большевики в самого начала с головой погрузились в сложные интриги с целью создать наиболее благоприятные условия для собственного выживания, дипломатического признания советской власти и в конечном счете реинтеграции Российского государства в мировое сообщество всеми возможными способами. До конца, постоянно наталкиваясь на демонстративно враждебную линию дипломатии Вашингтона, Ленин избегал упоминать Америку в инвективах по части “мирового империализма”. Он все еще исходил из того, что Соединенные Штаты были “наиболее демократической республикой в мире, прославившейся революционным эгалитаризмом”. 2 сентября 1918 г., незадолго до того, как основная часть американских войск достигла Архангельска, новый наркоминдел после ушедшего в отставку Троцкого Г.В. Чичерин вновь доверительно разъяснил американским дипломатам, что, в то время как советское правительство предпринимает действия против англо-французских интриг и интервенции, “по отношению к американским гражданам мы занимаем совершенно отличную позицию”. Хотя Америка “была вовлечена союзниками в участие в интервенции, – заключил Чичерин, – ее решение не рассматривается нами как окончательное”¹⁷.

¹⁵ Carley M.J. *Revolution and Intervention. The French Government and the Russian Civil War 1917–1919*. Kingston; Montreal, 1983. P. 43.

¹⁶ Spence R.B. Reilly: *Master Spy // A Weekend With the Great War / Ed. by S. Weingartner. Wheaton (Ill.), 1996. P. 132.*

¹⁷ National Archives of the U.S. Records of the Department of State Relating to International Affairs of Russia and the Soviet Union, 1919–1929. Vol. 19, 20; 281. 0/2976-3220: *De Witt C. Poole to R. Lansing*. Sept. 4, 1918. Должен быть упомянут еще один интересный факт в связи с так называемым “бегством послов” из

Препятствий на пути к цели буквально с каждым днем становилось не меньше, а больше. Военная интервенция могла бы вызвать окончательный разрыв. Тем не менее лидеры большевиков надеялись, что Соединенные Штаты не исчерпали ресурс толерантности к советскому режиму и помогут ему выбраться из “железного кольца”, поскольку Америка, как считалось, больше других нуждалась в рынке для своих товаров и выгодных инвестициях. Нота Чичерина, направленная Вильсону 24 октября 1918 г., – яркое свидетельство не угасших надежд на возобновление контактов и весьма наивных ожиданий, что “прогрессиста” Вильсона можно “перенацелить” на борьбу с капитализмом¹⁸. Ленин полагал, что США заинтересованы в ослаблении английского и французского влияния в Европе и в подготовке к “неизбежной” войне с Японией. Следовательно, им нужны вспомогательные инструменты. Накануне Рождества в декабре 1918 г. советское правительство попыталось еще раз разыграть “американскую карту”. Тогда по поручению Г.В. Чичерина Литвинов направил еще одно примирительное письмо Вильсону. Как и в предшествующих посланиях, Литвинов попытался сыграть на американских экономических интересах. В нем говорилось, что Советская Россия готова “пойти на любые уступки” и обратиться за советом извне по поводу “использования ее природных богатств”. Несомненно, еще более компли-

Советской России в июле 1918 г. Советское правительство использовало все доступные ему средства, чтобы предотвратить этот не сравнимый ни с чем оскорбительный акт. Оно было готово поддерживать контакты с обидчиками, несмотря даже на понижение официального статуса московского режима. 24 июля 1918 г. второй секретарь американского посольства Норман Армор был приглашен в комиссариат иностранных дел, чтобы выслушать российское обращение. Из “Отчета о переговорах с мистером Чичериным 24 июля 1918 г.”, написанного Армором, следует, что Чичерин высказался абсолютно ясно: “Я ответил, – писал Армор, – что отъезд посла может также повлечь за собой отъезд консула из Москвы. Он (Чичерин) выразил надежду, что этого не случится. Он просил меня проинформировать американское правительство о том, что лишь обстоятельства, которые советское правительство не могло контролировать, вынудили его настаивать на перемещении послов из Петрограда в Москву. Если они предпочли тем не менее покинуть Россию, советское правительство чрезвычайно сожалеет об этом и одновременно выражает искреннее желание, чтобы это не привело к каким-либо изменениям в отношениях, существовавших до того между американским правительством и Советской республикой” (Ibid. 861. 0/2976-3220: *Roger Wells to Basil Miles*. Oct. 17, 1918).

¹⁸ Важные соображения по поводу усилий Г.В. Чичерина наладить взаимовыгодные отношения России и США после окончания мировой войны и в послевоенный период см.: *Романов В.В.* Вильсонизм в оценках Г.В. Чичерина // Чичеринские чтения / Отв. ред. А.Г. Айрапетов. Тамбов, 2003. С. 50–64; *Кубышкин А.И.* Американская тема в дипломатическом творчестве Г.В. Чичерина // Там же. С. 98–104.

ментарным для Вильсона был почтительный тон Литвинова. Советский дипломат не стал обличать лицемерие Запада. Литвинов пошел иным путем, выражая уверенность в доброй воле американского правительства и обещая от имени советского правительства воздерживаться от революционной агитации в западных странах после заключения мирного соглашения. В письме говорилось о стремлении русских людей к “экономической свободе, без которой политическая свобода для них бесполезна”¹⁹.

Упомянутые выше послания и демарши советских властей, возникшее недоумение и ожидания вокруг ноты Колби от августа 1920 г. и предстоящей смены вашингтонской администрации после президентских выборов в ноябре 1920 г. породили неполучившую и сегодня завершения интригу. Начало было положено заявлением Г.В. Чичерина от 10 сентября 1920 г. о необходимости и сверхсрочности установления нормальных, “мирных дружественных” отношений между двумя странами²⁰. То, что выглядело как очередной конфуз советской дипломатии, сыграло важную роль в ее постепенном высвобождении из-под груза утопий.

Крушение иллюзий в связи с крахом надежд на победоносные революции на Западе, осознание глубокой экономической взаимозависимости в мировом хозяйстве и России как его части – все это заставило советских лидеров отказаться от осуществления их программы-максимум “здесь и сейчас”. В результате они отодвинули ее на более позднее время и заодно пересмотрели, не афишируя публично, свое решение об отказе от традиционной дипломатии и разрыве с дипломатическим сообществом. Это был важный шаг от открыто агрессивного революционного наступления к оборонительной дипломатии. Ленин назвал эту политику поворотом к “мирному сожительству”.

О преимственности и традициях

Содержанием практической политики советского государства становилось возобновление нормальных отношений со всем остальным миром. В.И. Вернадский писал: “...корни коммунизма только отчасти в социальных построениях социализма – частью (они) в старой русской государственности”²¹. И новый комиссар

¹⁹ The Papers of Woodrow Wilson / Ed. by A.S. Link. In: 69 Vol. Princeton, 1966–1993. Vol. 53. P. 492–494.

²⁰ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. III. С. 176, 177; Мальков В.Л. США: от интервенции к признанию Советского Союза (1917–1933) // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 125–146.

²¹ Вернадский В.И. Я верю в силу свободной мысли // Новый мир. 1989. № 12. С. 213.

иностранных дел Г.В. Чичерин был призван стать тем человеком, которому предстояло установить некую преемственность между дипломатическими традициями имперской и советской России при сохранении всех идеологических отличий. Идеологи большевизма никогда не изменяли своей главной концепции, согласно которой упадок и крах капитализма как системы неизбежен, равно как неизбежно всеобщее стремление последовать “советскому примеру”. Но созданное ими внешнеполитическое ведомство прочно встало на позиции длительного сосуществования с “другими правительствами”²². Т. Ульдрикс писал в “Slavic Review”: “...Г.В. Чичерин и его сотрудники создали большой и эффективный комиссариат, чрезвычайно сходный с британским Форин оффис или Кэ д’Орсе по форме и функциям. Создание преданной и талантливой внешнеполитической службы, представители которой могли бы хорошо держаться на переговорах с наиболее опытными европейскими дипломатами, должно быть оценено как одно из величайших достижений революционного режима»²³. Ноша, оказавшаяся на плечах советской внешнеполитической службы и сформированного ею корпуса дипломатов действительно оказалась нелегкой. Однако их не покидала уверенность, что отношения между советским государством и “капиталистическим миром” могут неопределенное время находиться в состоянии относительного или даже устойчивого равновесия²⁴. При этом первостепенная задача формулировалась с чрезвычайной определенностью – обеспечить выживание советского государства во враждебном мировом окружении. Самооборона становилась непосредственной задачей. Другой было объявлено последовательное завоевание прочных позиций в мировой политике путем восстановления статуса великой державы.

Восстановление территориальной целостности России считалось третьей главной задачей. В связи с этим Роберт Такер предложил следующий очень важный комментарий: “Когда империя действительно стала распадаться под влиянием войны и революции, Ленин столкнулся с политической дилеммой. Как враг великорусского национализма он был склонен уважать право наций на самоопределение. Но как революционный государственный деятель он желал сохранить империю максимально больших размеров под управлением большевиков. Он не мог игнорировать

²² *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004. С. 102, 103.

²³ *Uldriks T.J.* Impact of the Great Purges on the People’s Commissariat of Foreign Affairs // *Slavic Review*. 1977. Vol. 36. June. P. 213–224.

²⁴ Российский центр изучения и хранения документов новейшей истории (РЦИХДНИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1962. Л. 12.

такие соображения, как, например, экономическая ценность бакинской нефтяной промышленности или стратегическая и политическая значимость Закавказья и Центральной Азии, населенных преимущественно неславянами, или огромную важность (со всех точек зрения) Украины... Он пытался разрешить эту дилемму, с одной стороны, подчиняясь сильному давлению в пользу признания отделения Польши, Финляндии и Балтийских стран, с другой стороны, пытаясь сохранить остатки громадной империи в интересах революции”²⁵. В качестве представителей первого социалистического государства и провозвестников Мировой революции советские дипломаты были призваны использовать противоречия и трещины в “империалистическом лагере”, не брезгуя арсеналом “нетрадиционных” средств и воспринимая все происходящее исключительно сквозь призму успеха в продвижении к конечной цели. Великодержавная идея вновь обрела практический смысл.

В дополнение ко всему прочему воспользовались еще одной идеологемой, унаследованной из прошлого: Советская Россия берет на себя миротворческую функцию, становясь плацдармом для борьбы с военной опасностью. Известная американская исследовательница советской дипломатии ранней поры Кэрол Финк особо подчеркнула в своем труде: «Искусно балансируя между левыми и правыми в партийном руководстве, Ленин определил новую форму противоречия между Востоком и Западом в 1921 г. Идеологические отличия между коммунистическим и капиталистическим мирами были временно растворены в практических экономических и политических дискуссиях; преобладающая враждебность между обеими сторонами преодолевалась громкими призывами к невмешательству, разоружению и миру. Несмотря на свою ясно осознаваемую отсталость, Советская Россия все еще обладала определенными преимуществами: ее материальные ресурсы манили западных капиталистов и государственных деятелей, а ее выпенренные заявления и амбициозные социальные планы привлекали либералов, левое крыло радикалов, безработных и недовольных. Под знаменем “мирного сосуществования”, которое не означало капитуляцию, ленинская Россия бросила новый вызов Западу»²⁶.

Некоторые исследователи убеждены, что заявленные высокие цели советской дипломатии, которая уверенно завоевывала авторитет, подрывались революционными лозунгами, взятыми

²⁵ *Tucker R.C.* Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality. N.Y., 1974. P. 242, 243.

²⁶ *Fink C.* The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921–1922. Chapel Hill, 1984. P. 8.

на вооружение Кремлем, осуществлявшим тайные зарубежные операции совместно с партиями Коммунистического Интернационала. Эти исследователи полагают, что такая институционалистская дихотомия оставалась главной неразрешимой проблемой советской внешней политики и дипломатии. Теодор фон Лауе, например, утверждал в одной из своих ранних работ, что “в открыто революционном обществе (каковым являлась Советская Россия. – В.М.) дипломатия была аномалией, противоречащей самой сущности режима”²⁷. Нельзя не принять во внимание эту точку зрения, она имеет право на существование. Однако недавно обнаруженные документы говорят и о другом. Более того, благодаря им становится понятно, что со времени нэпа ясно обозначилось возвращение к сверхидее державности как превалирующей тенденции в советской внешней политике²⁸.

Америка призвана была сыграть роль катализатора развития этой державности в ее новом обличье. Процитируем американского исследователя: «Вопреки рутинной точки зрения касательно того, что, захватив власть, они немедленно изолировали Россию от остального мира, советские лидеры активно добивались иностранного (и особенно американского) участия в просвещении русского народа и модернизации русской экономики. Формула большевистского лидера Ленина о том, что социализм возникнет из комбинации “советская власть + прусская организация железнодорожного транспорта + американская технология и менеджмент + американская система образования” была только одним из выражений стремления большевиков использовать американскую технику и соединить американскую ментальность с русским революционным духом»²⁹.

²⁷ *Laue von Th.H. Soviet Diplomacy: G.V. Chicherin. Peoples Commissar for Foreign Affairs 1918–1920 // The Diplomats, 1919–1939 / Ed. by G.A. Craig, F. Gilbert. Princeton; N.Y., 1953, P. 246.*

²⁸ Альфред Дж. Рибер в работе, на которую автор ссылался выше, провел даже аналогию между взаимоотношениями русских правителей с преемниками Золотой Орды или с Польшей в XVII–XVIII вв. и ролью Коминтерна в советской внешней политике. Он пишет: «Первоначально выдвинутая Лениным концепция существования независимых компартий была в корне пересмотрена Сталиным, последним из “степных” политиков. За время его пребывания у власти зарубежные коммунистические партии приобрели все отличительные особенности “русских партий”. Он с готовностью использовал их как пешек в борьбе за приграничные земли (особенно при соперничестве с такими державами, как Турция, Иран, Китай), а при необходимости жертвовал ими ради интересов Советской России» (*Рибер А.Дж. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 123).*

²⁹ *Foglesong D.S. The American Mission and the “Evil Empire”. P. 61.*

И Генуя, и Рапалло – вехи на пути переориентации советской внешней политики после поражения революций в Восточной Европе, провала коммунистического наступления в Германии и Финляндии, неудачной войны против Польши и коллапса “военного коммунизма” в России. Но реальным шагом к официальному признанию нового версальского европейского порядка (если использовать неформальный термин) стало заключение Рижского мирного договора 18 марта 1921 г. с Польшей. Несмотря на то что Москва была вынуждена принять много непопулярных в России положений этого договора, он устанавливал определенные основополагающие правила сосуществования и определенной территориальной стабильности в без преувеличения тогда в самом спорном регионе Восточной Европы. Советская Россия все еще подвергала сомнению политические и экономические условия Версальского договора (как и Германия, Соединенные Штаты, Италия и Япония), но письмо Г.В. Чичерина от 28 октября 1921 г. членам Верховного союзнического совета (Великобритания, Франция, Италия, Япония и Соединенные Штаты) свидетельствовало, что Москва стремится начать диалог с грандами мировой политики и с Лигой Наций³⁰. Согласие с условиями Американской администрации помощи (АРА, American Relief Administration), которые включали в себя особое требование – освободить американских заключенных в России и гарантировать полную самостоятельность для официальных лиц АРА на российской территории, также говорило о желании Москвы вести диалог. Администрация США отвергла его, сохраняя верность политике непризнания советского режима вплоть до 1933 г.

Москва посылала Западу и другие, еще более сильные сигналы: сокращение численности Красной Армии и обещание вернуться к традиционной, признанной роли российской дипломатии – роли посредника в разработке формулы европейской безопасности в форме всеобщего договора. С этой целью Советская Россия предприняла весной 1922 г. генуэзское мирное наступление. Ленин инструктировал советскую делегацию, требуя воздержаться от высказываний относительно неизбежности мировых войн и насильственном ниспровержении капиталистической системы. Он предлагал призывать к осуществлению широких пацифистских программ, включающих не только аннулирование всех военных долгов, но и расширение полномочий Лиги Наций, которая могла бы инициировать всемирный конгресс с целью установления всеобщего мира. Все это напоминало попытки

³⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. IV. С. 445–558. (Далее: ДВП).

правительства Николая II накануне Первой мировой войны завладеть дипломатической инициативой, выдвигая время от времени миротворческие предложения после внешнеполитического и военного провала в начале века. Мешала собственная непоследовательность и сопротивление Запада коммунистической угрозе.

Советская дипломатия стремилась прорвать блокаду. Чичерин вступил в переговоры с германскими властями в Берлине по пути на Генуэзскую конференцию и составил набросок договора, очертания которого обрели окончательный вид в Рапалло. Этот договор не сформировал основу для альянса и не содержал секретных пунктов или протоколов. Но, предусматривая установление дипломатических отношений с Германией, он знаменовал собой исторический прорыв³¹. Западная реакция на Рапалльский договор, которую Джордж Ф. Кеннан определил как “бурное негодование”, тем не менее зафиксировала важное явление: советская дипломатия вернулась в Европейский концерт и была готова вести политику, способную активно влиять на коалиционные действия ее противников, стремившихся сохранить санитарный кордон вокруг России³². Сложное и не лишённое византийских ухищрений маневрирование Ленина и Чичерина показало еще раз, что они оба вполне усвоили стиль успешного периода российской дипломатии после поражения в Крымской войне. Россия вновь “сосредоточивалась”, не упуская возможности предпринимать акции, создающие впечатление возвращающей себе силу и уверенность страны.

³¹ *Chossudovsky E.M. Genoa Revisited. Russia and Coexistence // Foreign Affairs, Apr. 1972. P. 557–562; Griffith F. Genoa Plus 51: Changing Soviet Objectives in Europe. Toronto, 1973.*

³² *Kennan G.F. Soviet Foreign Policy, 1917—1941. N.Y., 1960. P. 47.* Уместно привести еще один фрагмент из дневниковой записи В.И. Вернадского, сделанной летом 1924 г. в Париже и свидетельствовавшей отчасти о реакции русских эмигрантов на дипломатическую активность Советской России. Он писал: “Во внешней политике интересна энергия, инициатива и активность большевиков. Благодаря этому они получают значение... Минорский (знакомый В.И. Вернадского. — В.М.) говорил мне, что он считает, что *внешняя политика* (курсив Вернадского. — В.М.) большевиков за это последнее время преследовала все время интересы России” (*Вернадский В.И. Дневники 1921–1925 / Отв. ред. В.П. Волков. М., 1998. С. 133.*)

Глава IV

РАНДЕВУ ДВУХ ДИПЛОМАТИЙ. ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ И ПРЕДВОЕННЫЙ КРИЗИС 30-х годов

Соглашение Рузвельт–Литвинов в действии: трудности перевода

“...Данная Вам директива выжидания сохраняет полностью силу”, – сообщил народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов полпреду СССР в США А.А. Трояновскому в директивном письме 13 февраля 1937 г. Оно было ответом на настойчивые предложения посла Москве проявить ряд полезных инициатив с тем, чтобы не дать улетучиться духу сотрудничества, возникшего из встречи Ф. Рузвельта и М.М. Литвинова в ноябре 1933 г.¹ Цитируемая фраза из письма довольно точно передает процесс наведения мостов между СССР и США после восстановления отношений между ними в 1933 г. Почему общий выигрыш, полученный двумя странами в результате согласованной их правительствами разумной политики встречного движения к свиданию в Вашингтоне, не обернулся ожидаемым устранением с обеих сторон разного рода препятствий к последовательному углублению этого диалога в сфере национальной безопасности, дипломатического сотрудничества, экономики и культуры? Между тем объективная потребность такого взаимопонимания как будто сознавалась и той и другой стороной. Как объяснить этот парадокс – странную несговорчивость двух правительств, застигнутых врасплох волной бесчисленных международных кризисов, испытывавших естественную и оправданную тягу к скоординированным совместным усилиям, но, однако же, сохранявших значительную дистанцию между собой, вырастающую порой до размеров отчуждения и взаимонеприязни.

¹ Севостьянов Г.Н. Москва–Вашингтон: На пути к признанию 1918–1933. М., 2004. С. 341–359.

Ответить на поставленный вопрос – значит затронуть различные грани проблемы, от традиционно будничных мотивов недопонимания (имеющим быть на бытовом уровне нерасположения к “чужим” образу жизни и нравам) до устоявшихся ценностных идеологем в национальном самосознании. Сказалась и вся разница в военно-стратегическом мышлении политических элит, усвоенном на базе особого понимания постверсальской системы и в связи с конкретным опытом международных кризисов начала 30-х годов. Сегодня мы располагаем ценным материалом, позволяющим увидеть проблему еще с той стороны, которая была вообще недоступна длительное время исследователям. Никогда ранее так существенно не пополнялась источниковая база, объясняющая (при всех оговорках) процесс принятия решений Кремлем и советским дипломатическим ведомством, их восприятие Америки эпохи “нового курса”, глубины раскола в “управляющем” классе этой страны, оказавшейся в эпицентре Великой депрессии, политической ориентации ньюдиллеров и возможности идти на контакт с ними после 16 лет непризнания, разлада и обид.

Источники американского происхождения также обогатились архивными материалами из фондов многих политиков и дипломатов. С них был снят гриф “секретности”, и они оказались вовлеченными в научный оборот исследователями². И пока это остается преимуществом зарубежных историков. Однако существенно обновился свод российских источников ведомственной принадлежности³ благодаря публикациям Историко-дипломатического департамента МИД РФ, а также трудам Г.Н. Севостьянова, В.О. Печатнова, О.Н. Кена, А.И. Рупасова, В.В. Соколова, С.З. Случа, М.М. Наринского, Н.И. Егоровой, О.В. Хлевнюка, А.А. Фурсенко и др. Выход в свет в 2003 г. четвертого тома фундаментального издания по истории российско-американских отношений в XX в. под редакцией Г.Н. Севостьянова – подлинное событие по причине, в

² *Ruddy M.T.* The Cautions Diplomat: Charles E. Bohlen and the Soviet Union, 1929–1969. Kent (Oh.), 1986; *Mayers D.* The Ambassadors and America's Soviet Policy. N.Y., 1995; *MacLean E.K.* Joseph Davies: Envoy to the Soviets. Westport (Col.), 1992; *Brands H.W.* Inside the Cold War: Loy Henderson and the Rise of the American Empire. N.Y., 1991; *Abramson R.* Spanning the Century: The Life of W. Averell Harriman, 1891–1986. N.Y., 1992; *Dunn D.J.* Caught Between Roosevelt and Stalin. America's Ambassadors to Moscow. Chapel Hill, 1998 и др.

³ МИД РФ. Документы внешней политики 1939 г.: В 2 т. М., 1992; МИД РФ. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. М., 1998. Т. XXIII: В 2 кн.; *Stalin's Letters to Molotov.* New Haven, 1995 / Ed. by L.T. Lih, O.V. Naumov, O.V. Khlevniuk; *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах: Документальные очерки. М., 2006; *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными государствами (конец 1920 – 1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб., 2000.

частности, важной особенностью включенного в него корпуса материалов. Мало сказать, что том в основном содержит никогда ранее не публиковавшиеся документы из Архива внешней политики Российской Федерации, не менее важно и то, что они пополняют наши знания о живой (не формально-протокольной) истории советской дипломатии предвоенного периода, конкретно о той стороне ее “американского сегмента” в кризисные 30-е годы, в котором отражались преимущественно не практическая дипломатия, а сопутствующая ей буквально каждодневная аналитическая деятельность, поставляющая идеи, информацию, ориентировки для тактических ходов и стратегического планирования руководством НКВД и в итоге Кремлем⁴.

В томе собраны рабочие документы, предназначенные для сугубо внутреннего “потребления”, и среди них справочные материалы, проекты решений директивных органов, переписка по кадровым вопросам, а главное – изложение позиции американской стороны, как она виделась глазами советских дипломатов, равнодушных к успехам и неудачам политики рукопожатий. Все эти поистине уникальные материалы долгое время были “отрезаны” от исследователей, не позволяя рассмотреть (если вспомнить сказанное по этому поводу Люсьеном Февром, в связи с постижением дипломатических тайн) те “подспудные силы истории”⁵, которые вопреки многим благоприятным предпосылкам мешали установлению и развитию “искренне дружественных отношений и тесного сотрудничества между правительствами САСШ и СССР”, о чем говорил президент Рузвельт при вручении ему верительных грамот первым советским послом в США А.А. Трояновским 8 января 1934 г.

Скажем еще об одной особенности новых документов. Речь идет о неповторимой черте того времени, которая, создав некий фон для никак не близких, но вполне равноправных и в целом обоюдовыгодных отношений между США и СССР, отразилась на стиле дипломатических документов. Мировой экономический кризис своеобразным образом уравнивал экономически и в статусном отношении обе страны. Не в статистических данных, не технологически, а по не менее важным показателям темпов развития и масштабов модернизации, обновления жизни обеих стран, роста их оборонного потенциала и уровня самооценки населения. В одном случае, если иметь в виду США, Великая депрессия нанесла ощутимый урон “американской системе”, но вывела ее на

⁴ Советско-американские отношения. 1934–1939 / Под ред. Г.Н. Севостьянова. Сост. Б.И. Жилиев, Е.М. Зайцев, Л.М. Зайцева, В.И. Савченко. М., 2003.

⁵ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 55.

новые горизонты, в другом, – если иметь в виду СССР, она, отне-вив высокие темпы развития социализма, подняла престиж стра-ны, заставила говорить и писать о ней как о “русском чуде”⁶, в ре-кордный срок ставшей вровень с другими великими державами и располагавшей огромным международным авторитетом. В чем-то советская экономика догоняла забуксовавший вездеход техно-логически передового американского капитализма, а в отдельных случаях даже обгоняла его (наращивание разведки и добычи сырьевых ресурсов, кадрового потенциала, внедрение передового опыта в энергетике, на транспорте, в металлургии, осуществле-ние инновационных проектов в оборонной промышленности и т.д.)⁷. Должное впечатление на фоне европейской правительст-венной чехарды, хаоса и неразберихи производила стабильность сталинского руководства СССР⁸, хотя эти “великие переломы” вызывали неоднозначную реакцию даже левой части политиче-ского спектра США.

Экспериментальный характер общественных преобразова-ний, проводимых в директивном порядке сталинским руководст-вом в СССР и по причине банкротства старого капитализма в ре-жиме нового социального либерализма администрацией “нового курса” в США, ставили обе страны в положение конкурентов, со-ревнующихся за первенство в деле ускоренной модернизации, форсированной перестройки социальных экономических и госу-дарственных институтов. Сходство (может быть, весьма отдален-ное) декларированных целей – избавиться от пороков старого по-рядка и преодолеть зависимость маленького человека, рядовых граждан от слепой игры экономических сил – вызывало взаим-ный интерес, желание лучше понять друг друга. Характерно, что

⁶ *Wilson E. Travels in Two Democracies. N.Y., 1936; Filene P.G. Americans and the Soviet Experiment, 1917–1933. Cambridge (Mass.), 1967; Levering R.B. American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945. Chapel Hill, 1976.*

⁷ По этому вопросу см.: Источник: Документы русской истории. 2001. № 5. С. 56–66; *Есаков В.Д., Рубинин П.Е.* Капица, Кремль, наука. М., 2003. Т. 1 и др. “Посмотришь вблизи организацию промышленности, – писал П.Л. Капица жене в Англию 26 января 1935 г., – страшно становится от беспорядка, а на самом деле все это все же работает, растут города, заводы, ма-шины, как это никогда не было прежде” (*Успехи физических наук. 1997. Т. 167. № 12. С. 1352.*)

⁸ В беседе с глазу на глаз вновь избранного президентом США Франклина Рузвельта и госсекретаря уходящей администрации республиканцев Генри Стимсона 9 января 1933 г. данная черта советского строя фигурировала в каче-стве весомого довода в пользу восстановления отношений (см.: *Yale University. Sterling Memorial Library. Manuscripts and Archives. H.L. Stimson Papers. Diaries. Vol. 24–28. Reel 5. January 9, 1933, “Memorandum of Conversation with Franklin D. Roosevelt”.*)

в дипломатической переписке советского посольства в Вашингтоне с Москвой это проявлялось в сочувственной оценке “прогрессивных мероприятий Рузвельта”, “рузвельтовских социальных реформ”, “рузвельтизма”, поддерживаемого широкими массами народа, американским рабочим классом, “мощным прогрессивным блоком”⁹.

Развивавшийся диалог Рузвельта и ньюдиллеров (прямой и косвенный) с левыми и левоцентристскими общественными движениями, включение их в качестве “подъемной силы” в избирательный блок с самого начала создали ситуацию, в которой советская дипломатия неожиданно почувствовала себя в состоянии неформального контакта с Белым домом, президентом Рузвельтом и его ближайшим окружением¹⁰. О какой-либо идейной близости не могло быть и речи, но в Москве получили шанс увидеть американскую политическую элиту не в одномерном изображении, исключаящем полутона, какую-либо динамику и

⁹ Советско-американские отношения. 1934–1939. С. 688–693. Известные американские исследователи С. Хантингтон и З. Бжезинский в одной из своих ранних работ обратили внимание на параллельный процесс глубоких перемен в экономической и политической структуре американского и советского обществ в 30-х годах XX в. При всех различиях причины, вызвавшие эти изменения, по их мнению, существенно сказались на политическом руководстве, внеся много нового не только в стиль и методы принятия решений, дипломатическую практику, но и основательно преобразовав ту среду, в которой разрабатывался политический курс в обеих странах (*Brzezinski Z., Huntington S.P. Political Power: USA–USSR. Similarities and Contrasts, Convergence or Evolution. N.Y., 1965. P. 55*).

В этом наблюдении маститых авторов ощущаются отголоски весьма распространенной в 30-е годы в либерально-демократических кругах США неортодоксальной идее о сближении национальных приоритетов двух стран, скрытых под оболочкой идеологической риторики и пропагандистских клише. Она (эта идея) особенно явственно обозначилась в годы Второй мировой войны в манере общения американских деятелей новой формации с их советскими собеседниками. В ходе этих мини-рандеву как правило по инициативе американской стороны порой затрагивалась тема движения двух стран навстречу друг другу при одновременном “очищении” советского строя от тоталитарных черт, а американского капитализма – от родимых пятен нерегулируемого “промышленного феодализма” и равнодушия к простому народу. Сталин сам с некоторых пор взял за обычай отождествлять различные черты советского строя с лучшими образцами западных демократий (см.: *Печатнов В.О. Визит У. Уилки в СССР (по новым документам) // США – экономика, политика, идеология. 1999. № 9. С. 78, 80, 81*). Беседа Сталина с Л. Фейхтвангером в 1937 г. – еще один тому пример. Об общих чертах в развитии СССР и США, составлявших, по мнению Рузвельта, “интригу”, говорится в книге Денниса Данна (см.: *Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным: Американские послы в Москве. М., 2004. С. 22*).

¹⁰ Советско-американские отношения. 1934–1939. С. 45.

превращения¹¹, а в более или менее сложном контексте. Это осознание шло от прихода во властные структуры Вашингтона новых людей, не закомплексованных на антисоветизме, и наступления в США периода “красного романтизма”, о чем писали левые публицисты. Это внушало оптимизм советским дипломатам, местом службы которых стала столица США. Сколь бы ни были ожидания излишне завышенными, советские представители как приятную неожиданность отмечали непривычную готовность Рузвельтовского руководства идти на контакты, трактуя его как явление знаковое и многообещающее. 3 марта 1934 г. А.А. Трояновский писал М.М. Литвинову: “Общее положение я бы характеризовал сейчас ростом симпатий и интереса к нам в широких кругах, хорошим отношением Рузвельта и его непосредственного окружения и сдержанностью, постепенно смягчающейся, Госдепартамента”¹². Преемник Трояновского К.А. Уманский намного позднее, 1 декабря 1938 г., выговорив Рузвельту за то, что он объявил коммунизм “никак не меньшей опасностью, чем фашизм”, выделил тем не менее то, что представлялось ему главным в критической предвоенной обстановке: “Его окружение остается прогрессивным, никаких видимых сдвигов вправо в его внутренней политике нет, нацистов и японцев он ненавидит крепко, но, по-видимому, его все больше беспокоит активизация реакционеров...”¹³.

¹¹ Сам факт энергичной поддержки Рузвельтом общественных настроений в США в пользу восстановления дипломатических отношений с СССР в Москве воспринимали как признак изменения общей атмосферы в Америке, ее полнения. Он свидетельствовал также о том, что в США увидели в большевистских вождах вполне вменяемых государственных деятелей, державников, ставящих во главу угла национальные интересы и их защиту на западе и на востоке, а уже во вторую очередь решение задач “в мировом масштабе”, как об этом принято было говорить в тогдашней советской печати.

Существовала и обратная сторона медали. В интересной и насыщенной разного рода фактами статье американский историк Эдвард Марк показал, что возникшая в политической мысли США 30-х годов “термидорианская парадигма” (трактовка советского режима как римейка традиционных для России имперских порядков, впрочем, далеко не новая, если вернуться к истории нэпа) была обусловлена тем, что даже некоторые консервативные наблюдатели в массмедийном сообществе увидели Советский Союз в движении, чье развитие скорее всего могло пойти по пути все большего отклонения от разжигания “мирового костра”, разрыва с революционными интернационалистскими лозунгами и выполнения чисто традиционной задачи – защита рубежей и территориальной целостности страны (см.: *Mark E. October or Thermidor? Interpretation of Stalinism and the Perception of Soviet Foreign Policy in the United States, 1927–1947 // American Historical Review. 1989. Vol. 94. Oct. N 4. P. 937–962.*)

¹² Советско-американские отношения. 1934–1939. С. 44.

¹³ Там же. С. 697.

Впрочем, первое благоприятное впечатление о новых элементах в “способах мышления” политической элиты США не сняло предчувствия, что в массовом сознании американцев советский эксперимент не воспринимался как безоговорочно удачный и демонстрирующий неоспоримые преимущества перед капитализмом. Сталинская внутренняя (в меньшей степени) и внешняя (по преимуществу) политика вызывала в Америке сочувствие, даже одобрение одних и одновременно активное неприятие, возмущение других. Понятие “тоталитаризм”, пущенное в ход применительно к советской системе, не в последнюю очередь благодаря популярной левоцентристской прессе, пугало американцев, трудно преодолевавших недоверие к любой инициативе Москвы, будь то предложение о коллективной безопасности или идея совместных полицейских действий на Дальнем Востоке. Поколебленная Великой депрессией, но не утраченная вера в ценности американизма служила препятствием для распространения просоветских симпатий. Расставание Рузвельта с шестнадцатилетней политической непризнания прошло на удивление гладко, без помех, но это “единодушие”, как подчеркивал в своем письме в Москву от 6 января 1934 г. (т.е. за два дня до обмена дружественными речами Рузвельта и Трояновского) председатель правления Амторга П.А. Богданов, не должно было никого обмануть. Оно «не так еще глубоко и может быть поколеблено в дальнейшем как в силу колоссальной неосведомленности (ignorance) населения в массе о Советском Союзе, так и неудовлетворенности тех или других “интересов”, ежели восстановление нормальных отношений не даст им реальной выгоды»¹⁴.

Легкая обратимость возникшего взаимопротивления на явление с противоположным знаком после какого-то периода радужных надежд обнаружила себя, вынудив посла СССР в США А.А. Трояновского связывать с этим и в целом неблагоприятную позицию Конгресса – барометра общественных настроений. Обои его главных фракций республиканской и демократической. В депешах в Москву Трояновский объяснял и колебания Рузвельта, и демонстративную сверхосторожность госсекретаря К. Хэлла слабой поддержкой линии Белого дома Конгрессом, где даже собственная партия президента ради закрепления успеха на выборах 1932 и 1934 гг. тщательно обходила вопросы будущего советско-американских отношений, боясь вызвать недовольство избирателя слишком щедрым вниманием к стране с однопартийной структурой, объявившей частную собственность вне закона и где преследовалась церковь. “...Демократы, – писал посол, – временами

¹⁴ Там же. С. 9.

изменяют ему (Рузвельту. – В.М.) и голосуют против”. Надежд на перелом в период первого срока пребывания Рузвельта на посту президента (1933–1936) было мало, практически не было вовсе, к тому же они целиком зависели от успеха или неуспеха реформ “нового курса”. “Нам надо считаться с фактом, что судьба наших отношений с США в известной степени связана с судьбой самого Рузвельта”¹⁵. Тонкая нить могла оборваться мгновенно, вместе с отнюдь не невозможным падением уровня популярности президента. “...Явных симпатий к нам нет...”, – писал в декабре 1936 г. Трояновский Литвинову на пике политического успеха Рузвельта и влияния левых сил в стране¹⁶.

Еще один важный вывод, который поначалу сделали советские дипломаты, наблюдая американскую жизнь изнутри, состоял в том, что в США люди относительно мало интересуются внешней политикой, отдавая по традиции приоритет политике внутренней. Отсюда возникал соблазн – объяснить “неосведомленность” американцев о достижениях социализма (“СССР – чисто географическое понятие”) природной нелюбознательностью американцев, их замкнутостью на чисто внутренних делах¹⁷. Разумеется, это было истиной лишь наполовину. Ближе познакомившись с разворачивающимися в США социальными конфликтами с присущей им идеологической составляющей (движение за социально ответственное государство против “грубого индивидуализма”, за народовластие и обуздание монополий), Трояновский нашел, что достигающая порой высокого накала полемика по социально-экономическим проблемам провоцирует в ходе политических кампаний вспышки антисоветского психоза. Оказалось, что нападки на “новый курс” в порядке самообороны со стороны правой оппозиции подкреплялись критикой сталинской модернизации, всех ее негативных сторон¹⁸. «“Эксперимент” Рузвельта, – писал Трояновский Литвинову 24 июля 1934 г. – уподобляется советскому “эксперименту” и в связи с этим рассказываются всякие

¹⁵ Там же. С. 126.

¹⁶ Там же. С. 505.

¹⁷ Там же. С. 142.

¹⁸ Авторитарный коллективизм советской модели вызвал шквал дружеской и враждебной критики. Среди тех, кто разделял ее аргументы, были авторитетные публицисты и общественные деятели – Дж. Льюис, Н. Томас, У. Чемберлин, У. Липпман и др. Циклом публичных выступлений (в том числе в печати и в военных учебных заведениях) заявил о себе как идеологе сдерживания “мировых устремлений” Советского Союза руководитель Восточноевропейского отдела госдепа Роберт Келли (Georgetown University Library. Robert F. Kelly Papers. Box 2. “The Political Structure of the Soviet Union”. Lecture delivered at Naval Academy. April 30, 1935).

ужасы о Советском Союзе». К этому, продолжал он, следует добавить полевение рабочих масс, вызывающее “жгучую ненависть к коммунизму и к Советскому Союзу не только со стороны крупной буржуазии, но также и средней и в значительной степени даже и мелкой”¹⁹.

Таким образом, обострение внутренней политической борьбы, как выяснилось, может влиять на восприятие внешнего фактора, вынуждая правительство лавировать, уклоняться от взятых на себя обязательств и т.д. Всем в Москве надлежало призадуматься над тем, каким путем следует идти и с кем делить ответственность за происходящее в мире. “...Легко может наступить момент, – высказывал Трояновский Литвинову свою озабоченность в отношении эффективности антирадикальной пропаганды и недостаточного внимания Москвы к международным последствиям тех или иных ее шагов во внутренних делах, – когда вражда к коммунизму может стать доминирующей и оказать свое влияние на внешнюю политику разных стран, в том числе и Соединенных Штатов”²⁰.

Несовместимость важнейших жизненных постулатов – коллективизм, всеобщее общественное уравнивание и воинствующее безбожие против индивидуализма, неотъемлемого права собственности и религиозности – на уровне массового сознания создавала препятствие к сближению СССР и США. Более того, она способствовала появлению синдрома скрытой угрозы со стороны так неожиданно для всех восстановившей свой статус имперской державы России в форме коммунистического вызова. Главным препятствием к последовательному размораживанию ситуации оставалось навязчивое представление очень многих американцев о том, что в обязанности большевиков по-прежнему входит задача ускорения мировой социалистической революции и превращения Советского Союза в державу с глобалистскими амбициями, – эта мысль в той или иной форме присутствует во многих донесениях советских дипломатов из США.

Косвенное подтверждение тому находим в записи беседы первого секретаря полпредства СССР в США А.Ф. Неймана с редактором авторитетного журнала “Форин афферс” Г. Фиш Армстронгом от 16 июля 1934 г. “Наводящие” вопросы последнего, – информировал Нейман руководство, – касались неминуемой будущей войны в Европе и в связи с этим того, что думают в Москве о территориальной экспансии, Прибалтике и герман-

¹⁹ Советско-американские отношения. 1934–1939. С. 188.

²⁰ Там же.

ском вопросе²¹. Американская печать откровенничала и по поводу необходимости создания заслона “советской экспансии” на Дальнем Востоке. В аналитических обзорах, помещаемых на страницах газет и журналов об отношениях СССР и Японии, присутствовала, как писал Нейман, “такая степень беспристрастности и объективности, которую при желании можно истолковать как поощрение к войне”²². Появлением большого числа недружественных перьев в журналистском сообществе Америки, оправдывавших японскую агрессию²³ на Дальнем Востоке озадачивало и огорчало. Япония способна уравновесить растущую мощь Советского Союза – отсюда усиление прояпонской пропаганды и нежелание идти навстречу предложениям о совместных действиях с Москвой в Тихоокеанском регионе. Таков был неутешительный вывод, к которому приходили советские дипломаты, знакомясь с ежедневными порциями американских газет. Опытные аналитики, какими были А.Ф. Нейман, Б.Е. Сквирский, Е.В. Рубинин, довольно скоро научились видеть подспудные источники политики американского нейтралитета и дипломатии “добрососедства”.

Констатируя тот факт, что “левые маневры” президента не отразились, как бы того хотелось, на советско-американских отношениях, Нейман рискнул коснуться темы несбывшихся надежд: “Своеобразность левого курса Рузвельта, с точки зрения советско-американских отношений, состоит в том, что нет никакой смычки между ним и вопросом об улучшении отношений с СССР”²⁴. Чего в этом тезисе из обстоятельной аналитической записки Неймана от 8 сентября 1934 г. было больше – разочарования по поводу утраты иллюзий или понимания того, что Рузвельту без политических потерь очень сложно пройти путь от общих деклараций к тесным отношениям с Советским Союзом – трудно сказать. Возможно, и того и другого. Важно отметить следующее: какие-то серьезные расчеты были поколеблены, “рукопожатие” Рузвельт–Литвинов не сулило, как выяснилось, никаких сиюминутных улучшений. Это касалось прежде всего вопросов безопасности как на дальневосточном направлении, так и в Европе.

11 сентября 1934 г. советник полномочного представительства СССР в США Б.Е. Сквирский, имея в виду нарастающее нерасположение американской прессы к Советскому Союзу, писал, что “медовый месяц в наших отношениях кончился и уже определен-

²¹ Там же. С 184.

²² Там же. С. 216.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

но чувствуется горечь”²⁵. Неблагоприятным фоном служили внутренние осложнения в обеих странах – в СССР усиливалось наступление сталинского руководства на инакомыслие, а в США разгорался один из самых острых конфликтов в промышленности между трудящимися и работодателями, а также происходила активизация различных массовых радикальных движений популистского толка, выходящих, как сообщал об этом Нейман Литвинову, 23 октября 1934 г. «за пределы рузвельтовского “Нью дила”»²⁶, но не расположенных к идее сотрудничества с Советами. К тому же “левизна” Конгресса, избранного в ноябре 1934 г., никак не смыкалась с интересом к развитию торговли и улучшению взаимоотношений с Советским Союзом. Делая этот вывод, Нейман находил ему такое объяснение: именно в прогрессистских кругах сильнее всего распространена идиосинкразия по поводу предоставления кому бы то ни было займов и изоляционистские настроения²⁷.

Дорожа поддержкой своего громоздкого большинства, Рузвельт учитывал внешнеполитические предпочтения некоторых его лидеров, пугавшихся европейских “измов” и выступавших против внешнеполитического активизма. Фермерские вожди отличались откровенной враждебностью к уравнилельным приманкам большевистской идеологии. Коллективизация в СССР и ликвидация кулачества была для них знаком беды. Добавим, что в демократических кругах болезненнее и острее всего были восприняты сталинские репрессии после убийства С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.). Посла Трояновского это заставило, как он писал, “решать вопросы наших отношений с США под... пессимистическим углом зрения”²⁸. Отзыв из Москвы Вашингтоном своих военноморского и авиационного атташе, формально объяснявшийся бюджетными соображениями, служил весомым подтверждением того, что спор о военных долгах СССР был лишь частью расхождений по более широкому спектру вопросов, которые накопились за сравнительно короткий период после многообещающего визита Литвинова²⁹. Подогреваемая американской прессой неприязнь к внутренним порядкам в СССР создавала немалые трудности в работе советского посольства. Очень чувствительной к проявлениям диктатуры номенклатуры в СССР и внутренним разборкам в ее собственной среде показала себя американская интеллигенция и даже не столько ее либеральное ядро, сколько те группы,

²⁵ Там же. С. 223, 290.

²⁶ Там же. С. 254.

²⁷ Там же. С. 259.

²⁸ Там же. С. 300.

²⁹ Там же. С. 302.

которые в той или иной мере (все по-разному) разделяли социалистические убеждения или проявляли интерес к “советскому эксперименту”³⁰.

Среди левых родилось понятие сталинский “Термидор”. Советский эксперимент оставался экспериментом, не превращаясь в пример для подражания. По мере поступления все новой информации об ужесточении внутренней политики в СССР в отношении оппозиции, о лагерях на советском севере и т.д.³¹ фронт либералов и демократов, поддерживавших признание и соглашение Рузвельт–Литвинов, раскалывался. Сенсационным вниманием стали пользоваться книги Уильяма Генри Чемберлина, в негативном виде преподносившие советскую действительность³². Их автор, еще вчера положительно отзывавшийся “феномене советского социализма”, внезапно превратился в самый большой авторитет в глазах тех, кто, несмотря на невзгоды Великой депрессии, не думал изменять традиционным американским ценностям и видел в “безбожном большевизме” главную угрозу западной цивилизации³³.

В ход событий вклинился еще один эпизод двусторонних отношений, едва не ставший причиной по внешнему виду серьезного кризиса. В госдепе и в американском посольстве США в Москве (инициатором разжигания страстей был посол У. Буллит) усмотрели злокозненность Кремля в собравшемся летом 1935 г. VII конгрессе Коминтерна. Вашингтон сделал обиженное лицо: обе страны в 1933 г. приняли на себя обязательства – не вмешиваться во внутренние дела друг друга, между тем на конгрессе в Москве присутствовали представители компартии США, выступившие с речами. Демарш государственного департамента с протестом, в котором слышались стальные нотки, напомнил о том, что “посольский приказ” США был среди главных противников восстановления дипломатических отношений между двумя странами. В Москве принялись “гасить пожары” специальными мерами, прибегая, как выразился заместитель народного комиссара иностранных дел Н.Н. Крестинский, к “чрезвычайной политической осторожности, выдержке и терпению”³⁴. Понимая, что акция госдепа носит не чисто пропагандистский характер, а вызвана реальными опасениями увидеть консолидирующей свои силы левую оппозицию в качестве агента влияния Москвы, НКВД СССР тактично, но без тени робости внушал американским дипломатам, что решения Коминтерна не являются вмешательством во внутренние дела США и что са-

³⁰ Там же. С. 313, 363.

³¹ Там же. С. 332, 363.

³² Там же. С. 178.

³³ Там же. С. 363.

³⁴ Там же. С. 361.

мо его существование следует воспринимать вне всякого контекста с деятельностью советской дипломатии. Добропорядочность намерений доказывали путем свертывания пропагандистских операций американского подотдела Коминтерна.

“Разъяснительная” работа НКИД и советского посольства в США по устранению препятствия к выравниванию отношений получила положительный отклик в Белом доме, хотя пресса продолжала судачить по поводу нарушения обязательств по соглашению Рузвельт–Литвинов. Мы сейчас можем сказать, что посол Трояновский был более, чем кто-либо другой, близок к истине, когда утверждал, что президент Рузвельт был не склонен драматизировать ситуацию в связи с “казусом Коминтерна” и тем более обсуждать вопрос о каких-либо санкциях в отношении Москвы или грозить отзывом своего посла. Трояновский оставался верен своему торгово-экономическому объяснению недовольства Рузвельта отсутствием прогресса в советско-американских отношениях в год очередных президентских выборов 1936 г.: неурегулированная проблема долгов оказывала весьма болезненное действие, задевая престиж правительства “нового курса”. Консервативная оппозиция получила возможность говорить о “русской политике” президента как о провальном проекте, поскольку де Белый дом не сумел обеспечить выполнение Советским Союзом экономических статей по соглашению Рузвельт–Литвинов³⁵. Увлеченный идеей утвердить “особое влияние” США в Советской политике посол Буллит подбрасывал угли в огонь, твердя об “обещании” Литвинова уплатить долги Америке.

Благодаря Рузвельту ни до какой холодной войны, как это видится многим исследователям, дело не дошло. Более того, со временем вопрос о спорных “обещаниях” был вытеснен пониманием долгосрочной заинтересованности правительств обеих стран в сохранении поля для диалога. Главное: тема близкой большой войны выходила на первый план. Сам Буллит, очевидно, выполняя поручение, разоткровенничавшись, признал, что Рузвельт не уступит критикам и не пойдет на разрыв советско-американских отношений, к которым он (Рузвельт) испытывает “особую привязанность”³⁶. От себя Буллит добавил: война неиз-

³⁵ Там же. С. 368.

³⁶ Там же. С. 375. Для исследователей, постигающих суть американско-советского диалога в 30-х годах, особый интерес представляет подробная запись 23 ноября 1935 г. беседы Трояновского с Буллитом о состоянии двусторонних отношений. Откровенный разговор двух послов вскрыл всю меру разногласий и сходства во взглядах на международную обстановку, а также морально-этические принципы, которыми каждый из них руководствовался в оценке ситуации (Там же. С. 379–382).

бежна, а потому “наши страны должны идти вместе”³⁷. Но Буллит прежде всего жаждал личного успеха и был ровно настолько расположен к сотрудничеству, насколько Москва соглашалась ответить ему взаимностью по главному для него вопросу – вопросу о долгах. Ради их выколачивания Буллит предлагал демонстративно налаживать “взаимопонимание” с Японией. На втором месте стояло требование признания либеральных ценностей. Государственный секретарь Корделл Хэлл, констатировали советские дипломаты, вызывал куда большее доверие, несмотря на его консерватизм, чисто южный аристократизм и религиозность. Внимание государственного секретаря было поглощено событиями на Дальнем Востоке и в связи с этим возникали возможные варианты совместных действий с Советским Союзом³⁸.

Наделив себя функциями государственного секретаря, Рузвельт не получил полной свободы рук. Курс его администрации в “русском вопросе” – от весьма жесткого прессинга в духе буллитовских наставлений (“за признание нужно платить”) к поиску взаимодействия с Советским Союзом без дискриминаций – зависел от колебаний электората, чье доверие или недоверие решали судьбу реформ “нового курса”. События на Дальнем Востоке и в Европе вносили в электорат дополнительное расслоение, хотя общий вектор угадывался, о чем говорили настроения в Белом доме и в окружении Рузвельта. В преддверии конфликта с Японией никто не хотел там больших ссор с Москвой, хотя лишь немногие всерьез говорили и думали о создании коалиции “демократических стран” с участием СССР³⁹. Тем не менее в декабре 1936 г. было решено объявить переговоры о долгах “почившими в бозе”. НКИД ставил это себе даже в заслугу, отмечая, что проявленная им твердость послужила отрезвлению в Вашингтоне и утрате влияния Буллита⁴⁰. Нет смысла оспаривать это мнение, по крайней мере, в отношении Буллита оно очень похоже на правду.

Буллит перестал быть надежным звеном в советско-американском диалоге. В Москве его считали подстрекателем советско-японского конфликта, а в Белом доме – самовлюбленным честолюбцем, лишенным такта и выдержки⁴¹. Достигнув негласного взаимопонимания, обе стороны предприняли сложное дипломатическое маневрирование с тем, чтобы вывести отношения

³⁷ Там же. С. 381.

³⁸ Там же. С. 390.

³⁹ Michigan Historical Collection. Bentley Historical Library. Frank Murphy Papers. Box 18: *Fr. Parker to Murphy*, Nov. 25, 1937.

⁴⁰ Советско-американские отношения. 1934–1939. С. 407.

⁴¹ См.: *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны: Глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 58.

из возникшего тупика. Уверенная победа Рузвельта на выборах 1936 г., хозяйственные и культурные успехи СССР создали тому объективные предпосылки, свои положительные плоды приносили и чисто дипломатические усилия. В справке НКВД СССР о советско-американских отношениях за 1935 г. констатировалось: “Рузвельт был один из немногих глав правительств, которые 7 ноября прислали официальные приветствия СССР по случаю ноябрьской годовщины”⁴². Преодолев очень серьезные сомнения, президент отозвал Буллита с поста посла США в Москве. Сталин взял реванш за Коминтерн. Не посчитавшись с критикой справа, Рузвельт сделал неожиданный ход, назначив в ноябре 1936 г. послом в Москве Джозефа Дэвиса. Последний позиционировал себя “специалистом по установлению демократических дружественных отношений”, как было сказано в секретной записке заведующего Нью-Йоркским отделением ТАСС К. Дюранта на имя руководителя ТАСС 23 декабря 1936 г.⁴³

Середина 30-х годов и в самом деле могла стать временем активного сближения двух стран. Советская сторона предприняла культурное наступление на США. Музыка Шостаковича, творчество Эйзенштейна и Мейерхольда отчасти поглощали неблагоприятные импульсы, связанные с пропагандой тезиса о тождестве “восточного деспотизма” Сталина с нацистским тоталитаризмом в Германии. В СССР замечательным успехом пользовались путевые очерки И. Ильфа и Е. Петрова “Одноэтажная Америка”, напечатанные впервые в 1936 г. в популярном журнале “Знамя”, а затем фрагментами в газете “Правда”⁴⁴. Однако различные факторы (как внутреннего, так и внешнего порядка) вынудили оба правительства отказаться от представляющегося сегодня таким логичным ускорения сближения двух стран, оказавшихся лицом к лицу с осознанной опасностью – стать объектом глобальной агрессии, фашизма, одинаково беспощадной для стран всех континентов. Оставим в стороне идеологические разногласия, которые для таких прагматиков, как Сталин и Рузвельт, мало что значили. О политических мотивах Сталина будет сказано ниже. Рузвельт же не мог пренебречь реакцией общественности на пугающую информацию о якобы внутренних заговорах оппозиции и верхушки армии против кремлевского руководства.

Кто Вы м-р Сталин? Этот вопрос сбил с толку американских ньюсмейкеров, создав неблагоприятный климат для “политических реалистов” в администрации, Конгрессе, антиизоляционист-

⁴² Советско-американские отношения. 1934–1939. С. 408.

⁴³ Там же. С. 519.

⁴⁴ Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 4. С. 7–447.

ском лобби. В конце октября 1936 г. Уманский направил в Москву письмо с изложением взглядов на разворачивающуюся в прессе США кампанию по поводу репрессий в СССР, “антисоветских выдумок” и “недружественных выводов”⁴⁵. Не подлежало сомнению – американская левая интеллигенция оказалась расколотой. А между тем, продолжал он же как будто бы пытаясь достучаться до самых высоких сфер, “не подлежит сомнению, что потенциальные и явные симпатии к нам в США очень значительны. Нас рассматривают как фактор мира, и это действительно осознано широкой общественностью”⁴⁶. Уманский так же, как и посол Трояновский, приходил к выводу, что если Москва, не будет развивать многосторонние контакты с Вашингтоном, то она упустит возможность нейтрализовать поднимающуюся волну антисоветизма. В Кремле, судя по всему, думали иначе.

По некоторым признакам у советского руководства появились свои резоны не стремиться к особо тесным контактам с США. Этот вывод требует, разумеется, объяснения, и оно не может быть простым. Следует начать с того, что к середине 30-х годов на восточных и западных границах СССР складывалась крайне сложная и противоречивая обстановка, заставившая Кремль пересматривать тактику отношений с ближним зарубежьем и западными демократиями, ведущими свою игру во спасение всего того, что осталось от постверсальского мира. Для советского руководства приоритетом становилось обеспечение безопасности очень протяженных и плохо защищенных в военном отношении границ страны. Возникшая угроза их “вскрытия”, военно-техническая неподготовленность страны к его отражению сразу с двух направлений – восточного и западного, боязнь оказаться в изоляции перед объединенным фронтом агрессоров и “нейтралов”, очевидный провал внесенных Литвиновым предложений о создании системы коллективной безопасности – все это вынуждало лавировать в расчете на конфликты в стане великих держав, избегать слишком пылкого выражения предпочтений в адрес тех или иных стран. Американская модель поведения – политика нейтралитета – становилась самым идеальным примером для подражания.

“Остается все тот же вопрос, что же будем делать мы в отношении Соединенных Штатов?”, – досадуя, писал Трояновский Литвинову 1 декабря 1936 г.⁴⁷ С ответом не торопились. Советских дипломатов, работавших в США, помимо усиления антисо-

⁴⁵ Советско-американские отношения. 1934–1939. С. 487, 490.

⁴⁶ Там же. С. 405.

⁴⁷ Там же. С. 506.

ветских настроений в США смущало непроявленное отношение Рузвельта к вспышке антиевропеизма вообще, что заставляло предполагать, что он не захочет ни при каких обстоятельствах вмешиваться в конфликты в Старом Свете⁴⁸, идти на сближение с Францией и Англией ради сдерживания агрессии Германии и тем более вести диалог с Москвой. Литвинов весной 1937 г. был убежден, что такое время еще не наступило. Переговоры США с Англией и Францией, как это было уже не раз, могли закончиться ничем. Навязывать в этих условиях Америке свою дружбу нарккому казалось вообще неуместным. Вывод: “Во всяком случае, можно позволить себе роскошь подождать, что из этих переговоров выйдет. Таким образом, данная Вам директива выжидания сохраняет полностью силу”. Этим жестким напоминанием кончается инструктивное письмо Литвинова Трояновскому от 13 февраля 1937 г.⁴⁹ в ответ на попытку посла добиться активизации дипломатии Кремля на американском направлении.

Между тем фон как будто бы был благоприятен, консерватизм в США отступал, о рабочем движении говорили как о третьей силе, Рузвельт заклеил фашизм. А партнерства не получалось. Уманскому показалось, что газеты о планах нацизма – “наказать” версальских победителей – пишут меньше, чем о сталинских репрессиях в СССР. По словам Уманского, эпидемия антисоветизма принимала “всеобщий характер”⁵⁰. Обусловлена она была известными обстоятельствами, но вылилась в весьма опасные для престижа СССР дебаты о неустойчивости советского строя, уничтожении “старой гвардии” большевиков и военной немощи Советского Союза. И все же Трояновский, видя, каким сильным было ощущение близости войны в американском обществе, полагал, что общественное мнение США может легко перемениться, что превратит “нагромождаемые сейчас препятствия” в ничто⁵¹. Посол понимал, что Кремль в состоянии приблизить эти перемены, но не делает этого: “Я думаю, что мы заморозили все наши отношения с Соединенными Штатами и что нужно как-то из этого положения выйти и начать большую работу”⁵².

К началу 1938 г. отношения СССР и США оставались “довольно прохладными”, это констатировал Трояновский в письме Литвинову⁵³. Пресса США и без того настроенная изоляционист-

⁴⁸ Там же. С. 533.

⁴⁹ Там же. С. 534.

⁵⁰ Там же. С. 540.

⁵¹ Там же. С. 543.

⁵² Там же. С. 545.

⁵³ Там же. С. 605.

ски отрицательно воспринимала идею коллективной безопасности, так как ее поддержка вынуждала, писал он, “идти вместе с Советским Союзом”⁵⁴. Посол видел выход из тупика в снятии раздражения по мелочам. Их накопилось немало, включая проблему виз, свободы передвижения, судопроизводства в отношении американских граждан и т.д. Впрочем, некоторые руководящие работники НКВД (и среди них резко пошедший в гору В.П. Потемкин, например) считали, что придирки американцев носят “несноснейший характер”⁵⁵ и потому должны быть отвергнуты. Невнятную позицию США в связи с расширением Японией агрессии в Китае в 1937 г. в Москве связали с попыткой поощрить ее развитие в северном направлении. А перемещение посла Дэвиса из Москвы в Брюссель в Кремле расценили как невнимание Белого дома к тем жестам доброй воли, которые были им сделаны, и даже как недружественный акт. Именно об этом, прибегая к эзопову языку, говорил Литвинов на обеде в честь Дэвиса 9 июля 1938 г. в связи с отъездом последнего из Москвы. Нарком впал в сентиментальный пафос: “Любовь и дружба без слов, – говорил он, – часто бывают наиболее искренними. Неискренность и лицемерие часто начинаются вместе со словами и внешними проявлениями”⁵⁶. Кому помимо Дэвиса были адресованы эти слова?

Литвинов скорее всего понимал двусмысленность собственного положения, но осенью 1938 г. у него, очевидно, сложилось впечатление, что страна находится перед генеральным выбором своей внешней политики. Какой выбор нарком считал предпочтительнее, было более или менее ясно: при всей сомнительности и ненадежности (после аншлюса, Мюнхена, японских захватов в Китае, Эфиопии и Испании) политики Запада, при всей негативной реакции на состояние дел в советском обществе со стороны западного общественного мнения, сквозившей в речах политиков, газетных статьях, неудобных расспросах на дипломатических встречах⁵⁷, расколах левого движения и т.д., советской дипломатии следовало держать курс на снятие напряженности с западными демократиями, не чураясь компромиссов и даже односторонних уступок, когда того требовал политический момент. Создание Конгрессом США “Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности” с явной антисоветской направленностью, промедление Вашингтона с назначением нового (после отъезда Дэвиса) посла США в Москве не изменили мнения тогдашнего ру-

⁵⁴ Там же. С. 606.

⁵⁵ Там же. С. 615.

⁵⁶ Там же. С. 631.

⁵⁷ Там же. С. 562.

ководства НКИД, что нужно добиваться перелома в пользу конструктивных отношений с Лондоном, Парижем и Вашингтоном ценой тактических уступок и гибкой системы мер по линии культурных контактов.

По настоянию НКИД особое радушие было проявлено в Москве и других городах Союза к американскому летчику Говарду Хьюзу, совершившему летом 1938 г. кругосветный перелет. Литвинов и Трояновский обменялись по этому поводу телеграммами с К. Хэллом и Г. Хьюзом. Сетуня по поводу отсутствия “надлежащего политического эффекта” с момента установления дипломатических отношений в 1933 г., Литвинов рекомендовал временному поверенному в делах СССР в США К.А. Уманскому воздержаться от высказывания упреков и обид по адресу американского правительства⁵⁸. Пришло лучшее понимание всей сложности положения Рузвельта и сторонников коллективных действий против агрессоров накануне приближавшихся президентских выборов 1940 г.

Между тем настроения в высших московских “инстанциях” менялись в пользу налаживания нового “взаимопонимания” с Германией и Японией⁵⁹. И прямо, и косвенно документы подтверждают, что в поведении Кремля начал давать себя знать крен в пользу своего рода диверсификации внешнеполитических приоритетов. В Кремле уже не придавали жестах дружелюбия, исходившим непосредственно от Рузвельта, того веса, который они заслуживали. А между тем, как об этом сказано историком Деннисом Данном, “Рузвельт по-прежнему верил, что Советский Союз перестал бороться за мировую революцию, стал нормальным государством, пусть сосредоточенным на внутренних вопросах и вопросах собственной обороны, но стремящимся к улучшению жизни населения в исключительно трудные времена”⁶⁰.

Задуматься о мотивах, которыми руководствовался М.М. Литвинов, заставляет отданное им в начале января 1939 г. распоряжение об уклонении от продления русско-американского договора от 1 октября 1914 г. о мирном улаживании споров, что разумеется в очередной раз могло бы быть воспринято как проявление его готовности выступить совместно с США в ходе урегулирования международных кризисов⁶¹. Впрочем,

⁵⁸ Там же. С. 695.

⁵⁹ Позднее, в ноябре 1940 г., В.М. Молотов в телеграмме полномочному представителю СССР в Японии К.А. Сметанину признал, что Москва хорошо понимала, какие “затруднения” могут возникнуть для советско-американских отношений в случае такого поворота (см.: Документы внешней политики СССР. 1940 – 22 июня 1941. М., 1998. Т. XXIII, кн. 2. С. 11).

⁶⁰ Данн Д. Указ. соч. С. 99.

⁶¹ Советско-американские отношения. 1934–1939. С. 705, 706.

какие директивы были получены им самим? После Мюнхена, на фоне невнятной реакции Запада (в том числе США) на вмешательство германских и итальянских вооруженных сил в Гражданскую войну в Испании, в условиях неконтролируемого торгово-экономического сотрудничества многих частных фирм Америки с Японией⁶², ведущей агрессию в Китае, предлагаемую посольством США акцию в Кремле могли счесть несвоевременной и даже провокационной. Могут быть, конечно, предложены и другие объяснения. У Черчилля, например, была своя версия, хотя он признавал, что найти ответ на вопрос, в какой точно момент Сталин решил продлить сроки мирного развития страны за счет договоренности с Гитлером, очень трудно. Вот что он писал в мемуарах: “Поскольку мы сами поставили себя в это ужасное положение 1939 г., было жизненно важно опереться на более широкую надежду. Даже сейчас невозможно установить дату, когда Сталин окончательно отказался от намерения сотрудничать с западными демократиями и решил договориться с Гитлером. В самом деле представляется вероятным, что такого момента вообще не было... По-видимому, что-то произошло в феврале 1939 г.”⁶³

Весной 1939 г. в отношениях между США и СССР сложилась патовая ситуация в связи с необъяснимым отзывом пользовавшегося высокой репутацией в Америке посла А.А. Трояновского и затянувшимся назначением нового (после Дж. Дэвиса) американского посла в Москве. Слухи об “исчезновении” Трояновского, писал Литвинову 2 марта 1939 г. К.А. Уманский, будоражили политический Вашингтон, разрушая многое из того положительного, что было накоплено и связано с именем первого советского посла, хотя на дипломатическом уровне обе стороны констатировали в конце июня 1939 г., что все идет гладко, а Рузвельт выразил удовлетворение, как он говорил, “нашими ровными отношениями”⁶⁴.

Описанные выше события в их внутренней логической связи выводят на тему различий в подходе к выстраиванию межгосударственных отношений СССР и США после их восстановления в 1933 г., борьбы мнений в недрах советской дипломатической службы. Эти разногласия всегда сущест-

⁶² Стоимость американских товаров, поступивших в Японию в 1939 г., составляла 232 млн долл., в Китай – 55 млн долл. (*Flynn J.T. The Truth about Pearl Harbor. N.Y., 1944. P. 7.*)

⁶³ Цит. по: *Рассел Б., Черчилль У. Практика и теория большевизма. Вторая мировая война. Избранные страницы. Пер. с англ. М., 1998. С. 192, 193.*

⁶⁴ Советско-американские отношения. 1934–1939. С. 725.

вовали⁶⁵, ибо касались принципиального подхода к ведению дел с Америкой в широком диапазоне конкретных направлений (от экономических связей до культурно-гуманитарных обменов, личных контактов и информационной политики). Именно в таком контексте, по-видимому, следует представлять себе те перемены, которые претерпели взгляды М.М. Литвинова на перспективы советско-американских отношений.

После провала надежд на подписание Тихоокеанского пакта о ненападении между СССР, США, Японией и Китаем (Литвинов ожидал добиться от Вашингтона реальной, на базе договорных отношений, поддержки в отражении японских притязаний на Дальнем Востоке)⁶⁶ и обнаружения серьезных расхождений в трактовке договоренности, достигнутой по вопросу о дореволюционных долгах России, нарком пришел к выводу, что его позиция была подвергнута искажению и что Рузвельт, исходя из внутренних соображений, отказался от обещаний предоставить займ СССР и долгосрочные кредиты в обмен на признание долгов. Но, пожалуй, не это главное. Литвинов в преддверии большой войны связывал со своим первым визитом в Америку в 1933 г. прорыв в вопросе о союзнике в широком плане дипломатических отношений и военной взаимопомощи. Его разочарование в связи с отсутствием реального прогресса было тем более глубоким, что в США постоянно усиливались изоляционистские настроения, оставляющие мало надежд на то, что можно будет договориться с Вашингтоном. Вдобавок возмущенный постоянными упреками посла Буллита в необязательности и лукавстве, Литвинов занял весьма жесткую позицию в экономических спорах, отдав предпочтение тактике выжидания, которая, как ему представлялось, приучала дипломатию США видеть в СССР абсолютно самодостаточного, независимого партнера, не нуждающегося в чем-либо покровительстве, а тем более в каких-то иллюзорных гарантиях показного дружелюбия. Такие настроения наркома в целом соответствовали духу настороженной сдержанности в отношениях с США, царящему в кремлевских кругах⁶⁷.

⁶⁵ См.: Севостьянов Г.Н. Москва–Вашингтон: На пути к признанию 1918–1933. М., 2004. С. 130–132, 162 и др. Применительно в 30-м годам этот вопрос частично рассмотрен в содержательном эссе В.О. Печатнова (см.: Печатнов В.О. Люди интересуются, как они будут жить при советском строе... // Источник. 2000. № 6. С. 70–82).

⁶⁶ Данный вывод подтверждает материалами своей книги известный американский историк Мэддакс (см.: Maddux Th.R. Years of Estrangement. American Relations with the Soviet Union. 1933–1941. Tallahassee, 1980. P. 25–27).

⁶⁷ Печатнов В.О. Указ соч. С. 73.

Посол Трояновский, постоянно соприкасаясь с восстанавливающейся экономически и вновь вернувшей себе свои позиции в мире Америкой, напротив полагал, что следует проводить, во-первых, различие между желаемым и реально достигнутым и, во-вторых, последовательную (чуть ли не любой ценой) линию на укрепление сотрудничества с США в экономической, политической, военно-технической, культурной и спортивной областях. Особенно актуальным это ему представлялось в свете победы Рузвельта на президентских выборах осенью 1936 г. и необходимости закрепления этого успеха⁶⁸. Однако “оппортунизм” посла вызывал критику даже в его ближайшем окружении, и в, частности, у советника посольства К.А. Уманского, который явно в унисон со взглядами руководства в Москве назвал предложения Трояновского о том, чтобы связать все надежды в “виду близкой войны” с Рузвельтом и его стремлением активизировать отношения с Советским Союзом, наивными⁶⁹. Примерно также на оптимистические прогнозы Трояновского в отношении скрытых возможностей – достичь максимального взаимопонимания и взаимодействия с США в случае либерализации политики советского руководства внутри страны (религия, гражданские права и т.д.) – смотрел и Литвинов. Надвигалась война в Европе, и мысли Литвинова были поглощены созданием тройственного союза – СССР, Франция, Англия, снятием разногласий между этими странами исключительно на базе общего понимания угрозы их безопасности⁷⁰. По мнению наркома, отношения США с их антиевропеизмом, изоляционистской одержимостью большинства в Конгрессе, стойкой незаинтересованностью больших масс населения в отвлечении ресурсов на нужды войны и верой в безопасность Америки, защищенной с Востока и Запада двумя океанами, не сулили СССР немедленных выгод. Попытки Трояновского убедить Литвинова в обратном до определенного момента отклонялись наркомом как несостоятельные и не учитывающие сдвиг в расстановке мировых сил. Особенно показательно в этом смысле письмо Литвинова Трояновскому от 25 декабря 1936 г.⁷¹

Эти идеи без труда просматриваются во многих документах за подписью М.М. Литвинова, его заместителя Н.Н. Крестинского, Е.В. Рубинина и других с момента “обустройства” советского посольства в Вашингтоне. Руководство НКВД совершенно не устраивала инсценировка устной договоренности с США по поводу

⁶⁸ Советско-американские отношения. С. 504–506.

⁶⁹ Там же. С. 512, 513.

⁷⁰ Там же. С. 520.

⁷¹ См.: Там же. С. 520–522.

сдерживания агрессии Японии, о чем многократно говорил посол У. Буллит, утверждая, что дальше этого по причине сопротивления Конгресса правительство США пойти не может. К вербальным заверениям в особом качестве советско-американских отношений без подкрепления их делами в Москве относились с подозрительностью, расценивая как намеренное подталкивание Советского Союза к активизации его внешней политики на Дальнем Востоке вплоть до открытой конфронтации с Японией.

Свою неуступчивую позицию в исходной фазе этих бесед М.М. Литвинов выразил (в довольно-таки категоричной форме) в известном документе – инструктивном письме Трояновскому от 14 марта 1934 г.⁷² В том же контексте следует рассматривать и весьма скептическое отношение Литвинова к развитию разносторонних научных и культурных связей между США и СССР. Он отверг идею взятия под ответственность НКИД и советского посольства в Вашингтоне сложную работу по обеспечению государственной гарантии (юридической и дипломатической поддержки) культурных связей в условиях еще несхлынувшей волны антисоветизма в США и неурегулированности многих правил таких обменов. Нельзя не увидеть в этом нараставшую тогда тенденцию к закрытости советского общества⁷³.

Наибольшие разногласия между послом и руководством НКИД проявились по вопросу урегулирования претензий по долгам дореволюционных правительств России без соответствующей компенсации (как на том настаивало американское правительство) в виде займа или предоставления правительством США в распоряжение правительства СССР долгосрочных кредитов. Трояновский летом 1934 г., исходя из интересов курса на ускоренное достижение взаимопонимания с администрацией Рузвельта и укрепления ее позиций накануне выборов в Конгресс осенью того же года, предложил согласиться на условия Вашингтона. По его мнению, того требовали обстоятельства, связанные с усилением в США антирузвельтовской истерии. А уже 27 июня 1934 г. Литвинов в секретном письме Сталину предложил директивным образом отклонить предложение посла, сохранив в силе его, Литвинова, изначальную формулу (признание долгов только Керенского в обмен на займ или долгосрочные кредиты). Теряя терпение, Литвинов апеллировал к вождю: заставьте Трояновского не быть мягкотелым и не выходить за пределы согласованной линии, не заискивающей перед “дружественными” либералами,

⁷² Там же. С. 57–60.

⁷³ Там же. С. 62, 63.

нюдиллерами⁷⁴. “Вы не понимаете нашей основной позиции...”, – писал Трояновскому в раздражении разгневанный Литвинов 7 июля 1934 г.⁷⁵ Цитируемый нами здесь документ интересен, помимо всего прочего, своим внутренним подтекстом: Литвинов полагал, что отношения СССР с США с самого начала должны строиться без скидок на конъюнктурные, тактические соображения и на тех же основаниях, что и с другими великими державами, с которыми Советский Союз в статусном плане уже встал вровень и не думал ни в чем уступать.

Трояновский парировал эту критику доводом о необходимости учитывать основной принцип жизнедеятельности американского общества, ставшего частью его культуры – строить всякое взаимодействие строго на основе материальной выгоды. “Думать, что можно иметь хорошие отношения с Соединенными Штатами без торговли и без урегулирования (речь идет о взаимных претензиях. – В.М.), – писал он Литвинову из Нью-Йорка 24 июля 1934 г., – в связи с этим вопросом о долгах, – совершенно невозможно... Наше посольство сделало все возможное для того, чтобы быть признанным не только формально, но и психологически, но этого всего недостаточно. Нужна торговля. Торговля с Японией, например, создает здесь тенденцию японофильскую, мешающую развитию антияпонских настроений”. Неизменным императивом оставалось требование поиска сближения двух стран, поставленных разгоравшимися очагами войны в положение главного резерва мира. “... Мы должны, а в первую очередь должны американцы, думать о том, как сблизить наши до сих пор оказавшиеся непримиримыми позиции”⁷⁶.

По мнению руководства НКИД, Трояновский, только-только заняв посольский кабинет на 16-й улице в Вашингтоне, был склонен поддаваться нажиму американцев и переоценивать надежность США как вероятного партнера и союзника. В НКИД не очень верили, что панцирь изоляционизма удастся “прошибить” и что когда-либо Конгресс откажется от политики “нейтралитета”. Напротив, посол полагал, что международная обстановка и “характер ведущихся с американским правительством переговоров” требуют взаимных уступок, ориентируясь на широкое развитие контактов, укрепление доверия между странами. Об этом он писал Сталину 2 ноября 1934 г.⁷⁷ По контрасту с этими и аналогичными предложениями Трояновского на имя Сталина последовало

⁷⁴ Там же. С. 161.

⁷⁵ Там же. С. 168.

⁷⁶ Там же. С. 189.

⁷⁷ Там же. С. 263.

новое письмо Литвинова от 2 января 1935 г., содержавшее рекомендации иного характера. В большинстве случаев они отражали сомнения наркома в необходимости широкого развития “неформальных” отношений⁷⁸, предполагавших сотрудничество в сфере интеллектуальной деятельности, совместных исследований гуманитарных и международных проблем и т.д. Чего больше боялся Литвинов после убийства Кирова? Бюрократических трудностей или партийных “чисток”?

Смена обстановки в США после победы Рузвельта на президентских выборах осенью 1936 г. не сблизила позиции сторон в этом рискованном для них обоим споре. Трояновский продолжал утверждать, что изоляционизм не вечен, что он может дать очень скоро трещину в результате прежде всего активной торгово-экономической и культурной политики Советского Союза. Литвинов, напротив, считал эти надежды необоснованными особенно после отказа сената США поддержать предложение Рузвельта вступить в Международный суд и безразличия, проявленного к судьбе республиканской Испании. По крайней мере, пока не стало ясно, что Рузвельт одержал уверенную победу. В связи с этим скрытым от глаз диспутом показательно письмо Трояновского Литвинову от 2 марта 1937 г. В нем посол выражал мнение, что общество США находится близко к осознанию опасности быть вовлеченным в войну и потому Советский Союз по мере возможного должен способствовать созданию такой атмосферы в этой стране, которая дала бы шанс “нам (т.е. Советскому Союзу. – *В.М.*) помогать” в случае войны. Увы, “мы... почти ничего не делаем”⁷⁹, отношения заморожены особенно на фоне активизации враждебных Советскому Союзу сил⁸⁰. В инструкциях с указаниями для беседы с Рузвельтом по случаю предполагаемого отъезда посла в СССР Литвинов проигнорировал эту озабоченность посла, посоветовав ему еще раз быть крайне сдержанным и не проявлять инициативы⁸¹.

Появившиеся нюансы во взглядах Литвинова на “американский феномен” и намерение содействовать совместному поиску мер, дабы покончить с затянувшимся застоєм в советско-американских отношениях, внезапно проявились незадолго до уже согласованного ухода Трояновского с поста посла в США летом 1938 г. Литвинов энергично поддержал возобновление торгового соглашения с США и охотно откликнулся на заявление госсекретаря

⁷⁸ Там же. С. 287, 536.

⁷⁹ Там же. С. 544.

⁸⁰ Там же. С. 546, 554, 555.

⁸¹ Там же. С. 566, 567.

США К. Хэлла для печати в июле 1937 г., в котором тот высказался за снижение уровня международной напряженности, отказ от применения силы и вмешательства во внутренние дела других наций⁸². Сказалось, пожалуй, внутреннее ощущение безотлагательности использования малейших шансов на успех политики коллективной безопасности по причине объективно складывающейся обстановки как внутри страны, так и за ее пределами. На карту были поставлены результаты всей его (Литвинова) дипломатии и карьеры, у него появились дополнительные стимулы к преодолению “бездействия”⁸³ Запада. Как человек, поставивший свою подпись под документами исторических переговоров “Рузвельт–Литвинов” в ноябре 1933 г., он был заинтересован в этом персонально. Его стало раздражать нагромождение политических препятствий выходу США из изоляции и агитация “оборотня” У. Буллита за открытый разрыв с Советским Союзом⁸⁴. Упреком не Трояновскому, а Белому дому за медлительность, а главное ни к чему не обязывающую риторику в духе “Карантинной речи” Рузвельта 5 октября 1937 г. звучал следующий пассаж из письма Литвинова Трояновскому от 26 марта 1938 г.: “Рузвельт и Хэлл продолжают дарить мир своими проповедями, но в то же время палец о палец не ударяют в пользу мира. На фоне сохранения закона о нейтралитете и неограниченного снабжения Японии оружием означенные проповеди становятся тошнотворными”⁸⁵. Возникает ощущение несогласия Литвинова с самим собой; признавая неистраченный еще ресурс изоляционизма, он требовал от Рузвельта, в сущности, невозможного – немедленно покончить с политикой нейтралитета, не считаясь с Конгрессом и общественным мнением, которые пожалуй бы не простили Рузвельту “заигрывания” с Москвой, объявившей о своем окружении врагами и оказавшейся во власти шпиономании.

В связи с отъездом из США А.А. Трояновского его полемика с М.М. Литвиновым, окрашивавшая временами их переписку в откровенно конфликтные тона, была прервана. Судить о том, каким могло бы быть ее продолжение после Мюнхена и оккупации Чехословакии Гитлером, трудно. Но исследователи имеют воз-

⁸² Там же. С. 581.

⁸³ Там же. С. 623.

⁸⁴ Черчилль впоследствии признавал, что проволочки и “полумеры” Запада оказались роковыми для Литвинова, стоив ему отставки (см.: *Рассел Б., Черчилль У.* Указ. соч. С. 195). “Смещение Литвинова, – делал вывод Черчилль, – ознаменовало конец целой эпохи. Оно означало отказ Кремля от всякой веры в пакт безопасности с западными державами и возможность создания Восточного фронта против Германии” (Там же. С. 196).

⁸⁵ Советско-американские отношения. 1934–1939. С. 623.

возможность познакомиться с иной манерой ведения дел НКВД СССР с “Туманным днищем” (госдепартаментом США) в ранее не публиковавшихся депешах временного поверенного, а затем полномочного представителя СССР в США К.А. Уманского (сменившего на этом посту Трояновского), дипломата иного склада мышления в отличие от того, который был присущ Трояновскому, легко нашедшему общий язык с окружением Рузвельта, и в прошлом его ближайшему советнику Б.Е. Сквирскому⁸⁶.

Не жаловавшийся полутонов в оценке любой сложной ситуации Уманский тем не менее показал себя сторонником более широкого (как он сам говорил, вкладывая в это особый смысл) “дипломатического” подхода, весьма искусным и напористым переговорщиком, неплохо ориентировавшимся в проходивших в США политических процессах, хотя порой и пренебрегавшего тактическими тонкостями в общении с собеседниками по переговорам. Главное же, лейтмотивом его деятельности стало не выжидание, а активное продвижение идеи советско-американского сближения в самых разных областях. Раздражавшие Литвинова “проповеди” Рузвельта в защиту мира и против агрессоров воспринимались Уманским как непритворное доказательство активной антиизоляционистской позиции⁸⁷ Белого дома, как предпосылка реальных шагов к формированию альтернативного курса во внешней политике. Можно расценить это как смелый (и, кстати, оправдавший себя) прогноз, хотя начало кампании демократов за третий президентский срок в 1939 г. и обещания Рузвельта удержать США “вне войны” как будто и не давали повода надеяться на изменение внешнеполитического курса США в сторону признания ими коллективной ответственности за безопасность в Европе и на Дальнем Востоке. Что характерно, Литвинов не ответил на этот оптимистический “диагноз” обычными для него резонерскими наставлениями – ничего не принимать за чистую монету и более критично смотреть на публичные заявления президента и госсекретаря.

Отметим и еще одну примечательную особенность того массива документов, который стал доступен исследователям. Она состоит в том, что, вчитываясь в эти вчера еще секретные материалы, относящиеся к 1938 и 1939 гг., легко обнаружить, какой ориентации (несмотря на особое мнение Кремля) продолжала в целом придерживаться советская дипломатия в сложной обстановке предвоенного кризиса вплоть до лета 1939 г. Показательно в связи с этим письмо К.А. Уманского М.М. Литвинову о назначении

⁸⁶ См.: Севостьянов Г.Н. Москва–Вашингтон: Дипломатические отношения 1933–1936. М., 2002. С. 381, 382.

⁸⁷ Советско-американские отношения. 1934–1939. С. 717.

Л. Штейнгардта новым послом США в СССР от 2 марта 1939 г. Выбор Рузвельта, наделившего своим доверием дипломата, настроенного антинацистски, – благо, хотя бы потому, что оттеняет состояние “полуразрыва в американско-германских отношениях”⁸⁸; с влиятельным антисоветским лобби в госдепартаменте Л. Штейнгардт не был связан, реальность нацистской угрозы американским интересам представлял отчетливо. Вывод: выбор Рузвельта удачен, поскольку укреплял слабые надежды на совместные договоренности по вопросу, который стал приоритетным – отражение нацистской опасности. Что думал по этому поводу Сталин, остается неизвестным.

О многом говорит и “выписка” из дневника Уманского о беседе с Рузвельтом 27 июня 1939 г.⁸⁹ Но ни Уманский, ни кто-либо другой в Москве тогда не знал, как далеко простирались планы Рузвельта, какие сценарии рождались в его голове⁹⁰. Весьма лояльный к президенту историк Мэддакс пишет, что в марте 1939 г. Рузвельт рассматривал вариант с продолжением гитлеровской агрессии в восточном направлении, с войной Гитлера против Сталина. «В марте он (Рузвельт. – В.М.) сказал помощнику госсекретаря по вопросам разведки Адольфу Бирлу, что “Гитлер нанесет удар в восточном направлении” и не пойдет “на соглашение со Сталиным”»⁹¹. Чью сторону взять, для Рузвельта было вопросом решенным.

Еще предстоит оценить эти и схожие рассуждения Рузвельта и его ближайших советников по поводу перспектив европейской и русской политики США в годы предвоенного кризиса. Не следует проходить мимо того факта, что в 1937–1938 гг. среди ведущих американских политиков и дипломатов, работавших на “русском направлении”, существовали настроения в пользу полной ревизии курса 1933 г. и присоединения к предложению правых о прекращении отношений с СССР. Отвечая на подобные “запросы” временного поверенного в делах США (после отъезда Дэвиса) Лоя Гендерсона, помощник госсекретаря Джордж Мессерсмит сделал ему внушение, в котором сполна присутствовали отголоски рузвельтовского реализма. «В то время как для нас остается многое неясным в позиции России, в ее настоящем и будущем, мы, естественно, тревожимся, пытаемся разгадать эту загадку, тем не менее нет никакого резона

⁸⁸ Там же. С. 712.

⁸⁹ Там же. С. 724, 725.

⁹⁰ Есть достаточное документально подтвержденных фактов, свидетельствующих, что в политических кругах США были заинтересованы в ухудшении советско-германских отношений. После капитуляции Франции эти настроения проявлялись уже открыто (L.C. L.A. Steinhardt Papers. Box 30: *Joseph B. Phillipps to Steinhardt*. June 20, 1940).

⁹¹ *Maddux Th.R. Op. cit.* P. 99.

прекращать наши отношения. Мне не импонирует идея, что недавние события в России (“чистки”. – В.М.) полностью ослабили ее оборонительную и наступательную мощь, хотя снижение и того и другого можно ожидать. Не убежден я и в справедливости тезиса, что утрачен весь огромный потенциал, который в России удалось создать, каким бы недостаточным он ни является. Этот потенциал имеет место быть, его следует принимать во внимание и придавать ему самое высокое значение во всех наших политических расчетах. Сейчас такое время, когда мы должны подходить к этой большой проблеме реалистично...»⁹².

Мессерсмит сделал это внушение Гендерсону явно с прицелом на вытеснение сторонников “политики окружения” Советского Союза, время которой уже ушло безвозвратно, но за которую все еще цеплялась плеяда дипломатов постверсальского призыва, прошедших школу Роберта Келли. Секретная депеша Мессерсмита в некотором роде была знаковым явлением, поскольку отражала укоренение новой тенденции в политической культуре США, связанной напрямую с переходом к доктрине *Realpolitik* в сочетании с налаживанием партнерских отношений со страной, не признаваемой Вашингтоном с 1918 г. и негласно наделенной в 1933 г. миссией резервной силы сопротивления агрессии германо-итальянско-японского альянса. В конце послания Гендерсону Мессерсмит посчитал нужным подчеркнуть, что он выполняет официальное поручение.

Канун войны. В статусе нейтральных держав

Жаркие дискуссии последних лет о причинах Второй мировой войны, об истоках предвоенного кризиса и, как выразился однажды К.М. Симонов, “сложной правде” трагических 1939–1945 гг. приковали к себе внимание широкой публики и у нас и за рубежом. Человечество в который раз пытается выяснить, какие силы и какие конкретные действия политиков (преднамеренные и непреднамеренные) подвели мир к последней черте, придав необратимый характер территориальной экспансии агрессивных держав, вызвав “усыхание” нравственности в мировом сообществе и позволив, говоря словами Томаса Манна, “невозможному ужасу стать действительностью”⁹³.

И сегодня историки многих стран как никогда остро ощущают, что им недостает документов, тех “говорящих” свидетелей

⁹² LC. Loy Henderson Papers. Box 1: *George S. Messersmith to Henderson*. Jan. 5, 1938.

⁹³ Манн Т. Письма. М., 1975. С. 114.

эпохи, способных подсказать, в каком направлении вести поиск дальше, дающих ключ к пониманию многих тайн подлинной, невыдуманной предвоенной истории. В этом отношении важны и по-настоящему незаменимы любые дошедшие до нас письменные источники – и те, которые по всем правилам могут быть названы первичными, и те, которые, хотя к этой категории и не принадлежат, но в то же время и не являются продуктом идейных конфликтов и политических предпочтений нашего времени⁹⁴.

Одно другому не противоречит. Следует, конечно же, отдавать себе отчет, что выявление и включение в научный оборот новых массивов документальных источников автоматически не снимает всех сомнений. Ведь сами исторические источники не обязательно должны быть, как говорится, “без изъяна”. С этим особенно часто приходится встречаться, когда речь идет о документах или бумагах государственных деятелей, как бы специально адресованных потомству. События предвоенного десятилетия и Второй мировой войны породили великое множество подобных материалов. И все же и к ним следует относиться серьезно. Стоит напомнить, что говорил в связи с этим М. Блок: “...даже в явно намеренных свидетельствах наше внимание сейчас преимущественно привлекает уже не то, что сказано в тексте умышленно. Мы гораздо чаще и охотнее хватаемся за то, что автор дает нам понять, сам того не желая”⁹⁵.

Заодно спросим себя: а кто может рассчитывать на беспристрастность живых свидетелей тех событий? Слишком грубо, резко и драматично чертила тогда история свои уродливые узоры в мировой политике, чтобы люди, подхваченные всесокрушающим водоворотом событий, могли хладнокровно воспринимать их непредсказуемое развитие и скрытую сущность. Это не означает, что такие попытки не делались вовсе. Публикуемые ниже документы – один из тому примеров. По большому счету их автор, профессор Чикагского университета Сэмюэл Харпер (1882–1942), эксперт из “команды” В. Вильсона, в 20–30-х годах глава школы американских славистов и неофициальный консультант Государственного департамента США, стремился быть предельно объективным в оценке событий начиная с лета 1939 г. и до осени 1940 г. Он оставался критичным и нелюбезным даже тогда, когда

⁹⁴ См. об этом: *Мальков В.Л.* Канун войны: Поиски и находки в архивах США // Дипломатический ежегодник 1989. М., 1990. С. 254–283.

⁹⁵ *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 37. Интересные острокритические соображения о состоянии исторического знания о Второй мировой войне в контексте советско-американских отношений высказал профессор университета в Эбердине (Англия) Поль Дьюкс (см.: *Dukes P.* The Last Great Game: USA Versus USSR. Events, Conjunctures, Structures. L., 1989).

дело касалось его собственной страны, занявшей поначалу позицию стороннего наблюдателя европейской драмы. Камертоном всему были царящие в американском общественном мнении тех дней политические настроения, формируемые под впечатлением фиаско стратегии “умиротворения агрессоров” после Мюнхена, и последовательно (хотя и медленно) меняющееся отношение к загадочному “русскому сфинксу”. И сначала следует сказать об этих настроениях.

Они выглядят гораздо сложнее и дифференцированнее, чем у нас принято было считать до последнего времени, отражая то порывы отчаяния, что смутные надежды – увидеть мир продленным путем очередного компромисса с Гитлером и Муссолини, то решимость к отпору агрессорам. Наэлектризованность атмосферы ощущалась постоянно и повсюду, чему способствовала лихорадочная дипломатическая деятельность, и тайная и явная. Особое ощущение катастрофичности положения имело своим источником атмосферу разлада и почти неустранимого недоверия, которая установилась после Мюнхена между Англией и Францией с одной стороны и Советским Союзом – с другой, оказавшимся в данном случае отчасти не по своей воле как бы на обочине европейской политики. С его мнением не считались, его ролью в европейских делах пренебрегли. Процессы и “чистки” в Советском Союзе расширили эту пропасть, поставив своеобразную стену между западным общественным мнением и кремлевскими руководителями. С некоторых пор каждый новый шаг Кремля принимали как маневр, таивший в себе неприятный сюрприз. Ожидавшийся с нетерпением и открывшийся 10 марта 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) не только не снял этого ощущения, но и еще в большей степени его усилил.

Между тем в отчетном докладе Сталина была изложена хорошо известная советская точка зрения на политику “невмешательства”, названной попустительством неагрессивных стран агрессорам (Германии и Японии), но акцент (и очень на этот раз сильный) делался не на общую констатацию, а на изобличение маскируемой под благовидными предложениями скрытой сути этой политики – попытки столкнуть агрессоров с Советским Союзом. Дождавшись истощения всех троих (имелась в виду возможность войны СССР на два фронта, против Германии на Западе и Японии на Востоке), говорил Сталин, Запад рассчитывает в нужный момент выступить на сцену со свежими силами и продиктовать “ослабевшим участникам войны свои условия”. Жестко ироническое “и дешево и мило!”, вполне раскрывающее ход мыслей докладчика, подкреплялось прямым предупреждением в адрес Лондона и Парижа: “опасная политическая игра, начатая сторонниками поли-

тики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом”⁹⁶.

Комментаторы западной печати были почти единодушны в оценке смысла этого раздела доклада – советское руководство заявляет о решимости не дать втянуть страну в военный конфликт с Германией и Японией, оно намерено оставаться вне войны, если она не будет развязана против СССР. В целом такая позиция представлялась естественной и логичной, однако многие находили, что Запад, привыкший видеть Советский Союз упорно добивающимся соглашения с ним, сталкивается с новым вызовом, поскольку Москва уже не скрывала разочарования в усилиях добиться договоренности о совместных действиях против расширения агрессии. Многие находили, что, изменив своей активной внешней политике, Советский Союз движется в сторону если не изоляции, то большей отстраненности от болевых точек Центральной Европы за счет переноса внимания на Дальний Восток. Вопросы громоздились один на другой. В чем подлинная причина перестановки акцентов во внешнеполитическом курсе Москвы? Является ли это тактическим маневром Сталина или он замышляет кое-что посерьезнее, например сближение с Германией? Кому в действительности было предъявлено обвинение в провокационной игре на осложнениях между СССР и Германией в связи со сведениями о планах последней в отношении Украины – Лондону или Парижу, а может быть, внутренним “оппозиционерам”, излишне доверчиво относящимся к Западу и чрезмерно активно отстаивавшим курс на сотрудничество с ним в целях сдерживания агрессии?⁹⁷ Этот перечень можно было бы и продолжить.

Толкований становилось все больше, как и вопросов, но большинство сходилось на том, что игнорировать эти предупреждения Москвы было бы делом рискованным. Между особенностями внутреннего развития СССР во второй половине 30-х годов и переменами во внешнеполитическом курсе сталинского руководства прослеживали определенную взаимосвязь. Но в какой мере достоверен был этот диагноз, оставалось неясным, как неясным представлялись брошенные Сталиным слова, что впредь репрессии будут обращены не во внутрь страны, а против враждебного окружения.

⁹⁶ Правда. 1939. 11 марта.

⁹⁷ Евгений Александрович Гнедин, работавший до ареста в мае 1939 г. заведующим отделом печати Наркоминдела, в своих воспоминаниях писал, что в мае и июне 1939 г. в ходе “чистки” НКВД СССР усиленно готовилось “дело Литвинова” (см.: Новый мир. 1988. № 7. С. 195).

В Америке, расколотой на лагерь изоляционистов и антиизоляционистов, сторонников примирения с “третьим рейхом” и его непримиримых противников, пристально следили за развитием событий в Европе. И хотя многие считали, что Чемберлен зашел в уступчивости Гитлеру слишком далеко, большинство все же уповало на то, что в какой-то момент, когда отступить будет некуда, он сумеет продемонстрировать характер. Замечено было и выглядевшее несколько неестественным потепление Лондона в отношении Москвы. В этом варианте Советский Союз рассматривался как вероятный союзник Англии и Франции, но известия из Москвы заставили увидеть будущее в новом свете. Советский Союз дал понять, что он не позволит сделать себя слепым орудием других стран, ведущих рискованную игру “в поддавки” в собственных интересах. Одним из первых, кто осознал это, оказался бывший посол в Москве Джозеф Дэвис. Находясь в 1938 г. в Брюсселе (он занял пост посла США в Бельгии), Дэвис записал 11 марта в дневнике: «Московское радио вчера и сообщения печати сегодня передают изложение речи Сталина по вопросам внешней политики на XVIII съезде партии. Это чрезвычайно важное заявление. Оно содержит в себе совершенно ясное предупреждение английскому и французскому правительствам, что Советы устали от “нереалистической” оппозиции агрессорам»⁹⁸.

Пресса энергично принялась обсуждать вопрос о возможности крутых разворотов во внешнеполитическом курсе Кремля. Среди различных причин, выдвигаемых в качестве объяснения, фигурировала и версия о резком снижении уровня боеспособности Красной Армии в результате постигших ее потрясений, уничтожения командных кадров и перемещений, слабой технической оснащенности. Указывалось на те изменения, которые за последние пять лет привели к почти полному обновлению политического руководства СССР в центре и на местах. Так, например, в связи с открытием XVIII съезда ВКП(б) газета “Нью-Йорк таймс” специально отмечала, что большинство его делегатов – члены партии, вступившие в нее после 1926 г.⁹⁹ Особого внимания была удостоена та часть внешнеполитического раздела доклада Сталина, в которой в духе отповеди говорилось о попытках западной печати нанести урон отношениям между СССР и Германией и столкнуть их друг с другом рассуждениями об угрозе Украине со стороны “третьего рейха”. Не осталось незамеченным также смягчение тона “в отношении агрессивных держав – Германии, Италии и Японии” – сравнительно с тем, который докладчик упо-

⁹⁸ *Davies J.E. Mission to Moscow. L., 1942. P. 279.*

⁹⁹ *New York Times. 1939. Mar. 10. P. 4 L.*

требил, говоря о “западных демократиях”. Полагали, что совершенно не случайно Сталин выдвинул тезис и о давно подготовляемой на Западе “второй империалистической войне”¹⁰⁰.

В корреспонденции от 12 марта та же “Нью-Йорк таймс”, не скрывая тревожных интонаций, писала, что выступление Сталина следует понимать как жест примирения с Германией и как серьезное предупреждение Западу¹⁰¹. После Антикоминтерновского пакта (1936) никто не мог себе представить ничего подобного. Газета заключала: “Означают ли слова Сталина, что следует ожидать улучшения отношений между Россией и Германией? И вообще, что стоит за ними? Истолкование их стало непростым делом после того, как какое-то время тому назад отношения между Англией и Россией улучшились. Совсем недавно премьер-министр Чемберлен первый раз за свою жизнь присутствовал на приеме в советском посольстве в Лондоне, а вскоре в Москву отправляется английская торговая делегация (речь идет о визите министра внешней торговли Роберта Хадсона в Москву в конце марта 1939 г. – В.М.). Чтобы там Сталин не имел в виду, его речь в Кремле не содействовала очищению атмосферы в Европе, которая все еще со всеми компонентами сохраняет запах дыма от пожарниц Гражданской войны в Испании”¹⁰².

Если даже допустить, что упреки, высказанные “Нью-Йорк таймс” в адрес советского руководства, были обоснованы, то последовавшие буквально вслед за тем события могли поколебать эту уверенность. И Англия, и Франция, подписавшие вместе с Германией и Италией Мюнхенское соглашение, доказали всем, кто еще верил в идею коллективной безопасности, что вся самокритика Лондона и Парижа ничего не значит. На многих в США ошеломляющее впечатление произвел тот факт, что захват Чехословакии Гитлером 15 марта 1939 г. не вызвал ожидаемого потрясения в Лондоне. «Ликвидации Чехословакии, – писала “Нью-Йорк таймс”, – было вовсе недостаточно для того, чтобы заставить Англию стряхнуть овладевшую ею в последнее время апатию по отношению к событиям в Центральной Европе...»¹⁰³. То же, впрочем, можно было сказать и о США – стране, сделавшей больше всех для становления независимой Чехословакии.

Удручало то, что уже вскоре стало ясно, что захват Гитлером Чехословакии, создав на первый взгляд необходимое и достаточное условие для улучшения взаимопонимания между Лондоном и

¹⁰⁰ Ibid. Mar. 11. P. 8 L.

¹⁰¹ Ibid. Mar. 12. P. 39 L.

¹⁰² Ibid. P. 1 E, 3 E.

¹⁰³ Ibid. 1939. Mar. 15. P. 1.

Москвой, на самом деле эту возможность ухудшил. Не мог остаться незамеченным и тот факт, что в психологическом плане это относилось и к взаимопониманию между Москвой и Вашингтоном. Исчезновение Чехословакии – страны, к образованию которой США были причастны в первую очередь, – с политической карты Европы контрастнее выразило незаинтересованность Америки в судьбе ее народов в целом. Самый заметный среди журналистского корпуса обозреватель Уолтер Дюранти в корреспонденции из Москвы, опубликованной в “Нью-Йорк таймс” 16 марта, писал, что реакция в Советском Союзе может быть выражена одной фразой “Что же вы хотели?” По мнению Дюранти, объяснимым было стремление советского руководства подчеркнуть готовность Советского Союза самому позаботиться о собственной безопасности¹⁰⁴.

Не менее именитый политический обозреватель Артур Крок в своем анализе существующих в Государственном департаменте США “теорий” развития европейской ситуации, не сговариваясь с Дюранти, подтвердил наличие планов, учитывающих возможность развязывания Германией войны против Советского Союза при сохранении нейтралитета западных стран и без помех со стороны Польши¹⁰⁵. Но дебаты во внешнеполитическом ведомстве, в Конгрессе и вообще в кругах, близких к правительству США, выявили также и еще одну интересную особенность: в верхних эшелонах власти появлялось все больше людей, способных самокритично и трезво оценить бесперспективность и губительность курса на сохранение позиции “над схваткой” и полную неэффективность тех символических жестов и полумер, которыми Лондон, Париж и Вашингтон пытались реабилитировать себя за предательство в Мюнхене, примирение с захватом Чехословакии. Тот же Артур Крок писал: “Американцы, живущие в самом сердце страны, чьи заботы до последнего времени замыкались на вопросах контроля за производством зерна, помощи безработным, налогов и предвыборной политики 1940 г., сегодня обсуждают совсем другие темы: могла ли английская дипломатия воспрепятствовать вхождению Муссолини в союз с Гитлером и могли ли компетентные государственные деятели в Европе, прибегнув весной 1938 г. к силе, остановить диктаторов и предотвратить спектакли в Мюнхене и Праге”¹⁰⁶.

С марта 1939 г. вопрос о позиции Советского Союза и об отношениях с ним обернулся для американцев неожиданной гра-

¹⁰⁴ Ibid. Mar. 16. P. 10 L.

¹⁰⁵ Ibid. P. 22 L.

¹⁰⁶ Ibid. Mar. 17. P. 20.

нью. Прогнозы в духе ожидания “нового Рапалло” высказывались на страницах еженедельных газет¹⁰⁷, но уже в контексте неминуемого военного триумфа вермахта. Опубликованная в газете “Нью-Йорк таймс” 19 марта 1939 г. карта Европы в качестве одного из наиболее вероятных направлений следующего удара Гитлера на Востоке указывала на Украину. А поскольку именно это направление для удара вермахта считалось наиболее вероятным, сразу же возникал вопрос, сможет ли СССР что-либо противопоставить ему. Газета вопрошала: “Окажет ли Россия сопротивление или пойдет на соглашение с Германией?” Преобладал скептицизм. Ввергнутая в хаос Россия, – писала далее газета, – не котируется в качестве фактора силы в Восточной Европе¹⁰⁸. У тех, кто ближе соприкасался с внутренним положением страны, складывалось иное мнение, но в целом никакой ясности не было. Не вносила ее и информация, поступающая из посольства США в Москве. Само посольство вплоть до середины марта 1939 г. работало без руководителя, поскольку Белый дом всячески оттягивал оглашение своего решения о назначении посла.

И все же среди разногласий суждений и догадок в связи с изложением Сталиным советской позиции по вопросам внешней политики на XVIII съезде ВКП(б) в середине марта 1939 г. наиболее обоснованным рассматривался следующий прогноз:

1. Советский Союз в сложившейся обстановке с учетом опыта Мюнхена и последующих событий не будет первым предпринимать никаких шагов, способных втянуть его в войну с Германией;
2. Советский Союз сосредоточивается на своих внутренних делах, включая проведение необходимых мобилизационных мероприятий и укрепление боеспособности;
3. возможная отставка М.М. Литвинова и перемены в составе НКВД в результате сталинских “чисток” увеличивают перевес тех сил в советском политическом руководстве, которые отдают предпочтение сохранению состояния “вооруженного нейтралитета” по отношению к тому, что происходит в Центральной Европе;
4. активность милитаристской Японии на Дальнем Востоке сделает СССР вдвойне осторожным, что, как заметил У. Дюранти, только еще скорее заставит потенциальных партнеров по антигитлеровскому блоку поменяться ролями – западные страны будут больше заинтересованы в поддержке Советского Союза, чем Москва в сотрудничестве с ними¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Ibid. Mar. 20. P. 11 L.

¹⁰⁸ Ibid. Mar. 19. P. 3 E.

¹⁰⁹ Ibid. Mar. 21. P. 1; Mar. 26. P. 4 E; Apr. 11. P. 5.

Последующие события, казалось, опрокинули эти предположения, вернув все “фигуры” на международной шахматной доске к домюнхенской диспозиции. Неожиданно 18 марта СССР предложил созвать конференцию шести держав (СССР, Франция, Англия, Польша, Румыния и Турция) “для выяснения действительно положения и определения позиций всех его участников”¹¹⁰. Отклонение этого предложения Англией как “преждевременного” и отнесение его к разряду “незамеченных” Францией было как будто было “уравновешено” появлением в Москве 23 марта “сильного” человека в консервативных кругах Англии Роберта Хадсона, главы департамента по делам заморской торговли, и его переговоров с М.М. Литвиновым, А.И. Микояном, В.М. Молотовым. Нужно признать, сообщал из Москвы корреспондент “Нью-Йорк таймс” У. Дюранти, у Советского Союза нет особых причин “целовать Англию в обе щеки”¹¹¹. Но тем не менее соображения более весомые, чем налаживание торгово-экономических связей, сделали встречу с известным противником политики “умиротворения” без преувеличения полезной и многообещающей. Буквально накануне позиции Англии и СССР как будто бы сблизились в результате обмена мнениями между М.М. Литвиновым и послом Англии в Москве У. Сидсом о предложенном британским кабинетом проекте декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши, предусматривавшем консультации о совместных шагах в связи с любыми возможными действиями, составляющими угрозу политической стабильности в Европе¹¹². Как о совершенно неординарном событии все ведущие газеты в Англии и США сообщили о том, что посол СССР в Лондоне И.М. Майский присутствовал на завтраке у леди Астор, духовного лидера английских консерваторов.

Но в реальной жизни все осталось без изменений. И.М. Майский сообщал в Москву о популярности в Англии идеи сближения с СССР и одновременно, что Чемберлен “не потерял надежды толкнуть Гитлера на восток, против СССР”¹¹³ и что Польша и Румыния боятся “дружбы” с СССР больше, чем его “вражды”¹¹⁴. По словам посла, сказанным им в беседе с Галифаксом 31 марта 1939 г., по причине открытого нежелания “самой Польши пользо-

¹¹⁰ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны: Документы и материалы. М., 1971. С. 266.

¹¹¹ New York Times. 1939. Mar. 25. P. 6.

¹¹² СССР в борьбе за мир... С. 263–265.

¹¹³ Там же. С. 273; *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943: В 2 кн. / Сост. Л.В. Поздеева, О.А. Ржешевский, Ю.А. Никифоров. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2006. Кн. 1. С. 362.

¹¹⁴ Там же. С. 280, 288–289.

ваться нашей поддержкой”, Советский Союз “не может занимать иной позиции, как позиция внимательного наблюдателя за разворачивающимися событиями”¹¹⁵. По-видимому, по тем же мотивам известие о предоставлении Англией гарантий Польше, по словам Дюранти, было встречено в Москве лишь со “сдержанным удовлетворением”¹¹⁶. Прилагательное “сдержанное” имело предикативный смысл. Все понимали, что недоверие советского руководства к линии Чемберлена–Боннэ, и его возмущение поведением польского правительства не предвещали ничего хорошего. И в Соединенных Штатах отдавали себе отчет в этом (президент Рузвельт сам отказался определить свое отношение к англо-французскому демаршу), а еще и в том, что обещания оказать помощь Польше не означали отказа западных демократий от попытки решить польско-германские противоречия “нормальным дипломатическим путем”. Американская печать придавала особое значение этой оговорке. Подчеркивалось, что если Польша (или Румыния, или Греция) добровольно пойдет на соглашение с Германией (оно считалось вполне допустимым) на базе территориальных уступок или присоединения к “оси”, то в этом случае ни Англия, ни Франция не будут считать себя связанными сделанными обещаниями¹¹⁷. Не прошли незамеченными и разъяснения лондонской “Таймс” о том, что английские гарантии не перекрывают “каждый инч” существующей польской границы с Германией, т.е. не относятся к Данцигу и “польскому коридору”¹¹⁸, вождь-ленной цели третьего рейха.

Второй Мюнхен? Да, именно так. Вместе с констатацией “коренного поворота” во внешней политике Англии и изменением настроений в английском общественном мнении на горизонте обозначилась тень нового Мюнхена, т.е. продление мира теперь уже за счет Польши. И в этом отношении, писал У. Дюранти, “нравятся они вам или нет, русские вправе подозревать, что Гитлер и компания располагают бóльшим здравомыслием, чем Франция и англичане вместе взятые, даже если к ним добавить поляков”¹¹⁹.

¹¹⁵ Там же. С. 289.

¹¹⁶ New York Times. 1939. Mar. 31. P. 1; Apr. 1. P. 1.

¹¹⁷ Ibid. Apr. 2. P. 43 L.

¹¹⁸ И.М. Майский этим размышлениям “Таймс” посвятил целую телеграмму в НКВД СССР от 2 апреля 1939 г. (см.: СССР в борьбе за мир... С. 297–298).

¹¹⁹ New York Times. 1939. Apr. 2. P. 5 E. Трудно сказать, было или не было обычно хорошо информированному Дюранти известно о беседе М.М. Литвинова и английского посла У. Сидса 1 апреля, но очень легко представить, что он знал о ней. В ходе беседы нарком объявил, что СССР не считает себя связанным никакими обязательствами и будет “поступать сообразно своим интересам”.

Как видим, настороженность в оценке окончательности поворота во внешней политике Англии проявлялась не только в Москве, но и в политических кругах Вашингтона. Не случайно “Нью-Йорк таймс”, сообщая о реакции ведущих промышленников Бирмингема на предоставление Англией гарантий Польше, отмечала ее негативный характер. Газета заключала не без едкой иронии: “Великобритания может колебаться по поводу проведения своей политики, но не по поводу своей непоколебимой веры в то, что в итоге она одержит верх”¹²⁰. Правда, по мнению многих американских наблюдателей, существовали оправдывающие англичан обстоятельства, в частности, распространенный на Западе взгляд, что военный потенциал Советского Союза находится в плачевном состоянии. Пытаться опровергнуть англичан считалось невозможным: факт уничтожения высших командных кадров Красной Армии говорил сам за себя¹²¹. Он служил оправданием и для тех политиков в США, кто призывал крепить изоляционизм, т.е. предлагал не связывать себе руки какими-либо обязательствами в отношении помощи жертвам агрессии и сохранить до конца верность принципу “нейтралитета”.

Не было никакого прямого подтверждения, что в тот момент Рузвельт имел более четкую линию поведения, чем английский кабинет, хотя он обрушился с критикой на сторонников крайнего изоляционизма, приравняв его к государственной измене¹²². Покидая 9 апреля 1939 г. после непродолжительного отдыха Уорм-Спрингс, президент бросил жаждающим знать его мнение о международной обстановке журналистам: “Я вернусь осенью, если не будет войны”¹²³. Белый дом устами своих неназванных представителей осудил агрессию “нацистского империализма”, но, какими будут практические шаги администрации, едва ли кто сомневался: накануне выборов 1940 г. Рузвельт не мог себе позволить открыто и активно вмешаться в европейские дела или, что

Литвинов говорил, что в Москве задавались вопросом, “действительно ли Англия решила встать на путь борьбы с агрессией вообще, где бы она ни возникала, или же мы имеем дело с соглашением между Англией, Францией и Польшей или даже Румынией, вызванным особыми соображениями и интересами?” Запись М.М. Литвинова о беседе с Сидсом кончается следующими словами: “Я действительно принял посла очень холодно, выражая это не столько словами, сколько поведением, и от продолжения разговора уклонился” (см.: СССР в борьбе за мир... С. 292). Посол Англии Сидс одним из первых почувствовал подчеркнутую нелюбезность Москвы по отношению к европейским “демократиям”.

¹²⁰ New York Times. 1939. Apr. 3. P. 14.

¹²¹ Ibid. Apr. 9. P. 22 L.

¹²² См.: Советско-американские отношения 1934–1939 / Научн. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2003. С. 717.

¹²³ New York Times. 1939. Apr. 10. P. 1.

еще хуже, быть гарантом безопасности Англии и Франции. Те немногие, кто истолковал эти заявления как готовность США вместе с другими демократическими странами, если потребуются, использовать силу для предотвращения дальнейшего расширения агрессии, получили очередной заряд холодного душа в виде обращения Рузвельта к Гитлеру и Муссолини от 15 апреля с предложением торжественно обещать в течение 10–25 лет воздерживаться от агрессии против трех десятков стран – потенциальных жертв, включая Польшу и Советский Союз. Критика этого обращения к агрессорам общественностью западных стран не заставила себя ждать: от Гитлера хотели получить гарантии, в которые заранее решительно никто не верил. Левая печать зло высмеивала наивность президента, дипломаты говорили, что Рузвельт хотел всего-навсего выиграть время.

Шараханье из стороны в сторону и кажущаяся нелогичность становились приметной чертой дипломатии больших и малых стран. К середине апреля 1939 г. еще более отчетливо проявились изоляционистские тенденции во внешней политике СССР, о которых с непривычной нервозностью сообщала печать западных стран начиная с марта. Их не считали немотивированными. Так, А. Маккормик в корреспонденции из Парижа 14 апреля писала, что “несговорчивость Москвы” проистекает не только из-за “нежелания Польши и Румынии принять гарантии Москвы”, но и по причине ее сомнений в отношении целесообразности – “входить в большой блок на условиях, предложенных странами, которые до сих пор стремились не допускать советское правительство к определению согласованных действий в Европе”¹²⁴. Можно было подумать, что в руки американской журналистки каким-то неведомым путем попала депеша М.М. Литвинова И.М. Майскому от 4 апреля. В ней, в частности, говорилось: “Не в первый раз Англия делает нам предложения о сотрудничестве и потом берет их обратно со ссылками на действительные или возможные возражения то Германии, то Японии, а теперь Польши... Для нас нетерпимо положение человека, которого приглашают в гости, а затем просят его не приходить ввиду того, что другие приглашенные гости не желают с ним встречаться. Мы предпочли бы быть совершенно вычеркнутыми из списка приглашенных... Из сказанного Вам ясна будет наша нынешняя, а возможно, и дальнейшая сдержанность в отношении всяческих английских жестов”¹²⁵. Сам тон этой инструкции послу указывал, что позиция Москвы не будет смягчена.

¹²⁴ Ibid. Apr. 15. P. 18.

¹²⁵ СССР в борьбе за мир... С. 303–304.

13 апреля британское и французское правительства выступили с совместным заявлением о том, что в случае угрозы независимости Греции, Румынии и Польши они немедленно придут им на помощь. Вслед за тем английское правительство 15 апреля запросило согласия правительства СССР на то, чтобы сделать заявление о том, что в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь советского правительства, не уточняя, впрочем, каковы будут формы его собственного участия в отражении агрессии. 17 апреля 1939 г. советское правительство ответило обращением к Англии о заключении между Англией, Францией, СССР соглашения (сроком на 5–10 лет) о взаимопомощи и подписании военной конвенции, действие которых распространялось бы на все граничащие с СССР восточноевропейские государства. Но, по-видимому, уже в начале 20-х чисел апреля в Москве сочли, что правительства в Лондоне и Париже не готовы к всеобъемлющему соглашению с СССР и стремятся под разными предлогами затянуть ответ. “Авось опять запахнет миром” в связи с ожидаемой новой речью Гитлера, писал Литвинов, характеризуя возможность рецидива соглашательства Чемберлена и Боннэ с Берлином и Римом¹²⁶. Ясно было одно: идея реального тройственного союза, возобновления Антанты была погребена под давящим грузом взаимного недоверия и подозрительности, чем не преминула воспользоваться дипломатия “третьего рейха”, попеременно разыгрывающая то одну, то другую карту.

Ориентация Англии, в отличие от СССР, настаивавшего на тройственном соглашении (пакт взаимопомощи), на “параллельные” действия, не отменявшие возможности компромисса с Гитлером, стала главным препятствием на пути наведения мостов через разделяющую обе страны и все расширяющуюся пропасть. Непрерывно проходившие с начала мая и до конца июля 1939 г. переговоры СССР с Англией и Францией вызывали один только горький осадок. Обе стороны действовали таким образом, как будто только и думали, чтобы найти выход из них. Советское требование принятия равных обязательств оказалось в центре переговоров и одновременно главной причиной всех затруднений. Об этом было ясно заявлено Молотовым 31 мая 1939 г. на сессии Верховного совета СССР. Глава советского правительства, посвятив отдельный пассаж своей речи Германии, начал его с многозначительной фразы: “Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходи-

¹²⁶ Там же. С. 343–344; *Майский И.М.* Дневник дипломата. С. 382, 383.

мым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия”¹²⁷.

И если в Лондоне и в меньшей мере в Париже все еще предпочитали тактику давления на Гитлера дипломатией предупредительных действий, то в Вашингтоне перспектива внезапного прекращения контактов Лондона и Парижа с Москвой и возможность сближения СССР и Германии рассматривалась в ином и, как это не странно, более катастрофическом контексте. Начало военных действий между Японией и СССР на р. Халкин-Гол в конце мая 1939 г. только усилили в определенных кругах США подозрения относительно мотивов поведения Чемберлена. Во внимание принимались как расчеты Лондона найти новый предлог для срыва подписания соглашения со страной, которая фактически находилась уже в состоянии войны, так и нарастающая жесткость и разнонаправленность советских намерений¹²⁸. Министр внутренних дел США Г. Икес писал, например, 5 июля 1939 г. Р. Робинсу: “Чемберлен неотступно следует своим нечестным путем. Очевидно, он вопреки всему надеется, что Гитлер в конце концов решит двинуться на восток, а не на запад. Вот почему он медлит с заключением соглашения с Россией, что может иметь фатальные последствия как для Франции, так и для Британской империи”¹²⁹. Раймонд Робинс – давний сторонник советско-американского сближения – знал почти наверняка, что СССР не захочет плыть по течению, когда обнаружит, что отвернуть от водоворота уже нельзя.

Потребность в информации о европейской ситуации “из первых рук” возросла многократно, превратившись для политиков в Вашингтоне в вопрос первостепенной важности. Теперь мы возвращаемся к миссии С. Харпера. Нетрудно понять, почему его готовность посетить ряд европейских столиц и Москву всем показалась очень своевременной. В госдепартаменте, с которым Харпер сотрудничал со времен русской революции 1917 г. в качестве консультанта, увидели в этом одну из возможностей заглянуть в недра европейской дипломатической кухни, свежим взглядом оценить события, “просеяв” их через двойное сито – собственную службу анализа и внутреннее око ученого, способность которого к трезвому учету всех обстоятельств “русской ситуации” много-

¹²⁷ СССР в борьбе за мир. С. 428.

¹²⁸ 17 июля 1939 г. В.М. Молотов телеграфировал И.М. Майскому в Лондон: “Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя” (Там же. С. 496).

¹²⁹ LC. H.L. Ickes Papers. Box 162: *Ickes to R. Robins*. July 5, 1939. Примерно в тех же выражениях ситуацию в связи с трехсторонними переговорами оценил и президент Рузвельт в беседе с Уманским 27 июня 1939 г. (Советско-американские отношения 1934–1939. С. 724–725). Добавим: согласно записи посла.

кратно находила подтверждение. Контакты Харпера с государственными деятелями Советского Союза всегда поощрялись в качестве неформального канала связи.

Бюрократические детали заняли немного времени, плотный график пребывания Харпера в Вашингтоне перед отъездом до отказа заполнен оказался беседами с госсекретарем К. Хэллом, Уманским, польским послом. Харпер прибыл в Лондон 13 апреля 1939 г., затем самолетом вылетел в Ригу, а оттуда поездом в Москву. Это был шестой визит Харпера в Советский Союз, и он стал весьма продолжительным. Харпер посетил Киев, Харьков, Иваново. 5 июля, пробыв в Советском Союзе около двух месяцев, он выехал в Польшу, а оттуда – на родину¹³⁰. 26 июля 1939 г. Харпер закончил свой отчет, направив его в несколько адресов. К тому времени он, скорее всего, еще не знал о решении английского и французского правительств принять предложение правительства СССР о направлении в Москву военных миссий для выработки конкретных и действенных соглашений. Это совместное решение двух правительств состоялось 25 июля, но для прибытия миссий Думенка и Дракса в Москву понадобилось 17 дней. Таким образом, Германии ничто не мешало осуществить упреждающие контрмеры, пользуясь отсутствием согласованных планов у неагрессивных держав и необъяснимой неторопливостью западных военных миссий, сформированных для переговоров в Москве. Кульминацией тупиковой дипломатии было согласие Москвы на приезд Риббентропа и прекращение англо-франко-советских военных консультаций в Москве 22 августа 1939 г. Ничего этого Харпер еще не знал, но все факторы, обеспечившие такую концовку, были рассмотрены в его отчете с достаточной полнотой.

ШЕСТОЙ ВИЗИТ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ¹³¹

Кому: *Уолтеру С. РОДЖЕРСУ*,
Институт современных международных отношений, 522,
Пятая авеню, Нью-Йорк (штат Нью-Йорк)

От кого: *Самуэла Н. ХАРПЕРА*.
Чикагский университет, 26 июля 1939 года

Настоящий документ является отчетом о моей недавней поездке в Советский Союз. Он включает меморандум, написан-

¹³⁰ См.: *The Russia I Believe in: The Memoirs of Samuel N. Harper, 1902–1941* / Ed. by P.V. Harper. Chicago, 1945. P. 255–267.

¹³¹ Georgetown University Library. Robert E. Kelley Papers. Box 3. Folder 11a. Samuel N. Harper. A Sixth Visit to the Soviet Union, July 26, 1939). Отчет Харпера публикуется в переводе с оригинала с незначительными сокращениями, не имеющими принципиального значения.

ный и отосланный мною из Лондона 3 мая 1939 г. в предварительном порядке. Главной темой документа, конечно, является Советский Союз, но я позволил себе выразить свою точку зрения и в отношении других стран, в особенности Польши и Англии, а также мировой ситуации в целом в той степени, в какой она может быть соотнесена с главной темой, то есть с вопросом о советизме на двадцать втором году его жизни и в связи с международной напряженностью последних лет. Следует заметить, что в Англии я чувствовал себя вовсе не гостем, поскольку в прошлом работал там преподавателем университета в Ливерпуле. Моя остановка в Польше стала традиционной в практике моих путешествий в дореволюционную Россию и в Советский Союз. В этом году мое пребывание в Польше было более продолжительным ввиду особого значения, которое приобретает Польша в контексте современного международного кризиса.

I

Многие, с кем мне приходилось встречаться в Польше, так же, как и в Англии, затрагивали в беседах широко обсуждаемую “психологию Мажино” и задавались вопросом, остается ли она по-прежнему доминирующей во Франции, как это, по всей вероятности, имело место во время событий в Чехословакии и Испании. Многие опасаются, что Франция в случае войны будет попросту отсиживаться за своей мощной оборонительной линией вместо того, как думают простые поляки, чтобы забросать снарядами германскую “линию Зигфрида” или вести наступательные действия против Италии.

II

Послания президента Рузвельта Гитлеру и Муссолини от апреля с.г. ставят малые страны под удар, поскольку не существует эффективно действующего блока неагрессивных стран. Возникает вопрос, направил ли Рузвельт свои послания в ожидании того, что под давлением Польши и при инициативной роли Чемберлена без промедления родится эффективная программа под лозунгом “Остановим Гитлера”? Оказалось, однако, что послания президента обернулись к невыгоде малых стран, поскольку они столкнулись с необходимостью униженно заверять Гитлера, что не боятся стать объектом нападения с его стороны (что они и сделали), и подписать с ним пакты о ненападении, несмотря на всем

хорошо известный обычай Гитлера не считаться с подобного рода соглашениями, если он почему-либо находит удобным для себя отказаться от них [...].

III

В ходе моих периодически повторяющихся посещений Советского Союза начиная с 1926 г., из которых последнее было шестым по счету, главной их целью всегда служило выяснение того, как продвигается вперед эксперимент с социализмом. Таким путем я пытаюсь дополнить собственные, формальные по большей части, наблюдения, проводимые в Чикаго, живыми впечатлениями от дискуссий с исследователями других стран и с советскими людьми, представляющими самые разные социальные прослойки. В этом году такой подход кажется вдвойне целесообразным, ибо вопрос повернулся своей специфической гранью. В последнее время все спрашивали, в какой степени кризис, приведший к чисткам, и методы самих чисток политически и экономически ослабили советскую систему. И поскольку советская военная мощь находится в прямой зависимости от политической обстановки, сложившейся в стране с момента проведения этих мер, и от условий хозяйственной деятельности в рамках новой системы управления, опирающейся на принцип “плановой экономики”, ответ на поставленный выше вопрос является одновременно и ответом на другой острейший и злободневный вопрос – о роли, которую Советский Союз способен играть в реализации новой программы коллективной безопасности. Похоже, она предусматривается Англией и Францией в их предложениях Советскому Союзу о заключении чего-то вроде пакта, предложениях, являющихся предметом переговоров между этими странами на протяжении вот уже трех месяцев.

При оценке политической и экономической обстановки в стране в качестве естественно напрашивающейся отправной базы для сравнения я взял ситуацию осени 1936 г., которую застал во время моего предыдущего визита в Советский Союз [...]. То, что существовали серьезные причины предполагать неудачу в реализации положений Конституции 1936 г., признается даже теми, кто не принадлежит к числу ее суровых критиков. Достаточно сказать, что в тот самый день, когда верховный законодательный орган Советов одобрил новую конституцию, в Берлине было объявлено о подписании Германией и Японией так называемого Антикоммунистического пакта (С. Харпер имел в виду Антикоминтерновский пакт. – *В.М.*), к которому позднее присоединилась Италия [...]. Советские руководители имели основание трактовать

этот пакт как декларацию враждебных действий против Советского Союза со стороны двух его агрессивных соседей, а также как прикрытие общего совместного похода агрессоров [...].

Военный конфликт был бы еще более серьезным испытанием политической устойчивости советской системы. С одной стороны, многие видят в откровенном стремлении большевиков к миру боязнь оказаться лицом к лицу с той оппозицией, которую могут породить условия военного времени. С другой – позитивный подход советских руководителей к внешней политике независимо от того, насколько сильно он активизирует их вооруженных и агрессивно настроенных оппонентов за рубежом, заставляет предполагать, что большевики не боятся ни политических последствий, ни испытания войной [...]. Подводя итог своим впечатлениям от внутреннего положения в стране, нахожу, что оно сейчас лучше, чем я ожидал, – меньше политической напряженности и меньше экономических трудностей. Условия и в самом деле лучше, чем год назад. Другие наблюдатели, которые изучают положение дел на месте, согласились со мной, что советская система внутренне сильна. Хотя никто, конечно, не может сказать, в какой мере она сильна, тем не менее вполне очевидно, что сейчас Советы сильнее, чем год назад [...].

Советская внешняя политика последних лет отличалась, как правило, определенностью. В ходе моих многочисленных бесед с иностранными наблюдателями в Москве, советскими официальными лицами, учеными, изучающими мировую политику, а также простыми людьми я сопоставил полученные впечатления с выводами, которые мною были сделаны на протяжении последних лет о характере внешней политики. Позволю себе суммировать эти выводы в качестве необходимого вступления, предваряющего анализ англо-франко-советских переговоров, ведущихся в последние месяцы.

Внешняя политика Советского Союза в последние годы основывалась на уверенности его руководства в обороноспособности страны. Подчеркивая свое стремление к миру, московские руководители продемонстрировали в ряде случаев и особенно в отношении Японии, что они не боятся войны; они также умножили усилия в деле укрепления обороны в связи с ростом международной напряженности. В то же время Советское правительство постоянно выступало сторонником коллективных мер безопасности, выражая готовность участвовать в любой эффективной программе коллективной безопасности. Москва, если судить по тому, что она говорит, свое отношение к идее коллективной безопасности строит на следующих двух соображениях. На первое место она ставит принцип неделимости мира, а заодно и агрессии, что

предполагает создание коллективных гарантий против агрессии. Далее Москва считает, что именно такая программа окажется результативной в предотвращении агрессии, которая чревата угрозой мировой войны [...].

Оставаясь приверженным принципу неделимости агрессии, Советский Союз не изменяет линии на сохранение взаимовыгодной торговли со всеми странами, но вместе с тем он пошел на сокращение торговли со странами, которые предпринимают агрессивные действия против других, и одновременно продал военное снаряжение правительствам стран, которые оказывали сопротивление агрессии – республиканскому правительству Испании и националистическому правительству Китая. Стремясь поддержать любые коллективные действия, способные предотвратить войну, Советский Союз вступил в Лигу Наций, когда посчитал, что эта организация стала превращаться в эффективное оружие сдерживания войны после выхода из нее Германии и Японии. Он также подписал пакты о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, пакты о ненападении (в ряде случаев содержащие определения агрессии) со всеми сопредельными ему государствами за исключением Японии, которая отклонила предложение Советского Союза о заключении такого рода пакта.

Если говорить кратко о других фактах, иллюстрирующих советскую внешнюю политику и в особенности миролюбивый характер этой политики, то следует упомянуть о предложениях (вызванных рядом причин, и прежде всего после все новых актов агрессии) провести конференцию стран, противостоящих агрессии. Москва поддержала предложение президента Рузвельта о немедленном созыве большой конференции в нейтральной стране, сделанное в последние дни сентября 1938 г. Идея конференции была выдвинута в противовес встрече, организованной Гитлером в Мюнхене. С другой стороны, советское правительство пыталось разоблачать лицемерие политики “невмешательства” в Испании, добивалось предания гласности операций “пиратов”, действующих в Средиземноморье в интересах Франко, и протестовало против политики, сделавшей бессильной Лигу Наций и полностью игнорировавшей ее в сентябре 1938 г. И хотя Москва не заявила протеста против того, что она не была приглашена в Мюнхен, однако она же выразила такой протест в связи с полуофициальными заявлениями, сделанными в Лондоне и Париже о том, что якобы Советское правительство участвовало в предварительных консультациях по поводу соглашений, заключенных в Мюнхене.

Однако все названные факты не рассеивают подозрения, которое питают к Советам в определенных кругах, особенно в Англии и во Франции [...]. Тем не менее, принимая во внимание

все сказанное выше о принципах политики большевиков в наши дни, логично предположить, что Москва рассчитывает на доверие и уважение тех стран, которые поддерживают идею коллективной безопасности. Утверждая, что советская система обеспечивает полную защиту прав трудящихся и независимости малых стран, советские лидеры признают: наша демократическая система – они называют ее “буржуазной демократией” – предоставляет больше свобод, чем различные формы фашизма [...]. Исходя из этого, Москва предложила всем демократическим элементам во всех странах наладить сотрудничество для предотвращения агрессии [...]. И все же, несмотря на положительный “послужной список” последних лет, большевики еще находятся под подозрением, а они, в свою очередь, отвечают такой же подозрительностью по отношению к правящим группировкам в Англии и Франции, а также в некоторых странах, которые являются их ближайшими соседями [...].

IV

Высказав общие соображения о советской внешней политике, я перехожу к заключительной части отчета, в которой остановлюсь на переговорах, начавшихся в апреле по инициативе Англии с целью заключения своего рода коллективного соглашения между Англией и Францией с одной стороны и Советским Союзом – с другой.

Не получив приглашения участвовать в сентябре 1938 г. в совещании в Мюнхене или, может быть, даже получив “от ворот поворот” и в то же время не обнаружив в мюнхенском соглашении явной антисоветской направленности со стороны Англии и Франции, Советское правительство заявило, что оно будет ждать, когда “умиротворители” извлекут предметные уроки из собственной политики. Если после того, как все окончательно станет ясным, усилия по созданию эффективной программы коллективной безопасности не будут возобновлены, в этом случае, как они дали понять, политические руководители Москвы будут чувствовать себя свободными в отношении заключения договоренности на индивидуальной основе для обеспечения безопасности своей страны. Но советские лидеры настаивали, так же, как они это делали накануне Мюнхена, на мерах коллективной безопасности, чтобы остановить развитие агрессии и спасти ослабленную структуру мира. Москва выразила свое убеждение в том, что силы, отстаивающие мир, все еще в стратегическом отношении сохраняют превосходство и, будучи эффективно объединены, смогут и дальше удерживать это преимущество [...].

Захват Праги привел Москву к выводу, что уроки Мюнхена усвоены, в силу чего Советское правительство и предложило созвать конференцию для обсуждения вопроса, что следует делать перед лицом расширяющейся агрессии. Ответом на это предложение со стороны Лондона было заявление о том, что он считает такую конференцию преждевременной. Вслед за тем Польша в ответ на действия, которые она восприняла как угрожающие для ее независимого экономического существования, приняла определенные оборонительные меры и отклонила требования Гитлера. После этих шагов Польши Чемберлен был вынужден предпринять определенные действия. Он сначала предоставил Польше гарантии помощи – в конце марта – и подписал с ней пакт в первую неделю апреля. Но вплоть до 10 июля Чемберлен не снял всех сомнений относительно включения в английские гарантии пункта о нарушении международных соглашений по Данцигу. Эта задержка, возможно, была связана с происходившими революционными изменениями в британской политике, которые проявились в предоставлении гарантий Польше. В то же время эта задержка не рассеяла сомнения в отношении новой линии в политике правительства Чемберлена и в особенности его отказа от политики “умиротворения”. В Москве эти сомнения давали о себе знать совершенно определенно, о чем также следует сказать. Если в британском парламенте не далее как в середине мая в ответ на очередное заявление Чемберлена кричали: “Новый Мюнхен!”, то легко понять, почему в странах Восточной Европы продолжали испытывать эти сомнения, причем в Москве о них говорили со всей откровенностью, с присущей большевикам резкостью.

Предоставление гарантий Польше и другим странам Восточной и Юго-Восточной Европы было жестом в сторону Советского Союза, который заявил, что по истечении известного времени он будет действовать, исходя из понимания собственных интересов. Да, фактически Чемберлен должен был проглотить горькую пилюлю. В речи 13 апреля он не собирался произносить слово “Россия”, и ему напомнили о нем с парламентских скамей, а тем временем британские предложения о совместных мерах были уже направлены в Москву. В этот день Чемберлен наконец-то выступил с заявлением, которое Москва в течение двух лет понуждала сделать лидеров западных стран. Он сказал, что идеологические различия, касающиеся разных аспектов внутренней политики, не должны мешать странам, стремящимся укрепить мир, объединить свои усилия во имя достижения этой цели.

Теперь совершенно ясно, что именно Чемберлен настоял на том, чтобы ни одна из сторон, участвующая в переговорах, не делала достоянием гласности пункты предложений и контрпредло-

жений. Москва скрупулезно соблюдала это условие, вплоть до того, что отказалась даже проинформировать общественность через контролируемую ею прессу, что такие переговоры вообще ведутся. Печать же западных стран – так называемая свободная – пыталась информировать своих читателей об изначальных предложениях и полученных в ответ встречных предложениях. Их публичное обсуждение в прессе так называемых демократических стран, по всей видимости, вынудило правительство Чемберлена более искренне подойти к достижению соглашения с Советами. Но возникает, однако, вопрос, помогают ли всевозможные “предположения” относительно содержания переговоров их трудному продвижению вперед, к плодотворному завершению. В момент, когда я пишу это, они все еще идут; потому я изложу сугубо личный взгляд на возможность их завершения соглашением о пакте, но сделаю это в последнюю очередь после того, как обрисую вкратце их истоки, характер и значение.

V

Официальное молчание о точном содержании британских предложений и советских контрпредложений было нарушено обеими сторонами примерно 10 мая. В ответ на заявление английского агентства Рейтер, которое рассматривалось как санкционированное официальными кругами, советское правительство в редакционной статье официоза “Известия” от 11 мая высказало свою позицию, утверждая, что английское заявление дает неверную трактовку положения дел. Этот инцидент по ходу переговоров показывает, что с самого начала между Лондоном и Москвой существовало недоверие или, по крайней мере, определенная подозрительность на почве тех представлений, которые каждый из партнеров принимал за достоверное знание друг о друге.

Хотя полные тексты исходных английских предложений и некоторых ответных предложений не стали достоянием гласности, тем не менее заявления Чемберлена и советского премьер-министра Молотова дают основу для предположений об общем характере отношения сторон в ходе трехмесячных переговоров к обмену контрпредложениями [...] Когда я покидал Москву 5 июня, мои сомнения, касающиеся того, смогут ли переговоры закончиться успешно, были очень сильными, и я откровенно говорил об этом в Москве, а позднее в Варшаве.

Кажется, ясно, что исходные предложения Лондона предусматривали заключение лишь общего соглашения, декларативного по своему характеру [...]. Москва, по-видимому, подозревала, что Чемберлен может использовать такое общее и фактически

ничего не значащее соглашение как прикрытие для возврата к политике “умиротворения”. Москва интерпретировала также английские предложения как признак сохранившейся тайной надежды, которой, как она считала, все еще живут определенные группировки в Англии и Франции и суть которой состоит в том, что нацистская агрессия вполне еще может быть направлена на Восток “против этих большевиков” [...]. Еще одной причиной, вызывающей затруднения в ходе переговоров, является то, что и Англия и Советский Союз смотрят друг на друга как на страны, нуждающиеся в помощи. Здесь, я считаю, заключена коренная ошибка британского премьер-министра. Он и впрямь думал, что Советский Союз находился в столь паническом состоянии, что сотрудничество с ним можно обеспечить, заплатив очень дешево. По моему мнению, ситуация была совсем иной. Ибо именно Британская империя находится сейчас во многих случаях под угрозой, именно она слабее подготовлена к самообороне и в дополнение ко всему из-за своих обязательств в Восточной и Юго-Восточной Европе нуждается, если не поставлена перед необходимостью, добиваться сотрудничества с Советским Союзом. Я, однако, не видел никаких доказательств того, чтобы Москва пыталась извлечь выгоды из того положения, в котором оказалась Англия вместе со своей союзницей Францией, ослабленной стратегически по причине установления германо-итальянского контроля над Испанией. Если Советский Союз вновь почувствует себя в одиночестве, как это случилось в сентябре 1938 г., и окажется в изоляции, то германо-итало-японский блок получит большую свободу рук против Англии и Франции, а также тех, кому они протезируют [...]. Между тем советские руководители часто и недвусмысленно заявляли, что собственные интересы советской системы в настоящий момент были бы надежнее обеспечены при наличии сильной Британской империи, сильной Франции и сильной Польши.

Не навязывая никому себя в союзники, Советский Союз не хочет вступать в какое-либо соглашение, которое, по его мнению, в случае если это произойдет, заранее обречено на провал из-за своей неопределенности. Такое соглашение скорее стимулировало бы агрессию, вместо того, чтобы остановить ее, и могло бы поставить СССР на край пропасти. Поэтому-то Москва и настаивала на военном соглашении, немедленно вступающем в силу, между тремя великими державами – Англией, Францией и Советским Союзом, – предусматривающем консультации штабов в качестве неотъемлемой части политического соглашения. Хотел бы напомнить, что до сегодняшнего дня франко-советский пакт о взаимопомощи против агрессии от 1935 г. не предполагал

проведение формальных консультаций представителей генеральных штабов обеих стран.

Москва настаивает на том, что только предлагаемая ею процедура может дать малым странам уверенность в возможности разработки действенной программы коллективной безопасности, к которой они могли бы присоединиться после краха усилий по созданию аналогичной программы, предлагавшейся накануне Мюнхена. Такая процедура, по убеждению советского руководства, могла бы воспрепятствовать расширению агрессии без применения силы. Но отдавая себе отчет в том, что использование военной силы может стать необходимым, советское руководство настаивает на выработке условий соглашения, предусматривающих автоматическое применение силы с тем, чтобы оно было эффективным. Принимая во внимание происходящее в Данциге в последние месяцы, Москва полагает, что внутренние подрывные действия так же, как и прямое военное вторжение, могут сделать оправданным автоматическое применение мер против агрессии, предусмотренных соглашением. Именно настойчивые требования Москвы – включить этот пункт вместе с указанием на ситуацию вокруг трех Прибалтийских государств, граничащих с Советским Союзом на северо-западе и на западе, затормозили переговоры на последней стадии. Возможно, своим заявлением от 10 июля 1939 г. по поводу “подрывных методов”, используемых нацистами в Данциге, Чемберлен наконец признал оправданной настойчивость Москвы относительно включения пункта о непрямой агрессии.

Стремление Чемберлена избежать любого специального упоминания трех Прибалтийских государств вновь пробудило подозрения Москвы, которые, по всей видимости, были ослаблены в ходе переговоров. Таким образом, попытка уйти от специального упоминания этих стран означала, что положения проекта соглашения о взаимных гарантиях не были равноправными для всех участников переговоров. Вот почему Москва отказалась принять объяснение, согласно которому эти три небольшие страны не желали получить гарантии, поскольку-де другие более крупные государства (речь идет о Польше и Турции. – *В.М.*), приняв такие гарантии, как бы молчаливо признали, что их безопасность находится под угрозой. Если быть еще более точным, следует сказать, что стремление Англии вывести эти три страны за скобки вновь вызывает у Советского Союза подозрения, что, возможно, в некоторых странах на Западе все еще существует надежда на нацистскую агрессию в восточном направлении. А потому нужно держать для удобства открытым этот коридор для прохода к советской границе. Когда же англичане заявили, что если нацистская

агрессия будет развиваться в указанном направлении, то они придут на помощь Советскому Союзу сразу же, как только агрессия достигнет советской границы, подозрения Москвы еще более усилились. Британский ответ подтверждал существование все той же надежды на конфликт между нацистской Германией и Советским Союзом и на снижение давления фашистов на Запад и Юг.

Я уже выражал свой скептицизм относительно возможности подписания англо-франко-советского пакта. Москва не подпишет его, пока он не будет удовлетворять выдвинутым ею условиям. А эти условия выглядят вполне обоснованными, если видеть в таком пакте эффективную программу, способную остановить дальнейшую агрессию. Последние более позитивные заявления о британской политике Чемберлена и Галифакса и о французской политике Даладье могут служить признаком более честного подхода к переговорам правительств Англии и Франции, что соответственно способно привести к снижению подозрительности Москвы. Очень важно отметить, что речь Галифакса от 29 июня была полностью опубликована в советской печати, а из речи Чемберлена от 10 июля цитировались большие отрывки. Недавние внешнеполитические демарши Галифакса и Даладье от имени Англии и Франции могут содействовать выходу из тупика в англо-франко-советских переговорах, которые ведутся с 1 июня. Принимая во внимание отношение Чемберлена и Боннэ к советскому правительству, от последнего трудно ожидать полного доверия к этим двум политикам. Но Москва все еще верит в полезность программы коллективной безопасности и, с моей точки зрения, будет охотно сотрудничать в осуществлении такой программы, учитывая ее национальные интересы, но только при условии, что эта программа будет полностью опираться на принцип взаимности и предусматривать положения, дающие возможность ее действительного осуществления.

Каждому, кто следит за англо-франко-советскими переговорами, представляется, что они имеют определенное отношение к Америке, а американская политика, в свою очередь, по всей видимости, испытывает на себе влияние идущих переговоров и в особенности их затягивания. Послания президента, направленные "агрессорам" в апреле, рассматривались некоторыми в Лондоне как попытка с его стороны помочь создать фронт антиагрессивных держав, идея которого, как полагали, содержалась в английских предложениях Советам. Как отмечалось повсюду, эти послания могли бы внести свой вклад в дело безопасности малых стран, что зависит только от условий создания (желательно без промедлений) новой и эффективной программы коллективной безопасности. Послания президента были широко опубликованы в совет-

ской печати, и все комментарии по их поводу были исключительно доброжелательными. В колхозе на Украине во время завтрака беседа зашла об Америке и было интересно слышать, как молоденькая деревенская девушка высоко отзывалась о Рузвельте в связи с его вкладом в дело укрепления мира.

Возможно, это не более чем предположение, но мне кажется, что отказ Америки осуществить в позитивном духе – путем изменения законодательства о нейтралитете – ту внешнеполитическую концепцию, которая как будто бы была сформулирована в апрельских посланиях Рузвельта, заставил советских участников переговоров занять более осторожную позицию в деле подписания заключительного пакта вместе с Англией и Францией. Вполне возможно также, что, как я себе представляю, затягивание переговоров с Советами повлияла на усиление изоляционистских тенденций в Америке, особенно когда стало очевидным, что Чемберлен не торопится подписывать с Советами такое соглашение, которое могло бы иметь реальное значение. Поэтому в итоге Советский Союз и Америка испытывают в определенной мере одинаковые сомнения по поводу того, искренне ли ведут дело Чемберлен и Боннэ. Советский Союз может опасаться подписывать такое соглашение с Англией или Францией, которое не предусматривает ни материальной, ни даже моральной поддержки со стороны Америки. В свою очередь, ни США, ни Франция не могут рассчитывать придать своим программам коллективной безопасности достаточный вес без привлечения Советов.

Человек, настроенный крайне пораженчески, возможно, стал бы утверждать, что эффективное сотрудничество Англии, Франции, Америки и Советского Союза совершенно невозможно. Если это так, то союз агрессоров, который был создан Гитлером, может беспрепятственно осуществлять свои замыслы, как это уже было в прошлом. В марте и апреле позиция, занятая Польшей, английские и французские гарантии, англо-французские предложения Советам и, наконец, послания Рузвельта государствам-агрессорам, кажется, заставили Гитлера сделать паузу. В речи от 28 апреля Гитлер, оставаясь, по сути, как всегда таким же злобным, выглядел, однако, уже не столь провокационным, как это стало привычным, если судить по тону и набору слов. Однако с середины июня провокационный и даже агрессивный характер его речей проявился снова – по вопросу о Данциге, Тяньцзине, по вопросу о границе Внешней Монголии. Не станет ли затягивание переговоров в Лондоне и Москве предпосылкой поражения самой идеи переговоров, поощрением агрессоров, вместо того, чтобы служить средством сдерживания? Следующая неделя может

дать ответ на этот вопрос, который, как я убедился, волновал многих, когда я уезжал из Европы в конце июня...

Вопросы, сформулированные Харпером в конце отчета, показывают, что его автор предвидел неудачу московских консультаций и предупреждал, что они могут закончиться роковым образом для самой “идеи переговоров”, сделав тем самым реальным и, может быть, даже оправданным принятие советским руководством альтернативного решения – согласия подписать какое-то соглашение с Германией. Было бы неверно утверждать, что Харпер во всем был прав, но он рисовал картину “с натуры”, а потому многие его суждения, особенно в той части, в которой речь шла о возможности появления очень опасной конфигурации сил в Европе в результате провала переговоров трех держав, отличались основательностью и глубиной. Напомним еще раз, что отчет Харпера, как и публикуемые ниже документы, пришли к нам из того времени, когда мало кому удавалось оставаться полностью нейтральным. И в этом тоже нельзя не увидеть признака их исторической достоверности. Главное: мы имеем дело как раз с тем случаем, когда автор открывает нам многое, сам того не желая.

После 23 августа 1939 г. все, кто читал записку Харпера в кабинетах госдепартамента, смогли убедиться, что его крайне неблагоприятный прогноз развития европейского кризиса оправдался. Для высокопоставленных должностных лиц дипломатического ведомства США настало время признать, что одно только предположение о возможном дальнейшем сближении Германии и Советского Союза может негативно сказаться на морально-политической обстановке не только в Англии и Франции, но и в Соединенных Штатах. Настроение в “семейном кругу” Рузвельта, по всему было видно, явно ухудшилось, как только европейская драма вступила в фазу, когда дипломатическая и военная инициативы оказались в руках Гитлера и возникла опасность германо-советского союзничества – неформального и формального. Легко увидеть прямую связь между суждениями Харпера и памятной запиской от 18 сентября 1939 г. заместителя госсекретаря А. Бирга (фигурой заметной среди ньюдиллеров), предсказывавшего, что полный альянс между Германией и Россией означал бы господство стран “оси” над всем пространством европейской суши от Ла-Манша и Па-де-Кале до Тихого океана¹³².

В Белом доме было решено не ждать более сильных стимулов для принятия президентом ряда мер, которые могли бы удержать

¹³² Franklin Delano Roosevelt Library (Далее: FDRL). Hyde Park, N.Y. President's Secretary's File. Department of State File, A. Berle. *Berle to FDR. Memorandum of September 18, 1939.*

Советский Союз от дальнейшего замораживания всех отношений с неагрессивными странами. Так началось балансирование между побуждением (в ряде случаев сильным) к однозначно негативной, подчеркнута враждебной реакции на советскую политику (как внутреннюю, так и внешнюю), с одной стороны, и шагами с целью поддержания контактов в сферах, где это диктовалось геостратегическими условиями (например, японской агрессией в Азии), потребностями торговли, научно-технической политики и разведывательного мониторинга – с другой. Только-только выйдя из полувойны с Японией, советские лидеры были, естественно, в еще большей степени озабочены тем же самым. А еще и тем, чтобы найти понимание своим действиям после 1 сентября 1939 г., в советско-финском конфликте, по отношению к странам Прибалтики и на западных границах СССР.

Это была задача не из легких, поскольку большая часть прессы США и ведущие сотрудники госдепартамента трактовали эти действия как прямое возвращение к политике имперской экспансии. Допускались, впрочем, и иные толкования, но они относились скорее к военным прогнозам. Ликвидация буферных государств и вхождение в непосредственное соприкосновение Германии и СССР внушали надежды на их неминуемое столкновение¹³³. Напротив, в пику “доброжелателям” на Западе Сталин явно рассчитывал на длительное англо-франко-германское противоборство и взаимное истощение “империализмов” обоих типов в войне по образцу 1914–1918 гг. Скоротечная победоносная кампания вермахта против Польши принесла первое серьезное разочарование кремлевским стратегам. Доводов в пользу продления “мирной передышки” с Германией прибавилось. Именно этим следует, думается, объяснить готовность Сталина подписать в Москве Договор о “дружбе и границе” с Германией 28 сентября 1939 г.

Рузвельт и в этих сложнейших условиях, вдвойне запутанных началом предвыборной кампании за пост президента (третий срок), сохранял присущую ему оптимизм и вариативность мышления, отвергая одномерный взгляд на роль СССР в мировой политике и прогноз относительно превращения СССР в некую подкорку “держав оси”. Во время советско-финской войны он публично охарактеризовал Советский Союз “страной диктатуры такой же, как и все остальные диктатуры в мире”, но категорически

¹³³ “Не могу себе представить Советы, – записал в своем дневнике американский журналист Уильям Ширер 21 сентября 1939 г., – таскающие для нацистской Германии каштаны из огня.” (*Ширер У.* Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента. М., 2002. С. 188).

отверг идею разрыва отношений с Москвой и отказался предоставить военную помощь “храброму маленькому народу Финляндии”¹³⁴. Победы Гитлера в Европе весной 1940 г., захват Норвегии и Дании, капитуляция Франции 22 июня 1940 г. сделали теневую дипломатию более востребованной, нежели стратегию представителей нормативного мышления из госдепартамента, заранее раскрасивших политическую карту Европы в два цвета – светлый и темный, и забывших обо всем остальном. И вот как некогда А. Буллард и Р. Робинс Харпер на этот раз оказался вновь идеальным исполнителем подобного рода миссий, предполагавших не выработку решений, а выяснение мнений по широкому кругу вопросов мировой политики и передачу нужных сигналов партнеру по переговорам. В июне–июле 1940 г. с ведома госдепартамента он встретился с советским послом и вел с ним беседы, из которых ясно, что в его задачу входило: 1. Уведомление советского посла Уманского о фактическом снятии возражений против признания необходимости создания Советским Союзом “восточного вала”. 2. Выяснение реальных предпосылок для возвращения к американо-советскому диалогу и практических шагов в экономическом и военно-техническом сотрудничестве. 3. Поиск взаимоприемлемой временной формулы в отношении присоединения Прибалтийских стран к СССР¹³⁵.

Можно ли считать простым совпадением, что сразу же после первой беседы Харпера с Уманским (3 июня 1940 г.) последовали многочисленные (около двух десятков) встречи советского посла и первого заместителя госсекретаря, личного друга Рузвельта Самнера Уэллеса? Наверное, нет. Последний к тому времени оставил все надежды на то, что силы оппозиции (предположительно Геринг) в Германии заставят Гитлера отказаться от “большой” войны на Западе, против Франции и Англии¹³⁶. Встречи проходили за плотно закрытыми дверями, в обстановке абсолютной секретности. Итог: возникло то, что называется предпольем переговоров, обычай конфиденциального общения. В январе 1941 г. Рузвельт отменил так называемое моральное эмбарго на импорт из СССР, введенное после начала советско-финской войны. Советский Союз исчез из фигурирующего в речах президента перечня государств, чьи

¹³⁴ The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, In: 13 vol. N.Y., 1938–1950. Vol. IX. P. 93.

¹³⁵ Меморандум С. Харпера от 17 июля 1940 г. в адрес Лоя Гендерсона, главы Западноевропейского отдела государственного департамента США, опубликован мною полностью (см.: Россия XXI. 2005. № 3. С. 166–171).

¹³⁶ LC. Raymond Clapper Papers. Box 9. Personal File. Diaries 1940–1942. Discussion with S. Wallis at E. Meyer Home, April 22, 1940; см. также: *Ширер* У. Указ. соч. С. 249.

действия угрожали безопасности народов, в том числе США. Путь к распространению на СССР программы американской помощи (ленд-лиз) был открыт. Весной 1941 г. Уэллес и Уманский общались уже как старые знакомые, что позволило, в частности, 1 марта заместителю госсекретаря передать советскому правительству информацию особой важности о планах Германии “после достижения победы над Англией” напасть на Советский Союз¹³⁷. С. Харпер мог испытывать чувство частично исполненного долга: потепление в отношениях между Белым домом и Кремлем не произошло, но холода стало меньше. По-видимому, это понимали и в Берлине, приглашая Молотова для встречи с Гитлером осенью 1940 г. и делая СССР различные посулы.

Простая логика подсказывает, что Сталин видел в секретных протоколах к советско-германскому пакту о ненападении 23 августа 1939 г.¹³⁸ средство достижения своих великодержавных расчетов, чем бы они ни были вызваны, включая идею восстановления территориальной целостности страны в границах до 1914 г. или расширения зоны мирового социализма. Однако, что было первично, а что вторично?..

Возвращение Бейнбриджа Колби

В возникшей на пороге войны экстремальной ситуации у Кремля были, разумеется, и другие жизненно необходимые и вполне объяснимые военно-стратегические интересы и ходы. У. Черчилль называл тогда это “реалистической политикой” создания “Восточного вала”, о чем он говорил публично в парламенте и позднее в своем труде о Второй мировой войне¹³⁹. Могут сказать:

¹³⁷ Вестник МИД СССР. 1990. № 8(66). С. 71–80. В свете приводимых фактов не вполне корректно говорить о международной изоляции СССР в рассматриваемый период (см.: СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война 1939–1941 / Отв. ред. и сост. С. З. Случ. М., 2007. С. 149).

¹³⁸ Данная тема освещена в интереснейшей кн.: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах: Документальные очерки. М., 2006. С. 207–257; Секретный дополнительный протокол // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 89.

¹³⁹ См.: *Черчилль У.* Мускулы мира. М., 2003. С. 128, 142, 145; *Он же.* Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1, т. 1–2. С. 180. Многие наблюдатели в Америке и в других странах даже в самые неблагоприятные для советской внешней политики месяцы (лето 1940 г.) отдавали должное рациональной рассудочности английского общественного мнения. Так, например, на это в своей беседе с профессором С. Харпером 18 июля 1940 г. указывал министр чехословацкого правительства в эмиграции Ян Масарик (L.C. Loy Henderson Papers. Box 1: *S.N. Harper to Henderson*, July 18, 1940). Уместно, пожалуй, заметить, что в своей книге “1941, 22 июня” А.М. Некрич приводил выступление в английском

Черчилль являлся “заинтересованным лицом”, стало быть, его оценка не может быть признана беспристрастной. Вот почему важно посмотреть на этот вопрос “с другого угла”, глазами наблюдателей, представлявших собой нейтральную сторону и не испытывавших к целям СССР (особенно после начала советско-финской войны) ни малейшего расположения, не говоря уже о сочувствии. Имеются в виду американские дипломаты, работавшие в 1939–1940 гг. в Эстонии, Латвии и Литве. Большинство из них начинало свою карьеру в государственном департаменте в “эпоху вильсонизма”, воспитано в антигерманском духе и было неплохо осведомлено о позиции американского правительства в отношении целостности России, сепаратизма Прибалтийских государств и их поддержке германской экспансии на Восток. Следование директивным предписаниям Р. Лансинга и в особенности ноты сменившего его на посту госсекретаря Бейнбриджа Колби (10 августа 1920 г.), недвусмысленно высказавшегося против признания Советской России и одновременно в пользу “единой России” в границах 1914 г., исключая Финляндию, Польшу и Армению¹⁴⁰, было делом по-своему привычным для дипломатов, прошедших школу вильсоновской двойной политики.

Самый заметный среди них, Джон Купер Вайли, с 1914 г. работал на дипломатических постах в Париже, Гааге, ряде стран Латинской Америки. Когда в 1933 г. были восстановлены дипломатические отношения СССР и США, Вайли приехал в Москву в качестве главного советника американского посла. В 1938 г. Вайли – временный поверенный в делах США в Австрии, а затем (вплоть до лета 1940 г.) посланник в Эстонии и Латвии. В годы Второй мировой войны и после нее он успел побывать послом США в Колумбии, Португалии, Иране и Панаме (последний пост). В официальном издании дипломатических документов США донесениям Вайли (так же как и другим его коллегам) из Риги и Таллина отведено скромное место – полтора десятка документов, максимум конкретной информации и минимум анализа. Как будто бы некто потрудились с целью отжать, отфильтровать только самое необходимое и самое, по правде сказать, тривиальное. Но, оказывается, существуют и другие донесения Вайли и его

парламенте лейбориста Кокса, сказавшего, что “Россия не желает германской победы” и что политическое руководство Англии должно “культивировать как можно дружественные отношения с Россией...” (*Некритич А.М.* 1941, 22 июня. М., 1965. С. 96).

¹⁴⁰ Два известных американских историка уделяют этому вопросу значительное место в своих трудах (см.: *Foglesong D.S.* America’s Secret War against Bolshevism. Chapel Hill; L., 1995; *Saul N.E.* War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence (Kan.), 2001).

коллег, аналитические по своему характеру, интересные оценкой прибалтийской ситуации в контексте развития общеевропейского кризиса и особой опасности со стороны германского реваншизма. Они хранятся в Библиотеке Конгресса в фонде Лоя Гендерсона, коллеги Вайли, с кем он ранее проработал много лет в посольстве США в Москве, бывшего в то время заместителем заведующего Европейским отделом госдепартамента. Дальнейшие наши рассуждения мы будем строить главным образом, опираясь на эти документы¹⁴¹.

Нужно ли говорить, что американские дипломаты в странах Балтии занимали наивыгоднейшие позиции, они представляли нейтральную страну и могли не чувствовать себя связанными какими бы то ни было обязательствами перед западными демократиями (Великобританией и Францией), строивших все свои планы в 1938–1939 гг., как писал видный сотрудник госдепартамента, дипломат и историк Герберт Фейс, “на уверенности, что даже если Гитлер начнет наступление, то на Восток, и Советский Союз первым подвергнется нападению”¹⁴². Разные люди, разные характеры и судьбы, но единый взгляд на будущее Европы – континент по собственной инициативе оказался на пороге большой войны и межевания “сфер государственных интересов”. Соответственно и действия ведущих держав рассматривались с точки зрения их стратегической обусловленности. Выигрыш или просто более удачное расположение сил одних означали смертельную опасность для других. Противники закапывались в землю, маневрировали и захватывали выгодные плацдармы, готовясь к решающей схватке. Постверсальский порядок рухнул окончательно.

Между тем для СССР война фактически началась летом 1938 г. На Дальнем Востоке он был втянут в многочисленные приграничные бои с Японией. Сошлемся на оценку этих событий видным американским правительственным экспертом по советско-американским отношениям, отвечавшим в 90-х годах прошлого века за “советское направление” в Совете национальной безопасности США, бывшим главой Отдела морских операций группы стратегических исследований, дипломата и разведчика Маршалла Бременты. В своей статье “Халкин-Гол”, опубликованной в 1994 г. в авторитетном американском “Ежеквартальнике военной истории”, он писал: «Командующий японской Квантунской армией публично заявил в октябре 1937 г., что Советская Россия должна быть разгромлена его войсками для того, чтобы уничтожить коммунистическое влияние в

¹⁴¹ LC. Loy Henderson Papers.

¹⁴² Фейс Г. Черчилль, Рузвельт, Сталин: Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 7.

Китае. Летом 1938 г. японцы развязали большое столкновение на озере Хасан, в семидесяти милях от Владивостока... К весне 1939 г. в Токио почувствовали, что реальная возможность германской агрессии против Советского Союза, а также внутреннее ослабление Красной Армии в результате “чисток” подрывают возможности Сталина развернуть большие силы на Дальнем Востоке. Японцы поставили цель – добиться от Советов политических и территориальных уступок. Квантунская армия, жаждущая реванша за поражение на озере Хасан, внезапно нанесла удар на реке Халкин-Гол 28 мая 1939 г. ... Сокрушительный разгром советских войск мог бы создать смертельную угрозу позициям Советского Союза на Дальнем Востоке и в итоге развязал бы Японии руки для продолжения агрессии в этом районе»¹⁴³. Другими словами, конфликт, спровоцированный Японией, мог стать прелюдией к полномасштабной войне.

С железной логикой поражение Красной Армии на Халкин-Голе повлекло бы самые неблагоприятные (если не катастрофические) последствия для безопасности Советского Союза в главной военно-опасной зоне предвоенного кризиса в Европе. Маршалл Бремент не случайно, хорошо чувствуя драматизм ситуации, в которой оказалось советское руководство, начал свою статью о сражении на Халкин-Голе сценой ожидания Сталиным завершения переговоров между Молотовым и Риббентропом о заключении пакта о ненападении. Его подписание произошло 23 августа 1939 г., через три дня после начала контрнаступления Г.К. Жукова на Халкин-Голе, когда было совсем еще не ясно, чем закончатся бои. В Москве могли ожидать чего угодно, но, к счастью, как замечает Бремент, для Советского Союза победа Г.К. Жукова означала, что “Красной Армии предстоит в будущем воевать только на одном фронте, против нацистов”¹⁴⁴.

Ни о какой превентивной, наступательной операции на Западе речи и быть не могло (японцы в любой момент готовы были пересмотреть свое решение о приостановке боевых действий на советско-маньчжурской границе)¹⁴⁵. Заключенное 24 июля

¹⁴³ *Bremont M. Khalkhin-Gol // Quarterly Journal of Military History. Spring 1994. Vol. 6. 3. P. 81–84.* Поразительно близкий вывод был сделан очевидцем событий на Халкин-Голе К.М. Симоновым. “...Хотя мы окружили, разбили, в общем, разгромили ... японцев на монгольской территории, – писал он в 1979 г., – но, что будет дальше и начнется ли большая война с Японией, было неизвестно, как мне тогда казалось, можно было ждать и этого.” (*Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1990. С. 78*).

¹⁴⁴ *Bremont M. Op. cit. P. 88.*

¹⁴⁵ См.: *Позняков В.В. Разведывательные службы СССР, Великобритании и США: оценки международной ситуации и перспектив ее развития (август 1939 – июнь 1941 гг.) // Международный кризис 1939–1941 гг. М., 2006. С. 332, 334.*

1939 г. соглашение между Англией и Японией, фактически означавшее признание японских захватов в Китае (соглашение Арита–Крейги), отсутствие надежных союзников создавали самый неблагоприятный фон для каких-либо шагов, способных оправдать ответные меры Германии дипломатического или военного характера. Первыми, кто назвал положение Советского Союза трудно разрешимым (или безнадежным), в особенности из-за неприкрытого коридора – предполагаемого вторжения вермахта в СССР через территорию Прибалтики и Финляндии, были американские дипломаты.

Заявив еще в 1938 г. об абсолютном нейтралитете, а в 1939 г. отвергнув гарантии своей безопасности как со стороны Англии и Франции, так и со стороны СССР¹⁴⁶, страны Балтии не могли рассчитывать на то, чтобы сохранить независимость в случае ухудшения советско-германских отношений. Таков был лейтмотив дипломатической переписки представителей США в странах Балтии с Вашингтоном. Либо Германия, как писал в своем сообщении в государственный департамент США 3 октября 1939 г. Вайли, “начнет пробиваться на восток”, либо будет применена “советская превентивная тактика в Польше”¹⁴⁷. На войне как на войне. Один из уроков советско-японской “пробы оружия” – необходимость накопления сил на наиболее опасных направлениях и воспрепятствование созданию во всех отношениях удобного плацдарма для “возможного агрессора”, в данном случае “в лице рейха” – был усвоен Москвой, по крайней мере, в теории и не оставлен без внимания американскими дипломатами в Европе. В “домашнем” анализе они просчитывали ходы всех участников этой запутанной партии с множеством ложных маневров, ловушек и имитацией “вечной дружбы”.

Повторим еще раз, что Вайли не был сторонником большевизма и высказывался изначально против привлечения СССР, как он выражался, во “фронт мира”, т.е. в коалицию антинацистских сил. В этом он держал сторону Чемберлена и политического руководства Прибалтийских стран. Однако тут же мысль его постоянно натывалась на неразрешимую проблему – изоляция СССР от Прибалтики означала одновременно быстрое увеличение влияния нацистской Германии: природа не терпит вакуума. «Большим злом в развитии всего балтийского региона, – писал Вайли Гендерсону 29 июля 1939 г., является успех пропаганды “стран

¹⁴⁶ Зунда А. Страны Балтии и Соединенное Королевство в начале Второй мировой войны (1939–1941 гг.) // Там же. С. 440.

¹⁴⁷ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union 1933–1939. Wash., 1952. P. 949–952. (Далее: FRUS).

оси” по части убеждения латвийской и литовской знати (*notables*), как гражданской, так и военной, в неодолимом превосходстве Германии и Италии. Германская и итальянская пропаганда, особенно радиопропаганда, действуют очень активно и фактически ей ничего не противопоставляется. Во всяком случае если Германия в войне не потерпит поражения, то у Советского Союза нет особых надежд когда-либо стать доминирующей силой в этой части Европы. Влияние Германии и ее военная мощь являются слишком значительными на Балтике»¹⁴⁸.

Слова о “большем зле” не случайно сорвались с кончика пера Вайли. Методическое, заранее спланированное продвижение нацистского влияния (в различных формах) вызывало сильную озабоченность американских дипломатов начиная с конца 1938 г., понимавших, что этот процесс после Мюнхена ведет к дальнейшему нарушению равновесия в Европе, ее последовательной нацификации. Нацизм устремлялся на Восток, и хотя это обстоятельство приносило определенное успокоение, но в то же время оно не снимало тревоги за общее усиление Германии путем поглощения или превращения в послушных сателлитов “третьего рейха” малых стран и целых регионов. Эти мысли составляли центральную часть посланий американских дипломатов. Вайли географически находился еще не на самой “передовой линии”. Его коллеги в столице Литвы Каунасе лучше ощущали “порывы ветра” с Запада и проистекающую отсюда угрозу германизации.

27 января 1939 г., предсказывая в скором времени присоединение к Германии Мемеля (Клайпеды), посланник США в Каунасе О. Норем писал Гендерсону: “Развитие идет так, как ожидалось. Немцы в Мемеле (речь идет о немецком населении Клайпеды. – *В.М.*) очень тщательно выбирают слова и время действий. Они требуют то одного, то другого, но таким тоном, что получают все это. Если необходимо, они игнорируют центральное правительство Литвы... Вы спрашивали о Виленском коридоре (речь шла о возможном проходе немецких войск к границам СССР через территорию Виленского края, входившего тогда в состав Польши. – *В.М.*). Я не помню, ответил ли я Вам на этот запрос или нет, но я сомневаюсь, что немцы предпримут здесь какие-либо действия. Местность здесь заброшенная и может быть использована только с активной помощью поляков (в Вашингтоне считали такой вариант возможным. – *В.М.*). Германские военные предпочитают более удобный маршрут в юго-восточном направлении через Чехословакию в Румынию. Болгария сохранит с Германией дружественные отношения, а Румыния капитулирует. Украина в конеч-

¹⁴⁸ LC. Loy Henderson Papers. Box 2: *John C. Wiley to Henderson*. July 29, 1939.

ном счете станет, возможно, независимой республикой (германское влияние, конечно, здесь будет ощущаться). Ну вот Вы познакомились с моим прогнозом. Я понимаю, что это очень опасное занятие, и именно поэтому я делюсь им только с Вами и рассчитываю на сохранение доверительности”¹⁴⁹.

Мы видим из этого письма Норема, какой маршрут агрессии прочертил его воображение, но отправной точкой всех рассуждений была общая ситуация в Прибалтике. Американский дипломат полагал, что именно здесь Гитлер сделает следующий ход в партии, разыгрываемой им на европейской шахматной доске. Мемель наряду с Данцигским коридором чаще всего мелькал в перечне нацистских требований о “восстановлении справедливости” в отношении восточных границ Германии. По достижении этих промежуточных целей, используя нейтралитет “стран к Западу от нее”¹⁵⁰, гитлеровская Германия, по мнению Норема, обратиться уже непосредственно к осуществлению плана расширения “жизненного пространства” за счет прежде всего Советской Украины. Таким образом, судьба стран Прибалтики благодаря алгоритму, заданному в Берлине, и вопреки их энергичным усилиям остаться в стороне даже ценой отказа от гарантий безопасности оказалась увязанной в один тугой узел с судьбой других восточно-европейских стран, включая в первую очередь Советский Союз. Сценарий был един, весь вопрос состоял в сроках его осуществления. Констатацию этого факта американские дипломаты считали необходимым делом, так как он вытекал из логики развития агрессии.

Давление Гитлера на Прибалтийские страны, по мнению экспертов государственного департамента, последовательно и систематически усиливалось и приносило осязаемые результаты. Главным своим достижением в этом смысле дипломатия “третьего рейха” как будто могла считать то, что ей удалось ослабить единство этих стран и тем самым устранить опасность натолкнуться на блоковую политику. Многие было сделано для подрыва внутреннего сопротивления нацистскому влиянию. В Вашингтоне чувствовали, что стрелка барометра упрямо продвигается к отметке “буря” в условиях бездействия спасательных служб. Письмо Гендерсона временному поверенному в делах США в Латвии Э. Паркеру от 3 февраля 1939 г. отражает неспособность госдепартамента определить приемлемую программу контрмер, как дипломатических, так и моральных. “Мы ощущаем здесь, – говорилось в нем, – что Восточная Европа весной этого года может

¹⁴⁹ Ibid. Box 13: *O. Norem to Henderson*. Jan. 27, 1939.

¹⁵⁰ Ibid.: *O. Norem to Henderson*. Dec. 22, 1938.

оказаться в центре мировых событий... нам представляется, что Германия успешно добивается своей цели, вбивая клин между Литвой и Латвией, и, по-видимому, через год и в помине не будет такого понятия, как Балтийская Антанта”¹⁵¹. Гендерсон имел в виду разговоры о создании военно-политического блока стран Балтии. А тогда что остается? Либо патронаж западных демократий, либо рука помощи с востока. Такой ответ напрашивался сам собой, если речь шла о германской угрозе.

Захват Германией Чехословакии, а вслед за тем Мемельской области в марте 1939 г. продемонстрировал еще раз всю незащищенность Прибалтийских стран. Вот почему последующее развитие событий (провал англо-франко-советских переговоров в Москве и заключение 23 августа советско-германского Договора о ненападении) виделось в госдепартаменте в плоскости дилеммы: либо в Прибалтике будет быстро установлен германский контроль, либо на пути германского продвижения возникнет препятствие в виде советского военного присутствия с неохотного согласия (или без него) правительств Прибалтийских стран. Третьего было не дано. О нем никто и не думал. Просачивание сведений о секретном протоколе к советско-германскому пакту, определившему “зону интересов” Советского Союза с включением в нее Прибалтики не вызвало, естественно, восторга, но в целом рассматривалось как логичный результат развития событий и даже как приближение желанного столкновения двух стран с неизбежным исходом – попыткой решить вопрос “кто кого” силой. Уильям Ширер, находясь в Берлине, высказался по этому вопросу совершенно ясно в записе в дневнике от 6 октября 1939 г.¹⁵²

Внимательно проанализировав переписку Вайли и его коллег из Таллина, Риги и Каунаса о заключении пактов о взаимопомощи между СССР, Эстонией, Латвией и Литвой (соответственно 28 сентября, 5 и 10 октября 1939 г.), мы обнаружим, что все они трактуются как соглашения о взаимной обороне на случай германской агрессии¹⁵³. Дипломаты Прибалтийских стран в личных

¹⁵¹ Ibid.: *Henderson to Earl L. Parker*. Febr. 3, 1939.

¹⁵² Ширер У. Указ. соч. С. 198;

¹⁵³ Известный американский ученый Роберт Даллек в своем фундаментальном исследовании внешней политики США в 1932–1945 гг. пишет: “В сентябре и октябре (1939 г. – *В.М.*), т.е. после того как Россия установила контроль над Эстонией, Латвией и Литвой (речь идет о заключении пактов о взаимопомощи, предусматривавших размещение советских военных баз на территории Прибалтийских республик. – *В.М.*), американское правительство объяснило это как акцию, направленную против Берлина, и признало номинальную независимость этих стран только для того, чтобы избежать дипломатических протестов” (*Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945*. N.Y., 1979. P. 208).

беседах с американцами не делали из этого никакого секрета. 6 октября 1939 г. Вайли телеграфировал Хэлли, что Селтер, министр иностранных дел Эстонии, сказал ему, что “советская политика имеет только одну цель” – подготовку войны с Германией. 10 октября Вайли, по-видимому, зная, что в Вашингтоне ждут хороших новостей, и ссылаясь на мнение латвийских политических деятелей, сообщал государственному секретарю, что советско-германская “дружба” будет недолгой¹⁵⁴. Можно не сомневаться, что германские дипломаты были хорошо информированы об этих беседах “с глазу на глаз”.

Вскоре Вайли пришел к выводу, что высокое начальство в Вашингтоне нуждается в цельном анализе событий и общих тенденций европейской дипломатии после заключения советско-германского пакта 23 августа 1939 г. Более всего при этом Вайли интересовал один вопрос в свете как будто бы прояснившейся новой расстановки сил после “выхода” Советского Союза на рубеж прямого соприкосновения с вермахтом: расчеты и просчеты гитлеровской дипломатии. Аналитическую записку на 10 страницах машинописного текста большого формата Вайли озаглавил весьма многозначительно “Война из-за самообмана”. Рядом с заголовком он собственноручно проставил дату – 17 октября 1939 г. Меморандум-размышление Вайли направил в два адреса: Моффату (заведующему Европейским отделом госдепартамента) и его заместителю Л. Гендерсону, пометив его 1 ноября 1939 г.

Первая часть меморандума посвящена выяснению причин, подтолкнувших Гитлера к захватническим действиям и обеспечивших ему первоначально головокружительный успех. Главный постулат Вайли: «Германская политика агрессии путем последовательных захватов базировалась на вере, что “третий рейх” в состоянии достигнуть взаимопонимания с Великобританией... Такое понимание ситуации требовало обеспечить нейтралитет Англии в любой войне, которую может вести Германия, свободу рук Германии на континенте и снижение роли Франции до уровня третьей-степенной державы, Советский Союз рассматривался как страна, не способная выйти за пределы ее пассивной роли...

За исходный пункт принималось следующее соображение: если даже Великобритания отвергнет предложение войти в согласие с Германией, она все равно не пойдет на конфликт, связанный с локальной польской кампанией (с войной против Польши. – *В.М.*). Еще одним важным соображением было то, что, так как Великобритания увязла в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, она не захочет брать на себя риск общеевропейского конфли-

¹⁵⁴ FRUS. The Soviet Union, 1933–1939. P. 957, 964.

кта. Отсюда вытекало логическое предположение, что английская политика гарантий и переговоров о “фронте мира” с Советским Союзом была не чем иным, как чисто теоретической демонстрацией силы с целью произвести устрашающее впечатление, а не чем-то похожим на военное сопротивление германской агрессии. Фактическая неспособность Великобритании предложить эффективную военную помощь Польше не осталась незамеченной в Германии»¹⁵⁵.

Далее Вайли останавливается на новых явлениях в европейской ситуации после Мюнхена и в особенности после 1 сентября 1939 г., которые Гитлер “проглядел” или, лучше сказать, проигнорировал. К числу главных “ошибок” фюрера, поставивших его лицом к лицу с неожиданными и неразрешимыми проблемами, Вайли относил следующие. Во-первых, недооценка коммулятивного эффекта на английское общественное мнение его наглых притязаний и последовательное их осуществление методом аннексии. Во-вторых, провал расчетов на традиционный антагонизм между Англией и Францией. В-третьих, твердость, проявленная Польшей в отношении гитлеровских притязаний на Данциг и Польский коридор. В-четвертых, предоставление Англией гарантий Польше и ряду других стран. В-пятых, неверная оценка не только решимости Англии и Франции к сопротивлению, но и “советские загадки”. Разбору этого последнего просчета Гитлера в меморандуме Вайли отведено основное место.

Определяя характер и перспективы советско-германских отношений после подписания пакта 23 августа 1939 г., Вайли исходил из следующего: «Советская политика во всех ее проявлениях в принципе враждебна по отношению к внешнему миру, но географическая близость заставляет Советский Союз испытывать особую настороженность к “третьему рейху”». Вступление Красной Армии 17 сентября 1939 г. в Польшу в связи с этим трактовалось Вайли как преимущественно “оборонительное” действие, сопровождаемое занятием важных стратегических позиций. Это совершенно не согласовывалось с долговременными планами Гитлера, как бы внешне благосклонно он на это ни реагировал. В целом же, полагал Вайли, “советская политика по отношению к Германии... была откровенно провокационной” и опасной для Москвы. Вайли был убежден, что в случае “прекращения войны на Западе путем переговоров” или после германской победы, гитлеровский рейх без промедления постарается устранить возникшее на Востоке препятствие и радикально изменить ситуацию в свою пользу.

¹⁵⁵ LC. Loy Henderson Papers. Box 2: *John C. Wiley to Henderson*. Nov. 1, 1939.

Не будем забывать, что к моменту появления записки Вайли Франция еще не капитулировала, никто даже не предполагал, что она капитулирует, более того, как мы видим, вопрос о “замирении” на Западе сохранялся в повестке дня. Отчасти именно поэтому-то американского дипломата и не занимал тогда вопрос, морально или аморально поступил Сталин, пойдя на сделку с Гитлером и отодвинув границы Советского Союза к той линии, которую Россия занимала в 1914 г. Он был живым участником и свидетелем событий за 20 предшествующих лет, не позволявших сказать, что Европа прошла точку невозврата. Видя, что старая послеверсальская Европа рушится, Вайли рассуждал преимущественно в категориях чистой геополитики¹⁵⁶. Не забудем также, что политическое руководство стран, в которых он представлял США (Эстония и Латвия), после захвата Мемеля и разгрома Польши определенно изменило свое отношение к СССР, поневоле рассматривая его как противовес давлению со стороны германского рейха и гитлеровской “пятой колонны”. Приведем только одно выразительное место из меморандума, чтобы удостовериться в том, чему придавалось тогда приоритетное значение и какой выглядела в глазах наблюдателей военно-стратегическая ситуация в целом. Текст фрагмента почти дословно повторяет аргументацию Лансинга–Колби.

Вайли писал: «Проводя новые границы, Советский Союз руководствовался стремлением включить в свой состав те национальные меньшинства, которые могли бы быть превращены Германией в орудие расчленения России. Советский Союз заблокировал также идею Гитлера о *Mittleuropa* (Срединная Европа). В Прибалтике советская политика также может рассматриваться как позитивная (подчеркнуто мною. – В.М.). Позиция Германии в Прибалтийских странах строилась более семи веков. А сейчас в один миг она была утрачена. В Восточной Прибалтике Советский

¹⁵⁶ Заметим, что для представителей школы американских дипломатов, сформировавшейся в межвоенный период, было характерно критическое отношение к легализму (к ней принадлежал и Вайли), такие понятия, как “мораль”, “верность принципам”, в их глазах утрачивали приоритет перед *Realpolitik* (реальная политика). Предпочтение всегда отдавалось последней, к которой, как утверждал, например, тот же Гендерсон, нравственные критерии были не применимы (L.C. Loy Henderson Papers. Box 1: *Henderson to Samuel Harper*. Mar. 23, 1942). Очень характерно, что посол США в Советском Союзе Л. Штейнгардт, крайне не расположенный к кремлевскому руководству, в связи с началом 29 ноября 1939 г. советско-финского конфликта сообщал в телеграмме 1 декабря 1939 г. госсекретарю Хэллу, что Москва развязала войну против Финляндии – “возможно, ради укрепления своих позиций перед лицом германской угрозы” (цит. по: *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным: Американские послы в Москве. М., 2004. С. 175).

Союз будет главенствовать над Рижским, Финским, возможно, и Ботническим заливами. Военно-воздушные базы оборонительного назначения, созданные по всей Прибалтике вплоть до Мемельской области, дают возможность совершать “оборонительные” налеты на Берлин. Ясно, что Советский Союз ловко пытается занять такую позицию по отношению к Германии, используя которую он сможет либо оказывать помощь, либо создавать трудности в зависимости от того, что продиктует ему понимание собственных интересов. Ударение, стало быть, делается на собственные интересы...

Германская политика агрессии нацелена в основном на продолжение экспансии, что прямым образом затрагивает Советский Союз. В то же время одним из кардинальных принципов германской стратегии являлось оказание сопротивления попыткам окружения рейха. Советская оборонительная тактика, что совершенно очевидно, и есть такое окружение, она коварно нацелена на то, чтобы не дать рейху воспользоваться плодами возможной победы в Восточной и Юго-Восточной Европе, использовать эту победу в качестве плацдарма, угрожающего СССР. Имея в виду элементы русско-германского конфликта, отчетливо обнаруживающего себя в ходе меняющейся ситуации, очень трудно предположить, что между этими двумя странами быстро сложатся отношения взаимопонимания или что Германия в создавшихся условиях может хладнокровно игнорировать ситуацию на ее восточной границе и, забыв о ней, сконцентрировать свои усилия на борьбе с Западом».

Выставив в целом положительную оценку советской внешней политике, Вайли не был настолько наивным, чтобы не видеть, в каком направлении она способна развиваться в силу “особенностей” сталинского режима. Он писал об этом, хотя и не мог знать, что будет “потом” во всех деталях. Однако тревога по поводу того, что плодами ослабления Германии с одной стороны и Англии и Франции – с другой может воспользоваться Сталин, наложилась на ожидание неминуемого и спонтанного разрыва советско-германского “брака по расчету” и быстрого превращения Советского Союза и Германии в смертельных врагов.

Опасения не попасть в лад с настроениями в высших эшелонах госдепартамента¹⁵⁷ вынудило Вайли, отправив меморандум

¹⁵⁷ В этот момент в Москве проходили очень трудные советско-финские переговоры, и Вайли не мог не знать, что в Вашингтоне сочувственно относились к жесткой линии правительства Финляндии, тогда как его записка в положительном свете оценивала действия Советского Союза.

Обострение советско-финских отношений и “зимняя война” окончательно запутали положение в Восточной Балтике. Не один Вайли почувствовал, что

на имя Моффата, тут же запросить у начальства мнения о “его реакции на советскую внешнюю политику, которая, как он писал, становится и в самом деле слишком хитрой для моего неискущенного ума”¹⁵⁸. Следующий пассаж из того же письма Вайли Гендерсону также заслуживает того, чтобы привести его полностью, хотя бы как пример наблюдательности и вариативного мышления аналитика, столкнувшегося с запутанной и даже парадоксальной ситуацией:

«Советская политика выглядит двойственной: в основном как “дружественная по отношению к Германии” и как “нейтральная”. Но на практике она является не просто неоднозначной по своим характеристикам, но и полихромной. И в самом деле похоже, что она придерживается трех независимых друг от друга и не связанных друг с другом направлений: дипломатического, политического (с ударением на военно-стратегические цели) и, наконец, экономического.

Какой-то странной до смешного выглядит новая советская позиция в отношении деятельности левого крыла в этих приграничных государствах (в Прибалтике. – *В.М.*). На местах, где она дает о себе знать, местные советские представители отреагировали на это нерасположением. Правительства Прибалтийских стран, по крайней мере косвенно, поощрялись на твердые, репрессивные меры против любых беспокоящих акций со стороны левых. Ожидавшие худшего, самого худшего, местные власти начинают испытывать чувство изумленного облегчения... М-р Сталин, кажется, сконцентрировал все внимание на создании военно-морских и военно-воздушных баз и береговой обороны и, конечно же, всякие политические действия на этой территории могли бы скорее затормозить, чем содействовать достижению поставленных им непосредственных целей. Я должен сказать, будучи полностью убежденным в том, что Кремль населен только человекообразными существами, а Наркоминдел их последышами, что был поражен и восхищен великолепным маневрированием,

невозможно предвидеть, чем обернется советско-финский конфликт и как к нему относиться. В Финляндии многие видели сателлита Германии, но большая финская диаспора в США заставляла крайне осторожно высказываться на эту тему. Даже сторонник жесткой линии посол США в СССР Штейнгардт писал Гендерсону 13 декабря 1939 г., что, по мнению всех работников посольства, решение начать войну с Финляндией было принято советским правительством спонтанно, неожиданно для него самого, поскольку еще за пару дней до 30 ноября 1939 г. (день начала советско-финского конфликта), по словам Штейнгардта, оно “не имело никаких намерений вторгаться в Финляндию” (LC. Loy Henderson Papers. Box 1: *L. Steinhardt to Henderson*. Dec. 13, 1939).

¹⁵⁸ Ibid. Box 2: *John C. Wiley to Henderson*. Nov. 1, 1939.

которое проделала на моих глазах советская дипломатия. У меня такое ощущение, что Гитлер был застигнут врасплох».

Ответ от Лоя Гендерсона пришел только в конце декабря 1939 г. Почти два месяца ушло у заместителя начальника Европейского отдела госдепартамента на размышления. Уже почти месяц шла советско-финская (зимняя война), когда на стол Вайли легло короткое послание Гендерсона. Текст его гласил: “Я могу сказать, что в целом мы согласны с анализом, который Вы предложили”¹⁵⁹.

После начала советско-финской войны Вайли и его американские коллеги в Прибалтийских странах ощутили себя, по-видимому, на скрещении клинков. Это ощущение усилилось с распространением полупаники в этих странах, вызванной решением Берлина (по согласованию с Москвой) в конце 1939 – начале 1940 г. переселить прибалтийских немцев на польские земли. Никто не мог объяснить, куда “клонят” заклятые друзья, но всеми было признано, что эта мера больше всего соответствует обстановке накануне войны. Нити, поддерживавшие неустойчивое, хрупкое равновесие в регионе, натянулись почти до предела¹⁶⁰. В этих условиях поражение СССР в советско-финской войне моментально дало бы перевес Германии и пронацистским силам, успех закреплял советское влияние и снижал шансы “третьего рейха” взять реванш. В послании Гендерсону 23 декабря 1939 г. посол США Штейнгардт прямо отмечал, что неудачи Красной Армии на советско-финском фронте делают соседство СССР с Германией еще более опасным для первого, Гитлер же обретал еще большую свободу маневра¹⁶¹.

Принимаясь 17 февраля за составление очередной аналитической записки для “глаз” Лоя Гендерсона, Вайли имел на своем столе в помещении американского представительства в Риге самые противоречивые сообщения о советско-финских контактах на предмет заключения мирного соглашения. Чувствовалось, однако, что в голове американского посланника царил растерянность: каким будут следующие ходы Сталина, Гитлера, каким эхом они отзовутся в странах Прибалтики? В чем, однако, Вайли был, кажется, убежден, так это в том, что этим странам уже не удастся вернуться к состоянию “мы сами по себе”, в котором их застала Вторая мировая война. В смертельной схватке, идущей пока что в скрытой форме, но грозящей изменением соотноше-

¹⁵⁹ Ibid. *John C. Wiley to Henderson*. Dec. 19, 1939.

¹⁶⁰ См.: *Варес П., Осунова О.* Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX века. Таллин, 1992. С. 142, 143.

¹⁶¹ LC. *Loy Henderson Papers*. Box 1: *L. Steinhardt to Henderson*. Dec. 23, 1939.

ния сил и новой перекройкой политической карты Европы, им, как он полагал, придется сделать выбор, диктуемый обстановкой. Дальше этой констатации Вайли не шел, заглядывать в будущее ему казалось рискованным и непродуктивным. Впрочем, эти настроения Вайли хорошо передает текст публикуемого ниже документа. Приводим его полностью¹⁶².

Представительство США
Таллин, 17 февраля 1940

Дорогой Лой:

Безропотное подписание соглашений с Советским Союзом (речь идет о пактах взаимопомощи. — *В.М.*) и эвакуация прибалтийских немцев, по-видимому, привела большую часть остального мира к естественному выводу, что последняя глава в биографии этих новорожденных республик Прибалтики закончена. Но это, очевидно, не так.

Прибалтийские государства возникли в результате поражения Германии, а также революционного хаоса и истощения России (отчетливо слышится интонация ноты Б. Колби. — *В.М.*). Своим выживанием в течение двух десятилетий они обязаны равновесию между их двумя великими соседями. Затем внезапно советско-германский пакт по-новому поставил вопрос об этом равновесии преимущественно за счет Прибалтийских государств и в пользу СССР. Последующее развитие пролило новый свет и на отношения между рейхом и Россией в этом регионе. Поспешная эвакуация прибалтийских немцев была проведена по неожиданному и властному приказу фюрера. В ходе осуществления это историческое решение обернулось в нечто вроде панического бегства. Одновременно советские военные подразделения заняли новые базы в Прибалтике.

Ясно, что при всей быстрой смене событий очень с большим трудом поддерживаемое равновесие между рейхом и Россией все же сохраняется. Германский флот все еще господствует на этом германском море (речь идет о Балтике. — *В.М.*). Советский флот и советские гарнизоны могут существовать только до тех пор, пока немцы их терпят. Прибалтийские немцы, может быть, и покинули эти края после семи с половиной веков проведенных здесь, но германские интересы в Прибалтийских государствах, как и прежде, имеют агрессивную направленность.

¹⁶² Ibid. Box 2: *John C. Wiley to Henderson*. Febr. 17, 1940.

В экономической области германские вложения принимают долгосрочный характер. Вирус советско-германского торгового соперничества уже выведен.

В ходе последней войны (войны 1914–1918. – *В.М.*) военные действия существенно не коснулись территории Прибалтики. Только на последней стадии войны Латвия и Эстония оказались серьезно затронуты ими. Агония, связанная с их рождением, была болезненной.

Мой прогноз на их ближайшее и неопределенное будущее исходит из условия, что Прибалтика не станет театром военных действий между великими державами с присоединением к ним Швеции. Латвия и Эстония в этом случае могли бы легко какое-то время поддержать собственное ненадежное существование до того момента, когда всеобщая война приведет к его эвентуальному концу.

Между тем, если Советский Союз серьезно станет завязать в своей военной кампании против Финляндии, то только рейх сможет обезопасить гарнизоны Красной Армии в этих двух странах. Если же война вновь закончится поражением и распадом России, латвийские и эстонские войска, возможно, еще раз выйдут на сцену, чтобы защитить их минимально независимое существование, как в будущем, так и в прошлом замешанное на взаимном недоверии и решительном отказе от эффективного сотрудничества.

Возможность полной германской победы, конечно, учитывается и в Латвии, и в Эстонии. Но гадание по поводу того, к чему приведет такой вариант, я боюсь, показал свою непродуктивность с точки зрения реальных предпосылок.

Несмотря на то что рядом с нами красные соседи, мы пережили очень белую снежную зиму с сильными морозами и необычайно солнечными днями. Не плохо.

С лучшими пожеланиями

Вайли

12 марта 1940 г. подписанием советско-финского мирного договора закончилась “зимняя война”, которая и в самом деле близко затрагивала интересы Прибалтийских стран. Их суверинитет и нейтралитет по соседству с этим и другими событиями становился все более иллюзорным. Каждый новый день приносил новые факты, свидетельствующие, что война не минует малые страны, какие бы хитроумные маневры они ни предпринимали. Вайли 17 марта 1940 г. шлет шифровку в госдепартамент исключительной важности – о подготовляемом немцами наступлении на Западном фронте через Бельгию и Голландию. Надо думать, полученная им секретная информация наталкивала (по крайней мере, его само-

го) еще раз на размышления о судьбе Прибалтийских стран: по правилу симметрии они точно также могли стать “коридором” для прохода к Ленинграду, Минску и Ржеву. Вайли, считая эту информацию крайне важной, повторил ее в депеше 31 марта¹⁶³. Переход Германии 10 мая 1940 г. к активным боевым действиям против Франции именно на бельгийско-голландской границе показал, что прогноз Вайли о затягивании нейтральных малых стран в водоворот великого военного противостояния, – реальность, от которой им никуда не уйти. 7 июня 1940 г. дипломат, ссылаясь на сведения, полученные из немецких источников, сообщил госсекретарю Хэллу, что обострение советско-германских противоречий неизбежно в скором времени приведет к “исчезновению Прибалтийских государств”¹⁶⁴. Проблема выбора для них по формуле “кого предпочесть” в новом виде представлялась уже формулой “с кем быть”.

Любопытно, что примерно таким же (или даже точно таким же) был ход мыслей У. Черчилля, ставшего к тому времени главой военного кабинета Англии и стремившегося просчитать все возможные худшие и лучшие варианты развития военно-стратегической ситуации в Прибалтике под углом зрения оказания сопротивления агрессии Германии. Поднимая дух англичан сразу после введения советских войск в страны Балтии в середине июня 1940 г., Черчилль приветствовал это событие и заявил, как сообщала “Нью-Йорк таймс”, что “союзники получили еще одну козырную карту в игре”¹⁶⁵. А выступая перед членами своего кабинета 16 ноября 1940 г., он говорил: “Бесспорно, для Советского Союза было бы вполне разумным воспользоваться нынешним положением дел, которое очень благоприятно для него, для того чтобы возратить те территории, которые Россия потеряла в результате последней войны (Первой мировой войны. – В.М.) и в начале которой она была союзницей Франции и Англии. Это относится не только к балтийским территориям, но и к Финляндии. Это соответствует и нашим интересам, если бы Советский Союз усилился на Балтике и таким путем ограничил бы риск германского доминирования в этом регионе. Именно по этой причине для нас было бы ошибочным побуждать финнов не делать уступок СССР”¹⁶⁶.

Совсем немаловажным представлялся вопрос о том, как население стран Балтии относилось к перспективе оказаться вновь

¹⁶³ Ibid. Box 1: *John C. Wiley to Henderson*. Mar. 31, 1940.

¹⁶⁴ FRUS. 1940. Wash., 1959. Vol. I. P. 366.

¹⁶⁵ *New York Times*. 1940. June 17. P. 6L.

¹⁶⁶ *Carlton D. Churchill and the Soviet Union*. Manchester; N.Y., 2000. P. 71.

“возвращенными” в лоно Российской империи под новым названием. Вайли и другие американские дипломаты фиксировали в связи с этим углубление размежевания в общественных структурах Прибалтийских стран. Еще 30 апреля 1940 г. Вайли сообщал Хэллу о ситуации в Латвии: “В последнее время наблюдался резкий подъем антиправительственной деятельности”¹⁶⁷. А уж после того, как в середине июля 1940 г. в Эстонии, Латвии и Литве были сформированы новые структуры власти, американские посланник Норем писал Лою Гендерсону: “Одним из наиболее интересных и беспокоящих черт нового порядка вещей является последовательное вовлечение в ряды красных групп католических рабочих и крестьян. Хотя многие заняты бесплодными разговорами, что все должно быть как раз наоборот, и передачей разных слухов, что людям заплатили за участие в митингах и т.д., однако подтверждается факт, что основную часть коммунистической партии составляет старое и преданное большинство. Католический священнослужитель с печалью сказал мне, что прихожане показывают тревожащий его интерес к новому порядку вещей...”. Но главное состояло в другом, а именно в ожидании сшибки ошестившихся оружием двух “дружественных держав”. Ранее в телеграмме Хэллу от 18 июня Норем ставил вхождение дополнительных контингентов советских войск в прямую связь с “концентрацией германских войск”¹⁶⁸ на западной границе Литвы. А в следующем послании Гендерсону от 20 июля Норем подтвердил именно такую трактовку военной ситуации. Он сообщал: “Русские заняты подготовкой к отражению надвигающегося германского нападения путем дислокации войск в различных пунктах сосредоточения, проводя разведывательные полеты авиации и учения с участием солдат и техники”¹⁶⁹.

Мы еще коснемся вопроса о реакции американской дипломатии на инкорпорирование (термин, фигурировавший в пере-

¹⁶⁷ FRUS. 1940. Vol. 1. P. 362.

¹⁶⁸ Ibid. P. 375. Отметим, что в тот же самый день, 18 июня 1940 г., газета “Нью-Йорк таймс”, ссылаясь на хорошо информированные источники в Бухаресте, сообщала, что в столице Румынии упорно говорят, “что русские оккупировали Балтийские государства для того, чтобы предотвратить нацистский заговор, нацеленный против Советского Союза” (New York Times. 1940. June 18. P. 12). На следующий день газета вновь вернулась к той же животрепещущей теме, утверждая, что потрясшее всех в Европе и полностью опрокинувшее все расчеты Кремля на затяжную войну на Западе поражение Франции заставило кремлевское руководство пойти на ввод советских войск в страны Балтии (Ibid. June 19. P. 1). Репортаж, помещенный на первой странице газеты, завершался описанием массовой демонстрации в Риге, приветствующей вхождение советских войск в Ригу.

¹⁶⁹ LC. Loy Henderson Papers. Box 13: O. Norem to Henderson. July 20, 1940.

говорах советского посла в США К. Уманского с американскими дипломатами) Прибалтийских стран в состав Советского Союза. О многом может сказать контент-анализ американской печати. Это еще впереди. Но уже сейчас мы располагаем весьма важной оценкой позиции американской прессы, очень чутко всегда улавливавшей настроения в Белом доме и госдепартаменте, которые, в свою очередь, тщательно следили за изменчивым общественным мнением. Шел год выборов, имеющих важнейшее значение для демократов да и для всей страны, внимание общественности было крайне обострено ко всему, что могло бы послужить толчком к вмешательству США в европейские дела. Формула “лучше худой мир, чем добрая ссора” все еще сохраняла привлекательность для американцев. Но вместе с тем слышнее становилось и другие мнения. Опасения за судьбу Америки да и собственную безопасность заставляло менять отношение ко всему, что происходило в зоне, которая для Германии и СССР перестала быть буферной и где они существовали как сопредельные государства¹⁷⁰.

Оценка, которая упомянута выше, принадлежит тому же Сэмюэлю Харперу, и взята из его отчета о беседе с советским послом К. Уманским, состоявшейся 17 июня 1940 г. Отчет был передан Харпером обычным порядком 18 июля 1940 г. в госдепартамент. В нем, как и прежде, сделав вступительное замечание, характеризующее меняющееся отношение американского общественного мнения к Советскому Союзу (“оно становится менее антисоветски настроенным”), Харпер перешел к главному. Таким главным он, по-видимому, считал необходимость сообщить советскому послу толкование в Соединенных Штатах тех событий, которые имели место в Эстонии, Литве и Латвии 14 и 15 июля 1940 г. (выборы в законодательные органы этих стран). Они не соответствовали американским канонам, но Харпер обратил внимание Уманского на следующие моменты: “... я высказался в том смысле, что американская печать не подвергла последние советские действия в Бессарабии и даже в Прибалтике таким же нападкам, как это она делала в аналогичных случаях раньше. Я отметил предположительно, что эти последние действия не рассматриваются ныне в качестве “советской агрессии” в свете новой ситуации (подчеркнуто мною. – В.М.). Он согласился с моим объяснением, что эти

¹⁷⁰ Госдепартамент принимает решение изменить терминологию, применяемую в отношении тех территорий, которые оказались в “зоне интересов СССР”. 11 мая К. Хэлл телеграммой посольству США в Москве разрешает заменить термин “часть территории Польши, оккупированная СССР” на другое: “Западная Украина” и “Западная Белоруссия” (FRUS. 1940. Vol. III. P. 201).

действия были направлены против всех пришельцев и продиктованы целиком соображениями безопасности. Специально было заявлено, что любой, кто войдет в Черное море, встретит советское сопротивление.

А в ответ на высказанную мною мысль, что американское общественное мнение, возможно, начинает занимать менее антисоветскую позицию из-за того, что советское продвижение в Бессарабию является первым шагом к подготовке войны с Германией, он сказал, что отношение США и в особенности американская правительственная политика к Советскому Союзу должны определяться только двусторонними отношениями, а не советской политикой по отношению к третьей стране¹⁷¹.

Экспресс – анализ ситуации, проделанным Харпером, оказался довольно точным. После того как 23 июля госдепартамент устами С. Уэллеса выразил протест по поводу уничтожения “политической независимости и территориальной целостности трех малых балтийских республик”¹⁷², рассерженная “Нью-Йорк таймс” назвала его документом, который “изобилует явно неверными утверждениями и враждебностью по отношению к Советскому Союзу”¹⁷³. А 27 июля 1940 г. тот же С. Уэллес, стремясь снять возникшую между двумя странами натянутость, в беседе с Уманским говорил о необходимости ликвидировать трения между двумя странами перед лицом общей опасности¹⁷⁴. Уже в сентябре 1940 г. в беседах Штейнгардта и Молотова это было подтверждено¹⁷⁵.

Отметим еще одну характерную и немаловажную деталь. Американские дипломаты, тесно соприкасавшиеся с “прибалтийской ситуацией” и собственными глазами видевшие благодаря какому сложному переплетению событий и обстоятельств она обязана своим возникновением, пронесли через многие (и добавим, отмеченные высоким уровнем напряженности в советско-американских отношениях) годы неприятие ложного представления о причинах, которые привели к такому исходу. Обратимся к самому авторитетному свидетелю – дипломату и историку Джорджу Кеннану. Давая в 1958 г. по просьбе аппа-

¹⁷¹ LC. Loy Henderson Papers. Box 1: S. Harper to Henderson. July 18, 1940. Весьма характерно, что 25 сентября 1940 г. посол США Штейнгардт сообщил телеграммой в Вашингтон, что из абсолютно достоверного источника ему стало известно об указании, данном советской печати и радио, не публиковать враждебные Соединенным Штатам заявления (FRUS. 1940. Vol. III. P. 222).

¹⁷² FRUS. 1940. Vol. I. P. 401.

¹⁷³ New York Times. 1940. July 24.

¹⁷⁴ Севостьянов П. П. Перед великими испытаниями. М., 1981. С. 177.

¹⁷⁵ FRUS. 1940. Vol. III. P. 386–388.

рата Белого дома разъяснения к оценке внешней политики СССР, он писал: “В конце концов Прибалтийские государства фактически не подверглись вторжению, они согласились (как я полагаю, неблагоприятно) с советскими требованиями (вспомним депешу Вайли от 17 февраля 1940 г. – В.М.), которые им были предъявлены. Это верно, что давление, оказанное на них, было грубым и нахальным, но и сложившаяся ситуация была чрезвычайно необычной и опасной; в качестве оправдания своих действия в этом случае советское правительство опиралось на соглашение с единственной великой державой Запада, Германией, которая пользовалась влиянием в этом районе и которая могла рассматривать это как *casus belli*”¹⁷⁶.

Джордж Кеннан и сам мог бы прокомментировать этот пассаж в том духе, что у этой истории мог бы быть и иной финал, доказательством тому служили непредсказуемость военного положения в регионе, непрочность возникшего здесь в 1939, 1940 гг. баланса сил. Ни та, ни другая стороны не намерены были долго мириться с усилением друг друга. Сталин после разгрома Франции сделал свой ход, Гитлер, как считал Кеннан, “мог ответить объявлением войны”. В скобках заметим: вопрос о синхронизации этих событий является сам по себе важным, что понимали и в Прибалтике, как это отмечал все тот же Вайли¹⁷⁷.

Какие соображения возникают при знакомстве, так сказать, “в первом чтении” с документами, о которых здесь идет речь? Первое. Захват Гитлером Польши, демонстрация непреклонной решимости “третьего рейха” насильственным, кровавым путем отвоевать себе “жизненное пространство” вызывали в странах Прибалтики мрачные предчувствия и деморализацию. Из этих предчувствий, собственно, и родилась их “новая восточная политика” (пакты о взаимопомощи с СССР). Второе. События лета 1940 г. и вхождение Прибалтийских республик в состав СССР не были изначально predetermined советско-германским пактом о ненападении. Думать так – значит исходить из представления о некоей предуготованности развития международного конфликта. “Пакт Молотова–Риббентропа, – признает латвийский историк И. Фелдманис, – напрямую не изменил международно-правовой статус Латвии и других государств Балтии (Литва в сферу интересов СССР была включена 28 сентября 1939 г.)”¹⁷⁸. Судьба При-

¹⁷⁶ The Princeton University Library. George Kennan Papers. Box 31: *Kennan to Robert E. Matteson*. Dec. 16, 1958.

¹⁷⁷ FRUS. 1940. Vol. I. P. 363.

¹⁷⁸ *Фелдманис И.* Пакт Молотова–Риббентропа и отношения между Латвией и Германией (1939–1940) // *Международный кризис 1939–1941 гг.* С. 110.

балтики решалась в ходе непрерывно меняющейся военно-стратегической ситуации, включая и итог войны Советского Союза с Финляндией, и нападение Германии на Бельгию и Голландию, и поражение Франции, и многое другое.

Историкам предстоит еще многое разыскать и доисследовать. Официальные публикации не столько подчас проясняют дело, сколько скрадывают суть. Один только пример. В официальном издании правительства США “Внешняя политика Соединенных Штатов” за 1940 г. (т. III) приводится выдержка (документ опубликован не целиком, а в выдержках) из доклада Терстона (тогда временный поверенный в делах США в СССР) от 22 августа 1940 г. о переводе экономики Советского Союза на военные рельсы. Проводимые в СССР мероприятия, писал он, могут быть названы “военной мобилизацией”¹⁷⁹. В этом же контексте он писал и о “территориальной экспансии” СССР, но упоминал, впрочем, только о Бесарабии и Северной Буковине. В приводимых фрагментах ни слова нет об Эстонии, Латвии и Литве. Мог ли опытный дипломат оказаться таким забывчивым? А между тем, как показывают российские документы, именно в этот день 22 августа 1940 г. у Терстона состоялся разговор с замнаркома иностранных дел СССР С.А. Лозовским, в ходе которого вопрос о Прибалтике обсуждался ими очень обстоятельно¹⁸⁰. Советский дипломат напомнил временному поверенному в делах о существовании ноты Колби, не признававшей отделения Прибалтики от России. Никаких комментариев со стороны Терстона по этому поводу протокольная запись беседы не зафиксировала.

Вопрос о Прибалтике и о западных границах СССР вообще затрагивался на многочисленных встречах заместителя госсекретаря США С. Уэллеса и посла СССР К. Уманского в июне 1940 – апреле 1941 г. Деннис Дани, пытаясь как-то объяснить проявленную Вашингтоном инициативу – добиться сближения с СССР сразу после ноты протеста 23 июля 1940 г., нашел следующую формулировку: “Вашингтон подвергал критике Москву за агрессию и заморозил банковские активы Прибалтийских государств, а на повестке дня стояли хорошие отношения”¹⁸¹. Видимо, чтобы приглушить болевые точки, входивший в число ближайших сподвижников Рузвельта Уэллес, выражая отношение своего высокого патрона к проблеме Прибалтики,

¹⁷⁹ FRUS. 1940. Vol. III. P. 212.

¹⁸⁰ Архив внешней политики Российской Федерации. (АВП РФ). Ф. 483. Оп. 246. П. 8. Л. 113.

¹⁸¹ Дани Д. Указ. соч. С. 183.

в ходе беседы 15 января 1941 г. подчеркнул, что американское правительство признает “принципиальное отличие” этих территориальных изменений (т.е. включение стран Балтии в состав СССР) “от событий в остальной части Европы”¹⁸². Мы видим, что в Вашингтоне определенно склонялись к мнению Черчилля о правомерности создания Советским Союзом “Восточного вала”, пускай и ценой утраты странами Балтии их суверенитета.

¹⁸² АВП РФ. Ф. 483. Оп. 246. Инд. 3. П. 8. Л. 146.

Глава V

У ИСТОКОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Чужой среди своих

Долгое время в общественно-политическом сознании и историко-политической литературе доминировал постулат, объясняющий природу исторического феномена холодной войны противостоянием различных систем идеологических ценностей. Той, которая за многие столетия сложилась на Западе (хотя ее нельзя признать гомогенной), и той, которая родилась вместе с Октябрем 1917 г. в России. В своей основе, как утверждалось и утверждается, враждебные друг другу идеологии (убеждения, нормы морали и права, воплощенные в государственных институтах и политике) несовместимость поведенческих стереотипов в международной практике “западной цивилизации” в лице ее ведущих стран с одной стороны, Советского Союза и стран, входивших в его орбиту, – с другой. В этой несовместимости ценностных приоритетов усматривались причины всех главных конфликтов современности, взаимоотчужденности, пугающих заморозков на грани разрыва отношений и обмена оглушительными ударами в ходе пропагандистских войн¹.

¹ Джон Мюллер, автор получившей самые лестные отзывы на книгу о современных войнах, “Удаленные от Страшного суда. Невозможность больших войн” (1989), утверждает, например, что коммунистическая идеология, в его понимании, была и остается главной причиной противостояния в годы холодной войны (*Mueller J. Duelling Counterfactuals // Cold War Statesmen Confront the Bomb. Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. by J.L. Gaddis, P.H. Gordon, E.R. May, J. Rosenberg. N.Y., 1999. P. 282*). Безоговорочно верящих в эту все объясняющую версию в изобилии появилось на пике российской перестройки. Писать о чем-то другом среди отечественных специалистов считалось даже плохим тоном. Постревизионизм в США также обнаружил в ней главную точку опоры в конфликте с “полумарксизмом” ревизионистов, отдававших приоритет экономическому фактору (см.: *Cold War History. 2006. Vol. 6. Nov. N 4. P. 535–542*). О навязчивой магии “идеологического фактора” в историографии международных

Однако теория вопроса и история международных отношений говорят о другом. Достаточно напомнить положение, сформулированное П.Б. Струве, о том, что “во внешней политике особенности внутреннего строя и внутренней политики непосредственно не идут в счет”². В свою очередь, П.А. Сорокин писал, характеризуя “самый кровавый кризис самого кровавого столетия”, что экстраординарная воинственность двадцатого столетия делает различие агрессивной и неагрессивной политики государств путем абсолютизации идеологического критерия ненадежным и непродуктивным занятием³. Рассматривая всякое явление как органический синтез функционального целого, Питирим Сорокин утверждал, что поиски объяснения характера межгосударственных отношений на базе моральных ценностей, их абсолютного или священного свойства есть ложный способ нахождения истины, поскольку фундаментальной категорией современного сознания был и остается моральный атомизм, релятивизм и нигилизм⁴. Нет смысла уходить в далекое прошлое. Заметим только, что европеизация России в XIX – начале XX в. не сняла страха и недоверия к ее намерениям в Европе ни у представителей аристократии, ни у сторонников идей пролетарской революции. И это также верно, как и то, что всяческие идеологические клише и пафосные призывы встать на защиту западноевропейской идентичности от чу-

отношений в межвоенный период (1918–1939) сказано в книге Н.А. Нарочницкой (Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 257). Заметим, однако, что ее автор отстаивает свой тезис о геополитической природе любых международных конфликтов с излишней категоричностью, которая сама вызывает возражения. К тому же о приоритете “геополитических констант мировой политики” писали и ранее многие исследователи, не умаляя, впрочем, идеологические мотивы в событиях и в ходе принятия решений политическими деятелями революционной эпохи первой трети XX в. Ленин и Троцкий полагали поначалу, что идеи мировой революции без труда завоюют мир. Идейными соображениями, наряду с прочими (геополитическими, экономическими, военными и др.), в частности, руководствовались В. Вильсон, Р. Лансинг и Э. Хауз, выработывая в переломные 1914–1918 гг. внешнеполитический курс США (см.: Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война: Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002; Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М.; Тамбов, 2005; Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 году. М., 2006).

² Струве П.Б. *Patriotica*. Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 72. Много лет спустя правоту данного постулата Струве подтвердил известный американский историк Джон Льюис Гэддис, настаивая на недопустимости объяснять поведение (внешнюю политику) тех или иных стран и правительства формами и характером их государственного устройства (*Gaddis J.L. The United States and the End of the Cold War. Implications, Reconsiderations, Provocations*. N.Y., 1992. P. 13).

³ Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992. С. 427–505.

⁴ Сорокин П.А. *Социальная и культурная динамика*. СПб., 2000. С. 340, 490–492.

ждой ей культуры славянства всегда маскировали нежелание видеть Россию сильной, единой и самодостаточной⁵.

Именно по этой причине Россия чувствовала себя некомфортно в блоке стран, оформившемся в первое десятилетие XX в. в Тройственное соглашение (Антанту). Провал воинственного курса Николая II на Дальнем Востоке и поражение России в русско-японской войне не сняли подозрительности ее партнеров по антигерманскому блоку относительно далеко идущих намерений “военно-феодальной” клики Санкт-Петербурга, а переориентация на балканско-ближневосточный регион привели и в Лондоне, и в Париже к большому беспокойству⁶. Активизация организаций и партий крайне правого и умеренно правого толка (Русский монархический союз Михаила Архангела, Союз русского народа и др.) с их печатными органами (“Земщина”, “Русское знамя”, “Гражданин”) вызывали соответствующие отклики либеральной и социал-демократической общественности во Франции и Англии, звучащие часто в унисон с возмущенными голосами из Берлина, Вены, Будапешта. В свою очередь, идеологи прогерманского движения в России – П.Н. Дурново, А.Д. Протопопов, В.П. Мещерский, В.М. Пуришкевич, Н.Е. Марков, Р.Р. Розен, П.С. Боткин, – начертав на своем знамени принципы “русской идеи” (незыблемость самодержавия, власти дворянства, православие и воинствующий национализм), атаковали антантовский проект с разных сторон.

Российские партии центристского характера, выдвигая на первый план вопрос объединения славянских народов Балканского полуострова вокруг России, утверждение ее в Константинополе и в Черноморских проливах, делая упор на внешнем могуществе⁷, своей озабоченностью возвращением имперского могущества России служили раздражителем для общественного мнения и дипломатических кругов на Западе⁸. Никто не обещал русской дипломатии легкой жизни даже в обмен на разного рода уступки

⁵ См.: Люкс Л. Предчувствие заката Европы и страх перед Россией // Рубежи. 1996. № 8. С. 28–51. И в наше время знаток русской словесности американский культуролог Джеймс Биллингтон, к примеру, предлагает считать русско-турецкую войну (1874–1878) “прямым следствием новой имперской доктрины мессинского панславизма”, крупномасштабной, преднамеренной войной за самовозвеличение, состязанием в жестокости с озверелым неприятелем (см.: Биллингтон Дж.Х. Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 467).

⁶ *Игнатъев А.В.* Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди, События. М., 2000. С. 37, 38.

⁷ *Дьяков В.А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

⁸ *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 80–96, 116, 124, 125, 143.

и стратегические жертвы. Отказ министра иностранных дел России С.Д. Сазонова принять приглашение главы английского Форин оффис Э. Грея – приехать в Лондон для неофициальной встречи в конце 1911 г. – отражал меру прочности англо-русской “дружбы”. Прибыв наконец с визитом в Англию в сентябре 1912 г., Сазонов сполна испил чашу разочарования в связи с отклонением Лондоном предложения поддержать Россию в ее усилиях стать гарантом независимости славянских государств на Балканах с последующим нахождением приемлемого для нее (России) решения о Черноморских проливах⁹. В годы Первой мировой войны расхождения Петрограда с союзниками по Антанте не только не были улажены, но и проявились вновь. В первую очередь это касалось Балкан и проливов¹⁰. Отречение царя, смена внешнеполитических ориентиров России после Февральской революции 1917 г. и отставка П.Н. Милюкова были восприняты в союзных ей странах уже как избавление от призрака серьезной угрозы, нависшей над европейской цивилизацией – угрозы панславизма, хотя за “игрой в славян” и на Ке де Орсе и в Форин оффис усматривали не столько мечтания о покорении Европы “Монгольской Азией”, сколько обеспечение за Россией решающего голоса в деле устройства послевоенного мира. Французский посол Морис Палеолог, запечатлевший в дневнике свою беседу с императором Николаем II от 21 ноября 1914 г., с издевкой писал о религиозном экстазе, с которым царь погрузился в рассуждения о радикальной перекройке границ в послевоенной Европе и на периферии. Настроенный весьма скептически к опережающим событиям прогнозам царя и его министров, Морис Палеолог сопровождал свои комментарии этих высказываний осуждением “романтических утопий славянофильства”, “идеи провиденциальной мировой миссии России” и “византийского миража”¹¹.

Между тем остается открытым вопрос, что сам российский монарх вкладывал в понятие славянской политики России и как далеко в действительности шли планы России относительно урегулирования восточно-европейских проблем. Ничего определенного по этому поводу сказать нельзя, хотя (и это симптоматично)

⁹ Там же. С. 147, 161.

¹⁰ См.: Константинополь и проливы. М., 1925. Т. 1. С. 295; За балканскими фронтами Первой мировой войны / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2002. С. 184, 246, 247, 323, 325. Настроения в пользу отклонения главных требований России нашли свое отражение в военном дневнике президента Франции Р. Пуанкаре (*Пуанкаре Р. На службе Франции 1915–1916: Воспоминания. Мемуары.* М., 2002. С. 50, 84, 125, 126, 527).

¹¹ *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 123–133, 166–168, 172.

на Западе зрело подозрение в широкомасштабной “русской интриге”¹². Не могут быть забыты в связи с этим негодование видных российских дипломатов, политиков и общественных деятелей дореволюционной эпохи по поводу одержимости западноевропейской и американской общественности призраком славянской (читай – русской, российской) опасности. С.Д. Сазонов посвятил этим преднамеренно возбуждаемым страхам немало горьких слов в книге воспоминаний, опубликованной в 20-х годах прошлого столетия. Обходя многие острые углы и говоря о “превратно понятых” на Западе целях России, Сазонов не случайно сосредоточился именно на препятствии, неприемлемом в глазах Палеолога. Он писал: “Надо сознаться, что в этом отношении панславизм удачно выполнил свое назначение. Все западноевропейские государства уверовали в славянскую угрозу и истолковывали этот термин как политическую формулу, которой прикрывалась честолюбивая политика России, мечтавшей объединить под своей властью все славянские народы”¹³. Даже сотрудничество России с ее союзниками в годы войны 1914–1918 гг., борьба с общим врагом, блоком Центральных держав и совместно согласованные планы не сняли запрятанные под любезными улыбками и дружескими рукопожатиями всю силу расхождений, как писал тот же Сазонов, между “русской точкой зрения” и устоявшимися за долгие годы взглядами тех же французов на намерения и замыслы их восточного партнера¹⁴. Опытный и умный дипломат дал в сущности всеобъемлющую формулу межгосударственных отношений (все равно – внутриблоковых или межгосударственных) в предвоенную эпоху – соперничество, обособление и взаимная подозрительность. Это означало, писал он, что “никто не допускал мысли, чтобы что-нибудь могущее служить на пользу одной стороне этим самым не представляло опасности для другой”¹⁵. Сазонов ни слова не сказал о конфликте идеологий (хотя имел на это основания), объяснив природу сохранявшейся, несмотря на военное сотрудничество, к примеру России и Англии, натянутости, нерасположения, недоверия и подозрительности, политическим суеве-рием¹⁶.

¹² См.: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века / Отв. ред. А.В. Игнатъев. М., 1997. С. 451–463; *Савваитова М.Д.* Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994. С. 113–126.

¹³ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Минск, 2002. С. 307.

¹⁴ Там же. С. 287.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 279.

Этот последний емкий термин отражает не идеологический (в нашем достаточно узком современном его понимании), а более широкий социо-культурный субстрат проблемы, передавая, как нам кажется, всю гамму не проясненных до конца отличий в национальном самочувствии и самосознании различных народов, в их понимании “других”. Бывший министр иностранных дел выражал недоумение по поводу искажения мотивов русской политики со стороны союзников, отсутствия должной солидарности с ней, но он был не вполне искренен: ему хорошо были известны источники трений, которые подтачивали союзнические узы между Россией и ее западными партнерами. О них постоянно писала российская пресса и периодика. П.Б. Струве в статье “Политика внутренняя и политика внешняя” (1910) констатировал, что российское государство политически изолировано в международном общении, что оно неспособно выступать как “импонирующая вовне сила”¹⁷. Моральная поддержка Западом полного отторжения от России ее национальных окраин – Польши, Финляндии, Малороссии – стала центральной темой русской политической публицистики накануне и в годы Первой мировой войны¹⁸. Антанта страдала хроническим заболеванием – неравенством “договаривающихся сторон”, обострение которого неминуемо должно было сказаться на финальной стадии войны¹⁹.

Высшим проявлением неравноправного положения России в Сердечном согласии было неприглашение ее для участия в Парижской мирной конференции 1918–1919 гг. Самое поразительным, пишет Маргарет Макмиллан в своей новой, получившей высокую оценку на Западе книге о мирной конференции в Париже в 1919 г., было отсутствие на ней России. И продолжает: “Союзник в 1914 г., Россия, возможно, спасла Францию от поражения, когда атаковала Германию на Восточном фронте. Три года Россия сражалась с Центральными державами, не только неся огромные потери, но и приняв на себя бремя дополнительных несчастий”²⁰. Все это демонстративно не прини-

¹⁷ Струве П.Б. Указ. соч. С. 75.

¹⁸ См.: Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004.

¹⁹ Алексеева И.В. Агония Сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914–1917. Л., 1990. С. 64–76.

²⁰ MacMillan M. Paris 1919: Six Months That Changed the World. N.Y., 2002. P. 62. Посол Англии в России Джордж Бьюкенен в своих мемуарах сделал важное замечание, которое, увы, осталось без внимания многих исследователей. Речь идет о сложившемся у него осенью 1917 г., еще до прихода к власти большевиков, убеждении, что в случае созыва в Париже конференции союзников для обсуждения целей войны и условий мира России суждено будет играть на ней “более активную нежели пассивную роль”. Но даже Бьюкенен, наверное, не мог предвидеть, что эта роль будет вообще никакой (см.: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Минск, 2001. С. 351).

малось во внимание. Мир в Брест-Литовске послужил лишь внешним предлогом. Сбравшейся в режиме *ad hoc* в январе 1919 г. по инициативе видных деятелей русской антибольшевистской эмиграции – посла Временного правительства в Париже В.А. Маклакова (один из лидеров кадетской партии) и посла в Вашингтоне Б.А. Бахметева – Русской политической конференции отказали в признании, а ее инициаторам во главе с С.Д. Сазоновым в аккредитации²¹. Причина, как об этом писал известный американский исследователь проблемы, состояла в том, что “союзники, памятуя о могущих вызвать замешательство требованиях России... не жаждали увидеть ее за столом мирных переговоров”²².

У А.И. Деникина, командовавшего Добровольческой армией, сражавшейся с большевиками на юге России, сложилось четкое представление, что многоходовая политика дальнего прицела, проводимая западными союзниками в русском вопросе, была нацелена на ослабление и расчленение России²³. Английский премьер Ллойд Джордж, по словам Деникина, был прямо-таки одержим идеей – воспользоваться внутренней смутой в России с тем, чтобы раз и навсегда лишить ее военно-стратегического значения. Дабы не страдала суть высказываний английского премьера о России, устраивающих Запад, Деникин приводит слова Ллойда Джорджа по стенограмме заседаний английского парламента 8 и 17 ноября 1919 г.: «Целесообразность содействия адмиралу Колчаку и генералу Деникину является тем более вопросом спорным, что они “борются за единую Россию...” Не мне указывать, соответствует ли этот лозунг политике Великобритании... Один из наших великих людей, лорд Биконсфильд, видел в огромной, могучей и великой России, катящейся подобно глетчеру по направлению к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность

²¹ *Thompson J.M. Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace. Princeton (N.Y.), 1966. P. 66–78.*

²² *Ibid. P. 75.*

²³ *Деникин А.И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск, 2002. С. 148–158, 175. Исполняющий обязанности начальника Генерального штаба США генерал Томас Блисс, как бы подтверждая слова Деникина, заявлял, что лучшим решением для Запада был бы неуправляемый хаос в России. Секретарь американской делегации в Версале Джозеф Грю записал в своем дневнике: “Его мнение в отношении русской политики состоит в следующем – держаться от России подальше и позволить им (русским. – В.М.) грызть друг друга как сво-ре бешеных котов. Пожалуй, это самое умное, что можно придумать”. Эта запись Грю была помечена 8 октября 1919 г. (Harvard University. Houghton Library. The Papers of Joseph Clark Grew. October 8, 1919).*

для Великобритании империи...»²⁴. В Англии чаще, чем в любой другой стране Запада, поминали подзабытый призыв старца Филофея “Москва – третий Рим” и византизм российской политической элиты. Справедливости ради нужно сказать, что русская публицистика начала XX в. давала повод для подобных ассоциаций²⁵.

Для понимания природы отношений Россия–Запад на переломе от мира к войне 1914–1918 гг. и от войны к послеверсальскому миру приводимый выше фрагмент из “Очерков русской смуты” А.И. Деникина имеет ключевое значение. Они не могли стать безоблачно-благополучными, благопристойно-мирными при любых условиях – останься Россия после революции 1917 г. авторитарно управляемой или явив себя миру в любом другом качестве. Ведущие игроки послеверсальского мира стремились не позволить стране (России), располагавшей пассионарным поколением революционных лидеров-максималистов, уникальными естественными и территориальными ресурсами, восстановившись, развиваться опережающими темпами, беспрепятственно наращивать мускульную силу в обострившейся конкурентной борьбе. Победившие германский блок страны Запада были намерены отстаивать свою монополию в европейской политике без участия России. Постоянный прессинг в сочетании с торгово-экономическими санкциями должен был расширить внутреннюю оппозицию большевизму и содействовать его устранению путем доведения до суицида. Об этом курсе английской политики как императиве четко было сказано еще в знаменитой работе Бертрана Рассела “Практика и теория большевизма”, опубликованной осенью 1920 г. Оставив в стороне чисто идеологические соображения и акцентируя внимание на геополитике, он заявлял тогда об абсолютной неприемлемости продвижения советского влияния за пределы того мысленного “осевого района” (если воспользоваться термином английского геополитика Х.Дж. Макиндера), за границами которого (будь то в Европе или Азии) европейцы сразу же могли говорить об экспансии и агрессии России. Он писал: “Подобные мечты (советских политиков. – В.М.) ведут к нежеланию отказываться от восточной политики, хотя ясно, что при этом мир с капиталистической Англией становится невозможным”²⁶.

²⁴ Деникин А.И. Указ. соч. С. 156. Примерно в тех же выражениях писал о “двуличности” политики англичан в русском вопросе в своих имеющих неординарную документальную ценность “Записках” Г.Н. Михайловский (Михайловский Г.Н. Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920: В 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 207–209).

²⁵ Брюсов В. Мировое состязание. М., 2003. С. 80, 91.

²⁶ Рассел Б. Практика и теория большевизма // Рассел Б. Практика и теория большевизма: Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1998. С. 72.

Не вызывавшие сочувствия в европейских правящих кругах и в Вашингтоне планы сторонников российского всеединства Колчака и Деникина не были осуществлены, но это не изменило ситуацию в глазах Запада²⁷. Напротив, с приходом к власти большевиков случилось, если воспользоваться словами Н.А. Бердяева, пришествие третьего явления русской великодержавности после московского царства и петровской империи. Большевизм, писал он, обнажил себя в русской жизни как в высшей степени милитаризованная сила²⁸. И вектор ее приложения – быть щитом от посягательств извне и добиваться воссоединения России – определился вполне. Еще раньше в присущем ему эмоциональном стиле большевизм – как возрождение духа сопротивления развалу России – оценил один из столпов русского зарубежья, В.В. Шульгин. В последней части своей трилогии, опубликованной в 1927 г., он писал: «Наш главный, наш действенный лозунг – Единая Россия... Когда ушел Деникин... мы свернули знамя... А кто поднял его, кто развернул знамя? Как это ни дико, но это так... Знамя Единой России фактически подняли большевики. Конечно, они этого не говорят... Конечно, Ленин и Троцкий продолжают трубить “Интернационал”. И будто бы “коммунистическая” армия сражалась за насаждение “советских республик”. Но это только так, сверху... На самом деле их армия была поляков как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области»²⁹.

Соединенные Штаты, выступавшие уже в ранге великой державы и самочинно возложившие на себя бремя приобщения остального мира к американским ценностям, стремились решительнее других помешать новой России играть самостоятельную роль в мировой политике, покончить с сепаратизмом и зависимым положением маргинала, молящего о чьей-то помощи. При этом конкретный анализ новых материалов показывает преобладание в Вашингтоне,

²⁷ Характерно, что сохранявший доверие американских властей посол Временного правительства в США Б.А. Бахметев стремился держать дистанцию от таких вождей “белого движения”, как Колчак и Деникин, бескомпромиссно отвергавших идею федерализации России и признания автономии национальных окраин (см.: *Будницкий О.В.* Б.А. Бахметев – посол в США несуществующего правительства России // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 151, 152).

²⁸ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 99.

²⁹ *Шульгин В.В.* 1920. Л., 1927. С. 795. Сказанное Шульгиным почти дословно совпадает с предостережениями великого князя Николая Николаевича генералу Врангелю, высказанными в письме из Генуи по поводу “кавалерийско-легкомысленной” внешней политики генерала, готового идти на уступки Антанте в обмен на знаки внимания со стороны Запада. “Не делайте дело большевизма общенациональным, русским делом”, – заканчивал свое письмо великий князь (Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы / Сост. И.И. Басик, В.А. Авдеев и др. М., 1998. Т. I, кн. 1. С. 158).

Лондоне и Париже быстро распространявшихся настроений в пользу невозвращения России к тому состоянию, которое В.В. Розанов называл очень точно “солнечной системой”³⁰ – единым государственным объединением в унаследованных им исторических границах с особо прочным ядром и тяготеющими к нему спутниками. В этом смысле никакого различия между сторонниками возрождения монархии и большевиками в подходе к русским делам не делалось. Двойкость и двуликость – самые подходящие слова для характеристики этого подхода. В нем две стороны. Первая (открытый план) – публичные заявления о невмешательстве в дела России и вторая (скрытый план) – финансовая, политическая и военная поддержка центробежных тенденций, национального сепаратизма, регионализма, областничества. Эта концепция, сформулированная поначалу в секретном меморандуме лордов Милнера и Сесила и принятая на Парижской конференции стран Антанты в конце декабря 1917 г., вскоре была одобрена В. Вильсоном³¹. Согласно этой секретной директиве, союзники (США в том числе) должны были выстраивать свои отношения с Украиной, Арменией, Грузией, Финляндией, с северокавказскими областями, Сибирью и другими “провинциальными правительствами” как с самостоятельными государственными образованиями. Россия виделась уже отдельным субъектом международной политики наряду и рядом с ними.

В нарочито декларативной форме “двухколейный” принцип в “русской политике” (пункт VI) был изложен в “14 пунктах” В. Вильсона – центральной части его речи перед объединенной сессией Конгресса США 8 января 1918 г. В частности, еще и поэтому совершенно необоснованно, как это делают некоторые авторы, считать договор в Брест-Литовске, заключенный в марте 1918 г., “первоосновой” процессов в Прибалтике и создания самостоятельных государств Литвы, Латвии и Эстонии. Большевики боролись против их отсоединения, противостоя Антанте, немцам и местным националистам³². Знаменитый Комментарий Э. Хауза от 29 октября 1918 г., истолковывающий намерения Вильсона “в направлении признания де-факто правительств малых государств, отколовших-

³⁰ Розанов В.В. Центробежные силы в России: Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2004. С. 135.

³¹ См.: The Papers of Woodrow Wilson. In: 69 vol. / Ed. by A. Link et al. Princeton (N.J.), 1984. Vol. 45. P. 417–419; Foglesong D.S. America's Secret War Against Bolshevism. U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill; L., 1995. P. 97–99, 151, 153, 154.

³² Фоглесонг Д.С. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 // Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 602–626; MacMillan M. Op. cit. P. 222, 223.

ся от собственно России”³³ и по духу, и по букве должен был пресечь поползновения большевиков в Прибалтике, подчинить себе энергию разброда и расползания по швам³⁴. Когда же в самом начале мая 1919 г. министры иностранных дел союзников на Парижской мирной конференции признали независимость Финляндии *de jure*, президент Вильсон посчитал, что он вправе согласиться с этим “исправлением” границ России на северо-западе, поскольку “случай с Финляндией” должен рассматриваться “отдельно”³⁵.

Дебаты по вопросу о признании странами-победительницами правительства Колчака, проходившие в ходе работы Парижской мирной конференции, сделанное Англией, Францией, Италией и США 23 мая 1919 г. по этому поводу заявление и *фактическая* экономическая, политическая и военная поддержка ими самопровозглашенных государств Балтии – все это подтверждало нежелание союзников видеть Россию территориально в прежнем, довоенном виде. Взяв на себя функции заслона против большевизма, прибалты таким путем заплатили за свое отсоединение, избавив Францию и США от признания сохранения исторически сложившихся границ России на западе³⁶. А отказ допустить участие российских представителей (как белых, так и красных) на Вашингтонскую конференцию (12 ноября 1921 г. – 6 февраля 1922 г.) означал еще и перевод в разряд “неурегулированных” вопроса о территориальных правах России на Дальнем Востоке. Дипломатия США, поддержав инициативу Англии и Франции, была причастна и к решениям конференции в Локарно (1925), которые оставляли Советскую Россию вне проекта о гарантированных границах, давшего Франции иллюзию безопасности и отводившего энергию германского реваншизма в восточное русло³⁷.

³³ Архив полковника Хауза / Пер. с англ. М., 1944. Т. IV. С. 122.

³⁴ *Foglesong D.S.* Op. cit. P. 259–261.

³⁵ *Thomson J.M.* Op. cit. P. 331. США не сразу пришли к пересмотру своей позиции по вопросу о Финляндии. Еще летом 1918 г. в Вашингтоне рассматривали эту страну, как выразился Джозеф Грю (тогда глава Западноевропейского отдела госдепа и видный член американской “команды”, готовившей условия Парижского мира), “технически частью России” (Harvard University. Houghton Library. The Papers of Joseph Clark Grew: *Grew to F.G. Allinson*. Aug. 8, 1918).

³⁶ *Thomson J.M.* Op. cit. P. 337–343; *MacMillan M.* Op. cit. P. 82; *Будницкий О.В.* Указ соч. С. 151; *Фоглесонг Д.С.* Указ. соч. С. 611, 612.

³⁷ *Jacobson J.* *Locarno Diplomacy. Germany and the West 1925–1929*. Princeton (N.J.), 1972. P. 128–139, 374. Джон Льюис Гэддис в своей книге “США и конец холодной войны” посчитал необходимым высказаться по поводу переоценки Вильсоном “идеологической ориентации нового большевистского режима”. Американцы, писал он, в большей степени, чем русские, оказавшись “пленниками идеологии”, проглядели тот факт, что Ленин *никогда* не подчинял государственные интересы идеологии, а вместе с этим и возможность объединения усилий США и Советской России в “сдерживании Германии” (*Gaddis J.L.* *The United States and the End of the Cold War*. P. 12).

В первую очередь проблема разрушения территориальной целостности, кромсания России силами внешними и внутренними, а не только идеологический конфликт – быть ей социалистической республикой или страной буржуазных ценностей – сразу же осложнили отношения Советской России с Западом. На уровне подсознания или инстинкта в толще народа (большевистская пропаганда настойчиво подогревала этот инстинкт) росло убеждение, что страна оказалась в окружении соседей и вчерашних союзников, в политике которых четко просматривался огульно-негативный подход к русской государственности, стремление воспользоваться слабостью народа, временно, как выразился Н.А. Бердяев в работе 1918 г., утратившего свою идею³⁸. Те же, в сущности объяснимые горечью поражения России в войне и на международной сцене, чувства принудили даже часть русской антибольшевистской эмиграции осудить Запад. Многие увидели в его линии на раскручивание под флагом “борьбы с Советами” идеи российской раздробленности и этнократизма, подкоп под историческое призвание России, ее мировую роль. Представлявший эту часть эмиграции русский литератор и публицист Ф.А. Степун, в частности, писал: “В нашу задачу вошли: защита России от большевизма, но и признание большевизма как русского начала и русской вины; раскрытие Европе глаз на то, что своим стремлением политически нажиться на русской трагедии она ввергла и себя в такую же, но только более бессмысленную, имя которой гитлеризм”³⁹. “Русское начало” Степун противопоставлял, как он писал, бессилию европейского “демократического плюрализма”, который “защищало Временное правительство” и который не мог справиться с “восставшей против самой себя Россией”. По другому – поддержанный Западом либерально-социалистический режим Львова–Керенского вел напрямую к развалу России, большевизм же (как бы нетерпим он ни был) его предотвратил в экстремальных условиях послевоенной разрухи и внешнеполитической изоляции.

Евразийцы или сменовеховцы, может быть, были первыми, кто обратил внимание на бессрочный, неизбывный характер боления интересов и воля в жизненно важной зоне, которую они называли “срединным материком” на пространстве, объединяющей

³⁸ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 5. Бердяев несколько преувеличивал. Даже заключение Брест-Литовского мира, переводя стрелку народного гнева на большевиков, не уничтожило веру в необходимость во что бы то ни стало добиваться восстановления “единой свободной Российской республики” (см.: Рабочее оппозиционное движение в большевистской России, 1918 г. / Сост. Д.П. Павлов. М., 2006. С. 208–213).

³⁹ Степун Ф.А. Встречи. М., 1998. С. 241.

Европу и Азию. Эту зону или особый субконтинент занимала старая Россия в границах 1914 г., наполняя ее соответствующим культурно-историческим содержанием, причем значение этой зоны в условиях бурного индустриального развития с его культом “воинственного экономизма” стремительно возрастало⁴⁰. Именно на этой почве Н.С. Трубецкой вслед за Ф.А. Степуном констатировал “геологический” факт планомерного собирания Советской Россией территорий, отложившихся в годы крушения “антинациональной монархии” от “Русской земли”. В деятельности новой власти с учетом даже ее “глубокой двойственности” он видел преобладание стремления к созиданию над стремлением к разрушению. В национальной политике советской власти, писал Трубецкой не без удовлетворения, сочетается принцип равноправия всех народов при “сохранении единства государственного целого”, что соответствует “правильному взгляду на историческую сущность русской государственности”⁴¹. Этому способствовал курс большевиков на европеизацию России (“перенимание западничества”, как говорил Ленин)⁴², продолжение петровских реформ, в чем, впрочем, Трубецкой, в отличие от Бердяева, видел зло, измену русской самобытности⁴³.

Примерно в тех же терминах дал оценку строительной работе большевизма выдающийся историк Л.П. Карсавин: с brutальной непреклонностью и безжалостностью большевиков, полагал он, у России сохранялся последний шанс оставаться не расхвачанной по кускам как союзниками, так и врагами⁴⁴. Лидер партии социалистов-революционеров и непримиримый критик большевиков В.М. Чернов писал в воспоминаниях, что в дни революции сторонники Ленина и Троцкого показали себя крайними националистами, что, с его точки зрения, было достойно признания (если не похвалы)⁴⁵. Было заметно каждому, что в борьбе с интервенцией и в особенности в ходе советско-польского военного кон-

⁴⁰ Дьяков В.А. О научном содержании и политических интерпретациях историсофии евразийства // Славяноведение. 1993. № 5. С. 101–115; Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: “Евразийский соблазн”. М., 1997; Омельченко Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах русской государственности. СПб., 1996.

⁴¹ Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Классика геополитики: XX век. М., 2003. С. 207.

⁴² Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 301.

⁴³ Трубецкой Н.С. Указ. соч. С. 95, 106–125, 208, 211 и др.

⁴⁴ См.: Гессен И.В. В двух веках // Литература русского зарубежья: Антология. М., 1998. Т. 4: 1936–1940. С. 259. Гессен разделял взгляды Карсавина.

⁴⁵ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания, мемуары. Минск, 2004. С. 363.

фликта 1919–1920 гг. большевики ухитрялись совмещать интернационалистские лозунги с игрой на струнах уязвленного патриотизма⁴⁶. Сочетать и то и другое им сильно помогала политика, названная Ж. Клемансо “барьером из колючей проволоки”, т.е. политика военной блокады России, к которой присоединились США и Англия⁴⁷.

Проект “советизации” Европы в ходе мировой революции, пройдя стадию “горячих голов” и революционных “вылазок”, уже с начала 20-х годов отходил все дальше на второй план, хотя в пропагандистско-агитационных целях лозунги романтической поры революции не были свернуты и время от времени актуализировались. В противном случае стало бы очевидно, что партия, взявшая власть в октябре 1917 г., изменила своему первородству и уже не соответствует своему предназначению быть знаменосцем в решающей битве за планетарные цели. “Революция запаздывала”, и на первый план уже выходили не помыслы о ее “распылении”, а защита “всемирного отечества трудящихся” от нападения извне путем подрыва тылов капиталистического окружения силами внутренней левой оппозиции, дружественной Советской России. Обнародованные в последнее время архивные материалы говорят, думается, именно об этом⁴⁸. Тезис – “ускорять революцию, не вызывая ее искусственно”, был принят уже на II конгрессе Коминтерна. Стремлению внешнеполитического ведомства Советской России не “форсировать” ход истории отдал должное даже лидер меньшевиков Ю.О. Мартов и в целом руководство РСДРП.

Уже в июне 1920 г. Мартов в письме К. Каутскому говорил о внутреннем противоречии между «миссией III Интернационала и тенденциями “реальной политики” – особенно в области внешней политики, – к которой большевистское правительство подталкивает логика фактов». Мартов резюмировал: «Raison d'être III Интернационала – вызвать к жизни “перманентную революцию”, удерживая Россию, таким образом, в состоянии непрерывной войны со всем капиталистическим миром; а реальная политика понуждает государство заключать мир с капиталистическими странами...»⁴⁹

Экспорт революции, разжигание “мирового пожара” не играл, как полагал Мартов, самодовлеющей роли (вопреки подня-

⁴⁶ См.: Мухомина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994.

⁴⁷ Thompson J.M. Op. cit. P. 178–221, 395.

⁴⁸ Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Отв. ред. и автор вступ. ст. Я.С. Дабкин. М., 1998; История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2002.

⁴⁹ Меньшевики в 1919–1920 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. М., 2000. С. 555, 556.

той на Западе шумихе) в политике большевизма, оказавшегося в состоянии “над бездной” после всех побед в Гражданской войне и в борьбе с интервенцией. Приоритеты менялись, желание “договариваться” с внешним миром заставляло снижать уровень зависимости от ультрареволюционной риторики, уравнивало шансы “интернационалистов” и “националистов”, усиливало не идеологический, не чисто агитационно-пропагандистский, а геостратегический характер международной деятельности советского государства, его дипломатии⁵⁰. “Мировая революция, – разъяснял Мартов в цитируемом нами письме Каутскому суть наметившегося переосмысления в политике большевизма, – которая, как *dues ex machine* (бог из машины), еще год назад должны была разрешить все трудности, рассматривается теперь всеми ответственными представителями большевизма как относительно длительный процесс, а не как скорая всеобщая катастрофа, – и Радек в статье, симптоматическое значение которой товарищ А. Штейн оценил в своем очерке (№ 5 *Sozialist*), сделал совершенно справедливые выводы, когда он призывал проводить политику широких компромиссов Советской России в отношениях с английским капитализмом и оборонительную мирную политику вместо агрессивной революционной как требование момента. И Ленин несколько раз очень энергично высказался в том же духе и со схожей мотивировкой. Но для чего в таком случае III Интернационал как эманация русского революционного мессианства вызывает бунты и революции против всевозможных государственных порядков на всех меридианах и каждый час?”⁵¹

Осевое время и осевое пространство

Коллизия, о которой писал Мартов и которая была зафиксирована в тезисах ЦК РСДРП к Всероссийской конференции партии (несостоявшейся) от 5 сентября 1920 г.⁵², коренилась не только в головах большевиков, но и в противоречивости меняющейся картины мира. Ей (коллизии) надлежало сохраняться продолжительное время. В частности, тому способствовало особое геополитическое положение Советской России и ее отношение с творцами Версальского мира и с целой группой стран, имеющих раз-

⁵⁰ Для понимания различия этих двух подходов существенное значение имеют письма А.А. Иоффе в Политбюро ЦК РКП(б) 3 марта 1922 г. и В.И. Ленину 28 октября 1922 г. (см.: *Иоффе Н. Мой отец Адольф Абрамович Иоффе: Воспоминания, документы и материалы.* М., 1997. С. 80–93).

⁵¹ *Меньшевики в 1919–1920 гг.* С. 556.

⁵² Там же. С. 640–645.

ного рода причины быть им недовольными. Теоретик геополитики Карл Хаусхофер в своем знаменитом труде “Границы в их географическом и политическом значении”, посвященном во многом непосредственным итогам Версаля, писал об этом так: “...многие люди фактически связывают свои надежды на светлое будущее в огромной мере с разрушением границ, установленных несправедливым насилием. И отсюда в условиях общей угнетенности рано или поздно между Советским Союзом, Китаем и паназиатами, а также между другими угнетенными, униженными, эксплуатируемыми и каждодневно оскорбляемыми народами возникает чувство единения и как следствие возможность совместных действий”⁵³. Среди “униженных и оскорбленных” Хаусхофер, конечно же, видел прежде всего Германию.

В том же геополитическом контексте, но несколько под иным углом зрения рассматривал характер отношений Россия–Европа в постверсальский период Н.В. Устрялов. Он писал в 1925 г. в статье “В борьбе за Россию” об абсолютной неизбежности сохранения общей напряженности на этом пространстве с эпизодически повторяющимися вспышками дипломатических стычек и перебранок. Устрялов утверждал здесь же и как само собой разумеющееся, что Россия и “не заслужила еще действительного мира”⁵⁴. Он понимал под этим преимущественно далеко не завершенную и не перестававшую быть насущной задачу воссоздания России в “ее великодержавных правах”, что предполагало, в частности, радикальное уничтожение “колючей проволоки” г-на Клемансо (“санитарного кордона”) в качестве первоочередного шага. Он завершал свой примечательный анализ призывом в стиле позднего Дантона: «Революция вступает в новый фазис своего развития, который не может не отразиться на общем ее облике. С точки зрения большевиков, русский патриотизм, явно разгорающийся за последнее время под влиянием всевозможных “интервенций” и “дружеских услуг” союзников, есть полезный для данного периода фактор в поступательном шествии мировой революции... Я не могу не повторить еще раз, что крушение вооруженного противобольшевистского движения отнюдь не подрывает во мне уверенности в близости нашего национального возрождения, но только заставляет признать, что оно грядет – иною тропой...»⁵⁵

Капиталистическая стабилизация 20-х годов, крах надежд на скорую европейскую революцию, вызвавшие серьезный

⁵³ Цит. по: *Хаусхофер Л.* Границы в их географическом и политическом значении // *Классика геополитики: XX век.* М., 2003. С. 496, 497.

⁵⁴ *Устрялов Н.В.* В борьбе за Россию // *Литература русского зарубежья: Антология.* Т. 1, кн. 1: 1920–1925. М., 1990. С. 401.

⁵⁵ Там же. С. 404.

кризис большевизма, привели к его интенсивным поискам внешних союзников в “мировой деревне”. Встречное движение – поднимавшиеся на борьбу за независимость и суверенитет народы колониального мира – поддерживало революционный тонус, давало выход энергии во имя созидания нового, справедливого миропорядка при как бы вновь обретенной и становящейся все заметнее интегрирующей роли Советского Союза. При этом Россия неизбежно входила в противостояние с Западом, со старыми колониальными державами, США и Японией. Проблематично, видели ли вожди большевиков после неудач и заминок в реализации “восточного маршрута” мировой революции⁵⁶ в 20-х годах в продолжении поддержки деколонизации особый резон для дипломатического торга с Западом за признание и снятие блокады с “первого в мире социалистического государства”. Однако и для русских “державников” зарубежья становилось уже очевидно, что именно так проявлялась внешняя форма национального русского возрождения, которую избрала, по словам Устрялова, “прихотливая” история⁵⁷.

Продолжая ту же мысль (не новую, но основательно подзабытую в полемике по вопросу о деидеологизации внешней политики постсоветской России), следовало бы сказать, что в данном случае имело место еще одно проявление экзистенциального пробуждения народа (Л.Н. Гумилев говорил о политической пассионарности), вчера еще униженного “союзниками”, утратившего с их благословения и при их непосредственном участии огромные искони принадлежащие ему территории, потерявшего веру в будущее. Изменение вектора внешнеполитической активности большевизма, перенесения внимания на “восточное направление”, на “колониальную окраину” стало неприятным сюрпризом для Запада после тех потрясений, которые ему пришлось перенести в Центральной и Восточной Европе (Германия, Италия, Венгрия, Польша). Оправдывались опасения Ллойд Джорджа – Россия обозначила свое присутствие на взрывоопасном ближневосточном и индийском направлениях. К ним вскоре же присоединились Юго-Восточная Азия и Африка. В эмигрантских кругах уже в начале 30-х годов при-

⁵⁶ О тернистом пути революционного движения в Азии и о сложностях, испытываемых Москвой в процессе оказания ему помощи см.: Григорьев А.М. Китайская политика ВКП(б) и Коминтерна 1920–1937 // История Коммунистического Интернационала 1919–1943: Документальные очерки. М., 2002. С. 293–333; Ледовский А.М. Китайская политика США и советская дипломатия 1942–1954. М., 1985. С. 10–12, 241 и др.

⁵⁷ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. С. 399.

нято было говорить, что Сталин проводит политику “сильной России”⁵⁸.

К этой новой комбинации – сочетанию традиционной заинтересованности Советской России в поддержании контактов с леворадикальными движениями в развитых странах Европы и Америки (несмотря на все появившиеся сомнения в их долгожданном успехе и нежелание предвещать революцию в других странах)⁵⁹ с вышедшим на первый план тактическим приоритетом антиколониализма – особенно чувствительными оказались Соединенные Штаты, “всемирный выразитель либерализма”, как сыронизировал в одной из своих работ Иммануэль Валлерстайн⁶⁰. И если Советская Россия с ее уникальным положением на гигантском Евразийском континенте позиционировала себя с самого начала объединяющим центром для колониальных и полуколониальных народов, то уже никакой изоляционизм не мог помешать Соединенным Штатам под флагом “открытых дверей” принимать контрмеры и усиливать давление на СССР путем перемещения силы в азиатско-тихоокеанском регионе. Итоги Вашингтонской конференции (1921–1922) по морским вооружениям, азиатским и тихоокеанским вопросам создавали благоприятные предпосылки для выполнения геополитических наказов адмирала А. Мэхэна. Но не только. Для себя США обнаружили задачу более крупного масштаба: оставаясь вне прямого дипломатического контакта с Москвой, стремиться перекрыть точки роста и пространства, явно обозначившиеся в политике большевиков благодаря тенденции к укреплению безопасности в соответствии с исторически сложившейся топографией страны, особенностями ее “месторазвития”. Советское влияние в тихоокеанско-азиатском регионе – главный повод для беспокойства, положение созданных Версалем буферных государств по линии разграничения Восток-Запад – еще один.

В целом же для планировщиков новой постверсальской внешнеполитической стратегии США “русская ситуация” становилась частью американской проблемы – проблемы новой роли Америки в миропорядке, сложившемся после Великой войны. Один из идеологических вдохновителей политики непризнания Советской России, Джон Спарго, поздравляя демократа Бейнбриджа Колби с вступлением в должность госсекретаря США 26 февраля 1920 г.,

⁵⁸ *Сироткин В.* Почему Троцкий проиграл Сталину. М., 2004. С. 38–40; Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1948. Сб. документов: В 2 кн. М., 1998. Кн. 1: 1934–1937. С. 469.

⁵⁹ *Козн С.* Бухарин: Политическая биография 1888–1938. М., 1988. С. 283, 314, 315; *Tucker R.C.* Stalin as Revolutionary 1879–1929. N.Y., 1973. P. 398.

⁶⁰ *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003. С. 151.

писал: “Ваше назначение (президентом Вильсоном. – В.М.) считаю крайне удачным, принимая во внимание критическое положение, возникшее в связи с русской ситуацией. От того, как мы будем решать эту проблему, будет зависеть и в значительно большей мере, чем мы сознаем, существование цивилизации на много лет вперед... Величайшая по масштабам задача, стоящая перед нашей страной, – это привязать Россию к нам посредством сильных и прочных уз и предотвращения подчинения ее экономической жизни любой другой страной, будь то Германия, Япония или Англия”⁶¹.

В этой сентенции Спарго была одна центральная и традиционная для американских либералов мысль: Россия и после своей революции обречена на отсталость и может существовать, только волочась на буксире у передовых стран⁶². США – “колыбель демократии” – способны и должны осуществить такую пасторскую роль спасителя от одичалости и воинствующего безбожия почти одной шестой части земной суши, управляемой представляющим ничтожное меньшинство народа правительством, поправшим права человека и законы международного общения⁶³. Какие “практические” способы и шаги при этом могли бы возобладать после победы большевиков в Гражданской войне и отражения интервенции, должно было показать время, но международно-правовая поддержка национального сепаратизма и ослабление позиций советского режима как на Западе, так и на Востоке, его непризнание рассматривались в качестве опорных составляющих “русской политики” госдепартамента в 20-х годах⁶⁴. Любые разговоры о территориальной целостности России, как считали, следовало вести в зависимости от успеха или неуспеха стратегии, имеющей целью “потопление” большевизма, лишения его поддержки внутри страны и за рубежом⁶⁵. Таков был лейтмотив инструкций госдепартамента США американским дипломатам, работав-

⁶¹ Library of Congress (далее – LC). Bainbridge Colby Papers. Correspondence, 1888–1920. Box 2. John Spargo to Colby. February 26, 1920.

⁶² См.: *Фоглесонг Д.С.* Истоки первого американского крестового похода за “Свободную Россию”. Торжество “миссионерского” мышления над русофилией, 1885–1905 гг. // *Россия XXI*. 2002. № 5. С. 100–133.

⁶³ LC. Bainbridge Colby Papers. Correspondence, 1888–1920. Box 70: *Colby to Samuel Gompers*. June 11, 1920.

⁶⁴ *Ibid.* Box 3A: *Colby to Woodrow Wilson*. Apr. 23, 1920; *Norman Davis to Colby*. Aug. 7, 1920.

⁶⁵ LC. Charles Evans Hughes Papers. Box 160. “Russia”: *Hughes to Samuel Gompers*. July 19, 1923. Летом 1922 г. республиканская администрация признала Эстонию, Латвию и Литву как самостоятельные государства, дав понять, что не ждет скорого падения советского режима и не хочет искать с ним компромиссов по территориальным вопросам.

шим в европейских столицах. Наиболее последовательно ее соблюдали эксперты по России, составившие костяк американского посольства в Риге (Латвия), форпосте антибольшевистской деятельности и пропаганды. Найдя друг друга, они видели Советский Союз и советско-американские отношения исключительно в мрачных тонах. Их мониторинг положения в СССР и неблагоприятный прогноз его подключения к мировым делам, получивший название “Рижской аксиомы”⁶⁶, должен был служить оправданием затягивания на возможно длительный срок дипломатических контактов с Москвой. Америке следовало научиться видеть на месте одной шестой суши белое пятно.

“Рижская аксиома” своим происхождением во многом была обязана ставшей модной в Новом Свете разновидности генетической теории – евгеники, подпиравшей элитистский взгляд на неравенство культур, цивилизаций, социумов, этносов, рас. Ее сторонники в Восточно-европейском (русском) отделе государственного департамента, руководимого Робертом Келли (среди них будущие послы США в СССР – Л. Томпсон, Ч. Болен, Ф. Колер и Джордж Фрост Кеннан⁶⁷), впитали в себя дух нейтивистской атмосферы 20-х годов в Америке, религиозного фундаментализма и непризнания рационально-творческого начала за обществом, возникшем не по канонам легалистско-правовой теории, а по прихоти “темного люда”. “Нейтивистский взрыв, – писал известный американский исследователь внешней политики и дипломатии США Роберт Даллек, – был главной движущей, силой, вызвавшей изоляционистский крен во внешней политике страны в межвоенный период... Нейтивизм-изоляционизм проявил себя в двух видах практического действия – отказе от признания Советского правительства в 20-х годах и уклонении Америки от многих политических контактов с Лигой наций”⁶⁸.

⁶⁶ См.: *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 42, 43.

⁶⁷ Суть “Рижской аксиомы” – позиции, выражающей взгляд на большевистскую Россию, как он сформировался у молодых дипломатов, пришедших на службу в русский отдел госдепартамента в 20-е годы, Кеннан выразил много позднее, в 70-х годах, в своей книге «Маркиз де Кюстин и его “Россия в 1839 году”». По его собственным словам, эта книга “была вновь открыта, и отрывки из нее с величайшим удовольствием читались иностранными дипломатами в Москве, в том числе и автором этих строк”. Благодаря ей феномен сталинизма, по утверждению Кеннана, становился узнаваемым. Все предельно ясно: Советский Союз – зеркальное отражение николаевской России, жизнь в нем примитивна, лишена внутренних стимулов и красок (*Кеннан Дж. Ф.* Маркиз де Кюстин и его “Россия в 1839 году”. М., 2006. С. 122, 123).

⁶⁸ *Dallek R.* The American Style of Foreign Policy: Cultural Politics and Foreign Affairs. N.Y., 1983. P. 109.

Наглухо перекрытые дипломатические каналы символизировали отнесение Советской России к категории ущербных, недостойных доверия государств, с традиционалистско-примитивной культурой, общение с которыми должно быть ограничено по максимуму во благо самого русского народа и ради сохранения здоровья американской нации. Так в недрах “русского стола” господствовали руководящий принцип ведения дел с “красным режимом”⁶⁹. «Политика непризнания Советов, – пояснял Р. Даллек, подводя итог целой полосе в международных отношениях обеих стран, – опиралась на убеждение, что Россия не являлась цивилизованной нацией, – это означало, что она не платит долги, не соблюдает свои обязательства по заключенным соглашениям и не отрекается от идеи мировой революции. Историк Кристофер Лэш писал, что широкое распространение получил взгляд, согласно которому Соединенные Штаты “могут иметь нормальные отношения только с режимом, разделяющим их (Соединенных Штатов. – В.М.) принципиальный подход к мировым делам”»⁷⁰.

Однако вместе с Великой депрессией (1929–1938) в США, индустриализацией и сталинской революцией “сверху” в Советском Союзе произошло определенное уравнивание базовых элементов, а также в темпах развития обеих стран. К числу важнейших новых черт эпохи должно быть названо и смещение центров силы мировой системы. Они заняли крайнее положение (на Западе и Востоке) по отношению к “осевому” государству – России: либо угрожая самому его существованию, либо предлагая ему присоединиться к союзу “непокоренных” для нанесения ударов по вчерашним державам-победительницам – Франции, Англии, США и их младшим партнерам. Геополитика вновь выходила на первый план, оттесняя соображения морали, права, идеологические симпатии и антипатии, а вместе со всем этим воспоминания о понесенных жертвах мировой войны. Сотрудничество реваншистской Германии с Советской Россией или, скажем, разгром последней в войне с Японией нарушил бы сложившийся, но крайне непрочный баланс сил в мире после Версаля, напомнив уже Соединенным Штатам, что никакой изоляционизм не заслонит их от экспансии различных “жизненных форм” (если воспользоваться термином К. Хаусхофера)⁷¹ с боль-

⁶⁹ Georgetown University Library. Robert F. Kelly Papers. Box 2: “Policy of the United States toward Soviet Russia”.

⁷⁰ Dallek R. Op. cit. P. 109. Схожие во многом мысли высказывает Хью Де Сантис в своей известной книге о дипломатической службе США и дипломатах, работавших на “русском направлении” (*De Santis H. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union and Cold War, 1933–1947. Chicago; L., 1980*).

⁷¹ Классика геополитики: XX век. С. 335.

шой плотностью населения (в первую очередь Японии и Германии) и сильным напором энергии эпохальных, разнонаправленных изменений, генерируемых тоталитарными государствами. Какое влияние могли оказывать идеологические предрасположенности на этот процесс смены вех в межгосударственных отношениях, принявший планетарный характер? Значительное, но не первостепенное и решающее. Сама история устраняла препятствия к трудному поиску взаимопонимания между двумя странами, представлявших, как тогда говорили два начала развития.

Сталинская внешняя политика, за исходный момент взявшая принцип “построения социализма в одной отдельно взятой стране”, воплощенный, пишет И. Валлерстайн, в программе догоняющей индустриализации⁷², в своем сущностном варианте отвергла курс на “перманентную революцию” и, как говорили ее наиболее радикальные критики слева, заняла “примиренческую” позицию по отношению к капитализму, т.е. стала, по мнению многих, контрреволюционной. Вопреки известной линии “третьего периода”, одобренной на VI конгрессе Коминтерна, она уклонилась от следования путем катастроф⁷³ и оказалась сосредоточенной на обеспечении безопасности СССР в долгосрочной перспективе. Объяснение было очень простым: этого требовали термоядерные угрозы со стороны ее дальневосточных и западных соседей. Курс на мирное сосуществование Москвы и Вашингтона проявился в их обоюдной заинтересованности в устранении анахронизма на дипломатическом фронте. Руководители обеих стран, столкнувшись к тому времени с угрозой скоординированной агрессии на двух континентах, в Европе и Азии, обретали привычку думать поверх барьеров.

Однако тяга к выравниванию отношений не перешла в стадию доверительности. Тому было много причин. О них сказано в предыдущих разделах и будет сказано ниже. Но, стремясь понравиться друг другу, обе страны пытались решить комплекс неотложных геостратегических задач. Москве хотелось, чтобы мир убедился, что революционная Россия, прорвав изоляцию, давно вернулась в сообщество наций и видит в США силу, способную играть стабилизирующую роль в Европе и уравновешивающую конфликтные интересы на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе. Совсем не случайно Сталин посчитал нужным отмеже-

⁷² Валлерстайн И. Указ. соч. С. 105.

⁷³ Radek K. The Bases of Soviet Foreign Policy // Foreign Affairs. Jan. 1932. P. 192–206; Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927: В 4 т. / Под ред. Ю. Фельштинского. М., 1990; Дойчер И. Троцкий: Изгнанный пророк 1929–1940. М., 2006. С. 123, 223.

ваться от идеи мировой революции и в интервью американцам в 1929 и 1936 гг.⁷⁴, а в беседе с Г. Уэллсом в самых лестных словах отозвался о Ф. Рузвельте и его политике⁷⁵. США же не стремились к более тесному сближению с СССР, чем это позволяли ценности американизма, дух и буква законодательства о нейтралитете. С этой целью Токио давали понять, что на стороне Америки в случае нежелательного обострения обстановки может оказаться новый игрок-тяжеловес, но одновременно крепили дружбу со страной Восходящего солнца, расширяя торгово-экономические отношения. Америку больше устраивало сохранение рискованного соседства двух давних недругов во взрывоопасной зоне, в которой находился тогда Китай. Когда это обнаружилось – крах надежд на Тихоокеанский пакт между СССР и США стал первым, но очень сильным разочарованием и раздражителем для Москвы⁷⁶. Сталин и Литвинов сочли, что Россия, как и США, свободна выбирать способы обеспечения безопасности на постоянно подвергающихся угрозе участках границы страны, особенно на обоих ее порталах – западном и восточном.

Уильям Буллит: “Осел, морковка и дубина”

Дуализм американской внешней политики на “советском направлении” в кризисное десятилетие 30-х годов отражал столкновение двух начал в американском общественном мнении, в массмедийном сообществе и правительственных кругах. Одно из них было представлено всеми, кто полагал, что сталинизм только увеличил коммунистическую угрозу, укрепив советское государство и усилив военную мощь страны. Другое – теми, кто полагал, что своими мирными инициативами на международной арене Советский Союз убедительно доказал приверженность *status quo*, коллективной безопасности и уважение к нормам международного правопорядка, а своими экономическими достижениями и преодолением культурной отсталости – демонстрировал погруженность во внутреннюю проблематику, в море нерешенных задач

⁷⁴ *Tucker R.C. Stalin in Power. The Revolution from Above 1928–1941. N.Y.; L., 1992. P. 221, 224, 341.*

⁷⁵ См.: *My Dear Mr. Stalin The Complete Correspondence between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / Ed., with Comm., by S. Butler. New Haven; L., 2005. P. 23.*

⁷⁶ Американский историк Деннис Данн, не расположенный оказывать снисхождение советской дипломатии, все же констатировал, что ожидаемое сближение двух стран, СССР и США, не произошло из-за отказа США “помогать (СССР. – *В.М.*) устранению японской угрозы” (см.: *Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным: Американские послы в Москве. М., 2004. С. 75.*)

внутренней жизни⁷⁷. Этот дуализм ярче всего проявился в поведении первого посла США в СССР Уильяма Буллита – одного из могильщиков политики непризнания и в какой-то период доверенного лица президента Ф. Рузвельта, в кратчайшие сроки преодолевшего дистанцию от русофилии и симпатии к “социалистическому эксперименту” до безоговорочного неприятия любого сотрудничества с СССР, особенно в военной области. Кеннан, переместившийся из Риги в Москву и ставший для Буллита опорным сотрудником посольства, писал в воспоминаниях, что разногласия последнего с советским правительством в 1934–1935 гг. привели к его перевоплощению в “сторонника жесткой линии по отношению к Москве”. Далее, Кеннан признавался: «Все мы (сотрудники посольства, разделявшие идеи “Рижской аксиомы”. – В.М.) поддерживали эту линию, однако она не отвечала общему направлению политики Рузвельта...»⁷⁸ Лучшим способом держать Советский Союз в управляемой зависимости Буллит считал применение формулы “кнута и пряника” (осла, дубины и морковки).

В принципе прямой контакт с “советской цивилизацией” У. Буллита и его сотрудников неминуемо должен был привести к их конфликту со взглядами нью-диллеров и самого Рузвельта на происходившее в СССР и его внешнюю политику. Если большинство в окружении Рузвельта полагало, что сталинская диктатура, располагая контролем над огромной территорией и огромными ресурсами, в отличие от ее аналогов в Германии и Японии, не нуждается в захватах и обострении международной ситуации, то его критики находили такой подход верхом наивности или недалекости⁷⁹. «Что поражает, если говорить о политических взглядах Франклина Рузвельта, – пишет известный американский историк и политолог Джон Л. Харпер по поводу возникшей коллизии, – так это его хладнокровное или можно сказать безразличное отношение к большевизму и русской “угрозе”. ФДР, как и Вильсон, видел в большевизме продукт нищеты и неравенства и

⁷⁷ *Muddux Th.R.* Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union, 1933–1941. Tallahassee (Fla.), 1980; *Mark E.* October or Thermidor? Interpretations of Stalinism and the Perception of Soviet Foreign Policy in the United States, 1927–1947 // *American Historical Review*. 1989. Vol. 94. Oct. N 4. P. 943, 944; *Печатнов В.О.* Любовь–горечь к Америке // *Международные процессы*. 2006. Т. 4. № 1. Янв.–апр. С. 30–40.

⁷⁸ *Кеннан Дж.* Указ. соч. С. 58; *Gaddis J.L.* Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. N.Y., 1990. P. 129–131.

⁷⁹ См.: *Kimball W.F.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton (N.Y.), 1991. P. 30, 31, 39, 87, 88. В интересной работе Э. Боргвардт можно найти подтверждение неоднозначной оценки самим Рузвельтом тоталитаризма (*Borgwardt E.* A New Deal for the World. America's Vision for Human Rights. Cambridge (Mass.), 2005. P. 21).

поэтому считал его вполне устранимым явлением посредством прогрессивных, а если необходимо, радикальных реформ. Суть подхода Рузвельта: денежный интерес манипулирует призраком большевизма; скептицизм в отношении существования красной угрозы дома не прибавляет уверенности и в отношении русской угрозы за рубежом. Рузвельт не воспринимал некоторые геополитические постулаты, которые ассоциировались с взглядами ранних сторонников сдерживания России”⁸⁰.

В Белом доме охотно принимали советских визитеров, рассчитывая на продолжение сотрудничества⁸¹. Буллит же говорил и писал лишь о “передышке”, за которой рано или поздно последует очередной натиск восточного коммунизма на бастионы западного общества. В самом главном коммунистическая Россия ни на шаг не отклонилась от России имперской, самодержавной, с ее комплексом антизападничества, мессианского панславизма, идеологического фанатизма, недоверия к “враждебному окружению”, воинствующим национализмом и самовозвеличиванием. Шокиро-

⁸⁰ *Harper J.L. American Visions of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. Cambridge University Press, 1994. P. 40.* “Большая пресса” США, много писавшая о самотермидориаризации большевиков, по данным контент-анализа, проведенном американским историком Эдвардом Марком, в 59% случаев оценивала мотивы советского поведения на международной арене как подчиненные интересам безопасности, в 22% случаев как проявление “национального империализма” и только в 15% случаев газеты писали об идеологии как о факторе (чаще всего вторичном), играющем определенную роль во внешней политике Кремля. Даже присоединение Прибалтики к СССР в 1940 г. во всех дипломатических комментариях объяснялось главным образом соображениями обороны. «Очень редко поднимался, – пишет Марк, – вопрос о коммунизации и то только в качестве второстепенной цели. Когда Гитлер напал на СССР в июне 1941 г., опрос службы Гэллана показал, что подавляющее большинство американцев поддерживают СССР, считая, что Советы, в отличие от тех, кто на них напал, не являются “империалистической” страной» (*Mark E. Or. cit. P. 945*).

⁸¹ Весьма красноречиво об атмосфере в столице США рассказал советник советского посольства в США К.А. Уманский в письме и.о. наркому иностранных дел В.П. Потемкину от 20 августа 1937 г., и в частности о серии приемов, устроенных Рузвельтом и Хэллом в честь экипажей советских летчиков В.П. Чкалова и М.М. Громова. Скупой на положительные отзывы об американских должностных лицах Уманский в самых пафосных выражениях оценивал реакцию Рузвельта, Хэлла, прессы и военных кругов – “прекрасно”, “дружественно”, “непринужденно” и т.д. Уманский писал о подчеркнuto теплых отзывах Рузвельта о Литвинове и о пожелании Хэлла “шаг за шагом” улучшать отношения между обеими странами (см.: Советско-американские отношения 1934–1939 / Науч. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2003. С. 589–592). Кстати сказать, на это время падают и первые обмены между США и СССР в сфере образования, в которых принимал большое участие знаменитый впоследствии либеральный журналист Эдвард Мэрроу.

ванный сталинскими жестокостями в отношении собственного народа, Буллит не мог отказать себе в удовольствии разыскать (с помощью Кеннана) и процитировать в депеше Хэллу от 4 марта 1936 г. отрывок из посланий преподобного Нейла С. Брауна, волею судеб оказавшегося на посту американского посланника в царской России в 1850–1853 гг., который вслед за маркизом Астольфом де Кюстином увековечил отталкивающий образ России. Полузабытые инвективы Брауна, как это представлялось Буллиту, провидчески раскрывали природу сталинского режима, рисуя архетип советского деятеля, сформировавшегося в традициях русской культуры и ментальности. Им, этим традициям, приписывались живучесть и неустрашимый дух ксенофобии, скрытность, недоверчивость, угрюмость, ошеломляющая власть полицейщины и цензуры, византийские неискренность и притворство, неповоротливость и ненадежность чиновничества, в том числе дипломатов⁸². Ухудшенный римейк зарисовок российских нравов вига из Теннесси и сочинение французского путешественника, несомненно имеющее значение литературного памятника, но наделенного поверхностными чертами бытописательства середины XIX в., оказались положенными в основу внешнеполитического мышления дипломатов “Рижской аксиомы”, призванных обслуживать тот курс, к которому они относились без симпатий.

В личных посланиях Рузвельту и в государственный департамент Буллит попытался сформулировать стратегию дипломатического противодействия напору большевизма. Для чего, в связи с обострением проблемы границ в Центральной Европе, предлагал навязать Франции изменение ее концепции безопасности, базирующейся на идее “окружения” Германии, в пользу союзнических отношений Франции и Германии с условием, что последней облегчат бремя, наложенное Версальским договором. Первой и необходимой предпосылкой к тому Буллит считал предоставление Гитлеру свободы рук в Восточной Европе и Прибалтике, торможение и срыв франко-советского сближения, наметившегося в связи с подготовкой франко-советского пакта о взаимопомощи в апреле–мае 1935 г. Заявления Буллита (в том числе публичные, перед прессой) выглядели уже в достаточно накаленной атмосфере перехода Германии к прямой ревизии Версальского договора

⁸² См.: U.S. Department of State Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers. The Soviet Union, 1933–1939. P. 289–290 (Далее: FRUS); *Casella-Blackburn M.* The Donkey, the Carrol and the Club: William C. Bullitt and Soviet-American Relations 1917–1948. Westford (Conn.), 2004; *Курилла И.И.* Нейл Браун, Уильям Буллит и Джордж Кеннан: меняющиеся американцы, неизменная Россия? // Вестник Ин-та Кеннана в России. М., 2006. Вып. 10. С. 63–69.

столь подстрекательски циничными, что это заставило посла США в Берлине У. Додда заявить протест в государственный департамент⁸³.

Буллит трактовал Большой террор в СССР как предвестник и подготовку к осуществлению сталинских планов широкой внешней экспансии. В целях предупреждения и предотвращения такого оборота событий, по его мнению, Россию следовало заблаговременно “оттеснить от Балтики” и “лишить доступа к Тихому океану”⁸⁴. Этим с одобрения Франции и Англии должны были непосредственно заняться Германия и Япония⁸⁵. И Соединенные Штаты не могли остаться в стороне, однако все, что от них требовалось, – это сменить “мягкую” политику по отношению к Москве на “жесткую” и одновременно решительнее, чем ранее, поддержать Францию и Англию в их политике умиротворения Германии⁸⁶. В тревожные дни чехословацкого кризиса весной 1938 г., находясь на важном посту американского посла в Париже, Буллит неустанно ратовал за “трезвое понимание истинного положения дел” в Центральной (Срединной) Европе, которой в случае возникновения войны в очередной раз грозит не только утрата культурных ценностей, но и умерщвление всего живого под пятой “азиатского деспотизма”⁸⁷. Буллит утверждал: вторая Великая война, в которой большевизм заинтересован не меньше нацизма, может стать концом Атлантиды – Европы.

Рузвельт и Хэлл скептически отнеслись к прогнозам Буллита. Достойными внимания им, по-видимому казались другие экспертные оценки, которые исходили из того, что международная политика СССР в условиях нараставшего мирового кризиса ничем не отличалась от дипломатии других государств, была не хуже и не лучше ее⁸⁸. А темпы экономического роста, впечатляющие ре-

⁸³ См.: Додд У. Дневник посла Додда. М., 2005. С. 303, 315, 333.

⁸⁴ Там же. С. 303, 392.

⁸⁵ Там же. С. 392.

⁸⁶ Данн Д. Указ. соч. С. 94–96.

⁸⁷ *Offner A.A. American Appeasement. United States Foreign Policy and Germany 1933–1938.* N.Y., 1969. P. 249, 250. Современный анализ дипломатии Рузвельта в период предвоенного кризиса см.: *Reynolds D. From Munich to Pearl Harbor: Roosevelt's America and the Origins of the Second World War.* Chicago, 2001.

⁸⁸ Любопытно, что взгляд Рузвельта на то, куда сносят Советский Союз приливы и отливы мировой политики, совпали с позицией Н.А. Бердяева, наблюдавшего за дипломатическим маневрированием советского государства из своего убежища в Париже и убежденного, что советский этатизм есть “единственная власть”, выполняющая “хоть как-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей” (см.: *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма.* М., 1990. С. 105, 120). Советский патриотизм, говорил он, есть просто русский патриотизм.

зультаты индустриализации, возраставшая дипломатическая активность под флагом возродившейся русской национальной идеи (Бердяев это называл национализацией русского коммунизма)⁸⁹ подняли статус советского государства и заставляли с ним считаться, как с равным всем другим странам. Мании преследования, которая одолела Буллита, надлежало, как это представлялось Рузвельту, противопоставить трезвый взгляд на ситуацию и более глубокое понимание мотивов Кремля в критической обстановке. Для СССР безопасность границ или, как поясняет уже в наше время Г. Городецкий, идеология осадного положения подчиняла себе все остальное⁹⁰.

Убедить в этом застрявшую в изоляционизме (который, впрочем, многие понимали как политику унилатерализма, сохранения свободы действий) и не желавшую ничего слышать об очередном европейском кризисе Америку было необычайно трудно. Еще труднее американцам было поверить, что сталинский Советский Союз не воспользуется случаем с тем, чтобы в союзе с близкими по духу тоталитарными странами Европы, Германией и Италией, не превратить все пространство европейской суши от Ла-Манша и Па-де-Кале до Тихого океана в некую вотчину “кооператива” агрессоров по формуле “2 + 1”. Призраки Брест-Литовска и Рапалло будоражили воображение многих аналитиков Белого дома и госдепартамента, а также международных обозревателей, предсказывавших разворот внешней политики Москвы именно в эту сторону. Существовало мнение, что печально знаменитые “чистки” и процессы 1937–1938 гг. имели достаточно четко обозначенную внешнеполитическую проекцию и более всего антибританскую направленность. Протесты в английской Палате общин и указания на беспочвенность обвинений в адрес Лондона, последовавшие со стороны английского правительства⁹¹, были услышаны в США очень многими, а приступ шпиономании в СССР, сопровождаемый перетряхиванием дипломатических кадров Наркоминдела, усилил серьезные сомнения в дипломатическом ведомстве США в отношении неизменности антифашистского, литвиновского курса на блокирование германской агрессии (“женевский период”)⁹². После Мюнхена в “Туманном днище” (так массмедийное сообщество именовало здание госдепартамента) о контригре Сталина, о его намерении не дать втянуть себя в конфликт

⁸⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 118.

⁹⁰ См.: Городецкий Г. Миф “Ледокола”: Накануне войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 68.

⁹¹ Tucker R.C. Stalin in Power. P. 502, 503.

⁹² FRUS. Diplomatic Papers: The Soviet Union, 1933–1939. P. 515–517.

между западными демократиями и Германией и таким образом обезопасить СССР соглашением типа Рапалло говорили уже как о ведущей тенденции.

Рузвельт полагал, что в сложившихся обстоятельствах следует усилить “разъяснительную работу” с Кремлем. Существовал и иной вариант решения, поддержанный дипломатами-профессионалами, не порывавшими с “Рижской аксиомой”, и многочисленным прогерманским и прояпонским лобби в конгрессе, прессе, церковных кругах. Чтобы не допустить возвращения к Рапалло и берлинскому советско-германскому договору 5 ноября 1922 г., предлагалось, во-первых, изменить политику США в отношении Германии, сняв с нее идеологические обвинения и взяв примирительный тон⁹³, и, во-вторых, разыграть японскую карту и тем самым помочь Москве лучше оценить выгоды сохранения ориентации на США и западноевропейские демократии.

Исподволь в недрах дипломатической службы США приступили к осуществлению этого плана. Президент не испытывал особых симпатий к его авторам – сплоченной группе карьерных дипломатов, питомцев зажиточных семей и привилегированных университетов “Плющевой лиги”. Рузвельт называл их “ископаемыми бюрократами” за нелюбовь к нестандартным шагам и консервативность убеждений⁹⁴. Но в условиях усложнившейся для него самой внутренней обстановки в стране и поднятой в прессе и конгрессе антисоветской кампании президент не оказывал серьезного противодействия инициативам аппаратной “мафии”. Отставка посла в Германии, “неистового” У. Додда была первым шагом. После же захвата Германией Чехословакии весной 1939 г. “европейский вопрос” был подвергнут очередному пересмотру в пользу идеи “генерального урегулирования”. В нем должны были участвовать страны “оси”, а также Англия, Франция и Польша

⁹³ *Offner A.A. Op. cit. P. 256.*

⁹⁴ *De Santis H. Op. cit. P. 25; My Dear Mr. Stalin... P. 12.* В тоне обиды на Рузвельта, посылавшего в Москву “циркулярные телеграммы в стиле Нагорной проповеди о мире”, об этом сообщал посол Уманский В.М. Молотову 13 декабря 1939 г. (Советско-американские отношения 1939–1945 / Научн. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004. С. 29). «“Несущая поверхность” наших отношений с США, – сетовал Уманский, – не выдерживала нагрузки новой расстановки сил в Европе, и все враждебные нам влияния с громадной силой прорвались наружу». Послышались требования “расследовать” деятельность советского посла и даже установить “неотлучную” слежку за ним (С. 30, 31). Послания Уманского отличались раздражительностью, он болезненно реагировал на “предельную холодность” в обращении с ним официальных лиц американской администрации. В обществе чиновников госдепа Уманский явно чувствовал себя неудобно, а порой даже объектом враждебных интриг. Они держат наши отношения, жаловался он, на “без – пяти – минут – разрыве”.

при активном посредничестве США⁹⁵. Больше всего настораживало то, что Советский Союз не предполагалось присоединить даже к последнему вагону этого длинного состава. Свой инкубационный период выработка плана очередного территориального передела проходила под патронатом заместителя госсекретаря Самнера Уэллеса⁹⁶, но его непосредственными вдохновителями были А. Бирл, помощник госсекретаря, и Дж.П. Моффат, заведующий Европейским отделом государственного департамента.

В основу рабочей схемы была положена вильсоновская формула “мир без победителей”, и можно следовало бы добавить, без Советского Союза. Надежды на вменяемость Гитлера и достижение с ним договоренности о ревизии версальских “несправедливостей” спланировали сторонники той точки зрения на “перемены в Европе”, которая исходила из двуединой задачи: ликвидации коммунистической угрозы и преодоления раздробленности континента под протекторатом Германии, они называли такое согласие с “герром Гитлером” проявлением “героического реализма” и возвращением к “естественному порядку вещей”⁹⁷. Как писал Джордж Кеннан, рождалось успокаивающее понимание того, что “отношение Гитлера к чехам в период оккупации было для него важно не само по себе (sic! – В.М.), а в контексте всей его политики в Восточной Европе и по отношению к Советскому Союзу”⁹⁸. По другому:

⁹⁵ См.: *Harper J.L. American Visions of Europe*. P. 58, 59; *The Moffat Papers* / Ed. by N.H. Hooker. Cambridge (Mass.), 1956.

⁹⁶ *Harper J.L. Op. cit.* P. 60.

⁹⁷ *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны. С. 67, 68.

⁹⁸ Там же. С. 70. Идея “генерального урегулирования” в Европе витала в воздухе вплоть до конца 1940 г., вызывая опасения у всей “рузвельтовской партии”. Ее неперемный член, финансист и владелец очень популярной и влиятельной в то время газеты “Нью-Йорк уорлд” Герберт Суоп (H.V. Swope) в письме ближайшему помощнику президента Гарри Гопкинсу выражал опасение, что Вашингтон захочет оставить СССР сразу же после нападения на него Гитлера вне коалиции стран, выступающих против агрессии Гитлера. На такого рода мысли наводил сам факт оглашения 23 июня 1941 г. официального заявления от имени правительства США не президентом и не К. Хэллом, а исполняющим обязанности госсекретаря С. Уэллесом. Суоп считал это недостаточным, недопустимым и даже настораживающим. “Я полагаю, – писал он, – что президент должен вскоре высказаться о русской ситуации. Нам противостоит сплоченное меньшинство, которое поднимает вой о коммунизме. Его возглавит руководствующая сомнительными намерениями католическая церковь. Я попытался даже заранее сформулировать ответ на эти выпады, который звучит так: ...за два года реализации его программы распространения рабства на земле Гитлер поставил под серьезную угрозу наше собственное существование. Мы не за коммунизм, мы против нацизма. Я полагаю, что эту мысль следует высказать на пресс-конференции. Не могли бы Вы ознакомить с моим предложением босса (президента. – В.М.)?” (*Franklin D. Roosevelt Library. Hopkins Harry L. Papers. Sherwood Collection. Box 305: H.V. Swope to Hopkins. June 23, 1941*).

объединенная Европа замышлялась как противовес угрозе с Востока, при этом нацистская Германия уравнивалась со всеми другими “цивилизованными” странами через восстановление европейского единства и своим вкладом в строительство оборонительного вала против большевизма. Половина пути была уже пройдена. Что-то об этом проекте было известно в Москве и, разумеется, в Берлине. Миссия С. Уэллеса в Европу на пике “странной войны” в феврале–марте 1940 г., его беседы о возможном замирении при посредничестве США с Муссолини, Гитлером, Риббентропом, Даладье и Чемберленом являлись продолжением этого курса и никого не удивили в рейхсканцелярии, где твердо знали, чем они ответят “миротворцу” из США. Было известно также, что Уэллес не собирался посещать Москву и консультироваться с Кремлем. В глазах американского корреспондента в Берлине У. Ширера Уэллес выглядел не столько наивным, сколько циничным чиновником, ищущим взаимопонимания с германской оппозицией⁹⁹.

Что, помимо соображений “западной солидарности”, могло подвигнуть сторонников “генерального урегулирования” на прямой контакт с Гитлером накануне его самого большого военного успеха? Ответ: заинтересованность большого бизнеса, стремящегося к экономической интеграции Европы с участием Германии, Италии и подвластных им территорий. Своеобразный эскиз стратегии снятия окружения Германии и преодоления раскола Запада был набросан и в офисах ряда крупных корпораций и финансово-промышленных групп, тесно связанных с германской экономикой и со времен плана Дауэса рассчитывавших видеть Германию локомотивом распространения американского влияния в Европе. Лидер республиканцев У. Уилки в откровенном разговоре с заместителем госсекретаря Дж. Мессерсмитом в начале января 1941 г. одной из причин тяги крупного американского бизнеса к изоляционизму назвал его (бизнеса) убежденность в том, что иметь дело

⁹⁹ См.: *Риббентрон И. фон.* Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 231, 235. В откровенно алармистском политическом письме К.А. Уманского Молотову от 13 декабря 1939 г. говорилось о пропаганде “идеи” Соединенных Штатов Европы в американской и английской прессе, о стремлении подчинить антисоветским целям “реорганизацию” Центральной и Юго-Восточной Европы, к которой должна была быть подключена и Германия (Советско-американские отношения 1939–1945. С. 25). Миссию Уэллеса он рассматривал как попытку “вбить клин между нами (т.е. СССР. – В.М.) и немцами” и выяснить истинную меру враждебности Гитлера к СССР. Донесение Уманского в НКВД от 3 марта 1940 г. целиком было посвящено этому сюжету (АВП СССР. Ф. 48з. Оп. 246. П. 3. Д. 8. Л. 95). В переписке с Молотовым в этот период Уманский называл Рузвельта не иначе, как бывшим “реформатором”, а его позицию в целом как “последовательно враждебную” Советскому Союзу (Там же. С. 54); *Ширер У.* Берлинский дневник. С. 249, 250.

с “объединенной нацистами Европой” ему легче и выгоднее, чем с раздробленным на мелкие части континентом, погрязшим в междоусобицах¹⁰⁰. Прогерманская позиция назначенного в феврале 1938 г. послом в Лондон видного представителя мира бизнеса Джозефа Кеннеди, его тайные контакты с германским послом Гербертом фон Дирксеном и открытые связи с “Клайвденской кликой” лорда и леди Астор¹⁰¹ указывали на то, что присоединение Соединенных Штатов к “германской стратегии” Н. Чемберлена может стать вполне вероятным делом.

К концу 30-х годов действительно могло показаться, что внешнеполитические постулаты движения консервативных американцев, именовавшего себя “Америка – прежде всего”¹⁰², симпатизировавшего нацизму, экономически восстановившему Германию и не исключавшему возвращения к мерам дипломатической изоляции и силового давления на СССР, приобрели популярность среди нового слоя молодых биржевиков и политиков. Типична фигура Пола Нитце, сделавшего карьеру на Уолл-стрит и одновременно попавшего в шорт-лист пополнения руководящих кадров военного и дипломатического ведомств. Биограф Нитце Струоб Тэлбот писал: «...его пессимизм в отношении будущего Запада, его восхищение “чертовски впечатляющей” стороной того, что он видел в третьем рейхе, и его несдержанность в разговорах накануне вступления США во Вторую мировую войну привели в итоге к различным осложнениям в его карьере»¹⁰³. Формирование представлений новой генерации американских политиков о Европе без СССР сопровождалось критикой Рузвельта за “снисходительность” к Кремлю в вопросе о Польше, Прибалтике и за “непоследовательность” в период советско-финского конфликта.

“Японская карта”

Самой эффективной мерой, уравновешивающей возросшую зависимость европейских стран от позиции Советского Союза, в “теневом” эшелоне американских политиков и дипломатов, к которому принадлежали П. Нитце, Дж. Форрестол и другие, счита-

¹⁰⁰ LC. F. Frankfurter Papers. Box 83. George S. Messersmith's Memorandum. January 16, 1941.

¹⁰¹ *Beschloss M.R.* Kennedy and Roosevelt. The Uneasy Alliance. N.Y.; L., 1980. P. 161–168.

¹⁰² *Егорова Н.И.* Изоляционизм и европейская политика США, 1933–1941. М., 1995. С. 179–191.

¹⁰³ *Talbot S.* The Master of the Game. Paul Nitze and the Nuclear Peace. N.Y., 1988. P. 30.

ли активизацию дальневосточного фактора. Поводов было достаточно. Контакты Москвы с Гоминьданом и компартией Китая (особенно по военной линии) зашли так далеко, что напомнили многим в Вашингтоне эпоху после “опиумных войн”. Японское присутствие в Китае поэтому не казалось уже таким излишним и нежелательным, а заповеди Теодора Рузвельта более чем тридцатилетней давности о “системе сбалансированных антагонизмов”, особой важности для США доктрины “открытых дверей” и сохранения “ничейного” Китая – сверхактуальными¹⁰⁴.

“Японская карта” обрабатывалась еще с 1934 г., с того момента, когда Сталин и Литвинов в беседах с Буллитом, используя все доступное им красноречие, пытались “уломать” посла на заверения в пользу Тихоокеанского пакта¹⁰⁵ и согласие принять совместные контрмеры с тем, чтобы не дать осуществиться планам “превентивного удара” по СССР. Эти усилия оказались безрезультатными. Дальнейшее не принесло перемен. В связи со столкновениями на приграничных территориях Дальнего Востока США заняли подчеркнуто нейтральную позицию. Полпред СССР в США К.А. Уманский 6 июня 1939 г. сообщал в Москву: «...американцам явно хотелось бы, чтобы мы победили японцев, но тут же проскальзывали нотки опасений, что если до этого дойдет дело в большом масштабе, то выполним мы эту задачу настолько основательно, что изменится “баланс сил” на Тихом океане, что дескать США очутятся лицом к лицу с новым мощным и прежде всего социалистическим соседом»¹⁰⁶. В этой обычной для всегда озабоченного идейной чистотой своих посланий советского посла оценке содержался реалистический прогноз будущего.

Уманский усматривал “подставу” за показным безразличием госдепартамента, ориентировавшего журналистов на глухое освещение военных столкновений на Дальнем Востоке и Халхин-Голе¹⁰⁷. Советская Россия в его трактовке оказывалась предоста-

¹⁰⁴ Miller N. Theodore Roosevelt: A Life. N.Y., 1992. P. 444.

¹⁰⁵ Советско-американские отношения 1934–1939. С. 28, 57–60; Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. XX. С. 621–623. (Далее: ДВП). Интересы США и СССР на Дальнем Востоке к концу 30-х годов, после начала японо-китайской войны, существенно расходились. Сталин говорил об этом весьма откровенно, подчеркивая, что США не хотят поражения Японии (см.: Димитров Г. Дневник (9 марта 1933–6 февраля 1949). София, 1998. С. 129, 130).

¹⁰⁶ АВП СССР. Ф. 483. Оп. 246. П. 3. Д. 8. Л. 32.

¹⁰⁷ Там же. Л. 33. Русский эмигрант, живший в США и уже занявший видное место в американской науке, В.С. Войтинский, подтверждая наблюдения советского посла, писал своим корреспондентам в Европу из Вашингтона 22 февраля 1939 г.: «О России здесь ни слуха, ни духа. Как будто “6-я часть земного шара” провалилась к черту» (Ненароков А.В. В.С. Войтинский – Гарви и гарвятам // Россия XXI. 2006. № 3. С. 184).

вленной самой себе перед лицом единого фронта Германии и Японии. Способна ли она защищать границы МНР как свои? И если нет, то как далеко и на Западе и на Востоке может зайти процесс сжатия советского (российского пространства) и вытеснения влияния Москвы из Китая в первую очередь? То, что Уманского и на этот раз не подвело политическое чутье, подтверждают архивные материалы из фонда известного американского дипломата Джозефа Грю, все десятилетие 30-х годов остававшегося на посту посла США в Токио.

Не заблуждаясь в отношении истинной меры расположения Японии к Америке (“США – наш потенциальный враг”), Грю строго следовал взятой Вашингтоном линии, которую можно было бы назвать дипломатией улыбок. Сотрудничество Японии с Германией и Италией в рамках Антикоминтерновского пакта не вызывало никаких возражений так же, как и “оборонительные” мероприятия против советской угрозы на Дальнем Востоке¹⁰⁸. Общая заинтересованность Японии и США в блокировании советского влияния после укрепления военно-стратегических позиций Москвы на Западе просматривалась в каждой телеграмме и в каждой дневниковой записи Грю. С чувством признательности посол писал об отзывчивости японцев на просьбы США не бомбить американскую собственность в Китае в апреле 1939 г. Посол решительно выступал против санкций в отношении Японии и не соглашался с англичанами, которые настаивали на них, не “в силах понять себе на беду японскую психологию”. С удовольствием передал президенту Рузвельту дружеское послание японского императора и приветствовал визит вежливости американского крейсера “Астория” в Японию. Запретил всем сотрудникам посольства США и их женам “увлекаться” антияпонскими высказываниями. Тем временем японцы оккупировали острова Спратли (Китай), не посчитавшись с протестами Франции и Англии. США к ним не присоединились.

В мае 1939 г. посол (и будущий и.о. государственного секретаря США) Грю почувствовал себя триумфатором. Ему удалось получить “категорическое официальное заверение” японских властей, что “мировоззренческий” Антикоминтерновский пакт направлен своим острием исключительно против Советской России¹⁰⁹ и не грозит неприятностями Западу. Япония подавала определенные сигналы на возвращение к идее карантина против большевизма с применением, если потребуется, во-

¹⁰⁸ Houghton Library. MS Am1687. Papers of Joseph Clark Grew. Personal Notes. N 125 (April 1939), April 5, 12, 19, 1939. (Далее: HL).

¹⁰⁹ Ibid. Personal Notes. N 126. May, 1939.

енных санкций *локального* характера, которые в не столь далеком прошлом были поддержаны всеми в Париже, кто не разделял планов Клемансо, Фоша и Черчилля по поводу организации полномасштабной военной интервенции против большевистской России¹¹⁰. В своей дневниковой записи 18 мая 1939 г. Грю полностью раскрыл бродившие в его голове помыслы сделать японский экспансионизм управляемым из Вашингтона и Лондона. Их суть была весьма четко в изложена самим Грю в беседе с министром иностранных дел Японии Аритой, который грезил “новым порядком в Восточной Азии” и “нацификацией Китая в интересах самих китайцев”. В любомудрствовании Ариты в стиле вождей третьего рейха Грю обнаружил рациональное зерно – желание овладеть сырьевыми ресурсами в Северном Китае и найти защиту от “Советской России и коммунизма”¹¹¹. Высказавшись в духе оправдания японского прыжка на Север, Грю предположил, что Америке не следует держаться принципа территориальной целостности Китая. Если компромисс поможет сохранить в неприкосновенности американские интересы, то стоит ли мешать японцам делать то, что они считают нужным, и грозить им санкциями¹¹².

Поражение японцев на Халхин-Голе в августе 1939 г. не устранило высокую степень вероятности того, что Япония сконцентрируется на северном направлении с целью реванша за сухопутную Цусиму. Сама возможность втягивания СССР в “большие неприятности” на Дальнем Востоке также могла поощрить страны Запада, заинтересованные в дележе территорий с богатыми сырьевыми ресурсами, к консолидированным действиям в отношении России путем прекращения “странной войны” в Европе и выхода на договоренности общего характера. Пользующийся особым доверием Грю – благодаря своей осведомленности в вопросах советской политики – польский посол в Токио де Ромер его обнадежил: несмотря на ухудшающиеся после заключения советско-германского пакта 23 августа 1939 г. отношения между Германией и Японией, последняя остается верной идеям Антикоминтерновского пакта и стратегии “взведенного курка” в направлении азиатских

¹¹⁰ *Thompson J.M.* Op. cit. P. 134, 178.

¹¹¹ HL. Papers of Joseph C. Grew. Personal Notes. N 126 (May 1939). May 18, 1939.

¹¹² На особое мнение Дж. Грю в отношении ненужности экономических и других санкций против Японии и его расхождении с ближайшим окружением Рузвельта обращает внимание и Р. Даллек (см.: *Dallek R.* Franklin Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y., 1979. P. 236, 237, 241).

рубежей Советского Союза. Прогноз относительно возвращения к идее военного блока “цивилизованных” стран, который встал бы на пути советской экспансии, по словам польского дипломата, выглядел благоприятным, и Японии отводилась ключевая роль в складывании этого альянса. Грю сделал следующий вывод: “Согласно г-ну де Ромеру, японцы очень серьезно заняты своими отношениями с Советской Россией, несмотря на перемирие (речь идет о соглашении 15 августа 1939 г. о прекращении военных действий на монгольской границе. – *В.М.*), которое в лучшем случае является чисто временным документом. Они (японцы. – *В.М.*) чувствуют, что усиление советских позиций на Западе в конечном счете приведет к такому же усилению позиций СССР и на Востоке, поэтому сейчас японцы сосредоточены на завершении своей кампании в Китае с тем, чтобы иметь развязанными руки в борьбе с советской угрозой. В Токио войну с Советской Россией все еще рассматривают как неизбежную. Бои на Халхин-Голе показали превосходство советских вооруженных сил над японскими, особенно если речь идет о механизированных частях. Советы очень эффективно разбили японцев, которые потеряли по меньшей мере 25 000 человек”¹¹³.

Увлечшись идеями умиротворения Японии, Грю проглядел изменение настроений президента, дальновидно рассудившего, что потеря Китая и исключение России из международного баланса антифашистских сил в конечном счете обойдется США дороже, чем осторожное сближение с Кремлем в целях сохранения шансов видеть Советский Союз на стороне противников агрессоров, а вовсе не их союзником. Посол в Японии продолжал держаться фарватера, намеченного политиками вроде Теодора Рузвельта и Альфреда Мэхэна, а в годы, предшествующие Второй мировой войне, сделавших своим неформальным лидером помощника государственного секретаря А. Бирла – влиятельного члена “мозгового центра” Рузвельта, без одобрения относившегося к дружеским жестам в сторону Москвы и проповедовавшего концепцию улаживания европейского кризиса на основе “позитивного опыта” Мюнхена. Война России с Германией, а тем паче еще и с Японией, по мнению Бирла, могла бы стать началом удачной многоходовой операции по оздоровлению всей международной обстановки и перекройки геополитической карты мира к выгоде для “демократий”

¹¹³ Ibid. Personal Notes. N 127 (Conversation with the Polish Ambassador Mr. de Romer). October 12, 1939.

и в ущерб “тоталитарным” государствам¹¹⁴. К той же группе принадлежал и харизматический У. Буллит, посол США во Франции. “Молодые радикалы” – это определение прочно закрепилось за дипломатами из внутренней “служебной” оппозиции – исходило из постулата теоретика геополитики англичанина Х. Макиндера, гласившего, что Россия является более опасным противником, чем Германия и Япония, причем последней отводилась миссия постоянного отвлечения части военной силы северного соседа (СССР) на себя¹¹⁵. Рузвельт – почитатель морского дела и морской мощи – видел в Японии (как некогда и адмирал Мэхэн) непосредственного и грозного соперника Америки, в отличие от тех отдаленных и не вполне еще определенных угроз (особенно для интересов США), которые исходили от СССР. Напротив, А. Бирл, У. Буллит, Л. Гендерсон, Дж. Кеннан, Дж. Грю, Джозеф Кеннеди полагали, как тому учил Макиндер, что подчинение “осевого” региона (хартлэнда) на евроазиатском континенте для США, Англии, Франции важнее, ибо дает ключ к контролю над остальным миром.

¹¹⁴ См.: *Егорова Н.И.* Указ. соч. С. 90, 91, 103, 108. Судья Феликс Франкфуртер, один из близких к Рузвельту политиков, входивший в круг его конфиденциальных советников, называл А. Бирла “почти патологическим англофобом и русофобом” (From the Diaries of Felix Frankfurter / Ed. by J.P. Lash. N.Y., 1974. P. 168). Вместе с тем следует признать, что такой ход мыслей являлся совершенно нормальным для западной дипломатии послемюнхеновской поры. Опытнейший американский дипломат, руководитель дальневосточного отдела госдепа Стэнли Хорнбек отлично видел опасность игры западной дипломатии на советско-японских противоречиях вплоть до провоцирования полномасштабной войны между СССР и Японией. Весной 1940 г. Хорнбек с осуждением отнесся к активности Франции на этом поприще, предвидя невосполнимые потери от такой недальновидной политики (Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Stanley K. Hornbeck Papers. Box 460: S.K. Hornbeck book. March 5, 1940).

¹¹⁵ Что касается Дж. Грю, то он черпал уверенность в своей правоте еще и в солидарной с ним позиции его коллег-послов западных стран в Токио. Так, польский посол, отвергая мысль о давлении на Японию из-за ее продолжающейся агрессии в Азии, говорил ему: “Любыми путями мы должны избежать такой политики, которая может вынудить Японию пойти на какое-либо соглашение с Советской Россией, что было бы величайшей угрозой для всех нас. Он (польский посол. – *В.М.*) думает, что весьма вероятно создание когда-либо в будущем союза США, Великобритании и Японии, направленного против Советского Союза здесь, в дальневосточном регионе” (HL. Papers of Joseph C. Grew. Personal Notes. N 127. Conversation with Polish Ambassador Mr. de Romer. October 21, 1939).

“Остановить Москву”

Дипломаты-“европеисты”, одобрявшие идущие под эгидой Германии “интеграционные” процессы в Европе, объективно оказывались в оппозиции к курсу на актуализацию антифашистской направленности внешней политики Рузвельта¹¹⁶. Германия, поддержанная дружественными силами и в союзе с ними, самодостаточная и стабильная, должна была стать на пути русского большевизма. И если Буллит общую границу Европы мыслил не по ее географической «кромке», по Уральскому хребту, а по линии болот, идущих от Финляндии, минуя Польшу, к Румынии, и таким образом отсоединял Россию от “собственно европейского пространства”¹¹⁷, то Бирл “обустройство” Германии связывал совсем пространством Центральной Европы или, иначе говоря, предусматривал создание Пан-Германии с включением в нее Австрии, других малых народов и бог весть еще кого. Еще накануне аншлюса Австрии в 1938 г. он заметил: “Все это к лучшему. То, что делается дипломатическими методами позволяет избежать войны, результатом которой будет тот же результат”. Гитлер, писал он чуть позже, как и Наполеон III, – явление преходящее. Между тем экономическая и политическая логика движения к объединенной Центральной Европе имеет объективный, неустранимый характер¹¹⁸. Новая германская империя, разъяснял он в личном письме Рузвельту, своим собиранием земель станет “единственным инструментом, способным восстановить чистоту расы и экономическое единство, которые позволят Европе выжить и гармонично развиваться”¹¹⁹.

Известный американский исследователь Джон Харпер связывает с именами младорадикалов (прежде всего с Бирлом и Буллитом) и предложенными ими сценариями удерживания европейского “равновесия” понятие стратегии “протосдерживания”. Она имела адресный характер: Западная Европа радикально перестраивается, избавляется от пут Версаля и концентрирует усилия на “русском направлении” для отражения угроз (реальных или воображаемых) с Востока и инициирования упреждающих действий. Используя максимум возможного для создания благоприятной для них самих в первую голову конфигурации сил в Европе, США в то

¹¹⁶ Весьма самокритично вспоминал в своих мемуарах эту страницу своей биографии Джордж Кеннан (*Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны. С. 66–73).

¹¹⁷ For the President, Personal and Secret: Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt / Ed. by O.H. Bullitt. Boston, 1972. P. 237.

¹¹⁸ *Harper J.L.* Op. cit. P. 53.

¹¹⁹ *Ibid.*

же время не должны участвовать в войне, если она разразится по чьей бы то ни было инициативе. Победа любой из сторон приведет к победе либо правой (нацизм), либо левой (большевизм) диктатуры. Оставаясь в стороне, США следует дожидаться момента, когда они будут, как писал Буллит Рузвельту, готовы “приступить к реконструкции того, что осталось от европейской цивилизации”¹²⁰. Другими словами – подобрать осколки и сотворить чудо, реинкарнировав Европу без очагов военных конфликтов и революций.

Однако архитекторы протосдерживания не учитывали происходивших психологических сдвигов. Ситуация в Европе радикально изменилась после Мюнхена и захвата Чехословакии Гитлером в марте 1939 г. Аншлюс Австрии, соглашение Н. Чемберлена и Э. Даладье с Гитлером в сентябре 1938 г. о разделе Чехословакии, а затем и беспримерная по последствиям ликвидация самостоятельности чехословацкого государства при молчаливом самоустранении западных демократий (включая США) подготовили смену настроений в Кремле и переориентацию в советской внешней политике. Она была “подкреплена” обострением советско-японских отношений в 1938 г., увенчавшимся развязанными японцами боевыми действиями на реке Халхин-Гол в конце мая 1939 г.¹²¹ Атмосфера разлада и недоверия между Англией и Францией, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой, сгущалась, процессы и “чистки” в СССР увеличивали эту пропасть, создавая тем самым дополнительно предпосылки для сближения Москвы и Берлина. Речь Сталина на XVIII съезде ВКП(б), вызвав переполох в западных столицах, вернула тему о злонамеренности русских бонапартов на страницы печати, в парламентские кулуары. Газеты писали о византийских нравах кремлевских “мечтателей”, их извечном коварстве и непредсказуемости. Отставка М.М. Литвинова 3 мая 1939 г. потянула за собой дополнительно шлейф подозрительности. Атмосфера вокруг открывшихся 16 августа 1939 г. англо-франко-советских переговоров в Москве была столь неблагоприятной, что едва ли кто-то сомневался в их неминуемом провале, хотя, может быть, были и такие. Тень, павшая на намерения Москвы, сгустилась еще больше, когда пресса сообщила всеми ожидавшуюся “неожиданную” весть: 23 августа 1939 г. заключен советско-германский пакт о ненападении.

¹²⁰ For the President. P. 283.

¹²¹ *Парило М.* “И им суждено сойтись”: Халхин-Гол и Вторая мировая война // *Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР.* М., 2006. С. 137–149.

Первый вывод, который был сделан в госдепе США и в определенной части негативно настроенных к СССР кругов общественных и религиозных деятелей – Москва отказывается от роли миротворца и, вбивая клин между творцами Версаля (Англия, Франция) и его жертвами (Германия, Турция, Италия, Венгрия), встает на путь разжигания мирового пожара и экспансии. Лой Гендерсон – глава “русского направления” в государственном департаменте США 24 августа 1939 г. поделился своими первыми впечатлениями по поводу шокирующей новости с человеком ее предсказавшим, с ведущим американским экспертом по Советскому Союзу профессором Чикагского университета Сэмуэлем Харпером: “В свете последних событий, – писал он, – совершенно невозможно предвидеть, каким будет наше завтра. Судя по той информации, которой я располагаю на настоящий момент, я мог бы сказать, что все это выглядит так, как будто Советский Союз отбросил прочь тактику единого фронта с демократиями и вернулся к старому лозунгу превращения империалистических войн в войны классовые”¹²². Находившийся во Франции У. Буллит, удрученный перспективой после начала “странной войны” (сентябрь 1939 г.) потерять всякую надежду на франко-германский союз против “скифов с Востока”, полностью солидаризировался с главой “русского направления” в госдепе в оценке сталинской дипломатии и ее возвращения к игре на “империалистических противоречиях”. 1 ноября 1939 г. он писал Гендерсону: “Я по-прежнему считаю, что так называемое советское правительство является кучкой заговорщиков, существующей с единственной целью – совершать убийства и ничего другого. Советский Союз – это плацдарм, используя который, заговорщики совершают свои грязные дела и ничего более”¹²³.

Превращение Советского Союза в активного игрока на международно-политической сцене восточноевропейского региона (включая Балканы), вхождение советских войск на территорию Польши 17 сентября 1939 г., присоединение Прибалтики, а затем Бесарабии и Буковины, “зимняя война” 1939–1940 гг. давали Буллиту повод для новой атаки на “спящих” в Вашингтоне и ощущение превосходства от собственной прозорливости над “иллюзиями” и “соглашательством” окружения Рузвельта и самого прези-

¹²² LC. Loy Henderson Papers. Box 1: *Henderson to S.N. Harper*. Aug. 24, 1939. Следует отдать должное Гендерсону. Он точно предугадал, каким будет идейное обоснование Сталиным разрыва с тактикой единого антифашистского фронта и поворота внешнеполитического курса СССР к добрососедству с нацистской Германией (см.: *Марьина В.В.* Дневник Г. Димитрова // *Вопросы истории*. 2000. № 7. С. 38, 39; *Смирнов В.П.* Коминтерн и Франция в 1939–1941 гг. // *Международный кризис 1939–1941 гг.* С. 464).

¹²³ LC. Loy Henderson Papers. Box 6: *W. Bullitt to Henderson*. Nov. 1, 1939.

дента с советским коммунизмом¹²⁴. И если часть видных дипломатов (заместитель государственного секретаря Брекенридж Лонг, например) расценивали ликвидацию буферной зоны между Германией и СССР как верный шаг к военному столкновению двух “заклятых друзей”¹²⁵, то Буллит видел в этом лишь проигрыш Запада и уступку России. Выход СССР за “линию болот”, естественно отделяющую его от ключевых центров европейского геополитического пространства, циничное использование Кремлем в собственных интересах вовлеченность в вооруженный конфликт остальной разделенной Европы совершенно по-новому ставили вопрос об угрозе коммунизма и для самих США: сторонники Коминтерна и СССР внутри страны, видя во всем этом вдохновляющий пример, позиционировали себя в качестве главной силы внутренней оппозиции в США. Единственно, что объединяло Буллита с его оппонентами из ближайшего окружения Рузвельта – это испытываемые ими совместно антипатии к изоляционизму. Но для Буллита он были нетерпим из-за помех, чинимых помощи Англии, – последнему оплоту европейской цивилизации, способному образумить немцев (или же действовать с ними заодно) и таким образом построить плотину на пути коммунистического потока с Востока. Соединенные Штаты, согласно этому плану, по определению должны были сыграть альтернативную роль главного резерва “многопрофильной коалиции” ради сбережения европейского наследия¹²⁶. Своему призыву – “остановить Москву” – Буллит придал характер открытого послания амери-

¹²⁴ Исследовавший хорошо изучивший внутреннюю кухню государственного департамента в 30–40-х годах американский историк Э. Марк писал в статье о генезисе холодной войны: “Сталинская политика в 30-х годах XX века как внешняя, так и внутренняя породила в головах части вашингтонского истеблишмента представление, что известный своей гибкостью автократ модифицировал марксизм-ленинизм, если вообще не изменил ему, в интересах могущества России и своего собственного. К 1940 г. один из самых лучших специалистов по Советскому Союзу, служивших во внешнеполитическом ведомстве, Чарльз Болен посчитал нужным заметить в скобках в тексте своего меморандума, что “марксистская идеология” давно “по всем признакам перестала быть определяющим фактором при формулировании советской политики” на мировой арене” (*Mark E. American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941–1946: An Alternative Interpretation // Journal of American History. 1981. Vol. 68. Sept. N 2. P. 311*).

¹²⁵ LC. Breckenridge Long Papers. Box 5: Diaries. Oct. 4, 1939.

¹²⁶ LC. Herbert Feis Papers. Box 12: *W.C. Bullitt to Feis*. Aug. 26, 1940; *Persico J.E. Roosevelt's Secret War: FDR and World War II Espionage*. N.Y., 2002. P. 21. В госдепе, отмечал Джон Гэддис, более всего опасались, что “странная война” в конечном счете вызовет рецидив революционной ситуации, наподобие той, что случилась в 1917–1919 гг., и в итоге, как выразился Б. Лонг, сделает “наше столкновение с Россией неизбежным” (*Gaddis J.L. Russia, the Soviet Union, and the United States*. P. 139, 140).

канскому народу¹²⁷, который-де оказался не готовым к познанию алгебры геополитики в пограничной ситуации 1939–1941 гг. Его многотиражные публикации были призваны дать единственно возможный ответ на главный вызов времени: быть или не быть системе свободного предпринимательства и как Западу удержать контроль над Евразией.

Вся эта интенсивная пропагандистская активность Буллита, ставящая в весьма непростое положение Белый дом, протекала на фоне настоящего бума геополитических штудий, прогнозов и проектов, объясняющих изменения, происходившие в мировом порядке и их возможные последствия. Существенному обновлению подвергся весь арсенал геополитической мысли. Имена Генри Люса, Николаса Спикмена, Роберта Страус-Хюпе, Джорджа Филдинга Элиота, Нила Макнейла, Джорджа Реннера, Ганса Моргентау и конечно же Хэлфорда Макиндера замелькали на страницах общественно-политических и научных изданий, возвещая начало дискуссии о процессе реформатирования Европейского континента, а вслед за ним и всего колониального мира, Ближнего и Среднего Востока, Тихоокеанского региона, изменение транспортных связей, перераспределение стратегических природных ресурсов¹²⁸. Общий лейтмотив всей этой литературы – мир находится накануне тектонических перемен, в коих геополитическим интересам принадлежит решающая роль, а Соединенным Штатам – неоспоримый приоритет во всех без исключения сферах мировой политики, человеческой жизнедеятельности и социокультурного прогнозирования.

Буллит выделялся из этого интеллектуального клана своей заикленностью на советской угрозе и непосредственным выходом на Белый дом, на “босса”, на государственный департамент и Конгресс. Неудачи Красной Армии после 22 июня 1941 г. и появление вермахта у стен Москвы внушили уверенность бывшему послу США во Франции, что его предвидение по поводу создания Пан-Европы через восстановление общности судьбы французов, англичан, итальянцев и других западноевропейских народов вокруг Германии и немцев как структурообразующего народа, находящегося в центре германо-романского культурного мира, имеет реальные предпосылки к осуществлению. Для Буллита вполне логично было предполагать, что президент Рузвельт, осудивший советских вождей за их “нецивилизованное” обращение с Фин-

¹²⁷ См.: *Bullitt W.C. Report to the American People*. Boston, 1940; *Bullitt W.C., Kelly R. Bullitt's "Stop Moscow" Report*. N.Y., 1940.

¹²⁸ Подробнее см.: *Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок*. М., 2005. С. 20, 21, 232, 233 и др.; *White D.W. The American Century: The Rise and Decline of the United States as a World Power*. New Haven; L., 1996. P. 47–52.

ляндией¹²⁹ в 1939 г., адаптирует свою политику к поступи европейской истории и тем самым облегчит становление нового, устойчивого мирового порядка. Его ждало разочарование.

Провал германского блицкрига под Москвой в декабре 1941 г., а еще через год перелом в войне в пользу Красной Армии в ходе Сталинградского сражения заставил по-иному расставить акценты в геостратегии планировщиков проекта будущего. Был снят вопрос о поражении СССР и тут же возник другой – выгодно или невыгодно доводить дело до полного разгрома третьего рейха. Как бы сам по себе воскрес образ возобновившейся советской экспансии, покорения европейского пространства человеком в красноармейской шинели. Одним из первых забил тревогу разобитый посол США в СССР (до ноября 1941 г.) Лоуренс Штейнгардт. Перемещенный Рузвельтом в столицу “нейтральной” Турции, в Анкару, Штейнгардт уже весной 1942 г. принялся бомбардировать государственный департамент посланиями-предупреждениями о намерении СССР захватить проливы, а вслед за ними нефтеносные районы Ближнего и Среднего Востока¹³⁰. Штейнгардт намекал на решение вопроса путем выхода на контакты и сепаратные переговоры с Германией о “политической реорганизации”. В отдельных случаях такие контакты велись союзниками на уровне среднего звена спецслужб и военных штабов. Напрямую с такими предложениями к Ф. Рузвельту обращался давний политический сторонник президента, бывший губернатор Пенсильвании, а в годы войны заместитель военно-морского атташе США в “нейтральной” Турции Джордж Эрл¹³¹. Тесные контакты, которые последний поддерживал с резидентурой Абвера и с германским послом в Турции фон Папеном, позволяли ему рисовать заманчивые картины досрочного для США и Англии окончания войны путем достижения договоренности с “обновленным” германским руководством и совместно с ним решения вопроса о безопасности Европы¹³². Буллит был сторонником иной опции.

¹²⁹ См.: F.D.R.: His Personal Letters, 1928–1945. N.Y., 1950. Vol. II. P. 961.

¹³⁰ См. LC. L.A. Steinhardt Papers. Box 38: *Steinhardt to Sumner Welles*. Apr. 24, 1942.

¹³¹ Джон Гэддис признает реальность такой перспективы (*Gaddis J.L. Russia, the Soviet Union, and the United States*. P. 157, 158); см. также: *Fink A.L. The Politics of TORCH*. Lawrence (Kan.), 1974. P. 249–255; *Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 265–267, 387, 515.

¹³² *Мальков В.Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 386–388, 391, 459; *Persico J.E.* Roosevelt’s Secret War. P. 236–238, 269–271, 381–383. Сталин, по-видимому, был хорошо информирован об этой активности американских спецслужб и интерпретировал ее по-своему. Так, принимая чехословацкую делегацию во главе с президентом Э. Бенешем 28 марта 1945 г., он сказал на обеде, что “союзники постараются спасти немцев и говорить с ними” (*Дневник наркома В.А. Малышева // Источник*. 1997. № 5. С. 128).

Публичные выступления Буллита (подкрепленные коридорной “дипломатией”), целого клана видных чиновников госдепартамента и военного ведомства, предлагавших, не теряя времени, заняться профилактикой “русского империализма”¹³³, побудили Рузвельта воздействовать на Буллита откровенным разговором и расстановкой точек над *i* в прояснении главных послевоенных целей США, России, Англии и союзников в целом. В конце 1942 г. президент пригласил Буллита в Белый дом для беседы с глазу на глаз в Овальном кабинете. О чем говорили президент и экс-посол по сей день доподлинно не известно, но Буллит получил задание пополнить досье экспертных оценок развития послевоенного мира в связи с новой ролью Советского Союза и новым значением, которое обрела фигура Сталина в мировой политике. 29 января 1943 г. с грифом “лично и секретно” меморандум, ожидаемый с опаской в Белом доме, лежал на столе у президента. Буллит начал его в сущности с разносной критики президентской “русской” политики и аргументами *ad hominem* (от человека).

В броских выражениях, которые впоследствии воспроизводились в тех или иных сочетаниях всеми последующими идеологами холодной войны (включая Черчилля и Кеннана), Буллит обрисовал геополитическое мышление Сталина как продукт коварного ума матерого интригана, который искусно разыграл роль добропорядочного политика, заинтересованного в прочном сотрудничестве с англо-американскими союзниками, добываясь от них добровольного отказа от военно-технического превосходства и разного рода авансов. Между тем цели Сталина, утверждал Буллит, остаются неизменными – экспансия и агрессия, а попытки “переделать” его в управляемого политика западного типа моральным примером и демонстрацией дружелюбия абсолютно бесперспективны и обречены на провал. Буллит ничего не сказал о непримиримом конфликте идеологий, он убеждал президента, что Сталина можно и следует *принудить* стать покладистым и послушным, только используя выгодное стратегическое положение США, экономическое и военное превосходство и другие сложившиеся благодаря войне и к невыгоде Советского Союза условия. “Мы никогда в будущем, – заявлял он, – не сможем оказывать на Великобританию и Советский Союз такое влияние, как сегодня. Сегодня они обязаны всем своим существованием Соединенным Штатам. Мы – это дарящая милостыню богатая тетушка. Они – нищие

¹³³ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х годах. С. 103, 104.

побирушки... После же поражения Германии наши позиции в торге станут безнадежными”¹³⁴.

Зная чувствительность Рузвельта к урокам истории и личной драме Вудро Вильсона, которому после победы в мировой войне было отказано в доверии собственным народом, Буллит заклинал Рузвельта не повторять роковую ошибку его демократического предшественника на посту президента, сделавшего ставку на морализм и пренебрегшего “физической силой” в решении глобальных задач мироустройства вообще и “русского вопроса” в частности. Курс США должен быть сконцентрирован на реализации с использованием подавляющей военной и экономической мощи следующих стратегических задач: отсечение Советского Союза от интегрированной под эгидой США и Англии Европы; выход к “восточным границам” Европы до их перехода Красной Армией; сокращение военной помощи Советскому Союзу (держат на голодном пайке) и недопущение создания военного вакуума в Европе путем сохранения военного присутствия США после победы; оказание содействия послевоенному восстановлению и реконструкции СССР в строго ограниченных размерах и только при условии подчинения Москвы правилам игры, предписанным западными союзниками. К этим условиям были отнесены роспуск Коминтерна и безусловный отказ от “коммунизирования” европейских стран¹³⁵.

Совершенно особым пунктом своего плана Буллит выделил вопрос о пересмотре всей стратегии ведения войны, фактически утвержденной Рузвельтом. Смысл его особого мнения состоял в следующем. Намерение поначалу сосредоточиться на разгроме Германии в геополитическом отношении в корне ошибочно: оно играет на руку Сталину. Добившись поражения Германии, и Советский Союз, и Англия забудут о своих обещаниях оказать помощь Америке в войне против Японии. Предвидя такой оборот событий, Соединенным Штатам следует сохранять контроль за

¹³⁴ For the President. P. 575–590.

¹³⁵ В вопросе о дозировании помощи Советскому Союзу Буллит не был оригинален. С совершенно четких позиций желательности добиваться полного истощения СССР (и Германии) выступал с начала 1942 г. военный атташе США в Москве подполковник Дж. Микела, полагавший, что в этом случае Советский Союз не сможет стать доминирующим фактором в Европе, а США добьются своих целей (FDRL. Papers of Harry L. Hopkins. Special Assistant to the President, 1941–1945. Military Intelligence Division Report, 1933–1945. USSR, January 15, 1942. Subject: American–British–Soviet Relations). Эти же мотивы возникали в большой печати США, что вызывало серьезное беспокойство в ближайшем окружении Рузвельта (см.: LC. Joseph Davies Papers. Chronological File. Box 16: Journal. Jan. 7, 1945).

действиями союзников, вынуждая их подчиняться американскому диктату в обмен на помощь и знаки внимания. Заставив Японию капитулировать, Соединенные Штаты вернутся на европейский ТВД, но сделают это там и тогда, где и когда это будет выгодно им, Соединенным Штатам. Лучшим направлением удара по Германии Буллит считал то, которое предложил У. Черчилль – “мягкое подбрюшье” Европы – Балканы. Выйдя через Проливы в Черное море к довоенным границам Советского Союза, западные союзники заставят его довольствоваться тем немногим, что они сами пожелают ему уступить в ходе приграничного размежевания. Судя по всему именно это бесцеремонное вторжение Буллита в военное планирование сильнее всего задело Рузвельта, который в согласовании последовательности действий союзников на ТВД видел важнейшее условие продолжения их сотрудничества в мирное время. Проведя устные “сессии” с Буллитом и внимательно ознакомившись с его геополитическим проектом обретения миром единоличного лидера, Рузвельт распорядился закрыть для него двери Белого дома. Буллит так и не удалось стать диадохом, о чем он всегда мечтал¹³⁶.

Американский историк У. Кимбалл дал следующую общую оценку буллитовской альтернативе военной и политической стратегии Рузвельта: “Вслед за письмом-меморандумом Буллита от 29 января 1943 г. последовали еще два, составленные в самых жестких выражениях. Вместе взятые они звучали как призыв к объявлению того, что мы зовем сегодня холодной войной”¹³⁷. Возникает вопрос: мог ли Рузвельт в разгар коалиционной войны внять советам искушенного, но явно теряющего чувство реальности политика и дипломата, изменить самому себе и обратиться к жесткому курсу “дубины и морковки”. В принципе такая возможность существовала. В марте 1943 г. президент поделился своими сомнениями с А. Иденом, английским министром иностранных дел. Тот же, не отвергая в принципе “тезис Буллита”, тем не менее не согласился принять его за основу взаимодействия с Советским Союзом¹³⁸.

¹³⁶ Буллит предал гласности свои расхождения с Рузвельтом позднее, уже в разгар холодной войны. Он утверждал, что Соединенные Штаты “проиграли мир”, следуя, как это делал Рузвельт, правилу “происхождение обязывает” и пытаясь убедить “кавказского бандита” доверять Соединенным Штатам и сотрудничать с ними в построении мира (*Bullitt W. How We Won the War and Lost the Peace // Life*. 1948. Aug. 30. P. 82–97).

¹³⁷ *Kimball W.F. The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman*. Princeton (N.J.), 1991. P. 88.

¹³⁸ FRUS. 1943. Vol. III. P. 13–15, 25, 35; *Eden A. The Memoirs of Anthony Eden, Earl of Avon: The Reckoning*. Boston, 1965. P. 432.

Стоило ли рисковать союзом с главной ударной силой в антинацистской войне? Мнение Идена и ближайших советников (Г. Гопкинс, Дж. Дэвис, Г. Икес, Г. Уоллес и др.) было немаловажным для президента, но и предупреждения Буллита не прошли бесследно¹³⁹. Была, по крайней мере одна, сфера, где эти предупреждения возымели прямые последствия – усиление секретности вокруг создания атомного оружия и, как результат, снижение уровня доверия между союзниками. Данный факт сегодня безоговорочно признается всеми. Не так давно историк Джон Гэддис (и не только он) с чувством внутреннего превосходства писал о моральном уровне, который понес Советский Союз из-за настойчивых усилий Сталина в годы войны и сразу после нее “обеспечить безопасность страны с помощью сомнительных средств”, т.е. с помощью шпионажа в стане союзников, засылая в их ряды “кротов” и, естественно, вызывая тревогу в отношении своих намерений¹⁴⁰. А сегодня мы видим другую картину. Свою последнюю книгу по истории холодной войны Гэддис начинает непосредственно с атомного проекта США и Англии, признавая, что он вызвал вполне оправданные серьезные (по его же собственным словам) подозрения в Кремле, а со временем превратился в мину замедленного действия¹⁴¹. Следовательно причина и следствия заняли подобающие им места.

Вопрос, очевидно, может быть поставлен так: не был ли перекрестный шпионаж следствием не только существовавшего и в межвоенный период недоверия между Москвой с одной стороны Лондоном и Вашингтоном – с другой, но, как справедливо отмечает американский исследователь Персико, склонностью к повышенному уровню скрытности всех участников “Большой тройки” и не

¹³⁹ Тема Сталина в данном контексте здесь не подлежит подробному рассмотрению, но уже к лету 1942 г. советское правительство определило свои цели в войне в части территориальных требований, вызвавших волнения в дипломатических кругах США и Англии, в экспертном сообществе, в прессе. На первый план, писал Э. Марк, выходила геополитическая природа внутреннего конфликта интересов в антигитлеровской коалиции (*Mark E. American Policy toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War*. P. 317). Если сказать по другому – различное толкование безопасности в послевоенной Европе грозило расколоть Великую коалицию. Миссия советника Белого дома по “советским делам” Джозефа Дэвиса в Москву в мае–июне 1943 г., инициированная самим президентом Рузвельтом, была призвана снять трудные вопросы, в том числе из “перечня” У. Буллита. Президент США и Гопкинс решительно отклонили формулу последнего “обольщать и принуждать” и настаивали на другой – “полная откровенность”. Дэвис, в частности, намеревался передать Сталину пожелание Рузвельта о роспуске Коминтерна. Но еще до приезда Дэвиса Сталин проявил предупредительность: в Москву было объявлено о принятии соответствующего решения.

¹⁴⁰ *Gaddis J.L. Intelligence, Espionage and Cold War. Origins // Diplomatic History*. Spring 1989. Vol. 13. № 2. P. 209.

¹⁴¹ *Gaddis J.L. The Cold War: The New History*. N.Y., 2005. P. 25–27.

в последнюю очередь ее ведущей пары – Сталина и Рузвельта. “Франклин Рузвельт, – пишет он, – уверенно руководил Америкой в войне, имевшей характер мирового катаклизма, в которой секретные операции играли очень важную роль и для ведения которой он располагал всеми возможностями и талантом, свойственным его натуре”¹⁴². Ничего удивительного нет в том, что упорное засекречивание Западом своих необычайно дорогостоящих усилий по созданию оружия массового уничтожения – атомной бомбы – только удвоило подозрительность Сталина, подтолкнуло его к развертыванию тайных операций по “деблокированию” атомных секретов, переходящих пределы “необходимой недоверчивости” (если воспользоваться словами Джона Ле Каре). Разве нельзя было предвидеть все это, зная болезненную реакцию Кремля на дипломатический сепаратизм западных союзников, что уже дало о себе знать в связи с вопросом о втором фронте или ленд-лизе?

Вообще по прошествии многих лет и после подведения предварительных итогов истории разведки в период Второй мировой войны едва ли правильно говорить об атомном шпионаже как явлении недружественном по своим масштабам и последствиям, тем более что фундаментальные принципы создания атомной бомбы были открыты не американцами, а рождению “Манхэттенского проекта” предшествовало заимствование знаний и опыта у интернациональной группы ученых-физиков, прежде всего германских, венгерских и английских. Нельзя не напомнить здесь же, что первые успехи в операции по “деблокированию” секретов совместного англо-американского проекта создания “победоносного оружия” были обеспечены даже не советскими профессионалами-разведчиками и их агентурой, а благодаря “незапланированным” утечкам, источником которых оказались ученые антифашисты, такие, как Клаус Фукс, а также информации, опубликованной в открытой печати, научной периодике и собранной фронтовой разведкой.

Подлинно революционное значение (какой бы различный смысл в это не вкладывали¹⁴³) имела прежде всего *собственная* история создания атомного оружия, которая вошла неотъемлемой частью в родовое понятие холодной войны, стала ее ипостасью. После Хиросимы и Нагасаки, писал Гэддис, “мир и война не могли остаться прежними”¹⁴⁴. Верный сам по себе, этот вывод

¹⁴² Persico J.E. Op. city. P. 451.

¹⁴³ См.: May E.R. Introduction // Cold War Statesmen Confront the Bomb. Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. by J.L. Gaddis, Ph.H. Gordon, E.R. May, J. Rosenberg. N.Y., 1999. P. 1–11.

¹⁴⁴ Gaddis J.L. Conclusion // Ibid. P. 261.

имеет самые различные коннотации и одна из них – когда, как и при каких обстоятельствах появилось ощущение и осознание этой революционной перемены у политиков, ученых и военных в странах, непосредственно причастных к созданию супербомбы. Большие массивы документального материала, воспоминания и научные исследования свидетельствуют, что геополитический подход к использованию атомного оружия в США и Англии преобладал с момента его “внутриутробного” существования.

На первых порах речь шла о достижении скорейшей победы над странами “оси”, а с 1943 г. – о сдерживании “советской экспансии”, какой она виделась после Победы над Германией и Японией¹⁴⁵. С запозданием историки советского атомного проекта получили уникальные издания, также позволяющие получить некоторое представление о мотивации советских политических руководителей, ученых-ядерщиков и военачальников. Теперь не вызывает сомнения, что проект питали военно-стратегические соображения, связанные с созданием щита от “вероятного противника”, чьи намерения принимались за некую данность. Вопрос с самого начала рассматривался в плоскости восстановления утраченного уровня безопасности СССР, исходя из целого ряда факторов как неблагоприятных, так и благоприятных. Сознывая военно-техническое отставание своей страны от США в случае возникновения ядерной войны, советское руководство держало в поле зрения и территориальные аспекты ситуации, могущей возникнуть в результате атомной атаки с воздуха. Желание, как можно дальше отодвинуть границы от жизненно важных центров страны, было одним из стимулов создания буферной зоны из восточноевропейских стран, а уже потом, с появлением ракетной техники, появилось понятие подлетного времени. Понятия и категории новой военной стратегии легко возникали из расчетов разрушительной силы ядерных взрывов, последствий радиоактивного заражения и т.д. По словам И.В. Курчатова (вслед за ним их повторил А.Д. Сахаров), началась научно-техническая война, в которой ученые стали солдатами¹⁴⁶. А.Д. Сахаров писал: “Со временем мы узнали или сами додумались до таких понятий, как стратегическое равновесие, взаимное термоядерное устрашение

¹⁴⁵ См.: *Мальков В.Л.* “Манхэттенский проект”. Разведка и дипломатия. М., 1995; *Alperovitz G.* The Decision to use the Atomic Bomb and the Architecture of an American Myth. N.Y., 1995; *Herken G.* The Winning Weapon: The Atomic Bomb. and the Cold War, 1945–1950. N.Y., 1980; *Yergin D.* Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. Roston, 1977, etc.

¹⁴⁶ Игорь Васильевич Курчатов в воспоминаниях и документах / Отв. сост. Ю.Н. Смирнов. М., 2004. С. 228. Сахаров называл ученых вроде И.В. Курчатова и С.П. Королева военно-промышленными деятелями.

и т.п. Я и сейчас думаю, что в этих глобальных идеях действительно содержится некоторое (быть может, и не вполне удовлетворительное) интеллектуальное оправдание создания термоядерного оружия и нашего персонального участия в этом”¹⁴⁷. Это действительно была психология войны, резюмировал А.Д. Сахаров. В сущности, у приводимого фрагмента из воспоминаний Сахарова есть один-единственный смысл: фантомов не было, было сознание реальной опасности навсегда оказаться в хвосте военно-технического прогресса и совершенно незащитными в будущем мире, который полностью сохранит (и приумножит) свою насильственную природу благодаря монополии на ядерное, сверхмощное оружие массового уничтожения в руках одной державы – Соединенных Штатов, ставшей геополитическим центром силы.

Документы по истории советского атомного проекта безоговорочно свидетельствуют, что именно тотальное засекречивание всех работ по урановой проблеме (и только оно) в Великобритании, а затем и в США вызвало реакцию повышенного риска уже в 1941–1942 гг. в сообществе советских ученых-ядерщиков и вслед за тем уже в головах политиков¹⁴⁸. Одновременно возникло и стремление любой ценой избавить страну от геостратегического отставания, способного превратить ее после Победы в объект шантажа и диктата. Отношение ученых к созданию отечественного атомного оружия передавалось словами – категорический императив. Самое яркое отражение получило оно в написанных, как справедливо пишет Ю.Н. Смирнов, с “яростным пафосом” письмах Г.Н. Флерова, направленных С.В. Кафтанову, И.В. Курчатову и И.В. Сталину в ноябре 1941 – апреле 1942 гг.¹⁴⁹ В первом из них, датированном ноябрем 1941 г., он писал: “История делается сейчас на полях сражений, но не нужно забывать, что наука, толкающая технику, вооружается в научно-исследовательских лабораториях, нужно все время помнить, что государство, первое осуществившее ядерную бомбу, сможет диктовать всему миру свои условия, и сейчас единственное, чем мы можем искупить свою ошибку (речь шла о прекращении работ по урану с начала войны. – В.М.) – полугодовое безделье, – это возобновление работ и проведение их в еще более широком масштабе, чем было до войны”¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ См.: Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общей ред. Л.Д. Рябева. Отв. сост. Л.И. Кудинова. М., 1998. Т. I: 1938–1945, ч. 1.

¹⁴⁹ Смирнов Ю.Н. Г.Н. Флеров и становление советского атомного проекта // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е–50-е годы). Труды международного симпозиума ИСАП-96. М., 1999. Т. 2. С. 158–170.

¹⁵⁰ Там же. С. 160.

Для межсоюзнических отношений этот разрыв и заговор молчания вокруг атомных разработок в Англии и США породил вполне осязаемые проблемы¹⁵¹. Разведывательные органы СССР усилили свою активность на этом чувствительном направлении, передавая достоверную информацию о размахе предпринимаемых союзниками работ, в конце сентября 1942 г. появился первый (из всех известных) документ за подписью В.М. Молотова о развертывании работ по созданию “урановой бомбы и уранового топлива”¹⁵². Таким образом, если осенью 1943 г. удалось добиться перелома в координации действий союзников на различных театрах военных действий, то одновременно на невидимом фронте – в сфере ядерных исследований и подготовки создания атомной бомбы – возросло скрытое противостояние. Американские исследователи “пропускают” этот важный этап в формировании ментальности холодной войны, а между тем изучение “ядерного этоса”, как отмечает российский ученый В.П. Визгин, в эпоху создания абсолютного оружия имеет огромное значение в понимании всех черт послевоенного развития¹⁵³. И, как мы видели, моральным оправданием для разработчиков атомного оружия (как американско-английского, так и советского) была двуединая цель – опередить Германию и, по крайней мере, добиться “равенства сторон” в послевоенном мире. Секретность, намерение поставить партнера перед свершившимся фактом, неожиданным поворотом требовали переоценки всей геостратегической ситуации на годы вперед. Хиросима и Нагасаки (1945), а затем испытание под Семипалатинском (1949) стали первыми вехами на этом пути.

Политика сюрпризов рождалась вместе с консеквенциалистским мышлением создателей атомной бомбы (ядерное оружие дает гарантию мира)¹⁵⁴. Она предвещала новую эру в советско-американских отношениях, эру гонки ядерно-ракетных вооружений, военных технологий. Но на протостадии соревнования в тайном производстве оружия массового уничтожения еще не имело особого значения, кто дальше и насколько продвинулся в поисковых исследованиях и в отработке технологических процессов. Разворачивание лабораторной и производственной базы атомной индустрии делало обе стороны, вовлеченные в это заочное соревнова-

¹⁵¹ См.: *Мальков В.Л.* Атомная проблема в межсоюзнических отношениях // Наука и общество: история советского атомного проекта. М., 2003. Т. 3. С. 181–184.

¹⁵² Атомный проект СССР. Т. I, ч. 1. С. 268.

¹⁵³ *Визгин В.П.* Формирование этоса советского ученого-атомщика // Наука и общество: история советского атомного проекта. М., 1997. Т. 1. С. 364–368.

¹⁵⁴ Одним из горячих сторонников данной концепции в США был Э. Теллер, в СССР – А.Д. Сахаров (см.: Там же. С. 381).

ние, вечными заложниками конфликта. Процесс исключил всякую публичную дискуссию, а тем более соглашение, касающееся будущего оружия. Усилия Нильса Бора, Альберта Эйнштейна и Лео Сцилларда, направленные на то, чтобы переломить ход событий ничего не дали¹⁵⁵, хотя и в США, и в Англии многие в политических кругах задавались вопросом – выдержат ли союзнические отношения значительные перегрузки подозрительностью в преддверии финальной фазы коалиционной войны против фашизма. Советский Союз был догоняющей стороной в этом сопряженном с риском развала Великого альянса соревновании, и потому в нем по определению не удалось бы найти сторонников раскрытия своих атомных секретов, самым большим из которых и в 1943 г. оставалась неподготовленность к развертыванию материальной базы. Об этом можно судить после прочтения исчерпывающей и правдивой записки И.В. Курчатова В.М. Молотову о работе Лаборатории № 2 от 30 июля 1943 г.¹⁵⁶

Принято считать, что Тегеранская конференция глав союзных держав в ноябре 1943 г. окончилась полным успехом. И в самом деле, в ходе ее была достигнута договоренность про ряд важных вопросов ведения коалиционной войны, согласованы принципиальные подходы к послевоенному мирному урегулированию. Но фактом является и то, что члены “Большой тройки” не стремились быть, вполне откровенными друг с другом. Самой Тегеранской конференции предшествовала встреча Рузвельта и Черчилля в Квебеке (конференция “Секстант”) 19 августа 1943 г. На ней родилась секретная договоренность, касающаяся всего комплекса вопросов, вставших в связи с подготовкой к производству атомного оружия. Обе стороны фактически декларировали свое исключительное право на использование атомной бомбы против любой из “третьих стран” и одновременно отказ от предоставления информации о ней тем же самым “третьим странам”, под коими подразумевался прежде всего Советский Союз. В ходе совещаний, предшествующих Квебекской встрече, в Лондоне и Вашингтоне вопрос о необходимости достижения решающего военного превосходства над Советским Союзом посредством монопольного владения и безусловного права на распоряжение атомным оружием был поставлен Черчиллем откровенным образом и вне всяких моральных соображений. В качестве основы действия (*ratio agenda*) США и Англии в условиях войны и грядущего мира будут добиваться решающего превосходства над СССР посредст-

¹⁵⁵ См.: Печатнов В.О. Как Сциллард писал Сталину // Россия XXI. 2006. № 1. С. 168–185.

¹⁵⁶ Атомный проект СССР. Т. I, ч. 1. С. 368–373.

вом монопольного владения атомным оружием и безусловного права распоряжаться им¹⁵⁷. Уместно заметить, что в составе американо-английской мотивации значилась преимущественно угроза советского могущества и влияния. И ни слова о Германии.

Рассматривая атомную бомбу в качестве инструмента политики, как орудие сдерживания коммунизма в контексте качественно новой конфигурации сил на мировой арене после победы, Рузвельт и Черчилль не могли не знать, что они тем самым автоматически перечеркивают идею сотрудничества трех держав (при примерном равенстве их вооружений) в “переходный период” к миру, которую на словах в общих чертах развивал в беседе с М.М. Литвиновым Самнер Уэллес в начале мая 1943 г.¹⁵⁸ Превращаясь в важнейший фактор дипломатии, атомная бомба, пишет известный американский историк М. Шервин, “создавала предпосылки для начала гонки атомных вооружений, ибо советское правительство, оставаясь официально не проинформированным о “Манхэттенском проекте”, знало о его существовании благодаря шпионажу”¹⁵⁹. Двоемыслия ни одной из сторон избежать не удалось.

Чем дальше, тем больше вырисовывался трагический аспект проблемы, поскольку атомная бомба представляла собой лишь первый шаг в новом способе овладения человеком сил природы, который, как признавал военный министр США Стимсон, слишком революционен и опасен, чтобы мерить его старыми мерками и пускаться на самотек. Но он сам не пожелал взять на себя инициативу в борьбе за пересмотр принятых решений. Еще ранней весной 1944 г. Рузвельт явно придерживался того подхода, который был сформулирован Черчиллем: монополия на атомную бомбу – главный козырь в руках США и Англии в поддержании мирового равновесия в условиях неизбежного поражения Германии и такого же неизбежного распространения советского влияния в мире. Летом 1944 г. беседы с Н. Бором поколебали эту уверенность президента. Доводы великого физика против превращения атомной бомбы в оружие военного шантажа и в пользу учреждения международного контроля на какое-то мгновение показались Рузвельту убедительными. Но риск утраты военного баланса и геостратегического преимущества перед лицом непредсказуемо-

¹⁵⁷ National Archives, Washington, DC. RG 77. Roll 9, Target 8, File 109 – Annexes. Diplomatic History of the Manhattan Project. “Memorandum of Meeting at 10 Dawning Street on July 22, 1943”; Cold War Statesmen confront the Bomb. P. 177, 261.

¹⁵⁸ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. М., 1984. Т. I: 1941–1943. С. 318, 319.

¹⁵⁹ *Sherwin M.J.* A World Destroyed. Hiroshima and the Origins of the Arms Race. N.Y., 1987. P. 90.

го развития событий с выходом Красной Армии в страны Восточной и Центральной Европы казался слишком большим. Могли показаться актуальными и оправданными некоторые пункты “плана” Буллита. Скорее всего так оно и было. Памятная записка из Гайд-парка от 19 сентября 1944 г. и загадочная история с ее “исчезновением” отражали весь этот спектр опасений. Кризис доверия в межсоюзнических отношениях на почве неразвитости моральной способности человека по сравнению с его технической способностью к разрушению стал фактом, окончательное признание которого пришло только после Хиросимы.

Что должны были бомбить экипажи американских атомных бомбардировщиков? Можно поставить этот вопрос иначе: как выглядит сложная взаимосвязь между нарушением Сталиным (скорее духа, чем буквы) Ялтинского соглашения, касающегося политического устройства таких восточноевропейских стран, как Польша, Румыния и Болгария, и опасным накоплением скрытого напряжения в межсоюзнических отношениях вокруг атомной проблемы? Вот вопросы, которые следует поставить в преддверии тщательного анализа еще недостаточно изученных исследователями и частично пока еще недоступных документов как американских, так и советских. Многие еще впереди, но уже сейчас очевидно, что знаменитую формулу “четырёх полицейских” президента Рузвельта (речь шла о безопасности в послевоенном мире под эгидой четырёх держав – США, СССР, Англии и Китая) следовало бы рассматривать как формулу “2+2” – две атомные державы, располагавшие абсолютным превосходством в новейших вооружениях и две (СССР и Китай), отставшие технологически и игравшие подчиненную в этом квартете роль. Многие исследователи, настаивающие на тезисе о политике “умиротворения” Советского Союза, проводимой якобы Рузвельтом, по странной забывчивости проходят мимо этой особенности сложившейся в 1945 г. обстановки¹⁶⁰. Черчилль в принципе в аналогичной ситуации, отвечая на упреки американцев по поводу применения Англией политики с опорой на военную мощь (power politics) на Балканах, заявлял в порыве откровения, что США сами располагают двойным превосходством всех видов вооружений, позволяющим им, не очень задумываясь как это выглядит со стороны, диктовать свою волю более слабым партнерам¹⁶¹.

¹⁶⁰ См.: *Spanier J.* American Foreign Policy Since World War II. N.Y., 1983. P. 15–18; *Davis L.E.* The Cold War begins. Soviet-American Conflict Over Eastern Europe. Princeton, 1974. P. 37, 140–143.

¹⁶¹ См.: *Resis A.* The Churchill-Stalin Secret “Percentage” Agreement on the Balkans. Moscow, October 1944 // *American Historical Review*. LXXXIII (April 1978). P. 368–387.

Дьявольская интуиция Сталина подсказывала ему подобный же довод в ходе острой полемики с американцами и англичанами по поводу советского влияния в Восточной Европе. Тень атомной бомбы задолго до известной беседы с Трумэном в Потсдаме служила для советского руководства внутренним оправданием выхода за рамки Ялтинских договоренностей. В представлении Кремля уравнение сил достигалось именно таким эквивалентным (для СССР через территориальные приобретения) их приращением обеими сторонами. Может быть, и это весьма характерно, самым большим сторонником урегулирования “всех неприятностей с Россией” по формуле *quid pro quo* (уступка за уступку) в американской администрации был Генри Стимсон, доживший Рузвельту 31 декабря 1944 г. о раскрытых контрразведкой советских усилиях проникнуть в тайны “Манхэттенского проекта”¹⁶². Но нельзя не признать, что и этот путь, ослабляя на какой-то период трения вел в тупик и к новым осложнениям.

Можно согласиться с американским историком Томасом Паттерсоном, утверждавшим, что нельзя с уверенностью говорить о наличии ранней версии “атомной дипломатии” во внешней политике Рузвельта¹⁶³. Но вот американские архивные источники неопровержимо свидетельствуют, что оперативные, чисто военно-стратегические результаты бомбардировок Хиросимы и Нагасаки были куда менее важны в понимании американских политиков, чем ожидаемый политический эффект от демонстрации устрашающей силы атомных взрывов. Советский Союз в этом смысле был главным объектом поставленного эксперимента. Конечно, это была часть национального консенсуса по поводу морального права Америки единолично осуществлять при помощи “победоносного оружия” (*winning weapon*) охранительные функции перед лицом многочисленных угроз, источники которых виделись в имперских амбициях Кремля¹⁶⁴. Но консенсус в отношении того, что произошло 6 и 9 августа 1945 г., возник и в Советском Союзе, как только ликование по случаю добытой дорогой ценой победы сменилось чувством новой грозной опасности. Самонастроенное на высокую патриотическую волну общественное сознание легко переналадилось на восприятие нового “образа врага” – вооруженных всеразрушительным секретным и наступательным оружием Соединенных Штатов.

¹⁶² Yale University Library. Henry L. Stimson Diaries. Reel 9: Dec. 31, 1944. P. 5.

¹⁶³ См.: *The Cold War Critics* / Ed. by T.G. Paterson. Chicago, 1971.

¹⁶⁴ Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 225; *Boyer P. By the Bomb'Early Light: American Thought and Culture at the Dawn of the Atomic Age*. N.Y., 1985.

Глава VI

“ЧЕТЫРЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ”, ИЛИ КАК СОХРАНИТЬ МИР ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Черчилль: “Очень и очень сложное, запутанное и из всех дел менее всего привлекательное”

Каким виделось военное положение весной 1942 г. глазами граждан стран, объединившихся в антигитлеровский союз? Очевидно, крайне неустойчивым и непредсказуемым. И хотя Рузвельт, подводя итоги 1941 г., говорил во время одной из “бесед у камина” в апреле 1942 г. о “сокрушительном контрнаступлении великой русской армии” зимой 1941 г. под Москвой, когда русские войска уничтожили больше нацистов, “чем все остальные Объединенные Нации вместе взятые”¹, ничего утешительного и приободряющего сверх того он сообщить соотечественникам тогда не мог. Европа оказалась погруженной “во мрак нацизма”. Одно успешное контрнаступление не решало исхода кампании. В Тихоокеанском регионе США утратили контроль над значительной частью Филиппинских островов, Япония захватила Малаккский полуостров, Сингапур, голландская Ост-Индия была почти полностью оккупирована японцами. Складывалось впечатление, что участь Бирмы и Индии предрешена. У берегов Америки появились десятки немецких подлодок. Поговаривали о десанте немцев в Канаде.

На Юге России развернулись тяжелые бои в Крыму, под Харьковом, на Дону, многие из которых окончились поражением Красной Армии. Немцы рвались к Сталинграду и вышли к предгорьям Кавказа. 1942 год был годом максимальных успехов Гитлера и вермахта в Европе и в Африке, Японии – в акватории Тихого океана, а также на суше, где к ногам микадо пали практически все владе-

¹ Рузвельт Ф. Д. Беседы у камина. Пер. с англ. М., 2003. С. 269.

ния двух колониальных империй – Великобритании и Голландии – и где практической задачей военного планирования японского командования вырисовывались высадки в Новой Зеландии и Австралии. Кошмар – оказаться блокированными на континенте с востока и запада японскими и немецкими подводными и надводными военно-морскими силами и стать объектом массированных бомбардировок с воздуха – заставлял американцев вспоминать худшие дни Гражданской войны. После торпедной атаки Пёрл-Харбора в газетах появились статьи о возможном захвате японцами Аляски и даже канадских северных провинций. Сам президент в тесном кругу высказывался о том, что существует весьма высокая степень вероятности, что германские ВВС, базирующиеся в Западной Африке, способны нанести удар по восточному побережью США.

По логике вещей военные вопросы должны были занимать все время и все мысли президента США, но долготелая привычка не застревать на текущих делах, “думать вперед”, заглядывая за горизонт, помогала не изменять целеустремленности более высокого порядка, нежели сиюминутные, тактические расчеты. Оптимизм и замечательное чувство исторической перспективы, присущее ему сполна, Рузвельт выказал уже в обращении к нации 26 мая 1940 г. в связи с утратой многими народами Европы независимости и стремительно возросшим уровнем опасности для самих Соединенных Штатов, оказаться из-за уязвимости их обороны лицом к лицу с агрессором. “Мы должны продолжать созидательную работу, – говорил он, – и неустанно защищать то, что создаем. Однако ее значение не ограничивается сегодняшним днем. Основы того, что мы защищаем, заложены нашими отцами, а создаем мы новую жизнь для еще не родившихся поколений”².

Новая жизнь для будущих поколений. Какой ей быть и как обеспечить ее безопасность? Важнейшей задачей исследования многие историки считают поиски ответа на вопрос, каким Рузвельт видел в качестве идеального варианта будущее мироустройство и какой при этом должна была быть роль Америки и ее союзников в войне³. Взгляды исследователей чаще всего не

² Там же. С. 203.

³ См.: *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии 1941–1945. М., 2004; *Мягков М.Ю.* Проблемы послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях 1941–1945. М., 2006; *Печатнов В.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 40-х гг.: Документальные очерки. М., 2006; *Юнгблуд В.* Эра Рузвельта: дипломатия и дипломаты. Киров, 1996; *George A.* Presidential Decisionmaking in Foreign Policy. Boulder, 1980; *McCormik Th.J.* America’s Half-Century: United States Foreign Policy in the Cold War. Baltimore, 1989; *Kimball W.F.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991; *Clifford J.G.* Juggling Balls of Dynamite // Diplomatic History. Fall 1993. Vol. 17. N 4. P. 633–636.

совпадают⁴. Как правило, неопределенность, предположительность выводов подкрепляется суждением ряда фигур из ближайшего окружения Рузвельта, Адольфа Бирла, например, заявлявшего, что “если и был какой-то план (послевоенного урегулирования. – В.М.), то Рузвельт унес его с собой в могилу в 1945 г.”⁵ Между тем при всей многозначности (непоследовательности) рузвельтовской риторики, связанной более всего, как справедливо отмечал известный историк У. Кимболл, с противоречивым характером политической обстановки⁶, а также стремлением соблюсти баланс между “принципами” и гео-

⁴ Тезис о лицедействе, притворстве или склонности президента доверяться интуиции сильнее всего обнаруживает себя в работах Ёрджина и Харбата (см.: *Yergin D. Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State.* Boston, 1977; *Harbutt F.J. The Iron Curtain: Churchill, America and the Origins of the Cold War.* N.Y., 1986). Об обычаи Рузвельта – вести игру краплеными картами или держа их прижатыми к животу в порыве безудержного критицизма пишет историк П. Мейни (см.: *Maney P.J. FDR. The Illusive Standard // Prologue.* Spring. 1994. Vol. 26. № 1. P. 33–47). А известный знаток истории Второй мировой войны Марк Столер полагает, что своей скрытностью Рузвельт раз и навсегда обрек историков на недоумение и разногласия во взглядах на его, по мнению многих, “двуличную” внешнюю политику (*Stoler M.A. World War II Diplomacy in Historical Writing: Prelude to Cold War // Ed. by J.S. Walker, G.K. Hoines. American Foreign Relations: A Historiographical Appraisal.* Westport (Ct.), 1981. P. 201). Возникает вопрос, можно ли было рассчитывать на осуществление тех или иных нетрадиционных решений во внешней политике, откровенничая с прессой или дипломатами в условиях часто враждебного непонимания мотивов тех или иных важных шагов президента, его далеко идущих замыслов. Война со всей ее противоречивой сущностью неожиданными поворотами, сменой настроений вынуждала Рузвельта, как об этом свидетельствовал Эллиот Рузвельт, попеременно становиться то на сторону одного союзника, то другого, не только сохраняя таким путем расположение обоих, но и единство в понимании главной цели в войне (*Рузвельт Э. Его глазами.* Пер. с англ. М., 2003. С. 140).

⁵ *Navigating the Rapids, 1918–1971: From the Papers of Adolf Berle, Jr. B. Berle and J. Travis.* N.Y., 1973. P. 585. “Дипломатия от кризиса к кризису” – такой виделась внешняя политика Рузвельта тем, кто не очень вникал в сложный контекст исповедуемой им политической философии.

⁶ *Kimball W.F. The Juggler.* P. 87. Особая тема – владение Рузвельтом-дипломатом искусством “обводки”, не чураясь быть уступчивым, что многим казалось недопустимым и даже опасным (см. об этом: *Ibid.* P. 7–19; *Harper J.L. American Vision of Europe.* Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. Cambridge, 1997. P. 87–88). Рузвельт прекрасно знал, как дорого обошлась американской дипломатии раздражительность, вспыльчивость и надменное упрямство В. Вильсона в общении с союзниками в Версале, названное европейской прессой “дипломатией Дикого Запада”. Герберт Фейс в связи с этим, как нам кажется, делает верное замечание, говоря о предрасположенности Рузвельта к тому, чтобы раздавать авансы партнерам, дабы сохранить доверительность контактов в рамках “Большой тройки” (*Фейс Г. Черчилль, Рузвельт, Сталин: Война, которую они вели, и мир, которого они добились.* Пер. с англ. М., 2003. С. 68). История Второго фронта может служить тому примером.

политическими интересами, Американской мечтой в вильсоновской трактовке и военным братством, Рузвельт, вне всяких сомнений, твердо придерживался ряда краеугольных базовых установок. Они не подлежали изменению. Здесь, возможно, уместно сравнение с дорожной картой, которая определяет не только основное направление, но и обходные пути. Таким образом, даже если почему-либо придется отклониться от главного маршрута, пункт назначения остается прежним.

Из лидеров “Большой тройки”, пожалуй, только Рузвельт мог позволить себе мечтать о будущем мироустройства после первых месяцев с начала войны. Положение Лондона и Москвы к этому не располагало. Когда Черчилля, приехавшего для встречи с Рузвельтом в Вашингтон в декабре 1941 г., журналисты спросили, верит ли он в победу и стала ли тема послевоенных проблем предметом их рассмотрения, премьер-министр Англии ответил, что он получил заряд бодрости от победы Красной Армии под Москвой и факта окончательного оформления англо-американского сотрудничества. И продолжал, коснувшись вопроса о будущем мироустройства: “...сейчас нет ни возможности, ни времени входить в курс этого очень и очень сложного, запутанного и из всех дел менее всего привлекательного”⁷.

Избавленный, в отличие от других создателей антигитлеровской коалиции, от непосредственных угроз в отношении безопасности и территориальной целостности своей страны, Рузвельт различал три главные задачи, причем две из них были первоочередными: одержать победу над странами “оси” в войне, исход которой долго нельзя было считать предрешенным, и создать новое мироустройство, надежно гарантированное на достаточно длительный срок от военных потрясений, наподобие пережитых человечеством в первой половине XX в. И тому, и другому сопутствовало стремление (третья задача) к утверждению в качестве мировых стандартов национальных американских ценностей (американизма в том понимании, в котором он выражался в философии столпов “прогрессивной эры”), воплощенных в завоевавших всеобщее признание реформах “нового курса” и подкрепленных притязаниями на геостратегическое первенство США в послевоенном мире. Термин “экстернализация”, применяемый к удачному в целом опыту социально-экономических преобразований 30-х годов, вернувших Америке лидерство среди западной демократии, наилучшим образом передает понимание ньюдиллерами

⁷ *Meacham J. Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship.* N.Y., 2003. P. 143, 144.

целей США в войне⁸, их совмещения с генеральным вектором в прогрессивном развитии цивилизации.

Находившийся в более благоприятных условиях, нежели его партнеры по коалиции, и не испытывая каждодневного стресса от гнетущих военных сводок первых месяцев войны, Рузвельт использовал весь свой опыт и опыт своих предшественников (в том числе негативный) для поиска решений неординарной ситуации, сложившейся в результате гигантского выброса разрушительной энергии, спровоцированной гегемонистскими амбициями Германии и Японии⁹. Одновременно и в неразрывной связи с этим вставал вопрос, как обеспечить согласие внутри “семейного круга”, спонтанно родившегося квартета (США, СССР, Великобритания и Китай) с его такими друг на друга непохожими “исполнителями”, имеющими одну общую цель – устранение угрозы международного фашизма – и неподдающимися подсчету различиями во всем остальном. Не менее важной представлялась другая цель: сохранение потенциала “пожарной команды” мирового сообщества, могущей выехать по первому вызову.

В виде комбинации политического реализма и мечты о безопасном, упорядоченном, управляемом мире Рузвельт мысленно рисовал контуры новой конфигурации мировых сил после победы. “Эскиз” этой новой системы контроля и подавления захватнических инстинктов стран-агрессоров Рузвельт обрисовал уже в августе 1941 г. на встрече с У. Черчиллем в Арджентии. Там он говорил о будущем мире, свободном от страха вновь оказаться в пучине глобального конфликта, о разоружении под эгидой надежной системы всеобщей безопасности и о переходном периоде, когда будут решаться неотложные вопросы принуждения к цивилизованному образу жизни стран – виновников войны и отрабатываться модели сотрудничества великих держав.

Беспомощность лишенной поддержки Америки Лиги Наций настраивала Рузвельта на решительное преодоление не оправдавших себя, но все еще живучих в американском обществе идей изоляционизма, с типичной для многих его видных представителей позицией “над схваткой” и нежеланием брать на себя ответственность за поддержание мира, не уклоняясь от использования, если потребуется, самых крайних мер. Уже 27 мая 1941 г., объясняя согражданам причины объявления в стране чрезвычайного поло-

⁸ См.: *Kimball W.F.* The Juggler. P. 3, 201, 202; см. также: *Blum J.M.* From the Morgenthau Diaries. In: 3 vol. Boston, 1959–1967. Vol. III. P. 228–278; *Kimball W.F.* Swords or Ploughshares? The Morgenthau Plan for Defeated Nazi Germany. Philadelphia, 1976.

⁹ См.: *Range W.* Franklin D. Roosevelt's World Order. Athens, 1959; *Snell J.L.* Illusion and Necessity: The Diplomacy of Global War, 1939–1945. Boston, 1963.

жения (перерастание “конфликта европейского значения” в войну “за мировое господство”), Рузвельт говорил: “...мы не согласимся на такой мир, где, как это было после Первой мировой войны, в двадцатые годы, могли бы снова взойти семена гитлеризма”¹⁰. С точки зрения международного права и общепринятых норм дипломатического этикета данное заявление было равносильно перчатке, брошенной в лицо противнику. Рузвельт задолго до того, как США и Германия стали воюющими друг с другом странами открыто обещал раз и навсегда покончить с германским реваншизмом. Образ гремучей змеи, изготовившейся для броска и смертельно опасной пока она не убита, использованный Рузвельтом для обозначения исходящей от Германии угрозы человечеству, имел глубоко символическое значение¹¹. В понимании президента бдительность в отношении этой угрозы следовало сохранять постоянно, что не исключало применения превентивных мер. Дальше этот лейтмотив развивался президентом с завидной настойчивостью. После 7 декабря 1941 г. он обрел в каком то роде характер сверхзадачи.

Не только победить в войне, но и выиграть мир – в этом ключе строил свои размышления Рузвельт, планируя и осуществляя целую серию шагов, предвещающих принятие основополагающих документов и союзнических соглашений о создании гарантированной (на десятилетия вперед) системы международной безопасности. “Победа в войне только тогда имеет смысл, если она долговечна”, – говорил он¹². Нет ничего удивительного в том, что германский вопрос всегда оказывался в центре размышлений президента о Европе будущего. Главная же посылка состояла в том, чтобы не повторить плачевого опыта межвоенных десятилетий. История, по словам Рузвельта, оставила в наследство антигитлеровской коалиции две школы мышления, воплощенные в позиции тех, кто придерживался “альтруистических взглядов в отношении Германии”, и тех, кто настаивал на более “жесткой линии”. Ему, Рузвельту, была ближе последняя, напоминавшая подход Теодора Рузвельта – Жоржа Клемансо, отдававшая предпочтение языку диктата и мерам профилактики заболевания национальным безумием, породившим демонов гитлеризма¹³.

Рузвельт подступался к решению вопросов послевоенного урегулирования со многими предосторожностями, учитывая пре-

¹⁰ Рузвельт Ф.Д. Беседы у камина. С. 230.

¹¹ Там же. С. 239.

¹² Там же. С. 301.

¹³ FDR: His Personal Letters. In: 4 vol. / Ed. by E. Roosevelt. N.Y., 1947–1950. Vol. 2: (1928–1945). P. 1535.

жде всего сложную внутреннюю обстановку военного времени в самих Соединенных Штатах, но уже весной 1941 г. в ходе ряда встреч с людьми, с мнением которых он считался (Дж.М. Кейнс, английский посол лорд Галифакс и др.), он высказал свое видение будущего, касаясь и ряда деликатных политических и территориальных аспектов. С целью придания этим “мозговым атакам” более системный и осмысленный характер и были образованы ранней весной 1942 г. в госдепартаменте Отдел специальных исследований во главе с Лео Пазвольским и Комитет при президенте США по вопросам послевоенной внешней политики во главе с Корделлом Хэллом и Норманом Дэвисом¹⁴. В состав пяти подкомиссий Комитета Хэлла входили правительственные чиновники, видные представители внешнеполитического истеблишмента, ученые. Неясно, знакомился ли Рузвельт систематически с результатами работы этих исследовательских групп, но то, что они послужили исходным “сырьем” для его собственных сценариев – в этом сомнений быть не может. Что характерно для Рузвельта-дипломата, – раньше, чем кто-либо из его партнеров, он поставил вопрос (в практическом плане) о создании целостной и всеобъемлющей системы международного сотрудничества после войны. Джон Гэддис делает следующее замечание: Рузвельт не мыслил победу над нацизмом вне коалиции, но союзники, в его представлении, “по крайней мере в Европе, должны были взять на себя выполнение главной задачи – вести военные действия”¹⁵.

В беседах, которые Рузвельт вел с глазу на глаз с доверенными лицами и близкими ему людьми, было не принято обсуждать важные замыслы президента, а тем более передавать их на “суд” журналистского клана. Вообще для начального периода войны тема будущего мирового порядка звучала как дискуссионное вступление к серьезным переговорам. Монологи президента плавно обходили острые углы, оставляя не затронутыми существенные детали вопроса. Даже ближайшие коллеги Рузвельта по планированию будущего мира – Норман Дэвис и Самнер Уэллес не были посвящены в успехи и неудачи личной дипломатии Рузвельта. Для многих критиков Рузвельта данное обстоятельство послужило поводом для упреков президента в дилетантизме, в незнании “существа” дела, в зауженном кругозоре, не простительном для президента США и забвении принципа открытости во

¹⁴ *Notter H.* Postwar Foreign Policy Preparation, 1939–1945. Wash., 1950; *Divine R.* Roosevelt and World War II. Baltimore, 1967; *Paterson Th.G.* On Every Front: The Making of the Cold War. N.Y., 1979.

¹⁵ *Gaddis J.L.* Surprise, Security and the American Experience. Cambridge (Mass.), 2004. P. 50.

внешней политике. Но трудно было себе представить хозяина Белого дома, рассуждающего, скажем, о структуре будущей международной организации безопасности без твердой уверенности, какие страны в конечном счете могли оказаться в числе ее учредителей согласно их вклада в победу реального соотношения сил. Под большим сомнением оставались кандидатуры Китая и в особенности Франции. Нужно помнить также, что еще в конце апреля 1942 г. Рузвельт писал Черчиллю, что он опасается “политических последствий в России” по причине недополучения ею военной помощи со стороны союзников¹⁶. Однако с каждым разом, все более основательно аргументируя свои соображения, Рузвельт вновь и вновь возвращался к генеральной идее нового мироустройства после войны, включая вопросы безопасности в Европе и Азии, коллективной обороны против агрессора, деколонизации, территориального урегулирования и т.д. Россия в этой особой, неразглашаемой повестке дня занимала верхнюю строку.

Заручившись принципиальным согласием Черчилля, не расположенного, как правило, к международным обязательствам по перспективным проектам, Рузвельт принялся за “обработку” другого трудного партнера по коалиции – Советского Союза. Используя момент внезапности (излюбленный тактический ход президента во многих его начинаниях), Рузвельт поставил вопрос о создании эффективной послевоенной системы безопасности уже в первый же день прибытия в Вашингтон с визитом наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова (29 мая 1942 г.), предварив этой темой (что следует отметить особо) беседу о втором фронте и соглашении о взаимной помощи¹⁷. Констатируя совпадение конечной цели союзников – разгром агрессоров и дарование народам прочного мира, Рузвельт вновь заговорил о горьких уроках Версаля и его детища – “неработоспособной” Лиги Наций, “проговорившей” разоружение, а вместе с ним реальные возможности пресечь замыслы захватов и военных авантур¹⁸. В советской записи беседы Рузвельта с Молотовым 29 мая 1942 г. (в присутствии Г. Гопкина и двух переводчиков) сказано, что президент обрисовал в общих

¹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Пер. с англ. М., 1991. Кн. 2, т. 4. С. 418.

¹⁷ Подробнее о визите В.М. Молотова в Вашингтон 29 мая – 5 июня 1942 г. см.: Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. С. 156–238; Мальков В.Л. Второй фронт в 1942 г.? (Молотов: “...я первый не верил, что они его могут сделать”) // Россия и современный мир. 2003. № 3(40). С. 98–111.

¹⁸ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы: В 2 т. М., 1984. Т. 1. 1941–1943. С. 175–178; FRUS, 1942. Wash., 1961. Vol. 3. P. 568, 569, 573, 580, 581.

чертах систему профилактики военных катастроф: “он думает, что, для того чтобы воспрепятствовать возникновению войны в течение ближайших 25–30 лет, необходимо создать международную полицейскую силу из трех-четырёх держав”. Не ожидавший, по-видимому, такого поворота событий Молотов, приехавший говорить о текущих делах, втором фронте и экстренной военной помощи, услышал далее совсем уж невероятные вещи. Рузвельт говорил, что полицейская сила должны быть образована в составе США, Англии, СССР и Китая, причем “после нынешней войны” победители – “четыре полицейских” – должны сохранить свое вооружение, а страны агрессии и соучастники агрессоров, напротив, должны быть разоружены и поставлены под наблюдение нейтральных инспекторов, которые бы наблюдали за тем, чтобы разоруженные страны не стали бы вновь секретно создавать армию агрессии (“как это делала Германия в течение 10 лет”).

Вслед за тем Рузвельт (впервые в общении с партнером по коалиции) обратился к “подводным камням” своего проекта, точнее, ко всем “за” и “против”, которые следовало принять во внимание, говоря в первую очередь о механизме осуществления идеи “мира по принуждению”, органично включенном в предложенную им формулу “четырёх полицейских”. Сначала он сделал ряд оговорок относительно достижения единодушия в коллективных действиях, направленных на создание эффективной системы поддержания мира. В его понимании Великобритания по традиции могла поначалу оказывать сопротивление созданию соответствующего механизма, участие Китая также ставилось под вопрос, в зависимость “от дальнейших событий”. Что касается Франции, то она вообще не могла претендовать на участие в соглашении о формировании полицейской силы вплоть до особого решения США, Англии и СССР. По мысли Рузвельта, число участников “службы безопасности” должно было быть ограничено необходимым минимумом ради оперативного решения всех вопросов в переходный, неулаженный период к более или менее устойчивому миру. Он должен был занять 10–20 лет¹⁹. Чтение записи второй беседы Рузвельта с Молотовым 29 мая 1942 г., помимо всего прочего, оставляет впечатление, что, выдвигая формулу “четырёх полицейских”, Рузвельт предлагал Москве видеть в Соединенных Штатах надежного союзника не только в войне, но и в мирное время. Этим Рузвельт как бы обещал, что безопасность СССР может быть гарантирована без постановки территориальных вопросов, в которой советское правительство было крайне заинтересо-

¹⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. С. 178.

вано²⁰. А несколько нарочито повторяемые в адрес Англии и персонально Черчилля упреки и сомнения, как можно предположить, должны были, во-первых, внушить Молотову мысль о сложности решения главных вопросов – западные границы СССР и проблемы второго фронта, а во-вторых, не дать Сталину заподозрить, что США и Англия способны путем сговора вести у него за спиной особую “двухпартийную” внешнюю и военную политику²¹. Играя на сглаженных войной антипатиях советского вождя и английского премьера, Рузвельт демонстрацией неподдельного расположения к Москве стремился нейтрализовать возможные негативные последствия трений между двумя партнерами по коалиции²².

Понимая, что у формулы “четыре полицейских” (метафоры, которая пришла ему в голову без чьей бы то ни было подсказки) есть немало сомнительных сторон (одна из них – умаление идеи всемирной организации безопасности, улучшенного аналога Лиги Наций, другая – отступление от принципа равенства суверенных государств, изложенного в Атлантической хартии), Рузвельт искал моральной поддержки у бывших сподвижников Вильсона, либералов-антиизоляционистов, поскольку легко было предположить, что оппозиция обнаружит сходство между “четырьмя полицейскими” и целями, которые ставили перед собой державы “оси”, готовые нарезать и поделить между собой мир.

Моральная сторона вопроса и сегодня может создать неловкость при объяснении использованной Рузвельтом не вполне дипломатической лексики. Можно понять в связи с этим тонкого знатока рузвельтовской дипломатии американского историка Уоррена Кимболла, когда он, рассуждая о послевоенных планах президента, оправдывает его резкость и отмечает, что ради благих целей Рузвельт готов был прибегнуть к мерам силового принуждения. “Попробую, – разъясняет

²⁰ Г. Фейс прямо указывал на многоцелевой замысел Рузвельта (*Фейс Г. Указ соч. С. 68*).

²¹ См.: *Dallek R. Franklin Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945*. N.Y., 1979. P. 342. Мотив американского посредничества достаточно полно отражен в книге: *Рузвельт Э. Его глазами. С. 158–160*.

²² Показательно, что в начале 1942 г., в преддверии сложных переговоров с Молотовым, Рузвельт в шифрограмме писал Черчиллю: “Я знаю, что Вы не будете на меня в обиде за то, что я скажу Вам со всей прямотой: я думаю, что лично смогу управиться со Сталиным лучше, чем Ваш Форин оффис или мой государственный департамент. Сталин ненавидит внутреннее содержание всех ваших высокопоставленных деятелей (включая Вас). Он думает, что относится ко мне лучше, и я надеюсь, что так оно и будет в дальнейшем”. *Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence*. In: 3 vol. / Ed. by W.F. Kimball. Princeton, 1984. Vol. 1. P. 421).

он, – сказать то же самое другими словами: его концепция четырех полицейских для послевоенного мира была планом мирного сосуществования, хотя предполагалось, что стражи порядка должны быть хорошо вооружены. Конечной целью оставалось движение к гомогенному миру даже при том, что достигнуть этой цели до конца всем равно бы не удалось”²³. Приведенное пояснение позволяет легче увидеть различие между формулой Вудро Вильсона – “сделать мир безопаснее для демократии” и рузвельтовским “укороченным” девизом – “сберечь мир от войн”.

Однако контуры новой системы безопасности к весне 1942 г. только-только вырисовывались в головах тех, кто был способен задуматься над этим. Что-то следовало представить на суд общественного мнения, не связывая себя протокольными записями²⁴, объяснить самому себе или вызвать поток встречных свежих идей в военных кругах из среды сторонников “атлантизма” и новой геополитической доктрины, вытеснявшей классический изоляционизм и дремучий антисоветизм. Так, например, возникло устойчивое представление (поддержанное в госдепартаменте и военном ведомстве) о неизбежном и постоянном военном присутствии США на всех континентах²⁵. Много других идей “проговаривалось” Рузвельтом в ходе рабочих встреч с его советниками и помощниками, некоторые из которых, порой не вполне отдавали себе отчет, какую цель преследует президент, пускаясь в “необдуманные” разговоры о послевоенном мире, и особо о роли СССР в “семейном кругу” и т.д. Лучшее всего ход мыслей президента улавливал старый дипломат вильсоновской школы Норман Дэвис, повлиявший в свое время на формирование русской политики Рузвельта накануне выборов 1932 г. Он решительно поддержал предположение президента преодолеть сопротивление антирусской партии с учетом тех силовых позиций, которые приобретает неизбежно СССР после войны²⁶. Штудирова материалы комиссии Хэлла (комитет Ноттера), историки отдают должное вовлечению в дискуссию блестящих интеллектуалов, предложивших множество идей, рецептов и сценариев.

²³ *Kimball W.F. The Juggler. P. 186.*

²⁴ По заведенному обычаю Рузвельт не разрешал посетителям Овального кабинета делать заметки по ходу беседы, лишая тем самым будущих историков возможности докопаться до многих существенных мотивов и источников тех или иных начинаний, рождавшихся в его голове, тактических или геополитических замыслов (см.: *Ibid. P. 203*).

²⁵ См.: *Sherry M. Preparing for the Next War. Westport (Mass.), 1977. P. 42–47.*

Рузвельт: “Вам ничего не удастся достигнуть, идя по этому пути”

Но не все было замечено историками. Многие из них полагают, что для Рузвельта характерным было откладывать главные решения о послевоенном устройстве “в долгий ящик”, на пору мирной конференции. Принято даже писать о его недалекновидной “политике без политики”²⁷, и, может быть, благодаря именно этой “расплывчатости” рузвельтовского поведения что-то до сих пор осталось не востребуемым, не разысканным и не вошло в анналы дипломатической истории Второй мировой войны. К числу таких документальных источников принадлежит и запись беседы известного в свое время журналиста и дипломата Артура Свитцера с Рузвельтом 29 мая 1942 г., т.е. в тот самый день, когда состоялась историческая (она вполне достойна этого определения) встреча и беседа президента с В.М. Молотовым. Но сначала нужно сказать о человеке, который оказался в кабинете президента США утром необычайно насыщенного событиями, расписанного (и изученного) буквально по минутам дня.

Журналист по имени Артур Свитцер уже в годы Первой мировой войны обрел известность как знающий эксперт в вопросах мировой политики. Его привлекали к работе в Исследовательской группе, готовившей к Парижской конференции материалы для президента Вильсона. После войны Свитцер долгое время работал в аппарате Лиги Наций в качестве директора ее информационной службы. Рузвельт и Свитцер переписывались, а весной 1938 г. Свитцер взял у Рузвельта интервью, в ходе которого президент критически отозвался о политике “умиротворения” международ-

²⁶ Де Робертис А.Дж.М. Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. СПб., 2003. С. 18, 19.

²⁷ У. Кимболл подметил, что с момента появления первых после Второй мировой войны “классических” работ Лангера и Глиссона по внешней политике Рузвельта тезис о неясности, невыраженности и даже нелогичности его дипломатии обрел характер устойчивой традиции (Kimball W.F. The Juggler. P. 13, 14). Между тем справедливее было бы задаться вопросом, как Рузвельту во всех без исключения кризисных ситуациях в межсоюзнических отношениях удалось, взаимодействуя с такими историческими антагонистами, какими оставались Сталин и Черчилль, испытывая к тому же озабоченность по поводу домашних дел, добиваться консенсуса в отношении согласованной военной стратегии и неотложных задач создания гарантий для предотвращения нового реванша со стороны стран-агрессоров. Главной предпосылкой к тому он считал сохранение добрых отношений с Советским Союзом на длительный срок, включая в первую очередь переходный период от войны к миру. “К этому он стремился до последнего вздоха”, – писал в своей книге, изданной в 1957 г., известный историк и дипломат Герберт Фейс (Фейс Г. Указ соч. С. 533).

ного фашизма и коснулся в связи с этим темы реорганизации Лиги Наций²⁸. В годы Второй мировой войны Свитцер вновь подключился к разработке планов послевоенного мироустройства и тем самым в очередной раз обратил на себя внимание Рузвельта, стремившегося избегать общения с чиновниками государственного департамента, когда темой обсуждения становились межсоюзнические отношения в контексте советско-американского сотрудничества²⁹. В 1942 г. А. Свитцер занимал пост заместителя директора Бюро военной информации – учреждения высокой концентрации интеллектуальных сил, пользующего неограниченным доверием президента и выполнявшего функции координатора правительственной пропаганды в США и за их пределами.

25 мая 1942 г. совершенно неожиданно для себя Свитцер получил короткое послание из Белого дома, лично от Рузвельта приглашавшего его “поговорить о будущем”, т.е. обсудить вопросы, вытекающие из дискуссии о послевоенном устройстве. Как уже говорилось, президент, располагал в своем ближайшем окружении плеядой опытных политиков-профессионалов³⁰. Данное обстоятельство заставило Свитцера воспринимать факт получения послания президента в качестве простого напоминания о дружеских беседах о проблемах мировой политики в недалеком мирном прошлом, ни к чему, впрочем, не обязывающее ни того, ни другого, и маловажное в буднях Белого дома военного времени. Он ошибался. Рузвельт связывал с этой встречей две важные в тот момент для него стратегические задачи. Во-первых, ему хотелось уяснить некоторые принципиальные стороны рождающегося в его голове проекта, включая вопрос о санкциях в отношении возможного нарушителя мира. Во-вторых, он рассчитывал пробудить интерес общественного мнения посредством неформальных обсуждений весьма болезненной для американцев темы – брать или не брать на себя реанимацию идеи “мирового правительства” с учетом прошлого негативного опыта и новых обстоятельств.

Провал вильсоновской кампании “за Лигу Наций” в 1919, 1920 гг. убедил Рузвельта, что без “подогрева” общественного мнения, без правильно организованной “осады” и сокрушения

²⁸ Library of Congress. Arthur Sweetser Papers. Box 34. “Interview with President Roosevelt, April 4, 1938”. (Далее: LC).

²⁹ См.: Mayo M. American Wartime Planning for Occupied Japan: The Role of the Experts // *Americans as Proconsuls: United States Military Government in Germany and Japan, 1944–1952* / Ed. by R. Wolfe. Carbondale, 1984. P. 9.

³⁰ LC. Arthur Sweetser Papers. Box 34: *Franklin D. Roosevelt to Arthur Sweetser*. May 25, 1942.

опорных пунктов изоляционизма из замысла – дать человечеству большую передышку от военных катастроф масштаба 1914–1918 гг. и той, которая вновь обрушилась на него 1 сентября 1939 г., – ничего хорошего не получится. Совершенно новый элемент обстановки, не имевший аналога в истории, – тесный военный союз с большевистской Россией только увеличил риск оказаться в меньшинстве в попытке перестроить мир на базе военного потенциала “Большой тройки” с присоединением к ней (скорее формальным) либо Китая, либо Франции, а может быть, вместе взятых. Таким образом, правильно организованная кампания пропаганды целей участия в войне становилась одновременно и важнейшей частью внутривойсковой стратегии, условием сохранения коалиции “нового курса”, имеющей за собой большинство электората, но неоднородной по составу и восприятию мировой политики³¹.

Встреча Рузвельта со Свитцером состоялась в 11 часов утра 29 мая, т.е. в день прилета в Вашингтон народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова. Журналист не мог знать, что президент проговаривал с ним идеи своей будущей беседы с визитером из Москвы. Советский самолет ТБ-7 с делегацией из Москвы на борту приземлился в Вашингтоне во второй половине дня, и чуть позже, ближе к вечеру, состоялись беседы Рузвельта с Молотовым. Свитцер же, пробыв в кабинете Рузвельта около часа, изложил свою беседу с президентом на бумаге по памяти, находясь уже вне стен Белого дома. Ее машинописный текст воспроизводится нами ниже полностью в том виде, в каком он с рукописной правкой автора хранится в бумагах Свитцера в Библиотеке Конгресса. При переводе сохранена структура и стилистика текста, явно не предназначенного для публикации, но хранящего печать атмосферы доверительности и взаимопонимания, в которой проходила беседа³².

“29 мая 1942 г.

Я не верил в возможность встречи с президентом Рузвельтом, несмотря на очень дружественную концовку его письма от 25 мая: “Я надеюсь, что как-нибудь Вы побываете в Белом доме, поскольку я хотел бы поговорить с Вами о будущем”.

Однако этим утром мне по-домашнему телефону позвонили из Белого дома и попросили немедленно прибыть в резиденцию президента, чтобы встретиться с ним в 11:30.

³¹ Об этом подробнее см.: *Мальков В.Л.* Проблема выбора: Рузвельт и советско-американские отношения в 1943–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1987. № 1. С. 19–38.

³² LC. Arthur Sweetser Papers. Box 34. Notes. May 29, 1942.

Я ждал приглашения войти, когда Марвин Макинтайр, секретарь президента, вышел ко мне с тем, чтобы поприветствовать и сказать, что сам он был бы рад отдельно побеседовать со мной по вопросам будущего развития в целом. Он сказал при этом, что некоторые наши друзья, как, например, Карл Эйхельбергер³³, очень искренно преданный идее четкого определения целей в войне, излишне торопятся сделать это. Он полагает, что нам не следует в настоящее время вдаваться в детали или же забегать вперед. Он сказал, что прилагает усилия к тому, чтобы устроить встречу президента с шестью-семью журналистами и попытаться наладить общую работу. Мы предварительно договорились встретиться на следующей неделе с тем, чтобы вместе позавтракать.

Когда я переступил порог президентского кабинета, Рузвельт встретил меня исключительно дружески и сердечно, широко улыбаясь, крепко пожал мою руку. Совершенно очевидно то, что, приглашая меня посетить Белый дом, президент знал, о чем хотел поговорить, ибо, поприветствовав меня, он снова откинулся в кресле, подпер двумя пальцами щеку и начал говорить, словно думал вслух. Почти все время он смотрел прямо перед собой, через стол в направлении большой карты мира, которая висела на противоположной от него стене кабинета. Только в отдельные моменты он поворачивался ко мне или прерывал свою речь, чтобы закурить сигарету, однажды он попросил меня выйти на несколько минут, на то время, пока он говорил по междугороднему телефону.

Изложенные здесь заметки были сделаны мною сразу же после нашей с президентом встречи. При этом я стремился восстановить по возможности полностью существо и дух того, что было им сказано за двадцать минут предельно сжатого, протекавшего почти в телеграфном стиле разговора.

– Я хотел бы переговорить с Вами о будущем. В чем-то Вы могли бы помочь, не прямо сейчас, а позже, а что-то должно отложиться у Вас в голове, дав пищу для размышлений.

– Недавно Черчилль и я встретились на побережье Атлантики. Я изложил семь или восемь пунктов, и он сделал то же, все эти пункты, вне всякого сомнения, были очень хороши.

– Но, я спросил Черчилля, как Вы думаете сделать их работающей программой? Может быть, с помощью организации вроде подремонтированной и обновленной Лиги Наций? И Черчилль ответил: да, я полагаю, мы должны придумать что-нибудь в этом духе.

– Но я сказал: нет, этого не следует делать, ибо этого будет недостаточно. Вы не сдвинетесь с места, поступая таким образом. Вы вновь получите собрание представителей многих стран, бесконечную говорильню, бумажные резолюции и бессилие что-либо достигнуть в реальной жизни. Вы не решите ни одной из проблем таким путем. Я агитировал за Лигу Наций в 1920 г. по всей стране во время избирательной кампании и не хотел бы, чтобы этот конфликт вновь во всю разгорелся. В прежнем виде Вы никогда не сможете провести эту идею через сенат Конгресса США.

– Черчилль повернулся ко мне и, поскольку я отверг его предложение, спросил то, что имел все основания спросить меня: “а что Вы предлагаете?”

– Я ответил: самой большой мировой проблемой является проблема вооружений и агрессии. Вы должны снять ее до того, как Вы возьметесь за что-либо

³³ Карл Эйхельбергер – американский общественный деятель, противник изоляционизма и один из руководителей Американской ассоциации содействия Лиги Наций. Активно выступал за определение целей в войне со странами “оси”.

еще. А для того чтобы добиться этого, Вы должны сконцентрировать такую силу в ваших руках, которая бы остановила любого агрессора.

— О, сказал Черчилль, Вы имеете в виду сосредоточение такой силы в руках у англо-американцев?

— Я снова ответил отрицательно. Нет, далеко не так. Вам ничего не удастся достигнуть, идя по этому пути. Вы должны объединить усилия англичан, американцев, китайцев и русских. Даже если Вы не любите русских, Вам все равно придется иметь дело с ними. Это слишком большая и сильная страна, чтобы так просто согласиться на разоружение, и Вам будет лучше следовать старой, оправдавшей себя политической теории: если вы не сможете заставить кого-либо подчиниться вам силой, сделайте его вашим союзником. Вот тогда вы обретете колоссальную силу.

— Дальше, вы должны разоружить, полностью разоружить все остальные страны. Изъятию подлежат все до единого пушки, самолеты, танки, корабли и все производственные мощности, производящие пушки, самолеты, танки и корабли. Вы должны изъять абсолютно все у Германии и Италии и все без остатка у Японии. Но вам следует добавить к этому перечню и все остальные страны. Вы должны будете разоружить Францию, если вы разоружили Германию. Также следует поступить с Голландией, Бельгией и Скандинавией (так в тексте. — *В.М.*), несмотря на то что Скандинавия никогда не обладала серьезным вооружением. Вот тогда никто не сможет угрожать миру на земле.

— Но как Вы заставите разоружаться, спросил Черчилль. Опираясь на страны, которым принадлежит доминирующая роль на мировой арене?

— Нет, совсем не так. Вот, что следует сделать. Создается система контроля и инспекций из состава нейтральных стран. Я бы назвал Норвегию, Швецию и Швейцарию в первую очередь. Затем, может быть, Бразилию, Аргентину, три или четыре крупные латиноамериканские страны. Они должны иметь опорные пункты во многих частях света, многочисленный штат сотрудников, что даст возможность осуществлять эффективный контроль и инспекцию. Если они обнаружат какие-либо нарушения, их обязанность информировать об этом четырех полицейских.

— Получив такой сигнал, полицейские могут сказать странам-нарушителям (здесь я возвращаюсь к моей старой идее карантина) следующее: мы готовы оборубить все ваши торговые и коммерческие связи с любой частью света. И прежде всего, если, например, такой страной окажется Германия, мы могли бы сказать ей: мы видим, что вы делаете то-то и то-то. Если вы немедленно не остановитесь, мы предпримем бомбардировку Франкфурта в понедельник, Кёльна во вторник, Берлина в среду, т.е. мы будем делать это, пока вы следуете вашим курсом. И если мы будем действовать таким образом, никто не рискнет нарушить режим. Ведь странам-нарушителям нечем будет защищаться от санкций.

— Все это будет означать огромное сокращение вооружений повсюду. Только четыре полицейских будут вооружены, но они сократят свои вооруженные силы. Они же сохраняют и промышленный потенциал для производства оружия. Конечно, это потребует определенных затрат. Возникает вопрос о возможности возложения части этого финансового бремени на те страны, которые благодаря режиму контроля окажутся под защитой и смогут жить в условиях безопасности. (В этом месте президент вопросительно посмотрел на меня, я тут же сказал, что согласен с ним полностью и что затраты на международные полицейские силы должны быть равномерно распределены между всеми членами мирового сообщества.)

— Если вам удастся создать такую систему, мир будет сохранен в течение по крайней мере 25 лет. Трагедия Вильсона состояла в том, что он пытался обеспечить мир навсегда. Никто не может рассчитывать на это. Никому не дано загля-

дывать так далеко вперед. Вы не можете знать – я лично даже не могу себе это представить, – как мир будет выглядеть в далеком будущем. Дайте нам мир в течение 25 лет, и мы начнем совершенно новую страницу мировой истории. (И снова после того, как президент повернулся ко мне, я сказал, что согласен с ним и что обыкновенный человек сегодня хочет только одного – гарантии мирной жизни и возможности заложить предпосылки для предотвращения войн в будущем.)

– Да, это первоочередная задача, ее решение должно предшествовать всему остальному. А уже затем вы можете заняться созданием какого-то подобия Лиги Наций – я не стал бы возражать, если бы эта организация имела свою штаб-квартиру в Женеве, это прекрасное место. Она должна собираться не время от времени, а заседать почти постоянно, т.е. быть как бы постоянно действующим институтом с тем, чтобы обсуждать те вопросы, которыми занималась Лига Наций и которые очень важны. Например – здравоохранение, питание, экономика, она может обсуждать проблемы разоружения, хотя полицейская работа будет вестись вне ее стен. Я бы хотел, чтобы она, скажем, в январе собралась для обсуждения вопросов здравоохранения, в феврале – экономики, в марте (поскольку в этот момент президент промедлил, я подсказал ему тему – проблему интеллектуальной кооперации). Да, интеллектуальной кооперации и все остальное в том же духе, месяц за месяцем. Но никто не должен пытаться превратить эту организацию в полицейский орган, этим должны заниматься другие.

– Есть еще другая вещь, в связи с которой я хотел бы просить Вас подумать. В 1929–1932 гг. почти все страны оказались банкротами, и их банкротство в денежном выражении было сопоставимо с затратами на вооружения. Это исключительно важный факт, обнародуйте его как-нибудь. Наш собственный долг вырос за десять лет с 22 до 40 миллиардов, т.е. на 18 миллиардов, точно на столько, сколько мы потратили на оружие, если Вы к этому прибавите еще и пенсии за службу в армии в годы прошлых войн. Это ужасные цифры. Сократите их, и вы дадите огромный толчок процветанию всего мира. Поразмыслите над этими данными как-нибудь, они стоят того.

– У меня есть еще одна идея, которую Вы бы смогли осуществить. Вы можете сделать великое дело, пропагандируя идею принуждения к миру; возьмите ее на вооружение, организуйте поездку по стране с выступлениями на эту тему. Я не могу это сделать, Вы же в этом отношении могли бы сделать очень много (Это и в самом деле была поразительная идея, и я спросил президента, в каком качестве мог бы я вести эту кампанию – как частное лицо или как официальный представитель Управления военной информации?)

– О, было бы лучше в качестве частного лица. Подумайте, что нужно сделать, чтобы двинуть эту идею.

(М-р Макинтайр в этот момент снова вошел в кабинет, к тому времени беседа длилась уже полчаса. И здесь мне в голову пришла еще одна великолепная возможность драматизировать общую идею международного сотрудничества в день Объединенных Наций 14 июня. Я сказал, что Мексика, наш южный сосед, к тому времени объявит себя участником войны и присоединиться к Объединенным Нациям; что Вашингтон с визитом собирается посетить король Греции, глава страны, где родилась демократия, ставшая жертвой нацистской агрессии в Европе, что в Вашингтон прибывает президент Филиппин, страны, ставшей жертвой японской агрессии в Азии, страны, которой мы обещали предоставить независимость, что недавно были получены инструкции о возобновлении дипломатических отношений с Эфиопией, старейшей христианской страной в Африке, также ставшей жертвой фашистской агрессии и первой страной, освобожденной от оккупантов. Таким образом, на праздновании будут представлены четыре континента – Европа, Африка, Азия и Америка и четыре великие расы – европейцы, африканцы, малазийцы и латиноамериканцы.)

– Да, это великолепно, мы сможем сделать многое, воспользовавшись этим случаем. Что Вы скажете по этому поводу, Мак? Возьмите себе это на заметку и проработайте этот вопрос.

(Затем я выразил мою глубокую благодарность за присланную мне записку. Смеясь я сказал, что тем не менее не могу быть уверенным в том, что он вообще знает об этом факте и видел ли он собственными глазами эту самую записку. В ответ он засмеялся и сказал, что он собственноручно написал это послание. Я же еще добавил, что он сказал две вещи, которые я больше всего хотел услышать от него, а именно: что он сожалел, узнав о моем уходе со службы в Лиге Наций и что он хотел бы видеть меня в Белом доме и говорить со мной”.)

После того как состоялся этот разговор “о будущем” Ф. Рузвельта с А. Свитцером, высказанная в ходе его президентом идея “четырёх полицейских” претерпела определенные изменения. В результате внутреннего диалога с самим собой Рузвельт уточнял детали, вносил “поправки” и переставлял акценты. Принималась во внимание реакция Лондона и Москвы. Приходилось считаться также с настроенным по обыкновению отношением американского общественного мнения к полицейским функциям, которые Америка, согласно “Плану четырех”, бралась нести на своих плечах неопределенное время. Сам термин “четыре полицейских” предполагал закрепление за великими державами антигитлеровской коалиции “зон патрулирования”, на основе признания реальности нового соотношения мировых сил, хотя это могло привести к неоднозначным последствиям. Некоторые из них, напомним, приходили в противоречие и с Атлантической хартией, и с Декларацией Объединенных Наций (подписана в Вашингтоне 1 января 1942 г.), исходивших из принципа суверенности народов и стран, их равноправия и самостоятельности.

В беседе 22 февраля 1943 г. с помощником Корделла Хэлла и видным экспертом государственного департамента Лео Позвольским (ему была поручена координация подготовки послевоенных планов) Рузвельт высказался за применение формулы “четырёх полицейских” исключительно в качестве инструмента разоружения, в целом повторив (“как по бумажке”) свои соображения, озвученные в беседах с А. Свитцером и В.М. Молотовым 29 мая 1942 г. в обрамлении размышлений о функционировании будущего “всемирного парламента”, оккупационном режиме, территориальном вопросе, отношениях с Советским Союзом, дальневосточной проблеме³⁴.

³⁴ LC. Leo Posvolsky Papers. Box 8: Conference file. Basic Documents. “Meeting of February 22, 1943”. Этот важный документ, по-видимому, также остался вне поля зрения историков внешней политики Рузвельта, между тем он заслуживает отдельного рассмотрения.

Визит А. Идена в Вашингтон в марте 1943 г. дал Рузвельту еще один важный повод обсудить со вторым лицом английского военного кабинета тот же круг вопросов с выделением в качестве центрального одного – об участии “четырёх держав” в устранении кризисных ситуаций в мировых делах. Обсуждались и побочные темы: как их лидирующая (и в сущности контрольно-охранительная) роль соотносится с принципом равноправия всех остальных членов будущей организации безопасности и высказанным Черчиллем предложением децентрализовать управление международной организацией³⁵. Вслед за тем президент попытался снять внутренние противоречия предложенной им схемы с учетом высказанных Черчиллем замечаний о разделении “патрульных” функций по регионам. Он сделал это в интервью журналисту Ф. Дэвису из газеты “Saturday Evening Post” в апреле того же года³⁶. Ключевой вопрос послевоенного устройства вновь всплыл и в дискуссии Рузвельта и Сталина на Тегеранской конференции 29 ноября 1943 г.³⁷ На заседании министров иностранных дел инициативу взял на себя Г. Гопкинс (К. Хэлл не присутствовал на конференции), озвучивший идеи Рузвельта о разоружении и военных базах, способных обеспечить ООН заведомое превосходство над страной (или странами), поставившей под угрозу мир и безопасность народов³⁸.

А. Свитцер, успешно проведший порученную ему разъяснительную кампанию, убедился, что Рузвельт до конца дней своих оставался верен идее тесного сотрудничества великих держав антигитлеровской коалиции после победы. Особенно важно отметить ту внутреннюю убежденность, с которой Рузвельт поднял русскую тему в нежданном и откровенном разговоре с ним и настойчивую просьбу вести открыто пропаганду идеи советско-американского партнерства на самом трудном участке послевоенного развития – первые 10–20 лет. Какое-то время она сохраняла характер президентского поручения для многих чиновников внешнеполитического ведомства США³⁹. Собственный вклад Свитце-

³⁵ *Eden A. The Reckoning*. Boston, 1965. P. 436, 437.

³⁶ *Davis F. Roosevelt's World Blueprint // Saturday Evening Post*. 1943. Apr. 10.

³⁷ См.: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США, Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.): Сб. документов. М., 1978. С. 113–118.

³⁸ *McJimsey G. Harry Hopkins. Ally of the Poog and Defender of Democracy*. Cambridge (Mass.), 1987. P. 308; Тегеранская конференция... С. 144, 145.

³⁹ См.: *Messer R.L. Paths Not Taken: The United States Department of State and Alternatives to Containment, 1945–1946 // Diplomatic History*. Fall 1977. N 1. P. 297–319; *Mark E. Charles E. Bohlen and the Acceptable Limits of Soviet Hegemony in Eastern Europe: A Memorandum of 18 October 1945 // Ibid*. Spring 1979. N 3. P. 201–213.

ра в пропаганду именно такого подхода к строительству нового миропорядка не остался незамеченным. В 1945 г. – он президент Фонда Вудро Вильсона, а в 1946 г. занимает пост специального помощника Генерального секретаря ООН. Однако в дальнейшем карьера его не имела продолжения. Изменившаяся уже летом 1945 г. политическая атмосфера внутри страны и проведение, как сам он выразился, “прямолинейной и плоской” дипломатии в “русском вопросе”⁴⁰ способствовали распространению негативизма в отношении рузвельтовских планов поддержания мира на базе принципа единогласия лидирующей группы великих держав, наделенной широкими функциями вооруженных миротворцев⁴¹. Франклин Рузвельт, как справедливо заметил современный нам исследователь, связывал все свои надежды со способностью великих держав искать и находить взаимоприемлемые решения⁴². Возможно, добавляет он, Рузвельт “трагически переоценил” их желание действовать сообща, и все же без сближения интересов великих держав антигитлеровской коалиции он не видел будущего мирового сообщества.

⁴⁰ См.: *Dallek R.* Op. cit. P. 536; *Judis J.B.* The Folly of Empire. What George W. Bush Could Learn From Theodore Roosevelt and Woodrow Wilson. N.Y., 2004. P. 131, 132.

⁴¹ LC. Arthur Sweetser Papers. Box 42. *Arthur Sweetser to Elmer Davis.* May 28, 1945.

⁴² См.: *Judis J.B.* Op. cit. P. 124–126.

Глава VII

ЭПОХА ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ. ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ США

Джозеф Дэвис, дипломат и советник ушедшего из жизни президента Франклина Рузвельта, по возвращении из Потсдама, где он находился в составе американской делегации на встрече “Большой тройки”, 10 августа 1945 г. записал в дневнике: “В своем радиообращении к народу по поводу атомной бомбы президент (Трумэн. – *В.М.*) фактически дал знать Советам, что атомная бомба слишком опасна, чтобы позволить сделать ее доступной любой стране, и что Великобритания и Соединенные Штаты не раскроют ее секрета, пока не будут найдены средства самозащиты и т.д. и т.д. Если Советы еще нуждались в подтверждении того, что правительства США и Англии действовали заодно в вопросах их совместной обороны, исключая возможность привлечения их союзника, России, то они получили его”¹. Бывшего посла США в Советском Союзе одолевали мрачные предчувствия. Он понимал, что заявление Трумэна об отнесении СССР к числу “посторонних”, коим “вход воспрещен” в святая святых атомной энергии, не было “технической” ошибкой неискушенного политика, плохо ориентирующегося в межсоюзнической дипломатии и внявшего подсазкам злонамеренных помощников. Он хорошо знал о переполнявшем американцев чувстве неприязни к внешнему миру (после Версаля, Мюнхена и Пёрл-Харбора) пополам с возрожденной убежденностью в особой миссии Америки – оберегать человечество от появления новых варваров и сумасбродства их предводителей. Нация в целом была подготовлена к такому повороту в политике. Все предпосылки к этому были налицо.

¹ Library of Congress (далее: LC). Joseph E. Davies Papers. Chronological File. Box 19. Diary. Aug. 10, 1945. “Shadow of the Atomic Bomb”.

“Новый курс” – мировая религия

Оставшаяся позади эпоха испытаний и реформ, выход из глубочайшего кризиса в экономике, оживление науки, технологический бум, впечатляющий задел в накоплении интеллектуального “капитала” (не в последнюю очередь за счет бегства “мозгов” из Европы) вновь вернули американцам доверие к ценностям американизма, веру в себя и в страну. Рузвельт уточнил важнейшие задачи по возрождению национальной идеи: осознание народом его места в истории и продолжение “американского эксперимента” ради свободного развития человечества².

Инициатор реформ “нового курса” безошибочно умел угадывать настроения большинства. Полоса невзгод миновала, Америка возвращала себе репутацию локомотива цивилизации, хотя вопрос о том, как удержать его на рельсах, еще не был снят с повестки дня. Не всюду одинаково воспринимался образ Америки. Ее едва ли не чудесное избавление от полного коллапса и возвращение к привычному жизненному ритму казались недолговечными, а право называться гарантом либеральной демократии и западного образа жизни перед лицом новых вызовов, в том числе таких, как тоталитаризм (и левого, и правого толка), не выглядело безусловным.

На уровне нижних сословий шок от потрясений и деморализации 30-х годов до конца не прошел, и стремление к вмешательству в чьи бы то ни было дела, а тем более конфликты было минимальным. Но идеологическая, политическая, военная номенклатура, бизнес-элита, преодолевая изоляционизм, склонялись к пересмотру республиканской доктрины и поддержке вильсоновской логики переустройства. Экономическая мощь США, их моральный и культурный пример должны были подкреплять создаваемый заново военный потенциал страны. Программа экономического восстановления с 1935 г. тесно увязывалась с перевооружением³. “Образ жизни, который мы строим и храним, – говорил Рузвельт в радиообращении к стране 26 мая 1940 г., – нужен не только Америке, но и всему человечеству. На нас лежит высокий долг, мы несем благородную миссию”⁴. В свое ежегодное послание Конгрессу в январе 1941 г. Рузвельт собственноручно внес сформулированное им знаменитое добавление о “четырех важ-

² См.: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. 1789–2001 гг. / Общ. ред. и комментарий Э.А. Иваняна. М., 2001. С. 395–399; *Рузвельт Ф.Д.* Беседы у камина. М., 2003. С. 203.

³ См.: *Sherry M.S.* In the Shadow of War: The United States since the 1930s. New Haven; L., 1995. P. 15–63.

⁴ *Рузвельт Ф.Д.* Указ. соч. С. 203.

нейших свободах” (свободы слова, вероисповедания, преодоление бедности и страха), осуществления которых он, президент США, при любых обстоятельствах будет добиваться “повсюду в мире”. Абсолютно эксплицитно президент сделал акцент на универсальности и всеохватности своей программы. Сделано это было не случайно. Интернационализация социальных достижений “нового курса” стала важнейшим компонентом его великого либерального проекта. В дальнейшем в Атлантической хартии (14 августа 1941 г.) они обрели форму морально-правовых обязательств. Или по-другому, как справедливо замечает американская исследовательница Элизабет Боргвардт, значение “все расширяющегося толкования национального интереса США”⁵. О том же самом писал в своей фундаментальной работе по истории США в 1929–1945 гг. известный американский исследователь Дэвид Кеннеди: “На уровне базовых принципов, – постулировал он, касаясь тесного переплетения внутренней и внешней политики Рузвельта, – существовала бесспорная преемственность между рузвельтовской внутренней политикой в период Великой депрессии и его внешней политикой в годы Второй мировой войны”⁶.

Пресса и публицистика немедленно подняли планку рузвельтовского универсализма. Одни вспомнили Германа Мелвилла с его Америкой, несущей ковчег свободы миру. Другие – о великих идеалах В. Вильсона и его “14 пунктах” с добавлением признания особой миротворческой миссии Америки. Когда американский издатель и публицист Генри Люс в феврале 1941 г. выступил в своих многотиражных изданиях (журнал “Лайф” и др.) с призывом видеть в двадцатом столетии воплощение триумфа “Американской мечты”, было похоже, что все ждали именно этого. Возникший интеллектуальный консенсус позволил сложить конструкцию из представлений об уникально успешном обществе, свой прогресс измеряющим социально-экономическим и технологическим отрывом от всех остальных стран и умеющим за себя постоять. “Суть этого консенсусного мышления по части внутренних проблем была перенесена прямо, обдуманно, точно и ясно и на внешнюю политику, – пишет американский политолог Дональд Уайт. – В историческом самосознании оно воспринималось как знамение судьбы, распорядившейся таким образом, чтобы кульминацией прошлого стало настоящее. В общем плане этому взгляду отвечало понятие величия и исключительности. В эконо-

⁵ *Borgwardt E.* A New Deal for the World. America's Vision for Human Rights. Cambridge (Mass.), 2005. P. 35.

⁶ *Kennedy D.M.* Freedom from Fear: The American People in Depression and War, 1929–1945. N.Y., 1995. P. 470.

мике этому соответствовало представление о богатстве, достигнутом благодаря технологическому прогрессу и высочайшей эффективности производства. В области социальных дел это выразилось в идее обратимости: социальные проблемы, которые удалось решить в Америке, могут быть на тех же принципах решены и другими странами. В сфере религии это была теология всеединства, согласно которой США не могут уклоняться от вовлечения в мировые дела. Американцы переосмыслили природу своей идентичности как нации, создавшей образцовое государство”⁷.

XX век обязан покориться Америке – таков был общий лейтмотив либерального и консервативного мышления переживавшей военно-промышленный бум страны. Большая пресса незаметно для себя самой оказалась втянута в умело разогреваемую президентом Рузвельтом и закамуфлированную под борьбу за восстановление экономики регионов кампанию военной готовности. Предложенные издателем и публицистом Генри Люсом ключевые слова (своеобразный код восприятия действительности) “Американский век” отвечали господствующим в обществе представлениям о генеральном векторе современной истории. А либеральный теолог, просветитель и в прошлом христианский социалист Рейнгольд Нибур подвел философскую базу под формирующийся консенсус нации перед лицом брошенной этой самой историей вызова. В его понимании ненамеренно обретенная Америкой роль мирового лидера находила оправдание в выросшей до грандиозных размеров угрозе европейского тоталитаризма. Советский коммунизм объявлялся его опаснейшей разновидностью. Нибур обнаружил в нем не только реальное и абсолютное зло, но и следствие запаздывания Запада с обновлением гражданско-правовой инфраструктуры и социальной инженерии⁸.

⁷ *White D.W.* The American Century: The Rise and Decline of the United States as a World Power. New Haven (Conn.), 1996. P. 155. Новая версия универсализма, подчас выраженная в цинично вызывающей форме, натолкнулась на возражения со стороны большого авторитета во внешнеполитических вопросах У. Липпмана, предупреждавшего об опасности для нации поиска и нахождения в себе божественного начала, возвеличивания собственной роли в мировых делах. Но призыв Липпмана к умеренности явно не попал в резонанс с общественным настроением. На фоне мирового хаоса публика по большому счету хотела обсуждать предназначение Америки исключительно в плоскости ее непотворимой самоценности (см.: *Печатнов В.О.* Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. С. 195; *Lippmann W.* U.S. War Aims. Boston, 1944; *Steel R.* Walter Lippmann and the American Century. Boston, 1980. P. 409–411).

⁸ См.: *Niebuhr R.* The Children of Light and the Children of Darkness: A Vindication of Democracy and a Critique of its Traditional Defense. N.Y., 1944; *Idem.* Christianity and Power Politics. N.Y., 1940; *Idem.* Moral Man and Immoral Society. N.Y., 1932.

Философия действия Нибура соединяла в себе два начала – положительное воздействие примером и укрощение зла преобладающей военной мощью. Отвергая мессианство в духе “неодушевленных” поклонников *Pax America* как проявление национального тщеславия, он уповал на то, что привлекательным новолиберальным проектом успешного общества Соединенные Штаты сумеют отвоевать у сталинской тирании не искушенное в распознании гибельности деспотического государства человечество. Он утверждал, что Америка, оставаясь на почве протестантской этики и традиционного для Нового Света трезвомыслия, самокритично оценивая собственные недостатки, должна служить высокой стеной на пути насильственного унифицирования общества по канонам коммунистического догматизма. Нибур строил расчет на естественном для свободолюбивого и креативного Запада идейно-нравственном сопротивлении тоталитаризму, но при этом и на создании превосходства в силе. Употребление ее в случаях, требующих безотлагательных мер, являлось *sine quo non* нибуровского политического реализма. Значительной частью нового истеблишмента США он был восторженно воспринят и как лучшая трактовка “дилеммы безопасности”, и как воплощение духа воинствующего американизма, призванного активно, но желательно без выкручивания рук влиять на мировые дела⁹. Как далеко можно было зайти на этом пути, для Нибура стало, вероятно, понятно только после Хиросимы (бомбардировку которой Нибур осудил вместе с другими членами Федерального Совета церквей), когда амбиции Америки оказались сравнимы с теми, которые не без оснований приписывались им самим Советскому Союзу¹⁰.

В рассуждениях Нибура о пропорциональном распределении сил морального воздействия и средств военного принуждения в преодолении цивилизационного кризиса присутствовала уверенность в уникальных технических возможностях Америки, ее высочайшем для своего времени уровне материальной культуры, науки, образования и ресурсной базы для решения как оборонительных, так и наступательных задач. Настаивая на систематическом обновлении американского военного потенциала – главного фактора поддержания равновесного положения двух мировых систем уже в условиях послевоенного раскола, – Нибур черпал “строительный” материал для обоснования своей позиции в жиз-

⁹ White D.W. Op. cit. P. 152–157.

¹⁰ О роли Нибура в послевоенных дискуссиях по поводу соревнования двух ведущих социально-политических и идеологических систем в мире – американизма и советской модели – см.: Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006. С. 625–627.

ненных реалиях Америки с ее всегдашним желанием отстаивать свои интересы с минимальными потерями за счет использования самых совершенных военно-технических средств.

Культ технизма выступал и как черта национального характера, и как рычаг безостановочного движения по пути опережающей все остальные страны модернизации. Чуть ли не каждый день приносил все новые достижения национального научного и инженерного гения, а вместе с ними и убежденность в том, что превзойти Америку в конкурентной борьбе за главный приз индустриальной эры – научно-технологическое первенство – невозможно. Точно так же, как невозможно опередить ее и в техническом оснащении важнейших родов войск современной войны: авиации, военно-морского флота, средств связи и разведки. Географическое положение Америки, омываемой океанами, уже не казалось безусловной гарантией ее защищенности. Щит из достижений воскресшего военно-промышленного комплекса, сделавшего упор на создании стратегической авиации, авианосцев, подводного флота и внедрении новейших научных разработок в военном производстве, выглядел надежнее. Возрожденная после выветривания 20–30-х годов идеология национальной готовности воплотилась в продуманной и замаскированной часто под гражданские объекты и принятой военными ведомствами программе “точечного” военного строительства, сориентированного на высокотехнологичные достижения, новейшую логистику и мобилизацию духовных сил нации (Программа Победы). Известный американский историк Майкл Шерри писал: “Все еще официально находясь вне войны (вплоть до декабря 1941 г. – *В.М.*), Соединенные Штаты уже готовились к миру и к следующей войне, которая должна была последовать за ним”¹¹. Здесь нет никакого преувеличения. Фундамент военной мысли и военного обучения держался на представлениях о коренном изменении характера будущей войны, к которой Соединенным Штатам надлежало быть готовыми на уровне самых высоких требований, учитывающих как ближайшую, так и отдаленную перспективу.

“Американский образ войны – это предельная механизация армии по аналогии с такой же механизацией американских ферм и кухни”, – писал видный английский обозреватель Д. Брган¹². Но, помимо давнего обычая оснащать быт и сопровождающую его повседневность техническими усовершенствованиями, страсти к перекладыванию “грязной работы” на технику, американ-

¹¹ *Noble D.F.* Forces of Production. N.Y., 1984. P. 4; *Sherry M.S.* Preparing for the Next War: American Plans for Postwar Defence, 1941–1945. New Haven; L., 1977. P. 1.

¹² *Brogan D.W.* The American Character. N.Y., 1944. P. 163, 164.

ские представления о будущей войне формировались под мощным давлением апокалипсических картин массовых истреблений людей военными машинами стран “оси” в Европе, Азии и Африке. Пресса и радиокомментаторы, научная фантастика, кинодокументалистика, “транслируя” эти картины, подводила американцев к бескомпромиссному, жесткому выводу: военные технологии, сколь бы дорого они ни обошлись и сколь бы разрушительными и негуманными они ни были, должны превосходить на порядок военный потенциал возможного противника.

Естественно, новые виды и подвиды тяжелого технологичного оружия, столь сокрушительно проявившие себя в войне в Китае, Испании и Эфиопии, не были обойдены вниманием Рузвельта. Президент вместе с военными специалистами, пристально наблюдая после Мюнхена за успехами Люфтваффе, сделал ставку на создание оснащенной новейшей радиоаппаратурой стратегической авиации как предупредительной контрмеры. Вскоре очередь дошла и до военно-морского флота. За несколько недель до Пёрл-Харбора заместитель министра военно-морского флота Джеймс Форрестол, склонный к браваде, говорил, что полностью модернизированный американский военный флот никогда впредь не остановится в наращивании своей мощи, предназначением которой является выполнение функции ночного и дневного “чистильщика” акватории морей и океанов в обоих полушариях. “В наших руках теперь есть сила, и мы полны решимости сохранить ее”¹³.

В высшем эшелоне научного сообщества с энтузиазмом отмечали факт возросшего интереса правительственных кругов и военного клана к новинкам фундаментальной науки, так же как и рост удельного веса военно-промышленного комплекса в экономике страны. Исполдволь формируемая президентом Рузвельтом новая доктрина национальной безопасности (термин, фактически впервые введенный самим Рузвельтом) показалась очень многим привлекательной: защита неприкосновенности границ США обретает глобальное измерение, граница вновь становится подвижной и отодвигается далеко за пределы Американского континента. В этом свете иное, более существенное значение стали придавать требующим огромных вливаний многим направлениям фундаментальных исследований, сулящим прорыв в области наступательных и оборонительных вооружений.

Легко объяснимо, почему интеллектуальное сообщество страны (его университетский сегмент в особенности) охотнее других перешло на сторону носителей военной готовности – ньюдил-

¹³ *Sherry M.S. Preparing for the Next War. P. 32, 33.*

леров, оказавшихся на правительственных должностях и отстаивавших идеи президента о смене вектора внешнеполитического развития страны в сторону поддержки сил, противостоящих странам “Оси”. Все это вместе предопределило процесс плавной трансформации антикризисного управления экономикой в управление военной мобилизацией. Во всем была своя логика, писал американский исследователь Майкл Шерри¹⁴, война без объявления войны позволяла оправдывать закачивание огромных расходов (прямых и скрытых) на перевооружение и опытные научно-исследовательские разработки, рассчитанные на прочное удержание первенства научно-технической мысли США на годы и годы вперед. Встречное движение администрации и представителей науки, охотно откликнувшейся на военные нужды, воплотилось в создании национального Комитета оборонных исследований (июнь 1940 г.) и Управления научных исследований и опытно-проектных работ (июнь 1941 г.).

Вопрос “С кем вы?” для элиты научной интеллигенции (интернациональной по составу), работавшей в сфере ядерной физики, возник раньше, чем для многих других. Стремление поторопить правительство с созданием атомного оружия и, в конечном счете, опередить нацистскую Германию (а может быть, даже Японию) соседствовало с новым видением мировой роли Америки не только как лидера глобальной перестройки, но и как ее гаранта. Обретение сверхмощного оружия позволило бы реально притязать на полицейские функции в мире, повергнутом версальским идеализмом в хаос и объект разбоя. Захват Германией большей части Европы, а Японией огромных территорий в Азии, советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и, наконец, Пёрл-Харбор и Холокост – все это заставило интернациональное сообщество ученых-интеллектуалов (элитарных активистов) добиваться применения “карающей десницы” в отношении врагов Америки, которая, как казалось, могла остаться последним подлинным оплотом свободы на всех континентах и водном пространстве. Они четче и яснее, нежели правительственные деятели, артикулировали свое понимание мировых событий, их угрожающего развития¹⁵. Они полагали, что лучше политиков знают, как осуществить на практике интернациональную миссию спасения цивилизации, приобщая одновременно все остальные народы к идеальной модели социально-политического устройства. И те, кто подобно Р. Оппенгеймеру,

¹⁴ Sherry M.S. In the Shadow of War. P. 32.

¹⁵ Borgwardt E. Op. cit. P. 46–86; Divine R.A. Second Chance: The Triumph of Internationalism in America during World War II. N.Y., 1967.

сочувствовали социальному проекту левых, явно склонялись к идее отпора воскресшему гнездовью преступных помыслов.

Именно к этому поворотному моменту относится, как пишет биограф Роберта Оппенгеймера, сращивание сообщества физиков-ядерщиков, занятых военными исследованиями, с адептами имперского мышления и правительством, а заодно и их дружный отказ от пацифизма всех сортов и оттенков¹⁶. Сам будущий создатель первой атомной бомбы, с юных лет поражавший окружающих эрудицией и проницательностью, делая вывод из собственных наблюдений и из всех дискуссий, в которых ему довелось участвовать, не мог не прийти к главному умозаключению: современная война будет войной не только физических и химических научных достижений, но и идеалов. Открывая все новые “сильные стороны” элементарных частиц при ведении войны, научная меритократия мыслила себе военно-стратегические цели США нетрадиционно, преимущественно не в пределах Западного полушария¹⁷, а шире, в масштабах планетарных – и неограниченных во времени. Итоги и уроки Первой мировой войны воспринимались в этой среде как банкротство наивных упований на прочность договоров и мифов о мире без оружия. Американский историк Джеймс Хершберг, сравнительно недавно обнаруживший в личных архивах ряда ученых-ядерщиков важные документы, могущие служить дополнительным доводом в пользу такого вывода, писал о склонности представителей научной элиты США быть ретрансляторами люсовского “Американского века” и включиться в созидание той модели мира, которую Америке удастся обеспечить, овладев новым видом оружия. Так, Джеймс Конант, президент Гарвардского университета, ставший в июне 1940 г. одним из руководителей научно-исследовательских работ в целях обороны, писал тогда же, едва ли не в духе ранних “империалистов”, что в годы Первой мировой войны американцы оказались излишне идеалистически настроенными, а потому не сумели воспользоваться мировым кризисом, непростительно упустив свою “маржу”. Он призывал вмешаться в европейский конфликт и перестроить мировой порядок, даже если для этого придется прибегнуть к оружию нового поколения. “Я надеюсь, что в ходе появления нового мирового порядка, – писал он в январе 1940 г., – будет показано, что из катастрофы, в которой мы все оказались, Соединенные Штаты извлекут для себя максимум выгоды”¹⁸. О пре-

¹⁶ *Cassidy D.C. J. Oppenheimer and the American Century. N.Y., 2005. P. 203–206.*

¹⁷ См. подробнее: *Sherry M.S. In the Shadow of War. P. 35.*

¹⁸ Цит. по: *Hershberg J.G. James B. Conant: Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. Stanford (Cal.), 1993. P. 126.*

образовании мирового порядка по американскому образцу высказывались многие коллеги Конанта. Атомной бомбы еще не было, а по не официальному согласию американских ученых они добровольно решили ее засекретить, отказавшись от публикации научных статей, касающихся урана и расщепления. Верный признак убежденности в реальности чудо-оружия.

Публицистика “возрожденного духа” и приход в политику поверившего в себя поколения “нового курса”, которое обрело особое мировидение – сплав национального снобизма, удвоенной озабоченности о национальной безопасности как *насущенной* проблемы и окрепшей веры в будущее без иллюзий, но с опорой на силу – создали предпосылки для появления, по определению американских культурологов, сплоченного “мультинационального блока” – носителя идеи обновленного американизма. Коммерческие структуры, ориентированные на глобальную экспансию, антиизоляционистски, “проатлантически” настроенная интеллектуальная элита и подавляющая масса промышленных рабочих, с одобрением поддерживавшая сохранение на постоянной основе военно-промышленного комплекса, составляли его ядро¹⁹. Новому пониманию роли США как последнего оплота демократии в брутальном мире всеобщей смуты соответствовал неромантизированный, цинично деловой, жесткий стиль предлагаемых проектов избавления от тоталитаризма и опасных конкурентов. Роберт Даллек, говоря об этой переналадке общественного сознания, дает ей короткую по выразительности характеристику, соотнося ее с тем, что отличало состояние умов американцев эпохи начала XX в. и Первой мировой войны. Он писал: “Стало меньше визгливости, меньше впечатлительности и больше реализма в отношении того, чего хотят массы”²⁰. Элизабет Боргвардт, более щедрая на метафоры, назвала эти изменения “сейсмическим смещением в мироощущении”²¹.

¹⁹ См.: *Печатнов В.О.* Уолтер Липпман... С. 155–198; *Fousek J.* To Lead the Free World: American Nationalism and the Cultural Roots of the Cold War. Chapel Hill, 2000. P. 10, 11.

²⁰ *Dallek R.* The American Style of Foreign Policy. Cultural Politics and Foreign Affairs. N.Y., 1983. P. 119.

²¹ *Borgwardt E.* Op. cit. P. 288. Очередная победа Рузвельта на президентских выборах 1940 г., вопреки традиции, позволявшей баллотироваться одному и тому же кандидату лишь дважды, красноречиво иллюстрирует, как складывался “мультинациональный блок”. Посол СССР в США К. Уманский, довольно точно указал на формирование общенационального консенсуса по вопросам внешней политики на фоне европейских событий 1939–1940 гг. (Советско-американские отношения 1939–1945 / Науч. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004. С. 54–62). Посол США в Москве Л. Штейнгардт в беседе с В.М. Молотовым 26 сентября 1940 г. сделал беспрецедентное в дипломатической практике

Наиболее влиятельную часть политического класса уже не приходилось спрашивать, на чьей она стороне – изоляционистов или интервенционистов, хотя внешние различия внутри ее фракции сохранялись и даже порой принимали весьма резкие очертания. Война, приблизившаяся к Соединенным Штатам и затронувшая по всему миру их национальные интересы – экономические, политические и идеологические, – вынудила американцев согласиться с тем, что они, как утверждал Рузвельт, живут “в становящемся все более тесном мире”²². При этом большинство было согласно, что реагирование на этот непрерывно “сужающийся мир” должно быть адекватным, понимая под этим уже не вильсоновское миротворчество в обрамлении цветистых слов о согласии и поиске консенсуса, а жесткий курс “рейнджера” Теодора Рузвельта, а то и вообще “замену политики на механику”, т.е. использование против внешних угроз ударной военной мощи. Заметим, забегая вперед, что прямым отзвуком такой логики явились современные теории неоконсерваторов, утверждающих, что США вполне могут обойтись без союзников, располагая абсолютным превосходством в новейшей военной науке и технике²³.

Уже осенью 1939 г. правительство “нейтральных” США, внедря настойчивым обращением со стороны ведущих представителей академической науки, предприняло первые шаги к мобилизации интеллектуальных и материальных ресурсов с целью проведения широких перспективных исследований в целях обороны. Университетская профессура, библиотечные “черви” и ученые следопыты из частных лабораторий утверждали приоритет науки в опережающих военную мысль исследованиях и обоснованных прогнозах их незаменимости в военном деле. Начальствующий состав вооруженных сил, а частично и политики оказались позади научного сообщества в обнаружении более чем опасного, хотя только лишь предполагаемого, отставания от прогресса военной науки в Германии и Японии²⁴. Преодолевая сомнения перед метафизикой науки о внутриядерном строении, Рузвельт под давлением громких научных имен (А. Эйнштейн, Л. Сциллард, Э. Теллер,

заявление, сказав, что США совершили резкий поворот – от сентиментальности и беспечности “в своих взглядах на окружающий мир” к реалистическому подходу к тому же миру, “где проведение политики производится силой”. По словам посла, все субъекты мировой политики должны были раз и навсегда усвоить, что теперь США – “новая страна” (Там же. С. 93).

²² Инаугурационные речи президентов США. С. 397.

²³ См.: *Halper S., Clark J. America Alone: The Neo-Conservatives and the Global Order.* Cambridge (Mass.), 2004.

²⁴ См. об этом: *Baxter J.Ph. Scientists against Time.* Boston, 1946; *Bush V. Pieces of the Action.* N.Y., 1970; *Sherry M.S. Preparing for the Next War.* P. 123–125.

В. Буш, К. Комптон, Ф. Джуит, Дж. Конант и др.) принял ряд мер научно-организационного и административного характера, ведущих к ускоренному развитию исследований в ядерной физике и созданию вне всякой международно-правовой регламентации оружия массового уничтожения. Тем самым ставилась жирная точка на эпохе договорного права, и, напротив, жизненный смысл получил ницшеанский тезис Р. Нибура о том, что высокие декларации, договора и пацифистские призывы мало что значат в мировой политике XX в., тогда как воля, опирающаяся на силу, способна реально вернуть человечеству уважение к устойчивому миропорядку. Рузвельт после Мюнхена намеренно в своей программе перевооружения делает ставку на стратегическую авиацию и авианесущие корабли, видя в них средство сдерживания стран-агрессоров. И уже после Пёрл-Харбора, сознавая недостаточность принятых мер, он секретно поручил военному руководству в ходе подготовки к будущим переговорам о послевоенном устройстве изучить вопрос о военно-воздушных базах за пределами США, рекомендуя военным забыть о соображениях, связанных с проблемой национального суверенитета других стран, когда речь идет о безопасности США или их союзников²⁵.

Очевидные успехи страны в годы войны в плане создания современных вооруженных сил, включая в первую очередь их ядерный компонент (уверенное продвижение вперед “Манхэттенского проекта”, а затем и демонстрация на жителях Хиросимы и Нагасаки превосходства ядерного оружия перед любым другим способом ведения войны), окончательно привели к переформулированию военной доктрины США и, как следствие – представлений о роли Америки в мире.

Готовясь к следующей войне

Война 1939–1945 гг. представила в конкретных терминах уже сложившиеся, но все еще отвлеченные представления о том, какой должна быть военная стратегия США в войнах второй половины XX в. Во всех крупнейших операциях стратегического значения в годы войны Рузвельт и военное руководство США исходили из общей генеральной установки на абсолютный приоритет технических средств. Затраты людских сил должны быть минимальными. Цитируем только одно – подкупающее своей искренностью – место из дневниковой записи военного министра США Генри Стимсона, сделанной им после продолжительного совещания у президен-

²⁵ *Sherry M.S. Preparing for the Next War. P. 42.*

та 13 октября 1944 г. Обсуждались вопросы участия вооруженных сил США в боевых действиях на Европейском континенте и в предстоящих сражениях за Китай. Прямой диалог с Рузвельтом Стимсон воссоздал в следующих словах: "...затем я перешел к положению на театре военных действий в Китае и объяснил, что ситуация делает абсолютно невозможным рассматривать использование американских солдат в боях с японцами на материковой территории Китая, что мы должны стремиться выиграть войну с помощью флота и авиации, а также используя эмбарго, если найдем это нужным. Президент сразу же сказал, что он согласен со мной и что он доволен тем, что выступил против адмирала Кинга, который намеревался атаковать китайский берег... Он полагает, что драться на материковом Китае мы должны предоставить русским"²⁶. Избегать высадки в Китае и Японии (и, следовательно, больших людских потерь) стало императивом для вашингтонских стратегов.

Если перенестись в август следующего, 1945 г. можно сказать, что президент Г. Трумэн действовал не вполне самостоятельно, когда отдавал распоряжение о нанесении атомных ударов по Японии. Война на Тихом океане и победа над империей микадо должны были оставаться "американским шоу", как это было задумано и как это происходило в реальности. Именно на этом настаивали военные. Выполнение "черновой работы" было отдано русским (нейтрализация Квантунской армии, операции на Сахалине и Курильских островах), а заключительный аккорд оставался за США. Ковровые бомбардировки Токио и других крупных городов Японии в мае 1945 г. достаточно убедительно демонстрировали, каким сокрушительным он мог стать. Сам момент овладения секретом ядерного оружия и его ошеломляюще неожиданное использование над Хиросимой и Нагасаки были занесены президентом Г. Трумэном в книгу памяти человечества как кульминация всех усилий по разгрому агрессоров, не оставляющая никому надежд стать вровень с Америкой в военном отношении. Он сказал об этом словами заклинания: бомба, сброшенная на Хиросиму, "более чем в две тысячи раз превосходит по своей взрывной мощи британский "Большой шлем", который является самой большой бомбой, когда-либо использованной в истории войн"; она вообще вне постижения разумом, потому что "использует базовые силы мироздания"; Соединенные Штаты овладели inferнальной "силой, которая питает солнечную энергию"²⁷.

²⁶ Yale University Library. Sterling Library. Henry L. Stimson Diaries (далее: Stimson Diaries). Reel 9. Oct. 13, 1944. P. 5, 6.

²⁷ Public Papers of the Presidents of the United States. Harry S. Truman, 1945. Wash., 1961. P. 197.

Командование военно-воздушных сил США восприняло эти заявления как руководство к действию. Суть новой стратегии безопасности оно видело в неограниченном наращивании ядерного оружия и совершенствовании средств его доставки (стратегическая бомбардировочная авиация и баллистические ракеты), дающих США право принять превентивные меры или одной только угрозой сокрушительного ответного удара – возмездия – вынудить потенциального противника отказаться от экспансии и планов внезапного нападения²⁸. Свое отношение к атомной бомбе как к идеальному оружию в наступательной и оборонительной войне (а также и в качестве средства активной дипломатии с целью достижения военно-стратегических преимуществ) выразили сразу же после окончания Второй мировой войны все высшие чины командования стратегической бомбардировочной авиации США в десятистраничном докладе – одном из первых документов истории холодной войны.

Подготовленный в октябре 1945 г. этот политический документ “заглядывал” далеко за горизонт, рассматривая весь обозначенный в его вводной части комплекс вопросов в долгосрочной перспективе вплоть до 1955 г. Имена его авторов говорили сами за себя – генералы Карл Спаатс, Хойт Ванденберг и Лорис Норстэд. Доклад визировал с высшей степенью одобрительной резолюцией командующий ВВС США генерал Г. Арнольд²⁹.

В содержательной своей части, изложенной в виде кратких тезисов, авторы “доклада группы Спаатса” исходили из следующих постулатов.

Первое. Использование решающего преимущества США в войне – атомной бомбы – не подпадает ни под какие международно-правовые или двусторонние ограничения и, следовательно, должно рассматриваться исключительно как обычное средство ведения войны многоцелевого характера.

Второе. Владение атомной бомбой по определению предполагает готовность вести превентивную войну или войну-возмездие против мирного населения, как это делали англичане в 1939–1945 гг., ставя задачей не столько разрушение военных объектов, сколько подавление морального духа противника нанесением ударов по глубокому тылу.

Третье. Условия ведения атомной войны диктуют наличие военно-воздушных баз постоянного использования за пределами

²⁸ См.: Мальков В.Л. “Манхэттенский проект”: Разведка и дипломатия. М., 1995. С. 139; Sherry M.S. The Rise of American Air Power: The Creation of Armageddon. New Haven, 1987.

²⁹ LC. Carl Spaatz Papers. Box 22. “Spaatz Board Report”. Oct. 23, 1945.

территории США. Они (эти базы) нужны и для наступательных действий, и для удержания противника на максимальном удалении от границ США³⁰.

Четвертое. США любой ценой должны сохранять свое превосходство в воздухе, используя с этой целью весь научный и технологический потенциал страны и не останавливаясь ни перед какими затратами и жертвами. Любые компромиссы в этой сфере (демобилизация и сокращение личного состава, ограничения вооружений по соглашению с другими странами) смерти подобны для страны.

Пятое. Фактор времени. Пока США обладают монополией на атомное оружие, “ни одна страна не рискнет начать против них войну”, что дает возможность создать достаточный запас новейших атомных боеприпасов и тем самым надолго сохранить решающее преимущество при любом повороте событий. Создание же всемирной разведывательной паутины позволит своевременно “спланировать, если это будет необходимо, немедленные и действенные меры”.

Речь шла, таким образом, не об отражении вражеского нападения, а, очевидно, о мерах, его упреждающих, так сказать, профилактических. Допускалась, следовательно, возможность нанесения превентивного атомного удара по объектам “возможного противника”, чьи намерения могли быть признаны агрессивными. Не здесь ли кроется причина затяжного молчания советских властей после испытания атомной бомбы под Семипалатинском в августе 1949 г.: своим ликованием Сталин, возможно, опасался (и не без оснований) спровоцировать США на молниеносный удар по атомным объектам СССР и их разрушение³¹.

Профессионально корпоративный интерес начальствующего состава армии, флота и ВВС США, а также работающего с ним в тесном контакте нового комплекса атомной индустрии (включая, разумеется, его научный сегмент) разворачивал их в сторону признания за атомной бомбой статуса конвенционального, обычного оружия. Его накапливание и использование не вносит революционных изменений в правила ведения войны³² и, стало быть, не

³⁰ Вопрос об аэродромах передового базирования “в целях поддержания мира” после Победы прорабатывался совместно командованием ВВС США и лидерами американской экономики накануне окончания войны (см.: LC. Henry H. Arnold Papers. Box 10. General Correspondence 1939–1946: *Bernard M. Baruch to Arnold*. Sept. 6, 1944). Но понимание того, что американские легчики никогда не покинут свои аэродромы на других континентах, пришло примерно тогда, когда Рузвельт впервые в 1942 г. заговорил об идее “четырёх полицейских” (см. гл. VI).

³¹ *Gaddis J.L.* The Cold War: A New History. N.Y., 2005. P. 56; *Idem.* The Long Peace. Inquiries into the History of the Cold War. N.Y., 1987. P. 106.

³² *Sherry M.S.* Preparing for the Next War. P. 212.

влечет никаких последствий для планов инициативных действий. Испытания на атолле Бикини (Маршалловы острова) в 1946 г. прибавили уверенности в своей правоте всем сторонникам атомной бомбы, беспокоившимся о запрете ее по образцу, скажем, химического оружия, поставленного вне закона Женевской конвенцией 1925 г.³³ Важный аргумент в полемике с “гуманитариями” эти “опыты” дали К. Спаатсу, к тому времени несшему всю полноту ответственности за психологическую подготовку ВВС США к атомной войне. В специальном послании военному министру Роберту Паттерсону от 4 октября 1946 г. он потребовал сделать все, чтобы покончить с нетерпимой ситуацией, в которой оказались Соединенные Штаты в результате “дикого преувеличения потенциала атомной бомбы” и распространения в связи с этим “паники, пораженчества и нездоровой общественной морали”. Последствия всего этого, заключал он, будут иметь отрицательное значение для “твердого и уважительного по отношению к самим себе подхода к внешнему миру”³⁴. В Пентагоне бегство ученых-атомщиков с военных объектов расценили как следствие упорно ходящих слухов о достижении договоренностей с Москвой о приостановлении всех работ по атомному оружию и последующем его запрете, выведении из арсенала войны. Военная партия принимала свои контрмеры с целью “оздоровления общественной морали”.

Планировщики в Пентагоне предпочитали доверять не столько реальным данным разведывательного мониторинга о намерениях советского политического и военного руководства в отно-

³³ *Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy. 1939–1956. N.Y., 1994. P. 162, 163.*

³⁴ *LC. Carl Spaatz Papers. Box 256. Spaatz to Robert P. Patterson. Oct. 4, 1946.* Протест генерала К. Спаатса против морального разоружения нации, скорее всего, был вызван не только появлением первых признаков неблагоприятной реакции на атомное оружие вроде на шумевшей книги йельского ученого Бернарда Броди “Абсолютное оружие” (*The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order / Ed. by B. Brodie. N.Y., 1946*), но и не вполне определившейся политикой президента Трумэна и государственного секретаря Джеймса Бирнса. Они слишком вяло откликнулись на предложения “ястребов” сжечь все мосты в переговорах с русскими о международном контроле над производством и использованием атомного оружия и перестать думать о компромиссах со Сталиным (см.: *Messer R.L. Paths Not Taken: The United States Department of State and Alternatives to Containment, 1945–1946 // Diplomatic History. Fall 1977. P. 297–319*). Послание Спаатса Паттерсону своим непримиримым духом по отношению к “умиротворителям”, запугивавшим общество картинками “ядерной зимы”, свидетельствовало о переломе в настроениях вашингтонских высших кругов летом 1946 г. Возникшая, по их мнению, угроза Турции, всему Ближнему Востоку и Средиземноморью со стороны СССР достигла высшего накала (*Mark E. The War Scare of 1946 and Its Consequences // Diplomatic History. Summer 1997. P. 383–415*).

шении Европы, Средиземноморья, Балкан, Ближнего и Среднего Востока, сколько прогнозам, построенным на простейших подсчетах количества дивизий, стоящих друг против друга в центре Европы. Американский историк Джон Гэддис в своей работе (2005) по истории холодной войны пишет: “Встревоженные фактом преобладания войск Красной Армии в Европе над малочисленным контингентом солдат Соединенных Штатов и их союзников, планировщики Пентагона не имели другого выбора, кроме как предполагать, что Верховный главнокомандующий (Г. Трумэн. – В.М.) даст приказ использовать атомное оружие, если Советский Союз вознамерится оккупировать ту часть континента, которая была еще не подвластна ему”³⁵.

Сказано было весьма дипломатично, хотя, как следует понимать маститого автора многих работ по истории холодной войны, вооруженные силы США играли скорее пассивную, нежели активную роль в национальной мобилизационной кампании по отражению ожидаемого советского нападения. Между тем именно они являлись основным источником расхожей идеи допустимости быстротекущей атомной войны, безболезненности ее последствий для США в случае принятия своевременного решения о ее начале и особой ответственности политиков за промедление. К ним примкнула большая группа гражданских лиц из промышленности, бизнеса и академической науки, объединенных влиятельной неправительственной организацией “Американские исследования стратегических бомбардировок” (*US Strategic Bombing Survey in the Pacific*)³⁶. Главной своей задачей эта организация считала “демистификацию атомной бомбы”, тщательное изучение реального физического эффекта атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, перевод его на язык бесстрастных цифр. Такой подход призван был очистить сознание американцев от излишне эмоционального восприятия, мешающего видеть в атомной бомбе обычное оружие, чья убойная сила не превышает ту, что была обрушена на города Германии и Японии и в свое время не вызвала ни у кого угрызений совести. Природа войны ничуть не изменилась вследствие появления атомного оружия, и люди по-прежнему должны относиться к ней как к чему-то естественному, неизбежному и неустранимому.

³⁵ Gaddis J.L. The Cold War. P. 55.

³⁶ О деятельности этого экспертного сообщества во главе с громко заявившим о себе политиком П. Нитце по пропаганде “здорового образа мысли” в связи с атомной бомбой подробнее см.: Talbot S. The Master of the Game. Paul Nitze and the Nuclear Peace. N.Y., 1988. P. 33–39.

Трагедия Чехословакии, Польши, Бельгии, Дании, Норвегии и Франции, “предательство” Сталина в 1939 г., картина Пёрл-Харбора стали духоподъемным политическим фольклором для сторонников военной готовности, использовавших образ “воссозданного врага” в целях оправдания безостановочного наращивания ядерной составляющей армии США. Оппонентов такого курса зачисляли в категорию вольных или невольных пособников подкрадывающейся опасности или недальновидных искателей путей к умиротворению и подрыву боеспособности страны. Военные ведомства посредством пресс-релизов, военные обозреватели и участники многочисленных слушаний в Конгрессе, Голливуд в своих пугающих фильмах-прогнозах, всюду используя исторический материал, поспешили с ответом политическим оппортунистам – слабость провоцирует агрессора, сила действует на него отрезвляюще.

Американская “идеологическая мобилизация”, как позволил себе выразиться по поводу кампании готовности к “последней” войне публицист Питер Новик, самым непосредственным образом затронула представителей исторической профессии и в особенности военно-исторического и геополитического направлений. “Тотальная война, – заявил в докладе съезду Американской исторической ассоциации в 1949 г. ее президент К. Рид, – будь она горячей или холодной, касается каждого и призывает всех до единого принять на себя ее бремя”. Мерл Керти, основоположник американской интеллектуальной истории, возглавлявший тогда “испорченное” меньшинство американских обществоведов, назвал эту речь К. Рида “ужасающей”³⁷. Однако многообещающая молодая поросль историков и политологов, уже вскоре достигшая вершин политического влияния (А.М. Шлезингер-мл., Г. Киссинджер и др.)³⁸, была склонна думать о немыслимом и поддержать выбор в пользу силовой акции и ограниченной ядерной войны в случае дальнейшего расширения советской экспансии в Европе. Голос критиков, вопрошавших о цене победы в *реальной* ядерной войне, тонул в хоре авторов стратегических оценок, непременно сулящих успех, если выгоды и преимущества атомного монополиста не будут растрочены впустую, в бесконечных поисках золотой середины между военной целесообразностью и христианской моралью.

Проблема изменения баланса сил в результате ожидаемой впереди ликвидации атомной монополии привела к появлению в

³⁷ Цит. по: *Sherry M.S. In the Shadow of War*. P. 162.

³⁸ *Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy*. N.Y., 1957; *Schlesinger Jr. A. The Vital Center: The Politics of Freedom*. Boston, 1949.

недрах военного сообщества и внешнеполитического истеблишмента суммы рискованных идей, инкорпорированных в такую трактовку доктрины “сдерживания” (1946), которая принципиально расходилась с той, что принадлежала ее автору – Джорджу Кеннану. Получил признание взгляд, что понятия “оборона” и “безопасность” в своем традиционном употреблении лишены смысла перед лицом скрытно вынашивающего экспансионистские планы вероломного и безжалостного агрессора. Утверждалось, что если страна, наученная горьким опытом войн XX в., не готова нанести опережающий удар до того, как она сама подвергнется нападению, то ее нельзя считать способной к эффективной самозащите. Военные специалисты, газетные таблоиды и серьезные издания, а также телевидение формировали склонность видеть ситуацию строго в одном и том же контексте. А именно: враг у ворот, повышенная готовность пустить в ход атомное оружие отрезвляюще действует на поджидающего своего часа нового врага. Впрочем, не ставилось никаких пределов и условий для следующих шагов³⁹. Именно эти упования на одномоментную и технически безукоризненно подготовленную и проведенную операцию опережающего атомного удара Кеннан позднее назовет “готовностью совершить самоубийство из-за страха смерти”⁴⁰.

Ожесточение вызывала и неожиданная жесткость советской политики. Отрезанная от ленд-лиза Россия в считанные годы удвоила свой военно-промышленный потенциал. Упорное толкование советским правительством в свою пользу Ялтинских соглашений, обострение с осени 1945 г. отношений между США, Англией, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой, по иранскому и польскому вопросам⁴¹, нестабильность переходных режимов в западноевропейских странах, возможность прихода в них к власти просоветских сил по принципу домино⁴² и, наконец, цепь шпионских скандалов – все это не располагало американцев к долгосрочным планам добрососедства с фактически подчинившими себе пол-Европы Советами. Постоянное внимание прессы, радио и телевидения к теме нового тоталитаризма, красного террора возвращало их к ночным кошмарам нацистского покорения

³⁹ Mark E. Op. cit. P. 387; см. также: *Leffler M.P.* A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford, 1992. P. 110–114.

⁴⁰ Kennan G. On Nuclear War // *New York Review of Books*. 1982. Jan. 21. P. 12.

⁴¹ Егорова Н.И. “Иранский кризис” 1945–1946 гг.: взгляд из российских архивов // *Холодная война: Новые подходы, новые документы* / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995. С. 294–314.

⁴² *Mastny V.* Russia’s Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare and the Politics of Communism, 1941–1945. N.Y., 1979.

Европы и концлагерей. Культурный и психологический мейнстрим дал себя знать в удвоенной подозрительности относительно намерений Советского Союза и его руководства. Родившийся страх перед русскими вытеснял страх перед бомбой. Ужасный убийца жителей японских городов 1945 г. светлел, превращаясь в щит Республики. Военные достигли невиданного пика популярности параллельно с фаталистической верой, пишет М. Шерри, в технологический детерминизм так, как будто уже не люди, а бомба определяла курс мировой политики. “Военные руководители, – продолжает он, – рисовали дело таким образом, что уже в самом начале войны Советский Союз будет уничтожен в результате атомных ударов”⁴³.

Новое испытание, турецкий кризис лета и осени 1946 г.⁴⁴, показал, как пишет Э. Марк, что США в этот момент не только “начали планировать войну с Советским Союзом”, но и согласовали с Великобританией “частности”. Войну предполагалось вести, используя главным образом атакующие возможности флота стратегической авиации, не имеющего аналога по мощи и в количественном, и в качественном отношениях (План Пинчер)⁴⁵. Фактически это означало проведение оперативной подготовки (включая и психологическую) к превентивной атомной войне, к “большому шоу”, которое военные деятели всех родов войск ожидали “очень скоро”⁴⁶. Анализируя штабные документы “военной тревоги 1946 г.” и констатируя при этом их нацеленность на подавление советских центров индустриального и научно-технического прогресса, исследователи, как правило, не фиксируют внимания на очень важном и, может быть, определяющем моменте штабных игр, проводимых по линии военных ведомств США и Англии. Его суть в следующем. График развертывания американо-английских приготовлений и выход на “ударную позицию” привязывался жестко к расчетному времени ожидаемой реализации советского атомного проекта, завершения его экспериментальной фазы и перехода к накоплению ядерного потенциала. Предполагалось (прогноз ЦРУ), что на это у СССР должно уйти 6–7 лет (т.е. к 1952–1955 гг.), и, следовательно, неожиданное появление осенью 1949 г. советского “изделия” внесло серьезные изменения в пер-

⁴³ *Sherry M.S. In the Shadow of War. P. 127, 130.*

⁴⁴ Советское правительство в ноте турецкому правительству от 7 августа 1946 г. сделало ряд заявлений об изменении режима Черноморских проливов и о признании его озабоченности безопасностью южных рубежей СССР. В Вашингтоне и Лондоне расценили эти требования как ультиматум и начало военной акции СССР по присоединению части территории Турции.

⁴⁵ *Mark E. Op. cit. P. 387.*

⁴⁶ *Ibid. P. 393, 397.*

воначальные планы и расчеты “стратегической воздушной войны” за пространство Евразии⁴⁷.

Но и без драматически утраченных преимуществ сохранение разницы военных потенциалов путем опережающего наращивания атомного, а затем и термоядерного потенциала позволяло извлекать немалую политическую выгоду. Используя ее как средство дипломатического торга и устрашения, США и их союзники рассчитывали на многое. Прежде всего обнаружили шанс повесить бремя дополнительных расходов на экономику СССР; оказать серьезное психологическое давление на левых и на их сторонников в странах, находившихся в состоянии предреволюционного кризиса; дать передышку консервативным силам, укрепляя их уверенность в себе и в надежности прикрытия. Все эти вопросы в общих чертах и от случая к случаю “проговаривались” Рузвельтом и Г. Стимсоном еще на заключительном этапе войны, начиная с октября 1944 г.⁴⁸ В новых условиях экономика хотя и оставалась не главной, но тем не менее все увеличивавшейся составляющей атомной дипломатии. В контексте общей перестройки международных отношений об атомном превосходстве говорилось как о залого устойчивого развития международно-правовых институтов нового времени, социального спокойствия и согласия⁴⁹. Командование армии США, военно-морско-

⁴⁷ См.: National Archives. Record Group 226. Office of Strategic Surivces (далее: NA. RG 226. OSS). Entry 190, Folder 1562, Box 495. J.I.C. 342/2, 27 Mar. 1946. “Report by the Joint Intelligence Committee. British Capabilities vs the USSR”. Э. Марк в своей статье цитирует похожие документы, но в данном случае мы сталкиваемся с планированием атомного удара по СССР без увязки с турецким кризисом. Последний, как известно, осенью 1946 г. полностью исчерпал себя, не оставив никаких следов, кроме недвусмысленного вопроса историков самим себе “Что это было?” В последнем своем обобщающем исследовании по истории холодной войны Дж. Гэддис говорит об этом эпизоде всего лишь как о попытке Сталина оказать давление на Турцию предъявлением ей “территориальных претензий” и об их отклонении Анкарой при решительной поддержке США и Англии (*Gaddis J.L. The Cold War*. P. 28).

⁴⁸ См: Yale University. Sterling Library. Stimson Diaries. Reel 9: Dec. 31, 1944, P. 5; Feb. 13. P. 2, Febr. 15, 1945. P. 1, 2 ets.

⁴⁹ *Herken G. The Winning Weapon: The Atomic Bomb in the Cold War*. N.Y., 1980. P. 167. Согласие в данном случае следует понимать расширительно, включая и согласие в обществе. Для Европы и Азии на заключительном этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы было характерно выражение симпатий к Советскому Союзу. “В общественном сознании, – писал в письме Г. Трумэну 10 мая 1945 г. крупнейший американский финансист и государственный деятель Бернард Барух, – русские становятся защитниками всех тех, кто в планетарном масштабе принадлежат к обиженным и угнетенным” (Princeton University. Seeley G. Mudd Manuscript Library. Bernard M. Baruch Papers. Box 28: *Baruch to H. Truman*. May 10, 1945). Атомная бомба как результат американской технологической революции была призвана противостоять силам хаоса и социальной революции. Только самая развитая в мире экономика и наука были

го флота и особенно активно ВВС само решило апеллировать к общественности, администрации и Конгрессу, напоминая об исторических уроках “умиротворения” 30-х годов, которые сопровождались высоким накалом социальной напряженности и ростом радикального экстремизма. Уильям С. Парсонс, один из создателей атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, а после войны руководитель Отдела атомного оружия штаба военно-морских сил США, в одном из писем отдал дань одушевлению бомбы, сделав акцент на ее гуманитарных и международно-правовых достоинствах. “До тех пор пока человечество не создало международного органа, – писал он 12 марта 1947 г., – достаточно сильного, чтобы осуществить контроль за джином, выпущенным из бутылки в Аламогордо, мы должны держать наш порох сухим. Только сильные Соединенные Штаты могут оказать достаточную поддержку миротворческой структуре Объединенных Наций во время трудного переходного периода, в рамках которого мировые лидеры могут спокойно заняться выработкой основ миропорядка”⁵⁰.

Напротив, генерал Карл Спаатс, занявший пост командующего ВВС, совсем в духе первой части нибуровского постулата “сила против зла”, не разделял мнение о преимущественно сдерживающем значении бомбы и полагал необходимым сохранять полную свободу маневра. За военными, считал он, должно оставаться преимущественное право выбора момента для нанесения первого внезапного атомного удара по крупным индустриальным центрам СССР с выводом из строя системы управления страной, транспортных коммуникаций, морских и океанских терминалов, ресурсной базы. Если оружие сделано, его следует использовать. Все звенья иерархической лестницы ВВС разделяли именно эту точку зрения. План атомной войны, утвержденный Спаатсом в декабре 1946 г., обладал свойством билета с открытой датой, его неоднократно продлевали, сохраняя одновременно в условиях абсолютной секретности. Все распоряжения отдавались только в устной форме никаких следов не должно было остаться на бумаге⁵¹. Было также со-

способны оказать разоренной войной Европе ощутимую помощь и защиту, поскольку “ответственность и сила находятся в прямой взаимосвязи”. Так формулировался экспортный вариант обновленного американизма.

⁵⁰ LC. William S. Parsons Papers. Box 1: *Parsons to Lysbeth W. Munez*, Mar. 1947.

⁵¹ *Leffler M. A Preponderance of Power*. P. 113; *Mark E. Op. cit.* P. 406. Генерал Д. Эйзенхауэр, в то время председатель Объединенного комитета начальников штабов, полагал, что стратегическое планирование США должно исходить из признания атомного оружия базовым преимуществом американских вооруженных сил и предусматривать его использование в случае войны в первую очередь (*Erdmann A.P.N. “War No Longer Has Any Logic Whatever”: D.D. Eisenhower and the Thermonuclear Revolution // Cold War Statesmen Confront the Bomb: Nuclear Diplomacy since 1945 / Ed. by J.L. Gaddis et al. N.Y., 1999. P. 95).*

вершено очевидно, что командование стратегической авиации США подстраховало себя, предусмотрев не только возможность обращения к способу “окончательного решения вопроса”, но и отчетливо видя препятствия, способные этому помешать. К ним отнесены были разногласия в политическом классе США; изменения в политике Советского Союза; способность лидеров Запада “адекватно” и без колебаний отвечать на угрозы предупредительными мерами; технические трудности, связанные с созданием системы передового базирования для бомбардировщиков, несущих атомные заряды; и не в последнюю очередь неготовность народа США к принятию на себя морального груза повторения Хиросимы.

Фон, на котором проходила скрытая от глаз проработка сценариев третьей мировой войны, – маккартизм, ксенофобия, антикоммунизм, гонения на рузвельтовских либералов, шельмование имени Рузвельта, мнимые и реальные факты проникновения советских агентов на секретные атомные объекты, их громкие провалы, тесты на лояльность. Люди, погруженные в мир нейтронов и мезонов, всю войну занимавшиеся “самым важным государственным делом”, воспринимали все это как данность, в меру неприятную и тревожную, но и в меру неизбежную. Главная беспокоящая и для очень многих травмирующая неожиданность – пространство “свободного мира” продолжало сужаться. Очень многим импонировало, то, что почитаемый в интеллектуальной среде англичанин, философ Бертран Рассел, человек высокой морали и лучших побуждений, фактически напрямую обратившись к ученым-ядерщикам США и Англии, в своей статье “Ценности атомного века” попросил их не поддаваться разного рода комплексам по поводу вполне допустимых роковых, но необходимых решений. “...только война способна предотвратить всеобщую победу коммунизма...”⁵²

Общая обстановка сделала позицию и эмоциональный настрой части верхнего эшелона ученых-ядерщиков почти неотличимыми от этоса военных. Раздумья о будущем обретали характер кризисного мышления. Война неизбежна. Правительство не

⁵² *Russell B. Values in the Atomic Age // The Atomic Age / By M.L. Oliphant et. al. L., 1949. P. 81–104.* Ход мыслей Рассела совпадал до мелочей с ходом мыслей ученых-ядерщиков в СССР, именно в этот момент упорно работавших над созданием советской атомной бомбы. Но они стремились отвести угрозу “империалистического реванша”. А.Д. Сахаров в одном из последних своих интервью в Японии в 1989 г. говорил: “...наше участие в его разработке (речь идет об атомном проекте СССР. – В.М.) не было преступным. Это оружие сыграло свою роль в удержании современного мира в равновесии, предотвратило возникновение обычной войны” (*Сахаров А. “Всякое мессианство должно быть исключено” // Россия в глобальной политике. 2006. № 4. С. 61).*

должно поддаваться соблазну найти общий язык с русскими путем замораживания накопления атомного оружия, приостановки исследований и сохранения атомного арсенала. Недопустимо принятие на себя любых обязательств, которые затруднили бы мгновенное реагирование Запада на вероломство Кремля.

Могло случиться, что из всех возможных ответов на неоспоримые признаки угрозы нападения останется один. И тогда сомнений быть не может: страна должна быть готова “использовать оружие того типа, которое было пущено в ход в конце прошлой войны”, – писал 3 января 1947 г. военному министру Роберту Паттерсону Ванневар Буш. Далее он продолжал, касаясь наиболее чувствительного нерва внутренней полемики: “Сегодня существует общее понимание, как я полагаю, что мы не можем думать только об обороне, стремясь обезопасить себя от нападения. Мы должны быть готовы к мгновенному контрудару превосходящими силами, если мы не хотим, чтобы какой-либо агрессор напал на нас. Конечно, когда возникнет подобная ситуация, мы должны располагать соответствующей ударной силой, обеспеченной новейшим оружием и подготовленной наилучшим образом, что предполагает наличие атомных бомб, самолетов, способных их транспортировать, а также баз там, где это необходимо⁵³. Военный психоз накрыл всегда трезво мыслившего В. Буша.

Одним из самых последовательных и решительно настроенных сторонников использования внеконкурентных позиций США в сфере новейшего (атомного) оружия поначалу был Джеймс Конант. Он шел дальше всех в стремлении предупредить “новый Мюнхен”, добиваясь двойного и тройного военного преимущества США. Еще в 1940 г. (как мы видели) Конант писал о необходимости взять на вооружение “экспансионистскую” политику с тем, чтобы после поражения Германии (Конант был ярким сторонником вмешательства в европейский конфликт) “создать новый мировой порядок”, управляемый международной ассамблеей. В ней, по мнению Конанта, “США должны иметь более пятидесяти процентов голосов”, а в “сферу влияния” США в интересах международной безопасности необходимо было “включать более половины цивилизованного мира”. Их внешняя политика должна следовать “исключительно национальным целям”, что в состоянии обеспечить только непреклонное, преследующее собственные интересы, эгоистическое политическое мышление⁵⁴.

⁵³ LC. Robert P. Patterson Papers. *Vannevar Bush to Patterson*. Jan. 3, 1947.

⁵⁴ *Hershberg J.G.* Op. cit. P. 132.

Цена, которую придется заплатить за привилегию быть великой державой, говорил Конант в преддверии вступления США во Вторую мировую войну, – “желание и способность драться, когда это необходимо”⁵⁵. Окончание войны, радикальное изменение всей международной обстановки привели его к выводу, что неизбежными становятся противостояние и гонка ядерных вооружений, логика которых своей кульминацией будет иметь либо превентивную войну против СССР (“атомный суперблиц”)⁵⁶, либо использование тактического ядерного оружия для отражения внезапной атаки наземных сил Советского Союза и его союзников в Европе. Однако, оставаясь сторонником “атомной самообороны”, Конант не разделял энтузиазма Э. Теллера, поддерживавших его ученых и “догматических” военных в отношении водородной бомбы. Нужна ли она? Не приведет ли она к абсурдной диспропорции между предположениями о целесообразности ее применения и ужасающим по своим последствиям результатам? “Водородной бомбой нельзя выиграть войну, но можно разрушить мир”. К варианту нанесения превентивного удара глобальной мощности с воздуха после семипалатинского испытания Конант вообще относился крайне сдержанно, открыв для себя, что обмен такого рода ударами ничего не даст. Планируя гибель Москвы и Ленинграда, говорил он, нужно быть готовым принести в жертву Нью-Йорк и Вашингтон⁵⁷.

Никто как будто бы не хотел расставаться с идеей уравнивания ядерного и обычного оружия, но у сторонников стратегии атомных ковровых бомбардировок нашлось (помимо Конанта и Оппенгеймера) много оппонентов, полагавших, что следует “вернуть битву снова на поля сражений”, локализовав ее в пределах театра военных действий. Этот транзит – от ядерного блицкрига к тактическому ядерному оружию малой мощности и частичному признанию негарантированности полного успеха удара “на опережение”, – занявший примерно 5–6 лет, вместил в себя череду событий и кризисов, по всем меркам едва ли не каждое или каждый из которых могли быть использованы в качестве повода для прямого военного столкновения двух сверхдержав послевоенного мира со всеми вытекающими отсюда последствиями. Среди важнейших факторов возникших рисков военного противостояния между СССР и его западными партнерами по “Большой тройке”

⁵⁵ *Sherry M.S.* In the Shadow of War. P. 44.

⁵⁶ *Hershberg J.G.* Op. cit. P. 494, 495, 539. Мысль о создании термоядерной бомбы, чтобы не дать России догнать США, была высказана Конантом в его письме В. Бушу 9 мая 1945 г. В 1949 г. Конант изменит свое мнение.

⁵⁷ *Hershberg J.G.* Op. cit. P. 591.

особое место занимали ситуация в Восточной Европе⁵⁸ и резкое обострение ситуации в Азии после победы революции в Китае в октябре 1949 г. Корейская война, начало войны в Индокитае легко могли перерасти в полномасштабную войну между двумя сверхдержавами. Февральский кризис в Чехословакии и блокада Берлина (1948), кризис вокруг островов Куэмой и Матсу (1954–1961), Суэцкий кризис (1956), последовавшее вслед за ним вторжение США в Ливан (1958), второй Берлинский кризис (1958–1959) – вот далеко не полный перечень эпизодов в этом цикле холодной войны, когда мир в очередной раз буквально застыл в ожидании “самопроизвольного” начала ядерной войны.

Страхи и ожидание перерастания всех этих тлеющих очагов возгорания в открытое военное столкновение глобального масштаба были сняты, как пишет американский историк М. Леффлер, благодаря благоразумию, прозорливости западных политиков и слабости Советского Союза⁵⁹. Оставим вопрос о слабости Советского Союза. Наверное, следует в этом отношении прислушаться к мнению Черчилля и Эйзенхауэра⁶⁰. А вот о благоразумии политического руководства США следует сказать особо. В самом обобщенном виде, представленном ведущим американским авторитетом в области военной истории эпохи ядерного оружия Дэвидом Розенбергом, степень вероятности возникновения ядерной войны была выражена следующим образом: “Стратегические планы союзников (стран американско-английского блока. – *В.М.*) после окончательной их подработки к 1948–1949 гг. замыкались на атомном воздушном нападении с использованием аэродромов передового базирования, расположенных на евразийской периферии, а также на территории Соединенных Штатов и нацеленных преимущественно на индустриальные объекты Советского Союза, что и составляло суть главной западной стратегической инициативы”⁶¹. Отвечая на поставленный самой историей вопрос, как относились к применению атомного оружия после Хиросимы те, кто призван был

⁵⁸ См. подробнее: *Волокитина Т.В.* Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромиссов к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1999; *Гибианский Л.Я.* Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока; *Он же.* Форсирование советской блоковой политики // Холодная война 1945–1963 гг.: Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003. С. 105–186.

⁵⁹ *Leffler M.P.* A Preponderance of Power. P. 218.

⁶⁰ *Erdmann A.P.N.* Op. cit. P. 95.

⁶¹ *Rosenberg D.A.* The History of World War III, 1945–1990: A Conceptual Framework // On Cultural Ground. Essays in International History / Ed. by R.D. Johnson. Chicago, 1994. P. 201.

принимать окончательное решение, и, в первую очередь президент США, другой видный историк холодной войны Джон Гэддис обращает внимание на то, как быстро прошел шок от удара 6 августа 1945 г. Он приводит в пример слова У. Черчилля, который, находя “физический эффект Хиросимы ужасным, не высказал сомнений в разумности использования атомной бомбы против Японии или угрозы применения ее в назревающем конфликте с Советским Союзом. Его он с уверенностью предвидел. Бомба, по убеждению Черчилля, могла оказаться *единственным* оружием, с помощью которого западные демократии способны были остановить Советский Союз от попытки захватить Европу”⁶².

Наверное американцы знали, что делали, когда решили назвать плутониевую бомбу, сброшенную на Нагасаки 9 августа 1945 г. “Толстяком” (Fat Man). В честь Уинстона Черчилля.

Безальтернативный выбор?

Достоинно признания, что в истории холодной войны отдельной строкой выделяется роль пестрого состава политиков, дипломатов, ученых и военных, оказавшихся в состоянии влиять на принятие последнего решения. Одним из них был У. Черчилль, и в самом деле он долгое время не изменял своего мнения об атомной бомбе как оружии “беспроектной серии”. Но история знает еще более выразительный пример готовности политического руководителя страны не колеблясь перешагнуть последнюю грань в ситуации, когда отнюдь не военная опасность для страны, а чисто политический расчет заставил нажать “на кнопку”. Обнаруженный и опубликованный в 1980 г. историком Э. Марком “Потсдамский дневник” Гарри Трумэна (16–30 июля 1945 г.) неопровержимо свидетельствует о принятом им уже на следующий день после успешного испытания в Аламогордо (16 июля 1945 г.) решении сбросить бомбы на японские города⁶³. Окончательное решение было *безальтернативным*, оно не обсуждалось ни с кем и не пересматривалось, несмотря на изменения в обстановке в последующие недели войны на Тихом океане⁶⁴. Изменения эти бы-

⁶² Gaddis J.L. Conclusion // Cold War Statesmen Confront the Bomb. P. 261.

⁶³ Mark E. “To day Has Been a Historical One”: Harry S. Truman’s Diary of the Potsdam Conference // Diplomatic History. Winter 1980. Vol. 4. N 1. P. 317–326.

⁶⁴ Об этом, в частности, см.: Gerson J. Empire and Bomb: How the U.S. Uses Nuclear Weapons to Dominate the World. L.; Ann Arbor (MI), 2007. P. 56–59. В книге, состоящей из записей бесед с Г. Трумэном в 60-е годы прошлого века, журналист М. Миллер специально отметил тот факт, что решение о бомбардировках принималось президентом США в одиночку, когда вокруг него не было ни одного человека (см.: Miller M. Plain Speaking. An Oral Biography of Harry S. Truman. N.Y., 2004. P. 217).

ли связаны с очевидным желанием Токио как можно скорее выйти из войны и согласием Советского Союза (подтвержденном Сталиным) в установленные сроки открыть фронт на Дальнем Востоке с целью вынудить к капитуляции Страну Восходящего Солнца⁶⁵. Повторная бомбардировка – Нагасаки – состоялась 9 августа 1945 г., хотя Г. Стимсон советовал президенту упредить ее обращением к японскому правительству с требованием немедленно капитулировать. Не нужны были никакие другие аргументы, чтобы знать наверняка: после Хиросимы и вступления Советского Союза 8 августа 1945 г. в войну на Тихом океане о длительном японском сопротивлении не могло быть и речи⁶⁶.

Трумэн мог не интересоваться опросами общественного мнения. Философию, выраженную в ключевом фрагменте его Потсдамского дневника⁶⁷, в тот момент разделяло большинство американцев. Никаких признаков конфликта между признанием целесообразности атомных бомбардировок, готовности их повторить и чувством вины, раскаяния, моральных терзаний в связи с жертвами среди мирного населения, медленным умиранием сотен тысяч “хибакуши” не было⁶⁸. Никаких ассоциаций с Герникой или печами Бухенвальда. Культурный контекст в целом, оснащенный элементом социальной евгеники, как это показано многими современниками событий и исследователями, был совсем иной⁶⁹. Физик Юджин Рабинович, редактор журнала “Бюллетень ученых-ядерщиков”, вспоминал в 1956 г.: “За редким исключением общественное мнение с восторгом отнеслось к известиям о Хиросиме и Нагасаки, расценив случившееся как очередную демонстрацию американского технического гения и военной мощи”⁷⁰. Нуклеаризм⁷¹ – продукт

⁶⁵ *Alperovitz G. The Decision to Use the Atomic Bomb and the Architecture of an American Myth. N.Y., 1995. P. 238–275.*

⁶⁶ *Offner A.A. Another Such Victory. President Truman and the Cold War, 1945–1953. Stanford (Cal.), 2002. P. 93.*

⁶⁷ “Конечно, это очень хорошо для всего человечества, что клика Гитлера и ей подобное окружение Сталина не создали атомную бомбу. Кажется, это самое ужасное творение человеческих рук, но она может оказаться и самым полезным”.

⁶⁸ *Mark E. Op. cit. P. 324.*

⁶⁹ Особо следует отметить кн.: *Boyer P. By the Bomb's Early Light: American Thought and Culture at the Dawn of the Atomic Age. N.Y., 1985*; см. также: *Dower J.W. War without Mercy: Race and Power in the Pacific War. N.Y., 1986*; *Hiroshima in History and Memory / Ed. by M.J. Hogan. N.Y., 1996.*

⁷⁰ *Rabinovitch E. Ten Years That Changed the World // Bulletin of the Atomic Scientists. 1956. Jan. N 2. P. 2.*

⁷¹ Нуклеаризм – термин, прижившийся в США в 50–60-е годы XX в. и обозначавший способ мышления, смысл которого – в пропаганде атомной энергии и ядерного оружия в качестве инструментов поддержания национальной безопасности, международной стабильности и благополучия американцев.

коллективной психопатологии поствоенной генерации американцев, грозил принять черты национальной отличительной особенности.

Японцы – “нецивилизованная нация”. Хиросима – расплата за предательский удар по Пёрл-Харбору и одновременно сильнейшее профилактическое средство против любителей военных авантур. Своей чудовищной неизбирательной силой разрушения она ставит точку в истории больших войн и открывает дорогу идее международного контроля над атомной энергией, – вот на чем изначально держалось моральное оправдание рейдов 6 и 9 августа 1945 г. Ученые, вышедшие из густой тени секретности, ни мало не страдая от комплексов, торопились с объяснением мотивов сотворенной ими в ядерном реакторе мировой революции. Ганс Бете, физик-эмигрант и глава теоретического отдела в Лос-Аламосе, писал: “Мы все чувствовали себя солдатами, выполнившими свой долг...”⁷² Роберт Оппенгеймер заявил, что у человечества благодаря бомбе появилось “общее дело”. Джеймс Конант в своих первых послевоенных интервью вообще давал понять, что говорить не о чем: атомная бомба спасла жизнь американских солдат; она стоит в одном ряду с обычным оружием защиты и нападения, которое американская патриотическая наука вкладывает в руки защитников страны. Он с осуждением отнесся к поднимающим голову скептикам и критикам, затронувшим чувствительную тему вины за жертвы среди мирного населения. Осаживая журналистов, он отчеканил: “Вы говорите о конфликте в сознании тех, кто работал над бомбой до Хиросимы... Возможно, из-за моего участия в создании газового оружия в годы Первой мировой войны и моего активного участия в деятельности Национального исследовательского комитета в целях обороны, под эгидой которого были созданы зажигательные напалмовые бомбы, оказавшиеся исключительно эффективными в ходе разрушительных налетов на Токио, конфликт, о котором здесь говорят, в моей голове не существует”⁷³. Совесть журналистов Конант считал либо наигранной, либо наивной и к тому же давно опровергнутой их собственными репортажами о вероломстве и зверствах японцев.

Жесткая цензура на информацию об атомной бомбе и последствиях ее применения способствовала тому, что широкая публика (восхищаясь абсолютным господством Америки в воздухе) реагировала на взрыв атомной бомбы так же, как на “ковровые бомбардировки”, превратившие в руины Токио, Гамбург, Дрезден,

⁷² Rhodes R. Dark Sun. The Making of the Hydrogen Bomb. N.Y., 1995. P. 202.

⁷³ Hershberg J.G. Op. cit. P. 228.

Лейпциг и десятки менее крупных городов Германии и Японии⁷⁴. В арсенале Америки появился новый боеприпас, дающий подавляющее превосходство в силе, что в принципе делало его применение в случае наступательной или оборонительной войны делом вполне допустимым, законным, даже само собой разумеющимся – таким, как и применение напалмовых бомб, входивших тогда уже в перечень средств, используемых ВВС США.

Однако вскоре в ситуацию “вмешался” международный фактор. Прошло ликование, связанное с Победой. И в Европе, да и в самих Соединенных Штатах начали звучать голоса, тек, кто осуждал “несвоевременное” использование атомного оружия. И там, и тут стали поговаривать, что Хиросима была “ошибкой”, а Нагасаки – “преступлением”. Герберт Уэллс, Махатма Ганди, Лайнус Полинг, рассмотрев в деталях квадрат, накрытый ядерным ударом, не нашли никакого оправдания актам геноцида против японских городов, не имевших военных объектов и обманутых внезапностью нападения с воздуха. Английский физик, лауреат Нобелевской премии Патрик Блэккетт сделал ряд устных заявлений, смысл которых сводился к тому, что атомные бомбардировки стали не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой большой операцией в холодной дипломатической войне с Россией. Чуть позже появилась его книга-протест, превратившаяся в манифест левого движения в Европе и, давшая толчок активной фазе европейского антиамериканизма⁷⁵.

Нильс Бор, Альберт Эйнштейн, Лео Сциллард осудили атомные бомбардировки, выразив убеждение, что они больше не повторятся⁷⁶. В разное время и в разной форме их подключение к хору несогласных усилило и умножило число сторонников нового пацифизма, ставящего задачу запретить ядерное оружие, объявить его вне закона. Очерк американского журналиста Джона Херси “Хиросима”, опубликованный 31 августа 1946 г. в журнале “Нью-Йоркер”, отрезвляюще подействовал и на Америку, заставив ее содрогнуться, хотя многие решили, что именно ужасающая картина разрушений японских городов откроет глаза Сталину на то, что ждет его страну в случае, если он будет упорствовать в осуществлении своих экспансионистских планов.

Гонимое, но не подавленное протестное движение не могло серьезно повлиять на планы правительства и военных кругов, хо-

⁷⁴ См.: *Dower J.W.* The Bombed: Hiroshima and Nagasaki in Japanese Memory // *Hiroshima in History and Memory*. P. 116–142.

⁷⁵ *Blackett P.M.S.* Military and Political Consequences of Atomic Energy. L., 1948.

⁷⁶ *Wittner L.S.* Rebels against War: The American Peace Movement, 1933–1983. Philadelphia, 1984. P. 146, 148.

тия и заставило прислушаться к нему. Выдвигается идея “сбережения мира” и западных ценностей под гарантии атомного оружия, американского экономического могущества и объединения Запада в новый военно-политический альянс при обязательном и непосредственном участии США. Объявив о непримиримости двух “образов жизни”, Г. Трумэн 12 марта 1947 г. выступил с доктриной “принуждения Советов к миру”, впервые утверждавшей право Америки активно вмешиваться во внутренние дела государств, на многие тысячи километров удаленных от нее и расположенных на других континентах. Провозглашенные вслед за тем как логическое продолжение великого проекта глобализации “нового курса”⁷⁷ меры по знаменитому “Плану Маршалла” (июнь 1947 г.), наряду с политической поддержкой “антитоталитаризма”, напоминали ленд-лиз и рузвельтовские декларации о долге Соединенных Штатов до конца противостоять авторитарным режимам. В апреле 1949 г. по инициативе США двадцать западных стран создали Организацию североатлантического пакта – НАТО (пусть Сталин решит: атомная война или атомный мир). Через три дня после подписания соответствующего документа Гарри Трумэн публично заявил, что он готов снова отдать приказ применить атомную бомбу, если посчитает нужным это сделать⁷⁸. Мир был предупрежден. Бомба становилась оружием наступательной дипломатии Запада.

Воинственное заявление Трумэна не было чистым блефом. Высшее военное руководство (включая министра обороны Дж. Форрестола) подвергло президента настоящей осаде, требуя снять запрет с кластера планов применения атомных бомб против СССР (“Бройлер”, “Фролик”, “Хафмун”). Колебания Трумэна вполне могли разрешиться в пользу “расконсервирования” этих планов, к чему его подталкивали, помимо желания соответствовать настроениям в стране, уже сделанные огромные инвестиции в Западную Европу. О них в тоне признательности Пентагону за его заботу об обороне заговорила большая пресса по обе стороны Атлантики, писавшая о превентивных атомных ударах по бывшему союзнику как о чем-то очень близком и само собою разумеющемся. Там-тамы войны с Россией зазвучали с такой нарастающей силой, что Лео Сциллард, один из инициаторов “Ман-

⁷⁷ Восстановление и интеграция экономик стран Запада путем подключения их к созданным под эгидой США после 1945 г. международным финансовым институтам и реструктуризация торгово-экономических связей в рамках западноевропейского сообщества и др.

⁷⁸ Геркен Г. Братство бомбы. Подробная и захватывающая история создания оружия массового поражения. Пер. с англ. М., 2008. С. 268; Rhodes R. Dark Sun. P. 354.

хэттенского проекта”, посчитал, что шансов избежать атомной войны осталось не более 5–10%⁷⁹. Стремление повторить “гуманитарную инициативу” (мир на земле через силу), как кое-кто стал называть бомбежку Хиросимы и Нагасаки, Томас Манн называл результатом временного “омрачения умов” под воздействием пропаганды войны⁸⁰.

Доктрина Трумэна и Берлинский кризис 1948–1949 гг. стали, позволительно сказать, линией водораздела в процессе трансформации американской внешнеполитической доктрины либерального интервенционализма. И Вудро Вильсон, и Франклин Рузвельт с их идеями активно вмешиваться в мировые дела, не умаляя инструментария дипломатии, оказались далеко в прошлом. Впервые в мирное время США инициировали перевооружение и создание военного альянса, наделив себя правом вмешательства во внутреннюю жизнь других стран и их защиты от внешнего врага – сначала Греции и Турции, а затем и всей Западной Европы. Иначе говоря, если воспользоваться откровенным признанием Г. Киссинджера, “они шли напролом, облачившись в мантию, надевать которую когда-то не советовали ни Джордж Вашингтон, ни Джордж Квинси Адамс”⁸¹.

Но этим не исчерпывались радикальные перемены в международной политике послевоенных США, создавших арсенал самого современного оружия. Новизна ситуации состояла еще и в том, что, как заметил другой ведущий американский аналитик, З. Бжезинский, противостояние Америки с СССР было сопряжено с риском апокалипсической ядерной войны⁸², решение о начале которой Вашингтон оставлял исключительно за собой. Впрочем, через два года после Хиросимы, выступая в роли непублич-

⁷⁹ См.: *Rhodes R. Dark. Sun. P. 327, 328.* Отголоском этих настроений стало выдворение в марте 1949 г. из США делегации деятелей советской культуры, в число которых входили Д.Д. Шостакович, С.А. Герасимов, А.И. Опарин и др. (*Иванян Э.Н.* Когда говорят музы: История российско-американских культурных связей. М., 2007. С. 251). Антинацизм легко конвертировался в антисоветизм и русофобию. “Мы воевали не с тем народом, с каким надо” (*We fought the wrong people*). В этой короткой фразе умещалась вся философия маккартистской контркультуры, порывавшей, как заявлялось ее идейными вдохновителями, с традицией либеральных оппортунистов, трусливо “предавших подлинный американизм” в угоду “британским лордам и коммунистическим радикалам” (см.: *Talbot S. The Master of the Game. Paul Nitze and the Nuclear Peace. N.Y., 1988. P. 61, 62.*)

⁸⁰ Манн Т. Письма. М., 1975. С. 213; см. также: *Wittner L. Op. cit. P. 167.*

⁸¹ *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М., 2002. С. 276.

⁸² *Бжезинский З.* Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 21, 22, 63.

ного политика на одном из закрытых совещаний, Г. Трумэн осторожно высказывался в том смысле, что прибегать к “этой штуке” (атомной бомбе) следует лишь в исключительных случаях, когда “это абсолютно необходимо”⁸³. Делясь своими сомнениями, Трумэн шел наперекор себе самому того времени, когда все ждали капитуляции Японии, со дня на день. Решимости противостоять искушению согласиться с доводами военных⁸⁴ оказалось достаточно, чтобы не дать оснастить атомными бомбами и поднять в воздух 60 стратегических бомбардировщиков В-29 с аэродромов в Восточной Англии. Все устроилось само собой, говорят многие историки. На первый план выдвигаются при этом вопросы обеспеченности обеих сторон военной логистикой. Ее не хватало и тем, и другим, что и подогревало обоюдное желание, сблефовав, отступить. Например, В. Мастный (видный исследователь европейской политики США после 1945 г.) считает, что причина крылась в небоеспособности и той и другой стороны, маскируемой демонстрацией твердости и бесстрашия⁸⁵. Джон Гэддис побуждения Сталина объясняет чисто конъюнктурными, не стратегическими мотивами – стремлением перехватить инициативу в связи с утратой важных позиций после конфликта с Югославией, а сдержанность США – первыми результатами экономического восстановления Западной Европы благодаря “Плану Маршалла” и желанием европейцев объединить оборонные усилия⁸⁶.

Представляется, что ближе всего к достоверному выводу подошел историк и писатель Ричард Родс. Он полагает, что исход ситуации, чреватый, по меньшей мере, опасным вооруженным инцидентом, не стал катастрофой в результате непреклонного “нет” Трумэна устроить пробу сил, на чем настаивали его военные советники. В объяснение тому Родс ссылается на житейское здравомыслие Трумэна, свойственное ему волевое начало (проти-

⁸³ *Lilienthal D.E. The Atomic Energy Years, 1945–1950: The Journals of David E. Lilienthal.* N.Y., 1964. Vol. 2. P. 391.

⁸⁴ Военные требовали свободы рук в обстановке полуистерии в обществе в связи с возможной потерей Берлина и следующей за ней с неизбежностью перспективы “советизации” всей Западной Европы.

⁸⁵ *Mastny V. Europe as an Issue in Soviet-American Relations, 1945–1950 // Paper Prepared for the Conference on the History of United States – Soviet Relations.* Moscow, 1987. June. P. 33–35.

⁸⁶ *Gaddis J.L. The Cold War.* P. 32–35. В другой своей работе, уточняя мотивы, которыми мог руководствоваться Трумэн, воздерживаясь от нанесения превентивного атомного удара по незащищенному Советскому Союзу, Гэддис писал, что лидер уже возникшей широкой коалиции не мог рисковать своей моральной репутацией в глазах союзников неспровоцированной жестокостью без объявления войны (*Gaddis J.L. Surprise, Security and the American Experience.* Harvard College, 2004. P. 62, 63).

востоял напору генералов) и нежелание возвращаться к трагическому прецеденту (достижению военных целей с помощью оружия массового уничтожения), который был создан им самим в Хиросиме⁸⁷. Но не раскаяние, по мнению Родса, двигало Трумэном, а желание сохранить имидж спасителя солдатских жизней.

Были причины поважнее. Как бы исподволь проявилось действие атомного антисиндрома, который Трумэн распознал раньше первых критиков нуклеаризма. Проголосовав на выборах в Конгресс (ноябрь 1946 г.) в пользу республиканцев, электорат, не расположенный расставаться с мирной жизнью, подал внятный сигнал о падении популярности президента, взвалившего на страну глобальные военные задачи⁸⁸. К тому же, мы уже говорили, любые решения вроде инициирования военных действий после 1945 г. требовали соотнесения их с положением внутри формирующегося нового западного альянса, учета господствующих там настроений, отнюдь не однозначных. Еще одним основанием уклониться от опрометчивых шагов с наполнением бомбовых отсеков стратегических бомбардировщиков атомными боеприпасами были данные разведки⁸⁹ о реальных намерениях Советского Союза. Вывод расходился с предсказаниями скорой агрессии Кремля. “Восточные армады” не собирались пересекать границы, определенные Ялтинским и Потсдамским соглашениями. Несмотря на периодически возникавшие форсмажорные обстоятельства и заполнявшие популярные журналы жуткие картины русского нашествия, ведущие американские аналитики не видели подтверждения предположениям о намерениях Советского Союза предпринять вторжение в Западную Европу⁹⁰.

Решительно соблюдая курс на достижение полного военнотехнического превосходства, отвергая “компромиссы со злом” и наращивая повсюду военное присутствие США посредством военно-блоковой политики, Трумэн вместе с тем стремился избежать могущих оказаться необратимыми действий⁹¹. В 1948 г. президент предложил даже Объединенному комитету начальников

⁸⁷ Rhodes R. Dark Sun. P.344.

⁸⁸ Leffler M.P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union and the Cold War. N.Y., 2007. P. 70.

⁸⁹ Полученные путем отслеживания перебросок и сосредоточения войск, строительства аэродромов, других инженерных сооружений, транспортных артерий и т.д.

⁹⁰ Подробнее о сохранении традиции реалистического мышления в дипломатических кругах США см.: Combs J.A. The Compromise That Never Was: George Kennan, Paul Nitze, and the Issue of Conventional Deterrence in Europe, 1949–1952 // Diplomatic History. Summer. 1991. Mar. 15. P. 361–385.

⁹¹ См.: Leffler M.P. For the Soul of Mankind. P. 56, 57.

штабов подготовить альтернативный атомным сценариям план, опирающийся на идею использования в случае военного конфликта исключительно обычного оружия. Но самым сильным контраргументом в дискуссиях с военными была позиция набиравшего силу движения ученых за право обсуждать вопросы, далеко выходящие за чисто научные и узкотехнические аспекты ядерной физики. Разброс мнений в отношении боевых свойств атомного оружия “победы” волей-неволей заставлял вашингтонскую политическую элиту прислушиваться к тому, что говорилось в этой среде о диапазоне ядерного поражения, морально-политических последствиях атомного удара для самих США, способности защититься от него и т.д. Экспертные оценки ряда ведущих научных авторитетов (в том числе Ванневара Буша) по поводу возможности практического использования атомного оружия в войне против Советского Союза отличались от того, что владело воображением генералов. Главное – эти оценки были близки к тому, что президент, похоже, был внутренне готов услышать.

В. Буш по контрасту с Объединенным комитетом начальников штабов был ближе всего к мнению интернационалистски настроенных членов научного сообщества, таких, как Н. Бор, Л. Сциллард и др. А именно: идея “мир един и неделим” должна взять верх над опрометчивыми шагами и сомнительными притязаниями на долговечность атомной монополии и неуязвимость. Позиция Буша не была спонтанным проявлением солидарности с корифеями физики Н. Бором и А. Эйнштейном. Он умел мыслить самостоятельно, пользуясь своей уникальной информированностью. Еще 25 сентября 1945 г. в своем меморандуме президенту Буш, отклоняя доводы сторонников рубить с плеча, поступил в тот момент достаточно дальновидно, поставив под сомнение эксклюзивный характер революции в военных делах, совершенный в Лос-Аламосе и продолженный страшной статистикой Хиросимы и Нагасаки. Торжества и карнавалы, по его мнению, следовало отменить и настроиться на длительный поиск взаимоприемлемых договоренностей с СССР, Англией и Канадой о контроле над атомной энергией, сохраняющих, разумеется, за США решающее преимущество – секреты производства атомной бомбы.

Не считая возникший стратегический дисбаланс вечным и обеспечивающим Соединенным Штатам, помимо непробиваемой безопасности, еще и неоспоримое военно-политическое преимущество, Буш высказал догадку о возможности асимметричного ответа СССР путем производства альтернативного оружия (радиологического, биологического и химического). Это было своевременным (и вполне в духе Нильса Бора и Генри Стимсона) предупреждением от ослепления всемогуществом. Буш писал:

“Предположим, мы оказались способны сохранить монополию на атомную бомбу и даже обеспечить наращивание ее мощи в сравнении с настоящим уровнем. Россия, столкнувшаяся лицом к лицу с таким развитием событий, не останется навсегда в безнадежной ситуации. По моему мнению, обладая двадцатилетним или, пускай, чуть меньшим опытом концентрации усилий на разработке бактериологического оружия, она сможет создать продукт, который, при использовании в качестве средств доставки самолетов или бомб (так в тексте. – *В.М.*), способен уничтожить посевы и подвергнуть людей различным заболеваниям в таких масштабах, какие могут быть столь же пугающими, что и применение разрушающей силы атомной энергии. Подземные убежища не уберут от этой угрозы. Так, по сути дела, инстинктивно в условиях стрессовой ситуации поступают все страны. В ходе только что окончившейся войны США, Англия и, по-видимому, Германия вели разработку биологического оружия, кажется, только с целью лучшего понимания его возможностей и (если будет найдена от него защита) нахождения ответа на вопрос о его применении. В связи с этим встает вопрос, захочет ли Россия, столкнувшись с фактом атомной монополии США, отказать себе в поисках возможного противоядия? По крайней мере, это очень сомнительно”⁹².

Так стоило ли или не стоило приписать к стене ультиматумами и без того разгневанных и упрямых русских похожим на запугивание и издевательство укрывательством атомных секретов? И хотя взгляды Буша не отличались особой оригинальностью и последовательностью, с ними нельзя было не считаться.

У тогдашних критиков администрации “с позиции силы” существовала своя точка зрения: Трумэн (опираясь на бомбу) мог быть более “утвердительным” или бескомпромиссным⁹³. Или даже, что он попросту был *неадекватен* в понимании атомной стратегии, рассматривая новое оружие всего лишь как “удобный повод избежать жестких решений и болезненных ответов”, всецело полагаясь на фактор морального устрашения. Неадекватен по причине неоправданной *сакрализации* атомной бомбы, уравнивая ее с другими видами запрещенного оружия (по Бушу – с бактериологическим и химическим), нерасторопности в вопросах производства этого вида оружия, а также из-за отказа выстраивать военную политику в согласии со сценариями пентагоновских ястребов. Но, может быть, во многом благодаря этой “неадекватно-

⁹² H.S. Truman Library (далее: HSTL). President’s Secretary File (далее: PSF). Subject File “Atomic Bomb-Cabinet”. Reel 40: *V. Bush to Truman*. Sept. 25, 1945.

⁹³ *Williamson S.R., Rearden S.L.* The Origins of the U.S. Nuclear Strategy, 1945–1953. N.Y., 1993. P. 193.

сти”, расплывчатости и колебаниям Трумэна, вопреки худшим ожиданиям и пророчествам, мир предкатастроф, поделенный надвое, прошел “со старта” буквально по “острию ножа”⁹⁴ самый опасный отрезок, на котором его поджидала череда смертельных рисков и потерь.

И в самом деле, с 1945 г. и вплоть до окончания Корейской войны были преодолены острейшие формы взаимной непереносимости, что способствовало возникновению принудительно мирного сожительства противоположных начал, состыкованных нависшей над ними обоими угрозой глобального суицида. Воспринимаемая всеми как незыблемая данность идеологическая твердокаменность Сталина и особая склонность не чуждого манихейства Трумэна – жить “на свой манер”, деля мир на белое и черное, нивелировались грозящей непоправимой катастрофой в ареале, который далеко превосходил территорию обеих стран и самое неудержимое воображение. Результаты заочной словесной дуэли двух лидеров, мимолетно обсудивших атомную тему в Потсдаме в июле 1945 г., могли быть выражены формулой Раймона Арона “мир невозможен, война невероятна” или иначе: нет оснований для оптимизма, но есть, возможно, шансы на спасение. В Америке целая плеяда научных светил (А. Эйнштейн, Л. Сциллард, И. Раби и др.), понимая эту формулу как совет добиваться консенсуса с администрацией, стремилась достучаться до высших этажей вашингтонского истеблишмента. Порой это удавалось. В конце 1947 г. на те же позиции встал Р. Оппенгеймер⁹⁵. Джеймс Конант – сам в сущности часть этого истеблишмента в совершенно, казалось бы, неподходящий момент (с точки зрения поднявшей военную тревогу Большой прессы) – в разгар кризиса, возникшего в связи с февральскими событиями 1948 г. в Чехословакии, – выступил публично с опровержением тезиса о неизбежности третьей (ядерной) мировой войны и призвал к “вооруженному перемирию”. Фактически это означало замораживание атомных вооружений и отказ от права “первого удара”⁹⁶.

Проведенное Советским Союзом 29 августа 1949 г. в районе Семипалатинска испытание “специального оружия”, пробив на-

⁹⁴ Насколько серьезно некоторые современные авторы рассматривают угрозу ядерного удара по СССР в первые послевоенные годы, видно из того факта, что Гэддис, например, как и некоторые другие авторы, усмотрел первопричину отказа от ядерной войны в элементарном недокомплекте американских бомб (*Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford University Press, 1998. P. 27*).

⁹⁵ *Cassidy D.C.J. Robert Oppenheimer and the American Century. N.Y., 2005. P. 285.*

⁹⁶ *Hershberg J.G. Op. cit. P. 360.*

стоящую брешь в технологическом “бронезилете” американцев, подтвердило сложившуюся патовую ситуацию⁹⁷. Пришлось отбросить представления о научной и технологической отсталости Советского Союза. Непредвиденное время испытаний (удивившее даже легендарного Клауса Фукса) резко повысило рейтинг советской науки. Пора перестать обманывать себя, отозвался глава ЦРУ адмирал Хиллинкотер на это событие⁹⁸. Провал разведки, последовавшие за ним отставки и реорганизация привели к изменениям во всей системе и характере внешнеполитического планирования и самое важное – содействовали появлению нового взгляда на так называемое окно уязвимости. Ведь бомбу, взорванную под Семипалатинском пришлось признать реальностью после всеобщего замешательства и сомнений в достоверности полученных данных.

Современный английский исследователь Гудман пишет, что проблема советского ядерного потенциала превратилась в постоянную головную боль американских военных планировщиков и спецслужб. За исходное принималось то, что “СССР либо уже имеет, либо может произвести в достаточном количестве Ту-4 (В-29) и подготовить натренированные экипажи, желающие или способные совершить полеты в один конец по примеру камикадзе, и, если понадобится, накрыть ключевые американские цели известным числом атомных бомб советского производства”⁹⁹. Скрытый от глаз процесс переосмысления геостратегического баланса набирал силу. Причем данные разведывательного мониторинга подталкивали скорее к переоценке¹⁰⁰, чем к недооценке

⁹⁷ *Leffler M.P.* A Preponderance of Power. P. 326, 327.

⁹⁸ *Goodman M.S.* Spying on the Nuclear Bear. Anglo-American Intelligence and the Soviet Bomb. Stanford, 2007. P. 51.

⁹⁹ *Ibid.* Сталин использовал оружие конспирации, соединенное с эффектом внезапности, в интересах психологического воздействия на противника, дабы лишить его четких представлений о реальном положении дел. Так, 3 августа 1947 г. на воздушном параде в Тушино появилась тройка самолетов Ту-4 (точные копии стратегических бомбардировщиков В-29). Скорее всего, это должно было продемонстрировать достоверность произнесенного как официальное предупреждение заявления Молотова 29 октября 1946 г., сделанного перед Генеральной Ассамблеей ООН: Советский Союз может положить на чашу весов “свои атомные бомбы и еще кое-что” (см.: *Ильин А.* От “Малыша” до “Большого Ивана” // *Международная жизнь.* 1997. № 2. С. 91; *Молотов В.М.* Вопросы внешней политики. М., 1948. С. 263). Летом 1951 г. был сформирован авиационный полк из 22 самолетов Ту-4, специально оборудованных подвесной системой для транспортировки атомных бомб (Атомный проект СССР: Документы и материалы / Под общей ред. Л.Д. Рябева. Т. II: Атомная бомба. 1945–1956. Кн. 7 / Отв. сост. Г.А. Гончаров. М.; Саров, 2007. С. 551).

¹⁰⁰ Порой умышленной, как это выяснилось на примере предвыборной кампании Джона Кеннеди в 1960 г.

советского контрнаступления¹⁰¹. Но, так или иначе, документы разведслужб свидетельствуют (прямо и косвенно), что процесс принятия решений политическим руководством США после 1949 г. строился на новой базе данных (при всей их относительной достоверности) и новых оценках, дававших материал для выводов об обоюдных рисках для СССР и США в связи с открытием новой фазы ядерного противостояния¹⁰². В ряду таких особо значимых документов может быть назван совместный доклад разведэкспертов США и Великобритании “Оценка советских намерений и возможностей” (сентябрь 1949 г.) и меморандум ЦРУ “Советские приготовления к основному военному конфликту в 1950 году” (25 августа 1950 г.).

Названные выше документы, подготовленные по заданию Белого дома сразу после начала войны в Корее, исходили из признания ложности представлений о технологической отсталости СССР и констатации успешного выполнения им программы “индустриальной мобилизации”, военного строительства (особенно по части авиации и подводного флота) и пополнения сырьевых и продовольственных ресурсов. Способность вести сразу несколько “локальных войн” странами “советской орбиты” оценивалась весьма высоко. Главный пункт прогноза-предупреждения звучал по меркам самого большого военного успеха США в 1945 г. и в сопоставимых цифрах более чем внушительно: “...4. СССР не будет готов вести масштабные атомные бомбардировки в 1950 г., однако Советы способны обрушить на континентальные Соединенные Штаты 25 атомных бомб, которые в настоящее время, согласно нашим данным, имеются уже в распоряжении русских”¹⁰³.

¹⁰¹ См. подробнее: *Cavanaugh J.V.* From the “Red Juggernaut” to Iraqi WMD: Threat Inflation and How It Succeeds in the United States // *Political Science Quarterly*. Winter 2007–2008. Vol. 122. N 4. P. 555–584.

¹⁰² Военные средства достижения победы падали в цене. Один из ведущих американских специалистов по психологической войне, У. Морган, оценивая возможность перебороть неблагоприятные тенденции в ядерном противостоянии, писал накануне смерти Сталина: “Нашим стратегически руководящим принципом и одновременно нашей секретной целью должна стать максимальная концентрация на разжигании и поддержании хаоса на пространстве СССР” (цит. по: *Leffler M.P.* For the Soul of Mankind. P. 101).

¹⁰³ HSTL. PSF. CIA. Intelligence Memorandum N 323-SRC. 25 Aug., 1950. Американские спецслужбы не допустили серьезных ошибок в подсчете накопленных “запасов” советских атомных бомб, начиная с 1949 г. Было учтено даже ускорение, которое получило это производство после Семипалатинска. В 1950 г., согласно постановлению Совета министров СССР, планировалось изготовить всего лишь семь “готовых изделий из плутония” по образцу “испытанной в 1949 г. конструкции” в авиационном исполнении. Но до конца 1951 г. было изготовлено 29 бомб. Всего за 1950–1954 гг. – 153 “изделия” (см.: *Атомный проект СССР*. Т. II, кн. 6 / Отв. сост. Г.А. Гончаров. М.; Саров, 2006. С. 685, 687; кн. 7. С. 549).

25 атомных бомб после ставшего достоянием документально-го кино, телевидения, газет и журналов зрелища разрушений Хиросимы и Нагасаки кое-что значили. У данного простейшего силлогизма были различные коннотации. Одна из них: надежды, возлагаемые на крах советской экономики и научно-техническое отставание России, не оправдались. Оказалось, что “величайшие достижения организованной науки” стали достоянием “политических приматов”¹⁰⁴ и руководимой ими нации, объявленной Трумэном (как писал с осуждением Кеннан в 1951 г.) “незрелым и несамостоятельным ребенком, которому нельзя позволить общаться с миром взрослых и которого нельзя без надзора выпускать из дому”¹⁰⁵. После известия о Семипалатинске, в которое американцам не хотелось бы верить, уже не казались надежными расчеты, связанные с “контролем над миром”¹⁰⁶. А заодно и вся конструкция, построенная на базе двусторонних секретных соглашений Рузвельта и Черчилля по атомным вопросам (1943, 1944) и закрепленная заявлением Трумэна от 9 августа 1945 г. Суть последнего по достоинству сразу же оценили в Кремле – все страны, за исключением США, Англии и Канады, не должны были иметь доступа к атомным секретам до тех пор, пока не будут выработаны эффективные средства контроля над атомной энергией и инспекции¹⁰⁷.

Почти одновременное создание термоядерного оружия¹⁰⁸ уже не оставило никаких сомнений у здравомыслящих политиков в обеих странах. Стало понятно, что даже ограниченное применение этого оружия вызовет, как выразился Макджордж Банди¹⁰⁹, “катастрофу, не укладывающуюся в пространство истории”¹¹⁰.

¹⁰⁴ Этот оборот речи президент Трумэн употребил в своем радиообращении 6 августа 1945 г.

¹⁰⁵ Kennan G.F. *America and Russian Future* // *Foreign Affairs*. 1951. Vol. 29. Apr. N 3. P. 351–370.

¹⁰⁶ Именно в таких терминах были составлены раздобытые в Англии советской разведкой первые документы, содержащие наброски англо-американских планов о совместной работе по созданию атомной бомбы (Атомный проект СССР. Т. II, кн. 6. С. 745).

¹⁰⁷ О сути этого принципиального заявления и связанных с ним комментариев на него в американской прессе см.: Fousek J. *To Lead the Free World. American Nationalism and the Cultural Roots of the Cold War*. Chapell Hill; L., 2000. P. 19–29.

¹⁰⁸ В США в 1952 г., в СССР – в 1953-м.

¹⁰⁹ Советник по вопросам национальной безопасности президентов Кеннеди и Джонсона, в прошлом ближайший сотрудник военного министра Генри Стимсона.

¹¹⁰ Rhodes R. *Arsenals of Folly: The Making of the Nuclear Arms Race*. N.Y., 2007. P. 81.

Характерно, что, приводя это высказывание, Ричард Родс в своей последней работе ставит его в один ряд с аналогичными высказываниями советских деятелей, в частности Маленкова и Хрущева. Соединенные Штаты после августа 1949 г. еще долго имели неоспоримое преимущество в накопленном атомном оружии и средствах доставки, но в стратегическом мышлении появились первые признаки нерасположения видеть в ядерном оружии инструмент *реальной* войны. Не было недостатка в “последних предупреждениях”, однако вслед за ними, как правило, следовали комментарии и разъяснения, снижающие градус напряжения, успокаивающие мировую общественность.

Похоже было, что и Вашингтон, и Москву вполне устраивал этот скрытый от поверхностного взгляда занавесой из взаимных обвинений разрыв между словом и делом (демобилизационные мероприятия и экономический реконверсионный цикл были предприняты обеими сторонами). И в Белом доме, и в Кремле по большому счету ставили не столько на военный конфликт, сколько на кризис в экономике и внутреннюю дестабилизацию соперника, постепенную эрозию ценностей и на осложнения между союзниками и попутчиками (вплоть до войны) в стане врага, за чем должен был наступить развал военных блоков. Глава Отдела планирования государственного департамента Дж. Кеннан отстаивал тезис о преимуществах политики экономического, политического и морального прессинга, нахождения и использования слабых мест советского режима и разложения его изнутри, перед состязанием в непрерывном наращивании убойной силы военных машин и супероружия. Причем отстаивал последовательно и невзирая на нападки справа, начиная со своей знаменитой “длинной телеграммы” 1946 г. В этом заключалась суть его формулы сдерживания – “применимы все методы за исключением войны”¹¹¹.

Хорошо известный документ Национального совета безопасности НСБ-68 (апрель 1950 г.) – историк М. Леффлер называет его одним из “самых значительных аналитических продуктов эпохи холодной войны” – трактовал цели и средства американской внешней политики в основном в том же ключе. Его главное содержание раскрывалось в соподчинении всех звеньев. А именно: сдерживание советской экспансии военной мощью не должно заслонять другие важные цели США, включая разжигание сепаратистских тенденций и межнациональной розни на территории Советского Союза, поддержку “фундаментальных изменений в советской системе”, дезинтеграцию советского блока в Восточной

¹¹¹ См.: *Kennan G.F. Memoirs 1925–1950*. Boston; Toronto, 1967. P. 497–500.

Европе и снижение влияния Кремля на мировую периферию¹¹². Документ, подготовленный новыми фаворитами Полем Нитце и Дином Ачесоном, не содержал призыва использовать атомное оружие первыми (что явилось бы “расставанием со здравым смыслом”) и рекомендовал сосредоточиться на совершенствовании и накоплении обычных вооружений¹¹³.

Время и продублированная оценка характера советской угрозы, интенций и возможностей Кремля в известной степени нивелировали различия между сторонниками “мягкого” и “жесткого” подходов. Молчаливое согласие авторов НСБ-68 (со всеми оговорками) с формулой Кеннана объяснялось не только ее совпадением с желанием Трумэна¹¹⁴ замкнуть на себе принятие решения об использовании атомной бомбы в качестве последнего средства (“Атомная бомба – это палка о двух концах”)¹¹⁵. Ссылками на нее объясняли и отрицательное отношение к достижению договоренности о контроле над производством атомного оружия. Оно было увязано с проектом интенсивного расширения всех видов подрывных действий в странах “за железным занавесом” с целью выращивания в них “ростков” демократии¹¹⁶. Ставилась задача вымотать и экономически обескровить русских предъявлением все более совершенного атомного оружия тактического назначения и других “утонченных” форм ведения войны, способных дать США перевес в любом локальном и более масштабном конфликте. Речь заходила уже и об атаках из стратосферы, и о фантастически быстрых и неуязвимых летательных аппаратах¹¹⁷.

Наступательной дипломатии (с опорой на гибкие системы современного оружия и с помощью восстанавливающих экономическую мощь новых геополитических союзников – Германии и Японии) до поры до времени отдавалось предпочтение перед тер-

¹¹² См.: NSC 68 “United States Objectives and Programs for National Security”. Apr. 14, 1950; Foreign Relations of the United States (далее: FRUS). 1950. Vol. 1. P. 237, 238; *Leffler M.P.* A Preponderance of Power. P. 356–360, 607.

¹¹³ *Talbot S.* The Master of the Game. P. 58.

¹¹⁴ А в дальнейшем и его преемника на посту президента Д. Эйзенхауэра.

¹¹⁵ См.: *Donovan R.J.* Tumultuous Years: The Presidency of Harry S. Truman, 1949–1953. N.Y., 1982; *Rosenberg D.A.* The Origins of Overkill: Nuclear Weapons and American Strategy, 1945–1960 // International Security. Spring 1983. N 7. P. 11.

¹¹⁶ *Hershberg J.G.* Op. cit. P. 338, 339. Данная тема стала лейтмотивом многих выступлений Алена Даллеса (см.: Princeton University. Seeley G. Mudd Library. Box 43: Allen W. Dulles Papers. Talk at Hamilton, Ontario. Mar. 3, 1950).

¹¹⁷ В СССР примерно в то же время П.Л. Капица выдвинул идею защиты от атомного оружия с помощью “направленных энергетических пучков такой большой интенсивности, чтобы почти мгновенно уничтожить облучаемый объект” (*П.Л. Капица – Г.М. Маленкову*, 25 июня 1950 г. // Атомный проект СССР. Т. II, кн. 7. С. 140–145).

моядерной бомбой. “Эскиз” Э. Лоуренса, Э. Теллера и Л. Альвареса, предложенный еще в конце Второй мировой войны¹¹⁸, не спешили извлекать из-под сукна. Отсутствие согласия внутри сообщества ученых-ядерщиков мешало поступить по-другому. Все больше людей в странах – союзниках США считали, что война с Советским Союзом маловероятна, если только Вашингтон не спровоцирует ее сам¹¹⁹. Историк Дж. Харпер, говоря о признаках подкравшейся внутренней оттепели, писал: «Сами американцы уже не испытывали беспокойства по поводу глобального советского нападения. Новый глава Объединенного комитета начальников штабов генерал Эйзенхауэр заявил кабинету Трумэна в январе 1951 г., что советские лидеры не “видят, что именно способно принести им победу в войне сейчас, и что он не думает, что они готовы ее начать”»¹²⁰. Примерно о том же в преддверии выборов 1952 г. писал в ряде своих статей в ведущих изданиях Джон Фостер Даллес, будущий государственный секретарь. Участвовавший в разгоревшихся в атмосфере секретности дебатах о создании термоядерного оружия (супербомбы) Джеймс Конант поменял свои взгляды на 180°. Как и большинство ведущих научных консультантов Комиссии по атомной энергии и ее председатель Д. Лилиенталь, Конант полагал, что взятие нового “рекордного веса” только разозлит русских, дав им повод справедливо обвинять США в аморальности и подготовке к войне-геноциду.

Военные и лоббисты военно-промышленного комплекса негодовали, прослышав о расколе среди ведущих ученых-ядерщиков, но до конца “зачистить” поле для культивирования духа наступательной войны им не удалось. Попытки сочинить в популярных журналах сценарий победоносной полномасштабной атомной войны моментально вызывали взрыв отрицательных откликов. Их авторы, поднимая каверзные нравственные вопросы, предрекали стране чудовищные моральные потери от пропаганды “мироносного” Армагеддона или просто привыкания к “размышлениям о немислимом”. Эта истина отражалась и в медленно растущей рассудочности политиков, дипломатов и самих военных (в частности, среди морских чинов)¹²¹. Корейская война

¹¹⁸ См.: *Bernstein B.J.* Truman and the H-Bomb // *Bulletin of the American Atomic Scientists*. 1984. Mar. P. 12–20.

¹¹⁹ См.: *Harper J.L.* American Visions of Europe. P. 304, 305.

¹²⁰ *Ibid.* P. 306.

¹²¹ Оружие мира, а не войны. Американский историк Бартон Бернстайн показал особую заинтересованность некоторых ведущих фигур вашингтонского истеблишмента, причастных к созданию атомной бомбы, в пропаганде ее революционной роли в деле исключения войны из арсенала мировой политики. Уже в 1946–1947 гг. Конант и Стимсон предприняли неординарные усилия для

(1950–1953) подтвердила желание Вашингтона “держаться в рамках”. Аргументов “за” оказалось больше, чем аргументов “против”. Решением Г. Трумэна война была признана ограниченным безъядерным военным конфликтом. Генерал Д. Макартур, призывавший использовать атомное оружие против участвовавших в Корейской войне китайских добровольцев, был уволен в отставку.

Малоприметная внутренняя работа, изменившая настроение президента Трумэна¹²², совпала с проявлением откровенно скептического отношения ряда творцов атомного оружия к теории неограниченного накопления ядерного оружия в качестве средства “сдерживания” и выдвиганием ими концепции “ядерного штиля” через переговоры. Многие рисковали даже говорить о своей готовности смириться с поражением в войне, только бы не прибегать к оружию геноцида, оружию массового убийства¹²³. И еще. После Семипалатинска резко поднялись в цене ресурсные и мобилизационные возможности СССР, его способность нанести ответный удар, о чем свидетельствовал регулярно обновляемый мониторинг послевоенного восстановления страны. Так рождалось само понятие “взаимно гарантированного уничтожения” (*Mutual Assured Distracton*), причем в этом более всего были повинны разведывательные структуры США. В результате именно их деятельности стало ясно, что стратегические ВВС США уже не могут доминировать в вопросах определения приоритетов военной политики и объектов дальнего наблюдения”¹²⁴.

Разведка вторглась в налаженный распорядок подсчета соотношения сил на годы вперед математически выверенным анализом советского оружейного урана, состава радиоактивных отходов, типа атомных боеприпасов, а также урона от возможного обмена атомными ударами, катастрофических последствий их для жизнеобеспечения общества по обе стороны “железного занаве-

того, чтобы бомбардировки Хиросимы и Нагасаки представить как неизбежное жертвоприношение с целью предотвращения затягивания войны и акцию профилактического значения (“мир посредством силы”) (см.: *Bernstein B.J. Seizing the Contested Terrain of Early Nuclear History // Diplomatic History. Winter 1993. P. 57; Idem. Understanding the Atomic Bomb and the Japanese Surrender // Hiroshima in History and Memory. P. 79*). По некоторым данным, надежды на отрезвляющее действие военного атома выражал в частных беседах и Нильс Бор (см.: *Гончаров Г.А. Термоядерный проект СССР: предыстория и десять лет пути к водородной бомбе // История советского атомного проекта: Документы, воспоминания, исследования / Отв. ред. В.П. Визгин. СПб., 2002. Вып. 1. С. 67*).

¹²² См.: *Broscions S.D. Longing for International Control, Banking on American Superiority: Harry S. Truman’s Approach to Nuclear Weapons / Cold War Statesmen Confront the Bomb. P. 18, 19.*

¹²³ См.: *Cassidy D.C. Op. cit. P. 288; Gerson J. Op. cit. P. 57.*

¹²⁴ *Rhodes R. Arsenal of Folly. P. 79–81.*

са". Атомная разведка, несмотря на закрытость советского общества и скептическое к себе отношение в самих Соединенных Штатах¹²⁵, в целом добросовестно выполняла свои обязанности, предоставляя Белому дому все более достоверную аналитическую информацию, порой плохо согласуемую с той, которой оперировали высшие чины Пентагона, лидеры военной партии в Конгрессе и многие ведущие органы печати. Прогноз был неутешителен. Технически Советский Союз к середине 1950-х годов оказался в состоянии прорвать противовоздушную оборону США и вывести из строя большую часть баз ВВС США¹²⁶. Разительный контраст с разведывательными данными, полученными до семипалатинских испытаний: Советский Союз не готов к длительной войне¹²⁷, нападение на Запад следовало ожидать не ранее 1957 г.¹²⁸ Теперь же выяснилось, что национальная безопасность зависит не только от боеготовности вооруженных сил, но и от трезвой самооценки нацией своей роли в мировой политике.

Два цвета времени

Возвращение на короткое время к ощущению защищенности в связи с созданием супероружия не избавило американцев от вала надвинувшихся именно в связи с этим новых сложнейших проблем. Трумэн, отдавая дань подобным настроениям, публично высказался в том смысле, что Америка и весь мир поставлены перед вопросом, как уберечь цивилизацию от гибели, как сохранить контроль над ядерной революцией и как строить отношения с теми, кто рано или поздно окажется к ней приобщенным¹²⁹. Более всего неясного было с "русским сфинксом".

Наталкиваясь на неординарные трудности, но с нарастающим нежеланием искать компромиссы правительство США пыталось сочетать политику атомного карантина вокруг "коллективной тирании" (СССР) с попытками¹³⁰ навязать СССР такие условия его снятия, которые заведомо лишали бы Москву самостоятельности

¹²⁵ *Goodman M.S.* Op. cit. P. 49, 99, 135.

¹²⁶ См.: *Sherry M.S.* In the Shadow of War. P. 123–187; *Talbot S.* The Master of the Game. P. 66, 67.

¹²⁷ *Goodman M.S.* Op. cit. P. 42.

¹²⁸ *Ibid.* P. 39.

¹²⁹ См.: *Public Papers of the Presidents of the United States.* Harry S. Truman, 1947. Wash., 1963. P. 209.

¹³⁰ Как признавал еще в 1947 г. Кеннан, они были невыполнимы по сути (см.: *Princeton University.* Seeley G. Mudd Library. Allen W. Dulles Papers. Box 30. Discussion Meeting Report (Council on Foreign Relations) "Soviet Foreign Policy". Digest of Discussion. Jan. 7, 1947.

в развитии атомной индустрии и закрепляли бы на неопределенный срок ее отставание в области ядерных вооружений (план Баруха)¹³¹.

Ответ Москвы был предсказуем и столь же лишен выходов на договоренность. Советская политика (в преддверии реальных достижений собственного атомного проекта) не допускала “никаких компромиссов” по отношению к “плану Баруха” (сплава национального эгоизма и благих намерений) и тщательно укрывала свои атомграды. Все это вносило серьезную нервность в умы представителей вашингтонской элиты – политиков и дипломатов – всех тех, кто был призван искать выход из тупика в стремлении успокоить миллионы людей в мире и прежде всего в самих Соединенных Штатах. В обстановке обсуждения темы “большой войны” там, как писал видный участник “Манхэттенского проекта” Исидор Раби, росли “страх и фрустрация” перед неизвестностью¹³². Ситуация становилась до такой степени недопустимой, что сам автор плана сохранения атомной бомбы в “одних руках” Бернард Барух заговорил о необходимости “не дать русским уйти в прорыв и попытаться найти метод достижения взаимопонимания с ними”, предприняв усиленную пропагандистскую кампанию идеи международного контроля. В глазах дальновидного финансиста и промышленника неожиданно быстрое восстановление народнохозяйственного комплекса СССР должно было обернуться его неминуемыми военно-техническими успехами. На фоне послевоенного экономического спада в США Барух предвидел для Вашингтона возможный психологический проигрыш в случае чрезмерного охлаждения отношений с СССР. Вывод: чтобы избежать истерической реакции населения на полную непрозрачность советских намерений, следует пойти на контакты с Москвой и разъяснить ей экономические выгоды спокойной жизни под прищотом и на условиях США¹³³. Трумэн поддержал Баруха и от-

¹³¹ Батюк В.И. План Баруха и СССР // Холодная война: Новые подходы, новые документы. С. 85–98; Тиммербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. 1945–1948. М., 1999. С. 39–41.

¹³² Rabi I.I. Playing Down the Bomb // Atlantic Monthly. 1949. Apr. Не могло быть простым совпадением появление статьи “Внутриатомная энергия” И.Е. Тамма (Правда. 1946. 11 апр.), а вслед за ней статей Дж.Ф. Даллеса (в журнале “Лайф” от 3 и 10 июня 1946 г.). Известный советский физик изложил вопрос об использовании термоядерной энергии в “мирных целях” (см.: Горелик Г Сахаров: Наука и Свобода. Ижевск, 2000. С. 168–172). А ветеран американских спецслужб утверждал: “Советы упорно трудятся над тем, чтобы научиться использовать атомную энергию” (Dulles J.F. Thoughts on Soviet Foreign Policy and What to do about It // Life. 1946. June 3, 10).

¹³³ Princeton University. Seeley G. Mudd Library. David E. Lilienthal Papers. Box 129: Bernard Baruch to Lilienthal. Apr. 19, 1948.

верг другой, более мягкий вариант, разрешающий пристроить СССР в хвост американского атомного каравана.

Постепенно поведенческий стереотип сформировался полностью. Тема международного контроля зазвучала рефреном в речах Трумэна. Поддержанное его администрацией создание Комиссии по атомной энергии при ООН (КАЭ), было призвано еще раз продемонстрировать мировому сообществу заинтересованность США в деловом контакте с СССР и Англией и диалоге с обменом рукопожатиями. Главные участники проявляли примерное упорство. США настаивали на инспекциях и санкциях, СССР требовал уничтожения запасов атомных бомб и производственных мощностей. Шансов достичь реальных результатов, хотя бы на уровне мониторинга радиационной опасности и распространения ядерных материалов, не было никаких.

Все, на что решился Трумэн, убежденный, что США никому не должны уступать своего военного превосходства, так это на примирительный жест по отношению к своему национальному антиядерному движению. Он отказал лоббистам ВПК в передаче военным контроля над атомным оружием¹³⁴, но эта мера никак не сократила дистанцию между Москвой и Вашингтоном. И та и другая стороны стремились выиграть время, упуская, по-видимому, единственную возможность реально достичь рамочного соглашения о сотрудничестве в области контроля над использованием атомной энергии и по другим важным вопросам. США не захотели приостановить накопление и модернизацию ядерных арсеналов, объявив нежелательными всякие рассуждения на эту тему, а тем более о запрете на использование атомного оружия¹³⁵. Москва следовала тем же путем, полагая, что любая передышка оставит ее в проигрыше.

Однако стояние “на краю пропасти” после испытаний советского (август 1953 г.) и американского термоядерного оружия, накрывшего радиоактивным облаком японских рыбаков и аборигенов атолла Ронгелан, усилило расположение сторон к дипломатическому диалогу. СССР первым на сессии ООН (1955) предложил запретить его испытания, что вывело из равновесия Эйзенхауэра.

В США внутренние противоречия приняли весьма острый драматический характер. Негативное отношение к термоядерной

¹³⁴ В связи с острыми дебатами о том, кто должен руководить атомным комплексом, Трумэн оборвал их сказанной им репликой: “Я не хочу, чтобы какой-то бравый подполковник решал, когда наступит момент сбросить атомную бомбу” (*Broscons S.D.* Op. cit. P. 20).

¹³⁵ Princeton University. Seeley G. Mudd Library. R. Lilienthal Papers. 1949. Box 147: *Bruce Bliven to Lilienthal*. Sept. 23, 1949.

бомбе объединяло ряд ключевых фигур в интеллектуальном сообществе США, создавших знаменитое движение “Комитет за разумную ядерную политику”. Окончательно оформился раскол среди ученых. Часть из них стояла на прежних позициях недопущения потери лидерства. Однако влиятельное меньшинство (В. Буш, Дж. Конант, Р. Оппенгеймер и др.) еще раньше пересмотрело в целом философию поддержания абсолютного ядерного превосходства Америки любой ценой и подчинения ее военной доктрины “первого удара” и полномасштабной (*large-scale*) атаки. Не все “благополучно” обстояло и в государственном департаменте. В “Туманном днище” активизировалась группа специалистов, тесно связанная с разведкой и настаивавшая на “просвещении” американцев в отношении того, что целью ядерного оружия является предотвращение войны, а не она как таковая¹³⁶. Однако большого влияния на способ мышления военных планировщиков в Пентагоне это не оказало. Они по-прежнему предпочитали говорить и писать не о ядерном сдерживании, а о ядерной войне до победы, отвергая с возмущением идею “деревянной пушки”¹³⁷.

Достигнув пика, эти разногласия гражданских и военных ядерщиков поставили Трумэна в затруднительное положение в разгар Корейской войны. Заклучив, что он должен оставаться над схваткой, президент свое решение (ноябрь 1949 г.) о новом рывке в работе по созданию термоядерного оружия объяснял стремлением не позволить русским опередить США в уже развернувшейся гонке атомных вооружений, а заодно уменьшить количество “единиц хранения” атомных боеприпасов. Но фактически зеленый свет для супербомбы стал одновременно и шагом навстречу признанию достижения обеими ядерными державами потолка, за которым не было ничего, кроме *взаимно гарантированного уничтожения*. В прощальном обращении к нации 15 января 1953 г. Трумэн подтвердил напрашивавшийся сам собой вывод, заявив, что атомная война стала делом “немыслимым”. Он призвал также советских вождей отказаться от старого мышления, унаследованного от “доядерной эры”, и думать только о новой стратегии “разумных людей”¹³⁸. Это походило на приглашение к “круглому столу”. Всему помешали выборы 1952 г.

¹³⁶ Bundy M. *Danger and Survival: Choices About the Bomb in the First Fifty Years*. N.Y., 1988. P. 288, 289; Hershberg J.G. Op. cit. P. 604, 605; Oppenheimer J.R. *Atomic Weapon and American Policy* // Foreign Affairs. 1953. July. P. 525–535.

¹³⁷ Deutch J. *A Nuclear Posture for Today* // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84. Jan-Febr. N 1. P. 49–60.

¹³⁸ Цит. по: Public Papers of the Presidents of the United States. Harry S. Truman, 1952–1953. Wash., 1966. P. 1201; Offner A.A. Op. cit. P. 417.

Республиканская администрация генерала Дуайта Эйзенхауэра пришла к власти тогда, когда Корейская война приблизилась к своему ничейному результату и когда окончательно оказалась утраченной атомная монополия. Новые люди в Вашингтоне считали, что необходимо поднять значение ядерной мощи и поддерживать высокий градус “бункерной психологии”. В конце своего второго срока пребывания на посту президента Эйзенхауэр жалеет об этом, выступив в прощальном выступлении с предупреждением относительно “необоснованного влияния технической элиты”¹³⁹. Но в дни вступления в должность в боевую готовность намеренно были приведены ядерные эскадрильи генерала Ле Мэя. Наступала эпоха конформизма и подстать ей политика “нового взгляда” на советско-американские отношения, чем-то напоминавшая предельно идеологизированные годы “непризнания”¹⁴⁰. Либеральная риторика в стиле Вильсона, Рузвельта и Трумэна была отвергнута, как беспринципно примирительная к коммунизму и вредная для внутреннего мира.

«Культура конформизма – ортодоксии – наложила свой отпечаток на внешнюю политику, – пишет Р. Даллек, характеризуя возвращение манихейства в духовную жизнь страны. – Так же, как и во внутренней жизни, американцы нашли только один способ истолкования внешнего мира – борьбу между тьмой и светом, угнетением и свободой, злом и добром, в которой либо одна, либо другая сторона должна одержать победу. “Отбрасывание”, “освобождение”, “массированное возмездие”, – все эти лозунги предполагали апокалипсическую природу борьбы, в которую чувствовала себя вовлеченной страна. Политическая платформа республиканской партии 1952 г. обещала заменить “негативную, бессмысленную, аморальную политику сдерживания” на “целестремленное очистительное действие, которое сопутствует свободе”. Советская тирания, говорил Эйзенхауэр во время избирательной кампании, “пытается сделать все человечество своим достоянием”. Хотя по большей части все эти слова должны быть отнесены на счет предсказуемой предвыборной риторики, моралистический тон и стремление видеть мировое развитие в таких упрощенных терминах очень точно отражали национальный дух”¹⁴¹. Оставив прошлому высказывания эпохи “частной жизни”, советская экспансия, утверждал новый государственный секретарь Джон Фостер Даллес, должна быть остановлена “даже це-

¹³⁹ См.: Геркен Г. Указ. соч. С. 443.

¹⁴⁰ Подробнее о политике “нового взгляда” см.: Gaddis J.L. The Cold War. P. 63–67; Leffler M.P. For the Soul of Mankind. P. 95–150.

¹⁴¹ Dullek R. The American Style of Foreign Policy. P. 173.

ной риска войны”. Комментарии не требовались: война могла быть только ядерной.

Но и в период наступившего половодья воинственных заявлений, авторство которых по праву принадлежит как президенту Эйзенхауэру, так и государственному секретарю Даллесу (современный автор пишет о “ядерной шизофрении” Даллеса¹⁴²), ядерная стратегия США оставалась двухуровневой. “Эйзенхауэр, – очень точно заметил Дж. Гэддис, – был в одно и то же время чрезвычайно утонченным и brutальным стратегом ядерной эры”¹⁴³. Пентагон разрабатывал военные планы упреждающих (*preemptive*) ударов, перевода локальных конфликтов в широкомасштабную (тотальную) войну с применением ядерного оружия против заранее намеченных целей. Однако эти планы разошлись с общественным настроением, которое спонтанно изменилось после очередного удара по самолюбию американцев, нанесенного в 1957 г. запуском в Советском Союзе первой в мире межконтинентальной ракеты и знаменитого Спутника (август и октябрь). Вхождение в эпоху термоядерной революции и межконтинентальных ракет и на верхних этажах общественного здания усилило опасения, что простое накопление атомных арсеналов делает катастрофический исход для обеих сторон (даже в случае мелких инцидентов) еще более вероятным¹⁴⁴. Современный исследователь, ставя во главу угла результат, находит красноречивым следующий факт. И Трумэн, и Эйзенхауэр в то время, когда страна располагала подавляющим превосходством в ядерной мощи и новейших средствах доставки, отказались следовать советам генералов и поддержавших их части ученых отдать приказ об уничтожении советского ядерного потенциала нанесением внезапного (*preventive*) массированного первого удара¹⁴⁵. Это суждение совпадает с

¹⁴² *Rosendorf N.* John Foster Dulles' Nuclear Schizophrenia // *Cold War Statement Confront the Bomb*. P. 62–86.

¹⁴³ *Gaddis J.L.* The Cold War. P. 66.

¹⁴⁴ Подробнее о переменах в общественном мнении США см.: *Печатнов В.О.* От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008. С. 187–189.

¹⁴⁵ *Ranshon J.* Why Leaders Choose War: The Psychology of Prevention. Westport, 2006. Дэвид Алан Розенберг приводит следующие данные о запасах атомных боеприпасов в СССР и США за рассматриваемый здесь “период термоядерной революции”. В 1951 г. СССР располагал 120 ядерными боеприпасами против 1161 у США. В 1956 г. те же показатели выглядели соответственно как 400 и 3620, а в 1961-м – 2450 советских ядерных боеприпасов противостояли 23 200 американским (*Rosenberg D.A.* The History of World War III, 1945–1990: A Conceptual Framework. P. 205; см. также: *Norris R.S., Arkin W.M.* Nuclear Notebook: Estimated Nuclear Stockpiles, 1945–1993 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1993. Dec. P. 57).

важным разъяснением, сделанным тем же Дж. Гэддисом относительно воинствующего Джона Фостера Даллеса. Предпринявший специальные усилия с целью снять с Даллеса ярлык “узколобого идеологического крестоносца, при любом случае бряцавшего ядерным оружием”, Гэддис приходит к выводу, с которым трудно спорить. Он пишет: «По вопросу ядерной стратегии нельзя не согласиться с представлением, что Даллес обрел болезненный опыт понимания реальности. Оказалось легким делом сочинить концепцию “нового взгляда” в ходе избирательной кампании 1952 г., но стоило только почувствовать тяжесть настоящей ответственности за ее осуществление на практике и одновременно за сохранение союза западных стран, как столкновение лицом к лицу с растущим советским ядерным потенциалом оборачивалось непредвиденными трудностями»¹⁴⁶.

Суэцкий (1956), Ливанский (1958), Берлинские (1958, 1961) и еще в большей степени Кубинский (1962) кризисы со всей их внутренней драматической интригой только подтвердили достижение неформального согласия обеих сверхдержав держать “на предохранителе”, не пускать в ход накопленные атомные “активы”, что было связано с признанием обеими сторонами неустранимых “окон уязвимости”. Тому способствовали различные факторы – меняющиеся общественные настроения, дипломатия, средства массовой информации, расчеты ученых. Важная роль принадлежала совместным усилиям американской и английской разведок, которые после серии провалов и неудач наладили систематический, технически усовершенствованный мониторинг советского атомного проекта и поэтапного оснащения советской армии ядерным оружием. Эйзенхауэр при всех оговорках и после запуска Спутника полагал, что США следует иметь скоординированный план ядерной атаки, хотя накануне ухода с поста президента признал, что в ядерной войне “нет логики”¹⁴⁷. Джону Ф. Кеннеди уже

¹⁴⁶ *Gaddis J.L. The Unexpected John Foster Dulles: Nuclear Weapons, Communism and the Russians // John Foster Dulles and the Diplomacy of the Cold War / Ed. by R.H. Immerman. Princeton (N.J.), 1990. P. 47, 75.* Не склонен принимать в расчет смягчающие обстоятельства известный американский исследователь Марк Трахтенберг: “...агрессивные идеи в начале 50-х годов очень серьезно рассматривались американским правительством, вплоть до самого высокого уровня администрации”. Но, продолжает он, до их реализации дело так и не дошло (*Trachtenberg M. American Policy and the Shifting Nuclear Balance // Origins of the Cold War. An International History / Ed. by M.P. Leffler, D.S. Painter. L.; N.Y., 1995. P. 110, 111*).

¹⁴⁷ *Erdman A.P.N. War No Longer Has Any Logic Whatever: Dwight D. Eisenhower and the Thermonuclear Revolution // Cold War Statesmen Confront the Bomb. P. 108–110, 118; Pringle P., Arkin W. S.I.O.P. The Secret US Plan for Nuclear War. N. Y., 1983*

не требовалось делать усилий, чтобы сразу же вникнуть в суть термоядерной революции благодаря потоку научной информации и более тщательной ее обработке советологическими центрами.

Пережившие реинкарнацию после августа 1949 г. разведывательные структуры США и Великобритании различными способами получали картину развертывания широкой советской программы атомных исследований в военных целях¹⁴⁸. Очередной сюрприз – появление у Советского Союза термоядерного оружия – открыл глаза новому поколению политиков, идущему на смену своим предшественникам, находившимся долгое время в плену представлений о “краденом” Джо-1. Пришлось избавляться от крепко засевшей идеи, что первые советские атомные бомбы “не изменили стратегический баланс, поскольку они не являлись изделиями поточного производства, а были всего-навсего экспериментальным устройством”. К концу 50-х годов западные разведывательные службы получили в свое распоряжение системы дальнего обнаружения взрывов, авиационного электронного слежения, которые позволяли не только определять расположение объектов атомной индустрии СССР, но также состав и массу получаемых им расщепляющихся материалов, примерное число производимых атомных боеприпасов и т.д.¹⁴⁹ Была получена важная информация о термоядерном оружии СССР и, как пишет современный исследователь, “о росте его качественного уровня”¹⁵⁰.

Сведения о быстром прогрессе советской бомбардировочной авиации дальнего действия и прорыве в создании межконтинентальных баллистических ракет сделали возможным для независимых экспертов проводить параллельный военным структурам и аналитическим центрам администрации анализ и оценку советским “возможностям и интенциям”. Итог: исчисление потерь мирного населения в результате обмена термоядерными ударами выразалась в таких цифрах, что делало всякие прогнозы о военном выигрыше бессмысленными. Даже консервативные политики были повергнуты в смятение. К концу второго срока президентства Д. Эйзенхауэра вице-президент Р. Никсон на закрытом заседании Национального совета безопасности высказал мнение, что в случае обмена ударами водородными бомбами Соединенные Штаты как государство перестанут существовать¹⁵¹. Джон Ф. Кеннеди уже в 1950 г. утверждал, что США в случае начала атомной войны окажутся в наименее выгодном для себя положе-

¹⁴⁸ *Goodman M.S.* Op. cit. P. 130–165.

¹⁴⁹ *Ibid.* P. 166–203.

¹⁵⁰ *Ibid.* P. 190.

¹⁵¹ См.: *Cold War Statesmen Confront the Bomb.* P. 309.

нии по причине наибольшей концентрации населения в мегаполисах. Он же после запуска Спутника обрушил заряд критики на республиканскую политику “нового взгляда” с ее отождествлением атомного оружия с обычными боеприпасами и бравадой в духе голливудских боевиков. В афористичной манере Кеннеди писал накануне своего избрания президентом США в “Бюллетене ученых-атомщиков”: «До 1945 г. главные войны можно было выиграть, придерживаясь принципа Наполеона (“сначала ввязаться в войну”...). Атом изменил характер войны так же, как он изменит мир»¹⁵². Наступлению Советского Союза (имелся в виду прежде всего Спутник) после смерти Сталина, утверждал Кеннеди, следует противопоставить экономические, политические и гуманитарные контрмеры, своеобразный второй “План Маршалла” в планетарном масштабе. “Новые рубежи” в их внешнеполитическом аспекте в понимании Кеннеди должны были внушить Америке оптимизм, оставив прошлому погребальные тона и краски так и не устоявшегося “нового взгляда”.

Человеческий фактор в осуществлении политики наращивания, совершенствования и “расчехления” ядерных вооружений с годами начинал играть все более заметную роль. Ядерное сдерживание в Европе, предполагавшее отражение “советской атаки” против союзников США по НАТО, после 1953–1955 гг. вошло в противоречие со всеобщим стремлением свести к минимуму опасность для территории Европы и собственно самих Соединенных Штатов Америки. Испытания мультимегатонных водородных бомб, натываясь на оппозицию со стороны и левых, и правых формировали странную, но действительно дееспособную коалицию большинства. Европа в ответ на мирные инициативы будь то советские или американские дружно голосовала за переговоры, за отказ от катакомбного периода в истории послевоенных международных отношений¹⁵³. Признать абсолютное оружие ограничено применимым или вообще неприменимым оказалось в какой-то момент легче, чем провести оценку невозвратных потерь в случае применения “малогобаритного” тактического ядерного оружия залпом из двух-трех зарядов. И уж совсем невозможно с учетом ужасающих, поистине апокалипсических масштабов новой угрозы, связанной с появлением термоядерного оружия. Сколько бы его творцы с учеными степенями и военные с обеих сторон ни старались ее преуменьшить, круг сторонников применения этого оружия в конфликтах любого масштаба, будь то в

¹⁵² *Kennedy J.F.* Disarmament Can Be Won // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1960. June. N 16. P. 217.

¹⁵³ См.: *Foreign Policy*. Spring 1995. № 98. P. 124.

Европе или где бы то ни было еще, стремительно сужался. Эмоциональная реакция политиков становилась преградой для фантазии военных планировщиков, уничтожавших на картах города и страны. Шок был настолько велик, что Трумэн после попыток замедлить события отказался от всякого выражения восторга по поводу успешного испытания водородного оружия¹⁵⁴. Разящий контраст с ликованием накануне завершения Потсдамской конференции! Перед внутренним взором президента, очевидно, стоял испарившийся 1 ноября 1952 г. в результате взрыва 10-тимегатонного термоядерного устройства “Mike” остров Элугелаб (атол Эниветок) в Тихом океане. Через четыре месяца Г. Маленков заявил, что третья (ядерная) мировая война приведет к гибели цивилизации.

Колебания Эйзенхауэра на протяжении двух сроков его пребывания на посту президента США и переменчивость импульсивного Н.С. Хрущева имели, в сущности, много общего. В их деятельности на постах руководителей государств у каждого были свои разительно отличающиеся друг от друга “ранний” и “поздний” периоды. Либеральная печать США поражалась смелости прощальных слов Эйзенхауэра, обращенных к нации в январе 1961 года, о губительности милитаризации для культуры народа и его будущего. На фоне “крутого” президента середины 50-х годов, увеличившего военный бюджет США во много раз и не видевшего никакой альтернативы жесткости в духе Теодора Рузвельта в ядерной политике, эти предупреждения выглядели если не фальшиво, то трагикомично. Как бы то ни было, они стали опознавательным знаком послевоенной Америки, хотя Эйзенхауэр сознавал, что общественное мнение не нуждалось в предупреждениях. “Похоже, все считают нас подлецами, размахивающими саблями милитаристами и поджигателями войны”. – жаловался он весной 1954 г.¹⁵⁵

До начала 60-х годов Хрущев в ядерном вопросе также проявлял демонстративную непреклонность¹⁵⁶. А затем вошел в историю как строитель мостов между двумя странами. Импровизация Хрущева с размещением ракет на Кубе и Кубинский кризис 1962 г. с его всех устроившими итогами прямо и косвенно доказа-

¹⁵⁴ Rhodes R. Dark Sun: The Making of the Hydrogen Bomb. N.Y., 1995. P. 482–512; Геркен Г. Указ. соч. С. 348, 349.

¹⁵⁵ Mitrovich G. Underming the Kremlin. America’s Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956. Ithaca, 2000. P. 136–145; Sherry M.S. In the Shadow of War. P. 235; Геркен Г. Указ. соч. С. 406.

¹⁵⁶ См.: Смирнов Ю.Н., Тимербаев Р.М. К истории заключения Московского договора 1963 г. о частичном запрещении ядерных испытаний // История советского атомного проекта. Вып. 2. С. 295–325.

ли усвоение обеими сторонами своеобразного неформального кодекса поведения. Посол А.Ф. Добрынин в воспоминаниях писал: “Кубинский кризис имел важные долговременные последствия. Оба правительства, оба лидера Хрущев и Кеннеди, вольно или невольно стали осознавать большую опасность возможности повторения такого кризиса...”¹⁵⁷ Роберт Макнамара, в свою очередь, свидетельствовал, что в Белом доме в дни Карибского кризиса простой факт наличия у СССР ядерного оружия удержал администрацию Кеннеди даже от рассмотрения возможности ядерного удара по СССР¹⁵⁸. Говоря о том же самом “часе максимальной угрозы”, американский историк Брюс Майроф пишет, что “в какой-то момент призрак ядерной войны показал ему (Кеннеди. – В.М.) всю пустоту и бессодержательность героического руководства”¹⁵⁹. Не будь бомбы – быть бы второй войне из-за Кубы, на этот раз русско-американской, с обеих сторон абсолютно бессмысленной и губительной.

“Горячая линия” (прямая связь), проложенная по свежим следам Кубинского кризиса, символизировала совместную установку Кремля и Белого дома на то, чтобы уходить от самых низких пороговых значений риска ядерной войны. Об этом, в сущности, говорил Л. Джонсон в 1965 г.: простое накопление ядерного оружия ведет к “угрозе безопасности США”. Почти сразу же вслед за тем начались переговоры по ПРО¹⁶⁰. Политика разрядки и Хельсинский акт 1975 г. целиком строились на признании неизбежности этого шага. Выступление Л.И. Брежнева в Туле (1977) об отказе СССР от применения ядерного оружия первым и знаменитая речь Г. Киссинджера (1979) в Брюсселе, заявившего о своей неверии в готовность США взять на себя инициативу в развязывании ядерной войны, венчали собой формирование своеобразного этоса или, если угодно, кодекса поведения главных субъектов еще не утратившей жизненной силы Ялтинско-Потсдамской системы.

Появившиеся к концу 60-х годов признаки ядерно-ракетного паритета вынудили президента Р. Никсона одобрить доктрину ядерной достаточности (*nuclear sufficiency*). Трудно было поверить, что это был тот же Никсон, о ком только недавно, после ко-

¹⁵⁷ Добрынин А. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1996. С. 78.

¹⁵⁸ Макнамара Р. Путем ошибок – к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры. М., 1989. С. 33.

¹⁵⁹ Майроф Б. Лики демократии: Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы. М., 2000. С. 338.

¹⁶⁰ Wolfsthal J.B. The Next Nuclear Wave // Foreign Affairs. 2005. Vol. 84. Jan.–Febr. N 1. P. 157; Гриневский О.А. Быть или не быть ПРО // Россия XXI. 2008. № 1. С. 19–63.

роткого брифинга на тему о ядерном оружии, Р. Оппенгеймер сказал, что он разговаривал с “самым опасным человеком, которого когда-либо он встречал”¹⁶¹. Рубеж 60–70-х годов советский дипломат А.Ф. Добрынин справедливо назвал переломным моментом в процессе “мучительной переоценки” всей точки зрения на казавшийся необратимым конфронтационный характер отношений между США и СССР¹⁶². Этот процесс получил к тому времени реальную основу – соглашение об ограничении ядерных испытаний в трех средах. Тогда и был дан импульс переговорам об ограничении вооружений и о нераспространении ядерного оружия. Авторы резонансной статьи о ядерном превосходстве США в мире, опубликованной в журнале “Foreign Affairs” весной 2006 г., как бы подтверждая вывод А.Ф. Добрынина, пишут следующее: “Если бы Советский Союз атаковал Западную Европу в 50-х годах, то США были готовы одержать победу в третьей мировой войне посредством нанесения массированного ядерного удара по Советскому Союзу, его восточноевропейской конъюнктуре и китайскому союзнику. Эти планы не были продуктом измышлений пентагоновских чиновников средней руки, они получили одобрение на самом высоком уровне в американском правительстве”. Однако пришли новые времена, доктрина ядерного превосходства (*nuclear superiority*) утратила свой реальный смысл. “Американское ядерное преимущество стало испаряться в начале 60-х годов по мере того, как Советский Союз обрел способность провести ответную атаку возмездия. В итоге наступило время взаимного гарантированного уничтожения. Вашингтон отказался от стратегии упреждающего ядерного удара”¹⁶³. Всего любопытнее то, что авторы статьи умудряются соединить этот, ставший расхожим, постулат с идеей поддержания в Соединенных Штатах арсенала ядерного оружия, который превосходил бы количественно и качественно таковой во всех остальных странах.

Речь не идет и не может идти (будем реалистами) об исчезновении ядерной угрозы, но опыт говорит, что добрососедство только выигрывает от трезвого взаимозачета факторов силы. Сменяющие друг друга американские администрации и сегодня заявляют, что они собираются придерживаться политики “стратегического разнообразия” (*strategic ambiguity*), т.е. не будут исключать возможности ядерного ответа на угрозу извне, хотя и не исключают, что “ядерное ружье” может навсегда остаться висеть

¹⁶¹ Gerson J. Op. cit. P. 155.

¹⁶² Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 172–174, 182, 183.

¹⁶³ Lieber K.A., Press D.G. The Rise of U.S. Nuclear Primacy // Foreign Affairs. 2006. Vol. 85. Marc.–Apr. N 2. P. 44.

на стене. Но глубинная суть сложившегося взаимопонимания между Россией и США раскрывается лучше всего в обоюдном согласии и в отношении того, что в ядерной войне нет “победителей” и “побежденных”, что обе стороны одинаково заинтересованы в устранении “окон уязвимости” и что величина диапазона “ядерного паритета” при исчислении стратегических ядерных боезарядов трехзначным числом фактически не поддается учету, она безразмерна. Соотношение 17 к 1 (как в случае Карибского кризиса) может быть с таким же успехом представлено как 2 к 1 и оставаться одинаково катастрофичным для обеих сторон.

Этот новый тип взаимоотношений *медленно и с отступлениями* начал укореняться после Карибского кризиса и, что вдвойне символично, в годы войны во Вьетнаме. Пиками этого процесса были запрещение испытаний ядерного оружия в трех средах, Договор о нераспространении ядерного оружия (1968), соглашения по ПРО и ОСВ-1 (1972) и общеевропейское урегулирование в Хельсинки (1975). Другие меры детанта создавали подобие замораживания допустимого уровня конфронтационности в мире. Таким образом, если воспользоваться суждением Дж. Гэддиса, возникло как бы само собой явление “нового рационализма”, выросшее, как он пишет, “из здравого представления о том, что по мере того как оружие становится все более разрушительным, оно становится и все менее востребованным”¹⁶⁴. Не следует, может быть, так уж безоговорочно соглашаться с маститым историком, но в двусторонних советско-американских отношениях – с 1945 г. и до распада Советского Союза – в части атомных вооружений и в самом деле как будто возобладала традиция трезвой оценки сильных и слабых сторон конкурента, пределов расхождения и сотрудничества.

Все это не противоречит тому, что 80-е и 90-е годы принесли больше разочарований, чем надежд. Рональд Рейган и его администрация поначалу решили вновь актуализировать формулу опоры на “силу, превосходящую вызов”, что означало только одно – продолжение гонки ядерных вооружений. Но, пишет Ричард Родс, пресловутая речь Рейгана в Орландо (Флорида) перед Ассоциацией евангелистов в марте 1983 г. с метанием стрел в адрес “империи зла” была фактически призывом к христианам-фундаменталистам оказать поддержку в борьбе с влиятельным Движением за замораживание ядерных вооружений¹⁶⁵. Целая серия крупномасштабных маневров НАТО, инициированных президентом и его окружением, как будто бы должна была доказать реши-

¹⁶⁴ Gaddis J.L. We Now Know. P. 86; Гриневский О.А. Указ. соч. С. 19–26.

¹⁶⁵ Rhodes R. Arsenal of Folly. P. 157.

тельность и серьезность намерений довершить то, что планировалось командованием ВВС США после Хиросимы и положено под сукно Трумэном. М.С. Горбачев сетовал: никогда, возможно, за все послевоенные десятилетия ситуация в мире не была такой взрывоопасной, как в первой половине 80-х годов.

Очень многим в Америке рискованные шаги Рейгана казались безумием, но последний эффектно обратил испуг перед его героической позой себе на пользу. Позднее советники и доверенные лица Рейгана раскрыли его секрет: президент ухватился за идею противоракетной обороны (стратегическая оборонная инициатива – СОИ) только потому, что внутренне для себя решил, что даже в случае ядерной атаки не отдаст приказа о начале ядерной войны¹⁶⁶. Советники не погрешили против истины. В послании Конгрессу 25 января 1984 г. Рейган заявил: “В ядерной войне нельзя быть победителем и в нее нельзя ввязываться”¹⁶⁷.

Действиями в манере Рейгана (апеллируя к силе, но избегая риска прямого столкновения) следует считать практику последующих администраций после его ухода. Приоритеты оставались прежними – геополитика, ценности американской системы и их глобальный экспорт. Ельцинская дипломатия дала повод Вашингтону в одностороннем порядке отпраздновать победу в холодной войне и записать на свой счет самые большие дивиденды. Итог – внезапно возникший геополитический дисбаланс и ухудшение отношений России с США по всем чувствительным направлениям – от экономики до базовых ракетно-ядерных договоренностей, достигнутых ранее. Имперский синдром возобладал в политике Вашингтона, возможно не окончательно, но, по крайней мере, весьма основательно. Американский аналитик, президент Центра Никсона и издатель журнала “National Interest” Д. Саймс писал недавно в полуофициозе “Foreign Affairs”: “Несмотря на множество возможностей для стратегического сотрудничества за последние 16 лет, дипломатическое поведение Вашингтона оставляет безошибочное впечатление, что видеть Россию в роли стратегического партнера не было для него главным приоритетом. Администрации Билла Клинтона и Джорджа Буша решили, что, когда им будет нужно сотрудничество с Россией, они всегда его обеспечат без каких-либо специальных усилий или уступок”¹⁶⁸.

Дипломатия в рамках международно-правового консенсуса (при всех оговорках в отношении его существования и изъянов), как

¹⁶⁶ Turning Points in Ending the Cold War / Ed. by K. Skinner. Stanford, 2008. P. Xiii, XX.

¹⁶⁷ Цит. по: *Leffler M.P.* For the Soul of Mankind. P. 363.

¹⁶⁸ *Simes D.K.* Losing Russia: The Cost Renewed Confrontation // Foreign Affairs. 2007. Nov.–Dec. Vol. 86. N 6. P. 37.

она сложилась на основе Ялтинско-Потсдамской парадигмы и Хельсинского акта 1975 г., оказалась взорванной комбинацией факторов, а еще в большей степени всем ходом вещей. Во благо или во вред? Международная система стала сползать к дерегулированию, к хаосу, спровоцированному крахом договоренностей о нераспространении ядерного оружия¹⁶⁹. Появились новые члены “атомного клуба” (Китай, Индия, Пакистан, Израиль) и так называемые пороговые государства (Северная Корея, Иран). Источники ядерной опасности уже в 80-х годах диверсифицировались, прорыва можно сейчас ожидать в любом месте, возникли “нетрадиционные” угрозы – международный терроризм, наркобизнес, криминалитет и т.д. Мир стал расслаиваться, кандидаты в ядерные державы уже одним фактом ввода в строй реакторов, создающих оружейный плутоний, обретают новый статус и значительно большую свободу рук и маневра, усилилась тенденция к реализации “отложенного спроса” – территориальных претензий, переделов и геополитических амбиций с опорой на “собственные силы”, этносепаратизм.

Таким образом, формальные проводы холодной войны как бы высвободили дополнительную деструктивную энергию на “мировой периферии”, на порядок повысив уровень угрозы использования оружия массового поражения (по современной аббревиатуре ОМУ–WMD) со стороны третьих стран. Самое же главное – многообразие его активизированных видов способно паразитировать (в буквальном смысле) любое воображение. От химического и бактериологического оружия до средств кибернетической войны (кибервойны). Тотальный переход на компьютерное управление легко объясняет опасность и эффективность средств и методов, относящихся к взлому компьютерных файлов. Хакеру не нужно находиться где-то на удалении, в убежище, он может успешно вести кибервойну, устроившись поблизости от здания ФБР или ФСБ и отключив электрическую систему этих почтенных учреждений. Чем может закончиться проникновение в тайны безопасности ядерных электростанций? Можно не строить предположений и не продолжать. И без того всем все ясно.

Новые вызовы не ограничиваются меняющейся ситуацией во внешнем мире. Они внутри и партнеров по диалогу. Попытки решить глобальные вызовы в одиночку, сообразуясь исключительно с собственными интересами и с опорой на достигнутое трехкратное превосходство в военных технологиях, зашли в тупик. “Америка, – говорит сегодня избранный президентом Б. Обама, – не может бороться с угрозами века, отгораживаясь от мира,

¹⁶⁹ Тимурбаев Р.М. Рассказы о былом. М., 2007. С. 266.

так же как и остальной мир, не может одолеть их без Америки. Мы не можем изолироваться от мира или пытаться подчинить его себе”¹⁷⁰. Обнадёживает, что большинство американцев, выступающих под флагом перемен, выражает недовольство тем, что политика (как внутренняя, так и внешняя) полуимперской власти¹⁷¹ на земном пространстве вышла из-под общественного контроля. Для них очевидно сегодня, что гегемонизм (“политические аппетиты”, если воспользоваться термином двух ведущих американских политологов)¹⁷², подкрепленный лишь грубой силой, мстит за себя обострением конфликтов внутри общества, ростом коллективного невроза, деморализацией и расколом. Именно об этой отрицательной корреляции писала в начале января 2008 г. газета “New York Times”, предвзяв большую статью о дебатах кандидатов в идущей президентской гонке следующей сентенцией: “После столь долгих лет страха и ненависти мы почти забыли, как это чувствовать себя гордым за свою страну”¹⁷³.

Сумеет ли человечество обуздать мощь военного атома, его расползание по миру? Сегодня этот вопрос оказался в центре общественной полемики в Соединенных Штатах, от которых зависит, если не все (это безоговорочно стали признавать и либералы, и неоконсерваторы), то многое. США первыми втянулись в нон-стоп стратегию ядерного “сдерживания”, сделав ее (а вместе с ней и холодную войну) частью американского образа жизни. Никто не сумел об этом сказать так же метафорически ярко и образно, как это сделал известный писатель Э.Л. Доктороу. “С 1945 г., – писал он, – бомба владеет нашим сознанием. Сначала она стала нашим оружием, затем – нашей дипломатией, а сейчас она воплощена в нашей экономике. Да и можем ли мы помыслить, что нечто чудовищно мощное после прошедших многих лет не составляет существо нашей идентичности? Великий голем, сотворенный нашими руками против наших врагов, и есть наша культура, наша культура бомбы – ее логика, ее вера, ее прозрение”¹⁷⁴.

Но и культурные традиции имеют свойство изменяться, если вдобавок к тому еще расположен и политический класс. Сегодня к восстановлению утраченного морального субстрата внешнепо-

¹⁷⁰ *Obama B. Renewing American Leadership // Foreign Affairs. 2007. Vol. 86. July–Aug. N 4. P. 4.*

¹⁷¹ Такой оборот речи использовал З. Бжезинский в одной из своих последних работ о внешнеполитической стратегии США (см.: *Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 257*).

¹⁷² *Kupchan Ch.A., Trubowitz P.L. Grand Strategy for a Divided America // Foreign Affairs. 2007. Vol. 84. July–Aug. N 4. P. 71–83.*

¹⁷³ *New York Times. 2008. Jan. 6. P. 13.*

¹⁷⁴ *Doctorow E.L. The State of Mind of the Nation // Nation. 2003. Mar. 22.*

литической стратегии США призывают Вашингтон видные политики – Генри Киссинджер, Джордж Шульц (оба бывшие государственные секретари), Уильям Пери (бывший министр обороны) и Сэм Нанн (бывший сенатор). Как считают они, требуется “воскресить дальновидение”, умение соразмерять политический курс с меняющимися условиями, присущее президентам доимперской эры и ставшее не востребуемыми в последние восемь лет. К “группе четырех”, выступивших с открытым письмом к нации в 2007 г., присоединились лидеры нынешних демократов¹⁷⁵ Хилари Клинтон и Барак Обама.

Администрация Буша-младшего оставила в наследие нации один из самых трудных вопросов. Какой должна быть внешняя политика страны, включая ее ядерную составляющую? Общим местом для всех участников дебатов в связи с президентской гонкой 2008 г. стала критика неоимпериалистической логики и “неоконсервативных фантазий” переделки других стран, как выразился один из кандидатов-демократов “путем одностороннего применения американской военной мощи”¹⁷⁶. В ходе этой полемики выдвинут ряд важных и конструктивных соображений, о которых следовало бы говорить особо. Впрочем, кто-то может посчитать, что все это уже не история, а футурология. С этим нельзя согласиться. В действительности это текущая история, имеющая своей проекцией будущее. Самое ближайшее. Когда четыре года назад в первом номере журнала “Foreign Affairs” за 1998 год появилась статья видного американского политолога Ричарда Беттса, высказавшего прогноз в отношении того, что может ждать американцев в случае, если какой-нибудь фанатик, вроде некоего Дж. Маквейна, решит использовать бациллы сибирской язвы (антракс)¹⁷⁷, многие резонно посчитали этот прогноз небезосновательным, но маловероятным, чем-то вроде примера, навеянного голливудскими блокбастерами. Но сейчас, после 11 сентября 2001 г., это стало знаковым эпизодом новейшей истории.

¹⁷⁵ См.: Foreign Affairs. 2007. Nov.-Dec. Vol. 86. N 6. P. 12.

¹⁷⁶ Ibid. 2008. Jan.-Febr. Vol. 87. N 1. P. 144.

¹⁷⁷ Betts R.K. The New Threat of Mass Destruction // Ibid. 1998. Jan.-Febr. Vol. 77. N 1. P. 26–41.

Глава VIII

ЭПОХА ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОВЕТСКОЙ АТОМНОЙ ДИПЛОМАТИИ (1945–1949)

Точка невозврата

Один из самых авторитетных и информированных американских исследователей отношений между СССР и США на ранних стадиях холодной войны, Раймонд Гартхофф, высказал сравнительно недавно одну, как может показаться, парадоксальную, истину. Смысл ее передает следующий парафраз: историки обязаны постоянно задаваться вопросом, как близок был мир в тех или других эпизодах к ядерному Армагеддону, не ожидая, впрочем, что хоть когда-нибудь им удастся получить на него исчерпывающий и устраивающий всех ответ¹. Действительно, ни архивные материалы, ни воспоминания непосредственных участников событий до конца не проясняют ситуацию, поскольку готовность пойти на риск ядерной войны не измеряется с помощью хорошо известных и оправдывавших себя в других случаях индикаторов. Здесь требуются иные мерки, иные критерии, иные подходы. Практика показывает, что в ситуации на подступах к роковому шагу срабатывают инстинкт самосохранения нации, историческая память её граждан, наконец, голос совести, которые оказываются сильнее, чем во всех деталях продуманные планы штабов и абсолютная уверенность в превосходстве новейших вооружений, военной машины в целом.

Сейчас ясно, что в ракетно-ядерную эру между главными соперниками – СССР и США – возникают особые, “интимные” отношения, непредусмотренные никакими мыслимыми моделями конфликтологии. Признание их некоей субстанциональной данностью большинством специалистов любых политических убеждений требует отказа от плоских схем времен двухцветной (чер-

¹ *Garthoff R.L. Some Observations on Using the Soviet Archives // Diplomatic History. Spring 1997. Vol. 21. № 2. P. 256.*

но-белой) историографии 40–50-х годов XX в. Симптоматично, что именно о таких изменениях ракетно-ядерного мышления двух сверхдержав как о само собой разумеющемся явлении пишут сегодня печатные органы ведущих аналитических центров США и ведущие аналитики в обеих странах². Известный американский специалист-международник Александр Джордж утверждал, например, что США и Советский Союз в какой-то момент осознали, что угроза безопасности, которую они создали друг другу, “поддается устранению” и принялись действовать соответствующим образом³.

Однако же тот факт, что во все времена никто не рискнет признать этот процесс необратимым, ставит современного историка перед трудностью постижения его природы, истоков и характера в будущем. Спору нет, – проще всего объяснить клубок проблем в терминах холизма и неуступчивостью одной из сторон перед вызовом другой, по причине давно возникшей идеологической непримиримости, поддерживаемой официальной пропагандой. Но именно на ранней стадии холодной войны отчетливо проявилась (упорно не замечаемая многими историками) контрастная натура главных субъектов разыгравшихся на мировой сцене драматических событий, сложившихся общностей людей с их разными поведенческими стереотипами, культурой мышления и всевозможными фобиями. Разумеется, констатация двуликости послевоенной сталинской дипломатии, по поводу которой ведется столько споров в отечественной и зарубежной историографии⁴, как и по поводу избыточной политики ядерного устрашения Трумэна или Эйзенхауэра

² См.: Krepon M. Lost in Space. The Misguided Drive Toward Antisatellite Weapons // *Foreign Affairs*. 2001. Vol. 80. May–June. № 3. P. 2–8. Arbatov A. What Lessons Learned? // *Turning Points in Ending the Cold War*. Stanford, 2008. P. 40–62.

³ U.S. – Soviet Security Cooperation. Achievements, Failures Lessons / Ed. by A.L. George, Ph.J. Farley, A. Dallin. N.Y.; Oxford, 1988. P. 656.

⁴ *Наринский М.М.* Советская внешняя политика и происхождение холодной войны // *Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991*. М., 1993; *Сталин и холодная война* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1998; *Советская внешняя политика и годы “холодной войны” 1945–1985: Новое прочтение* / Отв. ред. Л.Н. Нежинский. М., 1995; *Советское общество: будни холодной войны* / Под общей ред. В.С. Лельчука, Г.Ш. Сагателяна. М.; Арзамас, 2000 и др.; *Pechatnov V.O.* The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Post War Relations with the United States and Great Britain // *CWIHP Working Paper N 13*; *Zubok V., Pleshakov C.* Inside the Kremlin’s Cold War: From Stalin to Khrushchev. Cambridge (Mass.), 1996; *Goncharov S.N., Lewis J.W., Xue Litai.* Uncertain Partners: Stalin, Mao and the Korean War. Stanford, 1993; *Wohlforth W.C.* New Evidence on Moscow’s Cold War // *Diplomatic History*. Spring 1997. Vol. 21. № 1. P. 229–242.

может показаться достаточной для объяснения того, “а что же случилось после 1945 г.”, если не замечать раздвоенности сознания народов стран-победителей, сражавшихся во имя достижения общей цели и оказавшихся по разные стороны разделительной линии на следующий же день после Победы. Наверное, частично данным обстоятельством объясняется и то, что в историческом опыте так называемого периода послевоенного восстановления в СССР и периода реконверсии в США существует больше удивительных аналогий, чем об этом принято думать. Внешняя угроза и эмоциональная реакция на этот вызов обнаружили такое близкое сходство, почти тождество, что ожидание новой *внезапной* военной катастрофы обозначалось и тут и там единым собирательным понятием – Хиросима.

Попутно отметим, что некорректность рассуждений об истоках холодной войны по методу “Кремль против Белого дома, социализм против капитализма” подтверждает полярность выводов многих современных исследований по проблеме. О внешней политике Советского Союза эпохи перехода от войны к миру не стоит и говорить. Но в том же ключе многие авторы (российские и американские) рисуют и внешнюю политику Соединенных Штатов, называя именно Вашингтон прямым инициатором холодной войны, ради утверждения богоизбранности Америки⁵. В целом попытки объяснить феномен биполярного ядерного *zugzwang* (нельзя не согласиться с Р. Гартхоффом) были лишь частично удачны, тем более что внимание исследователей оказалось сфокусировано, как правило, либо на личности Сталина, либо на личности Трумэна, на их внешнеполитическом поведении при игнорировании (причем без остатка) фактора “неформальной” составляющей всякой внешней политики и дипломатии (импульсы, идущие от национального характера и склада мышления психопатологии больших масс людей и фобий, унаследованных из прошлого опыта, групповых интересов и т.д.)⁶. Для мира, оказавшегося после мая 1945 г. в ситуации кризиса и развала Великого альянса, крутой ломки традиционных представлений о войне и ведении войны в связи с появлением новых видов вооружений (особенно ядерных), угрозы третьей мировой войны, такой подход яв-

⁵ *Barnet R.J. The Alliance: America-Europe-Japan Makers of the Postwar World.* N.Y., 1983; *Chomsky N. Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance.* N. Y., 2003; *The Deadly Connection: Nuclear War and US Intervention.* Philadelphia, 1986 и др.

⁶ Ярким представителем такого “одноканального” подхода к начальной фазе холодной войны является американский историк Эдуард Марк (см.: *Mark E. The War Scare of 1946 and Its Consequences // Diplomatic History.* Summer 1997. Vol. 21. N 3. P. 383–415).

но недостаточен. Мы будем стремиться в данном разделе проиллюстрировать это на примере более всего до последнего времени скрытого от глаз “закулисья” внешней политики СССР, связанного с появлением атомной бомбы. Главный вопрос: была ли сталинская атомная дипломатия мотивирована исключительно идеологизированным и как принято считать конфронтационным мышлением советской политэлиты или она вполне вписывалась в новое понимание “дилеммы безопасности”, ставшей органичной частью народного самосознания?⁷

* * *

Трудно встретить более адекватное отображение состояния умов в Советском Союзе после двух формально несопоставимых, но по существу внутренне взаимосвязанных событий – падение Берлина, победоносное завершение войны в Европе и атомные бомбардировки американцами Хиросимы и Нагасаки, – чем то, которое было дано видным английским дипломатом сэром Фрэнком Робертсом, прослужившим последние военные годы на посту временного поверенного Великобритании в СССР. Уже занимая пост посла в США, Робертс встретился накануне конференции ООН по вопросам контроля над атомным оружием в июне 1946 г. с ведущим английским ученым-физиком сэром Джеймсом Чадвиком, главой английской специальной миссии при правительстве США. Оба собеседника были обеспокоены возникшей тупиковой ситуацией в связи с нежеланием Советского Союза согласиться с формулой контроля на условиях США (план Баруха). Оба понимали, что разногласия между бывшими союзниками лежат не только в области геополитики, но и в области чистой психологии. Автор фундаментальной биографии Чадвика, ссылаясь на архив ученого, пишет, что на выдающегося физика, ставшего политиком, произвело сильное впечатление высказанное Робертсом убеждение (подкрепленное годами личных наблюдений) по поводу психогенной природы русской несговорчивости.

“Когда Робертс находился еще в России, – пишет А. Браун, – он предложил в письменных депешах свою тонкую трактовку, каким было воздействие атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки на психику русских. По его словам, в тот самый момент, как их армии нанесли последний сокрушительный удар по Германии, после того как были принесены ужасные жертвы, а национальная безо-

⁷ Существенное значение для нашей темы имеет выступление-эссе: *Голубев А.В.* Эволюция инокультурных стереотипов советского общества // 50 лет без Сталина / Отв. ред. А.С. Сенявский. М., 2005. С. 98–116.

пасность русских впервые за время жизни целого поколения оказалась в пределах досягаемости, на их головы обрушилась атомная бомба. Когда они осознали, что их товарищи по оружию не намерены поделиться с ними секретом атомной бомбы и в реальной жизни планировали использовать ее в качестве инструмента давления на них, недоверие вынесло все их старые подозрения на поверхность и заставило вновь осознать угрозу национального унижения. Чадвик был под большим впечатлением от того анализа исторической перспективы, который предложил новый посол⁸.

Великий физик, открыватель нейтрона, возмущенный явно дискриминационной линией США в отношении Англии (что выразилось, в частности, в отказе Америки участвовать в строительстве атомной электростанции в Англии и отстранении англичан от инженерных секретов, непосредственно связанных с производством атомных бомб), сочувственно внимал Робертсу, подозревая, что антиевропеизм новой президентской команды Гарри Трумэна лишит Америку расположения не только его (Чадвика) обиженных соотечественников, но и все настроенное в целом интернационалистски мировое сообщество физиков-ядерщиков⁹. Однако то, что в одном случае это вызвало возмущение, а в другом – даже ярость двух главных не обиженных талантами ее конкурентов – Франции и Советского Союза. Любопытно, что точка зрения Чадвика совпала с мнением ведущих экспертов по “русским делам” в самих Соединенных Штатах – Чарлза Болен (будущего посла США в Советском Союзе) и профессора Джеройда Робинсона (тогдашнего руководителя Русского отдела Управления стратегических служб внешней разведки США), изложивших в декабре 1945 г. в служебной записке руководству государственного департамента программу коррекции советско-американских отношений, предусматривавшую, в частности, в качестве важнейшей меры более широкое ознакомление Кремля с информацией об атомном оружии и сотрудничестве в использовании атомной энергии в мирных целях¹⁰. Болен и Робинсон знали, о

⁸ *Brown A. The Neutron and the Bomb: A Big Biography of Sir James Chadwick.* Oxford; N.Y., 1997. P. 318, 319.

⁹ Найджел Уест, известный английский автор книги по истории атомного шпионажа, видит в выдвинутой многими физиками-ядерщиками, работавшими в рамках “Манхэттенского проекта”, идее транспарентности национальных разработок в области атомной энергии важную примету времени – стремление к устранению секретности и культивации духа доверия между странами (*West N. Venona. The Greatest Secret of the Cold War.* L., 1999. P. 197). Прозрачность всегда оставалась недостижимой мечтой научного сообщества.

¹⁰ См.: *Печатнов В. Ялта – кто виноват? Размышления американского дипломата // Россия XXI. 2000. № 2. С.131; Messer R. Paths Not Taken: The United States Department of State and Alternatives to Containment, 1945–1946 // Diplomatic History. Fall 1977. P. 297–319.*

чем они писали. Болезненная реакция Москвы на избыточную секретность в самом остром вопросе послевоенных советско-американских отношений грозила создать непреодолимые трудности.

Авторы записки не побоялись пойти против течения. Только что, 27 октября 1945 г. президент Трумэн в День военно-морского флота в речи перед миллионной толпой нью-йоркцев заявил, что секреты атомной бомбы останутся в руках США. Позиция нового президента США, его внешнеполитических советников, военных кругов, военно-промышленного лобби, а также большой части общественности США (в особенности после шпионских скандалов в сентябре 1945 г. и в марте 1946 г., связанных с именами советского перебежчика И. Гузенко и английского физика А. Нанна Мея) оставалась абсолютно негативной в отношении “просвещенного либерализма” поборников разумной открытости и доступа в определенных пределах вчерашних партнеров Америки по антигитлеровской коалиции к новейшим технологиям, дающим пропуск в “атомный клуб” хотя бы на правах наблюдателя. Было принято сформулированное в многочисленных заявлениях Белого дома, разъяснениях военного ведомства и различных актах Конгресса решение до последней возможности не допускать нарушения атомной монополии США. Развернувшаяся в стране после Хиросимы и Нагасаки жаркая дискуссия о судьбах человечества в ядерный век и неделимости мира не поколебала сторонников удержания Советского Союза на предельно далекой дистанции от ядерных секретов.

Диалога не получилось. В своем выступлении по случаю 28-й годовщины Октябрьской революции 6 ноября 1945 г. Молотов назвал стремление и расчеты Соединенных Штатов манипулировать атомной бомбой в интересах утверждения их особой роли в мировых делах иллюзорными. Советское руководство обещало не задержаться в создании советской атомной бомбы¹¹. Зал рукоплескал, а на Западе фактически этого никто не услышал. Между тем, помимо сверхзадачи догнать и опередить США в новейших вооружениях, речь Молотова и последующие заявления Сталина отражали внутреннее возмущение той приниженной ролью, которая отводилась СССР в будущем мире согласно “дорожной карте”, нарисованной Трумэном в его речи 27 октября 1945 г. Что солдаты, вошедшие в Берлин и взявшие рейхстаг, хотели бы услышать из уст президента США всего лишь через полгода? Наверное, что-то другое, нежели ультимативное – “никаких компромиссов со злом”¹². М. Леффлер нахо-

¹¹ Правда. 1945. 7 нояб.

¹² Public Papers of the Presidents. Harry S. Truman, 1945. Wash., 1961. P. 431–438

дит, что эти слова напрочь отрубали возможность трактовки их в примирительном духе¹³.

Высказывания Г. Трумэна о “приведении в чувство” России посредством “сильных выражений” и зуботычин “железным кулаком”¹⁴, государственного секретаря Джеймса Бирнса, что США не оставят без последствий попытки Москвы и дальше продвигать границы своего влияния в Европе и Азии¹⁵, ведущего политического стратега республиканцев Джона Фостера Даллеса о недопустимости для США добровольно расписываться в “слабости”, передавая атомные секреты СССР и, наконец, знаменитая фултоновская речь У. Черчилля 5 марта 1946 г. с обоснованием сохранения Америкой абсолютного превосходства в новейших вооружениях как средства сдерживания коммунизма¹⁶ выразили с достаточной ясностью и определили политико-философскую доктрину верховенства англосаксонской цивилизации в послевоенном мире. Превосходство же силы, достигнутое путем прорыва в тайны микромира, делало его *en définitive* неизбежным. Так понимали ситуацию в Вашингтоне, так понимали ее и в западноевропейских странах. Сакрализация атомного оружия подкреплялась формированием образа врага, воинственного, но в сущности немощного, жесткостью и недоверием к русским и русскости. “Вешать всех собак” на русских, писал Стейнбек, стало самым обычным делом¹⁷.

Культурное пространство Запада заполнялось американским влиянием вопреки долгосрочным прогнозам кремлевских идеологов, вызывая шок, опасения, разочарование и внутренние конфликты в той геополитической зоне, которую контролировал Советский Союз. Научно-техническое превосходство, экономическая мощь США и обладание ими сверхоружием (атомная бомба) создавало дополнительное напряжение в жизнедеятельности советского общества и внушало Вашингтону самые серьезные надежды, что в конечном счете удастся не только противостоять коммунизму, но и разрушить его в итоге до основания. Энергия враждебности и отчуждения стремительно накаплива-

¹³ *Leffler M.* For the Soul of Mankind. The United States, the Soviet Union and the Cold War. N. Y., 2007. P. 47, 48.

¹⁴ *Off the Record: The Private Papers of Harry S. Truman* / Ed. by R.H. Ferrell. N.Y., 1980. P. 79–80.

¹⁵ *Gormly G.L.* From Potsdam to the Cold War. Big Three Diplomacy 1945–1947. N.Y., 1970.

¹⁶ *Злобин Н.В.* Неизвестные американские архивные материалы о выступлении У. Черчилля 5 марта 1946 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 156–167.

¹⁷ *Стейнбек Дж.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1989. Т. 6. С. 386.

лась на обоих полюсах. В СССР вернулась психология “осажденной крепости”¹⁸ и желание не отдать своего завоеванного большой кровью права быть, по крайней мере, одной из двух ведущих держав мира. Очередные упоминания по каналам ТАСС об атомной бомбе в связи с военными планами Пентагона вызывали подобие военной тревоги. В глазах политических стратегов США атомная бомба стала не только средством устрашения, но и блокатором тех симпатий, которые испытывали значительные массы в западноевропейских странах (не исключая американцев) к Советскому Союзу как к источнику (или катализатору) благоприятных изменений.

С первых дней мира политическое руководство США и массмедийное сообщество пафосно заговорили о безоговорочном преобладании Америки в распределении мощи и влиянии в мировом сообществе на базе обладания ядерным оружием. Уместно привести один эпизод. Биограф Роберта Оппенгеймера в собственной транскрипции следующим образом передал содержание беседы, которая состоялась у научного руководителя “Манхэттенского проекта” с президентом Трумэном где-то в конце сентября 1945 г. Интонации нового хозяина Овального кабинета выдавали всю меру самонадеянности и высокомерия президента:

– Когда русские сумеют создать свою собственную бомбу? – спросил Трумэн.

– Я не знаю, – ответил Оппенгеймер.

– А я знаю.

– Когда?

– Никогда¹⁹.

В столь же безапелляционной форме обрисовал способ переподчинения в пользу США ведущей тенденции мирового развития после Победы государственный секретарь США Джеймс Бернс, сделав резкое “никогда” президента в смысловом отношении предельно ясным и конкретно содержательным. Сразу после бомбардировки Нагасаки 9 августа 1945 г. в беседе все с тем же Оппенгеймером он не просто категорически отверг идею приостановки производства и совершенствования атомного оружия, находящегося в одних (американских) руках, но и подтвердил особую приоритетность ядерной программы в процессе самоутверждения Америки в качестве единоличного лидера мирового развития. В каждой сказанной им фразе сквозила твердая убежден-

¹⁸ См.: *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999.

¹⁹ *Davis N.Ph.* Lawrence and Oppenheimer. N.Y., 1968. P. 258; *Rhodes R.* Dark Sun: The Making of the Hydrogen Bomb. N.Y., 1996. P. 241.

ность, что только максимально широкое развертывание этой программы способно “урезонить” Сталина и похоронить все его планы занять первый ряд в сообществе великих держав с тем, чтобы преобразовать цивилизацию согласно марксистской доктрине²⁰. В представлении и Трумэна, и Бирнса сохранение безраздельной и неопределенно длительной монополии США на атомное оружие должно было стать непреодолимым препятствием на пути “красного вала”. К тому же оно вполне замещало международный контроль над ним, делая его попросту излишним и бессмысленным в случае перекрытия Советскому Союзу доступа к атомным секретам и к центрам добычи урана.

Москве предъявили все необходимые дополнительные аргументы. В первую очередь решительно была пересмотрена военная доктрина США. Атомной бомбе в ней отводилась отнюдь не бутафорская роль. Кремлю было, конечно же, известно о “демонстрационном” беспосадочном перелете трех Б-29 американских ВВС (к этому классу самолетов относилась знаменитая “Энола Гей”) с аэродрома на о. Хоккайдо до Чикаго. Это случилось в сентябре 1945 г. и могло означать только одно: Кремль предупредила о возможности оказаться в радиусе досягаемости атомных бомбардировщиков. Американцы повторили этот “номер” в начале марта 1949 г., когда ими был совершен беспосадочный полет вокруг земного шара с дозаправкой в воздухе стратегического бомбардировщика. “Достижение техники замечательное”, – заметил в своем дневнике по этому поводу известный советский историк С.С. Дмитриев, неконформист, человек широких взглядов и убеждений. “Но пойдет оно в руках правящих кругов Америки, – добавил он, – не для счастья человечества”²¹.

Горючее в занимавшийся костер взаимоневерия подбрасывало наследие войны – реконверсия (с ее безработицей и демобилизацией) армии, а значит, неустроенностью, экономическими претензиями к союзникам – “плати по долгам”) в США и начало восстановительного периода в СССР с целым букетом трудностей, включая голод и холод, инфляцию, перестройку финансовой системы, межнациональные конфликты и подоспевшие обиды за недополучение помощи по ленд-лизу, затягивание открытия второго фронта. Многие считали непростительным для американцев говорить о долгах СССР после тех потерь, которые он понес в войне с Германией и Японией, умоляя одновременно вклад Америки в войну на Тихом океане. Обе сверхдержавы ока-

²⁰ Robert Oppenheimer: Letters and Recollections / Ed. by. A.K. Smith, Ch. Weiner. Harvard University Press, 1980; Cassidy D.C. J. Robert Oppenheimer and the American Century. N. Y., 2005. P. 255.

²¹ Дневник С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 146.

зались в пограничной ситуации с точки зрения внутреннего развития, пугающей своей неясностью и новизной. В обеих странах проходили глубокие и болезненные перемены в политической и социально-культурной сферах, сопровождаемые критическим переосмыслением предвоенного и военного опыта, ценностных ожиданий. Современный термин “тяжелая ломка” вполне адекватно передает состояние психологической неопределенности, овладевшее сознанием подданных двух сверхдержав.

Коллизия противоположных национально-имперских интересов обрела особую остроту еще и по причине мировой экспансии двух абсолютно несогласуемых идеологий, представленных советской моделью и американизмом. Обе эти идеологии приобрели библейский смысл и служили важным (но не единственным) мотивационным фактором для обоих народов. Здесь уместно заметить, что, извлекая уроки из Версаля и истории Лиги Наций, вашингтонские политики относительно стройную и продуманную базу инициировали, улучшенного международного порядка, равно как и путей, ведущих к его построению. Атлантическая хартия, Бреттон–Вудская система, формула “четырёх полицейских” и ООН составляли костяк этой конструкции. Но довольно скоро выяснилось, что данный сценарий наталкивается на значительные препятствия. Советский Союз не пожелал играть роль второго плана при осуществлении этого сценария. Атомная монополия США вопреки замыслам Вашингтона делала советское руководство вдвойне несговорчивым и непроницаемым.

Появилось желание объяснить это личным “вкладом” и расчетами Сталина, его незнанием Америки и Запада вообще (что не было полностью ошибочным, хотя и не составляло всей истины), а также экспансионистскими устремлениями пребывающей в угаре побед советской военной верхушки (Ближний Восток, Африка, Азия)²². С точки зрения Запада, все это и в самом деле выглядело авантюрной и неправовой затеей: Советский Союз с его разрушенной хозяйственной инфраструктурой, с его людскими потерями и демографическими “дырами”, недоеданием и просто голодом в провинции, физически истощенным населением как бы подталкивал себя к полному обескровливанию и коллапсу, втягиваясь в соревнование, которое он не мог выиграть по причине выявившегося в годы войны отставания по части высоких технологий и кадров в промышленности²³. Любое другое предположение

²² См.: *Kuniholm B.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece. Princeton, 1980.

²³ *Мальшев В.А.* Дневник наркома // *Источник.* 1997. № 5. С. 131–134. В 1947 г. был создан Государственный комитет по внедрению новой техники во главе с Мальшевым.

казалось неуместным. Зависимость планов Сталина в отношении восстановления разрушенного войной хозяйства и транспортной инфраструктуры СССР от помощи Запада (прежде всего США) представлялась многим абсолютной. В масштабе реального времени длительностью 15–20 лет именно этот фактор рассматривался в качестве ведущего при определении линии поведения во взаимодействии с Советским Союзом²⁴. Наряду с атомной бомбой.

Ниже мы вернемся к особенностям морально-психологической обстановки в Советском Союзе в первые месяцы после войны; здесь же заметим, что корень ошибки вашигтонских аналитиков и пропагандистов крылся в недопонимании взаимозамещения причины и следствия, если речь идет об общественном явлении или процессе. Личностный момент (фигура Сталина) актуализировался благодаря бессознательной воле народа, несущего где-то на уровне инстинкта, как справедливо писал Г. Померанц, след ненависти²⁵ и, добавим, неугасшую способность и привычку стоически решать задачи любой сложности, если речь шла о безопасности страны. Память 22 июня 1941 г. заглушала тягу к приспособленчеству. Она же подпитывала негодование по поводу раздающихся постоянно из-за рубежа угроз о привидении в жизнь планов “превентивных” атомных ударов. Среди других мотивов, которые водили пером академиков С.И. Вавилова, А.Ф. Иоффе, Н.Н. Семенова и А.Н. Фрумкина, подписавших в 1947 г. открытое письмо-отповедь Альберту Эйнштейну, призывавшему трезво оценить новую ситуацию в связи с появлением атомной бомбы, можно назвать и этот фаталистический синдром бесстрашия, подкрепленный патриотическим чувством²⁶. Мысль, что вызывающая игра на военном превосходстве заденет болевые точки общественной психологии советского народа и может только вызвать его протестную реакцию, серьезно беспокоила некоторых американских политиков (Г. Стимсон), но ей не придавали серьезного значения.

²⁴ См.: *Мальков В.* 1945: как понимали в Америке национальный интерес // Россия XXI. 2000. № 1. С. 158–169.

²⁵ *Померанц Г.* Меняющееся лицо войны // Знание – сила. 1995. № 5. С. 16. Любопытное свидетельство о настроениях в офицерской среде действующей армии, освободившей Восточную Европу и закончившей воевать в Берлине, оставил Л.З. Копелев. Его, как он пишет в своих воспоминаниях-исповеди, весной 1945 г. обвинили в “клевете на союзников потому, что я говорил: “Черчилль был и будет врагом Советской власти”, доказывал, что в Германии нам придется соперничать с американцами и англичанами и добиваться дружбы немцев, что немецкие рабочие должны быть нашими союзниками против англо-американских капиталистов” (*Копелев Л.* Хранить вечно. М., 1990. С. 452).

²⁶ См.: *Горелик Г.* О “сталинизме” Эйнштейна и еще кое о чем // Коммунист. 1990. № 2. С. 80.

Идея достижения прочного мирового порядка на базе консенсуса держав-победительниц, перестройки международных экономических связей и сплочения мирового сообщества под эгидой ООН и без дискриминации Советского Союза, широко обсуждавшаяся в Белом доме и Государственном департаменте США в 1941–1945 гг. – непосредственно в контакте с Рузвельтом и в русле его интенций, была вскоре же забыта. Новая администрация Трумэна, как будто бы поначалу не порывая с этим подходом, переставили многие акценты сразу же после удачных испытаний атомного оружия в Аламагордо в июле 1945 г. Проповедуя ведущее значение фактора американской превосходящей мощи в послевоенной реконструкции, в Вашингтоне не смогли предвидеть эффекта бумеранга после отнятой у СССР уверенности в безоговорочности и окончательности Победы. В Вашингтоне, проводившем в последний путь Рузвельта (это констатируют многие исследователи), никого по-настоящему не интересовало, как отзовется на моральном состоянии советских людей внезапно появившееся на горизонте грозное облако, готовое пролиться радиоактивным дождем. Советский Союз, вчерашний союзник, вновь обретал черты большого белого пятна в сознании США, пораженных вирусом самодовольства.

Этой глухотой во многом объясняется то, что в период Потсдама и после дебаты по вопросу о роли атомной бомбы в послевоенных советско-американских отношениях в Белом доме и Конгрессе США открыто велись преимущественно в плоскости будущего глобального силового противостояния и в целом в победоносном ключе²⁷. Планам нанесения ударов по крупным городам СССР придавался вид рутинных военных приготовлений или медийных репортажей, призванных оказать психологическое давление на “противника”. Во всеуслышание объявлялось о намерении остановить экспансию коммунизма ядерными ударами “по тылам” с последующим выполнением триединой задачи: ликвидация вакуума власти в буферных зонах между коммунизмом и западными центрами демократии, сдерживание, размягчение и развал советской системы и наконец, пересмотр Ялтинских и Потсдамских соглашений, в том числе по германскому вопросу. Однако ответ советских руководителей на американскую атомную монополию вопреки ожиданиям явил собой пример тактики (или стратегии), как будто намеренно ведущей к положению, которое американ-

²⁷ *Alperovitz G. The Decision to Use the Atomic Bomb and the Architecture of an American Myth. N.Y., 1995. P. 465, 482, 483.*

ские аналитики называют чисто “патовым без взаимодействия” (non-cooperative stalemate)²⁸. В отдельных случаях она могла выглядеть опасно провокационным образом, хотя нельзя утверждать, что в этом выражалась суть дела. В дипломатии форма часто не соответствует содержанию. Мотивация же Сталина могла иметь как явные, так и скрытые источники и цели, причем последние сочетали в себе элементы силы и элементы слабости, возможно, продуманный едва ли не до мелочей долгосрочный план действия и чистые импровизации, продиктованные нервозностью, сверхмерной подозрительностью или чем-то другим, вообще необъяснимым, столь характерными для Сталина. Но так или иначе внутренняя политика обрела особое значение во всей внешнеполитической деятельности Сталина.

Нет ничего удивительного, что до самого последнего времени многие авторы утверждали, что еще слишком рано судить основательно о политике Сталина во многих оберегаемых от “посторонних глаз” сферах, в частности в атомном вопросе²⁹, поскольку архивные материалы соответствующих государственных учреждений и ведомств долгое время оставались (и остаются) закрытыми для исследователей. Известные же нам по воспоминаниям (не очень многочисленным) отдельные его высказывания фрагментарны и порой напоминают апокрифы, рожденные в головах немногих людей (ученых, управленцев и военных) под влиянием каких-то позднейших событий, в силу амбиций неопитов или просто желания выглядеть осведомленными в ходе общественной полемики. Полноценного архивного фонда Сталина, строго говоря, не существует³⁰. Это сознается многими. Например, известный американский исследователь Мелвин Леффлер вообще скептически оценивает способность современников дать убедительную трактовку сталинского поведения. “Исследователи, – писал он, – остаются без четкого представления о целях и побуждениях Ста-

²⁸ Snyder J. East-West Bargaining Over Germany // Double Edged Diplomacy. International Bargaining and Domestic Policy / Ed. by P.B. Evans, H.K. Jacobson, R.D. Putnam. Berkeley, 1993. P. 113; см. также: Печатинов В.О. “Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю...” (Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре–декабре 1945 г.) // Источник. 1999. № 2. С. 71.

²⁹ П.Л. Капица написал Сталину в 1944–1946 гг. немало писем, прямо касающихся проблем исследований в области атомной энергии. Сталин ни на одно из них по существу не ответил, хотя все они до него дошли. Открытого диалога с кем бы то ни было Сталин избегал, точнее – он как бы не получался сам собой, хотя известны редкие случаи, говорящие и об обратном.

³⁰ Медведев Ж.А., Медведев П.А. Личный архив Сталина – засекречен или ликвидирован? // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 21–38.

лина после Второй мировой войны»³¹. Эта мысль остается актуальной и сегодня. Дэвид Холоуэй, американский историк, давший во многом пилотное по своему значению исследование по истории советского атомного проекта, также очень осторожен в оценке источников: «Огромный массив новых материалов, – пишет он в предисловии к книге “Сталин и бомба”, – стал доступен для исследователей в процессе моей работы над книгой... Все эти материалы исключительно полезны, но они остаются, к сожалению, неполными по сравнению с теми источниками, которые имеет в своем распоряжении историк, изучающий атомную политику США и Англии. Я имел возможность работать в российских архивах, но некоторые из наиболее важных материалов все еще закрыты. Фонды главных ведомств, определявших атомную политику СССР, недоступны»³². Так было еще шесть-семь лет назад.

Время внесло определенные коррективы в познавательную ситуацию. Бесспорно, имеющиеся источники все еще неполны, часто фрагментарны и, строго говоря, не без умысла дезорганизованы. Но они уже сегодня обеспечивают существенный информационный задел, позволяющий выйти за пределы “традиционных” сюжетов, которые составили стандартный набор тем для первых работ по истории советского атомного оружия и атомной политики Сталина. Появление в последнее время томов документальной серии по истории советского атомного проекта (САП) расширяет этот задел, открывая новые горизонты³³. Благодаря этому изданию оказались существенно раздвинутыми границы исследовательского поиска. Многие важные детали и обстоятельства остаются еще невыясненными и, пожалуй, останутся таковыми навсегда. Однако исследователи получают все больше материалов для реконструкции широкого исторического и социально-психологического фона, на котором так ярко проявилась связь конфликтной ментальности послевоенного поколения с внезапно обрушившимися на мировое сообщество реальными угрозами ядерной эры.

³¹ New Republic. 1994. Oct. 3. P. 5.

³² Holloway D. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and the Atomic Energy, 1939–1956. New Haven, 1994. P. 6. Известный российский журналист Ярослав Голованов, хорошо знающий историю создания советского ракетно-ядерного оружия, в своей книге о С.П. Королеве подтверждает недостаточность наших знаний о многих эпизодах этой истории, связанных с именем Сталина (См.: Голованов Я. Королев: Факты и мифы. М., 1994. С. 394–398).

³³ См.: Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общей ред. Л.Д. Рябева. М., 1998. Т. I: 1938–1945. В 2 ч. Ч. I / Отв. сост. Л.И. Кудинова; Т. II: Атомная бомба. 1945–1954. Кн. I / Отв. сост. Г.А. Гончаров. М.; Саратов, 1999 и др.

Хорошо известно сталинское всевмешательство, однако следует сказать, что по причинам, только ему известным (не исключено, что с целью не допустить ни малейших шансов для всевозможных утечек о позиции Кремля по проблемам атомной безопасности СССР), Сталин провел лишь одно совещание в Кремле с участием ведущих ученых-ядерщиков, кроме приема И.В. Курчатова 25 января 1946 г.³⁴ Оно состоялось 9 января 1947 г. Еще одно, которое было инициировано Л.П. Берией в начале февраля 1948 г., предложившего заслушать отчет о проведенных в 1947 г. работах и о программе работ на 1948 г. в области использования атомной энергии, так и не состоялось³⁵. И дело здесь совсем в недопонимании проблемы и не в чувстве какой-то внутренней невозмутимости и самоуспокоенности, проснувшихся в Сталине после войны, “когда ушли в прошлое все страхи за страну, за власть, за себя...”³⁶ Умонастроения, помрачения и фобии Сталина имели под собой более сложную мотивацию, включая и психопатологический фактор. Более достоверными представляются типичные для него уход в себя, внутренняя замкнутость при обдумывании свалившейся внезапно трудноразрешимой задачи, которая требовала абсолютно неординарных решений. От их реализации зависело очень многое, практически даже все: сохранение Советским Союзом завоеванных позиций в триумвирате великих держав-победительниц или обвальная утрата их, превращение в немощного, страдающего от дисфункции жизненно важных органов колосса, отягощенного к тому же взятыми на себя внешними обязательствами.

Хотя мы все еще не имеем точного знания, что произошло в Кремле сразу же после “исторического” разговора между Сталиным и Трумэнном в Потсдаме 23 июля 1945 г. и последовавших бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, сегодня ясно, что одни версии должны быть отброшены, а другие, как более вероятные, занять их место. Так категорически нельзя сказать, как это делает Д. Холоуэй и многие другие историки, что известие о бомбе застало Сталина врасплох. Четыре года подготовительных работ

³⁴ См.: *Смирнов Ю.Н.* Сталин и атомная бомба // Вестник ин-та истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 125–130.

³⁵ Атомный проект СССР. Т. II, кн. I. С.633, 634; *Губарев В.* XX век: Исповеди. Судьба науки и ученых в России. М., 2000.

³⁶ Мы приводим здесь всего лишь формулировку из интересного и содержательного очерка Б.С. Илизарова, давшего запоминающийся психологический портрет Сталина “на фоне” его библиотеки и книжных пристрастий. К сожалению, автор рисует облик своего “героя” в отрыве от кризисных событий первых послевоенных лет (*Илизаров Б.С.* Сталин: Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 166).

над САП (1941–1945) прошли с его “участием”, о чем свидетельствуют многочисленные документы. Все важнейшие решения принимались с его ведома. Советского лидера могло удивить другое: стремление Трумэна выставить его, Сталина, неудачником и простофилей, положившим миллионы жизней и оказавшимся в конечном итоге в проигрыше, наподобие нерасчетливого игрока, пришедшего к эндшпилю без тяжелых фигур и без шансов вырвать инициативу у противника, имеющего по крайней мере две проходные пешки. Еще более надуманной звучит мысль, что источником “дремучести” Сталина являлось его недоверие к советским ученым и их “фантазиям”, наконец, его скарденность Шейлока³⁷. Как раз напротив: и в подборе научных и руководящих кадров для САП, и в финансировании работ Сталин и его ближайшие сотрудники показывали образцы деловитости, широкого государственного мышления и (когда считали нужным) толерантности³⁸.

Замешательство и негодование кремлевских лидеров, моментально осознавших серьезность случившегося и испытавших нечто вроде унижения фактом приостановки Трумэном ленд-лиза в мае 1945 г.³⁹, в известной мере отражало те первые разочарования миром, испытанные большими массами советских людей, чуть позднее увидевших в кадрах документальной кинохроники последствия бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, а также ис-

³⁷ *Holloway D.* Op. cit. P. 115, 129; *Zubok V., Pleshakov C.* Op. cit. P. 41; *Zubok V.M.* Stalin and the Nuclear Age // *Cold War Statesmen Confront the Bomb. Nuclear Diplomacy Since 1945* / Ed. by J.L. Gaddis et al. N.Y., 1999. P. 43. Писатель В. Гроссман иначе и тоньше передает характер непростых отношений между наукой и властью в годы войны и после нее. О какой-то особой близости и речи идти не могло, но и в недооценки науки Сталин, замечен не был. Ждановщина второй половины 40-х годов в понимании Гроссмана была не только акцией партийного руководства против “ересей” в среде интеллигенции, но и явлением масс-культуры, родом развившегося хронического недуга, на почве которого Сталин выращивал идеологию государственного национализма (*Гроссман В.* Жизнь и судьба // Октябрь. 1988. № 3. С. 65).

³⁸ Юрий Нагибин достаточно убедительно раскрыл соотношение черт сталинской природы, сполна проявившихся во всех его поступках. Он писал: “Параной Сталина сказывалась в чрезмерной, ненужной жестокости, кровавом перехлесте всех его деяний, извращенной подлости в отношении близких людей, но изначальный замысел (Сталина. – В.М.) был неизменно точен, логичен с позиции его цели – ни следа безумия” (*Нагибин Ю.* Тьма в конце туннеля. Моя золотая теща. М., 1994. С. 86).

³⁹ По мнению автора одной из последних обобщающих работ по истории дипломатии XX в. Доналда Шепардсона, это был чрезвычайно болезненный удар по сотрудничеству США и СССР, ошибочность которого признал и сам Трумэн (*Shepardson D.E.* Conflict and Diplomacy from the Great War to the Cold War. N.Y.; Wash., 1999. P. 279).

пытаний на атолле Бикини прообраз будущей войны. К ней страна была не готова, несмотря на высокую оценку боеспособности Красной Армии и полководческих талантов ее маршалов, в том числе в западной печати. Наступала новая эра в вооружениях, которая подрывала тезис о неизбежности войн “при империализме”, близком крахе капитализма и непобедимости социализма. Продерная риторика политических деятелей США, обнародованные и дошедшие до Советского Союза расчеты военных специалистов США и Англии ставили под вопрос научно (с точки зрения сталинской концепции мирового развития) выстроенную картину изменения соотношения сил на мировой арене, а опубликованные весной и летом 1946 г. в США откровенные комментарии критиков решения Трумэна об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки делали абсолютно ясным, что это был прямой вызов России⁴⁰. “Апокалипсический вид атомного взрыва и грибовидного облака, – пишет автор книги об испытаниях на Бикини (1946), – обернулся неизгладимым ожогом в сознании людей”⁴¹. Это сказано об американской публике. Эхо взрывов Хиросимы и Нагасаки, донеслось и до Советского Союза, хотя газеты и радио приглушили его звучание. На этом мрачном фоне Кремль, избегая говорить о том, что “за горизонтом”, возвестил о “ликвидации капиталистического окружения”. Но какова была мера победы, если главный удар противника следовало ожидать теперь с воздуха?

Правительство вынуждено было на ходу менять цели и приоритеты, в том числе в пропаганде. Делалось это в режиме чрезвычайности с применением всего арсенала средств и методов, опробованных в период войн – Гражданской и Второй мировой. Мы говорим, в частности, о принципе “милитаризации труда”. Фактически страна была вновь объявлена на осадном положении, ее возвращали к героическим временам и оборонному сознанию. Оно возникало и само по себе. Молниеносно сложилась система “шарашек” – сплав науки, тюремного барака и дарового труда. Промышленности потребительских товаров и сфере услуг не удалось потеснить ВПК. Он продолжал свой рост за счет “ширпотребя”. С полной нагрузкой, как и в годы индустриализации, заработал репрессивный аппарат НКВД, обеспечивавший объекты САП подневольной рабочей силой – “спецпереселенцами”, а частично и высококвалифицированными научными кадрами. Так, в знаменитой Лаборатории “Б”, проводившей исследования по радиобиологии (основана в 1946 г. на Урале), долгое время работа-

⁴⁰ *Alperovitz G.* Op. cit. P. 443.

⁴¹ *Weisgall J.M.* Operation Crossroads: The Atomic Tests at Bikini Atoll. Annapolis, 1994. P. 2.

ли крупные специалисты-заключенные и среди них Н.В. Тимофеев-Рессовский, С.А. Вознесенский, Е.Л. Певзнер и др.⁴²

Первый признак возвращения (без расставания) к сверхиндустриализации обнаружил себя 19 августа 1945 г., когда в советской печати был обнародован очередной пятилетний план. Истерзанному войной народу предстояло, засучив рукава и не мешкая, приступить к осуществлению грандиозной программы роста промышленного потенциала на качественно новой базе вместе с восстановлением (в кратчайшие сроки) разрушенных войной территорий⁴³. Никакой передышки в жестких пределах установленных сверху сроков. Как само собой разумеющееся провозглашалась высочайшая готовность к самопожертвованию. Поставленные цели не допускали иного подхода. Хранивший молчание Сталин, по-видимому, хотел тем самым подчеркнуть абсолютную неизбежность нового самоограничения по причине давления не требующих объяснения обстоятельств и новой грандиозной по масштабу внешней угрозы. После парада Победы Сталин не показывался на публике, но весь комплекс сильнейшего негодования, оскорбленного достоинства и черствости к насущным, чисто житейским нуждам людей обозначался в категорических указаниях, направленных им В.М. Молотову в связи с работой лондонской сессии Совета министров иностранных дел в сентябре 1945 г. Требование проявлять “полную непреклонность” в переговорах с союзниками звучало рефреном в каждом абзаце его посланий⁴⁴.

⁴² Раскрывая первые страницы. К истории города Снежинска (Челябинск-70). Автор-сост. Б. Емельянов. Екатеринбург, 1997. С. 22–25; см. также: *Медведев Ж.А.* Атомный ГУЛАГ // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 44–59.

⁴³ Правда. 1945. 19 авг.

⁴⁴ См. подробнее: *Печатнов В.О.* “Союзники нажимают...” С. 70–85; *Он же.* “На этом вопросе мы ломаем их антисоветское упорство” // Источник. 1999. № 3. С. 92–104.

В стране, все экономические ресурсы которой в течение пяти лет были подчинены войне, вхождение в новую фазу внешнеполитической и военной конфронтационности означало такое перенапряжение жизненных сил нации, что делало неизбежным в перспективе развитие многих внутренних недугов. Занимаясь проблемами восстановления, Сталин не помышлял ни о каком новом нэпе для насыщения товарного рынка и быстрого подъема благосостояния народа. В своих воспоминаниях Илья Эренбург вложил в уста известного советского дипломата Я.З. Сурица, оказавшегося в послевоенные годы не у дел, следующие слова, характеризующие сталинскую аскезу: “Беда даже не в том, что он не знает, как живет народ, он не хочет этого знать – народ для него понятие, и только...” (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // Новый мир. 1965. № 4. С. 48).

С противоположных позиций оценивали новый шторм пика конкурентоспособности (на этот раз в сфере оружия массового поражения) непосредственные участники послевоенного этапа социалистической модернизации. Очень ярко раскрыта эта страница послевоенной индустриальной реконструкции СССР в воспоминаниях бывшего заместителя председателя СНК СССР

Параллельно в чрезвычайном порядке принимался ряд мер, которые в сущности превращали страну в один большой укрепленный район. Мобилизационный характер этих чрезвычайных мер с исчерпывающей полнотой выявило Постановление ГОКО № 9887сс/оп “О Специальном комитете при ГОКО” от 20 августа 1945 г. В нем речь шла о развертывании работ по использованию “внутриатомной энергии урана”, разработке и производству атомной бомбы. Заключительный 13-й пункт Постановления ставил последнюю точку на этом плане стратегического разворота всего государственного корабля, легшего на новый курс, минуя заход в гавань для капитального ремонта и рекреации команды после смертельно опасного плавания в штормовом море: “Поручить т. Берия, – говорилось в нем, – принять меры к организации закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах, возложив на него руководство всей разведывательной работой в этой области, проводимой органами разведки (НКГБ, РУКА и др.)”⁴⁵.

По смыслу Постановления и сопутствующих ему документов отставание от Запада надлежало преодолеть в кратчайший срок, не считаясь ни с чем и создавая в стране уверенность, что любые жертвы не напрасны, поскольку избавляют ее от страха оказаться не защищенной от вполне вероятных и фактически неизбежных атомных ударов хорошо известного противника, сделавшего ставку на подавление воли народа и внезапность, предопределившую участь Хиросимы и Нагасаки. Важной вехой в оформлении правительственной политики в этой ставшей безоговорочно приоритетной сфере его деятельности стал день 7 ноября 1945 г., день первого в мирных условиях празднования 28-й годовщины Октябрьской революции. С докладом выступил министр иностранных дел Молотов, и фактически его речь была ответом на заявление президента США Трумэна от 27 октября того же года, в Нью-Йорке, заверившего американцев, что их страна не расстанется с секретом атомного оружия, пока не будет разработана устраивающая ее система контроля над ним⁴⁶. В связи с этим Молотов дал ясно понять, что Кремль будет проводить политику аб-

М.Г. Первухина (*Первухин М.* Как была решена атомная проблема в нашей стране. Неопубликованная рукопись 1974 г., находящаяся в распоряжении автора статьи, любезно переданная ему К.М. Первухиной).

⁴⁵ Атомный проект СССР. Т. II, кн. 1. С. 13. О Л.П. Берия и его деятельности в Специальном комитете см.: *Некрасов В.Ф.* НКВД–МВД и атом. М., 2007. С. 107–224.

⁴⁶ *Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman, 1945.* Wash., 1961. P. 431–438.

солютно симметричную той, которую проводят Соединенные Штаты и которая не уронит его репутации в глазах народа, свыкшегося с мыслью о своей несокрушимости. Сделав намек на мало кому тогда известную беседу Трумэна со Сталиным в Потсдаме в июле 1945 г., он заявил напрямик, что было бы ошибкой пытаться кому-либо использовать атомную бомбу в качестве средства давления в международной политике. Молотов (не без умысла, очевидно, заочно солидаризируясь с позицией ряда видных западных ученых-физиков, таких, как Н. Бор, Л. Сциллард и др.) утверждал, что ни один технический секрет долго не может оставаться исключительно достоянием какой-либо одной страны или группы стран. С переходом к миру, продолжал он, “мы будем иметь атомную энергию и много других вещей у нас в стране”⁴⁷.

Задним числом многим кажется уместным поставить вопрос, не было ли это всего лишь *игрой в опасность*, легко оправданной в глазах поколения советских людей, застигнутых врасплох вероломным нападением Гитлера на Советский Союз 22 июня 1941 г.? Или, напротив, угроза третьей мировой войны с применением оружия массового уничтожения, которого у Советского Союза не было, представлялась реальной или почти реальной и на верхних, и на нижних этажах советской общественной структуры? Споры на эту тему могут длиться бесконечно, но если чего-то стоят аргументы, опирающиеся на закон повторяемости в истории конфликтных ситуаций, то вполне подходящим в этом смысле может служить Карибский кризис октября–ноября 1962 г. О том же, как современники воспринимали степень вероятности возникновения военного столкновения с применением одной из сторон атомного оружия за 10–15 лет до силового противостояния вокруг Кубы, убедительно сказано в мемуарах А.Д. Сахарова⁴⁸. Не будет ли ко-

⁴⁷ Известия. 1945. 7 нояб.

⁴⁸ Типичное едва ли не для всей научно-технической интеллигенции страны мировидение А.Д. Сахаров описал в своей краткой “Автобиографии” следующими словами: “...непрерывная работа в условиях сверхсекретности и сверхнапряженности сначала в Москве, затем в специальном научно-исследовательском секретном центре. Все мы тогда были убеждены в жизненной важности этой работы для равновесия сил во всем мире и увлечены ее грандиозностью” (Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1990. С. 8). Важное замечание делает в своих воспоминаниях другой участник советского атомного проекта, Б.Л. Иоффе, безоговорочно негативно относившийся к сталинскому режиму. Он писал: “Как это ни неприятно, но я должен сказать, что подавляющее большинство выдающихся физиков, имевших отношение к этой проблеме, которых я знал (но не все!)... были убеждены, что создание атомного и водородного оружия в СССР способствует предотвращению войны, что оно является защитой от возможной американской агрессии. И поэтому они работали так хорошо, как могли, проявляя инициативу и не жалея сил и времени” (Иоффе Б.Л. “Труба”, почему она не пошла. Тяжеловодные реакторы в ИТЭФ // Наука и общество:

щунством в связи с этим говорить о недалекости и об атавизме политического трезвомыслия у сотен и тысяч советских ученых, инженеров и рабочих в закрытых НИИ, атомградах, в “шарашках” и на рудниках, которые трудились во имя одной цели – создать оружие (и дать его в руки Сталина), способное нейтрализовать военное превосходство США или, по крайней мере, отбить охоту им воспользоваться в порядке предупредительной меры из-за опасения увидеть на Рейне советские танки?

Сталин и его “военный эшелон” демонстрировали завидную невозмутимость, в которой можно усмотреть чисто пропагандистские цели поддержания престижа всенной мощи Советского Союза в глазах его зарубежных союзников и нежелание признать несоответствие реальной картины будущего мира той заученной в доядерную эпоху законосообразной логике, которая не допускала разрыва времени, а тем более предположения апокалипсического конца. Была и обратная сторона медали: вновь возникшее пугающее ощущение небезопасности, растущее по мере того, как приходило невольное осознание всех рисков новой ситуации в мире. Инстинкт самосохранения – могучее чувство – заставлял учащаться пульс. Но он пробуждал и внутренние силы к сопротивлению, приводил в движение способности и волю нации в целом ответить на новый, брошенный ей смертельный вызов, который с абсолютной ясностью просчитывался в, казалось, невообразимых для человеческого понимания цифрах жертв атомных бомбардировок, погибших “на месте” и умерших на больничных койках вследствие радиации, психических расстройств и множественных побочных заболеваний. “Страх новой атомной войны затмил все остальное”, – вспоминал близкий сотрудник И.В. Курчатова профессор И.Н. Головин⁴⁹.

Самоподдерживающаяся цепная реакция

В обстановке праздничных салютов, ажиотажа вокруг дипломатических инициатив Кремля в области создания нового, более справедливого миропорядка, оптимистических прогнозов партийной печати в отношении будущего страны трудно объяснимой оказалась для многих наблюдателей важная черта послевоенного советского быта, которую такой знаток русского характера, как В.В. Шульгин, отнес к озлобленности и раздражительности.

история советского атомного проекта (40–50-е годы). Труды Международного симпозиума в Дубне, 14–18 мая 1996 г.: В 2 т. М., 1997–1999. Т. 2. С. 211).

⁴⁹ Цит. по: *Лельчук В.С.* Сталин и холодная война. Начало атомного противостояния // Советское общество: будни холодной войны. С. 30.

Признавая всю трудность в понимании корней этого явления⁵⁰, известный русский общественный деятель, политик и писатель усматривал в нем, однако, прежде всего знак, код, клик времени. В очерке-исповеди (1958) он писал: «...есть нечто, что выше моей осведомленности и понимания. И это вот что.

При несомненном для меня добродушии русского народа, откуда эта в нем злобность?

То и другое, добродушие и злобность, ощущается мною постоянно и одновременно. И совместить это в логическом построении можно, по крайней мере, если бы дело шло об отдельной личности, только так.

Вот добрый человек, но его чем-то очень рассердили, и он временно злой.

Русский народ часто называют медведем. Может быть, и это метко. Медведь – добродушный зверь. Но сердить его не следует.

Чем же рассержен в настоящее время наш русский медведь? Сказать по чести, я не знаю. И мои следующие предположения будут под знаком “может быть”. Может быть так, а может быть иначе.

Прежде всего я должен уточнить. Советские люди не злы, а раздражены. Злость – это состояние более стойкое, так сказать, природное. Раздражение – вещь как бы наносная, основной натуре противная, легче проходящая. Злой тверд в злобных чувствах, раздраженный, но добрый, в основе своей отходчив.

Раздраженные советские люди отходчивы. Но чем же они раздражены, еще точнее сказать, почему они стали так раздражены?

Может ли целый народ стать раздражительным? Может. Если причины, вызывающие раздражительность, действовали и продолжают действовать на всех. Были ли такие причины? Были»⁵¹.

Первым эту длинную цитату, отметил, что Шульгин главную беду видел в войне 1941–1945 гг. и ее последствиях. Но вот вопрос:

⁵⁰ А.И. Солженицын находит, что оно вообще составляет суть характеристики русской жизни в XX в., констатируя в “Архипелаге Гулаге” оскудение народной нравственности, озлобленность, подозрительность и ожесточение людей, прошедших за одно столетие через множество революций, гражданских войн, войн с соседями, этнонациональные конфликты и вековую рознь между низами и культурным слоем. Правда, о том же писал и А.М. Горький еще в 1905 г. в письме Л.Н. Толстому: Голодный, бесправный, придавленный тяжестью насилий над ним, русский народ “невежественный и запуганный. Способен идти за рюмку водки бить и убивать всех, на кого ему укажут, даже детей” (*М. Горький – Л.Н. Толстому. 5 марта 1905 г. // Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 380*). Разница лишь в том, что Горький делал акцент на социальной обусловленности этого явления, подавленности народа нуждой, рабским состоянием.

⁵¹ Шульгин В. Опыт Ленина // Наш современник. 1997. № 11. С. 161.

в какую сторону было направлено это раздражение? Вовнутрь или вовне? Больше всего на первых порах – вовне, ибо – воспользуемся вновь суждением другого крупнейшего русского публициста и культуролога Г.П. Федотова, писавшего в очерке “Россия и свобода” (1945), что победоносный конец войны “бесспорно, укрепляет режим (советскую власть. – В.М.), доказывая путем проверки на полях битв его военное превосходство перед слабостью демократии”⁵². *Своё* доказало неоспоримое превосходство над *чужим*. Расставание с этим стереотипом должно было занять период жизни целого поколения. Добавим: в условиях неспешного эволюционного хода событий и незатрудненного культурного общения с Западом. И то и другое оказалось недостижимым.

Не было плавного перетекания в состояние нового противоборства. Оно пришло внезапно, на следующий день после Победы, с остановкой ленд-лиза и Хиросимой. Странно, что многие современные исследователи обходят этот фактор, уделяя главное внимание явлению “декабризма” в советском обществе в результате общения с Западом в 1945 г.⁵³ Недоумение, раздражение и негодование (порой даже не вполне осознанное) таким “сюрпризом” на уровне массового сознания стали фактором повседневной жизни. Еще ощутимее был удар по тому, что Ницше называл “волей к власти”. Для Сталина она давно была основополагающей чертой сущего, а коль скоро так, она не могла быть властью убывающей, распадающейся, деградирующей. И в самом своем существовании, и в пространственно геостратегическом отношении она должна была возрастать, постоянно превышать самоё себя, подниматься со ступени на ступень, расширять “зону” силового и идеологического воздействия. Вот почему для Сталина появление контрсилы с “победоносным оружием”, решительно заявившей претензии на универсализм “Американского пути” и международные полицейские функции, явилось не только постановкой под вопрос каких-то идеологических постулатов и политических планов, но и угрозой обезличивания прежде всего его власти, ее выхолащивания и обесценения.

Бессильный сразу же что-либо реальное противопоставить этой неожиданно обрушившейся напасти, Сталин в своей линии поведения совмещал тревогу (может, и что-то посерьезнее) перед неизвестностью и одновременно искусно отыгранное публично опровержение этих опасений, беря еще один беспроцентный кредит доверия у народа, поверившего в его политический гений.

⁵² Федотов Г.П. Россия и свобода // Знамя. 1989. Дек. С. 214.

⁵³ См.: Голубев А.В. “В осажденной крепости”: К вопросу о предпосылках “холодной войны” // Советское общество: будни холодной войны. С. 40–55.

Ошибка Запада состояла в том, что неуспех своей атомной дипломатии (упорное нежелание Сталина идти на компромисс) он приписал особой внушаемости советских людей. Между тем причина, по своему значению более важная, заключалась в том, что Сталин находил оправдание безальтернативно жесткому варианту отношений с западным “атомным клубом” в разбуженном вновь возмущении советских людей недружелюбием вчерашних союзников («они хотят украсть у нас победу, вооружить Германию и окружить вновь “санитарным кордоном”»).

В одном из писем А.В. Луначарскому в августе 1920 г. Владимир Короленко заметил, что “славянская натура” народа России мягче англосаксонской⁵⁴, упомянув при этом о врожденной черте – недостатке поведенческой (добавим – и правовой) культуры, рациональной саморефлексии, неумении управлять эмоциями и их контролировать. Складывается впечатление, что Сталин понимал: данное обстоятельство дает ему существенное преимущество в контрпропагандистской кампании, позволявшей добиваться успеха без особых усилий. Фактически можно было и не прибегать к штампам принудительного мышления, которые выставляли дядю Сэма примером бездушия и жестокости. Американцы сами позаботились об этом, безостановочно наращивая свои ядерные стратегические силы⁵⁵ и параллельно усиливая кампанию устрашения повторением испытаний все новых и новых ядерных боеприпасов. Причем, казалось, никто при этом в Вашингтоне не был озабочен плачевно низким ее уровнем, порой оборачивающимся вульгарным бахвальством и вызывающим бряцанием новейшим оружием массового уничтожения⁵⁶. Даже среди союзников США такая политика вызывала признаки психической подавленности и протест.

Переход на язык угроз впервые в истории принимал высокотехнологический характер. Одно за другим следовали предназначенные для устрашения вероятного противника заявления об оружии нового поколения, вобравшего в себя передовые ноу-хау и делающего сопротивление бесполезным, а войну скоротечной. Ряд сторонников *реальной политики* среди высокопоставленных слу-

⁵⁴ Короленко Вл. Письма к Луначарскому // Новый мир. 1988. № 10. С. 208.

⁵⁵ Bowen L., Little R.O. et al. A History of the Air Force Atomic Energy Program, 1943–1953. Wash., D.C., 1959. Vol. 3: Building on Atomic Air Force, 1949–1953. Forging the Atomic Shield: Excerpts from the Office Diary of Gordon E. Dean / Ed. by R.M. Andres. University of North Carolina Press, 1987.

⁵⁶ Gates R.M. From the Shadows: The Ultimate Insider’s Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. N.Y., 1996. P. 113–115; Ziegler Ch. Intelligence Assessments of Soviet Atomic Capability, 1945–1949: Myth, Monopolies and Maskirovka // Intelligence and National Security. 1997. Vol. 12. Oct. P. 1–24.

жащих дипломатического ведомства США (Дж. Кеннан) критически отнеслись к силовому давлению на Москву, полагая, что оно способно повредить самим Соединенным Штатам. В этом была немалая доля истины. К тому же объективно эти обмены словесными ударами не позволяли Кремлю почивать на лаврах. Молчаливо здесь была признана важная особенность времени: невозможность для СССР вести исторический спор с Америкой на одном лишь голом энтузиазме – “передовой идеологии” или козыряя данными об обычных вооружениях, которыми была выиграна война. Но коль скоро так – в стране неминуемо должна была быть допущена какая-то степень интеллектуальной свободы для научно-технической интеллигенции, тем более что в годы войны она превратилась в важнейшую составляющую ВПК, прямо заинтересованную в огромных государственных заказах и зависимую от них⁵⁷. ВПК и ставший его главной частью атомный проект во всех своих разветвлениях сотворили некую мощную корпорацию, профессионально, политически и морально причастную к тому дипломатическому контрманевру, который Сталин решил совершить в ответ на болезненный удар по национальному достоинству народа и по его (Сталина) собственному самолюбию еще до того, как просохли чернила под Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями.

В бескомпромиссном пылу А.И. Солженицын в ряде публицистических выступлений утверждал, что именно так “центровая образованщина” или, точнее, часть ее – научно-техническая интеллигенция – преступно увлеченно отдавалась “вещественному укреплению лжи”, создавая новейшее оружие. Назвав отечественную элиту научно-технической интеллигенции “высокомерным, мелким и бесплодным племенем гигантов”⁵⁸, писатель назвал ее оплотом советского “империализма”⁵⁹. Нет смысла спо-

⁵⁷ Об этом своеобразном явлении военного времени писал Василий Гроссман (см.: Октябрь. 1988. № 3. С. 69). Преднамеренно организованные американцами “утечки” разведанных только укрепляли авторитет этой части советской интеллигенции, повышали уровень ее востребованности. Судьба П.Л. Капицы и отказ партийного руководства от “облысения” советской физики (на первые месяцы 1949 г. планировалось проведение специального совещания физиков с “оргвыводами” по методу лысенковской сессии ВАСХНИЛ 1948 г.) – иллюстрация этого (см.: *Горелик Г.* ФИАН и советский термоядерный проект // Наука и общество... Т. 2. С. 479–487). В.И. Жучихин в своих воспоминаниях касается этого вопроса, показывая, что в среде ученых в Арзамасе-16 велись довольно откровенные разговоры “о социальных и производственных пороках” (*Жучихин В.* Первая атомная: Записки инженера-исследователя М., 1993. С. 41).

⁵⁸ См.: *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 т. Т. 1: Ярославль. 1995. Статьи и речи. С. 115.

⁵⁹ Там же. С. 113.

речь об адекватности рефлексии прошлого у писателя, жившего с незаживающей раной, важнее всего признание им поглощенности креативного слоя советской научно-технической интеллигенции этой “безобидной” и одновременно “страшной” (по мнению Солженицына) деятельностью. Массовое вовлечение научно-исследовательских и инженерных кадров в САП (по большей части добровольное), их энтузиазм и оптимизм также говорили сами за себя⁶⁰. Именно эти качества, как справедливо пишет Г. Горелик, помогли во многих случаях преодолевать “ощущение безнадежности”⁶¹.

Существовавшая всегда, но вновь обострившаяся поляризация в мире – наследие всей истории – поставила ученых СССР перед нравственной проблемой выбора, и он был сделан фактически без колебаний. Заметим: речь в данном случае должна идти не о зашоренности мышления, а об особом его складе. И.Н. Головин находил, что его сердцевиной был страх за жизнь, свою и соотечественников. В.П. Визгин дает еще более общее объяснение: в СССР ядерный этос формировался в разгар Отечественной войны, что придало ему четко выраженный военный характер. Он пишет: «Окончание войны с Германией не сняло напряжения, а атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки американцами продемонстрировала ужасную мощь ядерного оружия и создала новый мощный стимул в реализации САП: ликвидировать американскую ядерную монополию, чреватую перерастанием начавшейся вскоре “холодной войны” в ядерную войну. Ученые в еще большей степени становятся “солдатами без формы”»⁶². Готов-

⁶⁰ Каменева А.Д., Симоненко О.Д. “Нет времени на диссертацию, когда надо обгонять Америку”: жизненный путь Е.М. Каменева // История советского атомного проекта: Документы. Воспоминания. Исследования / Отв. ред. В.П. Визгин. Вып. 1. С. 207–214.

⁶¹ Горелик Г. ФИАН и советский термоядерный проект. С. 485.

⁶² Визгин В.П. Формирование этоса советского ученого-атомщика // Наука и общество... Т. 1. С. 366. Разумеется, судить о присутствии высоких побуждений или каких-либо иных мотивов советских ученых-ядерщиков при выполнении заданий по САП можно лишь по меркам того времени. Впрочем, это относится и к американской стороне. Психология немилосердной жестокости настолько сильно владела многими видными фигурами из знаменитой когорты ученых и управленцев “Манхэттенского проекта”, что делала их подчас сторонниками самых крайних мер в случае военного конфликта. Подробнее об этом см.: Геркен Г. Братство бомбы. Подробная и захватывающая история создания оружия массового поражения / Пер. с англ., М., 2008. Так, Джеймс Конант, президент Гарвардского университета, вместе с Ванневаром Бушем по поручению правительства США руководивший атомным проектом, порой удивлял своей солдатской прямоотой. В октябре 1947 г. на секретном совещании в Национальном военном колледже высказался за немедленное использование атомных бомб в войне с Советским Союзом. Военные корабли должны стрелять, а бомбы (атомные)

ность рисковать, если нужно, своей жизнью, как это было в ряде случаев с И.В. Курчатовым, К.М. Щелкиным, Б.А. Никитиным и другими, – свидетельство точности этого сравнения. Разговоры в пацифистском духе были не приняты в этой среде. Академик А.Е. Шилов в своих кратких воспоминаниях о Н.Н. Семенове, выдающемся ученом, принимавшем участие в САП, говоря об убеждениях поколения ученых, воспитанного в советских условиях, употребляет термин “конформизм”⁶³. В свою очередь, П.Е. Рубинин в воспоминаниях о П.Л. Капице, ближайшем друге Н.Н. Семенова, пишет, что взрыв атомной бомбы над Хиросимой потряс Капицу. Твердое понимание того, что Япония задолго до этого готова была капитулировать, делало однозначным вывод: цель американцев – устрашение СССР. Вторая бомба, разрушившая Нагасаки, подсказывала и более мрачные мысли⁶⁴. Отказ Капицы от участия в создании атомной бомбы не был основан на политических мотивах⁶⁵. “Нетипичный” случай с Л.Д. Ландау, не скрывавшим, что он был *вынужден* участвовать в атомном проекте, пожалуй, только подтверждает общий вывод, сделанный А.Д. Сахаровым, о чем сказано выше⁶⁶.

должны падать – так звучал сформулированный им вывод (*Hershberg J.G. James V. Conant. Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age. Stanford (Cal.), 1993. P. 304*). Впоследствии и Буш, и Конант, как мы видели, изменили свою точку зрения, но данное высказывание продолжает жить, появляясь в исторических трудах.

Вполне оправданным в связи с этим выглядит отношение к военной тематике советских ученых-физиков, занятых на объектах атомного проекта, включая и тех из них, которые, подобно И.Е. Тамму, всегда оставались внутренне свободными людьми и “зрячими” в отношении Сталина и его режима. Ю.Б. Харитон, В.Б. Адамский, Ю.А. Романов, Ю.Н. Смирнов пишут об И.Е. Тамме периода его работы над водородной бомбой в Арзамасе-16: “...его никак нельзя было записать в этикие экстрапацифисты. Он не испытывал радости, что приходится заниматься страшным оружием, и воспринимал свое участие в этих работах как суровую необходимость для обеспечения равновесия в мире” (*Харитон Ю.Б., Адамский В.Б., Романов Ю.А., Смирнов Ю.Н. Глазами физиков Арзамаса-16 // Капица, Тамм, Семенов. М., 1998. С. 315*).

⁶³ Капица, Тамм, Семенов. С. 565. Многие ученые испытывали удовлетворенность своим положением в оборонном комплексе страны и вкладом в его достижения, обратной стороной чего становились неприятие “западных образцов” и определенная нерасположенность восторгаться, например шедеврами западного модерна. Так, П.Л. Капица в письме Г.М. Маленкову о памятниках старины в июне 1945 г. негативно отзывался о всей западной архитектуре, называя ее “чуждой” (Там же. С. 171).

⁶⁴ Рубинин П.Е. Капица, Берия и бомба // Наука и общество... Т. 2. С. 262, 263.

⁶⁵ Там же. С. 262.

⁶⁶ *Илизаров С.С.* «Я низведен до уровня “ученого раба”...» (Атомный проект – Ландау – ЦК КПСС) // Наука и общество... Т. 2. С. 245–259; *Смирнов Ю.Н.* И.В. Курчатов и власть // Игорь Васильевич Курчатов... С. 288.

Сам Сталин хранил молчание до 9 февраля 1946 г., избегая говорить не только об атомной проблеме, но и вообще на внешне-политические темы, демонстрируя всему миру, стране и несколько расслабившемуся собственному окружению примерные выдержку и презрение к миражам либерализации внешней политики. Между тем в советской печати была поднята кампания по обсуждению проблемы войны и мира. Участились высказывания в том духе, что мировые конфликты не решены победой над фашизмом. Косвенно эта дискуссия отображала ход мыслей самого Сталина. Примечательно вместе с тем, что, толкуя о противоречиях империализма и неизбежности военных конфликтов, участники этой своеобразной дискуссии не увязывали угрозу новой войны напрямую с советско-американскими отношениями, хотя упоминаний о “пропаганде” войны между главными союзниками по антигитлеровской коалиции в речах и заявлениях воинствующих адвокатов антисоветизма среди “реакционеров” в США было предостаточно. Важная речь 9 февраля 1946 г. как бы подводила итог этой дискуссии: в ней конкретизировалось понимание мировой ситуации и содержался тезис о том, что раскручивание военной опасности империалистическими блоками может вовлечь в мировой конфликт Советский Союз и страны народной демократии⁶⁷.

Совершенно необоснованно в теоретических изысках сталинской аргументации западный истеблишмент немедленно обнаружил скрытую угрозу, а именно: стремление втянуть человечество в третью мировую войну с целью покончить с “остатками” империализма. Первопричиной всех этих призывов к бдительности была замкнутая на внутренних задачах идея: поднять уровень способности советских людей к самопожертвованию в преддверии новых перемен и “больших скачков”, сделать их равнодушно-спокойными к соблазнам комфортной жизни, многими ассоциировавшейся с культурой Запада, и невосприимчивыми к “чуждым” ценностям капитализма. Что, однако, казалось бы, подтверждало догадки западных аналитиков, так это отказ Сталина от привычной все еще “дружественной” союзнической терминологии и использование им словарного запаса иного рода, в частности, терминов “два лагеря”, “две системы”, возвращающих в эпоху III Интернационала. За всем этим немедленно усмотрели намерение взять курс на силовое противоборство с противниками коммунизма и советской системы с целью установления “тоталитарного контроля” над миром. Ответ последовал незамедлительно в виде согласованной с руководством США речи У. Черчилля о “желез-

⁶⁷ Правда. 1946. 10 февр.

ном занавесе” в провинциальном миссурийском колледже перед пестрым составом слушателей 5 марта 1946 г. Председательствовал на встрече американцев с отставным английским премьером президент США Г. Трумэн.

* * *

Речь Черчилля в Фултоне в Кремле, скорее всего, читали с конца, т.е. с той его части, где сэр Уинстон говорил о том, что “русские друзья и союзники” уважают только язык силы. Один пассаж приковывал к себе самое пристальное внимание: в нем излагались доводы в пользу необходимости сохранения всей секретной информации об атомной бомбе в одних руках – в руках Соединенных Штатов. Черчилль решительно отклонил критику тех, кто настаивал на расширении клуба “атомных держав” и интернациональном контроле. Сталин наверняка усмотрел в этом личное оскорбление. Самое же главное, пожалуй, состояло в том, что, испытывая по обыкновению сильнейшую идиосинкразию по отношению к Черчиллю, Сталин легко мог услышать в его словах прямую угрозу применения к Советскому Союзу “атомных санкций”. Ко всему прочему чтение речи переносило кремлевских руководителей в, казалось бы, оставшуюся позади эпоху ультиматумов и неравноправия по принципу “нации правильные и нации неправильные”. Логически совершенный, изысканный слог Черчилля настолько выпукло доносил смысл его назиданий западной публике и предупреждений Кремлю, что всякие инотолкования попросту исключались:

“Было бы... неверно и неосторожно передать секретные сведения об атомной бомбе и ее производстве, которыми владеют сейчас Соединенные Штаты, Великобритания и Канада, Организации Объединенных Наций, все еще переживающей пору младенчества. Было бы преступным безумием предоставить их воле случая в условиях все еще разделенного и наэлектризованного мира.

Ни один человек, в какой угодно стране, не стал хуже спать от того, что эти сведения, методы производства и соответствующие сырьевые материалы находятся в настоящее время преимущественно в руках США. Я не думаю, что мы сохраним свой сон таким же безмятежным, если данная ситуация изменится и какое-то коммунистическое или неофашистское государство монополизировало на какое-то время весь этот смертоносный арсенал. Страх перед этой перспективой – и только он – в состоянии стать средством для навязывания тоталитарной системы демократическому сообществу, последствия чего трудно себе даже представить. Все-

вышний своей волей распорядился, чтобы этого не случилось, и сейчас мы располагаем передышкой до того, как столкнемся с кошмаром атомного противостояния, но даже после этого, если мы не будем тратить время понапрасну, мы будем обладать столь значительным превосходством, что окажем эффективное сдерживающее воздействие на попытку других обрушить на нас весь этот ужас или угрожать нам осуществить его на деле”⁶⁸.

Речь Черчилля в целом даже в Англии вызвала весьма сдержанную (скорее даже неблагоприятную) реакцию⁶⁹. Причем такой прием был характерен для обеих крупнейших политических партий – правящей лейбористской и оппозиционной консервативной. Черчилля подвела изящная словесность. Блистательный слог речи сделал ее еще и событием чисто литературным, что приковало к ней дополнительное внимание, подогрело страсти, не оставив никого равнодушным. Что касается полузабытого всеми последующими поколениями историков фрагмента о принуждении к миру тоталитарных режимов посредством удержания их в состоянии технологического анабиоза и диспаритета в атомных вооружениях, то он только резко ухудшил общую ситуацию, позволил Сталину сформулировать сильнейшие контраргументы. Вождь не замедлил их высказать, найдя в фултоновском шоу множество очевидных угроз – от намерения развернуть ширококомасштабную пропагандистскую войну против коммунизма до нанесения превентивных атомных ударов по городам СССР.

Сталин тактически верно построил свой дипломатический контрход, сделав ударение на маниакальной приверженности новоявленных поджигателей войны идее разъединения человечества, стоящего лицом к лицу с возможностью суицида. В итоге он оказался единственным из мировых лидеров, фактически осудивших войну с применением атомного оружия. Недипломатический язык сталинского интервью (10 марта 1946 г.) увеличил число сторонников тех, кто видел в черчиллевском требовании – сбросить секрет атомной бомбы – чистый шантаж или даже моральную санкцию повторения Хиросимы⁷⁰. Внимавшие Сталину с почти безграничным доверием советские люди имели полное право благодарить судьбу, отдавшую под контроль Кремля огромное

⁶⁸ Цит. по: *Rhodes R. Dark Sun. P. 238.*

⁶⁹ См.: *Carlton D. Churchill and the Soviet Union. Manchester; N.Y., 2000. P. 149.*

⁷⁰ Вскоре худшие опасения подтвердились: Черчилль в ряде последующих высказываний выступил за предъявление Кремлю ультиматума и в случае его отклонения за превращение в атомные мишени десятков крупнейших городов СССР (*Carlton D. Op. cit. P. 151–155*). Требование “разобраться” с Кремлем, воспользовавшись американской монополией на супероружие, стало его коньком в беседах со знавшими его людьми. Пришло время, и Черчилль изменил взгляды.

пространство – территорию собственно Советского Союза в границах 1945 г. плюс восточноевропейский регион. Пространство становилось главным козырем в борьбе за выживание в эвентуально почти неизбежной третьей мировой (атомной) войне, оно давало главный ресурс надежности, его следовало удерживать любой ценой.

Может быть, в Кремле, как утверждает Д. Холоуэй, не верили в вероятность атомной войны⁷¹. Очень даже может быть, хотя категорично это утверждать нельзя. В крупных городах (прежде всего в Москве) строились специальные сооружения-укрытия для правительственных учреждений и населения, явно призванные смягчить последствия атомного удара. Разумеется, ни о какой симуляции страха говорить не приходится. Пейзаж после битвы способен был вселить в любого самые мрачные предчувствия. Лежащие в руинах Хиросима и Нагасаки, испытания атомных бомб на атоллах Бикини (1946) и Эниветок (1948), работающие в США уже на полную мощность в непрерывном режиме предприятия по производству атомного оружия, систематическое пополнение его арсенала⁷², фантастические (для своего времени) и последовательно возрастающие финансовые ассигнования на исследования и новые типы атомного оружия нельзя было принять за дружеские жесты⁷³. Тема атомной войны становилась повседневно привычной, заставляя верить в благоприятный исход лишь в случае осуществления воли и верховной мудрости вождя. Культ личности получил основательную подпорку.

Беспрецедентная по своим масштабам катастрофичность грядущей “новой войны” доходила до сознания советских людей разными путями и, как это ни странно, главным образом, посредством американских источников. В США широкие масштабы приняло сочинительство сценариев глобального конфликта с переменным “русским началом” и сокрушительным ударом возмездия со стороны Америки. Всех перецеголяли генералы ВВС, обеспокоенные сокращением финансирования на “летучую” составляю-

⁷¹ Holloway D. Op. cit. P. 271, 272.

⁷² Rosenberg D.A. U.S. Nuclear Stockpile, 1945 to 1950 // Bulletin of the Atomic Scientists. 1982. May. P. 25–30; Atomic Audit: The Cost and Consequences of U.S. Nuclear Weapons since 1940 / Ed by I. St. Schwartz. Wash., D.C., 1998. P. 33–58.

⁷³ Atomic Audit. P. 58–65. Авторы труда об экономике гонки атомных вооружений США пишут: «Сразу же, как только она была образована (1946 г.), Комиссия по атомной энергии США (наследница Манхэттенского проекта. – В.М.) стала проводить агрессивный курс на расширение способности США производить расщепляющиеся материалы в ответ на крах “Великой коалиции” и ухудшение советско-американских отношений с 1946–1948 гг.» (Ibid. P. 64).

щую вооруженных сил. Уже в августе–ноябре 1945 г., замалчивая сведения о реальном состоянии советских ВВС, высокие военные чины США публично заговорили об угрозе сокрушительного удара с воздуха, “с чистого неба”, по крупнейшим городам Америки, что следовало понимать как фатальную неизбежность атомной войны с Советским Союзом⁷⁴. В начале ноября 1945 г. генерал Генри Арнольд, начальник штаба ВВС США, обнародовал свой знаменитый доклад-предупреждение о граде атомных бомб на американские города с пусковых ракетных установок противника в джунглях “Экваториальной Африки”. Доклад следовало понимать с точностью до наоборот, чем, по-видимому, и руководствовалась редакция журнала “Life”, миллионными тиражами распространив его версию по всему свету. Красочно поданный материал имел характерный заголовок: “36-часовая война”. О возможности, используя атомное оружие, лишить Советский Союз боеспособности именно в такой кратчайший срок постоянно говорили военные планировщики США. Ретрансляция их взглядов по радио и в печати стала обычным делом, частью информационной культуры страны, решительно вторгшейся в культурное пространство других очень многих стран⁷⁵.

Никто был не вправе ожидать, что в Советском Союзе отнесутся ко всей этой кампании как к простому розыгрышу, несмотря на заведомо неверные, а то и просто ложные сведения о военных приготовлениях Кремля. Однако недостаточно сказать, что на уровне массового сознания ее отголоски, доходившие с соответствующими комментариями, порождали повышенную нервозность, открывая простор для творчества страха. Ближе, чем “Экваториальная Африка”, к границам Советского Союза находились Турция, Япония и Аляска. Росло – стремительно и неуклонно – желание услышать от своего правительства (и как можно скорее) заверения, что оно начеку, не тратит времени впустую и осознает характер новой угрозы. Именно к этому времени относится привыкание к состоянию, когда, как верно позднее отметил И.Е. Тамм, в погоне за собственным атомным щитом легко обнаружили единственное средство удержания США от соблазна использовать их преимущество⁷⁶.

Страх перед довооружением, говорил Тамм, по-видимому, был намного меньшим, чем страх перед разоружением. Древние

⁷⁴ *Sherry M.S.* Preparing for the Next War. American Plans for Postwar Defence, 1941–1945. New Haven, 1977. P. 195.

⁷⁵ *Life*. 1945. Nov. 19. P. 27–35; *Boyer P.* By the Bomb's Early Light: American Thought and Culture at the Dawn of the Atomic Age. N.Y., 1985.

⁷⁶ Архив РАН. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 29: *Тамм И.Е.* Выступление на Пагуошской конференции.

инстинкты крови, получая подкрепление в лице успехов творцов нового оружия, порождали опасные импульсы – нанести превентивный удар, застав противника врасплох. В открытой дискуссии в США о назначении атомного оружия прямо противоположные начала и побудительные мотивы оказались неуловимо связанными. Их взаимопроникновение позволяло сторонникам и тех и других объяснять свою позицию высшими соображениями национальной и всеобщей безопасности. В свою очередь, новые приоритеты оборонной политики СССР (всем было ясно, что вопрос стоял о самосохранении нации) облегчали задачу ее соответствующего пропагандистского оформления, причем призрак атомной войны – не в виртуальных ситуациях штабных игр, а в страшных в своей подлинности образах лежащих под радиоактивным пеплом Хиросимы и Нагасаки – оказался пригодным как для внутреннего, так и для внешнего использования. Внутри страны с его помощью достигался новый подъем жертвенного энтузиазма и форсированной промышленной перестройки на новой технологической основе и (главное) в деле создания высокоразвитого военно-промышленного комплекса, любой ценой и невзирая на опасные для будущего диспропорции в экономике в целом. Параллельно в управлении страной происходило закрепление и усиление авторитарно-бюрократических методов с неизменным участием всевластного репрессивного аппарата. Конфликт, субстанциональный характер которого все в большей мере оказывался завязанным на гонку атомных вооружений, в воображении советских людей как бы сам собой становился спором о значении жизни.

Очень метко экзистенциальную природу этой реакции в Советском Союзе подметил все тот же сэр Фрэнк Робертс, временный поверенный Великобритании в СССР, в телеграмме Эрнесту Бевину министру иностранных дел правительства Её величества в марте 1946 г. Он писал: “Тень атомной бомбы омрачила наши отношения, и за каждым проявлением англо-американской солидарности в оценке внутренних процессов в Болгарии или Румынии правители Советского Союза, до сего дня уверенные во всемогуществе Красной Армии, видят для себя угрозу со стороны англо-американского блока, владеющего самым могучим оружием и поэтому способным не только лишить Советский Союз плодов побед Красной Армии, но и поставить под угрозу его безопасность, которая ему досталась так дорого”⁷⁷. Английский дипломат, чуткий к настроениям человеческой среды своего обитания, был озабочен перспективой англо-советских отношений.

⁷⁷ Origins of the Cold War. The Novikov, Kennan and Roberts “Long Telegrams” of 1946 / Ed. by K.M. Jensen. Wash., 1991. P. 34.

Напротив (что весьма симптоматично), американские дипломаты намеренно не замечали (или недооценивали) болезненно травмирующий эффект “атомной профилактики” на массовое сознание объекта воздействия. Так, А. Гарриман, посол США в Москве, предпочитал в своих депешах говорить о “невротической” реакции *советских вождей*. На удивление еще более отстраненно судил о причинах внезапного обвала в американо-советских отношениях Джордж Кеннан в своей знаменитой “Длинной телеграмме” (февраль 1946 г.). Он вообще обошел тему бомбы, сосредоточив внимание на истоках и константах советского поведения и на марксистской доктрине, которая, по его мнению, научила советских руководителей раз и навсегда бояться и не доверять внешнему миру. Как будто ужас Хиросимы и Нагасаки был инсценирован советскими пропагандистами. В связи с этим нельзя не согласиться с авторами, которые считают, что это не самое сильное место в кеннановской телеграмме 1946 г., несмотря на всю ее прогностическую силу⁷⁸. Стоит сказать также, что ровно годом позже, во время дискуссии в Совете по внешней политике на тему “Советский образ мышления и его влияние на внешнюю политику” Кеннан дал совершенно ничего не значащий (скорее даже невразумительный) ответ на прямой вопрос одного из присутствующих, как “русские реагируют на научные проблемы, такие, как атомная энергия”⁷⁹. Щепетильная и трудная тема, явно ставившая в затруднительное положение в Государственном департаменте не одного только Кеннана, требовала прямого ответа на самый главный вопрос, возникший не в связи с окончанием войны, а как бы дополнительно к нему.

Однако никто, в сущности, во внешнеполитическом ведомстве США не пытался увидеть проблему с той точки обзора, которая делала анализ и политический прогноз достоверно значимыми. Вместо этого в Госдепартаменте США удвоили усилия по реабилитации оружия, разрушившего Хиросиму и Нагасаки, тем самым как бы оправдывая его применение в будущих военных конфликтах⁸⁰. Появившиеся в печати материалы снимали ответственность и с тех, кто принял решение об атомной бомбардировке в августе 1945 г., и с тех, кто планировал вновь к ним прибегнуть. Возможно, кто-то в окружении Трумэна рассматривал раскручи-

⁷⁸ Greenwood S. Frank Roberts and the Other Long Telegram: The View from the British Embassy in Moscow. March 1946 // Journal of Contemporary History. 1990. № 25. P. 103–122.

⁷⁹ Meeting Sponsored by the Council on Foreign Relation. Jan. 7, 1947; Princeton University. Seeley G. Mudd Library // Allen Dulles Papers. Box 30.

⁸⁰ Alperovitz G. Op. cit. P. 482–485.

вание темы о ядерном “возмездии” всего лишь как эпизод психологической войны с Советским Союзом, однако просчет превзошел все допустимые пределы. Культ Хиросимы лишил глазомера многих военных и политиков⁸¹.

Встретились два мира, две культуры. Что для одних воздух, как говорил Г. Честертон, для других – отравы. Но именно в такой обстановке Сталин чувствовал себя уверенно. Он принял новые правила игры, открыв собственный фронт психологической войны с атомной дипломатией США. Решительно осуждался культ бомбы. В инструктивных докладах видных специалистов, облеченных правом передавать важные нюансы оценки Кремлем общей ситуации, подчеркивалось второстепенное значение атомного оружия в военном конфликте ближайшего будущего. Так, академик Е.С. Варга, выступая с докладом в закрытой аудитории где-то в начале 1948 г., говорил: “США стараются запугать другие страны атомной бомбой. Конечно, атомная война могла бы повредить отдельные города Советского Союза, но тот же Уоллес (бывший вице-президент США, выступавший за совместные действия США и СССР в области установления контроля над атомным оружием и другие меры доверия) сказал, что в этом случае никакие силы не могли бы препятствовать тому, чтобы Красная Армия заняла весь континент Европы”⁸².

Одновременно в ускоренном темпе завершались работы подготовительной стадии атомного проекта и переход к стадии решающей, производственной. Советское руководство заявило о своем несогласии поставить под контроль “атомного клуба” из трех великих держав – временных держателей атомных секретов – советские исследования. Добиться любой ценой паритета с Соединенными Штатами стало заветной целью. Без промедления Сталин сокращал разрыв концентрацией усилий научных, производственных и военных кадров, вздыбливая страну, заставляя ее народ колоссальным перенапряжением сил почувствовать себя вблизи вершины. Все это сопровождалось “мобилизацией сознания” – пропагандистской кампанией антизападничества, культурного и всякого другого “огораживания”. Таким образом, то, к чему вроде бы стремился Запад – созданию в СССР открытого общества с транспарентным военно-промышленным комплексом, – стало казаться просто недостижимым. Более того, нажим Америки привел к тому, что зазор между высокомерной властью и бессильно внимающим обществом уменьшился. Многие эксцессы

⁸¹ Newman R.P. Truman and the Hiroshima Cult. East Lansing, 1995.

⁸² Архив РАН. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 18: Варга Е.С. Углубление общего кризиса капитализма. С. 21.

властей и откровенно шизофренические по существу и по форме общенациональные акции воспринимались многими как суровая необходимость, диктуемая внешней угрозой. Вот отрывок из разговора двух ученых-историков, очень известных в культурной среде, воспроизведенный в дневниковой записи профессора МГУ С.С. Дмитриева: “Что лежит в основе всего этого? – спросил я у Б.Ф. Поршнева (речь шла о кампании против космополитизма. – В.М.): “Война. Готовить нужно народ к новой войне. Она близится”»⁸³.

Не остыв от всеподчиненности власти, продиктованной военной порой, советское общество отдавало себя во власть новой тотальности, которая придавала специфическую осмысленность любым ограничениям и лишениям, а вместе с ними творимому произволу в отношении личности и казарменным порядкам в гигантском секторе общественной деятельности. Двери наглухо захлопнулись, страна становилась непрозрачной даже для ее друзей и почитателей, целые регионы объявлялись закрытыми для посещения иностранцами, создавались и тут же “исчезали” наукограды, академическая наука и ее кадровый состав переводились на режим повышенной секретности. Засилье цензуры (органическая часть послевоенной контр-культуры) делало невозможным широкое развитие деловых, культурных и научных обменов между СССР и США, а значит, сужало представление об Америке, вносило дополнительную нервозность. Искаженным предстал в глазах советских людей и внутренний мир американцев. Самым типичным становилось отождествление его с политическими проповедями вашингтонских ястребов. Возникло некое совпадение между массовым сознанием и внутренним миром Сталина, органически чуждого западной демократии и, как выразился однажды Герберт Уэллс, никогда не дышавшего “вольным воздухом” и не знавшего, что это значит⁸⁴. Запад вновь предстал “темной” зоной.

Таким образом, утверждение известного американского историка Мартина Шервина, которым он характеризует советскую реакцию на Хиросиму и Нагасаки как “молчаливый маневр”, направленный на то, чтобы преуменьшить (или скрыть) разрыв в военно-стратегических потенциалах между Советским Союзом и Соединенными Штатами (“атомная дипломатия наоборот”), нельзя понимать буквально⁸⁵. Собственно военные соображения не имели решающего значения. Это правда, что

⁸³ Дневник С.С. Дмитриева. С. 149.

⁸⁴ Берберова Н. Железная женщина // Дружба народов. 1989. № 12. С. 121.

⁸⁵ О том же писал Герберт Фейс в книге “Атомная бомба” (*Feis H. The Atomic Bomb. Princeton, 1970. P. 102*).

советская печать и радио почти никак не комментировали информацию о взрывах над Хиросимой и Нагасаки, замалчивая данные зарубежных обследований, а также выводы касательно особой роли нового оружия в мировой политике⁸⁶. Однако в Москве хорошо понимали, что так провести американскую разведку не удастся. Речь шла главным образом о другом, а именно: о скрытой концентрации усилий и лучших сил на главном направлении развития оборонного комплекса и особо военной науки. В практике внутренней жизни велась напряженная институциональная перестройка – новый этап сталинской модернизации и в еще большей степени общественных настроений в режиме мобилизационной экономики и “круговой поруки”. Восстановление народного хозяйства, рекордная индустриализация страны и рывок к уровню США по главным видам новейшего вооружения – так определялись важнейшие приоритеты общественного и хозяйственного развития страны. Планка ставилась на максимальную высоту: не близкая вообще цель (овладение секретом атомной бомбы и массовое производство этого оружия) представлялась достижимой и фактически даже достигнутой, причем “напускание тумана” не обязательно было рассчитано на введение в заблуждение внешнего недоброжелателя, заинтересованного в “низведении” СССР. Идея достижимости (в кратчайший срок!) атомного паритета должна была служить средством сплочения народов СССР, закалить их волю и заставить принять как должное сталинский сверхпорядок.

Сталин редко встречался с учеными-ядерщиками, он не посещал атомные объекты, его подпись не стоит под проектом Постановления СМ СССР “О проведении испытания атомной бомбы”, подготовленном в августе 1949 г. Что хотел этим сказать Сталин? Скорее всего, что Советский Союз концентрирует свои главные усилия на сугубо мирном строительстве и не бравивирует

⁸⁶ Некоторые исследователи утверждают, что Сталин и другие “советские лидеры” преуменьшали “эффект ядерной стратегии” из-за непонимания роли научно-технического фактора в будущей войне. Для подтверждения этого приводится известное заявление Сталина, сделанное им в сентябре 1946 г. (см.: например: *Быстрова И.В.* Военная политика сталинского руководства // Сталин и холодная война / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 1998. С. 231). На фоне той роли, которую играл ВПК в послевоенные годы, подобные утверждения выглядят не более чем недоразумение. В аргументированной статье А.Б. Безбородова содержится убедительное опровержение чисто конъюнктурных спекуляций и вместе с тем дана трезвая оценка развития ВПК в СССР в целом (см.: *Безбородов А.Б.* Власть и ВПК в СССР середины 40-х – середины 70-х годов // Советское общество: будни холодной войны. С. 94–126).

военными достижениями. Умолчание (почти месячное) об успешном испытании атомного оружия под Семипалатинском 29 августа 1949 г., призванное, по-видимому, подкрепить и эту версию, преследовало еще одну сверхзадачу: оконфузить Америку, наказать ее за надменность и заносчивость. Из сделанного в тоне самокритики заявления Трумэна от 23 сентября 1949 г. было ясно, что цель достигнута. Сталин брал реванш за Потсдам и за речь Черчилля в Фултоне, вынуждая президента США, в сущности, признать, что для него атомные испытания под Семипалатинском были шокирующей неожиданностью. В Вашингтоне запахло национальным скандалом, который в условиях идущей Корейской войны ослаблял позиции Трумэна. Обвинение в недооценке противника было еще не самым тяжелым, которым его удостоила оппозиция.

Ссылка в историческом Сообщении ТАСС от 25 сентября 1949 г. на заявление Молотова от 6 ноября 1947 г. о том, что Советский Союз имеет в своем распоряжении атомное оружие⁸⁷, иллюстрирует общий многоцелевой замысел Сталина. Бесспорно, в нем сказалась страсть Сталина к мистификациям, к лицедейству, но и не только⁸⁸. Такая позиция (или поза) вполне оправдывала в глазах собственного народа сдержанность пополам с холодностью в отношении “лицемерной” идеи западной дипломатии об особой ответственности США, Англии и Канады за ядерную безопасность на Земле. Москва

⁸⁷ Атомный проект СССР. Т. II, кн. I. С. 145. Сталин в другой ситуации, отвечая на встревоженный вопрос президента агентства “Юнайтед Пресс” Хью-Бейли, имеет ли Россия атомное оружие (30 октября 1946 г.), проронил лишь одно слово “нет” (Правда. 1946. 30 окт.). Неважно, что подумал Хью-Бейли, но в любом случае ответ Сталина не говорил об отказе иметь такое оружие. Его нужно было понимать как “пока нет”. На фоне же шпионских скандалов, связанных с именами Аллана Мея и И. Гузенко, это односложное “нет” в глазах западного общественного мнения вообще не выглядело убедительным.

⁸⁸ Существует суждение, что полуотрицание факта проведения испытаний советского атомного оружия под Семипалатинском в конце августа 1949 г. было связано было с опасениями Сталина спровоцировать превентивный атомный удар со стороны Соединенных Штатов по промышленным городам СССР. С этим можно было бы согласиться, если бы советское руководство не пошло весной 1948 г. в наступление на прозападное правительство в Чехословакии, а летом 1948 г. – во время Берлинского кризиса приблизилось к опасному порогу, за которым был возможен прямой контакт с “победоносным оружием”, накопленным США. Риск был достаточно велик, и заранее рассчитывать, как поведут себя американцы, столкнувшись с попыткой блокады Берлина, было невозможно (см.: *Наринский М.М.* Берлинский кризис 1948–1949 гг.: Новые документы из российских архивов // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 16–29). Выглядело все так, как будто бы Сталин намеренно призывал мир забыть об атомной опасности и поиграть в “русскую рулетку”.

как бы еще раз предлагала оценить всю глубину просчета Запада и собственное трезвомыслие⁸⁹.

Хорошо улавливая изменения в настроениях мирового общественного мнения в отношении возможности достижения ядерной безопасности в условиях “приватизации” бомбы Соединенными Штатами и уж бесспорно в понятиях собственного народа о державности, Сталин и дипломатия СССР выстраивали свою жестко фиксированную линию поведения в дискуссии о международном контроле, ни на шаг не отступая от принципа признания равноправия сторон. Таким был их асимметричный ответ на цинично проявившуюся националистическую *Realpolitik* Соединенных Штатов после испытаний на о. Бикини 1 и 25 июля 1946 г. в развернувшейся на новом витке гонке вооружений. Отчасти такая линия была подкреплена существующими признаками явного психологического перелома в работах по реализации САП. Неверие и колебания уходили в прошлое. В конце ноября 1945 г. Сталин мог прочитать в письме П.Л. Капицы к нему: “Можно отметить, что среди ученых, инженеров, начиная с самых хороших и кончая жуликами, с учетом всех градаций, заключенных между ними, сейчас большой энтузиазм к атомной бомбе. Хотя это и вызывается разными причинами, но эти настроения можно хорошо использовать”⁹⁰.

Окрепшая уверенность в конечном успехе окрыляла сторонников формирования национальной программы создания атомной бомбы и замораживания вопроса о международном контроле путем выдвигания, в сущности, заведомо неприемлемых для США проектов. После образования Комиссии ООН по атомной энергии, следуя этой линии, МИД СССР не стремился придать конкретно-практический вид своим предложениям по атомной проблеме. Отвергнут был проверенный в годы войны и весьма эффективный способ по согласованию позиций на уровне рабочих групп с последующим выходом на глав государств. После об-

⁸⁹ Косвенно в 1990 г. это подтвердил и бывший государственный секретарь США Дин Раск, который в своих мемуарах писал: «Мы совершили ошибку с самого начала “Манхэттенского проекта”. Нам следовало бы создать специальную политическую группу для рассмотрения последствий применения бомбы. К сожалению, те, кто понимал дело и был знаком с “Манхэттенским проектом”, – Рузвельт, Стимсон и немногие другие – были слишком заняты военными усилиями, чтобы сфокусироваться на долговременных последствиях создания ядерного оружия. Такая группа могла бы и не повлиять на результат в отношении либо Хиросимы, либо последовавшей за нею гонки вооружений, но уж, во всяком случае, мы просчитали бы все возможные варианты» (цит. по: *Тимербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. М., 1999. С. 24, 25).

⁹⁰ Атомный проект СССР. Т. II, кн. 1. С. 615.

народования в середине июня 1946 г. американского “плана Баруха” – поэтапного установления под эгидой США международного контроля над атомной энергией и ее использованием – советская дипломатия немедленно выступила со своим проектом конвенции о запрещении производства и применения атомного оружия (план А.А. Рощина)⁹¹. Радикализм советского проекта фактически не оставлял шансов для компромисса, что вскоре и подтвердил Молотов. Перед тем как произнести речь перед Генеральной Ассамблеей ООН 29 октября 1946 г., в которой он подверг разгромной критике “план Баруха”, министр иностранных дел СССР получил приглашение встретиться с госсекретарем США Джеймсом Бирнсом и Джозефом Дэвисом. Последний все еще пользовался доверием Кремля и не порывал своих контактов с Белым домом⁹². Отклонив это приглашение, Молотов обрубил доступные в тот момент контакты с частью вашингтонского истеблишмента, недовольной идеей *fixe* Баруха, предлагавшего в сущности поставить под единоличный контроль Америки все мировые ядерные ресурсы и производство ядерных материалов. В ходе пребывания Молотова в Нью-Йорке осенью 1946 г. (на Генеральной Ассамблее ООН и на сессии СМВД с участием советской делегации) был принят ряд существенных компромиссных решений в рамках общего процесса послевоенного мирного урегулирования. Напротив, в атомных делах позиции СССР и Запада разошлись еще дальше.

В конце 1946 г. в истории советской атомной дипломатии появилась важная реальная (хотя и надежно скрытая от глаз) составляющая – выход всего комплекса научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на стадию практического решения задач по созданию атомного оружия. 25 декабря в Москве в Лаборатории № 2 И.В. Курчатовым и его сотрудниками был пущен первый на континенте Европы и Азии уран-грифитовый опытный физический реактор Ф-1. Создав исследовательский реактор и осуществив управляемую реакцию деления урана, советские ученые и инженеры оказались на расстоянии “прямой видимости” от собственной плутониевой атомной бомбы. Докладная записка Л.П. Берии, И.В. Курчатова, Б.Л. Ванникова и М.Г. Первухина, представленная лично Сталину секретарем Спецкомитета В. Махневым, кончалась многозначительным резюме: “С помощью построенного физического уран-графитового котла мы теперь в состоянии решить важнейшие вопросы проблемы про-

⁹¹ Тимербаев Р.М. Указ. соч. С. 46, 47.

⁹² Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 8. П. 45. Д. 756. Л. 52, 55, 59, 62–64.

мышленного получения и использования атомной энергии, которые до сего времени рассматривались только предположительно, на основании теоретических расчетов”⁹³.

Как и доклад генерала Лесли Гровса президенту Г. Трумэну в Потсдаме 21 июля 1945 г., докладная записка Сталину от 25 декабря 1946 г. имела немедленные и очень важные политические и дипломатические последствия. Советское руководство отвергало альтернативный плану Молотова–Рощина “мягкий” вариант М.М. Литвинова, предусматривавший диалог с Западом (на базе американских проектов) по вопросам контроля над урановыми ресурсами мира и производством атомной энергии. Показательно, что одновременно в качестве главного представителя в Комиссии ООН с полномочиями озвучивать позицию Москвы был выдвинут А.А. Громыко – молодой, но хорошо известный по сложным переговорам на конференции в Думбартон-Оксе дипломат (человек с “лицом, срисованным с игральные карты”, как писал о нем американский историк Дж. Хершберг⁹⁴). Мастер жесткой риторики, дипломат без эмоций, непреклонный и неутомимый в спорах, всегда твердо придерживавшийся инструкций, Громыко как нельзя лучше отвечал той стадии вялотекущего переговорного процесса, на котором американская монополия уже не выглядела столь безраздельной, как это представлялось многим еще год назад, и когда равенство (пускай относительное) сторон казалось вполне достижимым в пределах года или двух лет. Заметим, что первоначальные сроки изготовления “изделий” РДС-1 и РДС-2 (первые советские атомные бомбы) намечались соответственно на 1948 и 1949 гг. (В серийном исполнении первые три советские атомные бомбы “вышли” с предприятия лишь в декабре 1951 г.)

Важно отметить также, что именно в недрах советской делегации в Комиссии ООН родилась записка академика Д.В. Скобельцына (эксперт советской делегации, видный физик-ядерщик), трактующая вопросы международного контроля нераздельно от создания всех благоприятных условий для ликвидации отставания СССР от Соединенных Штатов⁹⁵. Это хитроумное предложение (его можно было бы назвать “уравнением Скобельцына”), предусматривающее распространение контроля на “крупные предприятия” и освобождающее от него “исследовательскую деятельность”, было одобрено руководством. В случае его реали-

⁹³ Атомный проект СССР. Т. II, кн. 1. С. 632.

⁹⁴ *Hershberg J. G.* Op. cit. P. 306.

⁹⁵ Вестник МИД СССР. 1991. 15 июля. № 13. см. также: *Тимербаев Р.М.* Указ соч. С. 52–54.

зации Советский Союз получал определенные политические преимущества. Именно эту цель преследовали “программное” выступление Громько накануне нового 1947 г. и предложения, внесенные им на рассмотрение Комиссии ООН по атомной энергии 11 июня 1947 г. Между тем, взяв на себя обязательства по защите “свободного мира” (“доктрина Трумэна” и “план Маршалла”), Вашингтон посчитал категорически неприемлемым для себя “уравнение Скобельцына”, а среди большинства высших чиновников в американской столице утвердилось мнение, что США в качестве наказания СССР за упрямство не только должны выйти из переговоров по контролю над атомной энергией, но и отказаться от концепции “неделимости мира”⁹⁶. Взятая к тому времени на вооружение дипломатией США доктрина “сдерживания” коммунизма по определению не предполагала открытие атомных секретов США. С ней солидаризировались некогда склонявшиеся к идее всеобъемлющего контроля над атомной энергией ученые, как, например, Джеймс Конант⁹⁷.

Жесткость преобладала в реакции официального Вашингтона на попытки Москвы уравнивать себя с Америкой в атомном вопросе. В прессе США широко освещался конфликт Трумэна с его министром торговли, бывшим вице-президентом США Генри Уоллесом, причем было хорошо известно о принципиальном расхождении двух политиков по ключевому вопросу – быть или не быть сотрудничеству США и Советского Союза в сфере военного и мирного атома. В конце сентября 1946 г. Трумэн потребовал, чтобы министр торговли ушел в отставку и, если он того хочет, продолжил излагать свои взгляды на внешнюю политику “в качестве частного лица”. В последовавшем вслед за тем обмене “ударами” на страницах печати между Генри Уоллесом и Бернардом Барухом полностью проявилась пропасть между двумя подходами – одного за сближение и кооперацию, и другого, за исключение СССР из неформального атомного клуба⁹⁸.

Хорошо информированный о происходящих в США событиях и (благодаря разведанным) о быстром увеличении арсенала американского ядерного оружия, руководящий состав САП с санкции Кремля не снижал темпа в атомной гонке за лидером, ничуть не будучи стесненным бесплодными словесными дуэлями в Комиссии ООН. О помехах никто не задумывался. “Дай Бог сего-

⁹⁶ *Gaddis J.L.* The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. N.Y., 1987. P. 57.

⁹⁷ *Hershberg J.G.* Op. cit. P. 322, 323.

⁹⁸ *Culver J.C., Hyde J.* American Dreamer: The Life and Times of Henry A. Wallace. N.Y., 2000. P. 403–406, 426, 427.

дняшнему молодому поколению сохранить ту жажду жизни и преданность труду, которые были так присущи моим товарищам”, – говорил Е.П. Славский, один из руководителей строительства и ввода в эксплуатацию объектов плутониевого комбината на Южном Урале, среди которых главным был первый промышленный ядерный реактор. Фактическим научно-техническим руководителем объекта “А”, как тогда называли реактор на строящемся Комбинате 817 (База 10) в Челябинске-40⁹⁹ с самого начала оставался Курчатов. Первоочередность этой стройки, развернувшейся в 1946–1948 гг., в перечне секретных объектов Совмина подтверждается данными о гигантских финансовых вложениях в этот объект. Введение в строй первого промышленного реактора намечалось на конец апреля 1948 г. «Мера сверхсрочности, – пишет А.К. Круглов, – поставки “впереди всех” еще раз указывает, что тогда не было в стране объекта важнее промышленного реактора»¹⁰⁰. Фактически реактор был запущен на проектную мощность 22 июня 1948 г. Таким образом, самый трудный момент в создании атомной бомбы – производство расщепляющихся материалов – был преодолен. С 1946 г. полным ходом шло и сооружение Семипалатинского полигона. В КБ-11 (Арзамас-16) завершались необходимые для создания атомной бомбы конструкторские разработки. Свет в конце туннеля оказался ближе, ярче и насыщеннее, чем все самые смелые прогнозы оптимистов. На удивление, ни один из так называемых пусковых объектов не выбился из графика, без проволочек осуществлялись сложнейшие технические задания, вселяя уверенность в конечном успехе, в обретении защиты от внешнего воздействия. Слаженно работали научные коллективы, формируя созвездия талантов и дарований, которым по плечу оказались самые сложные проблемы.

Миновав критическую точку изначальной неопределенности и сомнений, Сталин психологически утверждался во мнении относительно бесполезности осуществления прямого давления на бывших союзников с целью достижения более полного контроля в Восточной и Центральной Европе и противодействия решению германского вопроса в духе документов Лондонского совещания 26 февраля – 6 марта 1948 г. представителей США, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, предусмат-

⁹⁹ Ныне комбинат “Маяк”. “Советский Хэнфорд” занимал площадь примерно втрое меньшую, чем его американский аналог в штате Вашингтон. На его строительстве трудилось около 40 тысяч человек (преимущественно заключенные), столько же, сколько и в Хэнфорде.

¹⁰⁰ Круглов А.К. “Самый трудный момент в создании атомной бомбы”: заметки о первом в СССР промышленном ядерном реакторе для наработки плутония // История советского атомного проекта. Вып. 1. С. 228–251.

ривавших подготовку к созданию западногерманского государства и интеграцию его в западный блок¹⁰¹. Сокращающийся атомный диспаритет, по-видимому, сыграл свою роль в ужесточении позиции Кремля в отношении милитаризации Германии. До уравнивания ядерных арсеналов было еще далеко, но уверенности в его достижимости прибавилось.

В истории совпадения встречаются сплошь и рядом и чаще всего имеют чисто случайную природу. Однако начало активной фазы Берлинского кризиса, разразившегося в марте 1948 г., на удивление так близко “расположено” к дате запуска первого промышленного реактора в СССР, что наводит на мысль о внутренней связи этих событий. В “советском Хэнфорде” сотворившие этот прорыв атомщики ликовали 22 июня, а через два дня советские оккупационные власти полностью перекрыли наземные коммуникации между западными зонами и Берлином “по техническим причинам”. Февральские события в Чехословакии, закончившиеся проигрышем Запада, и Берлинский кризис, давший ему выигрыш “по очкам”, выявили признаки обозначившегося равновесия страха, нового фактора, препятствовавшего возникновению войны. С большой долей уверенности можно говорить, что в США начали проявлять осторожность в определении возможности Советского Союза добиться уравнивания ядерных потенциалов. Темпы восстановления экономики СССР корректировали аналитические оценки спецслужб США и Англии, увеличившиеся ассигнования на науку в СССР становились все заметнее.

Тупик, возникший в переговорном процессе по атомной проблеме, имел в своей основе не только обоюдную незаинтересованность сторон в нахождении развязки, но и прямо свидетельствовал о близком выходе Советского Союза на подступы к стратегически важным достижениям. Переписка А.А. Громыко с руководством МИД СССР неплохо иллюстрирует эту “странную войну” без линии фронта в предвидении рывка в гонке за лидером¹⁰². Холодная война разрасталась из скрытого от глаз соперничества в исключительно важной области новейших вооружений. Негативную роль сыграли шпиономания и борьба с инакомыслием, в первые послевоенные годы отравившие внутреннюю атмосферу в обеих странах¹⁰³. Миазмы

¹⁰¹ Наринский М.М. Нарастание конфронтации: план Маршалла, Берлинский кризис // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Отв. ред. Ю.Н. Афанасьев. Т. 2. М., 1997. С. 53–89.

¹⁰² А. Громыко – В. Молотову, 22 ноября 1946 г.; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 8. Д. 107. Л. 1.

¹⁰³ См.: Herken G. The Winning Weapon: The Atomic Bomb in the Cold War, 1945–1959. N.Y., 1981. P. 114–136; Визгин В.П. Спасенная дважды: советская теоретическая физика между философией и ядерным оружием // История советского атомного проекта. Вып. 1. С. 349, 350.

секретности вокруг атомных исследований способствовали эскалации взаимной неприязни. А она в свою очередь сужала поле деятельности для дипломатии, навязывая ей в качестве главной чисто пропагандистскую функцию – озвучивание кипящего общественного негодования и “штормовых” предупреждений о кознях внешнего врага.

Вспышка шпионских страстей в СССР сопровождалась кампанией по “санации” научных учреждений, связанных с обороноспособностью страны¹⁰⁴, и целой серией акций против отдельных видных представителей научной интеллигенции (В.В. Парин, Г.А. Митирев, Н.Г. Ключева, Г.И. Роскин и др.). Всем им “шили” шпионаж в интересах США. Сильный удар обрушился и на “еврейских буржуазных националистов”, объявленных орудием иностранных разведок, писателей, театральных деятелей, врачей, преподавателей¹⁰⁵. Бросалось в глаза, однако, что среди жертв этой новой охоты на ведьм не было физиков-ядерщиков, хотя попытки затеять показательный “суд чести” над “физическими идеалистами” предпринимались.

Еще в конце 1945 г. Кремль благожелательно относился к возобновлению довоенных связей советских и иностранных ученых, но уже весной 1946 г. последовал запрет путем негласного указания сверху¹⁰⁶, подтвержденный еще раз перепиской Берия, Молотова, Вавилова и Курчатова осенью того же года¹⁰⁷. В принудительном порядке развернувшаяся борьба с “низкопоклонством” перед Западом приводила науку к состоянию одеревенения, замкнутости и самолюбования. Оно было контрпродуктивно и для всего общества. Форсированный способ утверждения уникальной особенности путем перекрытия каналов интеллектуального общения с внешним миром наносил обществу чувствительный урон, подорванными оказались зарождающиеся после войны предпосылки к сближению обоих народов и укреплению доверия между ними. Последовало свертывание народной дипломатии, ростки которой проявили себя во встречах на Эльбе, в Берлине и Вене, в контактах на личной основе. Но такой результат не мог огорчить Сталина, поскольку не расходился с его замыслами и расчетами. Режим

¹⁰⁴ Костырченко Г.В. Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. С. 104.

¹⁰⁵ Есаков В.Д., Левина Е.С. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001. С. 219–319.

¹⁰⁶ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 452, Л. 5; Г.П. Александров – Г.М. Маленкову, 10 апреля 1946 г.

¹⁰⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 7. Д. 101. Л. 66.

подмораживания страны через ужесточение секретности и непрозрачности ее научного, промышленного и военного потенциала, сужение простора для дипломатической инициативы использовались им в качестве инструмента сосредоточения всех приводов влияния на мировые дела в одних, его собственных, руках.

Возникшая внезапно угроза новой атомной войны (бомбардировка Хиросимы и Нагасаки в сознании миллионов людей уже занимала совершенно особое место, вне исторических рамок Второй мировой войны) в результате кризиса доверия и практикуемой обеими сверхдержавами политики “противохода” тем не менее не приблизилась к точке “максимального пессимизма”. По обе стороны “полосы отчуждения” сохранялся немалый резерв здравого смысла политиков, военных, ученых, а главное – интуитивной рассудочности масс, сознававших беспрецедентную новизну смертельно-опасной ситуации, в которой обычные средства достижения национальной безопасности и превосходства становились непригодными¹⁰⁸. Еще далеко не все государственные деятели решались вслух говорить о катастрофических последствиях мировой ядерной войны для человечества в целом, но подсознательно с таким выводом, кажется, были согласны все. Этим объясняется и то, что конфликт интересов, окрашенный в яркие идеологические тона и сдобренный солидной дозой враждебной риторики, обрел постепенно рутинный характер с отработанной нормативно-правовой базой и переговорным процессом.

¹⁰⁸ Это убеждение было выражено многократно на научных форумах пацифистскими организациями и движениями, прессой. Наиболее ярко новое мышление проявилось в Пагуошском движении ученых, в кампании по сбору подписей под Стокгольмским воззванием и антиядерным движением на Западе, к которому подключились ведущие интеллектуалы.

Глава IX

НЕИЗВЕСТНЫЙ КЕННАН. К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ ДИПЛОМАТА

Фамильный контекст

Американский историк холодной войны, профессор Чикагского университета Брюс Каминс, вводя в курс идущей дискуссии по поводу затянувшегося на многие десятилетия пугающего противостояния военных сил двух враждующих лагерей по “линии центрального фронта в Европе”, выделяет две противоположные версии, объясняющие бескровный характер конфликта и его мирное разрешение. Странники одной из них, проповедующие тезис о “мнимой войне”, утверждают, что стратегия сдерживания сработала потому, что, собственно, нечего было сдерживать: Советский Союз не собирался вторгаться ни в Западную Европу, ни в Японию и что собственно оба лидера биполярного мира использовали страх перед войной ради “дисциплинирования” сподвижников внутри блоков. Другие (Джон Гэддис, например) полагают, что “длинный мир” удалось обеспечить как раз благодаря эффективному применению кеннановской доктрины.

Суть мысли Каминса в том, что он видит корни этого разнобоя во мнениях в парадоксальности самой кеннановской стратегии, в ее скрытой послылке: она изначально предназначалась сдерживать не только Советский Союз, но и союзников США, главным образом Западную Германию и Японию. Обе эти страны оказались лишены своей военной мощи, но в то же время им было позволено направить свои усилия на стимулирование мировой экономики¹. В этих суждениях много справедливого в понимании очень непростой структуры кеннановской логики. Ее прагматический, недогматический характер был связан напрямую с неор-

¹ *Cummings B. Time of Illusion: Post-Cold War Visions of the World // Cold War Triumphalism. The Misuse of History After the Fall of Communism / Ed. by E. Schrecker. N.Y.; L., 2004. P. 96.*

динарной, яркой личностью Джорджа Кеннана – дипломата и историка, наделенного способностью к дуалистическому мышлению, самоанализу и умению заглянуть за горизонт. Само его происхождение, воспитание и карьера сделали его представителем того течения “политического реализма”, которое признавало и признает *изменение* за главный движущий нерв мировой политики и в первую очередь в ее русско-американском сегменте².

В биографии Джорджа Фроста Кеннана, безо всякого преувеличения, очень многое связано с Россией, с “русским вопросом”. Он родился 16 февраля 1904 г. в г. Милуоки (штат Висконсин) в обеспеченной семье, принадлежащей по современному понятию к верхней прослойке среднего класса. Отец Джорджа, увы, лишившийся жены буквально через несколько недель после того, как она подарила ему сына, был преуспевающим юристом шотландско-ирландского происхождения. Его имя было Кошут, что выдавало проевропейский склад мышления семьи, солидаризировавшейся с революционерами 1848 г. Став вдовцом, он поручил своим трем дочерям, старшим сестрам Джорджа, нести заботы о воспитании младшего брата. Но по мере взросления умный и развитый мальчик оказался предоставленным самому себе, своим мыслям, своему внутреннему миру. Общение со сверстниками его не привлекало, он предпочитал одиночество, чтение и сочинительство, в том числе стихосложение.

Оценив склад ума и характер сына, Кошут Кент Кеннан устроил его учиться в военную школу в Висконсине. Получив заряд патриотизма, Джордж Фрост Кеннан продолжил учебу в Принстонском университете, в стенах которого и проявился его интерес к проблемам международной политики. Может быть еще большее значение имело здесь не традиционное внимание, которое уделялось в Принстоне историко-дипломатической проблематике, а импульсы, идущие от близкого и ставшего уже знаменитым родственника – брата деда Джорджа Фроста Джорджа Кеннана-старшего, журналиста, путешественника и этнографа, снискавшего себе широкую известность своими трудами о России и в особенности о сибирской каторге. Благодаря совпадению дат рождения (и старший и младший Джорджи Кеннаны родились в один день – 16 февраля) и в знак уважения к именитому родственнику отец Джорджа Кеннана-младшего решил сделать его похожим на своего кумира, записав сына в метрических книгах под

² См.: *Engerman D.C. Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge (Mass.), 2003. P. 253–271; Kuklick B. Blind Oracles. Intellectuals and War from Kennan to Kissinger. Princeton, 2006. P. 38–43.*

именем Джордж Фрост Кеннан. Второе имя Фрост также оказалось заимствованным. Джордж Фрост – так звали компаньона Джорджа Кеннана-старшего в его путешествиях по Сибири.

Окончив Принстон, Кеннан-младший поступил на дипломатическую службу и, вдохновляемый примером знаменитого родственника, избрал главным направлением своих интересов Советскую Россию. Знание русского языка он получил в Берлинском университете и в семье русских эмигрантов, прожив в ней в качестве квартиранта два года. Затем служба в американском дипломатическом представительстве в Риге и наконец назначение в 1933 г. сотрудником посольства США в Москве.

В начале дипломатической карьеры Кеннан оставался германофилом и убежденным противником каких-либо компромиссов с советским режимом, в котором он видел могильщика аристократической культуры России, губительный источник плебейской социализации мировой политики, ее дегуманизации. Его оценки и выводы той поры окрашены изрядной долей эмоций, порой прямо противоположных по тональности, но свидетельствовавших о сложных внутренних раздумьях в постижении загадок послереволюционной России. Однако при всех колебаниях и откровенных заблуждениях в отношении реалий межвоенной европейской политики и такого ее продукта, как гитлеризм, Кеннан оказался одним из первых аналитиков, усматривавших в динамично вошедшей в мировую систему советской стране не монолит, а внутренне развивающийся организм, способный дать в отдаленном будущем и вовсе неожиданный результат. Кеннан осуждал Рузвельта за толерантность к советским вождям, считая непροститительным умаление им вопроса о советских долгах и равнодушие к тому более чем бедственному положению с русской эмиграцией, в которой она оказалась по вине большевиков и отчасти Запада, отказавшего ей в покровительстве. Кеннан разделял негативизм У. Буллита к советской системе и советскому образу жизни. Однако свое пребывание в СССР считал полностью оправданным благодаря хорошему знакомству с русской культурой и в особенности с творчеством любимых им А.П. Чехова и Л.Н. Толстого.

Позднее в автобиографических заметках Кеннан писал, что порой его охватывало чувство необычайной близости с рускостью, он даже говорил о своем перевоплощении в русского человека с его особым менталитетом, традиционными ценностями доиндустриальной эры и “доброй незамысловатостью земли”³. Его

³ *Harper J.L. American Visions of Europe. Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. Cambridge University Press. 1997. P. 153.*

посещения Ясной Поляны, чеховских мест, короткие встречи с селянами или простыми людьми в городах (весьма характерно то, что поначалу власти предоставляли американским дипломатам такую возможность), знакомство с православными храмами и монастырями (Кеннан в середине 30-х годов побывал в Новом Иерусалиме под Москвой, в церкви Покрова на Нерли и, видимо, в ряде других мест) произвели на дипломата – ревностного прихожанина пресвитерианской церкви – сильнейшее впечатление своим строгим ритуалом, старинной музыкой и вообще духом верности традиционализму и патриархальности, который он почти фанатично культивировал в себе самом. Вместе с тем это не убавило, а прибавило градус нетерпимости Кеннана к существующему общественному укладу и политическому руководству страны пребывания, придавшего государственный размах гонениям на церковь. После 1934 г. (год убийства С.М. Кирова) Кеннан испытал очень чувствительный удар, оказавшись, как и другие иностранцы, фактически в изоляции от появившихся у него новых друзей и знакомых. Последние благоразумно порвали контакты с американским дипломатом, необычайно расположенным к интеллектуальному общению и откровенно заинтересованным в том, чтобы поглубже уяснить себе настроения людей, их ожидания и реакцию на происходящее, сомнения и страхи. Ему начинало казаться, что за ним словно кто-то идет по пятам. Ощущение преследования сохранилось надолго, создавая затруднения в общении с советскими чиновниками. Хуже всего то, что внутреннее отчуждение от “социализма в одной стране” было перенесено Кеннаном на советскую номенклатуру, препятствуя контактам с нею даже тогда, когда у Вашингтона и Москвы появлялось схожее понимание глобальных вызовов и ответов на эти вызовы.

Оставляя в стороне соображения, связанные со следованием стандартам госдеповского мышления и антисоветизму “Рижской аксиомы” – руководящего принципа экспертов по Советскому Союзу, сделавших ставку на перерождение большевизма и восстановление либерально-сословного строя в России, можно сказать, что у Кеннана было достаточно личных мотивов бескомпромиссно отвергать советский режим, его культовые ценности. Он просто не переносил советских форм масс-культуры, их артикуляции в повседневной и внешнеполитической пропаганде Москвы. Но еще нетерпимее он относился к жестким приемам модернизации, “машинизации жизни” в СССР, ведущим к исчезновению, как ему представлялось, естественного уклада страны, ее пасторальной самобытности. В фетишизации большевиками укоренной индустриализации он видел какой-то аналог “фордизма”, разрушившего дорогой ему мир “истинной” Америки, насе-

ленной добропорядочными, уважаемыми и религиозными людьми с их неизменными понятиями о чести, достоинстве, личной независимости, с их недоверием и презрением к грубому вторжению в жизнь новаций по радикальному переустройству общества, подавляющих исконные обычаи и привычный уклад.

Разворачивающееся перед его глазами строительство иного бытия, реконструкция заповедной земли, родившей Чехова и Толстого, превратившейся в гигантский полигон новостроек сталинских пятилеток, представлялись Кеннану абсолютно неорганичными и нелегитимными для российского общества, которое, по мнению Кеннана, не менялось в своих подсознательных устремлениях, симпатиях и антипатиях, предпочитая грубому рационализму высокую духовность. Это общество, как он считал, было склонно к самосозерцанию (что Кеннан очень ценил), поклонению старине, а не к систематическому наращиванию усилий по усовершенствованию жизни. Стремительная революция “сверху”, затеянная Сталиным, свидетелем которой стал Кеннан, не вызывала у него никаких положительных эмоций, если не считать любопытства пополам с возмущением по поводу ее тяжелых социальных последствий, сделавших хозяевами жизни детей кухарок, вчерашних малограмотных рабочих, крестьян, нарождающийся слой “красной” интеллигенции.

По-своему прочитав историю падения самодержавия и кризиса русского либерализма, Кеннан скорбил по уходящему очарованию старого мира, вложив в эту боль всю силу своего убеждения в том, что Россия была сбита со столбовой дороги преодоления отсталости роковым стечением злосчастных обстоятельств, не давших развернуться в полную силу неспешной работе обновленной монархии последнего Романова. Уже в пору разгара горбачевской “Перестройки”, как бы подводя итог своим размышлениям о превратностях российского эксперимента, Кеннан в знаковой для почитающей его нью-йоркской образованной публики статье писал о “незаконченном деле царского режима, чьи совсем не маловажные позитивные усилия – внедрение в российскую политическую жизнь элементов подлинной парламентской системы, аграрные преобразования и модернизация российского общества в целом – были грубейшим образом остановлены войной и революцией 1917 года”⁴. В какой мере любимый писатель Кеннана А.П. Чехов мог бы подписаться под этими словами, сказать трудно, поскольку творчество последнего было подчинено раскрытию бессмыслицы и абсурда современной ему российской жизни. Но в Америке многие авторы, говоря о миропонимании

⁴ Kennan G. The Gorbachev Prospect // N.Y. Review of Books. 1988. Jan. 21. P. 6

Кеннана, всерьез отмечают, что он представлял себя американским Чеховым⁵.

По крайней мере в одном, но очень существенном моменте подобные сопоставления нельзя считать простой натяжкой. В негативном, сумрачном отношении Кеннана к спонтанным переменам, которые всегда несли на себе отпечаток поведенческих стереотипов масс, толпы, их устремлений, граничащих либо с тлеющими уравнительными традициями, либо с деспотизмом, он действительно обнаруживал сходство с чеховской тоской по уходящей прекрасной, но такой в сущности никчемной жизни. Там, где Кеннан, будучи свидетелем ломки старого уклада, слышал стук топора невидимого, но грозного дровосека, он ощущал себя обязанным встать в оппозицию или даже оказать сопротивление доступными ему как аналитику средствами. Более всего он не желал видеть побочные явления и прежде всего восстание масс, социалистические эксперименты, социальное реформаторство, а также прямолинейную, догматическую дипломатию, облегчающие, как ему казалось, работу сил разрушения. С жадностью впитывавший идеи европейской и американской философской и общественной мысли эпохи после Первой мировой войны, Кеннан отдавал предпочтение знакомству с авторами, представлявшими течение “органицистского консерватизма” (О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гасет, Э. Паунд, Т. Элиот, Р. Нибур и др.), развивавшего тезис о разобщении элиты и масс, об опасностях засилья “масскультуры”, которая вырастала из реалий машинного века и грозила катастрофой в случае утраты управляемости.

По его собственным словам, Кеннан интеллектуально ассоциировал себя с консерватизмом старых привилегированных классов Центральной и Восточной Европы⁶. Он с недоверием и скептицизмом отнесся к переменам, принесенным Америке октябрем 1929 г. (крах на Нью-Йоркской бирже и начало погружения страны в пучину Великой депрессии), – активизацией массовых движений социального протеста, реформами “нового курса” Рузвельта и акцентами, которые 32-й президент США расставил, провозглашая свою программу борьбы с национальным бедствием. Последняя подразумевала апелляцию к “забытому человеку”, порицание эгоизма олигархических кланов, твердое обещание сделать государство гарантом подъема экономики и благосостояния рядовых граждан. Болезненнее всего Кеннан встретил появ-

⁵ См.: Hixson W.L. George F. Kennan. Cold War Iconoclast. N.Y., 1989. P. 6; Stephanson A. Kennan and the Art of Foreign Policy. Cambridge (Mass.), 1989. P. 125.

⁶ Seeley G. Mudd Library. George Kennan Papers. (Далее: GKP). Box 31: Kennan to George Kateb. Dec. 15, 1967.

ление на американской почве ростков массовой демократии – порождения кризиса и отголоска революционных событий в Европе, последовавших вслед за окончанием Первой мировой войны, но фактически полузабытых в США, если не считать 80-е годы XIX в. В политику активно вторгались пауперизированные низы в лице малообразованных маргиналов, пестрой массы обездоленных афроамериканцев, разорившихся фермеров, дважды оказавшихся в положении никому не нужного балласта многочисленных иммигрантов, и представители интеллектуального радикализма. А это создавало дополнительные трудности для и без того униженной пропагандой ньюдиллеров меритократии, как полагал Кеннан, – подлинного носителя великой политической традиции и ценностей XVIII в., – традиции Джона Квинси Адамса, Александра Гамильтона и федералистов. Кеннан с возмущением взирал на метаморфозы американского либерализма, поддерживавшего крестовый поход ньюдиллеров против эгоистического богатства и даже сочувственно относящегося к опыту советского строительства. Кеннан находил все это безнравственным и непатриотичным.

Убежденность в собственной правоте Кеннан черпал в любимых им эпических сочинениях Эдварда Гиббона (1737–1794), автора знаменитой книги “Упадок и крах Римской империи”⁷, Алексиса де Токвиля (1805–1859) “Демократия в Америке”⁸, книге другого француза, Астольфа де Кюстина “Россия в 1839 году”⁹, сохраняющих интеллектуальную ценность и внутреннюю связь с миром его представлений очерках и статьях о России Кеннана-старшего. За завесой из громких слов об озабоченности судьбой нищих и голодных и самопожертвовании в их интересах, созданием социально справедливого общества, ликвидации всех форм неравенства он видел только одно. А именно: борение человеческих страстей, стремление к личной власти, обогащению и славе, страх, неуверенность перед сильным и благополучным соседом, зависть к успеху других и жажду превзойти их любой ценой вплоть до смертельной борьбы с воображаемыми “обидчиками” и конкурентами. Никакая идеология, будь то марксизм или что-то другое, не способны заслонить или облагородить ту истинную, извечно присущую человеческой природе мотивацию политиков и государственных деятелей, объявляющих себя спасителями отечества, поборниками грандиозных замыслов, но в действительно-

⁷ *Gibbon E. The Decline and Fall of the Roman Empire. Chicago, 1952. Vol. 1–2.*

⁸ *Tocqueville A. de. Democracy in America. N.Y., 1969; Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 2000.*

⁹ *Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2 т. М., 2000.*

сти преследующих вполне земные интересы¹⁰. Причудливым образом “социализм в одной стране” и рузвельтовский “новый курс” в воображении Кеннана были отнесены к одной категории недолговечных трансформационных процессов.

Если судить по многочисленным высказываниям Кеннана, сделанными им в частной переписке, лекциях и в набросках к будущим книгам, относящимся к 30-м годам, эти процессы в его понимании вели к деградации политики, не в последнюю очередь благодаря намеренному вовлечению в нее “непросвещенных” масс, использованию их в качестве решающего средства давления на оппозицию¹¹. Рузвельтовский “новый курс” и дипломатия президента-реформатора вызывали в нем самые серьезные подозрения двойными стандартами в отношении образованных “верхов” и дипломатов старой школы вроде Роберта Келли. Сильнейшим раздражителем для Кеннана стал непрофессионализм новых назначенцев дипломатической службы, по его мнению, лишь подчеркивающий моралистски-популистский стиль президента Рузвельта, и к тому же его крайне низкую осведомленность обо всем, что касалось России и Европы. В поисках исторической аналогии Кеннан мысленно остановился на фигуре императора Августа, чьи отношения с римскими простолюдниками и знатью были ярко и точно охарактеризованы Эдвардом Гиббоном. Обласканный Августом плебс не спас империю от внутреннего кризиса и накопления предпосылок для упадка.

В сталинском варианте сакрализации народных низов Кеннан увидел еще более циничное проявление цезаризма. И вновь он апеллировал к Гиббону, считая, что классик дает единственно верный ключ к уяснению природы сталинизма. Поставив себя на место своего предшественника и родственника Джорджа Кеннана-старшего, яростного обличителя зол царизма, Кеннан-дипломат сочинял посольские бумаги, пользуясь гиббоновским открытием – “перманентностью характеристик”. Он сосредоточил внимание на константах российской государственности, которые были даны ей исторической, культурной и географической средой, религией и геополитическими интересами. Огромные, незащищенные пространства России, констатировал Кеннан, всегда вызывали повышенную обеспокоенность правителей проблемами безопасности страны, а культурные особенности ее народа, унаследованные от прошлого, – традиционализм в мышлении и подо-

¹⁰ Классическим примером именно такого понимания Кеннаном идеологии как лжесознания и чисто рекламного бизнеса может служить его “Длинная телеграмма” от 22 февраля 1946 г.

¹¹ *Hixson W.L. Op. cit. P. 7.*

боэрастность к власть имущим. Так же, как и Кеннан-старший, он склонен был видеть в них следствие недостаточной включенности страны в единое целое с Западом, но в культурном отношении категорически не соглашался отнести ее к Азии. Это уникальное промежуточное состояние России—СССР придавало, как полагал Кеннан, двойственный характер истории страны. Лучшими периодами в ее истории он считал те, в ходе которых ее политические лидеры обращали свои взоры в сторону Запада. Естественно, мессианское славянофильство Кеннан относил к явлениям контрпродуктивным. Сталин, политик и дипломат, которого Кеннан наблюдал “с близкого расстояния”, на этой оценочной шкале занимал невысокое положение. Как позднее обрисовал Кеннан Сталина, его следовало отнести к лидерам, олицетворяющим, так сказать, азиатское начало по сравнению с “европейскими русскими” (включая Ленина). Сталин явился из «кипящего, жестокого “дна” (теневого мира) Закавказья»¹², однако же это еще не позволяло видеть в нем типичного представителя азиатской культуры.

В американском посольстве в Москве, в котором он работал с момента его открытия, Кеннан пользовался расположением посла Уильяма Буллита. Они были разными людьми, но их взгляды на окружающую действительность во многом совпадали. Тщеславный, склонный к импровизациям Буллит поначалу вообразил, что он в состоянии свернуть горы, добившись от советского правительства в кратчайший срок множества уступок в счет все того же дипломатического признания Советского Союза. Напротив, Кеннан, все более погружавшийся в изучение поведенческих стереотипов советского режима с помощью исторических аналогий и психоанализа, скептически оценивал возможность достижения серьезного успеха без длительной “осады” Кремля. Она, впрочем, могла окончиться вообще ничем, ввиду, как считал Кеннан, преимущественно ненормативного характера сталинской дипломатии с точки зрения западных критериев. Позднее, в 1946 г., он объяснит это тем, что советское правительство “фактически является заговором в заговоре”, целиком зависимым от благорасположения незаметных и безвестных советников, творящих реальную политику во имя скрытых целей¹³. И уже оставив дипломатическую службу и став историком, Кеннан подытожил свои размышления, найдя вместе с тем нужным провести определен-

¹² Kennan G.F. *Russia and the West Under Lenin and Stalin*. N.Y., 1960. P. 231, 259.

¹³ См.: “Длинную телеграмму” Кеннана: *Foreign Relations of the United States*. (Далее: FRUS). 1946. Vol. VI. Eastern Europe; Soviet Union. Wash., 1969. P. 696–709. Рус. пер. см.: *Международная жизнь*. 1990. № 11. С. 140–148.

ную дифференциацию между чичеринским (ленинским) и сталинским периодами советской дипломатии, подчеркнув их несхожесть если не по существу, то по крайней мере по форме. В 1960 г. он писал: “Очень важно отметить, что аристократическое происхождение Чичерина и его личные качества придали советской дипломатии в активный период его нахождения на посту народного комиссара по иностранным делам внешний лоск, гибкость и способность адаптироваться к обстановке, которые были не востребованы в сталинскую эру”. В свете того, как сам Сталин видел задачи и смысл внешней политики СССР, “упомянутые выше нормальные дипломатические контакты не могли иметь место”¹⁴.

Едва не закончившийся шумным скандалом отъезд Буллита из Москвы в 1936 г.¹⁵ и назначение новым послом Джозефа Дэвиса – человека близкого Рузвельту, но далекого от той профессиональной сферы деятельности, которой ему предстояло заниматься, – вызвали глубокое разочарование и даже уныние Кеннана. Вопреки казавшейся ему совершенно оправданной линии на дистанцирование от официальной Москвы и отказ от всяких жестов доброй воли по отношению к стране, вновь взявшей удивлять мир своей внутренней нестабильностью и непредсказуемостью, Кеннан столкнулся с упрямой настойчивостью нового конфиданта президента, пытавшегося войти в доверие к советскому правительству, оказывая ему всяческие знаки внимания и самоотстраняясь от темы Коминтерна, невыполненных обязательств по долгам, в отношении религиозных свобод и даже заводя речи о конвергенции двух систем¹⁶. Не разделяя точку зрения тех (и прежде всего самого президента Рузвельта), кто полагал, что осторожное выравнивание отношений между Вашингтоном и Москвой будет не лишним в складывающейся острой международной обстановке, Кеннан фиксировал свое внимание на внутренней драме советского руководства, выразившейся в жестоком истреблении одной части партийных и государственных кадров другой и подрывавшей, как ему представлялось, самые основы режима, его нравственную и историческую легитимность. Для Кеннана, в отличие от посла Дэвиса и для погруженной “по самую макушку” в собственные домашние дела рузвельтовской администрации в Вашинг-

¹⁴ Kennan G.F. Russia and the West... P. 233.

¹⁵ См.: Севостьянов Г.Н. Москва – Вашингтон. Дипломатические отношения 1933–1936. М., 2002. С. 45, 165, 255, 503, 516, 518, 519.

¹⁶ Там же. С. 508. Только намного позднее Кеннан пришел к четкому представлению о подлинных мотивах Рузвельта, не спрашивавшего с Советского Союза долгов царя и Временного правительства в той ультимативной форме, которую только и признавали уместной многие противники “заигрывания” с Советами.

тоне, междоусобицы и раскол в стане большевиков явились сильнейшим подтверждением недолговечности режима, рожденного в схватке беспринципных властолюбцев¹⁷. Силы внутренней дезинтеграции, присущие самой природе тоталитарного государства (снова Гиббон становился путеводителем к разгадке природы советского Термидора) делали ненадежными любые планы налаживания с ним партнерских отношений.

Германофильство Кеннана получило дополнительную санкцию. Нацизм в его глазах в сравнении с большевизмом выглядел, по крайней мере, более цивилизованным, а возрождение Германии – более желанным в качестве средства восстановления в Европе системы сдержек и противовесов по мере усиления военной и экономической мощи Советского Союза, активизации его внешней политики и идеологической экспансии на фоне кризиса в капиталистическом мире. С точки зрения Кеннана, различие следовало видеть в природе власти нацистов и большевиков: Сталин был продуктом революции, Гитлер – результатом легитимного процесса, принявшего эстафету у критиков недалековидных творцов Версаля.

Джон Л. Харпер, касаясь этой темы, прибегает к следующей формулировке: “Кеннан изучал Россию с точки зрения Берлина...”¹⁸ Другие биографы Кеннана разделяют это мнение. Так, американский историк и биограф Кеннана Уолтер Хиксон, тщательно исследовавший письменные источники, относящиеся к этому периоду дипломатической карьеры Кеннана, приходит к аналогичному выводу: “По мере того, как события в Европе по нарастающей шли ко Второй мировой войне, комбинация кеннановского антисоветизма и германофилии вела к драматической недооценке Гитлера и нацизма. Кеннан не был фашистом, но он высоко ставил авторитарность и полагал, что немцы смогут установить стабильный, антикоммунистический порядок в Центральной и Восточной Европе. Этой позиции он придерживался вплоть до окончания Второй мировой войны. Кеннан совершенствовался в немецком языке и подолгу жил в Берлине, где он повстречал свою жену, и в Гамбурге, удобном месте для наблюдения за раз-

¹⁷ Должно быть, у Кеннана был повод вспоминать 19-ю главу почитаемой им токивилевской “Демократии в Америке”, объясняющую природу неумолимого человеческого честолюбия и непостоянства. Там, в частности, сказано: “В атмосфере стремительного обновления обычаев и законов, когда все люди и все нормы втягиваются в один огромный водоворот, граждане поднимаются на вершины величия и падают с них с неслыханной быстротой, и власть столь быстро переходит из рук в руки, что никто не должен отчаиваться, ожидая своего шанса схватить ее” (*Токвиль А. де. Демократия в Америке. С. 454*).

¹⁸ *Harper J.L. Op. cit. P. 175.*

вitiем в 1927–1928 гг. событий, которые он потом назвал “потрясающей картиной агонии Веймарской республики, разворачивающейся перед глазами повседневно как театральное представление”. В 1931 г. он заявил, что немцы были “последней надеждой... а сейчас являют собой пример того, перед какой пропастью стоит западноевропейская цивилизация”.

Эмоциональная привязанность Кеннана к Германии сделала его незрячим в отношении нацистского фанатизма. В 1935 г. он заявил, что территориальные амбиции Гитлера отражают законное желание воссоединить германоязычные регионы Европы и что требуется особая игра воображения, чтобы заподозрить Гитлера в стремлении к экспансии за счет России. Приписывая фюреру рациональные цели, он утверждал тогда, что Советы, будучи “революционными коммунистами”, были “самыми последовательными оппонентами прочного мира на Западе”, и предсказывал, что Москва будет избегать прямого вовлечения в войну с тем, чтобы предстать “в качестве поедającego падаль грифа” после того, как конфликт будет завершен”¹⁹.

Документ, на который ссылается Хиксон (и который здесь цитируется), говоря о сочувствии Кеннана идее возвращения Германии ее роли опорного игрока в европейском концерте держав, и в самом деле дает серьезные основания для критики его (Кеннана) взглядов на конструктивное значение появления новой силы, способной скорректировать ошибки Версаля и вернуть германоязычному населению Европы справедливые границы. Но, во-первых, нужно принять во внимание почти всеобщий туман, царивший тогда в части прогноза будущего Западной Европы и вектора ее политического развития. Еще весной 1932 г. великий немецкий писатель и гуманист Томас Манн писал о принципе “разумного разложения” (в такой форме ему представлялся процесс отмирания старого) как общекультурного явления, которое ведет к “освежению и обновлению жизни”²⁰. Он же очень точно охарактеризовал в конце 1941 г. (после Пёрл Харбора) особенности восприятия американским менталитетом событий в Европе после возникновения третьего рейха. В письме А. Мейер от 27 декабря 1941 г. Т. Манн, не скрывая душевного негодования по поводу равнодушия американцев к тому, что случилось в Старом Свете в результате германской “голубоглазой революции”, писал: “Всего, что испытали мы, они не хотели или не могли сопережить или сопереживали это лишь наполовину, лишь недоверчиво; по суще-

¹⁹ Hixson W.L. Op. cit. P. 15.

²⁰ Манн Т. Письма. М., 1975. С. 49.

ству они считали это страшными сказками”²¹. Почти десять лет понадобилось Манну, чтобы по достоинству оценить “творчество” главных и второстепенных участников демонтажа Версальской системы. Такой была важная примета эпохи.

Во-вторых, цитируемый Хиксоном документ содержал, наряду с явными признаками сочувствия идее “умиротворения” и оправдания реваншизма, еще и понимание неизбежности большой войны как в Азии, так и в Европе в связи с бескомпромиссным курсом Токио, нацеленным на захваты, и с созданием напряженности на восточных границах Германии ее “правителями”. В этих фрагментах Кеннан выглядит уже как холодный реалист, отнюдь не расположенный обнадеживать себя и других возможностью выстроить какую-то искусственную конструкцию европейской безопасности в духе вильсоновского идеализма при обстоятельствах, когда бурно развиваются неконтролируемые процессы перераспределения влияния и изменения баланса сил. Он отчетливо видит главные источники агрессивной силы, способные либо подорвать, либо (в случае умелого их использования) стать его опорой при условии достижения приемлемого компромисса с ними. Первый из них – Япония, второй – Германия. “Нет никаких признаков, – писал Кеннан в 1935 г. на страницах документа, по странной причине не удостоенного внимания его биографов, – что Япония готовится отказаться от того курса, который она оседлала; есть и в самом деле много признаков, что в этом случае она столкнулась бы с трудностями. Таким образом, возможность войны на востоке может расцениваться как вполне вероятная и скорая... И поскольку правители Германии, как это общепризнано, не удовлетворены сегодняшними границами страны и особым образом заинтересованы в экспансии на восток, изъявления беспокойства с российской стороны, вне всяких сомнений, заслуживают изучения”²².

Суть этих набросков “для самого себя” очевидна. Приближающаяся война, подогреваемая сильными соперниками, оказывавшими давление и с востока и с запада, ставила Советский Союз перед сложнейшими, почти не разрешимыми внешними и внутренними проблемами. Страна оказывалась в агрессивной среде, не позволяющей думать о чем-либо другом, кроме собственной обороны. И первый результат обнадеживал: Советы, констатировал Кеннан, отказывались от лозунга мировой революции, за чем

²¹ Там же. С. 133.

²² GFK Papers. Box 1: *Kennan G.F. The War Problem of the Soviet Union*. Mar. 1935.

должны были последовать и другие аналогичные изменения²³. Запад же не должен был оставлять без внимания проявления слабости, органически присущей коммунистическому режиму. Всего разумнее было бы увязать расширение его экономических контактов и дипломатической поддержки с выполнением важных условий Вашингтона. “Проблема, встающая перед Советским Союзом в связи с войной”, – название цитируемой нами выше записки Кеннана от марта 1935 г. неплохо передает ход мыслей ее автора. Он был обеспокоен, с его точки зрения, тем непониманием, демонстрируемым вашингтонской администрацией, в вопросе о том, как использовать Советский Союз для восстановления европейской стабильности, сделав его зависимым от поддержки США.

Ни посол Дэвис, ни администрация Рузвельта, похоже, не нуждались в советах честолюбивого молодого дипломата, искренно недоумевавшего по поводу проявленной ими излишней снисходительности и “сердечности” к режиму, одним своим существованием угрожающему Западу. Испытывая сильнейший душевный дискомфорт, Кеннан обратился с просьбой перевести его из Москвы в “русский стол” Европейского отдела государственного департамента. В 1937 г. уже в Вашингтоне он погрузился в любимую им аналитическую работу. Однако она по большей части не была востребована начальством, что, как заметил Кеннан позже в мемуарах, отражало “душок советского влияния” или даже “сильное просоветское влияние” в недрах американского правительства²⁴. Поскольку оставаться маргиналом было не в характере Кеннана,

²³ Но только через 13 лет, занимая руководящие позиции в государственном департаменте, Кеннан пришел к выводу относительно абсолютной целесообразности для Запада поддерживать баланс сил и геополитической стабильности в Европе с учетом реальности – существования Советского Союза и очень малой вероятности вторжения с его стороны в Западную Европу (см.: The State Department Policy Planning Staff Papers / Ed. by A.K. Nelson. In: 3 vol. N.Y., 1983. Vol. 2. P. 284–286). Ведь само время, как он писал, будет работать против авторитарного режима, вызывая его разложение и заставляя его лидеров приспосабливаться к новой обстановке, видоизменять внешнеполитическую стратегию и пропаганду. “Советские лидеры, – писал он в августе 1948 г., – вполне готовы сделать трезвые выводы, по крайней мере, из *ситуации*, если не из аргументов. Таким образом, если будет создана ситуация, явно не благоприятствующая использованию ими конфликтных элементов в их отношении с внешним миром, то в этом случае их поведение и даже характер их пропаганды для внутреннего потребления народом могут быть модифицированы” (Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. N.Y., 1978. P. 187). Нелегко найти общее между тем, что обозначилось в набросках, датированных серединой 30-х годов, и тем, что появилось уже как часть особой позиции Кеннана в годы холодной войны.

²⁴ Kennan G.F. Memoirs. 1925–1950. Boston, 1967. P. 82–85.

он пробует свои силы в качестве наставника нового поколения дипломатической службы, будущих советологов, дав волю эмоциям и накопившемуся крайнему раздражению по поводу “близорукости” чиновников и советников из окружения президента, облеченных его личным доверием и ни во что не ставивших профессионалов закрытого Восточноевропейского (русского) отдела государственного департамента.

В лекции, прочитанной весной 1938 г., Кеннан как будто бы намеренно излагает российскую историю в предельно упрощенном виде, стремясь донести в качестве императива постулат, что Западу невозможно иметь с советским режимом нормальные дипломатические отношения²⁵. Все это повторяло инвективы из донесений патрона Кеннана в первом составе американского посольства в Москве посла У. Буллита, но чисто вербально воспроизводило лексику еще одного из почитаемых Кеннаном авторов – маркиза де Кюстина, не жалевшего красок и фантазии для передачи его личного, нелестного впечатления о России 30-х годов XIX в.²⁶ Главное, разумеется, в другом: в лекцию переключался, если воспользоваться справедливой оценкой, данной еще Н.Я. Данилевским в 1871 г., всем сочинениям западных путешественников, подобным книге де Кюстина, “дух неприязни, принимающий, смотря по обстоятельствам, форму недоверчивости, злорадства, ненависти или презрения”²⁷. И дело не в том (или не только в том), что Кеннан все еще был в плену стереотипов, привитых гер-

²⁵ Печать такого, мягко говоря, небеспристрастного подхода к той роли, которую Россия (все равно монархическая или советская) исторически играла на мировой арене, можно усмотреть в фундаментальных работах Кеннана по истории дипломатической подготовки Первой мировой войны, опубликованных в 70–80-х годах XX в. Россия вкуче с Францией, по его мнению, выполнила провокационную миссию, легкомысленно обрекая себя на многочисленные риски. Германия в этой концептуальной схеме становилась объективно страдающей стороной, втянутой в конфликт военно-блоковой политической сговорившимися за ее спиной партнерами по “роковому” союзу – Антанте (см.: *Kennan G.F. The Decline of Bismark's European Order: Franco-Russian Relations, 1871–1890*. Princeton, 1979; *Idem. Fateful Alliance: France, Russia, and the Coming of the First World War*. N.Y., 1984).

²⁶ В 1971 г. Кеннан публикует книгу “Маркиз де Кюстин и его Россия в 1839 г.”, в которой признает, что произведение де Кюстина имеет ограниченную полезность, ибо содержит немало искажений и домыслов о России. Но тут же делает оговорку: оно является превосходным сочинением “о России эпохи Иосифа Сталина” (*Kennan G.F. The Marquis de Custine and His Russia in 1839*. Princeton, 1971). Подробнее об этой работе Кеннана см.: *Мальков В.Л. Доктрина сдерживания: историческая ретроспектива // Русско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность / Под ред. Е.И. Пивовара. М., 2007. С. 273–278.*

²⁷ *Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 74.*

манской (в значительной степени имперской) школой воспитания в сочетании с тренингом, полученным в стенах Восточноевропейского отдела государственного департамента, теоретически обосновавшего формулу непризнания Советского Союза. Объяснение следует искать преимущественно в душевном потрясении, которое Кеннан испытал, присутствуя в качестве наблюдателя процесса (в широком смысле) превращения вождей революции в ее зоилов, предателей, контрреволюционеров и исчезновения последних признаков открытости режима, предсказуемости его внешнеполитической линии, огораживания страны от внешнего мира стеной непреступности от культурного влияния извне.

В картине, нарисованной Кеннаном и отраженной в его лекциях и заметках к ним, “бэкграунд” советской дипломатии был наделен всеми отрицательными чертами российской бюрократии. В отличие от унаследованных Западом от Рима религиозной терпимости, правовой культуры и просвещения России (в его описании) как государству присущи нетерпимость, жестокость, неодолимый догматизм и начисто лишённые рыцарства византийские начала, проникшие в сознание ее правителей и способ их общения с собственным народом и соседями. Ко всему этому добавлялись века засилья азиатских орд, вместе с соответствующими манерами наградившие Россию присущими ей сполна ксенофобией, особым понятием национальной исключительности, составляющими обязательную атрибутику восточного деспотизма²⁸. Достояна ли такая страна доверия? Все, кто внимали его словам, должны были сделать для себя соответствующий вывод.

На своем, еще рядовом уровне Кеннан бросил вызов официальному внешнеполитическому курсу США, по его мнению, недальновидному, непоследовательному и непроницаемому для критики профессионалов, отчаянно противостоявшими рекрутам из числа ньюдиллеров и самому президенту, который с момента переговоров с Максимом Литвиновым в 1933 г. довольно бесцеремонно оттеснил старые кадры на задний план и фактически стал собственным государственным секретарем. Многие наставники Кеннана оказались отстраненными от русской проблематики. Нет ничего удивительного, что и его самого, несмотря на признание за ним высоких профессиональных качеств, не стали задерживать в “русском столе”. Когда в разгар предвоенного кризиса в Европе Кеннан попросил вновь сделать его “полевым” дипломатом, то в считанные дни получил новое назначение – занять место второго секретаря американского представительства в Чехословакии.

²⁸ GFK Papers. Box 16: *Kennan G.F.* Russia. 1938. May 20.

Кеннан прибыл в Прагу 29 сентября 1938 г., в тот самый день, когда “умиротворители” Европы (фюрер Гитлер, дуче Муссолини, премьер Чемберлен и глава французского кабинета Даладье) подписали в Мюнхене соглашение о расчленении Чехословакии. Для молодого американского дипломата, сильнее всего озабоченного советской угрозой, это решение “давно назревшей проблемы” совсем не показалось большим несчастьем. Более того, его обостренное геополитическое чувство европейской клаустрофобии получило естественное разрешение. Правда, оно не обещало безболезненных последствий, но тем не менее, по его мнению, это был вынужденный шаг к восстановлению европейского равновесия, разрушение которого показало, как много потеряли все народы, проживающие в тесном перенаселенном пространстве Центральной и Восточной Европы. Чехословакия, как писал Кеннан в сентябре 1938 г., информируя Вашингтон о “европейском упорядочении”, оказалась “трагически” неспособной участвовать в этом процессе. “Наступило время такого приспособления, в этом суть вопроса”²⁹. Если перефразировать известную мысль известного автора, Чехословакию подвергли публичной, унижительной порке, но кнут, которым была проведена эта экзекуция заслуживал оправдания только потому, что это был кнут исторический. В этот раз мнение Кеннана, разойдясь с мнением “западных либералов”, в основном совпало с позицией официального Вашингтона³⁰ и советами влиятельных фигур в окружении президента. Рассуждая о чехословацком кризисе, Адольф Бирл (заместитель государственного секретаря) и Уильям Буллит (посол США во Франции) предлагали президенту смотреть на территориальные уступки Гитлеру как на справедливое возмездие за “глупости” Версаля и минимальную плату за создание заслона от большевистской угрозы. Современные исследователи даже увязывают появление формулы “сдерживания” (или протосдерживания) с реакцией на “реконсолидацию” Европы, предпринятую по “инициативе” Гитлера. Очень многие и среди них Кеннан полагали, что ее результат в целом мог оказаться положительным для Запада³¹.

Но уже захват Гитлером Чехословакии в марте 1939 г. серьезно притупил германофильские настроения, столь характерные

²⁹ Kennan G.F. From Prague after Munich: Diplomatic Papers 1938–1939. Princeton, 1968. P. 5; *Idem*. Memoirs. 1925–1950. Vol. 1. P. 95.

³⁰ The Secret Diary of Harold L. Ickes. L., 1955. Vol. 2: The Inside Struggle, 1936–1939. P. 474; MacDonald C.A. The United States, Britain and Appeasement, 1936–1939. N.Y., 1981.

³¹ См.: Harper J.L. *Op. cit.* P. 51–53, 177.

для Кеннана начала и середины 30-х годов. О реваншизме немцев как о черте их национального духа он говорил теперь, присовокупляя эпитеты “ужасный”, “вызывающий”, “дикий”³². Ему уже казалось, что Германия как стабилизирующая сила Европы непременно должна быть “окружена” бдительным вниманием и направляющей поддержкой партнеров по европейскому сообществу. Москва исключалась из него по определению. Ностальгируя по “ограниченному” единству, которое обеспечивалось народам Центральной и Юго-Восточной Европы накануне Первой мировой войны монархией Габсбургов, Кеннан не считал неприемлемой идею возвращения Чехословакии под протекторат великой державы, но только в том случае, если ей станет Германия, а не Россия³³. Как будто бы события давали основания для такого хода мыслей. Сначала германо-советский пакт 23 августа 1939 г., затем присоединение Прибалтики к Советскому Союзу, “раздел” Польши, советско-финская война. Капитуляция Франции на этом фоне прошла уже как улаживание чисто внутреннего конфликта западной цивилизации³⁴.

Однако радикальные перемены в Европе заставили Кеннана прислушаться к тем “подземным”, еще очень неясным для него самого, разнонаправленным импульсам, разводящим два тоталитарных режима по разные стороны баррикад, и вернуться к мысли об уязвимых, пористых границах России, которую он, так сказать, извлек из чтения Гиббона и присовокупил к размышлениям, когда-то изложенным в записке “Проблема, встающая перед Советским Союзом в связи с войной” (1935). Враждебное окружение, отсутствие внешней безопасности, эти, как долгое время считалось на Западе, придуманные самим Сталиным пропагандистские фантомы, обернулись абсолютной реальностью, физическим контактом вермахта и Красной Армии по линии Неман–Буг–Прут. И уже совсем в духе диссидентства У. Додда (посла США в Германии в 1933–1938 гг., всегда оппонировавшего тем, кто ставил знак тождества между нацизмом и большевизмом) Кеннан мысленно разграничил линию, которая неминуемо должна была стать линией разлома, столкновения, военного противостояния. 17 октября 1940 г., находясь с коротким визитом в Берлине, Кеннан писал коллеге по Европейскому отделу государственного департамента Джакобу Биму следующее. “Важнейший фактор (европейской ситуации. – В.М.) – русский сфинкс. Трудно не заметить различия в

³² GFK Papers. Box 25: *Kennan G.F. Lend-Lease Aid to Russia.*

³³ *Kennan G.F. From Prague after Munich.* P. 3–6.

³⁴ *Мальков В. Последние дни Третьей республики во Франции: Свидетельство очевидца // Россия XXI. 2000. № 3. С. 162–173.*

мере энтузиазма, с которым германо-русское сотрудничество оценивается по обе стороны барьера. Все самые пылкие отклики по этому вопросу, кажется, исходят из Берлина, а вот реакция с русской стороны, как это мне представляется, отмечена совершенно очевидной сухостью пополам с открытым проявлением недовольства русских правителей, когда они сталкиваются с немецкой непреклонностью. Абсолютно очевидно, что, по крайней мере, в одном чрезвычайно важном вопросе – я имею в виду Румынию – никогда не было тесного сотрудничества и никакого заметного доверия между двумя правительствами”³⁵.

В приведенном выше и других высказываниях Кеннана предвоенной и военной поры, несмотря на бросающийся в глаза повышенный градус критицизма, Россия уже не выглядит державой, чья злонамеренность грозила Западу опустошительными военными набегами, не спровоцированной агрессией. И хорошее и дурное в советской внешней политике, смешение в ней концепций защиты и нападения, обороны и экспансии он усматривал в “неврастеническом взгляде” Кремля на международные дела, всегдашний страх перед Западом, в основе которого лежало традиционное и инстинктивное российское чувство опасности, усилившееся при большевиках. Однако даже нападение Германии на Советский Союз не примирило его с режимом, доведенным Сталиным до уровня восточного деспотизма с неперменной для него удушливой атмосферой и охранительством, преобладанием во всем протокола и подозрительностью к иностранцам и контактам с ними. Главная установка осталась неизменной: сотрудничество с СССР нежелательно, поскольку эта система держится на страхе, насилии и непопулярна среди собственного народа³⁶. Но советы Кеннана, сделанные на этот раз не в лучшее время и не по подходящему поводу, были оставлены без внимания.

Кто-то в Вашингтоне осенью 1941 г. посчитал, что более всего востребованными знания и способности Кеннана могут быть на дипломатическом посту в Германии. Кеннан получил назначение занять пост советника американского посольства в Берлине с заданием вести мониторинг германской агрессии по всем азимутам. К исполнению своих обязанностей он приступил за четыре дня до Пёрл Харбора (7 декабря 1941 г.). Но сразу же после объ-

³⁵ GFK Papers. Box 28: *Kennan G.F. to Jacob D. Beam*. Oct. 17, 1940.

³⁶ *Kennan G.F. Memoirs*. 1925–1950. P. 118–133. После начала войны Германии с Советским Союзом, находясь в американском посольстве в Берлине, Кеннан советовал оказывать материальную помощь русским, но одновременно отказывая Советам в моральной поддержке, поскольку-де они помогали Гитлеру (*Ibid.* P. 133). Высокий образец двоемыслия, о котором Кеннан позднее пожалеет.

явления 10 декабря Германией войны Соединенным Штатам Кеннан был лишен этой поистине редкой для него возможности дать самостоятельную оценку предмету, в котором он чувствовал себя экспертом высокого класса. Вместе с другими 130 американскими дипломатами он был интернирован гестапо в городе Бад Наухем, близ Франкфурта, где скоротал время в качестве пленника в течение пяти месяцев. Земля, с которой он мысленно сросся и которая олицетворяла по его понятиям все лучшее в культурном наследии Европы, ее опорную твердь, превратилась в место унижительного заточения. Духовная и интеллектуальная самоизоляция дипломата-мыслителя только усилилась с горечью утраты лояльности к германской истории, разочарованием в ее внутренней законосообразности. Оказавшись во власти авантюристов – Гитлера и его сподручных, – Германия потеряла право претендовать на консолидирующую роль в Европе. После того как летом 1944 г. Кеннан вновь вернулся в Москву в качестве главного помощника посла А. Гарримана, он в ряде своих записок и набросков к ним рассматривает (возможно, подсознательно) как вариант послевоенного развития континента раздел его на сферы влияния – западную и восточную. Идея целиком исключала побежденную Германию из числа стран, несущих ответственность за положение дел в послевоенной Европе, таковыми были США и Англия, с одной стороны, и Советский Союз – с другой. В безотлагательном решении этого вопроса заинтересован был, так считал Кеннан, прежде всего Запад, ибо русские, одержимые мыслью о справедливом возмездии, могли зайти слишком далеко в определении своей зоны безопасности – как в Европе, так и в Азии³⁷.

Политический реалист против истерии

Историки холодной войны связывают с этими ранними (не всегда стыкующимися друг с другом) набросками появление тактического и стратегического планов действий дипломатии США в послевоенных условиях. Или, иными словами, контуров знаменитой “доктрины сдерживания”³⁸. В одном из них, несущем следы крайнего возмущения в связи с отказом Сталина поддержать Варшавское восстание летом 1944 г., Кеннан назвал генералиссимуса продолжателем внешней политики царизма со всеми ее территориальными и политическими амбициями, жестокостью. Восстановление “исторической Российской империи” – таков действи-

³⁷ GFK Papers. Box 25: *Kennan G.F. Soviet Policy*. Sept. 18, 1944.

³⁸ См.: *Mastny V. Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare, and the Politics of Communism, 1941–1945*. N.Y., 1979. P. 183–186.

тельный смысл “освободительной миссии”, обещанной народам Европы Сталиным, опасной доверчивостью к словам которого благодаря союзнической пропаганде прониклись миллионы американцев и европейцев³⁹. В этом же контексте многими авторами упоминается и письмо Кеннана Чарлзу Болену от 26 января 1945 г. (накануне Ялты), содержащее тезис о том, что интересы США и Англии требуют восстановления “стабильной, упорядоченной, смотрящей вперед Центральной Европы”, служащей преградой России и ее простертым до Атлантического океана вождениям. Однако не все тексты из частной переписки Кеннана воспроизводятся исследователями с достаточной полнотой. Между тем в них отражена неоднозначность, иногда смысловая противоречивость и совсем непростой, меняющийся взгляд Кеннана на политические реалии и долгосрочные геополитические перспективы развития. Это относится в первую очередь к его оценке угрозы Западу (западным ценностям) со стороны советского коммунизма и его военной машины⁴⁰.

Только один пример. Применяя свой излюбленный способ рассуждения (Гегель его называл “хитростью разума”), Кеннан очень часто как бы втискивает в один и тот же фрагмент далеко неоднозначные суждения. Многие же авторы, уходя от этих часто встречающихся “несообразностей”, приводят одно место, оставляя без внимания другие. Так, У. Хиксон извлек из письма Ч. Болену от 26 января 1945 г. сентенцию о “броске к Атлантике”, не

³⁹ См.: *Kennan G.F. Memoirs. 1925–1950. P. 503–531.*

⁴⁰ Уолтер Хиксон, автор одной из лучших биографических исследований о Кеннана – человеке, дипломате, историке и мемуаристе, – как думается, не сумел полностью передать все нюансы идейных метаний своего героя, его склонность к рефлексии и внутренней перестройке, часто почти без участия внешних факторов, будь то маккартизм или запуск советского спутника. Отчасти это объясняется тем, что многие страницы истории жизненного пути Кеннана, длительного, драматического и изменчивого, остаются все еще “неразрезанными” и до сегодняшнего дня. Питер Грос, видный американский исследователь, в работе о деятельности Кеннана на посту руководителя Отдела планирования государственного департамента отчасти восполнил этот пробел благодаря новым источникам об “изобретении” Кеннаном разного рода подрывных операций, добытым из различных архивов, часто недоступных без специального разрешения (см.: *Grose P. Operation Rollback. America’s Secret War Behind the Iron Curtain. Boston; N.Y., 2000.*). Историк, не скрывающий своего восхищения “тонкостью” стратегического мышления Кеннана, Д. Гэддис говорит о хитроумной двойной игре, затеянной по инициативе Кеннана американским правительством с “Планом Маршалла”, типичным актом, как пишет Гэддис, холодной войны. Отказ Сталина позволить восточноевропейским странам участвовать в программе помощи был спрогнозирован Кеннаном и Маршаллом и сыграл отрицательную роль для отношений Москвы с ее союзниками (*Gaddis J.L. Surprise, Security, American Experience. P. 60.*)

придав значения другому отрывку, в котором Кеннан говорит, что он против приписывания “русским каких-либо злокозненных целей” или стремления к немедленному введению коммунизма где бы то ни было. Добавим: в этом письме Кеннан, пожалуй, впервые по-особому, вне идеологического контекста поднимает тему безопасности Советского Союза, развиваемую им последовательно и в дальнейшем.

Та же “хитрость разума” Кеннана проявилась в самом важном, вышедшем из под его пера документе, сделавшем его мировой знаменитостью за самое короткое время. В феврале 1946 г. Кеннан, временно замещавший Гарримана на посту посла США в Москве, получил рутинное задание от государственного департамента и Министерства финансов дать “объясняющий анализ” советским заявлениям по поводу возникших после войны международных финансовых институтов. Воспользовавшись случаем и впервые почувствовав, что его аналитические способности, знание предмета и особое дарование придать обыкновенной служебной записке выразительные (местами изысканные) литературные формы могли оказаться востребованы в сложившейся обстановке обострения советско-американских отношений, Кеннан вложил в длинную телеграмму (8 тыс. слов) за номером 511 исповедальный смысл, справедливо полагая, что ее содержание может прийтись не по нраву как руководству государственного департамента, так и более высоким лицам в Белом доме. Примерно через полтора года с санкции влиятельных правительственных кругов “Длинная телеграмма” Кеннана в виде статьи под названием “Источники советского поведения” была опубликована в престижном “Foreign Affairs” под псевдонимом “X”. Легкий флёр таинственности только придал пикантность ситуации, привлекая к статье внимание самых широких слоев общественности⁴¹.

Наряду с фултоновской речью У. Черчилля служебная записка Кеннана послужила краеугольным камнем новой стратегии Запада, означавшей прежде всего разрыв союзнических отношений с Москвой, заложенных Рузвельтом и организацию мощного силового и политического давления на СССР. Питер Гросс комментирует: “Анализ Кеннана был нюансирован и элегантен, но аргументация жестоким образом ранила тех в Вашингтоне, кто все еще сохранял надежду, что союз военного времени может быть сохранен и после войны. Он предлагал основательно пересмотреть представления, которые американский народ имел в отношении национальной внешней политики. Вполне понятно в

⁴¹ Kennan G.F. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. July. № 25. P. 566–582.

связи с этим и к огорчению для ее автора, что статья, подписанная кратким “Х”, подняла мощную волну критицизма с обеих сторон, слева и справа⁴². Заметим – и справа тоже, что принесло автору статьи немало неприятностей.

Здесь не ставится задача детального рассмотрения обстоятельств, связанных с появлением статьи Кеннана и сути изложенной в ней “доктрины сдерживания” коммунизма. Частично это сделано в предыдущих разделах исследования. К тому же многие вещи хорошо известны и получили достаточное освещение в исторической и политической литературе, хотя наметившиеся новые тенденции в трактовке генезиса холодной войны оправдывают возвращение к данной теме во всех ее связях и опосредованиях. Частично это уже делается⁴³. Целесообразно вместе с тем поставить вопрос, что вызвало острые дебаты в общественной жизни США в связи с выходом статьи в свет? Самому Кеннану стоило больших усилий, чтобы объяснить и уточнить свою позицию и то, как он понимал новизну и масштабы произошедших в мире перемен, его раскола и характера возникших угроз.

С великим нежеланием вступив в полемику, Кеннан сразу же столкнулся с очень серьезным противником в лице авторитетнейшего американского аналитика Уолтера Липпмана, который усмотрел в статье Кеннана призыв к “чудовищной стратегии” американского вмешательства в мировые конфликты любого уровня и любого происхождения, предполагающей создание повсеместно военно-блоковых союзов и заставляющей видеть в Советском Союзе, вчерашнем союзнике и партнере, непримиримого военного соперника⁴⁴. Вывод, который, как решил Липпман, следовало сделать из статьи Кеннана, был самоочевиден: воинственный советский экспансионизм могут сдерживать лишь логика контрсилы и жесткая неуступчивость, низводящие роль дипломатии, переговорного процесса до второстепенного занятия.

Кеннан, возражая оппонентам и мэтру американской внешнеполитической мысли, каким был Липпман, признавал изъяны отдельных формулировок и утверждал, что в его намерениях не было ничего, кроме изложения его понимания стратегии цивилизо-

⁴² Grose P. Op. cit. P. 5.

⁴³ См.: Ibid. P. 1–8, 87–99; Johnson P. *Modern Times: The World from the Twenties to the Nineties*. N.Y., 1992; Miscamble W.D. *George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950*. Princeton, 1992; Offner A.A. *Another Such Victory. President Truman and the Cold War, 1945–1953*. Stanford (Cal.), 2002. P. 229; White D.W. *The American Century. The Rise and Decline of the United States as a World Power*. New Haven; L., 1996.

⁴⁴ Lippman W. *The Cold War. A Study in U.S. Foreign Policy*. N.Y., 1947.

ванного понуждения к миру и благоразумию советских руководителей. Войнственность не была продуктом какой-то их особой агрессивности, а скорее объяснялись извечной российской озабоченностью внешней и внутренней нестабильностью. “Политическое сдерживание политическими методами”. Строго говоря, если абстрагироваться от накаленной обстановки первых послевоенных лет, утяжелявшей слова, а порой наделявшей их двойным смыслом, то и “Длинная телеграмма” Кеннана, и статья “Источники советского поведения” обосновывали возможность решать проблемы, вставшие перед Соединенными Штатами в связи с появлением биполярного мира, “не скатываясь к какому-либо общему военному конфликту”⁴⁵. В них говорилось и о “логике силы”, и о демонстрации силы, но нигде Кеннан не предлагает использовать атомный шантаж. В 1946 и 1947 гг. Соединенные Штаты располагали неоспоримой монополией на атомное оружие и полагая, что США должны сохранять это преимущество, Кеннан предлагал не опускаться в моральном отношении до недопустимого, с его точки зрения, запугивания атомной бомбой.

Атомная проблема, сопутствовавшая появлению “доктрины сдерживания”, показала все расхождения Кеннана с официальной военно-стратегической мыслью и со взглядами многих близких Кеннану коллег и друзей, включая У. Буллита, кумира московской поры его дипломатической карьеры⁴⁶. С ним Кеннан к началу 50-х годов оказался в затяжном конфликте из-за расхождения в оценке мировой ситуации и способов развязывания туго затянутых узлов. Буллит полагал, что США могли бы радикально переломить ее в свою пользу, прибегнув к атомной бомбе – либо в качестве дипломатического “средства давления на Советское правительство”, либо в качестве реально используемого “средства принуждения”. Кеннан отвел оба эти сценария: “По моему убеждению, обе эти концепции полностью нереалистичны”⁴⁷. А в письме известному историку Г. Альпровицу (автору книги “Атомная дипломатия”) Кеннан дал нечто вроде психологического объяснения непреклонности советских руководителей перед градом словесных обещаний пустить в ход атомное оружие, ставших обычным делом для военных политиков и журналистов его страны. В сложившейся конкретной обстановке это было бы безуми-

⁴⁵ Цит. по: The Kennan “Long Telegram”. Moscow, February 22, 1946 // Origins of the Cold War. The Novikov, Kennan and Roberts “Long Telegrams” of 1946 / Ed. by K.M. Jensen. Wash., 1991. P. 29.

⁴⁶ Этот вопрос рассматривается в работе: *Mitrovich S. Undermining the Kremlin: America’s Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956.* Ithaca; L., 2000. P. 55.

⁴⁷ GFK Papers. Box 37: *Kennan G.F. to Brayton Wilbur.* June 30, 1956.

ем, опасным занятием, считал Кеннан: “Я был склонен соглашаться со Сталиным, – заканчивал он послание Альпровицу от 11 января 1965 г., – в том смысле, что прибегать к этому способу убеждения можно лишь в том случае, если вы хотите испугать слабонервных людей”⁴⁸.

На этом вопросе, пожалуй, следует остановиться подробнее, поскольку в позиции Кеннана отразилась последовательность и прозорливость его убеждений в отношении той непомерной цены, которую пришлось бы заплатить человечеству за гонку ядерных вооружений, и его неприятие игры в силовую дипломатию с таким противником, как Советский Союз. На пике маккартистской истерии в стране в статье “Америка и русское будущее” (1951), имея в виду несбыточные надежды многих военных, Кеннан называл “величайшим заблуждением” считать, что “трехчасовая война” с СССР повлечет за собой какое-то окончательное и притом положительное решение всех вопросов мировой политики в том духе, в котором США хотели бы это видеть.

Кеннан, заявляя о своем расхождении с ревнителями национальной безопасности, защищавшими право “первого удара”, не стремился оправдаться, хотя кому-то могло показаться, что так оно и было со стороны автора доктрины “сдерживания”. Он не позволял себе быть уклончивым. В книге воспоминаний, изданной в 1967 г. (“Мемуары, 1925–1950”⁴⁹), Кеннан прояснил особенности своего подхода. Он писал: “Читатель, возможно, заметил, что во всей структуре моих идей, касавшихся сталинской России и тех проблем, которые они создавали для американских политиков, до сих пор почти не находила место проблема ядерного оружия. Те из нас, кто служил в Москве в 1945–1946 гг., конечно, знали о его существовании и применении в Японии. Но я не помню, чтобы эти знания как-то влияли, например, на мою концепцию наших отношений с Советским Союзом. Я не видел возможности, чтобы такого рода оружие могло сыграть положительную роль в наших взаимоотношениях с СССР”⁵⁰.

Кеннан не страдал благодушием. Он был против передачи любой информации об атомном оружии Советскому Союзу. Еще осенью 1945 г. он направил по этому поводу в Вашингтон секретную телеграмму, видимо подозревая, что потепление после сентябрьской сессии (1945) Совета министров иностранных дел (СМИД) может привести к утечкам с самыми тяжелыми послед-

⁴⁸ GFK Papers. Box 31: *Kennan G.F. to G. Alperovitz*. Jan. 11, 1965.

⁴⁹ Рус. пер.: *Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана*. М., 2002.

⁵⁰ Там же. С. 193–194.

ствиями для безопасности Запада. В лице Джеймса Конанта он нашел оппонента. Но лишь поначалу. После появления “эпохальной” статьи “Х” Конант, по-своему истолковав ее содержание, оказался в числе самых жестких пропагандистов недоверия к СССР, что не помешало Конанту выступить с предупреждением (осень 1947 г.) об опасности раздувания в Соединенных Штатах истерии по поводу внутренней безопасности. Джордж Кеннан был среди тех, кто поддержал его, хотя это могло стоить ему карьеры. Еще более показательным было сближение взглядов Кеннана и Конанта по вопросу о создании водородной бомбы. Оба они категорически разошлись с Дином Ачесоном, государственным секретарем, яростным поборником наращивания ядерных и обычных вооружений США после советских испытаний в Семипалатинске в августе 1949 г. Именно в ходе этих закрытых от глаз широкой публики дебатов в правительстве США Кеннан выступил за мораторий на дальнейшее наращивание арсенала ядерных средств устрашения (“двусторонний, если возможно, и односторонний, если необходимо”). Итог: Кеннан покинул Департамент планирования государственного департамента США, который он возглавлял в 1947–1950 гг.

“Реалист” Кеннан в середине 50-х годов еще настойчивее стал убеждать в необходимости и для США соответствовать тому бремени “морального и политического руководства миром”, которое история и Провидение возложило на них. Характерно, что новая фаза в гонке ядерных вооружений, связанная с появлением “супербомбы” (водородной бомбы), заставила Кеннана вновь оценить невосполнимые моральные потери для американской внешней политики от применения атомного оружия в 1945 г. и от высказываний ряда должностных лиц и видных дипломатов об упущенных возможностях решить все проблемы в короткий период атомной монополии США. Чрезвычайно важны для понимания его позиции в этом вопросе письмо Юджину Рабиновичу (11 сентября 1956 г.), редактору “Бюллетеня ученых-атомщиков”, и некоторые более поздние аналитические записки, направленные им в государственный департамент. Стоит остановиться поподробнее на некоторых из этих документов, поскольку в письмах изложено видение Кеннаном роли гибкой дипломатии в ракетно-ядерный век.

В письме Рабиновичу, бросив взгляд в недалекое прошлое, Кеннан мужественно признался: “Я бесконечно сожалею об использовании нами атомного оружия против японцев. Мне представляется, что это было трагической ошибкой, за которую, я думаю, мы или наши дети в какой-то момент вынуждены будут заплатить. Это более чем возможно. Вслед за тем, я думаю, мы допустили еще одну достойную сожаления ошибку, поставив оружие

массового поражения во главу угла нашего военного строительства. У нас таким образом не осталось иного выбора, кроме дальнейшего его совершенствования и накопления, поскольку не существовало международного соглашения, которое защитило бы нас от применения этого оружия другими странами. Но, я думаю, нам следовало бы заявить, что мы крайне отрицательно относимся к самой идее использования такого оружия и надеемся на отказ всех остальных стран от его использования. Мы могли бы сделать это без лишнего шума и тем самым как бы сказать, что мы не имели намерения использовать его, за исключением тех случаев, когда могли столкнуться с открытой провокацией. Я полагаю, что мы могли бы пойти дальше, предложив резолюцию, запрещающую применение оружия массового поражения, одновременно оговорив, что мы будем сохранять его как угодно долго, пока не получим реальной защиты от использования его против нас со стороны каких-либо других стран. Однако нам следовало бы попытаться создать атмосферу, в которой вообще не возникал бы вопрос о возможности применения подобного рода оружия”⁵¹.

В Кеннане-дипломате говорил историк России, понимавший роль дуализма в менталитете ее народа, пугающего Запад, но грозящего ему гибелью⁵². Читатель, проштудировав “Длинную телеграмму”, сможет убедиться, что, предлагая ревизию ялтинского курса на сотрудничество великих держав и замену его стратегией сдерживания Советского Союза (“твердо и вежливо”), Кеннан делал упор не на особую воинственность СССР с прицелом на захваты и территориальную экспансию, а на “традиционное и инстинктивное российское чувство небезопасности”⁵³. Примечательно, что большевики, по словам Кеннана, следовали ему еще более, чем “предыдущие правители России”. Как гарантировать внешнюю безопасность внутренне слабых режимов? – так ставился, по его мнению, вечный проклятый вопрос российской истории. Все остальное было производным, в том числе и та “восточная секретность и конспиративность”, которая давно стала характерной чертой деятельности как российского (до 1917 г.), так и советского правительства и которая, как писал Кеннан, затрудняет для других государств нормальное дипломатическое и культурное общение с Москвой. Испытывая сильнейшее беспокойство за свою внешнюю и внутреннюю безопасность, страх перед внешним миром, большевики тогда, когда считают это своевременным и многообещающим, предпринимают усилия для расши-

⁵¹ GFK Papers. Box 31: *Kennan G.F. to E. Rabinowitch*. Sept. 11, 1956.

⁵² *Kennan G.F. Memoirs*. 1925–1950. P. 528, 529.

⁵³ Цит. по: *Origins of the Cold War*. P. 20.

рения зоны своего влияния. Однако Западу это не грозит натиском стальных армад, обвалом, вселенской катастрофой, подобно той, которую мир в XX в. испытал уже дважды. Ставка делается на пропаганду мнимых и реальных успехов советской системы, привлекательность марксистской идеологии и скрытую поддержку просоветских сил в недрах западного общества⁵⁴. Преследуя свои цели, Советский Союз будет направлять свои главных усилия на ослабление “внутренней гармонии” США, опоры капиталистического мира, их традиционного образа жизни. В связи со всем этим ключевой постулат был сформулирован Кеннаном следующим образом: “Советская держава, в отличие от гитлеровской Германии, не является ни схематичной, ни авантюрной. Она не действует на базе раз и навсегда установленных планов. Она не рискует без необходимости. Будучи невосприимчивой к логике разума, она очень чувствительна к логике силы”⁵⁵.

“Длинная телеграмма”, фактически давшая обоснование внешнеполитическому курсу администрации Трумэна, переправила ее автора в верхние эшелоны американского политического истеблишмента позволив ему занять престижное кресло руководителя Отдела планирования государственного департамента. Сбывались наконец мечты быть не просто услышанным, но и обрести внушительный голос в формировании и оформлении внешнеполитического курса США. Однако после выхода в свет июльского номера журнала “Foreign Affairs” за 1947 г. Кеннан вынужден был разъяснять суть изложенной им концепции сдерживания как преимущественно невоенной стратегии противодействия советскому влиянию, отмежевываясь от приобретающей все более жесткий силовой характер правительственной политики⁵⁶. Досадой отзывался в сознании тот факт, что втуне осталось его предупреждение об опасности оказаться в плену “истеричного антисоветизма”.

⁵⁴ Один из адептов кеннановского историко-дипломатического наследия, Джон Л. Гэддис, отмечает, что из всего, что было сказано Кеннаном в “Длинной телеграмме” и статье “X”, не вытекало, что Красная Армия угрожала вторжением и оккупацией остальной части континента. По убеждению их автора его судьбу должны были решать мораль и самосознание народов (*Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History. N.Y., 1997. P. 37.*)

⁵⁵ *Origins of the Cold War. P. 29.*

⁵⁶ Существует обширная литература, посвященная роли и месту статьи Кеннана в оформлении послевоенного внешнеполитического курса США. Среди наиболее значительных работ должны быть названы следующие: *Mayers D. George Kennan and the Dilemmas of U.S. Foreign Policy. N.Y., 1988; Miscamble W. George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950. Princeton, 1992; Stephanson A. Kennan and the Art of Foreign Policy. Cambridge (Mass.), 1989; Kuklick B. Blind Oracles. Intellectuals and War from Kennan to Kissinger. Princeton, 2006.*

“Потеря” Китая, испытание советского атомного оружия осенью 1949 г. подняли высокую волну шпиономании и ксенофобии в стране. Кеннан после нескольких публичных появлений в комиссиях по проверке лояльности пришел (не без некоторых колебаний) к выводу о необходимости достаточно критично высказаться и о кампании по дискредитации тысяч уважаемых и достойных людей, оказавшихся якобы пособниками врага, воинствующие намерения которого ими сознательно преуменьшались, а геополитические цели искажались. Совершенно неожиданно Кеннан почувствовал себя не на шутку задетым. Поиски измены и коммунистов в государственном департаменте коснулись многих близких ему по совместной работе друзей и коллег. Тень подозрения пала и на него самого. В январе 1953 г. Кеннан был вызван повесткой для дачи показаний в сенатскую комиссию по внутренней безопасности П. Маккарена⁵⁷.

Самоощущение отставного дипломата Кеннана легко себе представить. Мысленно он должен был переноситься и в Москву 1937 года, и в дни нахождения под охраной гестапо в Бад Наухейме в Германии. Но, к его чести, Кеннан не побоялся пойти против течения. Ни февральские события в Чехословакии (1948), ни Берлинский кризис лета 1948 г., ни начало Корейской войны (июнь 1950 г.), ни резкое изменение в соотношении военных потенциалов после испытания советской атомной бомбы не привели к присоединению Кеннана к алармистским настроениям в правительственных кругах. Более того, в знак несогласия он сделал ряд антивоенных заявлений. Советский Союз, по его мнению, не стал более агрессивным, чем он был в 1946 и 1947 гг., и после

⁵⁷ Маккартистская инквизиция обошла Кеннана стороной, лишь слегка опалив его. Предположительно это произошло по двум причинам. 1. Кеннан был известен как публичный и давний критик рузвельтовского внешнеполитического курса (“рузвельтовских грез”), подаривший американскому консерватизму доктрину “сдерживания коммунизма”. 2. Кеннан не мог быть допрошен как подозреваемый в подрывной деятельности, поскольку сам был инициатором тайных подрывных операций против Советского Союза, разработанных департаментом планирования. П. Грос пишет: “В то время как критики что-то блеяли по поводу того, что они считали оборонительной доктриной сдерживания, ее автор трудился, разрабатывая план массивного наступления. После того как наконец-то были рассекречены дипломатические архивы, они показали, что архитектором и наиболее результативным участником американской тайной войны против восточноевропейского коммунизма был сам “Мг. Х”, Джордж Кеннан. Материалы этой секретной операции частично были рассекречены только в середине 90-х годов прошлого века. В перечне различных секретных планов периода холодной войны она была известна как “Организованная политическая война” или “Операция отпор” (*Grose P. Op. cit. P. 6, 96, 97*).

Семипалатинска, несмотря на раздувание в стране борьбы с “космополитизмом” в ее специфически антиамериканской аранжировке. «Здесь (в СССР. – В.М.) ничего по существу не изменилось, – писал он 8 декабря 1950 г. историку Декстеру Перкинсу. – Кремлевские вожди не планировали и не планируют ничего похожего на “всесокрушающее нападение на Запад”. Они не собираются делать это и в будущем. Советская концепция расширения коммунистического влияния представляет собой сочетание политических и военных методов при “предпочтении главным образом политических средств”...»⁵⁸

Расставание Кеннана с дипломатией затянулось. Весной 1952 г. его отозвали из “отпуска”, а в апреле того же года он был назначен послом США в Советском Союзе. В Москве после раскрытия секрета авторства статьи 1947 г. это возвращение Кеннана восприняли без энтузиазма, появились даже публикации, в которых он был назван сторонником войны между США и СССР. Чувствовалось по всему, что в этот раз Кеннан задержится ненадолго. Поскольку обе стороны, как оказалось, жаждали прекращения его посольской деятельности, это произошло ровно через шесть месяцев. В сентябре 1952 г. Кеннан выступил в Западном Берлине с осуждением порядков, царивших в Москве, а 3 октября он был объявлен *persona non grata* советским правительством. Близко знавшие Кеннана ветераны американской дипломатии говорили, что он сам спровоцировал свое невозвращение в Москву. Сайрус Сульцбергер высказался в “Нью-Йорк таймс” в том духе, что никакой необходимости с точки зрения улучшения условий международного сотрудничества в берлинских инвективах Кеннана не было⁵⁹. В переводе на общедоступный язык это означало, что Кеннан утратил важнейшее профессиональное качество дипломата – умение подчиняться корпоративной дисциплине.

Эпизод с самовыводением Кеннана из Москвы стал кульминацией и в сущности прекращением его карьеры профессионального дипломата. Он заканчивал ее так же, как и начал, – на высокой эмоциональной ноте, на противоходе с установками руководства, полагаясь лишь на собственное понимание реальности, о которой привык судить, говоря словами любимого им Чехова, с отрезвляющей иронией, в традициях интеллектуального отшельника. Период очень плодотворных, академически спокойных размышлений после ухода с дипломатической службы в 1953 г. и пребывания в комфортабельных условиях Инсти-

⁵⁸ GFK Papers. Box 29: Kennan G.F. to Dexter Perkins. Dec. 8, 1950.

⁵⁹ New York Times. 1952. Oct. 6.

тута перспективных исследований, который возглавлял симпатизировавший ему великий физик Роберт Оппенгеймер⁶⁰, содействовал утверждению исторического взгляда на прожитое, осмысленное ранее преимущественно на эмоциональном и идеологическом уровне.

Первые контакты Вашингтона и Лондона со Сталиным, заложившие основу Великого альянса, некогда представлялись Кеннану не вполне оправданным с точки зрения морали эпизодом. Союз Америки и Англии со страной с коммунистическим диктатором во главе он воспринял как явление с нравственной стороны похожее на братание со злом. В середине же 50-х годов Кеннан все начинает видеть в ином свете. Он решительно возражает Буллиту, утверждавшему, что Америка была в состоянии в одиночку одержать верх в войне с Гитлером, не запятнав себя сотрудничеством с “порочной страной” и обеспечив безопасность себе и Западу *самостоятельно*, без участия СССР⁶¹. Мифу о слепоте рузвельтовских идеалистов и собственным антипатиям к “Большой тройке” он теперь противопоставлял логику исторического анализа, политический реализм и внутреннюю самокритичность ученого, не останавливавшегося перед коррекцией старых представлений. Вывод Кеннана бил по критикам рузвельтовских “идеалистов”: “Во время Второй мировой войны западные демократии были слишком немощными, чтобы без помощи Советского Союза нанести Гитлеру такое тотальное поражение, о котором они мечтали”⁶². Вопрос о морали, таким образом, в мире после Победы следовало ставить в иной плоскости, нежели это делали в 1939 и 1941 гг. В какой-то критический момент и Кремль мог спросить себя: морально ли сохранять верность, если соглашение об открытии второго фронта в 1942 г. не было выполнено западными союзниками? И что тогда? Кеннан остро ощутил

⁶⁰ Р. Оппенгеймер, находившийся в дружеских отношениях с Кеннаном, называл это уникальное учреждение “декомпрессионной барокамерой для ученых”.

⁶¹ У. Буллит создал устойчивую легенду о непростительной ошибке Рузвельта и Черчилля, позволившей Советам присвоить себе честь могильщика фашизма. Ее повторил слово в слово А.И. Солженицын (отчаянный хулигатель Кеннана) в статье, опубликованной в 1980 г. Он писал: “При бесстрашной преданности принципу *всеобщей*, универсальной свободы, он (Запад. – В.М.) не должен был покупать ленд-лизом помощь кровавого Сталина, укреплять его господство над народами, ищущими своей свободы. Запад должен был открывать независимый фронт против Гитлера – и сокрушить Гитлера своими *собственными* силами...” (Солженицын А. Публицистика: В 3 т. Ярославль, 1995. Т. 1: Статьи и речи. С. 361).

⁶² GFK Papers. Box 31: Kennan G.F. to Brayton Wilbur. June 30, 1956.

неосведомленность руководства государственного департамента о процессах внутренней жизни СССР в период, предшествующий смерти Сталина, нежелание серьезно вникать в существо его (Кеннана) позиции, исходным для которой оставался тезис о конечности сталинского режима и о переменах (следствие органического процесса), которые неизбежно должны были последовать вслед за сменой “вахты” в Кремле и усилением центробежных тенденций в буферной зоне безопасности СССР, именуемой “социалистическим лагерем”⁶³. Если в годы войны Кеннан обрушивался с критикой на “военный просоветизм” рузвельтовской дипломатии, то в период кризисной полосы конца 40-х – начала 50-х годов он был встревожен и обескуражен принятием США на себя многочисленных обязательств по “защите Запада” в рамках “доктрины Трумэна” и еще более ведущимися повсеместно в правительственных зданиях Вашингтона разговорами о превентивной войне против СССР, превращением дипломатии в инструмент милитаризма⁶⁴. Советофобия в духе маккартизма и военные приготовления, полагал он, могли только замедлить движение России в сторону ее демократизации, которая должна наступить как результат преимущественно “спонтанного внутрироссийского процесса”⁶⁵.

Все это может объяснить, почему после конфликтного разрыва со страной, чья драматическая, полная противоречий и изломов судьба так тесно переплелась с его собственной жизнью, Кеннан занял последовательно критическую позицию в отношении нагнетания военного психоза, сторонники которого раздували слухи о намерениях Советского Союза *военным* путем сокрушить Запад. Как бы продолжая давний диспут с Липпманом, упрекавшим некогда его за недооценку дипломатии и переговорного процесса в контактах с Россией, Кеннан взял реванш, выдвинув идею урегулирования разногласий с Москвой по вопросу об атомном оружии даже на базе несовершенной системы международного контроля, достигнутого путем компромисса⁶⁶. Начало оттепели в СССР как бы подтвердило правильность того прагматического подхода, в котором он последовательно утверждался еще со времен “Длинной телеграммы”. Критика концепции сдерживания правыми

⁶³ Разразившийся в июне 1948 г. кризис в отношениях Сталина и И. Тито дал Кеннану дополнительные аргументы.

⁶⁴ См.: *Harper J.L.* Op. cit. P. 195.

⁶⁵ *Ibid.* P. 196.

⁶⁶ См.: *FRUS.* 1950. Vol. I. P. 37–39.

республиканцами и их идеологическим гуру Джоном Фостером Даллесом, нашедшим, что идея “сдерживания” коммунизма аморальна, поскольку-де оставляет народы Восточной Европы в перманентной зависимости от Москвы, вынудила Кеннана еще более четко сформулировать свои аргументы против даллесовской “доктрины освобождения” и в защиту деловых и необязательно публичных контактов с Советским Союзом по всему спектру спорных вопросов и в первую очередь тех, которые касались гонки атомных вооружений и германской проблемы⁶⁷. В устных и письменных заявлениях Кеннана замелькало слово *détente*, а его самого дружно отнесли к числу знаковых фигур политического ландшафта, не убоившихся “американской ортодоксии” в момент максимальной близости к опасной грани атомного конфликта.

Несколько эпизодов в цепи событий мировой политики в 1958 г. подвигли Кеннана к обдумыванию и четкому формулированию им целостного концепта советско-американские отношений в ядерную эпоху. Речь идет о резком обострении ситуации на Ближнем Востоке в связи с революцией в Иране, интервенцией США и Англии в Ливане, новых осложнениях вокруг германского вопроса. Когда за очередной встряской последовал запрос из Белого дома, Кеннан высказал свой общий взгляд на “советское поведение” после Второй мировой войны. Он отличался от того, который настойчиво проводился им же в момент разрыва с ялтинской формулой послевоенного сотрудничества. Исчез мотив “базового конфликта” Запада с красно-желтой опасностью с Востока, появилась исторически обоснованное осуждение атомного психоза⁶⁸.

В записке от 4 декабря 1958 г. на имя Роберта Маттесона (видного сотрудника Белого дома) Кеннан прямо заявил, что советское правительство не было инициатором гонки “атомных вооружений и другого оружия массового поражения”. Победу “марксистских принципов” оно связывало не с новейшим оружием, а с действием объективных “законов социальных изменений”. Из этого вытекал и главный вывод, сделанный Кеннаном: “...советские руководители не вынашивали планов третьей мировой войны и не имели никаких намерений ее начинать, если была хоть малейшая возможность ее избежать”. Кеннан добавлял: кремлевские руководители не планировали военного нападения на Западную Европу, связанная со всеми подобными страхами пропаганда советской агрессивности –

⁶⁷ *Leffler M.P.* For the Soul of Mankind. P. 109, 110.

⁶⁸ *Hixson W.L.* Op. cit. P. 25, 26.

продукт сознательного искажения их намерений. “Я полагаю, – резюмировал Кеннан в первой части записки, – Черчилль был абсолютно не прав, когда говорил (если я точно воспроизвожу его слова), что только американская монополия на атомную бомбу помешала им напасть на Западную Европу в 1945–1949 гг.”⁶⁹ В другой, последовавшей вслед за первой, записке (16 декабря) Кеннан, развивая те же мысли, утверждал, не боясь упреков в оправдании советской блокады (а кто мог быть более авторитетным в этом вопросе, как не бывший руководитель Отдела планирования государственного департамента!), что военная тревога апреля 1948 г. (Берлинский кризис) была, в сущности, инспирирована генералом Люшиусом Клеем⁷⁰.

Кеннан не изменил себе и тогда, когда ему в 1961 г. предложили высказаться по поводу записки назначенного президентом Кеннеди нового главы Отдела планирования государственного департамента Уолта Ростоу, утверждавшего, что, начав атомную войну, США смогут одержать победу. Столкнувшись с рецидивом легенды об атомном блиц-криге, Кеннан ответил убийственным замечанием: “Я предпочел бы увидеть моих детей мертвыми, нежели знать, что они стали жертвами ядерной войны”⁷¹. Еще через 20 лет в составе “банды четырех” (М. Банди, Р. Макнамара, Дж. Смит, Дж. Кеннан) он поставил свою подпись под документом, призывавшим Соединенные Штаты отказаться от права “первого удара”. В этом обращении к народу и администрации Р. Рейгана приводились убийственные доводы. Даже ограниченное использование любой из сторон в холодной войне атомного оружия окажется катастрофичным для жизни на Земле, и такой обмен ударами неизбежно выльется в тотальную войну, которая опустошит планету. Само наличие атомного оружия купирует желание противной стороны нанести первый удар. Западу лучше вообще отказаться от угрозы применения атомного оружия даже в случае начала обычной войны в Западной Европе. Может быть, следует поддержать увеличение средств на обычные вооружения в Западной Европе, если это будет содействовать отказу от стратегии “первого удара”. Такие увеличения средств на обычные вооружения не должны превышать 4% в год, потому что американское руководство всегда преувеличивало риск вторжения в Западную Европу со стороны Советского Союза

⁶⁹ GFK Papers. Box 31: Kennan G.F. to Robert E. Matteson. Dec. 4, 1958.

⁷⁰ Ibid. Kennan G.F. to Robert E. Matteson. Dec. 16, 1958 // Ibid.

⁷¹ Kuklick B. Op. cit. P. 1.

и его возможности начать его на протяжении всей холодной войны⁷².

Существует мнение, что внешнеполитическая мысль США обязана Кеннану не столько идеями “геополитического реализма”, сколько самой постановкой вопроса о том, какой должны быть дипломатия в эпоху оружия массового уничтожения. На него он сам отчасти и дал ответ своим транзитом от проповеди идеологии “сдерживания” к ее коррекции и изменению собственных взглядов на исторический путь России в контексте общей для всех проблемы международной безопасности и благополучия цивилизации⁷³.

⁷² Bundy M. et al. Nuclear Weapons and the Atlantic Alliance // Foreign Affairs. Spring 1982. № 60. P. 753–768.

⁷³ См.: Kennan G.F. Memoirs. 1925–1950. P. 367; Gaddis J.L. The Rise, Fall and Future of Détente // Foreign Affairs. Winter 1983/1984. № 62. P. 354–377.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из самых трудно объяснимых “загадок” холодной войны всегда было и остается ее внезапное начало¹. Джон Гэддис в своей во многом итоговой книге о холодной войне предложил собственное и, на наш взгляд, обоснованное суждение по поводу ее неожиданного (как снег на голову) возникновения. Он полагает, что первопричину такого скачкообразного развития событий в 1945 г. – перехода от войны к миру и вновь к войне (холодной) – следует искать в “дилемме безопасности” и порожденном ею вирусе подозрительности. “Интересный вопрос, – пишет он, – состоит в следующем: почему лидеры союзных стран были удивлены, даже напуганы крахом Великого альянса? Их надежды, что этого не случится, были вполне реальны. Ведь если бы все обстояло иначе, они едва ли сделали бы то, что они сделали, когда еще шла война. Речь идет о согласовании позиций в отношении послевоенного мира”².

Гэддис понимает – ответ на “интересный вопрос” не лежит на поверхности. Дилемма безопасности тоже может трактоваться по-разному. Ну, скажем, как конфликт “руководящих” национальных идей, духовных ценностей, форм экономической жизни и культурных стереотипов. Однако история подсказывает, что послевоенный “медовый” месяц между западными союзниками и Советским Союзом оборвался не по причине внезапно вспыхнувших разногласий на идеологической, доктринерской почве или на почве подходов к послевоенному устройству и территориальных претензий друг к другу. Пример коммунистического восстания в Греции и признание Кремлем господства Запада в Италии после

¹ См.: Шлезингер-мл. А.М. Циклы американской истории. М., 1992; Offner A.A. Another Such Victory. President Truman and the Cold War, 1945–1953. Stanford (Cal.), 2002. P. 102–105.

² Gaddis J.L. The Cold War. A New History. N.Y., 2005. P. 27.

ее освобождения, “саморазрешение” турецкого кризиса 1946 г. – все это лучше всего демонстрировали оппортунизм Сталина во внешней политике на заключительном этапе Второй мировой войны³. Есть и другие примеры, как то роспуск Коминтерна в 1943 г. О желании советского лидера придерживаться достигнутых договоренностей (как оказалось мнимых) по поводу сфер влияния в Европе говорит также его “процентное” соглашение с Черчиллем в октябре 1944 г. Сталин, по всей видимости, был воодушевлен этой “договоренностью” и еще в большей степени беседами в Ялте. В свою очередь, западные союзники также склонялись к компромиссам, рассчитывая на первых порах “приручить” Советский Союз экономической помощью и согласием признать новые границы Советского Союза как на западе, так и на востоке в обмен на подчинение клубу держав с “надзорными функциями”. Видный американский историк А.М. Шлезингер называл такую форму взаимодействия молчаливо согласованным следованием “правилам игры”⁴. Другое дело, что толкование этих правил по причине следовавших один за другим кризисов, приходило во власть новых игроков и появления оружия массового уничтожения радикально отклонилось от первоначального значения, хотя 6 августа 1945 г. не стало еще той точкой, поставив которую нельзя было думать о *совместном* контроле за атомным джином, сохранении моста доверия, продолжении контактов на высшем уровне по образцу Тегерана и Ялты, об экономической взаимопомощи и восстановлении Европы.

Военное сотрудничество, мгновенно переросшее в острое соперничество, породило цепную реакцию взаимных обвинений и гонку вооружений. Важно понять, что за враждебной риторикой (“всеобъясняющей и всепоглощающей”, как называл ее А.М. Шлезингер), военным психозом и приготовлениями к войне скрывалось нечто большее, чем чувство опасности, вызванное ожиданием коварного удара со стороны вооруженного до зубов противника, согласно официальной легенде, замышлявшего навязать миру свою модель развития. Никакой ситуационный срез не может дать картины во всей ее полноте и достоверности. Как мы видели, накапливавшаяся с апреля–мая 1945 г. напряженность

³ Об отступлении Сталина от революционной идеологии убедительно сказано в книге воспоминаний Милована Джиласа (*Джилас М. Беседы со Сталиным*. М., 2002. С. 150, 207–209). На этот счет четко высказались и такие разные авторы как И. Дойчер и А.М. Шлезингер-мл., писавшие о легкости, с которой Сталин предпочел революции в Западной Европе своим дипломатическим обязательствам (см.: *Дойчер И. Троцкий: Изгнанный пророк 1929–1940*. М., 2006. С. 521; *Шлезингер-мл. А.М. Указ. соч.* С. 256, 257).

⁴ *Шлезингер-мл. А.М. Указ. соч.* С. 263.

в советско-американских отношениях порождена была социокультурной специфичностью народов, их самоощущением, исторической памятью. В частности поэтому озвучивание в США планов “сдерживания” коммунизма и воинственное антизападничество в Советском Союзе лишь для немногих и в той и в другой стране явилось нежеланным. Не случайно курс Вашингтона на дипломатическое размежевание со вчерашним главным союзником сопровождался особым вниманием к “истокам советского поведения”, напоминанием о зле панславизма и критической историософии Данилевского и ему подобных. Американский книжный рынок заполнили труды о русском мессианстве⁵, проявления которого усматривали на каждом шагу.

Синдром «чужого» актуализировался в Советском Союзе и сверху и снизу. К.М. Симонов в своих воспоминаниях обратил внимание на необычайно болезненную и жесткую реакцию Сталина на явление, которое обозначалось понятием “низкопоклонство перед Западом”. “После выигранной войны, – писал он, – в разоренной голодной стране-победительнице это была его болевая точка”⁶. Сыграла роль демонизация СССР в средствах массовой информации Запада. Построенное по образцу религиозного послания-предостережение об угрозе с Востока в фултоновской речи Черчилля отозвалось возмущением внесших решающий вклад в борьбу с фашизмом советских людей. Все комментарии к нему отражали меру патриотического негодования. Народ, столетиями испытывавший к себе враждебность Запада, всегда отвечал ему недоверием и подозрительностью. Н.Я. Данилевский писал о склонности русских людей объяснять “всякое из ряда обыкновенного выходящее бедствие”, постигшее их, этой самой враждебностью. И здесь же замечал, что ее проявление преувеличивалось⁷. Преувеличивалось, но не было придумано из ничего, как это подтвердил “западник” А.И. Герцен⁸.

И в самом деле, нет оснований и нужды идеализировать внешнюю политику дооктябрьской России. Однако необходимо видеть глубинную мотивированность ее “закомплексованности” с точки зрения западной геоцентричности (или с точки зрения лидерства западной цивилизации) на стратегии подчинения приграничных с ней государств и ревностного стремления к созданию в противовес любым комбинациям потенциальных соперников альтерна-

⁵ См.: *Kohn R. Dostoevsky and Danilevsky Nationalist Messianism. Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Cambridge (Mass.), 1955.*

⁶ *Симонов К. Указ. соч. С. 94.*

⁷ *Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 306.*

⁸ *См. Герцен А.И. Кто виноват? Повести. М., 1985. С. 349.*

тивного военно-политического блока. Достаточно только упомянуть внешнеполитическую программу славянофилов конца XIX в., планировавших создание славянской федерации⁹. В этом смысле и восстановление при активном участии Николая I Священного союза в 1833 г., и программа “сдерживания” лорда Пальмерстона и его последователя Бенджамина Дизраэли, лорда Биконсфилда, помышлявших о возвращении России к допетровским границам¹⁰, взаимно дополняли друг друга. Книга маркиза де Кюстина “Россия в 1839 году”, вышедшая в свет в Париже в 1843 г., синтезировала все страхи перед “экспансионистским абсолютизмом” в его русской форме и на многие десятилетия вперед наложила отпечаток на внешнеполитическое мышление Запада.

Хроническая отсталость России в условиях бурно развивавшейся мировой индустриальной революции и начала нового передела мира поставила страну в стратегически ненадежное положение. Преодолеть его верхи пытались за счет “маленьких” и больших победоносных внешнеполитических успехов, войн и территориальных приобретений. Между тем с конца XIX в. самые светлые головы среди государственных мужей России (и среди них С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, П.Н. Дурново) предупреждали от такой переоценки собственных сил, грозящей фатальным исходом¹¹. В контексте многовековой “дилеммы безопасности” важное значение мог иметь трезвый учет фундаментальных изменений в соотношении сил, произошедших на мировой арене с момента кончины Венской системы и появления новых игроков, готовых воспользоваться для всех уже очевидными внутренними слабостями России. Увы, никто не позаботился о подобном анализе и не предусмотрел возможные риски оказаться в кольце двойной зависимости – финансово-экономической и военно-стратегической.

Среди новых сильных игроков выделялись Соединенные Штаты Америки, которые с конца XIX в. сделали ставку на вытеснение России из всех зон и регионов, в геостратегическом отношении имеющих либо непосредственное, либо долгосрочное в перспективе (особенно в плане сырьевых ресурсов) значение для страны, реально претендовавшей уже на мировое лидерство. Речь еще не шла ни о какой борьбе двух систем, ни о каком реальном столкновении мессианских идей или миросистемных проектов.

⁹ Хевронина В.М. Внешнеполитические взгляды славянофилов конца XIX в. // Новая и новейшая история. 1998. № 2.

¹⁰ См.: Дегоев В. “Долгий мир” в Европе: союз монархов против революций (1815–1853 гг.) // Россия XXI. 2203. № 2. С. 30–79; Виноградов В.Н. Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. М., 2004. С. 67–70, 98–100, 167.

¹¹ См.: Столыпин П.А. Личность, деяния, речи // Россия и современный мир. 2002. № 3. С. 152–177.

На протяжении полутора столетий ни Россия, ни Америка особо не задумывались над внутренними порядками, существовавшими в той или другой стране, их различиями и по форме и по существу, совместимости или несовместимости. Тот же Н.Я. Данилевский писал даже о возможном (и желательном) соединении усилий двух стран в установлении “истинного всемирного равновесия”¹², а первый американский посол США в России (1809–1814), будущий шестой президент Джон К. Адамс прорицал вечную дружбу двух стран¹³. Но с начала XX в., как по команде, средства массовой информации и либеральные публицисты США начинают безудержно описывать ужасы царизма, противопоставляя ему цивилизованность Японии и указывая на недопустимость российского присутствия в Азии, на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке. И какой бы буколической не выглядело во многих современных исторических сочинениях эпоха Николая II, невозможно не признать обоснованности критики по поводу авантюристичности и некомпетентности тех или иных его шагов на международной арене со стороны дипломатии США и прессы этой страны. В России эту “измену” встретили с раздражением.

Вместе с тем не стоит пытаться искать точную меру негативизма, которую вызвала Россия своими непродуманными ходами (прежде всего в Тихоокеанском регионе) у новоявленного морского демиурга и индустриального гиганта – Соединенных Штатов. В Америке с некоторых пор уже не различали, где Россия вела оборонительную политику, испытывая избыточное давление извне и активизированную нарастающей незащищенностью ее необычайно протяженных границ, и где наступательную, впадая в несоразмерный возможностям патриотический экстаз и претендуя на какую-то особость и космизм. Восприимчивость американцев к антирусской агитации возрастала по мере усваивания ими идеи России как “темного двойника” Америки¹⁴, преграждающего путь к ресурсам, рынкам и к стратегически важным пространственным зонам освоения. Причем процесс отнесения России к числу стран с “испорченной” репутацией проходил с одинаковой интенсивностью и в период “непреклонной воли” монарха Николая II, и после Манифеста 17 октября 1905 г., и в эпоху третьей ионьской монархии, и сразу после Февральской революции. “Со времен вступления Америки в Первую мировую войну в 1917 г., –

¹² Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 458.

¹³ Сучугова Н. Дипломатическая миссия Джона Куинси Адамса в 1809–1814 годах. М., 2007.

¹⁴ Фоглсонг Д.С. Истоки первого американского крестового похода за “Свободную Россию”. Торжество “миссионерского” мышления над русофилией, 1885–1905 гг. // Россия XXI. 2002. № 5. С. 100–133.

делает важное замечание Г. Киссинджер, – политика США основывалась на признании того, что в их геополитических интересах предотвратить доминирование в Европе потенциально враждебной державы”¹⁵. Она – эта политика проводилась дифференцированно в каждом отдельном случае, но принципиальная линия выдерживалась последовательно и неуклонно. Россия с ее амбициозными планами на Балканах, обновления флота и перевооружения армии входила в эту категорию. Таким образом, Октябрь 1917 г. не стал какой-то из ряда вон выходящей вехой в восприятии американцами “русского вопроса” как части положения дел в Европе и даже шире – в мире.

Однако национализация естественных ресурсов России большевиками, установление ими государственной монополии внешней торговли в условиях нового раунда в схватке мировых держав за “место под солнцем”, за ресурсы, окрасили отношения между двумя странами отличительными тонами. Идеология в форме конфликта двух принципиально западных по происхождению мессианских моделей (“американская мечта” vs. “мировая революция”), двух ценностных ориентаций оказалась востребованной с обеих сторон, но лишь в той мере, в какой она диктовалась политической конъюнктурой – внутренней и внешней. И не более того. Сближение стран в 30-е годы XX в. и тесное сотрудничество в рамках антинацистского Великого альянса в 1941–1945 гг. могут служить убедительным подтверждением наличия потенциала здравого смысла и добрососедства у руководства обеих стран, несмотря на все различия и противоречия, обусловленные идеологией.

Пугающе резкий и глубокий перелом, наступивший осенью 1945 г. в связи с трагическим для всего человечества “экспериментом” над Хиросимой и Нагасаки, породившим недоверие и мнительность (хотя нельзя это считать единственной причиной смерти Великого альянса), стал прологом и одновременно проекцией будущего с его повторяющимися кризисами и их разрешением, наплывами и откатами, сближениями и расхождениями в отношениях двух сверхдержав. Это волнообразное движение биполярной мировой системы, обязанное своим выживанием равновесию страха перед ядерным самоуничтожением, никогда не было следствием одних только преднамеренных или непреднамеренных действий, неизменно объявляемых обеими сторонами неизбежными шагами в целях обеспечения национальной безопасности и всеобщего спокойствия. “Реакция и сверхреакция сверхдер-

¹⁵ Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. М., 2002. С. 22.

жав, – замечает сегодня видный американский аналитик, – на буквально каждый их же следующий шаг”¹⁶ продиктованы были не одним только стремлением добиться геостратегических преимуществ и всенепременного морального превосходства, артикулированного политиками и военными, отступившими от согласованной в годы Второй мировой войны модели поведения. Существовали и существуют некие метафизические комплексы, унаследованные вместе с традиционной для обеих народов политической культурой, национальной субъективностью, всегдашним их стремлением отстоять свою идентичность и представить ее ценности в качестве высших, отмеченных особым предназначением в мире. О “миссионерском рвении Америки” в необычайно откровенно-критической форме высказался Г. Киссинджер в упомянутых выше размышлениях о внешней политике США¹⁷. Его поддерживает видный специалист в области международных отношений Ричард Хаас, правда полагающий, что командная роль США в мировой системе закончилась вместе с окончанием однополярности – следствие необратимых изменений в мировой обстановке в начале XXI в.¹⁸

Именно такое сверхощущение себя Америкой в мировом пространстве после 1945 г. вступило в противоречие с особым взаимоотношением русского (советского) человека и его государственности с тем же самым пространством. Джордж Кеннан в исходной фазе холодной войны предвидел данную коллизию, поэтому в своем анализе сделал акцент на недооценке и недопонимании в США “национальных обычаев и традиций в советском мышлении и советской политике”¹⁹. Утверждение себя в качестве основного лидера западной культуры сделало США главным проводником вестернизации и принудительного “одемокративания” народов–”изгоев” и натолкнулось на их жесткое сопротивление. Речь шла о том, кто окажется в центре всемирной истории, и о том (и это главное), как сохранить свое национальное культурное лицо, свою верность духовным ценностям, – тому, что В.О. Ключевский называл “складом жизни”²⁰. Советский Союз из российского прошлого унаследовал устремление, поиск великого

¹⁶ *Zakaria F.* The Future of American Power // *Foreign Affairs*. 2008. Vol. 87. May–June № 3. P. 43.

¹⁷ *Киссинджер Г.* Указ. соч. С. 277.

¹⁸ *Haas R.N.* The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance // *Foreign Affairs*. 2008. Vol. 87. May–June № 3. P. 44–56.

¹⁹ *Kenan G.F.* The Soviet Way of Thought and Its Effect on Foreign Policy // *Council of Foreign Relations. Discussion Meeting Report. January 7, 1947. N.Y., 1947. P. 2.*

²⁰ *Ключевский В.О.* Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. VIII. С. 175.

общественного идеала (об этой черте русского народа С. Есенин говорил как о чистой черте “Скифии с мистерией вечного кочевья”)²¹. “Реальный социализм” устремился за ним с большими издержками для себя и с потерями для народа, но нельзя не признать, что большевистская модернизация несла в себе огромное пассионарное и созидательное начало. Сталкиваясь с препятствиями внутреннего и внешнего порядка, это начало было способно обрести в глазах оппонентов и противников России воинственный, агрессивный вид, что поддерживало напряжение по периметру границ сначала России, а затем и Советского Союза.

В собственных интересах идеологи “Американского века” и массмедийное сообщество США, используя каждое мало-мальски заметное “окно возможности”, образовавшееся в результате распада Советского Союза и дискредитации русской государственности, и в наше время хотят представить русский национальный тип, который, конечно же, не был исключительно миролюбивым, всегда стремящимся к внешнему могуществу, связанному с возрожденным имперским комплексом. Что не принимается во внимание, так это нежелание русских поступиться своей безопасностью, оказавшейся под угрозой, или же быть униженными перед лицом прошлой славы, всегда остающейся важной чертой русской массовой психологии, подмеченной многими, начиная с Жозефа де Местра. Во многом удержание большевиками власти объяснимо признательностью народа за успехи во внешней политике, ознаменовавшиеся нанесением поражения интервенции в годы Гражданской войны и обретением статуса одной из сверхдержав после 1945 г. Красноречива, с точки зрения именно такого государственного мышления, запись В.И. Вернадского в дневнике 1939 г.: “Захват западных областей Украины и Белоруссии всеми одобряется. Удивителен стихийный ход истории!”²²

Государственные деятели и дипломаты обеих стран, за исключением тех случаев, когда ход истории ставил их лицом к лицу с общим противником, были не склонны вникать в тонкости “культурного канона”, понимая под этим сплав идеологии, культуры, морали и поведенческих стереотипов, отвечающий за наследственный код обеих народов. И это стало одной из серьезнейших причин столь хорошо заметных сегодня искажений или трудностей в воссоздании соответственно русского и американского “другого” в системе представлений о мире и о себе в этом мире, а так же в восприятии тех или иных предпринимаемых обеими странами действий на международной арене.

²¹ См.: Есенин С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1962. Т. 5. С. 32.

²² Вернадский В.И. Дневник 1939 года // Дружба народов. 1992. № 11/12. С. 25.

БИБЛИОГРАФИЯ

Основные источники и литература

Архивы

Российская Федерация

- Архив внешней политики Российской империи
Ф. 133 – Канцелярия Министерства иностранных дел
Ф. 170 – Посольство в Вашингтоне
- Архив внешней политики Российской Федерации
Ф. – 06, 017а, 48, 056, 129, 160
- Российский Государственный архив социально-политической истории
Ф. – 17, 77, 629
- Государственный архив Российской Федерации
Ф. – 3, 523, 601, 6978, 8581, 9001

США

National Archives and Records Service. Washington, D.C.

- Record Group 59. General Records of the US Department of State. Decimal Files
Record Group 59 (M-316). Records of the Department of State Relating to the Internal Affairs of Russia and the Soviet Union, 1910–1929. Vol. 19, 20
- Record Group 77 (M 1108, 1109). Manhattan Engineering District, Harrison-Bundy Files.
- Diplomatic History of the Manhattan Project. Correspondence (Top Secret)
- Record Group 107. Records of the Office of the Secretary of War. Robert P.Patterson Papers
- Record Group 226. Office of Strategic Services
- Record Group 227. Office of Scientific Research and Development

Berkeley, California

- University of California – Bancroft Library
Jerome Davis Papers
Hiram Johnson Papers
Tom Mooney Papers

Cambridge, Massachusetts

Harvard University – Houghton Library
Joseph Grew Papers
Robert E. Sherwood Papers

Hyde Park, New York

The Franklin Delano Roosevelt Library
Oscar Cox Papers
Franklin Roosevelt Presidential Papers
Harry Hopkins Papers
Samuel Rosenman Papers
John Winant Papers

Madison, Wisconsin

State Historical Society of Wisconsin Library
Alexander Gumberg Papers
Raymond Robins Papers

New Haven, Connecticut

Yale University – Sterling Library
Frank Polk Papers
Henry Stimson Papers and Diaries

New York, New York

New York Public Library
Manuscript Division
Emma Goldman Papers
Elizabeth Hapgood Papers
Fiorello La Guardia Papers
Norman Thomas Papers

Independence, Missouri

Harry S. Truman Library
Harry S. Truman – President's Secretary's File

Princeton, New Jersey

Seeley G. Mudd Manuscript Library
Hamilton Armstrong Papers
Norman Armour Papers
Arthur Bullard Papers
Bernard Baruch Papers
Allen W. Dulles Papers
George Frost Kennan Papers
David Lilienthal Papers and Diaries
Robert Lansing Papers
Woodrow Wilson Papers

Stanford, California

Hoover Institution Archives
William Graves Papers
Stanley Hornbeck Papers

Georgetown University Special
Collection

Robert Kelley Papers

Library of Congress Manuscript Division

Henry Arnold Papers

William Borah Papers

Vannevar Bush Papers

Bainbridge Colby Papers

Raymond Clapper Papers

George Creel Papers

Joseph Davies Papers

William Dodd Papers

Herbert Feis Papers

Felix Frankfurter Papers and

Diaries

Cordell Hull Papers

Loy Henderson Papers

Harold Ickes Papers

George Kennan Papers

Robert Lansing Papers

Breckenridge Long Papers

Archibald MacLeish Papers

Reinold Niebuhr Papers

J. Robert Oppenheimer Papers

Robert Patterson Papers

William Parsons Papers

Carl Spaats Papers

Laurence Steinhardt Papers

Arthur Sweetser Papers

Опубликованные сборники документов

Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. I. / Гл. ред А.А. Фурсенко. М., 2004

Архив полковника Хауза / Ред. Ч. Сеймур. М., 1937–1944. Т. I–IV

Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / Под общей ред. Л.Д. Рябева. М., 1998–2007

Документы внешней политики СССР. М., 1957–2000. Т. I–XXIV

Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша, 1789–2001 / Общая ред. и коммент. Э.А. Иваняна. М., 2001

Меньшевики в 1917 году: В 3 т. / Под ред. Э. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М., 1994–1997

Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 / Отв. ред. Э. Галили, А. Ненароков. Отв. сост. Д. Павлов. М., 1999–2006

Михаил Горбачев и германский вопрос // Сб. документов. 1986–1991 / Сост. А.С. Черняев, А.А. Галкин. М., 2006

Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х годов: В 6 т. Т. 3 / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1998

Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 гг. Документы / Научн. ред. Г.Н. Севостьянов, Дж. Хэзлем. М., 1999

Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1918–1926 / Под ред. Г.Н. Севостьянова, Дж. Хэзлема. М., 2002

Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1927–1933 / Под ред. Г.Н. Севостьянова и Дж. Хэзлема. М., 2002

Советско-американские отношения. 1934–1939 / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2003

Советско-американские отношения: Годы разрядки. 1969–1976. Сб. документов: В 2 т. М., 2007. Т. I: 1969 – май 1972 г.

Чему свидетели мы были: Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940. Сб. документов: В 2 кн. М., 1998

Churchill and Roosevelt: Their Complete Correspondence. In: 3 Vol. / Ed. by W.F. Kimball. Princeton; N.Y., 1984

Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / Ed. by

- Th.H. Etzold, J.L. Gaddis. N.Y., 1978
 FDR: His Personal Letters, 1928–1945 / Ed. by E. Roosevelt, J.P. Lash. N.Y., 1950.
 Vol. 2
 Making Things Work. Russian-American Economic Relations, 1900–1930. Stanford
 (Cal.), 1992
 Papers Relating to the Foreign Affairs of the United States. The Lansing Papers.
 1914–1920: In 2 vol. Wash., D.C., 1939–1940
 The Papers of Woodrow Wilson. In: 60 vol. / Ed. by A.S. Link et al. Princeton (N.J.),
 1966–1993
 Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman, 1945–1953.
 Wash., D.C., 1961–1966
 Russia in War and Revolution. General William V. Judson's Accounts from Petrograd,
 1917–1918 / Ed. by N.V. Solzman. Kent (Oh.), 1998
 The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. In: 13 vol. / Ed. by
 S.I. Rosenman. N.Y., 1938–1950

Периодическая печать

Американский ежегодник	Утро России
Биржевые ведомости	Chicago Tribune
Вестник Европы	Cold War International History Bulletin
Гражданин	Collier's
Источник: Документы русской исто- рии	Diplomatic History
Международная жизнь	Foreign Affairs
Новая и новейшая история	Harper's Weekly
Отечественная история	Life
Правда	Nation
Речь	New Republic
Россия XXI	New York Times
Русская мысль	Outlook
Социал-демократ	Political Science Quarterly

Мемуары, дневники, биографии

- Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991
Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 3 кн. М., 2003
Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президен-
 тах США (1962–1986). М., 1996
Додд У. Дневник посла Додда. М., 2005
Керенский А. Русская революция 1917. М., 2005
Корниенко Г. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 2001
Майский И.М. Дневник дипломата: 1934–1943: В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред А.О. Чу-
 барьян. М., 2006
Медведев Ж., Медведев Р. Неизвестный Сталин. М., 2004
Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991
Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М., 1990
Трояновский О.А. Через годы и расстояния: История одной семьи. М., 1997
Хрущев Н.С. Воспоминания. Время, люди, власть. М., 1999. Т. 1–4
Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991

- American Views of Soviet Russia, 1917–1965 / Ed. by P.G. Filene. Homewood, 1968
- Bohlen Ch.E.* Witness to History: 1929–1969. N.Y., 1973
- Brzesinski Z.* Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1917–1981. N.Y., 1983
- Brown A.J.* Russia in Transition. N.Y., 1917
- Creel G.* Rebel at Large: Recollections of Fifty Crowded Years. N.Y., 1947
- Duranty W.* I Write as I Please. N.Y., 1935
- Fraser J.F.* Russia of To-Day. N.Y., 1915
- Hamby A.L.* Man of the People: A Life of Harry Truman. N.Y., 1995
- Hard W.* Raymond Robins' Own Story. N.Y., 1920
- Harper S.* The Russia I Believe In: The Memoirs of Samuel N. Harper, 1902–1941. Chicago, 1945
- Kennan G.* A Russian Comedy of Errors with Other Stories and Sketches of Russian Life. N.Y., 1915
- Kennan G.F.* Memoirs: 1925–1950. Boston, 1967
- Kennan G.F.* Memoirs: 1950–1963. Boston, 1972
- Kissinger H.A.* Years of Renewal. N.Y., 1999
- Lilienthal D.E.* The Journal of David E. Lilienthal. The Atomic Energy Years, 1945–1950. N.Y., 1964
- Nixon R.M.* RN: The Memoirs of Richard Nixon. N.Y., 1978
- Reeves F.B.* Russia Then and Now, 1892–1917. My Mission to Russia. During the Famine of 1891–1892 with Data Bearing upon the Russia of To-Day. N.Y., 1917
- Russel Ch.E.* Bare Hands and Stone Walls. N.Y., 1933
- Taubman W.* Khrushchev: The Man and His Era. N.Y., 2003

Исследования

- Борисов Ю.С., Голубев А.В., Сахаров А.Н.* История России и Запад // Образ России: Русская культура в мировом контексте. М., 1998
- Вайль П., Генис А.* 60-е годы: Мир советского человека. М., 1996
- Виноградов В.Н.* Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005
- Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917. Л., 1969
- Геркен Г.* Братство бомбы. Подробная и захватывающая история создания оружия массового поражения. М., 2008
- Голубев А.В.* Запад глазами советского общества: Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах // Отечественная история. 1996. № 1
- Горбачевские чтения. XX съезд и доклад Н.С. Хрущева о “культе личности” в российской истории. От Фултона до Мальты: как началась и закончилась холодная война / Под ред. О.М. Здравомысловой. М., 2006. Вып. 4
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2003
- Дэвис Д.Э., Трани Ю.П.* Первая холодная война: Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. Пер. с англ. М., 2002
- Егорова Н.И.* Изоляционизм и европейская политика США, 1933–1941. М., 1995
- Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы (1945–1964). М., 1993
- История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования / Отв. ред. В.П. Визгин. СПб., 2002. Вып. 2
- Коэн С.* Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. Пер. с англ. М., 2001
- Листиков С.В.* США и революционная Россия в 1917 году: К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006

- Мальков В.Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX в. М., 2004
- Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2003
- Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е–50-е годы): Труды Международного симпозиума ИСАП-96 / Гл. ред. Е.П. Велихов. М., 1999
- Павловская А.В.* Россия и Америка. Проблемы общения культур: Россия глазами американцев 1850–1880 годы. М., 1998
- Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006
- Романов В.В.* В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). Тамбов, 2005
- Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность / Под ред. Е.И. Пивовара. Ред.-сост. В.И. Журавлева. М., 2007
- Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998
- Соболев Г.Л.* Тайна “немецкого золота”. СПб., 2002
- СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления / Отв. ред. и сост. С. З. Случ. М., 2007
- Фурсенко А.А.* Россия и международные кризисы: Середина XX века. М., 2006
- Юнгблюд В.Г.* “Образы Российской империи” и внешнеполитическое планирование США в 1944–1945 гг. / США: Экономика, политика и культура. 1998. № 6.
- Barghoorn F.Ch.* The Soviet Image of the U.S. A Study in Distortion. N.Y., 1950
- Bennett E.M.* F.D.Roosevelt and the Search for Security. American-Soviet Relations 1933–1939. Wilmington, 1985
- Bialer S.* The Soviet Paradox. External Expansion, Internal Decline. N.Y., 1986
- Bird K., Sherwin M.J.* American Prometheus. The Triumph and Tragedy of J. Robert Oppenheimer. N.Y., 2005
- Bohning D.* The Castro Obsession. U.S. Covert Operations, 1959–1965. Wash., 2005
- Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge (Mass.), 2002
- Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000
- Cold War Triumphalism. The Misuse of History After the Fall of Communism / Ed. by E. Schrecker. N.Y., 2004
- Cohen S.F.* S.F. Vieticus. American Perceptions and Soviet Realities. N.Y., 1985
- Dallek R.* The American Style of Foreign Policy: Cultural Politics and Foreign Affairs. N.Y., 1983
- Dallek R.* An Unfinished Life: John Kennedy, 1917–1963. Boston, 2003
- Deaver M.K.* A Different Drummer: My Thirty Years with Ronald Reagan. N.Y., 2001
- Druks H.* Harry S.Truman and the Russians, 1945–1953. N.Y., 1967
- Farnsworth B.* Williams Bullitt and the Soviet Union. Bloomington, 1967
- Firestone B.J.* The Quest for Nuclear Stability. John F.Kennedy and the Soviet Union. Westport, 1982
- Foglesong D.S.* American’s Secret War Against Bolshevism: US Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapell Hill, 1995
- Foglesong D.S.* The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a Free Russia Since 1881. Cambridge (Mass.), 2007
- Fousek J.* To Lead the Free World. American Nationalism and Cultural Roots of the Cold War. Chapell Hill, 2000
- Gaddis J.L.* The Cold War. A New History. N.Y., 2005
- Gaiduk I.V.* Confronting Vietnam. Soviet Policy toward the Indochina Conflict 1954–1963. Stanford (Cal.), 2003
- Gerson J.* Empire and the Bomb. How the U.S. Uses Nuclear Weapons to Dominate the World. L.; Ann Arbor, 2007

- Jahn H.F.* Patriotic Culture in Russia During World War I. Ithaca, 1995
- John Foster Dulles and the Diplomacy of the Cold War / Ed. by R.H. Immerman. Princeton, 1990
- Holloway D.* Stalin and the Bomb. New Haven, 1994
- Hixson W.L.* George F. Kennan: Cold War Iconoclast. N.Y., 1989
- Houghton N.D.* Policy of the U.S. and Other Nations with Respect to the Recognition of the Russian Soviet Government, 1917–1929. Worcester, 1929
- Kennan G.F.* "The Sisson Documents" // Journal of Modern History. 1956. № 2. June. P. 130–154.
- Kennan G.F.* Soviet-American Relations, 1917–1920. In: 2 vol. Princeton, 1958
- Kuklick B.* Blind Oracles. Intellectuals and War from Kennan to Kissinger. Princeton, 2006
- Larson D.W.* Origins of Containment: A Psychological Explanation. Princeton, 1985
- Leffler M.P.* For the Soul of Mankind. The United States, the Soviet Union and the Cold War. N.Y., 2007
- Leserson M.M.* The American Impact on Russia, 1784–1917: Diplomatic and Ideological. N.Y., 1962
- Leving R.* American Opinion and the Russian Alliance 1939–1945. Chapel Hill, 1976
- Mayer A.* Wilson as Lenin: Political Origins of the New Diplomacy, 1917–1918. New Haaven, 1958
- Mayers D.* The Ambassadors and America's Soviet Policy. N.Y., 1995
- McFadden D.W.* Alternative Paths: Soviets and Americans, 1917–1920. N.Y., 1993
- Offner A.* Another Such Victory: President Truman and the Cold War. Stanford (Cal.), 2002
- Reed Th.C.* At the Abyss. An Insider's History of the Cold War. N.Y., 2004
- Rhodes R.* Arsenal of Folly: The Making of the Nuclear Arms Race. N.Y., 2007
- Saul W.E.* Concord and Conflict: The United States and Russia, 1867–1914. Lawrence (Kan.), 1996
- Saul N.E.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence (Kan.), 2001
- Shared Destiny. Fifty Years of Soviet-American Relations / Ed. by M. Garrison, A. Gleason. Boston, 1985
- Shelton B.K.* President Wilson and the Russian Revolution. Buffalo, 1957
- Siegel K.A.S.* Loans and Legimacy: The Evolution of Soviet American Relations, 1919–1933. Lexington (Ken.), 1996
- Smith D.M.* Aftermath of War: Bainbridge Colby and Wilsonian Diplomacy, 1920–1921. Philadelphia, 1970
- Spargo J.* Russia as an American Problem. N.Y.; L., 1920
- Spalding E.E.* The First Cold Warrior. Harry Truman, Containment and the Remaking of Liberal Internationalism. Lexington, 2006
- Taubman W.* Stalin's American Policy. From Entente to Detente to Cold War. N.Y., 1982
- The American Image of Russia. 1775–1917 / Ed. by E. Anscnel. N.Y., 1974
- The Making of America's Soviet Policy / Ed. by J.S. Nye, Jr. New Haven, 1984
- Turning Points in Ending the Cold War / Ed. by K.K. Skinner. Stanford, 2008
- Ulam A.B.* Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy, 1917–1967. N.Y., 1968
- Uldricks T.J.* Diplomacy and Ideology. The Origins of Soviet Foreign Relations, 1917–1930. L., 1979
- Unterberger B.M.* The United States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. Chapell Hill, 1989

- Walling W.E.* Russia's Message: The True World Import of the Revolution. N.Y., 1908
- Williams W.A.* American-Russian Relations 1781–1947. N.Y., 1952
- Williams W.A.* The Roots of the Modern American Empire. N.Y., 1969
- Winter N.O.* The Russian Empire of To-Day and Yesterday. L., 1914
- Welch W.* American Images of Soviet Foreign Policy. An Inquiry into Recent Appraisals from the Academic Community. New Haven, 1970
- White R.K.* Fearful Warriors. A Psychological Profile of U.S.-Soviet Relation. N.Y., 1984
- Zaloga S.J.* The Kremlin's Nuclear Sword. The Rise and Fall of Russia's Strategic Nuclear Forces. 1945–2000. Wash., D.C., 2002
- Zubok V., Pleshakov K.* Inside the Kremlin's Cold War. From Stalin to Khrushchev. Cambridge (Mass.), 1996

УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза А.А. 39
Август, император 438
Адамс Брукс (Adams, Brooks) 107, 108, 129
Адамс Генри (Adams, Henry) 83
Адамс Джон Квинси (Adams, John Quincy) 437, 470
Адамский В.Б. 411
Аденауэр К. (Adenauer, Konrad) 8
Аксаков И.С. 79
Аксаков К.С. 33
Аксакова А.Ф. 17, 36
Аксельрод П.Б. 91
Александр II 23, 52
Александр III 22–24, 29, 43
Алексеев Е.И. 50
Альварес Л. (Alvarez, Luis) 336
Альпровиц Г. (Alperovitz, Gar) 454
Америка глазами русских 72–101, 172, 173, 176, 177, 179, 180
Американизм – 54, 56, 271, 307, 325, 328, 394, 471, 472
Американская исключительность 71, 326, 471
“Американский век” – 326, 327, 332, 473
Андраши Д. (Andrássy, Julius) 38
Андреева М.Ф. 83
Антанта – 67, 68, 70, 71, 157, 161, 254
Антербергер Б.М. (Unterberger, Betty M.) 106, 124, 153
Антиамериканизм 71, 353
Антикоммунизм 185, 186, 346, 355, 372, 380, 441
АРА (Американская администрация помощи) 167
Арита Х. (Arita, H.) 230
Арита–Крейги соглашение (1939) 230
Армстронг Г. (Armstrong, Hamilton F.) 177
Арнольд Г. (Arnold, Henry) 337, 416
Арон Р. (Aron, Raymond) 360
Астор Н. (Astor, Nancy) 205, 280
Астров Н.И. 117
Атлантическая хартия 321, 326
Атомная дипломатия 297–299, 301, 303, 344, 383, 388, 404, 419
Ачесон Д. (Acheson, Dean G.) 365, 456
Баланс сил 441–444
Бальфур А. (Balfour, Arthur J.) 111
Банди М. (Bundy, McGeorge) 363, 464
Барг М.А. 7
Барух Б. (Baruch, Bernard M.) 344, 369, 388, 426
Батюк В.И. 7
Бахметев Б.А. 95, 97, 123, 255, 257
Беверидж А. (Beveridge, Albert J.) 58
Бевин Э. (Bevin, Ernest) 417
Безобразов А.М. 47
Беллами Э. (Bellamy, Edward) 87
Белое движение 145, 255–257, 259
Бенедикт XV (папа) 115
Бенеш Э. (Beneš, Edvard) 291
Бер А.В. 96, 97
Бердяев Н.А. 13, 14, 39, 41, 75, 257, 260, 261, 275, 276
Берия Л.П. 399, 403, 424, 429
Берлинский кризис (1948, 1949) 355, 422, 428, 459, 464
Берлинский кризис (1958–1961) 349
Бете Г. (Bethe, Hans) 352
Беттс Р. (Betts, Richard) 384
Бжезинский З. (Brzezinski, Zbigniew) 173, 355, 383

- Биллингтон Дж.Х. (Billington, James H.) 12, 13, 21, 251
 Бим Дж. (Beam, Jacob D.) 448
 Бирл А. (Berle, Adolf A.) 196, 223, 278, 284–286, 306, 447
 Бирнс Дж. (Byrnes, James F.) 339, 391–393, 424
 Бисмарк О. (Bismarck, Otto von) 38
 Бичер-Строй Г. (Beecher-Stowe, Harriet) 88
 Блисс Т. (Bliss, Tasker H.) 255
 Блок А.А. 22, 75
 Блок Марк (Bloch, Marc) 198
 Блэкетт П. (Blackett, Patrick M.S.) 353
 Бобриков Н.И. 44
 Богданов А.А. 92
 Богданов П.А. 175
 Болен Ч. (Bohlen, Charles E.) 268, 289, 389, 451
 Большевикизм – 126, 127, 210, 262, 263, 272, 273, 275, 471
 Боннэ Ж. (Bonnet, Georges) 206, 209, 221, 222
 Бонч-Бруевич В.Д. 161
 Бор Н. (Bohr, Niels) 300, 301, 353, 358, 367, 404
 Боргвардт Э. (Borgwardt, Elizabeth) 272, 326
 Бородин Н.А. 94
 Борьба с космополитизмом и западничеством в СССР 429, 430, 468
 Боткин П.С. 251
 Брайан У. (Bryan, William J.) 88
 Браун Н. (Brown, Neil) 274
 Брежнев Л.И. 378
 Бремент М. (Bremont, Marshall) 228, 229
 Бреттон-вудская система 394
 Брешко-Брешковская Е.К. 62, 137
 Броган Д. (Brogan, David) 329
 Брукс А. 99
 Брюсов В.Я. 75
 Бугаев Б.Н. (Белый Андрей) 74
 Булгаков С.Н. 74, 127
 Булдаков В.П. 116
 Буллард А. (Bullard, Arthur) 132, 138–144, 148, 149, 225
 Буллит У. (Bullitt, William C.) 141, 145, 153, 159, 180–183, 189, 191, 194, 271–276, 281, 285–295, 302, 433, 439, 440, 445, 454, 461
 Бунин И.А. 73, 74, 76
 Бутлеров А.М. 28
 Буш В. (Bush, Vannevar) 335, 347, 358, 359, 371, 410, 411
 Буш Дж. (Bush, George W.) 381
 Бьюкенен Дж. (Buchanan, George) 254
 Бюлов Б. фон (Bulow, Bernard von) 38
 Вавилов Н.И. 395, 429
 Вайли Дж.К. (Wiley, John C.) 227, 228, 230, 231, 233–243, 246
 Валлерстайн И. (Wallerstein, Emmanuel) 266, 270
 Ванденберг Х. (Vandenberg, Hoyt) 337
 Ванников Б.Л. 424
 Варга Е.С. 419
 Вашингтон Дж. (Washington, George) 79
 Вашингтонская конференция (1921, 1922) 266
 Великая депрессия в США (1929–1938) 171, 172, 269, 325, 326, 436
 Великий альянс 304–323, 336, 415, 461, 466, 471
 Венская система 469
 Вересаев В.В. 29
 Вернадский В.И. 25, 29, 60, 102, 103, 105, 106, 113, 114, 117, 163, 168, 473
 Версальско-вашигтонская система 170, 311, 315, 442, 443, 447
 Вестернизация 158, 472
 Взаимно гарантированное уничтожение (MAD) 367, 371, 379
 Византинизм 155, 156
 Визгин В.П. 299, 410
 Визт В.М. Молотова в Вашингтон (1942 г.) 311
 Вильсон В. (Wilson, Woodrow T.) и вильсонизм 53, 67, 70–72, 93, 104, 111, 112, 118, 119, 122–132, 134–138, 141, 144–153, 156, 157, 159, 160, 162, 250, 258, 259, 267, 293, 306, 313–315, 319, 323, 326, 355, 372
 Витте С.Ю. 23, 31, 39, 43, 45, 49, 63, 65, 66, 469
 Военно-промышленный комплекс 329–331, 370
 Вознесенский С.А. 402
 Войтинский В.С. 281
 Воллан Г.А. де 100
 Воронов И.К. 27
 Врангель П.Н. 257
 Временное правительство России и администрация США 111–122, 135

- Возникновение геополитического дисбаланса 381, 382
- Вторая мировая война (1939–1945) 197, 304, 305, 461, 467, 472
- Вьетнамская война (1965–1973) 349, 380
- Габсбурги, династия 106, 448
- Гайдук И.В. 11
- Галифакс, лорд (Halifax, Lord Edward F.) 205, 221, 310
- Гамильтон А. (Hamilton, Alexander) 437
- Ганди М. (Gandhi, Mohandas K.) 353
- Ганелин Р.Ш. 126, 132
- Гарриман А. (Harriman, W. Averell) 418, 450, 452
- Гаррисон У. (Harrison, William) 88
- Гартхофф Р. (Garthoff, Raymond) 385, 387
- Гегель Г.В. (Hegel, Georg Wilhelm) 451
- Гендерсон Л. (Henderson, Loy W.) 196, 197, 225, 228, 230–234, 238, 239, 243, 285, 288
- Герасимов С.А. 355
- Геркен Г. (Herken, Gregg) 8
- Герцен А.И. 79, 98, 468
- Гессен И.В. 261
- Гефтер М.Я. 5, 6
- Гиббон Э. (Gibbon, Edward) 437, 438, 441, 448
- Гибианский Л.Я. 11
- Гиппиус З.Н. 72, 114
- Гирс Н.К. 37, 38, 43
- Гитлер А. (Hitler, Adolf) 188, 194, 199, 201–206, 208, 209, 212, 213, 217, 222–224, 226, 228, 232, 234–236, 239, 246, 273, 274, 278, 279, 287, 404, 441, 442, 447, 449, 450, 461
- Гитлеризм 309
- Глиссон Э. (Gleason, Everett) 315
- Глобализация – 382, 383, 472
- “Глобальная миссия” Америки 307, 308, 383, 472
- Гнедин Е.А. 200
- Гогенцоллерны, династия 69, 136
- Голдман Э. (Goldman, Emma) 62
- Голоцын Г.С. 44
- Голливудская киноиндустрия и ее роль в культуре холодной войны 341, 342, 384
- Голованов Я. 398
- Головин И.Н. 405, 410
- Гопкинс Г. (Hopkins, Harry L.) 278, 295, 311, 322
- Горбачев М.С. 381
- Горелик Г. 410
- Горемыкин И.Л. 44, 110
- Городецкий Г. (Gorodetsky G.) 276
- Горчаков А.М. 37, 39
- Горький А.М. 74, 76, 77, 81–87, 406
- Горячковская М.А. 90
- Государственная Дума 102
- Гражданская война в России 151, 152, 473
- Гражданская война в США 79, 80
- Грей Э. (Grey, Edward) 114, 252
- Гровс Л. (Groves, Leslie R.) 425
- Громов М.М. 273
- Громыко А.А. 425, 426, 428
- Гросс П. (Grose, Peter) 451, 452, 459
- Гроссман В.С. 400, 409
- Грю Дж. (Grew, Joseph C.) 255, 259, 282–285
- Гузенко И.С. 390, 422
- Гумилев Л.Н. 9, 265
- Гучков А.И. 51, 96, 97, 103–105, 120
- Гучков Н.И. 97
- Гэддис Дж. Л. (Gaddis, John L.) 250, 259, 289, 291, 295, 296, 310, 340, 344, 350, 356, 373, 374, 380, 431, 451, 458, 466
- Даладьё Э. (Daladier, Edouard) 221, 279, 287, 447
- Даллек Р. (Dallek, Robert) 233, 268, 269, 283, 333, 372
- Даллес А. (Dalles, Allen) 365
- Даллес Дж.Ф. (Dalles, John F.) 366, 369, 372–374, 391, 462
- Данилевский Н.Я. 13–17, 21, 24, 41, 445, 468, 470
- Даниэльсон Н.Ф. 91
- Данн Д. (Dunn, Dennis J.) 173, 187, 247, 271
- Дантон Ж. (Danton, George) 264
- Дауэс Ч. (Dawes, Charles G.) 279
- Де Сантис Х. (De Santis, Hugh) 269
- Дебс Ю. (Debs, Eugene V.) 86, 93
- Дементьев И.П. 88
- Деникин А.И. 255–257
- Джудсон У. (Judson, William V.) 133, 157
- Джеймс Г. (James, Henry) 51
- Джефферсон Т. (Jefferson, Thomas) 54
- Джилас М. (Djilas, Milovan) 467

- Джонсон Л. (Johnson, Lyndon B.) 363, 378
- Джордж А. (George, Alexander L.) 386
- Джуитт Ф. (Jewett, Frank B.) 335
- Дизраэли Б. (Disraeli, Bendjamin) 38, 255, 469
- Директива Национального совета безопасности (НСБ-68, 1950 г.) 364, 365
- Дирксен Г. Фон (Dirksen, Herbert von) 280
- Дицель Г. (Diezel, Gustav) 37
- “Длинная телеграмма” Дж. Кеннана (1946) 364, 438, 439, 452, 454, 456–458, 462
- Дмитриев С.С. 393, 420
- Добрынин А.Ф. 378, 379
- Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (1963) 379, 380
- Договор о нераспространении ядерного оружия (1968) 380
- Додд У. (Dodd, William) 275, 277, 448
- Доктору Э.Л. (Doctorow, E.L.) 383
- Доктрина Никсона (ядерной достаточности) 378
- Доктрина Р. Рейгана 380, 381
- Доктрина Трумэна 354, 355, 426, 462
- Доктрина Эйзенхауэра–Даллеса 376, 463
- “Документы Сиссона” (1918) 150
- Докучаев В.В. 28
- Достоевский Ф.М. 14, 17–21, 23–25, 27, 80, 158
- Дракс Р. (Drax, Redginald P.) 211
- Думенк Ж. (Doumenc, Georges) 211
- Дурново И.Н. 22, 23
- Дурново П.Н. 251, 469
- Дьюкс П. (Dukes, Pole) 198
- Дэвис Дж. (Davies, Joseph E.) 183, 186, 196, 201, 295, 324, 424, 440, 444
- Дэвис Н. (Davis, Norman) 310, 314
- Дэвис Ф. (Davis, Frost) 322
- Дюранти У. (Duranty, Walter) 203–206
- Евразийство и евразийцы 260, 261
- “Еврейский вопрос” 32, 53, 60–62, 66, 70
- Евстафьев Д.Г. 7
- Егорова Н.И. 11, 170
- Есенин С.А. 473
- Ёрджин Д. (Yergin, Daniel) 306
- Жуков Г.К. 229
- Журавлева В.И. 11
- Западничество и антиевропеизм в общественной мысли России 18–35, 74
- Иванян Э.А. 11
- Иден А. (Eden, Anthony) 294, 295, 322
- Извольский А.П. 101
- Изгоев А.С. 150
- Изоляционизм 179, 190, 193, 195, 201, 276, 279, 317, 325
- Икес Г. (Ickès, Harold L.) 210, 295
- “Икона и топор” (Дж. Биллингтон) 12, 13
- Илизаров Б.С. 399
- Ильф И. 183
- “Империя зла” 380
- Иоанн III, папа 41
- Иоффе А.А. 129, 263
- Иоффе А.Ф. 395
- Иоффе Б.Л. 404
- Испытание советского атомного оружия под Семипалатинском (1949) 360–363, 367, 422, 456, 459
- Каминс Б. (Cumings, Bruce M.) 431
- Капица П.Л. 365, 409, 411, 423
- Карсавин Л.П. 261
- Карташев А.В. 116
- Кассини А.П. 100
- Катков М.Н. 13, 33, 80
- Каутский К. (Kautsky, Karl) 262, 263
- Кафтанов С.В. 298
- Кейнс Дж.М. (Keynes, John M.) 310
- Келли Р. (Kelley, Robert F.) 197, 268, 438
- Кен О.Н. 170
- Кеннан Джордж Фрост (Kennan George Frost, 1904–2005) 168, 245, 246, 268, 272, 274, 278, 285, 286, 292, 342, 363–365, 409, 418, 432–465, 472
- Кеннан Джордж (Kennan, George, 1845–1924) 12, 52–58, 64, 65, 67–70, 81, 88, 122, 437–439
- Кеннан Кошут (Kennan, Kossuth, “Kent”) 432
- Кеннеди Джозеф (Kennedy, Joseph P.) 280, 285
- Кеннеди Джон Ф. (Kennedy, John F.) 361, 363, 374–376, 378
- Кеннеди Дэвид (Kennedy, David M.) 326

- Керенский А.Ф. 97, 112, 113, 119–122, 126, 159, 191, 260
- Керженцев П.М. 70
- Керти М. (Curti, Merle) 341
- Кимболл У. (Kimball, Warren F.) 306, 313, 315
- Киреев А.А. 81, 92
- Киреевский И.В. 78
- Киров С.М. 179, 193, 434
- Киссинджер Г. (Kissinger, Henry A.) 341, 355, 378, 384, 471, 472
- Клей Л. (Clay, Lucius DuBignon) 464
- Клемансо Ж. (Clemenceau, Georges) 262, 264, 283, 309
- Клинтон У.Дж. (Clinton, William J.) 381
- Клинтон Х. (Clinton, Hillary) 384
- Клюев Н.Г. 429
- Ключевский В.И. 24, 25, 35, 42, 44, 472
- Кокс И. (Cox I.) 227
- Колби Б. (Colby, Bainbridge) 147, 163, 227, 232, 236, 240, 247, 266
- Колер Ф. (Kohler, Foy) 268
- Колчак А.В. 145, 257, 259
- Коминтерн 180, 181, 412, 467
- Комиссия по атомной энергии ООН (КАЭ) 370, 423
- Комптон К. (Compton, Karl T.) 335
- Кон Г. (Kohn H.) 16
- Конант Дж. (Conant, James B.) 332, 333, 335, 347, 348, 352, 360, 366, 371, 410, 411, 426, 456
- Коновалов А.И. 97
- Конституционно-демократическая партия России (кадеты) 71, 110, 116, 117, 149
- Копелев Л.З. 395
- Корейская война (1950–1953) 349, 360, 362, 366, 371, 372, 459
- Корнилов Л.Г. 121
- Королев С.П. 398
- Короленко В.Г. 77, 80–84, 408
- Котляревский С.А. 125
- Крейги Р. (Craigie, Robert L.) 230
- Крейн Ч. (Crane, Charles R.) 65, 106, 111, 117, 133
- Крестинский Н.Н. 180, 190
- “Крестовый поход во имя свободы” 55
- Крок А. (Krock, Arthur) 203
- Кропоткин П.А. 137
- Круглов А.К. 427
- Карибский кризис (1962) 374, 377, 378, 380, 404
- Куропаткин А.Н. 47, 48
- Курчатов И.В. 297, 298, 300, 399, 405, 411, 424, 427, 429
- Кюстин А. де (Custine, Astolphe de) 15, 268, 274, 437, 445, 469
- Лавров П.Л. 80
- Ламздорф В.Н. 22, 23, 31, 44, 100
- Лангер У. (Langer, William L.) 315
- Ландау Л.Д. 411
- Лансинг Р. (Lansing, Robert) 119, 120, 122, 129, 130, 132–135, 140, 144, 146–148, 151, 159, 227, 232, 236, 250
- Лауе Т. фон (Laye, Theodore H. von) 158, 166
- Ле Каре Дж. 296
- Левитан И.И. 33
- Лейзерсон М. (Laserson, Max M.) 77, 78
- Лемэй К. (LeMay, Curtis) 372
- Ленд-лиз 342, 354, 393, 400, 407, 461
- Ленин В.И. 92–95, 123, 128, 129, 139, 143, 150, 156–158, 161, 162, 164, 166–168, 250, 257, 259, 261, 263, 439
- Леонтьев К.Н. 25–27, 30, 31, 36, 38–40
- Леффлер М. (Leffler, Melvyn P.) 349, 364, 390, 397
- Лига Наций 268, 311, 315, 316, 318, 320, 321
- Лилиенталь Д. (Lilienthal, David) 366
- Линкольн А. (Lincoln, Abraham) 54
- Липпман У. (Lippmann, Walter) 138, 141, 176, 327, 453, 462
- Листиков С.В. 11
- Литвинов М.М. 160, 162, 163, 169, 174, 176–181, 184–195, 204–209, 271, 273, 281, 287, 301, 425, 446
- Ллойд Джордж Д. (Lloyd George, David) 136, 255, 265
- Лобанов-Ростовский А.Б. 37, 43, 44
- Лозовский С.А. 247
- Локкарт Б. (Lockhart, R.H. Bruce) 161
- Лонг Б. (Long, Breckenridge) 289
- Лонгфелло Г. (Longfellow, Henry Wadsworth) 88
- Лорис-Меликов М.Т. 39
- Лоуренс Э. (Laurence, Ernest O.) 366
- Луначарский А.В. 408
- Львов Г.Е. 260
- Львов Н.Н. 90
- Льюис Дж. (Lewis, John L.) 176

- Лэш К. (Lash, Christopher) 269
 Людендорф Э. (Ludendorff, Erich F.W. von) 143
 Лус Г. (Luce, Henry) 290, 326, 327
- Майков А.Н.** 14, 18
 Майлс Б. (Miles, Basil) 133, 134, 140
 Макнейл Н. (MacNeil, Neil) 290
 Майроф Б. (Miroff, Bruce) 378
 Майский И.М. 205, 208, 210
 Макаду У. (McAdoo, William G.) 133
 Макартур Д. (MacArthur, Douglas A.) 367
 Маквейн Дж. 384
 Макгоуван Д. (Macgowan, David B.) 118
 Макиндер Х. (Mackinder, Halford) 256, 285, 290
 Макинтайр М. (McIntyre, Marvin) 318, 320
 Маккарен П. (McCarran, Patrick) 459
 Маккартизм 346, 355, 451, 455, 459, 462
 Маккинли У. (McKinley, William) 88
 Макклеллан Дж. 69
 Маккормик А. (McCormick, Anne) 208
 Маклаков В.А. 35, 255
 Макмиллан М. (Macmillan, Margaret) 254
 Макнамара Р. (McNamara, Robert S.) 378, 464
 Маковицкий Д.П. 35
 Маленков Г.М. 364, 377, 411
 Мамардашвили М. 8
 Манн Т. (Mann, Thomas) 197, 355, 442, 443
 “Манхэттенский проект” 296, 301, 303, 335, 369, 423
 Марат Ж. (Marat, Jean-Paul) 59
 Марк Э. (Mark, Eduard) 174, 273, 289, 295, 343, 344, 350
 Марков Н.Е. 251
 Маркс К. (Marx, Karl) 37
 Мартенс Л.К. 160
 Мартов Ю.О. 262, 263
 Маршалл Дж. (Marshall, George C.) 354, 356, 376, 426, 451
 Масарик Я. (Masaryk, Jan) 226
 Масс-культура 351, 434, 436
 Мастный В. (Mastny, Vojtech) 356
 Маттесон Р. (Matteson, Robert E.) 463
 Махнев В.А. 424
 Мезес С. 138
- Мей А.Н. (May, Alan Nunn) 390, 422
 Мейер А. (Mayer, Arno J.) 442
 Мейерхольд В.Э. 183
 Мек Н.К. фон 97
 Мелвилл Г. (Melville, Herman) 326
 Менделеев Д.И. 25, 28, 31
 Меньшевики 71, 121, 262
 Меньшиков М.О. 95
 Мережковский Д.С. 75, 82, 129
 Мессерсмит Дж. (Messersmith, George) 196, 197, 279
 Местр Жозеф де 473
 Мечников И.И. 29
 Мещерский В.П. 251
 Мид У. (Mead, Walter Russell) 6
 Микела Дж. (Michela, John) 293
 Микоян А.И. 205
 Миллер Д. (Miller, David H.) 138
 Миллер М. (Miller, Merle) 350
 Милнер, лорд (Milner, Lord Alfred) 258
 Милюков П.Н. 25, 26, 41, 46, 59, 60, 71, 72, 90, 98, 99, 105, 106, 110–116, 120, 125, 126, 142, 148, 252
 Милютин Д.А. 39
 Мировая революция 250, 269, 271, 443, 471
 Митирев Г.А. 429
 Михайловский Г.Н. 256
 Мишель Л. (Michel L.) 137
 Модернизация, мотивы и модели 65, 172, 329, 330, 434, 435, 473
 Молотов В.М. 187, 205, 209, 210, 218, 226, 229, 245, 246, 277, 279, 299, 300, 311–313, 315, 317, 321, 333, 361, 390, 402–404, 422, 424, 425, 429
 Монополия США на атомное оружие 341, 358, 359, 414, 464
 Морган У. (Morgan, William) 362
 Моргентау Г. (Morgenthau, Henry) 290
 Мост И. (Most I.) 137
 Мотт Дж. (Mott, John R.) 128
 Моффат Дж.П. (Moffat, J.Pierrepont) 234, 238, 278
 “Мультинациональный блок” 333
 Муравьев М.Н. 44
 Мусоргский М.П. 25
 Муссолини Б. (Mussolini, Benito) 199, 203, 208, 212, 279, 447
 Мэддакс Т. (Maddux, Thomas R.) 196
 Мэхэн А. (Mahan, Alfred Thayer) 99, 129, 266, 284, 285
 Мягков М.Ю. 11

- Нагасаки 296, 335, 336, 351, 355, 358, 367, 390, 400, 401, 404, 410, 415, 417, 418, 420, 430, 471
- Нагибин Ю.М. 400
- Наджафов Д.Г. 11
- Нан С. (Nunn, Sam) 384
- Наполеон I 36, 39
- Наполеон III 35
- Наринский М.М. 11, 170
- Нарочницкая Н.А. 250
- НАТО (Организация североатлантического договора) 354
- Национальная самобытность 99, 438, 439
- Нейман А.Ф. 177–179
- Некрич А.М. 227
- Нелидов А.И. 31
- Нератов А.А. 110
- Нибур Р. (Niebuhr, Reinhold) 327, 328, 335, 436
- Никитин Б.А. 411
- Николай I 435, 469
- Николай II 43, 44, 47, 49, 50, 58, 99, 155, 167, 251, 252, 470
- Николай Николаевич, вел.кн. 257
- Николсон Г. (Nicolson, Harold) 158
- Никсон Р. (Nixon, Richard M.) 375, 378, 381
- Нитце П. (Nitze, Paul) 280, 340, 365
- Ницше Ф. (Nietzsche, Friedrich) 407
- Новая экономическая политика (НЭП) 166
- Новик П. 341
- Нуклеаризм 351, 352, 357
- Новиков Н.И. 78
- “Новое мышление” Горбачева и рейнизм 380
- “Новые рубежи” 376
- “Новый взгляд” 372, 374, 376
- “Новый курс” и внешняя политика США 182, 325, 326, 436
- Норем О. (Norem O.) 231, 232, 243
- Норстэд Л. (Norstad, Lauris) 337
- Нста Колби (1920) 147, 227
- Ноубл Э. (Noble, Edmund) 55
- Ньюдиллеры 173, 174, 330, 331
- Обама Б. (Obama, Barack) 382, 384
- Оболенский И.М. 44
- Обручев Н.Н. 40
- Общество американских друзей русской свободы 55
- Озеров И.Х. 88, 89, 97
- Опарин А.И. 355
- Опережающий удар (preemptive stroke) 373
- Оппенгеймер Р. (Oppenheimer, Robert J.) 331, 332, 348, 352, 360, 371, 379, 392, 461
- Организация Объединенных Наций (ООН) 322, 323, 370, 423–426
- Ортега-и-Гасет Х. (Ortega y Gasset, Hose) 436
- “Осевое пространство” 256, 263–271
- Оуэн Р. (Owen, Robert) 133
- Пазвольский Л. (Pásvolsky, Leo) 310, 321
- Палеолог М. (Paléologue, Maurice) 110, 252, 253
- Папен Ф. фон (Papen, Franz von) 291
- Парижская мирная конференция (1919) 254, 255,
- Парин В.В. 429
- Паркер Э. 232
- Парсонс У. (Parsons, William) 345
- Патерсон Т. (Paterson, Thomas G.) 303
- Паттерсон Р. (Patterson, Robert P.) 339, 347
- Паунд Э. (Pound, Erza) 436
- Певзнер Е.Л. 402
- Первая мировая война (1914–1918) 66, 94, 309, 332, 333, 437, 448, 470
- Первухин М.Г. 403, 424
- Первухина К.М. 403
- Перестройка 435
- Пери У. (Perry, William) 384
- Перкинс Д. (Perkins, Dexter) 460
- Пёрл-Харбор (1941) 352, 442, 449
- Персико Дж. (Persico, Joseph E.) 295
- Петров Е.П. 183
- Печатнов В.О. 11, 170
- “План Баруха” 369, 388, 424
- “План Маршалла” 356, 376, 426
- Планы третьей (ядерной) войны 345, 348, 349, 354, 355, 362, 396, 404, 415, 416
- Плеве В.К. 23, 44, 47
- Плеханов Г.В. 80, 91
- Победоносцев К.П. 24–35
- Погодин М.П. 79
- Погромы и межнациональные конфликты в России 53, 58
- Покровский Н.Н. 110
- Полевой Н.А. 78
- Поливанов А.А. 96

- Полинг Л. (Pauling, Linus) 353
 Политика нейтралитета 271
 Политика разрядки 378
 “Политический реализм” 461–473
 Померанц Г. 395
 Поршнев Б.Ф. 8, 420
 Потанин Г.Н. 144
 Потемкин В.П. 186, 273
 Потсдамская конференция (1945)
 396, 399, 422
 Права человека 66
 Право наций на самоопределение 77,
 151, 152, 164
 Превентивный удар (“первый удар”)
 338, 345, 348, 354, 360, 365, 371,
 373, 455, 462, 464
 Прибалтийский узел 147, 148,
 226–248, 448
 Провиденциализм 55, 56, 456
 Прогрессизм 59
 Протопопов А.Д. 251
 Прохоров Н.И. 97
 Психологическая война 341, 391, 401,
 408, 418–422
 Психопатология масс 351, 352, 387,
 388, 395, 398, 407, 408, 417
 Пуанкаре Р. (Poincaré, Raymond) 252
 Пуришкевич В.М. 98, 251
 Пушкин А.С. 23, 79

 Раби И. (Rabi, Isidor I.) 360, 369
 Рабинович Ю. (Rabinowitch, Eugene)
 351, 456
 Рагглс Дж. (Ruggles, James A.) 157
 Радек К.Б. 263
 Радищев А.Н. 78
 Разрядка международной напряжен-
 ности (детант) 380, 463
 Райс С. 128
 Райт Дж.Б. 121, 138
 Райт Дж.Ф. (Wright, George F.) 62
 Раск Д. (Rusk, Dean) 423
 Расовая дискриминация в США 66, 79
 Рассел Б. (Russell, Bertrand) 256, 346
 Революция 1905 г. в России и амери-
 канское общественное мнение 58,
 62–64, 66
 Революция 1917 г. в России и ее вос-
 приятие в США 31, 102–153, 435,
 471
 Рейган Р. (Reagan, Ronald) 380, 381,
 464
 Рейли С. (Reilly, Sidney) 161

 Религиозные свободы 57, 434, 435, 440
 Религиозный ривайвализм в США 56
 Ремизов А.М. 74
 Реннер Дж. (Renner, George T.) 290
 Республиканская партия США 57,
 357, 372
 Ржешевский О.А. 11
 Риббентроп И. фон (Ribbentrop,
 Joachim von) 211, 229, 246, 279
 Рибер А.Дж. (Rieber, Alfred J.) 13, 166
 Рид К. (Read, Conyers) 341
 “Рижская аксиома” 272, 277, 434
 Робертс Ф. (Roberts, Frank K.) 388,
 389, 417
 Робеспьер М. (Robespierre, Maximilian)
 59
 Робинс Р. (Robins, Raymond) 132, 157,
 210, 225
 Робинсон Дж. (Robinson, Geroid T.)
 389
 Роджерс У.С. 211
 Родзянко М.В. 102, 103, 105, 119
 Родс Р. (Rhodes, Richard) 356, 357, 364,
 380
 Розанов В.В. 5, 21, 46, 258
 Розен Р.П. 101, 251
 Розенберг Д. (Rosenberg, David A.)
 349, 373
 Розенберг Д.А. (Rosenberg, David A.)
 373
 Романов В.В. 11
 Романов Ю.А. 411
 Романовы, династия 106, 136, 435
 Ромер Тадеуш де (Romer, T. de) 283, 284
 Роскин Г.И. 429
 Россия глазами американцев 52–72,
 122–153, 172, 174, 175, 183, 267,
 271–280, 433–446
 Ростоу У. (Rostow, Walt) 464
 Ротштейн А.Ю. 34
 Рощин А.А. 424, 425
 Рубинин Е.В. 178, 190
 Рубинин П.Е. 411
 Рубинов И.М. 86, 87
 Рузвельт Теодор (Roosevelt, Theodore)
 67, 85, 88, 101, 103, 104, 107, 127,
 141, 154, 155, 281, 284, 309, 334, 377
 Рузвельт Франклин Д. (Roosevelt,
 Franklin D.) 169, 171–183, 185, 187,
 189–191, 193–196, 207, 208, 210,
 212, 215, 222–225, 247, 271–277,
 280, 283–296, 300–313, 315–318,
 321, 322, 324, 325, 327, 330,

- 333–336, 338, 344, 355, 363, 372, 396, 423, 433, 436, 440, 444, 452
- Рузвельт Элиот (Roosevelt, Elliott) 306
- Рунасов А.И. 170
- Русофилия 57, 58, 433, 434
- Русофобия 22, 33, 37, 51–53, 55, 61, 70, 100, 101, 235, 355, 470
- Русская православная церковь (РПЦ) 56, 57
- Русско-японская война (1904–1905) 154
- Русско-японские отношения и США 49–51, 99, 100, 154
- Рут Э. (Root, Elihu) 115, 116, 121
- Савинков Б.В. 119
- Сазонов С.Д. 110, 111, 119, 252, 253, 255
- Саймс Д. (Simes, Dmitri) 381
- Самарин Ю.Ф. 24, 33
- Саммерс М. (Summers, Maddin) 118, 140
- Сахаров А.Д. 297–299, 346, 404, 411
- Свердлов Я.М. 145
- Свитцер А. (Sweetser, Arthur) 315–317, 321, 322
- “Свободная Россия” 55, 57
- “Сдерживания” доктрина 452–454, 457, 459, 462, 465
- Севостьянов Г.Н. 11, 170
- Селтер К. 234
- Семенов Н.Н. 395, 411
- Сесил, лорд (Cecil, Lord Robert) 258
- Сеченов И.М. 28
- “Сибирь и каторга” (Дж. Кеннан) 53
- Сидс У. (Seeds, William) 205–207
- Симонов К.М. 197, 229, 468
- Синдром “осажденной крепости” 159, 162, 164, 406, 407, 468
- Сипягин Д.С. 44
- Сиссон Э. (Sisson, Edgar) 150
- Система Тейлора 92
- Скадлер Дж. (Scudler J.W.) 65
- Сквирский Б.Е. 178, 195
- Скобельцын Д.В. 425, 426
- Славский Е.П. 427
- Славянофильство 37, 439, 468
- Случ С.З. 170
- Сметанин К.А. 187
- Смирнов Ю.Н. 297, 298, 411
- Смит Дж. (Smith, Gerard) 464
- Советская доктрина мирного сосуществования 165
- Советский атомный проект (САП) 397–403, 423, 424, 425–427
- Советско-германский пакт 1939 г. и США 210–226, 235, 246, 448
- Советско-финская война (1939–1940) 239, 448
- Советско-югославский конфликт и США 462
- Соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ I, 1972) 380
- Соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ II, 1979) 380
- Соглашение Рузвельт–Литвинов (1933) 169, 446
- Соколов В.В. 11, 170
- Сокращение ядерных вооружений 380
- Сол Н. (Saul, Norman E.) 160
- Солженицын А.И. 109, 406, 409, 410, 461
- Сорокин П.А. 7, 250
- Сосуществование 165
- Социализм как мировой проект в диалоге с традиционной дипломатией 154–168
- “Союз 17 октября” 71
- Спаатс К. (Spraatz, Karl) 337, 339, 345
- Спарго Дж. (Spargo, John) 266, 267
- Спикмен Н. (Spykman, Nicholas John) 290
- Сталин И.В. 8, 129, 166, 173, 183, 192, 199, 202, 204, 224, 226, 229, 236–239, 246, 266, 270, 271, 276, 281, 287, 288, 291, 292, 295, 296, 298, 302, 303, 313, 315, 322, 338, 341, 344, 353, 356, 360, 362, 387, 390, 393–395, 397–400, 402, 404, 405, 407–409, 411–414, 419, 420, 422–425, 427, 429, 435, 439, 440, 448–451, 455, 461, 462, 467
- Станиславский К.С. 75
- Степун Ф.А. 260, 261
- Стеффенс Л. (Steffens, Lincoln) 132
- Стимсон Г. (Stimson, Henry L.) 172, 301, 303, 335, 336, 344, 351, 358, 363, 366, 395, 423
- Столыпин П.А. 32, 65, 105, 469
- Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) 380, 381
- Страус-Хюпе Р. (Strausz-Hupe, Robert) 290

- Страхов Н.Н. 17, 23
 Струве П.Б. 107–111, 250, 254
 Стыкалин А.С. 11
 Сульцбергер С. (Sulzberger, Cyrus L.) 460
 Суоп Г. (Swope, Gerard) 278
 Суриц Я.З. 402
 Сциллард Л. (Szillard, Leo) 300, 334, 353, 358, 360, 404
- Такер Р. (Tacker, Robert C.) 164
 Тамм И.Е. 369, 411, 416
 Тан Н.А. (В.Г. Богораз) 77, 82
 Татищев С.С. 46
 Твен Марк (Twain, Mark) 83
 Тверской П.А. 84–87, 94
 Тегеранская конференция (1943) 300, 322
 Тейлор Ф. (Taylor, Frederick) 92
 Теллер Э. (Teller, Edward) 299, 334, 348
 Терещенко М.И. 114, 120, 126
 Термоядерное оружие 348, 370, 371, 376, 377, 456
 Терстон У. 246
 Технологический фактор и геополитика 329, 330
 Тимофеев-Ресовский Н.В. 402
 Токвиль де А. (Tocqueville, Alexis de) 437
 Толстой Д.А. 23
 Толстой Л.Н. 28, 35, 59, 81, 88, 406, 433, 435
 Томас Н. (Thomas, Norman) 176
 Томпсон Л. (Thompson, Llewellyn) 268
 Томпсон У. (Thompson, William R.) 63, 132, 133
 Торо Г. (Thoreau, Henry) 8
 Тоталитаризм 272
 Трахтенберг М. (Trachtenberg, Marc) 374
 Троцкий Л.Д. 124, 129, 139, 142, 144, 156, 157, 160, 161, 250, 257, 261
 Трояновский А.А. 169, 171, 174–177, 179, 181, 184, 185, 188, 191–195
 Грубецкой Е.Н. 125
 Грубецкой Н.С. 261
 Грубецкой С.Н. 90
 Трумэн Г. (Truman, Harry S.) 324, 336, 339, 340, 344, 350, 351, 354–357, 359, 360, 363, 365–373, 377, 381, 386, 387, 389, 390–393, 399–401, 403, 404, 413, 418, 422, 425, 426, 458, 462
- Тургенев И.С. 51
 Турецкий кризис (1946) 343, 344, 467
 Тыркова (Вильямс) А.В. 113
 Тэлбот С. (Talbot, Strobe) 280
 Тютчев Ф.И. 17, 36
- Уайт Д. (White, Donald W.) 326
 Уест Н. (West, Nigel) 389
 Уилки У. (Willkie, Wendell) 173, 279
 Уиншип Н. (Winship, North) 118
 Уитмен У. (Whitman, Walt) 88
 Ульдрик Т. (Uldricks Teddy J.) 164
 Уманский К.А. 174, 184, 185, 187, 188, 190, 195, 210, 211, 225, 226, 244, 245, 247, 273, 277, 279, 281, 282, 333
 Уоллес Г. (Wallace, Henry A.) 295, 419, 426
 Уорнер Ч. 83
 Устрялов Н.В. 264, 265
 Уткин А.И. 11
 Уэллес С. (Welles, Sumner) 225, 226, 244, 247, 278, 279, 301, 310
 Уэллс Г. (Wells, Herbert G.) 271, 353
- Фарбман М. 140
 Февр Л. (Febvre, Lucien) 171
 Федотов Г.П. 24, 25, 29, 35, 407
 Фейс Г. (Feis, Herbert) 228, 306, 313, 315, 420
 Фейхтвангер Л. (Feuchtwanger, Lion) 173
 Фелдманис И. 246
 Фернау Г. (Fernaу, Hermann) 154, 157
 Филипп У. (Phillips, William) 130, 146
 Филипов А.М. 11
 Филорет, старец 256
 Финк К. (Fink, Carole) 165
 Фиск Дж. (Fiske, John) 99, 107
 Флеров Г.Н. 298
 Фоглесонг Д. (Foglesong, David S.) 55, 130
 Фокс Ф.Ф. 97
 Форрестол Дж. (Forrestol, James V.) 280, 330, 354
 Фош Ф. (Foch, Ferdinand) 283
 Франк С.А. 76
 Франклин Б. (Franklin, Benjamin) 79
 Франко Ф. (Franko, Francisco) 215
 Франкфуртер Ф. (Frankfurter, Felix) 285
 Фрейд З. (Freud, Sigmund) 153
 Фрумкин А.Н. 395
 Фрэнсис Д. (Francis, David R.) 117, 120, 121, 132, 133, 137, 159

- Фукс К. (Fuchs, Klaus) 296, 361
 Фултоновская речь У. Черчилля (1946) 391, 412–414, 422, 452
 Фурсенко А.А. 11, 170
- Хаас Р. (Haass, Richard) 472
 Хадсон Р. (Hudson, Robert C.) 202, 203
 Хантингтон С. (Huntington, Samuel P.) 173
 Харбат Ф. (Harbutt, Fraser) 306
 Харитон Ю.Б. 411
 Харпер Дж. (Harper, John L.) 272, 366, 441
 Харпер С. (Harper, Samuel N.) 117, 198, 210, 211, 213, 223, 225, 226, 244, 288
 Хауз Э. (House, Edward M.) 130, 131, 133, 135, 137, 138, 141, 145, 148, 250, 258
 Хаусхофер К. (Houshofer, Karl) 264, 269
 Хельсинкский заключительный акт (1975) 378, 380, 382
 Херси Дж. 353
 Хершберг Дж. (Hershberg, James G.) 332, 425
 Хиксон У. (Hixson, Walter L.) 441–443, 451
 Хиллинкотер Р. (Hillenkoetter, Roscoe) 361
 Хиросима 296, 302, 335, 336, 346, 350–352, 355, 358, 367, 387, 388, 390, 399–401, 404, 410, 411, 414–418, 420, 430, 471
 Хлевнюк О.В. 170
 Холокост 381
 Холлоуэй Д. (Holloway, David) 398, 399, 415
 Хорнбек С. (Hornbeck, Stanley) 285
 Хоу Дж. (Howe, James) 55
 Хрущев Н.С. 364, 377, 378
 Хьюз Г. 187
 Хэлл К. (Hull, Cordell) 175, 182, 187, 194, 211, 234, 236, 242–244, 273–275, 278, 310, 321, 322
- Центральное разведывательное управление (ЦРУ) 343, 361, 362
 Церетели И.Г. 121
- Чадвик Дж. (Chadwick, James) 388, 389
 Чемберлен Н. (Chamberlain, Neville) 180, 202, 205, 206, 209, 210, 212, 217, 218, 220–222, 230, 279, 280, 287, 447
 Чемберлин У. (Chamberlin, William H.) 176
 Чернов В.М. 261
 Черчилль У. (Churchill, Winston S.) 188, 194, 226, 227, 242, 248, 283, 292, 294, 300–302, 307, 308, 311, 313, 315, 318, 319, 322, 349, 350, 363, 391, 395, 412–414, 422, 452, 464, 467, 468
 “Четырнадцать пунктов” В. Вильсона (1918) 134, 135, 258, 326
 Честертон Г. (Chesterton, Gilbert) 419
 Чехов А.П. 433, 435, 436, 460
 Чичерин Г.В. 160–164, 167, 168, 440
 Чкалов В.П. 273
 Чубарьян А.О. 11
- Шанин Т. (Shanin, Theodore) 34
 Шацилло В.К. 11
 Шепардсон Д. 400
 Шервин М. (Sherwin, Martin J.) 301, 420
 Шерри М. (Sherry, Michael S.) 329, 331, 343
 Шилов А.Е. 411
 Шингарев А.И. 102
 Ширер У. (Shirer, William L.) 279
 Шишкин Н.П. 37
 Шлезингер-мл. А.М. (Schlesinger, Arthur M., Jr.) 341, 467
 Шостакович Д.Д. 183, 355
 Шпенглер О. (Spengler, Oswald) 436
 Штейн А.Н. 263
 Штейнгардт Л. (Steinhardt, Laurence A.) 196, 236, 238, 239, 245, 291, 333
 Штюмер Б.В. 111
 Шуйлер М. 66
 Шульгин В.В. 257, 405
 Шульц Дж. (Shultz, George) 384
- Щапов А.П. 41
 Щелкин К.М. 411
- Эдвардс У.С. 58, 59
 Эйдельман Н.Я. 35
 Эйзенхауэр Д. (Eisenhower, Dwight D.) 345, 349, 365, 366, 372–375, 377, 386
 Эйзенштейн С.М. 183
 Эйнштейн А. (Einstein, Albert) 300, 334, 353, 358, 360, 395

Эйхельбергер К. (Eichelberger, Clark) 318
Элиот Дж. (Eliot, George) 290
Элиот Т. (Eliot T.S.) 436
Эмерсон Р. (Emerson, Ralph Waldo) 88
Эмиграция в США 60, 61
Энгельс Ф. (Engels, Friedrich) 37
Эренбург И.Г. 402
Эрл Дж. (Earle, George Howard) 291

Южаков С.Н. 73

Ядерный паритет 379
Ядерный этос 299, 346, 347, 352, 353, 410, 411
Ялтинские соглашения (1945) 303, 342, 357, 396
Ялтинско-Потсдамская система 357, 378, 382, 457, 463, 467

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Глава I</i>	
ПЕРЕХОД К ИНДУСТРИАЛИЗМУ: ОТ “СЕРДЕЧНОГО СОГЛАСИЯ” К КОНФРОНТАЦИОННОСТИ	
“Такой истории не знала Европа”	12
Русский казус.....	52
Гамбургский счет.....	72
<i>Глава II</i>	
ВУДРО ВИЛЬСОН И НОВАЯ РОССИЯ	
Вильсон: “Славное событие в России, изменившее ход вещей...”	102
Америка и большевистская коммуна.....	122
<i>Глава III</i>	
НОВЫЙ КУРС ИЛИ СТАРЫЙ КУРС? ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В РЕАЛИЯХ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОН- СКОЙ СИСТЕМЫ	
Письмо немцу Фернау	154
О преемственности и традициях	163
<i>Глава IV</i>	
РАНДЕВУ ДВУХ ДИПЛОМАТИЙ. ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ И ПРЕДВОЕННЫЙ КРИЗИС 30-х годов	
Соглашение Рузвельт–Литвинов в действии: трудности перевода	169
Канун войны. В статусе нейтральных держав	197
Возвращение Бейнбриджа Колби	225
<i>Глава V</i>	
У ИСТОКОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	
Чужой среди своих.....	249
Осевое время и осевое пространство	263
Уильям Буллит: “Осел, морковка и дубина”.....	271

“Японская карта”	280
“Остановить Москву”	286

Глава VI

“ЧЕТЫРЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ”, ИЛИ КАК СОХРАНИТЬ МИР ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Черчилль: “Очень и очень сложное, запутанное и из всех дел менее всего привлекательное”	304
Рузвельт: “Вам ничего не удастся достигнуть, идя по этому пути”	315

Глава VII

ЭПОХА ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ. ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ США

“Новый курс” – мировая религия	325
Готовясь к следующей войне	335
Безальтернативный выбор?	350
Два цвета времени	368

Глава VIII

ЭПОХА ОРУЖИЯ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОВЕТСКОЙ АТОМНОЙ ДИПЛОМАТИИ (1945–1949)

Точка невозврата	385
Самоподдерживающаяся цепная реакция	405

Глава IX

НЕИЗВЕСТНЫЙ КЕННАН. К ВОПРОСУ О МОРФОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ ДИПЛОМАТА

Фамильный контекст	431
Политический реалист против истерии	450

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	466
-------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	474
---------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ	482
------------------------	-----

Научное издание

Мальков Виктор Леонидович

**Россия
и США
в XX веке**

*Очерки истории
межгосударственных отношений
и дипломатии
в социокультурном контексте*

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.А. Зуева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Т.А. Печко*

Подписано к печати 08.12.2008
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 31,0. Усл.кр.-отт. 31,5. Уч.-изд.л. 35,5
Тираж 625 экз. (РФФИ – 400 экз.). Тип. зак. 3859

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

V. L. Malkov

Russia and the United States in the 20th Century

Victor Malkov's "Russia and the United States in the 20th Century" analyzes the full sweep of modern U.S. – Russian relations. But what distinguishes this study is author's willingness to look beyond the standard – all too rarely interrogated – narrative frame. Instead of responding primarily to national political interests and governmental policy the American-Russian relationship reflected the profound impact of human factor and distinctive cultural traditions on all facets of foreign policy and diplomacy. The book is a part of the new and expanding literature on national identities and their relationship to foreign policy. It not only provides useful insight into the past and current state of U.S. – Russian relations but also makes a powerful case why the deeper cross-cultural approach could lead to more realistic view on the future of two superpowers' interaction in the world politics. "Russia and the United States in the 20th Century" draws on extensive research. The notes and bibliography constitute a valuable resource in their own right.

ISBN 978-5-02-036742-5

9 785020 367425

NAUKA